

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

КОСТРОМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

КОСТРОМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

**СЕМЕЙНОЕ, ЖЕНСКОЕ,
ПОВСЕДНЕВНОЕ
В ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ
ИЗМЕРЕНИИ**

*Материалы XVI Международной научной конференции
Российской ассоциации исследователей женской истории
и Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

5–8 октября 2023 г., Кострома

В двух частях

Часть 1

Москва
2023

УДК 396
ББК 60+63
С 30

Костромской
государственный
университет

Рецензенты

д-р ист. наук, проф. О.Д. Попова, д-р ист. наук, проф. М.А. Текуева

*Подготовлено при поддержке Министерства науки
и высшего образования Российской Федерации
(№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328)*

Публикуется по решению Ученого совета Института этнологии
и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

С 30 Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении. Материалы XVI Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Кострома, 5–8 окт. 2023 г. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева; сост. А.И. Громова, А.В. Жидченко: в 2 ч. М.: ИЭА РАН, 2023. Ч. 1. 442 с.

ISBN 978-5-4211-0311-0

Издание содержит материалы XVI конференции РАИЖИ, объединяющей специалистов из разных городов страны, и Центра гендерных исследований ИЭА РАН. Осмысление феномена женского вклада в отечественную историю и культуру, обсуждение особенностей женской профессиональной и домашней, семейной повседневности в прошлом и настоящем – задачи очередной научной встречи, в 2023 г. проходящей в Костроме. Представленные доклады охватывают методологические проблемы изучения женской истории и антропологии повседневности, историографию и источниковедение проблемы, своеобразия подходов и методов «повседневноведов». В них читатель найдет междисциплинарные обзоры исследований историков, этнологов, антропологов, социологов, лингвистов, политологов, фольклористов, демографов, социальных работников, деятелей культуры.

УДК 396
ББК 60+63

ISBN 978-5-4211-0311-0

© ИЭА РАН, 2023
© КГУ, 2023
© Коллектив авторов, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пушкарева Н.Л.</i> Семейное, женское, повседневное как проблема исторической антропологии	12
--	----

РАЗДЕЛ 1

ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ, ИСТОРИИ ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ. ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ЖЕНЩИН

<i>Белова А.В.</i> Мифологема «четырёх возрастов жизни» в контексте женской повседневности в этнологии и антропологии	15
<i>Заглодина Т.А.</i> Произведения художественной литературы как исторический источник изучения повседневных практик учениц системы государственных трудовых резервов	19
<i>Винокурова М.Б.</i> История исследования вопроса о домашнем насилии в отношении женщин в России	22
<i>Сидорова Г.П.</i> Герменевтика в работе с художественными текстами в изучении гендерных аспектов советской повседневности	25
<i>Найденова Л.П.</i> «Женская история» в исследованиях Л.Е. Морозовой: источники и подходы	28
<i>Ли Илэй.</i> Женская история в трудах китайских ученых второй половины XX в.	32
<i>Любичанковский С.В.</i> «Женская энциклопедия» Натальи Львовны Пушкаревой: роль Н.Л. Пушкаревой в развитии современной отечественной традиции изучения женской повседневности	37

РАЗДЕЛ 2

СОВРЕМЕННЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ И ЛАКУНЫ В ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ЖЕНЩИН

<i>Зайцева Т.И.</i> Женские и семейные истории европейского двора XV–XVII вв. в новейших исследованиях отечественных медиевистов	43
<i>Пирогова Е.П.</i> Неравные браки и разводы в истории рода дворян Демидовых	46
<i>Мальчикова С.П.</i> Постигая Японию: викторианские путешественницы в Стране восходящего солнца	49
<i>Карандашев Г.В.</i> Аболиционисты и регламентаторы: исследователи конца XIX – начала XX в. о проституции в России	52

<i>Чумакова Т.В.</i> Гендерные аспекты миссионерской деятельности в Российской империи XIX – начала XX в.	55
<i>Попенкова А.А.</i> Рождение <i>obstetrics studies</i> в российском историографическом поле 1960–1980-х годов	57
<i>Павельева Ю.Е.</i> Историография «женского мира» в творчестве А.И. Солженицына	61
<i>Хабекирова Х.А., Дышекова М.Р.</i> Из жизни черкешенок Карачаево-Черкесии в 1990-х – начале 2000-х годов	64
<i>Самоделова Е.А.</i> Исследовательские достижения и лакуны в изучении комплексов русской женской народной одежды	67

РАЗДЕЛ 3

НОВЫЕ ТЕОРИИ, ПОДХОДЫ И КОНЦЕПТЫ В ДИСЦИПЛИНАХ, СОПРЕДЕЛЬНЫХ АНТРОПОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПОЛОВ

<i>Перельман И.В.</i> Эстетика перформативности как стратегия исследования женского портрета в русской живописи второй половины XIX – начала XX в.	71
<i>Нефедова Л.А., Зубенко Я.В.</i> История становления феминной идентичности на примере русскоязычных литературных произведений	73
<i>Здравомыслова Е.А.</i> Интерсекциональность: метафора или инструмент анализа?	78
<i>Копытова Е.А.</i> Женский взгляд на патриархальные проблемы в пьесах Л.В. Гарелиной	81
<i>Швецова А.В.</i> Объяснительный потенциал концепта «нематеринские практики матерей» для изучения женской истории	84
<i>Матущенко В.В.</i> Барьеры в творческом развитии у девочек, возникающие под влиянием факторов окружающей среды	87
<i>Петрушихина Е.Б.</i> Концепция эмоционального труда и гендерное неравенство в современных организациях	90
<i>Резникова М.С.</i> Антиженщина. Профессиональные установки женщин	93
<i>Светлакова Е.С.</i> Предпосылки травли в женских профессиональных коллективах и способы ее преодоления	97
<i>Тучина О.Р., Аполлонов И.А., Посметюха Л.А.</i> Социальные представления о городской культуре: гендерный аспект (на материале исследования жителей Краснодара)	101

Благов И.А. Историческая андрология: переосмысление мужественности и пути ее развития в современных реалиях 104

РАЗДЕЛ 4

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОВ И ПОДХОДОВ В РАБОТЕ С ЭМПИРИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛОМ ПО ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ И АНТРОПОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Шпак Г.В. Натурфилософские сочинения Маргарет Кавендиш в свете новейшей историографии 110

Козлов С.А. Русская пленница Великой Северной войны: военная антропология повседневности и изучение эпистолярий женщины петровского времени 113

Смурова О.В. Метрические книги и ревизские сказки как источник изучения семейной жизни сельского населения (на материалах Костромского и Чухломского уездов Костромской губернии) 116

Трифонова С.А. Дневники представительниц московской аристократии первой трети XIX в. как источник для создания женского «автопортрета» 119

Савчук А.А. Источники изучения положения женщин на каторге и в ссылке в дореволюционный период (1850-е годы – 1917 г.) 122

Коваль К.С. Переписка О.Л. Книппер – М.П. Чеховой как источник по истории женской повседневности конца XIX – начала XX в 125

Сафонов Д.А. Женщины «периода революционного перелома»: опыт источниковедческого анализа личных источников 127

Рожков А.Ю. Интимная переписка супругов как источник для изучения истории эмоций в раннем СССР (1920–1930-е годы) 131

Самарина Т.Н. Учебники танцев как источник изучения гендерных аспектов художественной самодеятельности в СССР 134

Калачёва И.И. Образ белорусской семьи в представлениях старших и младших поколений: анализ эмпирических материалов 137

Крылова Н.Л. Соотечественницы в Африке. Повседневность на страницах автодокументалистики 140

Лепехина Г.И. Образ королевы Елизаветы II в документальных фильмах 144

Солодников В.В., Солодникова И.В. Биографическое интервью как метод изучения гендерных особенностей во взрослости 147

Шалыгина Н.В., Добрецова Н.Н. Междисциплинарные методы изучения повседневности сельских женщин в современном Кыргызстане 151

РАЗДЕЛ 5 ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ И ФАМИЛИСТИКА НА СЛУЖБЕ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ

5.1. Основные направления и темы в изучении институтов семьи и брака в России и СССР

Гончарова Е.В. Институт семьи и брака в системе провинциального общества Северо-Запада России второй половины XVIII – начала XIX в. 155

Ким Ю.В. «Мама, не проявляя к тебе особой ласки, пишет тебе очень дружелюбно»: семья и женщина в предсвадебных письмах графа В.А. Мусина-Пушкина 158

Соловьева Л.Т. «Умыкание» невесты: женщины как жертвы и как инициаторы сохранения обычая (по кавказским архивным материалам XIX в.) 162

Снежкова И.А., Бродская К.Ю. Повседневность женщины-казачки с детства до старости в историко-антропологическом измерении 165

Кривошеева Ю.А. Женская неспособность к брачному сожитию в разводных делах Ярославской духовной консистории второй половины XIX – начала XX в. 168

Бурдуцкая Е.В. Отношение родителей к смерти детей (на материалах оренбургского городского социума второй половины XIX – начала XX в.) 171

Ванюшина О.В. Расторжение брака по причине безвестного отсутствия супруга в конце XIX – начале XX в. (по материалам Тверской духовной консистории) 174

Кончаковская Н.Б. Проблемы материнства среди уральских горожанок в фокусе материнской и детской смертности (конец XIX – начало XX в.) 178

Петров Н.В. Женщины в социальной структуре городского населения Курской губернии первой половины 1920-х годов 181

Крадецкая С.В. «Женщина должна иметь право выбирать». Вокруг закона о запрете абортс 1936 г. 184

Ермаков А.М. Концепт естественного предназначения женщин в идеологии германского нацизма 187

<i>Хисамутдинова Р.Р.</i> Женщина – хранительница семейного очага в селе в годы Великой Отечественной войны	190
<i>Араловец Н.А.</i> Добрачное поведение горожан России в 1980-е годы: историко-демографическое изучение	193

5.2. Постсоветский период, 1990–2020-е годы

<i>Вершубская Г.Г., Козлов А.И.</i> Репродуктивное поведение женщин малого города и села в 1987–2020 гг.: ситуация в Коми-Пермяцком округе Пермского края	196
<i>Кананьянова Р.М.</i> От эмансипации мусульманки XX в. до семейных ценностей XXI в. (памяти академика Б.П. Пальвановой)	198
<i>Уварова Т.Б.</i> Историко-демографические изменения по материалам семейной автоэтнографии четырех поколений	203
<i>Чэнь Сюэцзяо.</i> Китайская семья: преемственность традиций в межпоколенческой коммуникации	205
<i>Макаренцева А.О.</i> Семья и материнство женщин-христианок старообрядческого вероисповедания: материалы глубинных интервью	209
<i>Шевченко И.О.</i> Как менялись теоретические и эмпирические представления о роли отца в зарубежных исследованиях	212
<i>Ковалевская Е.В.</i> Семья и брак в жизни российских женщин	215
<i>Русанова Н.Е.</i> Женщины в суррогатном материнстве и чайлдфри	218
<i>Субботина И.А.</i> Брачные и репродуктивные установки русской провинциальной и столичной молодежи	221
<i>Фот А.Г.</i> Побег из дома как способ решения внутрисемейных конфликтов	225
<i>Лыткина М.А.</i> Проблемы (бизнес-)развода	228

РАЗДЕЛ 6

ЖЕНСКОЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ АКТИВИСТОК ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ. ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОГО ЛИДЕРСТВА

<i>Агеева О.Г.</i> Женщины петербургского придворного общества и жизнь иностранного дипломатического корпуса в России XVIII в.	233
<i>Титкова Э.М.</i> Частное и публичное в повседневности княгини К.Т. Бельджойозо как участницы Рисорджименто	235
<i>Петухова М.Г.</i> Трудный путь к профессиональному признанию русских женщин-врачей во второй половине XIX в. (по воспоминаниям А.Н. Паевской)	239

<i>Черникова Н.В.</i> За спиной реформатора: княгиня Е.А. Черкасская и подготовка крестьянской реформы 1861 г.	242
<i>Романишина В.Н.</i> Повседневность участниц революционного движения на рубеже XIX–XX вв.	245
<i>Матханова Н.П.</i> «Попутчицы» женского движения: случай А.М. Арцимович	248
<i>Хайлова Н.Б.</i> Юлия Степановна Еремеева– женщина-агроном в начале XX в.	251
<i>Vasilyev P.A., Starkova A.M.</i> A Liberal Feminist in an Early Soviet Working-Class Neighborhood: Medical Policing, Expertise, and Gender across the 1917 Revolutionary Divide	254
<i>Шестова Т.Ю.</i> Врач, секретарь и жена (к биографии Р.М. Плехановой)	257
<i>Паршина В.Н.</i> Призраки революционной эпохи: «женский» взгляд на подавление крестьянских восстаний (на примере пензенской поездки Е. Бош)	260
<i>Кискидосова Т.А.</i> Воспоминания революционерки П.И. Гедымин-Тюдешевой как источник по истории революционной борьбы в Восточной Сибири в начале XX в.	263
<i>Зарецкая О.В.</i> Проблемы женского движения в России начала XX в. на примере деятельности А.М. Коллонтай	266
<i>Алексеев Д.Ю.</i> Женщина в лагере контрреволюции: судьба Н.П. Щетининой	269
<i>Казарова Н.А.</i> Воспоминания И.К. Франчески (гендерные особенности восприятия революционной повседневности)	272
<i>Лебедева Л.В.</i> Политическая активность крестьянок 1920-х годов	275
<i>Чеботарева А.В.</i> Вовлечение женщин в управленческую деятельность в 1920-е годы (на примере Донбасса)	278
<i>Графова М.А.</i> «Красная учительница» или «горбатый чёрт»: трагическая судьба сельской учительницы-активистки в эпоху коллективизации	281
<i>Ходнев А.С.</i> Повседневность женщин в Лиге Наций (1920–1930-е годы)	284
<i>Наволоцкая Д.И.</i> Повседневность стахановцев 1930-х годов на примере образа Е. Виноградовой в советской прессе	287

<i>Шаповалова В.О.</i> Женщины Вильнюсского гетто в антифашистском сопротивлении 1941–1944 гг.	290
<i>Кербиков М.Д.</i> Женщины на политической работе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Елизавета Янсон	294
<i>Тарасенкова Т.И.</i> Е.И. Уралова – реконструкция биографии советского руководителя	298
<i>Ярмолич Ф.К.</i> Свободное время советской женщины в 1960-е годы	301
<i>Коляскина Е.А.</i> Между обществом и советской властью: повседневность сельского агитатора 1960-х годов (на примере Алтайского края)	304
<i>Попкова Л.Н.</i> «Говорить своим голосом»: изучая повседневный опыт афроамериканских активисток женского движения 1960–1970-х годов	309
<i>Никифоров Ю.С.</i> Зоя Павловна Пухова: от ивановской ткачихи до главы Комитета советских женщин	311
<i>Щеглова Т.К.</i> С.Ф. Бондарева и ее деятельность в контексте развития общественно-политического студенческого движения по воспитанию культуры памяти и гражданственности в советское время	313
<i>Белоногов Ю.Г.</i> Советские женщины у власти: гендерный аспект регулирования состава первых лиц городов и районов Пермской (Молотовской) области в 1941–1991 гг.	317
<i>Штылева М.В.</i> Досуг и отдых активисток женского движения Мурманской области (1990-е годы)	320
<i>Мухина З.З., Мухин Р.Р.</i> Женщина в руководстве высшим образованием в России	324
<i>Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С.</i> Сингальские женщины во власти и на домашнем фоне	327
<i>Птицына Н.А.</i> «Если за что-то взялся, делай это хорошо»: анализ интервью женщин-ученых, имеющих опыт работы в органах государственной власти	330
<i>Юшкина Н.А.</i> Женщины в публичной власти	336
<i>Ризниченко Г.Ю., Винокурова Н.А.</i> Женщины-лидеры МОО «Женщины в науке и образовании». Семья и общественная деятельность	340
<i>Анайбан З.В.</i> Повседневность активисток женских движений Хакасии и их участие в общественно-политической жизни республики	343
<i>Мутиева О.С.</i> Активистки в аспекте женской повседневности (на примере Дагестана)	348

- Желтикова И.В.* Образ женщины-феминистки в коллективном сознании российского социума (на примере анекдотов) 351
- Якушкина Е.И.* Трансформация деятельности женских организаций в России в условиях пандемии (на примере Воронежского региона) 354

РАЗДЕЛ 7

ПОВСЕДНЕВНОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

7.1 Повседневность российских, советских и постсоветских классов, социальных групп и стран

- Сазонова Т.В.* Документы Горицкого монастыря как источники по истории женского монашества в XVII в. 357
- Жиброва Т.В.* Вдовы юга России (по материалам Азовской приказной палаты конца XVII – начала XVIII в.) 359
- Ерохина О.В.* Положение женщины в немецких колониях Санкт-Петербургской губернии в XIX в. 363
- Русскова Д.Е.* Конструирование «идеальной читательницы»: проблема нормативного женского чтения в Российской империи (1860–1890-е годы) 364
- Мищенко Т.А.* Матери – воспитательницы сыновей (по материалам дневников и писем в семье кн. Долгоруковых в сер. XIX – нач. XX в.) 367
- Кобозева З.М.* «Девки, солдатки, вдовы, модистки»: роли женщины в городской провинциальной среде во второй половине XIX – начале XX в. (на примере городов Среднего Поволжья) 371
- Воробьев А.А.* Повседневная жизнь проституток и борьба милиции Могилевского региона с проституцией в 1920-е годы 374
- Бибикова В.В.* Быт и социальное положение тунгусских женщин в 20–30-е годы XX в. на енисейском Севере 376
- Котовская М.Г., Швец Э.Г.* Образы «новой женщины» по материалам журнала «Работница» 1920-х годов 386
- Сенина Е.В.* Образ русской женщины в китайской литературе 1920–1940-х годов 389
- Морозова О.М.* Образцовый рабочий поселок в степи и «символические связи» эпохи Интербеллум 394
- Жидченко А.В.* «Сибирские ленинградки»: повседневная жизнь ангарчанок в 1950–1960-е годы 397

<i>Пядухова Д.Д.</i> Гендерные отношения в частной сфере на раннем этапе нефтегазового освоения Западной Сибири (1960–1970-е годы)	400
<i>Рыбак В.М.</i> Ранняя профессиональная социализация учениц и выпускниц физико-математических школ в позднем Советском Союзе	403
<i>Сергеева Е.В.</i> Трудовые будни чувашской женщины	406

7.2. Повседневноведческие аспекты женской истории Востока и Запада, диаспор и миграций

<i>Кикнадзе Д.Г.</i> Социальный институт кормилиц в Японии X–XII вв.: от успешной придворной карьеры до образа бодхисатвы	409
<i>Рябкова Е.С.</i> Повседневность жен немецких предпринимателей в России на рубеже XIX–XX вв. (по материалам судебных заседаний)	412
<i>Баум Е.А.</i> Мария Бакунина: жизнь вне России	415
<i>Горбатенко Я.В.</i> Исторический опыт участия женщин в научной деятельности медицинских вузов Ленинграда и в эмиграции в Париже в 1920–1930-е годы	418
<i>Рудковская М.М.</i> Женский труд в эмиграции: профессиональная интеграция русских эмигранток во Франции в контексте семейной истории (1920–1930-е годы)	421
<i>Фернандес А.П.</i> Испанские учительницы в школах для испанских детей: проблемы межкультурного общения в рамках советской образовательной системы (1938–1940 гг.)	424
<i>Шендерюк М.Г.</i> Образ советской женщины в журнале «Иллюстрированная Россия»	429
<i>Лопатина Е.Б.</i> Жены польских летчиков в Пакистане: профессиональная деятельность и повседневность	431
<i>Масоликова Н.Ю.</i> О женском, семейном, материнском в условиях эмиграции и новых жизненных перспектив (на примере российских эмигранток-интеллектуалок первой волны)	433
<i>Сорокина Е.А.</i> Некоторые повседневные стратегии жизни женщин-иммигранток в современной Швеции	436
<i>Тетеревлева Т.П.</i> «Русские жены» в Норвегии рубежа XX–XXI вв.: специфика репрезентации в норвежских масс-медиа и исследованиях	440

СЕМЕЙНОЕ, ЖЕНСКОЕ, ПОВСЕДНЕВНОЕ КАК ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Вот уже более полувека исторические науки развиваются в особом соединении с антропологией – наукой о человечестве и его культурах. Само значение культуры со времен постмодернистского поворота 1960–1970-х годов стало толковаться по-новому, в куда более расширенном смысле, а главное процессуально – как символическое, непрерывное, кумулятивное и прогрессивное движение наращивания, накопления достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни. Интерес к тому, как совокупности способов поведения, явлений и действий, множества предметов разных эпох и разной степени мастерства в их производстве, констелляции идей и убеждений, знаний и символов, а главное – чувств и представлений о предметах и их ценности, равно как о значимости межличностных и межгрупповых отношений, «работали» в прошлом, привел к расцвету *исторической антропологии* (этот термин впервые прозвучал на русском языке полвека назад в статье А.Я. Гуревича [2, с. 40], он трактовал историческую антропологию как «науку о человеке в истории»).

«Антропологический поворот» в исторических науках проявил себя в переходе от изучения знаменательных личностей, переломных событий в мировой истории, интерпретации поведения огромных социальных слоёв и пластов, классов и социальных страт, от категориального уровня понятий – непосредственно к Человеку минувших эпох, его внутреннему миру, соответствующему обыденному поведению изо дня в день в кругу родных и близких людей и вещей. Так родилось направление *истории повседневности*, в центре внимания которого человеческая обыденность, тривиальность уклада и образа жизни, но не в обычном этнографическом прочтении. Историка повседневности – «повседневноведа» – волнует не просто быт, но жизненные проблемы и их осмысление теми, кто их переживал, – иногда это известный герой истории, правитель, дипломат, а иногда и даже чаще всего – совсем «не герой», обычный «маленький» человек, оставшийся (очень часто или даже как правило) безымянным. Но именно эти безымянные «маленькие» люди и были акторами исторического процесса, составляли большинство его участников, и именно их обыденные общественные практики определяли изменчивость и преемственность в нашем общем прошлом.

Возникновение *истории повседневности* поставило перед исследователями новые задачи: не просто описывать общие социальные процессы, не только искать их типологию (к чему призывала, в частности,

государственная российская историография, а именно на нее опирается и все советское историописание!), но пытаться осмыслить взаимосвязи между общественными структурами и отдельными «неважными и негероическими» людьми, обычными акторами прошлого, между властью и обыденными практиками субъектов и объектов истории, значимых и безвестных личностей [4].

Задумывая встречу в 2023 г. в Костроме, Организационный комитет XVI Международной конференции РАИЖИ размышлял о необходимости подчеркнуть междисциплинарность исторической антропологии и ее тесный союз с женской историей, их общую готовность использовать методы и приемы работы с эмпирическим материалом. Речь о приемлемости и дружественности женской и гендерной истории, гендерной антропологии пола со множеством наук, включая историографию и этнониковедение, литературоведение и этнографию, историю ментальностей и интеллектуальную историю, историю политических движений в ее «приземленном», повседневноведческом, бытовом аспекте, а также микроисторию и социальную антропологию, историю экономики (особенно в аспекте «невидимости» для традиционной экономической науки домашнего труда) и историческую психологию, изучение народной религиозности и проблемы сохранения религиозных убеждений в обыденном обиходе.

За долгий (в несколько десятилетий!) период существования женской истории в российском историописании, изучения социальной антропологии пола и семейной, домашней повседневности исследователи показали, как многочисленны приемы и методы работы с эмпирическим материалом в нашей области исторического знания, как она по-хорошему «всеядна». Подавшие свои материалы и тезисы на нынешнюю конференцию пользуются не только традиционными историческими подходами, но и приемами семиотики (трактовки символического в культуре, его – вслед за Ю. Лотманом – толкования), дискурсивного анализа (расшифровки, толкования способов «говорения» автора источника), делают попытки инсайдинга (виртуального помещения себя внутрь изучаемого явления, даже если оно случилось давным-давно), доказывают релевантность требования сторонников гендерного подхода в исторических исследованиях придавать большее значение женским текстам как текстам ключевых информаторов.

Приемы и методы социологии воображения позволили многим исследователям выявить глубинные взаимосвязи современных социальных процессов с их историческими предшественниками, показать наличие как общего этих процессов и явлений в различных социальных группах, так и их отличия, детерминированные не только национально-культурной, геополитической или социально-экономической

спецификой развития, но и несовпадениями прочтения людьми важнейших элементов социокультурного кода [3]. Традиционные историко-социологические подходы – приоритет социальности, социального детерминизма, системности – также близки членам Российской ассоциации исследователей женской истории, часто строящих свои концепции с учетом теории социального пространства и социального поля (сформулированной французским культурологом П. Бурдьё). Важными для повседневноведа и историка женщин были и остаются приемы гуманистической психологии, в которой неоднократно подчеркивалась недооценка познавательной значимости изучения нестандартного поведения отдельных людей, «за которой на практике может скрываться культурная уникальность времени» [1, с. 10], а в связи с признанием этого – использование кейс-метода. Если этнограф воссоздает быт, то историк повседневности анализирует эмоциональные реакции, переживания женщин и мужчин в связи с тем, что их повседневно окружает, анализирует их быт, вникая в их житейские проблемы [3, с. 312] и виртуально, в воображении, размещаясь в их жизненном пространстве.

Сблизившись с культурной антропологией, которая изучает поведение человека и анализирует результаты его деятельности, современное изучение семейного, повседневного, мужского и женского остается полем встреч с новыми источниками, новым эмпирическим материалом, характеризующим прошлое и настоящее, дает необходимый импульс умению понимать чужого как *другого*. В этом и состоит теоретическая ценность тех обобщений, которые могут быть сделаны на основании собранного участниками конференции материала.

Наталья Пушкарева,
доктор исторических наук, профессор,
председательница РАИЖИ

Список литературы

1. *Бессмертный Ю.Л.* Что за «Казус»? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1997. Вып. 1. С. 7–24.
2. *Гуревич А.Я.* Этнология и история в современной французской медиевистике // Советская этнография. 1984. № 5. С. 36–47.
3. *Пушкарева Н.Л.* Гендерная история // Алексеев В.В., Крадин Н.Н., Коротаев А.В. (ред.) Теория и методология истории: учебник для вузов. М.: Учитель, 2014. С. 287–312.
4. *Пушкарева Н.Л.* История повседневностей // Там же. С. 312–335.

РАЗДЕЛ 1
ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ, ИСТОРИИ
ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ. ИСТОРИОГРАФИЯ
ИСТОРИИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ЖЕНЩИН

А.В. Белова

*Тверь, Тверской государственный университет;
Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

**Мифологема «четырёх возрастов жизни» в контексте женской
повседневности в этнологии и антропологии**

Антропология женской дворянской повседневности – одно из новых направлений в отечественной исторической и этнологической науке [2], наряду с антропологией женской автобиографической памяти [3]. До 2010-х годов антропологический ракурс женского бытия не подлежал изучению на примере дворянской культуры, которую не рассматривали как традиционную [4, с. 78]. Под антропологическими аспектами имеются в виду обусловленные возрастной классификацией специфические переживания, сопряженные с трансформацией собственной телесности и эмоциональности в периоды «детства» девочек, «взросления» девушек, «зрелости» женщин репродуктивного возраста, «старения» пожилых женщин. Отождествление личностью себя с возрастными изменениями и ограничениями является одним из имманентных качеств традиционного общества.

Нерешенными в отечественной историографии оставались вопросы о том, что представлял собой жизненный цикл дворянок, в чем заключались содержание и особенности прохождения ими разных возрастных этапов, какие обычаи, традиции, обряды могли быть с этим связаны. Из сферы историко-этнологического изучения был исключен ряд важных проблем, а именно то, как сами дворянки осознали, воспринимали и переживали различные антропологические состояния и основные «вехи» своей жизни, в какой мере категория «возраста» и сопряженные с ней нормы поведения, стереотипы и реальные опыты проживания, осмысления и чувствования структурировали их жизненный континуум, их «миры повседневности».

Исследование разнообразных аспектов повседневной жизни российских дворянок позволяет понять, как «рядовые индивиды» женского пола проживали и переживали изо дня в день наиболее привычные, казалось бы, ничем не примечательные жизненные реалии; каким было самоощущение женщины на разных этапах жизненного цикла. Это

приводит к непосредственному пониманию человека в истории, причем с учетом гендерных и этнических различий, что актуально как для социальной и культурной антропологии русских, в том числе в историческом аспекте, так и для социальной истории России в целом.

Актуальность этнографического изучения «возрастов жизни» (термин Ф. Арьеса) российских дворянок и «пережитой» ими в разных возрастах истории повседневности предопределила историографический «прорыв» последних десятилетий в области истории женщин, связанный с тем, что при видимой патриархальности дворянской культуры определяющую роль в функционировании и воспроизводстве традиционного быта играли жизненные практики и ежедневные опыты женщин [4, с. 79].

Мифологема «четыре возраста человека» – одна из наиболее устойчивых в западноевропейской интеллектуальной традиции [5, с. 11]. На протяжении веков она подлежала как вербальной [11], так и визуальной [1, с. 90–97] рефлексии. Помимо выделения четырех возрастов человека (детство, молодость, зрелость, старость), соотносимых с временами года, существовала и «древнейшая тройная схема», восходящая, по мнению М. Баттистини, к «загадке Эдипа, в которой зашифрованы детство, молодость и старость» [1, с. 94].

Рецепция возрастных градаций и сопряженных с ними устойчивых представлений в российской дворянской культуре происходила, например, через переводы литературных произведений, осуществляемые, в том числе и образованными дворянками. Так, русская поэтесса и переводчица Александра Леонтьевна Магницкая (1784–1846) перевела «Картину четырех возрастов» из широко известных в Европе «Писем об Италии» Ш. Дюпати [6, с. 195]. Каждому возрастному этапу жизненного цикла женщины соответствовал стереотипный образ, включавший в себя визуальную характеристику и ожидаемый род занятий. «Маленькая девочка сидит на полу, играет переважно с куклою, которую она раздевает; подле стоит молодая красавица, приятно смотрится в зеркало и наряжается; близ нее степенно одетая женщина совершенных лет сидит за пальцами, прилежно и не спеша вышивает по холсту; подалее полулежащая в больших креслах против камина старуха с нахмуренным лицом, в очках, с книгою на коленях, кашляет и ворчит. Как не узнать в сем четырех возрастов женщины?» [7] В результате знакомства с данным литературным переводом происходило усвоение возрастной мифологемы на уровне культурного предписания. Причем женщины вынужденно усваивали «мужской» взгляд на себя, приучаясь не только быть объектом оценки мужчин, но и воспроизводить соответствующие их ожиданиям внешность, манеру поведения, виды деятельности.

Сестра Ал.Л. Магницкой, также поэтесса и переводчица Анастасия Леонтьевна Магницкая в своих стихах не обособляла юность от зрелого возраста. По ее версии, «возрасты жизни» – это детство («юных лет прекрасны дни», зрелость («вся жизнь») и «старость» («светлых дней зима») [8].

В середине XIX в. 59-летняя А.П. Керн делила прожитую жизнь на три периода – «детство», «молодость», «зрелый возраст». Наименования женщин в этих возрастах – «дети», «ребенок», «девочка»; «молодые особы»; «женщина» [9].

Опуская, в одном случае, юность, а в другом, – старость и устойчиво фиксируя детство и зрелость, дворянки придавали особое значение именно этим двум возрастам как наиболее стабильным и, возможно, более продолжительное время длящимся. Женским восприятием как бы отторгались переходные возрастные этапы, а именно такими и были, в их глазах, состояния взросления (переход от несамостоятельного ребенка к самостоятельному взрослому) и старения (переход от жизни к смерти). Очевидно, «переходность» юности и старости, их преходящий характер и неполноценность в женской оценке, в отличие от мужской, в которой детство всегда несло на себе печать неполноценности, а старость вызывала патриархатное уважение, становились причиной встречавшегося трехчастного деления жизненного цикла в представлении некоторых дворянок [5, с. 12].

Вместе с тем провинциальная дворянка, мемуаристка Е.А. Сабанева, урожденная Прончищева (1829–1889), «направив свои мысли» в 1886 г. «к воспоминаниям» о прожитой жизни, различала в ней все те же четыре возрастных этапа: «Теперь, когда я вспоминаю для своих записок воспоминания детства, то слежу шаг за шагом за развитием моих чувств, мыслей, симпатий и антипатий, сложившихся у меня под влиянием этих впечатлений моего *детства*. Прошли годы, протекли события. Прошла *юность* с ее волнениями, *зрелый возраст* с его трудами; настала *старость* с ее недугами, тоскою и утратами...» [10, с. 335 (*курсив* мой. – А.Б.)]. Особая репрезентативность данных ею характеристик «четырех возрастов» отражает общую ментальную структуру восприятия возрастных идентичностей в женской российской дворянской среде XVIII – середины XIX в.

Автобиографическая память в середине XX в. структурирует символическое пространство женской повседневности в виде тех же фреймов «возрастов жизни». Социально-политические изменения и технологическая модернизация не затрагивают традиционных поведенческих паттернов, обусловленных социально-антропологическими программами. Проявляя социальный оптимизм в жизнеутверждающем

взгляде на будущее, советские горожанки придерживались в индивидуальной трактовке собственного прошлого традиционной возрастной схемы жизненного сценария, понять предысторию которого можно лишь, обратившись к идентификационным образцам, воспроизводимым русскими дворянками столетиями ранее.

Подготовлено в рамках проекта РНФ «Женская история как основа российского социального оптимизма (нестоличная городская повседневность середины XX века)» (№ 22-28-01428).

Список литературы

1. *Баттистини М.* Символы и аллегории: Визуальные коды понятий в произведениях изобразительного искусства / пер. с итал. М.: Омега, 2007. 384 с.: ил. (Энциклопедия искусства).

2. *Белова А.В.* Антропология женской дворянской повседневности как предметная область историко-этнологических исследований // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / отв. ред. В.А. Тишков, А.В. Головнёв. М.; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. С. 449.

3. *Белова А.В.* Женская автобиографическая память как социальный нарратив // Женское и мужское в традиционной и современной культуре: сохранение, фиксация, понимание. Материалы XIII международной науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН: в 2-х ч. / отв. ред. Н.Л. Пушкарёва, сост. А.И. Громова. М.: ИЭА РАН, 2020. Ч. 1. С. 21–25.

4. *Белова А.В.* Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века как проблема исследования // Женщина в российском обществе. 2004. № 1-2. С. 72–82.

5. *Белова А.В.* Четыре возраста женщины. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2014. 480 с.

6. *Гёпферт Ф., Файнштейн М.* О прозе русских писательниц в 1760–1790-е годы // Мы благодарны любезной сочинительнице...: Проза и переводы русских писательниц конца XVIII века / сост. Ф. Гёпферт и М. Файнштейн. Fichtenwalde: Verlag F.K. Göpfert, 1999. С. 182–196.

7. *Магницкая Ал.Л.* Картина четырех возрастов. Рим. Письмо ХСП // Там же. С. 138–139.

8. *Магницкая Ан.Л.* Спящее дитя // Предстательницы муз: Русские поэтессы XVIII века / сост. Ф. Гёпферт и М. Файнштейн. Wilhelms-horst: Verlag F.K. Göpfert, 1998. С. 53–54.

9. Письмо А.П. Керн к П.В. Анненкову от апреля–мая 1859 г. // Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания о Пушкине / сост., вступ. ст., примеч. А.М. Гордина. М.: Сов. Россия, 1987. С. 146–156.

10. *Сабанеева Е.А.* Воспоминание о былом. 1770–1828 гг. // История жизни благородной женщины / сост., вступ. ст., примеч. В.М. Божковой. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 333–434.

11. *Филипп Новарский.* Четыре возраста человека / пер. со старофранц. С.И. Лучицкой // Антология педагогической мысли христианского Средневековья. М.: Аспект Пресс, 1994. Т. II. С. 142–147.

Т.А. Заглодина

*Екатеринбург, Российский государственный
профессионально-педагогический университет*

Произведения художественной литературы как исторический источник изучения повседневных практик учениц системы государственных трудовых резервов

Предвоенное и военное время задавало не только требования и нормы выполнения плана для фронта и тыла, но и воспитывало поколение с особой ментальностью, черты которого проявлялись в жизни, учебе и на производстве. Значимым событием, положившим начало формированию нового особого класса молодежи, стал Указ Президиума Верховного Совета «О государственных трудовых резервах СССР» от 2 октября 1940 г., согласно которому объявлялся ежегодный призыв юношей 13–16 лет для обучения в ремесленных, железнодорожных училищах и школах фабрично-заводского обучения.

В первый год действия указа, несмотря на четкую регламентацию условий, в связи с преобразованием некоторых ФЗУ доля девушек в учебных заведениях системы государственных трудовых резервов составила более 2%. К концу 1942 г. она уже превышала отметку в 35%, а в 1943 г. – 43% [1]. Таким образом, изначально заданная официальными документами маскулинная учебно-профессиональная сфера с тяжелыми условиями труда трансформировалась в межгендерную. Тем не менее оставались профессии, на которые ввиду особой тяжести набирали только мальчиков.

Официальные документы не всегда дают возможность воссоздать ценности и человеческие качества, воспитанные или заложенные в поколение учащихся государственных трудовых резервов. Поэтому в рамках исследования [4] мы дополнительно обратились к художественным произведениям военных и послевоенных лет, герои которых – учащиеся – рассказывают о своих повседневных делах, учебе, практике в цехах, коллективе, мотивах поступления в училище, о своих учителях и друзьях.

В повести В.И. Пистоленко «Товарищи» рассказано о том, как во время войны девушки осваивали тяжелые мужские профессии [6]. Действие происходит в последние годы войны в городе Чкалов (сейчас – Оренбург), в ремесленном училище, где на литейно-формовочном отделении учится девочка-сирота Оля. Это вызывает удивление у нового куратора группы, который «знал, что девушек не принимали на эти отделения, что работа в литейке считалась тяжелой, мужской».

История Оли типична для того времени: «родители погибли во время блокады. Олю эвакуировали вместе с другими детьми работников завода, на котором ее отец был литейщиком» и поместили в детский дом. Она успешно окончила семилетку и вместе с подругами решила поступать в училище, чтобы освоить рабочую профессию и помогать фронту. Наташа и Надя, Олины подруги, беспрепятственно пошли учиться на токарей, но «Оля хотела стать металлургом... ей осуществить свое желание оказалось нелегко. На металлургическое отделение ее взять отказывались, говоря, что это мужская профессия». Уже при первом описании действий Оли, ее образа мышления, мы видим такие качества, как сознательность, уверенность в своем предназначении и целеустремленность – перед нами пример осознанного выбора профессии зрелым человеком, несмотря на юный возраст в 16 лет.

Кроме выбора «мужской» профессии, которая сама по себе требует выносливости и концентрации, героиня показывает, что не отступит ни перед какими препятствиями на пути к своей мечте. В противовес героям других художественных произведений, которые отступили от своей цели и не стали сталеварами (потому что «группа укомплектована и нужно идти в слесари» [2] или выбрали первую попавшуюся профессию [5]), Оля «пошла в областное управление трудовых резервов» к инструктору, который подтвердил, что «есть распоряжение министерства на металлургические отделения девушек не принимать». Далее мы наблюдаем, как смело и грамотно девушка отстаивает свою мечту. «Товарищ начальник! – сказала Оля, – я думаю, что никто не имеет права запретить мне учиться и работать там, где я хочу... нельзя насильно навязывать человеку специальность и нельзя отказывать, если он твердо выбрал себе профессию. По-моему, нет такого закона. Я учила в семилетке Советскую Конституцию и знаю... я хочу работать в литейном. И, если вы не поможете, я напишу письмо прямо в Москву...в ЦК партии. Я понимаю: сейчас война, у них и так много всяких важных дел, но все равно и мое письмо прочитают и помогут. Потому что я не о глупости какой-нибудь прошу, у меня законная просьба» [6, с. 87]. Настойчивость девушки имела результат и через день ей вручили «записку к директору третьего ремесленного учили-

ща. Так Оля Писаренко стала учиться на отделении формовщиков-литейщиков». Таким образом, мы видим сознательное стремление сделать «правильный» жизненный выбор – овладеть профессией, не снижать «планку», не идти на уступки обстоятельствам, а защищать (аргументировано и культурно) свои права. Конечно, анализируемое произведение является художественным и имеет некоторые преувеличения, тем не менее статистика женщин, освоивших мужские профессии в военные годы, подтверждает такую тенденцию.

На страницах повести мы сталкиваемся с примером положительной девиации – отклонения от официального социального портрета учащегося системы государственных трудовых резервов. Несмотря на несоответствие формальным требованиям профессии литейщика (требованиям к гендерной идентификации), героиня транслировала ценности своих сверстников, которые в них воспитывали: коллектив – это главное, ответственное отношение к учебе и производству, выполнение нормы, помощь тыла фронту, патриотизм и др. Особо отмечается опрятность девушки и отношение к уставной форме: «строгую форму... она всегда разнообразит какой-нибудь мелкой красочной деталью: то цветок воткнет в волосы, то чуть выдвинет из верхнего кармана уголок цветного шелкового платка». Успеваемость Оли тоже была на высоте «по теории успевала хорошо, но не отлично, а в цехе шла в первой пятерке».

Отмечаются и проявления характера девушки, такие как находчивость и острый язык: «Не девчонка, а бритва! Минуты спокойно не посидит, обязательно что-нибудь придумает» [6, с. 85]. Несмотря на это «ребята были горды, что в их группе учится единственная на всем отделении формовщица, ревниво оберегали ее, чтобы никто не обидел, всегда старались услужить и терпеливо сносили ее колкие насмешки. Ее любили за веселый нрав, за острое словцо, за смелость и жизнерадостность».

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 23-28-01065 «Непарадный портрет» Даниила Кузьмича: потенциал обновления системы Государственных трудовых резервов в субкультуре учащихся (1940-1950-е гг.).

Список литературы

1. ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 203, 206, 207
2. Дубов Н.И. Горе одному: Роман в 2-х кн. М.: Дет. лит., 1979. 528 с.
3. Заглодина Т.А. Социальный портрет учащегося системы государственных трудовых резервов в советской художественной литературе // Номо legens в прошлом и настоящем: Сб. материалов IV Международной НПК. 23–25 марта 2023. Екатеринбург: УрГПУ, 2023. С. 55–59.

4. *Ларионова М.Б., Разинков С.Л.* Деятельность библиотек по формированию культурного облика учащихся системы государственных трудовых резервов // Там же. С. 203–207.

5. *Меттер И.М.* Товарищи: Повесть. Л.: Совет. писатель, 1952. 200 с.

6. *Пистоленко В.И.* Товарищи: Повесть. М.: Детгиз, 1956. 339 с.

М.Б. Винокурова

Санкт-Петербург, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Санкт-Петербургская юридическая академия»

История исследования вопроса о домашнем насилии в отношении женщин в России

Долгое время тема домашнего насилия в России не поднималась ни в научных исследованиях, ни в публичных выступлениях политиков и законодателей несмотря на то, что данная проблема существовала и существует в российских семьях.

Впервые о домашнем насилии как о национальной проблеме начали говорить в США, именно оттуда термин «домашнее насилие» пришел в Россию и другие страны. Первооткрывателем в данной области стал американский детский рентгенолог С.Г. Кемп, который в 1962 г. опубликовал в журнале Американской медицинской ассоциации статью, где описал «синдром избиваемого ребенка», зафиксировав преимущественно у детей дошкольного возраста такие травмы, как синяки, ссадины, кровоподтеки, переломы, ушибы головного мозга. Ранее происхождение у детей подобных травм рассматривалось исключительно с медицинской точки зрения. Публикации С.Г. Кемпа вызвали принятие ряда соответствующих законодательных актов во всех штатах, которые устанавливали уголовную ответственность родителей и опекунов за жестокое обращение с детьми. Таким образом, на протяжении более полувека у граждан США сформировалось убеждение, что домашнее насилие не является частной закрытой проблемой отдельной семьи, а требует комплексного решения с участием ответственности [3].

В России история исследования домашнего насилия неразрывно связана с феминистским движением, возникшим в нашей стране в начале XX в. Наиболее яркими его представительницами стали Н.В. Стасова, М.В. Трубникова, А.П. Философова. Благодаря женским общественно-политическим организациям в дореволюционной России начали издаваться такие журналы, как «Союз женщин», «Женское дело», «Женский вестник» [1].

Темы, поднимаемые в русских феминистских журналах того времени, несомненно, стали предпосылками для исследования в обществе такой темы, как домашнее насилие. В журнале «Союз женщин» были определены такие темы публикаций, как отношение церкви к женщинам (отмечалось, что закрепощение женщины учениями церкви XIX–XX вв. идет вразрез с Евангелием); переоценка женских образов в классических произведениях и взгляды русских писателей на женщину; идеалы материнства и семьи в духе равноправности [2].

Одной из первых о домашнем насилии в России стала говорить главный редактор журнала «Женский вестник» М.И. Покровская, которая выпускала журнал в период с 1904 по 1917 г. В первом же номере М.И. Покровская писала: «Пока в руках женщин нет газеты или журнала, которыми они могут руководить самостоятельно и независимо от мужчин, они не могут сказать всего того, что хотели бы сказать относительно самих себя, а тем более относительно мужчин» [2]. В 1914 г. вышла статья М.И. Покровской «Закон и жизнь», где она поднимает тему несправедливости закона, обязывающего жену жить при муже против ее воли. М.И. Покровская приводит в пример случай, произошедший в январе 1914 г. с женой богатого купца Архипова, которая покончила жизнь самоубийством, когда полиция по заявлению Архипова явилась к ней в гостиничный номер, чтобы возвратить ее в дом мужа. М.И. Покровская отмечает, что жизнь этой женщины со своим мужем была для нее хуже смерти [5, с. 130].

С приходом к власти большевиков и утверждением марксистской идеологии как официальной идеологии страны единственным направлением феминизма стал марксистский феминизм, который рассматривал женский вопрос с точки зрения угнетения женщин при капитализме и господстве частной собственности. Яркие представительницы этого направления, такие как Н.К. Крупская, А.М. Коллонтай вопрос домашнего насилия практически не затрагивали [6].

Возвращение к исследованиям в области домашнего насилия произошло только в начале 80-х годов XX в., когда в Ленинграде был организован независимый женский клуб «Мария», а в 1981 г. вышел одноименный феминистский журнал, затрагивающий все аспекты жизни женщины, в том числе поднимавший вопрос домашнего насилия. Значительная часть текстов была посвящена проблемам быта и семьи советских женщин. Создатели этого журнала Ю. Вознесенская, Т. Горичева, Т. Мамонова, Н. Малаховская подверглись гонениям со стороны советских властей. В связи с этим журнал и клуб просуществовали всего два года и были закрыты, однако это означало новую веху в изучении женского вопроса в России.

В современной России впервые о домашнем насилии начали говорить в середине 1990-х годов. Толчком тому стала IV Всемирная конференция ООН о положении женщин, проходившая с 4 по 15 сентября 1995 г. в Пекине. Одним из важнейших аспектов принятой на конференции Пекинской декларации стал вопрос насилия в отношении женщин. Так, по мнению многих ученых-правоведов, именно Пекинская конференция стала толчком для изучения такого феномена, как домашнее насилие. В конце 1990-х годов стали появляться результаты первых исследований данной проблемы [4].

Одними из первых исследователей домашнего насилия в современной России стали С.Г. Айвазова и О.А. Воронина. Являясь одними из создателей гендерной политологии в России, они посвятили множество трудов правам женщин, вопросу гендерного неравенства, в том числе исследовав вопрос домашнего насилия в нашей стране.

Тема домашнего насилия и необходимости борьбы с ним на протяжении двух последних десятилетий широко освещается в средствах массовой информации, научных сообществах, юридических и социологических публикациях. Сегодня о необходимости принятия закона о запрете домашнего насилия и спорном решении законодателя о частичной декриминализации побоев говорят и политики, и праведы, и медийные личности. За последние 15 лет интерес к данной теме значительно возрос. Феномен домашнего насилия изучается социологами, психологами, юристами.

Список литературы

1. *Ельникова Г.А.* Становление и развитие феминизма в России: к истории вопроса // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 2003. № 10. С. 28–32.
2. *Крадецкая С.В.* Женский вестник (1904–1917). Опыт издания феминистского журнала в России // Женщины и СМИ. 2013. № 3. С. 17–20.
3. *Лысова А.В., Щитов Н.Г.* Система реагирования на домашнее насилие: опыт США // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 99–116.
4. *Пащенко А.С.* История зарождения общественных взглядов на вопросы домашнего насилия в России // Закон. 2017. № 3. С. 113–128.
5. *Покровская М.И.* Закон и жизнь // Женский вестник. 1914. № 15. С. 126–145.
6. *Попова И.В.* Опыт исследования проблем семейного насилия // История. Социология. Культурология. Этнография. 2012. № 4. С. 124–135.

Г.П. Сидорова
*Ульяновск, Ульяновский государственный
технический университет*

Герменевтика в работе с художественными текстами в изучении гендерных аспектов советской повседневности

Для изучения женской истории и антропологии повседневности, в работе с *художественными* историческими источниками, по многолетнему опыту автора, весьма продуктивным является применение герменевтического метода. С помощью герменевтики *текст* (все артефакты, в которых закодирована социокультурная информация) интерпретируется так, что смысл не только реконструируется, но и достраивается. Герменевтический метод (в комплексе с историко-типологическим, компаративным и др.) особенно эффективен в изучении текстов *художественных*.

Теоретическим обоснованием выбора *художественных текстов* (литературы, киноискусства) для изучения женской истории и гендерных аспектов повседневности выступают концепции художественных методов познания культуры, а также концепции информационных ресурсов массового искусства (труды М.С. Кагана, Ю.М. Лотмана, Л. Гудкова, Л.М. Мосоловой, А.В. Костиной, Т.Н. Суминовой И.А. Манкевич, Т.С. Злотниковой, Т.И. Ерохиной). По теории Ю.М. Лотмана, текст выполняет функцию коллективной культурной памяти и предстает перед нами как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые. Исходно заложенный в текст смысл в ходе функционирования текста подвергается сложным трансформациям, в результате чего происходит его приращение [1]. Благодаря герменевтике, возможно достраивание или «приращение» текста, путем выявления в любых артефактах – телесности, технических вещах, высказываниях, репликах – тех самых «кодов», смысловых доминант (особенно ценностных мотиваций) конкретной культуры, а также идей и мотивов исторической эпохи. Соблюдается основной источниковедческий принцип: художественный текст рассматривается как источник только в том случае, если он создан современником. Текст изучается в историческом социокультурном контексте.

Так, применение герменевтического метода в работе с художественными текстами выявило гендерные особенности аксиологии труда. Тексты художественной литературы, живописи и киноискусства 1960–1980-х годов, проанализированные в контексте советской политики, ориентированной на гендерное равенство (хотя в зависимости от интересов государства политика несколько раз менялась), показали

латентное гендерное неравенство. Так, в сельскохозяйственном труде мужчина всегда с современной техникой – трактор, комбайн, грузовик, а женщина с традиционными орудиями – лопата, грабли, вилы, корзина, подойник (х/ф «Чужая родня», «Здравствуй и прощай», «Безотцовщина», «Молодая жена»). То есть в тех сферах производства, где сохранялся тяжелый ручной труд, женщин заметно больше, чем мужчин. Как в сельской, так и в городской субкультуре сохранялась и традиционная установка: мужчина – основной добытчик и глава семьи (х/ф «Три тополя на Плющихе», «Печки-лавочки», «Москва слезам не верит»). Если в киноискусстве 1930-х есть женские образы – ударницы и героини труда, чей труд становился фактором успеха у мужчин, то в кино 1970-х таких женских образов нет. Напротив, ударный и творческий труд женщины выступает помехой личной жизни (х/ф «Прошу слова», «Большая перемена», «Ольга Сергеевна», «Москва слезам не верит», «Вам и не снилось...»). Сложились представления о гендерных стандартах достижений в сфере науки: «женский потолок» – кандидатская диссертация (х/ф «Опасный возраст»). Мужчины ценят традиционные достоинства женщин – красоту, доброту, верность, хозяйственность. Домашний труд традиционно оставался обязанностью женщины, при этом работающая женщина несла двойную трудовую нагрузку («Дневной поезд»). В индустриальном обществе мужские обязанности по домашнему хозяйству – финансовое обеспечение, уход за личным автотранспортом (из-за его дефицита и дороговизны эта обязанность не является массовой), мелкий ремонт бытовой техники. Так как эти работы не являются ежедневными, мужчина лишь помогает выполнять женские обязанности. Следствием противоречивости государственной политики по отношению к гендерному равенству стала противоречивость и маргинальность ценности домашнего труда. Художественные образы домохозяйек – жены представителей советской научной и хозяйственной элиты, а также теневиков [3].

Герменевтический метод применялся и для изучения гендерных аспектов материнства и отцовства в советском обществе и культуре 1960–1980-х годов. Реконструкция и достраивание художественных текстов в социокультурном контексте (х/ф «Взрослые дети», «Неделя как неделя», «Мачеха», «Дневной поезд», «Солнечный ветер» и др.) привели к выводам о гендерном неравенстве: при декларации равных обязанностей в воспитании детей заботу о детях, их воспитание традиционно продолжали считать преимущественно женской обязанностью. В модернизированном обществе традиционная ценность и функция материнства/отцовства столкнулась с ценностями образования, профессии и активного профессионально-творческого труда. В любой форме художественного воплощения этого столкновения (ко-

медийной, драматической) показано, что всегда страдает семья – дети, супружеские отношения, отношения с бабушками и дедушками. Из двух супругов больше страдает женщина: она несет двойную нагрузку – профессиональный труд и домашний (х/ф «Дневной поезд»). Достраивание художественного текста показывает, что для ребенка педагогический статус матери-домохозяйки ниже, чем педагогический статус отца-добытчика: так, девочка-подросток постоянно выказывает пренебрежение к матери и цитирует точку зрения отца (х/ф «Три тополя на Плющихе»). В художественных текстах 1970-х появились типичные образы работающих женщин, для которых профессиональная работа – рутина и формальность, а муж и ребенок – абсолютные ценностные приоритеты (Г. Щербакова. «Вам и не снилось...») [2].

В советском модернизированном обществе с декларированным гендерным равенством ответственность за внебрачного ребенка фактически лежала на матери. Герменевтический метод позволил выявить, что в повседневности мать-одиночка имеет мало шансов выйти замуж, так как в сознании обывателя ее социальный статус – низкий, внебрачный ребенок ее «порок» (х/ф «Женщины»). Шаблон обывательской ксенофобии по отношению к «чужому» ребенку прорывается в истеричном восклицании разведенной женщины: «Кому я нужна с ребенком?!» (х/ф «Экипаж»). Тот же художественный текст (х/ф «Экипаж») фиксирует повседневную практику: при равных правах матери и отца в отношении ребенка суд, как правило, принимает решение о проживании несовершеннолетнего ребенка с матерью. Второе замужество, «отягченное» ребенком от первого брака, считается большой удачей: «Хорошего человека встретила! С ребенком берет!» (х/ф «Ночное происшествие»). В доверительном разговоре с матерью-одиночкой обывательница цинично называет внебрачного ребенка «довеском»: «Я тоже в молодости обожглась, да похитрее Вас вывернулась: без довеска осталась» (х/ф «Приезжая»). Достраивание текста приводит к выводу: для советского обывателя ребенок как личность имел низкую ценность.

Изучение гендерных аспектов советской повседневности (особенностей труда, материнства/отцовства и др.) по аутентичным художественным текстам с помощью герменевтики выявило многообразные коды российской культуры, несущие ее смысл, – двойственность и противоречивость. Достраивание текстов показывает, что советская модернизированная культура 1960–1980-х годов, наряду с высочайшими техническими достижениями и утверждением рационализированных поведенческих практик, во многих сферах сохраняла черты традиционной культуры и закрытого общества с характерной гендерной асимметрией.

Список литературы

1. *Лотман Ю.М.* К современному понятию текста // // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Исследования по общему и сопоставительному языкознанию: *Linguistica*. 1986. Вып. 736. С. 104–108.
2. *Сидорова Г.П.* Материнство и отцовство в советской культуре 1960–1980-х: художественные образы и воспоминания // *Культура и искусство*. 2016. № 6 (36). С. 819–825. DOI:10.7256/2222-1956.2016.6.21233
3. *Сидорова Г.П.* Советская хозяйственная повседневность в образах массового искусства 1960–1980-х: гендерные особенности аксиологии труда // *Человек и культура*. 2013. № 5. С. 70–89. DOI: 10.7256/2306-1618.2013.5.9784

Л.П. Найденова

Москва, Институт российской истории РАН

«Женская история» в исследованиях Л.Е. Морозовой: источники и подходы

Людмила Евгеньевна Морозова родилась 3 августа 1947 г. в Москве. В 1970 г. окончила исторический факультет МГУ. Полвека, с 1972 и до кончины в феврале 2023 г., работала в Институте российской истории РАН. Здесь в 1978 г. защитила кандидатскую диссертацию «Вопросы разработки методики применения количественных методов при определении авторства древнерусских публицистических памятников XVI века», а в 2001 г. – докторскую диссертацию «Смутное время начала XVII века в сочинениях русских современников». За свою исследовательскую жизнь написала большое количество статей и свыше двух десятков научных и научно-популярных монографий по истории России X–XVII вв. Кроме того Л.Е. Морозова активно сотрудничала со специалистами по гендерной истории, делала многочисленные доклады на конференциях, с энтузиазмом относилась к взаимодействию с другими учеными. В результате часть книг написана в соавторстве с И.Н. Данилевским, Б.Н. Морозовым, А.В. Демкиным, В.Б. Перхавко.

Выбор темы, сделанный под руководством Л.В. Милова, не был случайным: начинающую исследовательницу интересовали новые подходы к изучению, казалось бы, известных сюжетов и фактов, что выразилось, в частности, в сотрудничестве с А.Т. Фоменко [5]. При всей одиозности фигуры А.Т. Фоменко для историков, сама постановка вопроса математика к историкам в сфере установления достоверности фактов была вполне оправданной. При этом Людмила Евгеньевна

не пренебрегала традиционными методами исторических исследований – археологией, текстологией, палеографией.

Ее суждения о Смуте, высказанные как в докторской диссертации, так и в публикациях, вызвали оживленную дискуссию и в ряде случаев несогласие других специалистов по теме. В то же время в этих работах явно прослеживается исследовательский метод Л.Е. Морозовой: изучение истории через образы ярчайших деятелей эпохи.

Важной страницей в творчестве Л.Е. Морозовой оказалась «женская тема». Безусловно, ею сделан большой вклад в изучение женской истории древнерусского периода. Впервые масштабно результаты изучения проблемы реализовались в монографии «Затворницы. Миф о великих княгинях» [1]. Вероятно, разрушение представлений о термном затворничестве государевых жен и дочерей великокняжеского и царского рода XIV–XVI вв. не было целью исследовательницы, но по мере работы над темой она продемонстрировала активную и значимую роль женщин в рамках бытовых установок того времени. И это при том, что, например, неизвестна жизнь жены Дмитрия Донского Евдокии Дмитриевны, много спорного в свидетельствах о матери Ивана Грозного Елене Глинской, очень поверхностны суждения о «любимой жене» Ивана Грозного Анастасии. Для изучения матримониальной системы особый интерес представляет период правления Ивана Грозного, и Людмила Евгеньевна создает «галерею» образов его жен [2].

Период XV–XVI вв. был ей хорошо знаком по изучению древнерусской литературы того времени; с XVII в. она очень хорошо познакомилась при изучении Смуты, ставшей темой ее докторской диссертации. Поэтому, заинтересовавшись женской историей, она пишет книгу о жизни знатных женщин того периода. Книг по истории женщин этого времени вышло несколько, одна из них – «Царицы и царевны XVII века»[4]. Следует отметить, что Л.Е. Морозова создает образы своих героинь на фоне широкой панорамы важнейших исторических событий. Можно сказать точнее: она стремится осмыслить события через призму гендерной истории; пытается создать максимально полный образ жен; царицы Марии Буйносовой, пытавшейся сохранить память о Василии Шуйском; заботящейся о сохранении династии Евдокии Стрешневой. В книге представлены свидетельства источников о Ксении, жене Лжедмитриев Марины Мнишек, собраны воедино сведения о царевне Софье.

Изучению более раннего периода гендерной истории посвящена монография «Русские княгини X–XIII вв. Женщины и власть»[3]. Скудность источниковой базы потребовала обращения не только к русско-

му летописному и актовому материалу, житийной литературе, археологическим данным, но и европейским сведениям, содержащимся в византийских, польских, скандинавских источниках, таких как «Обзор саг о норвежских конунгах» 1190 г., «Гнилая кожа», составленная около 1220 г., «Красивая кожа» середины XIII в., «Круг земной» Снорри Стурлусона.

Издание большого числа научно-популярных книг по гендерной проблематике является несомненной заслугой Л.Е. Морозовой. «Научпоп» – сложный жанр, требующий сочетания научной строгости и «живости» изложения; редко кому удается такого достичь.

Свою цель исследовательница видела прежде всего в том, чтобы изучить роль женщины в русской политической, культурной, семейной истории через создание антологии женских образов. Нельзя не заметить, что ее героини – представительницы высших слоев общества, а потому их роль в общественной, культурной, политической жизни особенно заметна и нашла наибольшее отражение в источниках. В то же время свидетельств о деятельности даже этих женщин крайне, катастрофически мало, что потребовало от исследовательницы не только обращения к широкому кругу самых разнообразных свидетельств (до Синодиков включительно), но и бережного внимания к любым упоминаниям ее героинь и стремлению использовать максимально рассказы о них, иногда с пренебрежением к критическому анализу их достоверности и сравнительному анализу. Так, например, автор не всегда учитывала, что житийные образы идеализированы и едва ли стоит целиком полагаться на них. Создание такой обширной галереи, на протяжении, как минимум, семи веков не могло не привести к тому, что какие-то очевидные факты ускользают от взора. Скажем, характеризуя активную роль княгини Ольги, не упоминается о том, что, став регентшей при малолетнем сыне, княгиня передала ему реальную власть по достижению Святославом 18–20-летнего возраста, что явно противоречит представлениям того времени о совершеннолетию. Следует отметить, что женщины-правительницы зачастую не отличались «кротостью нравов» и в борьбе за власть использовали жестокие методы: княгиня Ольга расправилась не только с князем Малом, но и рядовыми древлянами; Елена Глинская казнила ходатаев-псковичей, отправила в темницу своего дядю Михаила Глинского; Софья руководила воинственными действиями стрельцов.

Хотелось бы подчеркнуть, что общее состояние источниковой базы по данной теме таково, что исследователю иногда трудно не пытаться превозмогать скудные показания источников. Нельзя сказать, что ро-

лю женщин в русской истории до этого исследователи не интересовались, но именно Людмила Евгеньевна обратила внимание на тех персон, которых до нее ученые обходили вниманием, чем значительно расширила галерею женских образов, пополнив представление о значении женщин (матерей, дочерей, сестер, жен, а главное – вдов) в историческом процессе. Именно статус женщины в сочетании с отношениями в семье оказывается главным при определении возможностей ее влияния на жизнедеятельность семьи и государства. Желание исследовательницы показать значимость героинь иногда приводит ее к переоценке результативности и масштабности женских усилий. Стремление к изображению «внутреннего мира» и эмоциональной стороны семейных отношений дает иногда странные результаты. Так, например, утверждается, что у Ярослава Владимировича «был плохой характер». (Хотелось бы знать, что такое «плохой характер»?) Говоря о системе отношений, важно было бы упомянуть, что «Мудрым» он стал с легкой руки историографов XIX в.

В результате прочтения книг Л.Е. Морозовой читатель может сделать вывод, что русские знатные женщины были и мудрыми правительницами, и созидательницами храмов, и талантливыми книжницами, и любящими воспитательницами подрастающего поколения, и верными помощницами и спутницами своих мужей. Наблюдение, конечно, верное, но слишком общее. Реальная жизнь намного сложнее.

Решение грандиозной задачи – описать древнерусскую историю через историю женщин, начатое Людмилой Евгеньевной, безусловно, вызывает огромное уважение и ждет продолжателей.

Список литературы

1. *Морозова Л.Е.* Затворницы. Миф о великих княгинях. М.: Аст-Пресс, 2002.
2. *Морозова Л.Е., Морозов Б.Н.* Иван Грозный и его жены. М.: Дрофа-Плюс, 2005.
3. *Морозова Л.Е.* Русские княгини X–XIII вв. Женщины и власть. М.: Аст-Пресс, 2004.
4. *Морозова Л.Е., Демкин А.В.* Царицы и царевны XVII века. М.: Аст-Пресс, 2004.
5. *Фоменко А.Т., Морозова Л.Е.* Некоторые вопросы статистической обработки источников с погодным изложением // Математика в изучении средневековых повествовательных источников. М.: Наука, 1986. С. 107–129.

Ли Илэй

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН;*

Ланьчжоу (КНР), Ланьчжоуский транспортный университет

**Женская история в трудах китайских ученых
второй половины XX в.**

В обстановке современного постмодернистского переворота значимость и необходимость определения каждого направления в науках о прошлом приобретает особую значимость. В статье предпринята попытка аналитического обзора достижений в исследовании «женской темы» в современных исторических науках материкового Китая за полвека (1949–1999).

Цели работы. Во-первых, изучение накопленных знаний, касающихся «второго пола» (долгое время считавшегося неглавным); во-вторых, введение в научный оборот ранее неизвестных источников или ранее упускаемых аспектов и сюжетов, связанных с правовым, семейным, общественным положением китайок; в-третьих, выявление предпосылок и причин возникновения нового направления в науках о прошлом (женской истории Китая и антропологии гендера); в-четвертых, изучение основных этапов развития научного направления с целью определения его значимости для современной китайской и мировой науки.

Результаты. Доказано, что значимая IV Всемирная конференция о положении женщин 1995 г., прошедшая в Пекине, стала разделительной чертой в истории складывания нового научного направления. Именно после 1995 г. в КНР были развернуты исследовательские работы в разных городах и университетах, сформировались научные школы, выделились их лидеры.

Выводы. Возникновение нового направления в китайских науках о прошлом было неизбежно, поскольку было predeterminedено сменой познавательных ориентаций. Направление женской истории, объединив тех, кто был готов соединять марксистскую методологию (с ее упором на особо пристальное изучение социально-экономических проблем) с гендерной концепцией (которая позволила поставить темы, ранее китайскими историками не изучавшиеся) оказалось реальным вкладом в историю китайской исторической мысли.

Библиография

1. *Chen Dongyuan Zhongguo funü shenghuoshi.* 陈东原. 中国妇女生活史 [Чэнь Дунъюань. История жизни женщин в Китае]. Beijing 北京: Shangwu yinshuguan 商务印书馆, 1937. 439 p.

2. *Chen Guyuan*. Zhongguo gudai hunyinshi. 陈顾远. 中国古代婚姻史 [Чэнь Гуюань. История брака в древнем Китае]. Beijing 北京: Shangwu yinshuguan 商务印书馆, 1925. 148 p.

3. *Deng Xiaonan*. Dunhuang tulufan yanjiu. 邓小南. 敦煌吐鲁番研究 [Дэн Сяонань. Исследование Дуньхуана и Турфана]. Beijing 北京: Beijing daxue chubanshe 北京大学出版社, 1999. 637 p.

4. *Deng Yan*. Shitan “nanwai nünei” yu “nangong nüsi” duiying de yuanyi – jianlun liangqichao he guomoruo de xingbie lilun de yingxiang. 邓焱. 试探“男/外·女/内”与“男/公·女/私”对应的源起 – 兼论梁启超和郭沫若的性别理论的影响 [Дэн Янь. Изучение происхождения соответствия «мужчина/внешнее – женщина/внутреннее» и «мужчина/общественное – женщина/частное»: о влиянии гендерных теорий Лян Цичао и Го Можо] // Suzhou keji xueyuan xuebao (shehui kexueban) 苏州科技学院学报 (社会科学版). 2014. No. 1. 96 p.

5. *Ding Yizhuang*. Manzu de funü shenghuo yu hunyin zhidu yanjiu 定宜庄. 满族的妇女生活与婚姻制度研究 [Дин Ичжуан. Исследование жизни и системы брака маньчжурских женщин]. Beijing 北京: Beijing daxue chubanshe 北京大学出版社, 1999. 384 p.

6. *Dong Jiazun*. Zhongguo shoujihun zhishi de yanjiu 董家遵. 中国收继婚之史的研究 [Дун Цзяцзунь. Исследование истории левирата в Китае]. Guangzhou 广州: Lingnan daxue xinan shehui jingji yanjiusuo 岭南大学西南社会经济研究所, 1950. 106 p.

7. *Du Fangqin*. Dengji zhongde hehe: xizhou lizhi yu xingbie zhidu 杜芳琴. 等级中的合和: 西周礼制与性别制度 [Ду Фанцинь. Гармония в иерархии: ритуал и гендерные системы в Западном Чжоу] // Zhejiang xuekan 浙江学刊. 2002. No. 4. P. 205–210.

8. *Du Fangqin*. Funü yanjiu de lishi yujing: fuquanzhi, xiandaixing yu xingbie guanxi 杜芳琴. 妇女研究的历史语境: 父权制、现代性与性别关系 [Ду Фанцинь. Исторический контекст женских исследований: патриархат, современность и гендерные отношения] // Zhejiang xuekan 浙江学刊. 2001. No. 1. P. 106–111.

9. *Du Fangqin*. Funüshi yu shehui xingbie de qishi 杜芳琴. 妇女史与社会性别的启示 [Ду Фанцинь. Вдохновение женской истории гендера] // Shixue lilun yanjiu 史学理论研究 [Исследования по исторической теории]. 2004. No. 3. P. 5–19.

10. *Du Fangqin*. Huaxiazu xingbie zhidu de xingcheng jiqi tedian 杜芳琴. 华夏族性别制度的形成及其特点 [Ду Фанцинь. Формирование и

особенности гендерной системы народности хуая] // Zhejiang xuekan 浙江学刊. 1998. No. 3. P. 47–52.

11. *Du Fangqin*. Lishi yanjiu de xingbie weidu yu shijiao – jiantan funüshi, shehui xingbieshi yu jingji shehuishi de guanxi 杜芳琴. 历史研究的性别维度与视角 – 兼谈妇女史、社会性别史与经济-社会史的关系 [Ду Фанцинъ. Гендерные измерения и перспективы в исторических исследованиях: взаимосвязь между историей женщин, гендерной историей и экономической и социальной историей] // Shanxi shida xuebao (shehui kexueban) 山西师大学报 (社会科学版). 2003. No. 4. P. 111–118.

12. *Du Fangqin*. Nüxing guannian de yanbian 杜芳琴. 女性观念的衍变 [Ду Фанцинъ. Эволюция женских представлений]. Zhengzhou 郑州: Henan renmin chubanshe 河南人民出版社, 1988. 391 p.

13. *Du Fangqin*. Zhongguo funü xingbieshi yanjiu liushinian shuping: lilun yufangfa 杜芳琴. 中国妇女/性别史研究六十年述评: 理论与方法 [Ду Фанцинъ. Шестидесятилетний обзор китайских женщин / гендерной истории: теория и методы] // Zhonghua nüzi xueyuan xuebao 中华女子学院学报. 2009. No. 5. 13 p.

14. *Du Fangqin, Wangzheng*. Zhongguo lishi zhongde funü yu xingbie 杜芳琴, 王政. 中国历史中的妇女与性别 [Ду Фанцинъ, Ван Чжэнь. Женщины и гендер в истории Китая]. Tianjin 天津: Tianjin renmin chubanshe 天津人民出版社, 2004. 311 p.

15. *Engendering China: Women, Culture, and the State* / ed. by C.K. Gilmartin, G. Hershatter, L. Rofel, T. White. Harvard: Harvard University Press, 1994. 470 p.

16. *Gao Hongxing*. Chanzushi 高洪兴. 缠足史 [Гао Хунсин. История бинтования ног]. Shanghai 上海: Shanghai wenyi chubanshe 上海文艺出版社, 1995. 198 p.

17. *Gao Shiyu*. Fazhan yu kunhuo – xinshiqi zhongguo dalu de funüshi yanjiu 高世瑜. 发展与困惑 – 新时期中国大陆的妇女史研究 [Гао Шюй. Развитие и путаница: исследования женской истории в материковом Китае в новую эпоху] // Shixue lilun yanjiu 史学理论研究. 2004. No. 3. P. 97–107.

18. *Gaoshiyu*. Tangdai funü 高世瑜. 唐代妇女 [Гао Шюй. Женщины династии Тан]. Xi'an 西安: Sanqin chubanshe 三秦出版社, 1988. 176 p.

19. *He Xiaoxia, Shi Jinghuan*. Jiaohui xuexiao yu zhongguo jiaoyu jindaihua 何晓夏, 史静寰. 教会学校与中国教育近代化 [Хэ Сяоя, Ши Цзинхуань. Церковные школы и модернизация китайского образования]. Guangzhou 广州: Guangdong jiaoyu chubanshe 广东教育出版社, 1996. 370 p.

20. *Hershatte Gail, Wang Zheng. Zhongguo lishi: shehui xingbie fenxi de yige youyong fanchou* 王政. 中国历史: 社会性别分析的一个有用的范畴 [Хершаттер Гейл, Ван Чжэн. Китайская история: полезная категория для гендерного анализа] // *Shehui kexue* 社会科学. 2008. No. 12. P. 148–153.

21. *Hu Wenkai. Lidai funü zhuzuokao* 胡文楷. 历代妇女著作考 [Ху Вэнькай. Исследование женских сочинений в прошлых династиях]. Beijing 北京: Shangwu yinshuguan 商务印书馆, 1957. 1115 p.

22. *Huang Yufu. Jingju qiao he zhongguo de xingbie guanxi (1902–1937)* 京剧·跷和中国的性别关系 [Хуан Юйфу. Пекинская опера – хо-дули и гендерные отношения в Китае]. Beijing 北京: Shenghuo dushu xinzhi sanlian shudian 生活·读书·新知三联书店, 1998. 211 p.

23. *Li Bozhong. “Nangeng nüzhì” yu “funü banbiantian” jueise de xingcheng – Mingqing jiangnan nongjia funü laodong wenti tantao zhi'er* 李伯重. “男耕女织”与“妇女半边天”角色的形成 – 明清江南农家妇女劳动问题探讨之二 [Ли Бочжун. Формирование ролей «мужчины пахут, женщины ткут» и «женщины как половина неба»: второе обсуждение женского труда в Цзяннан и в династии Мин и Цин] // *Zhongguo jingjishi yanjiu* 中国经济史研究. 1997. No. 3. P. 10–22.

24. *Li Bozhong. Cong “fufu bingzuo” dao “nangeng nüzhì” – Mingqing jiangnan nongjia funü laodong wenti tantao zhiyi* 李伯重. 从“夫妇并作”到“男耕女织” – 明清江南农家妇女劳动问题探讨之 [Ли Бочжун. От «муж и жена работают вместе» к «мужчины пахут, а женщины ткут»: первое обсуждение женского труда в Цзяннан и во время династий Мин и Цин] // *Zhongguo jingjishi yanjiu* 中国经济史研究. 1996. No. 3. P. 99–107.

25. *Liu Wenming. “Xin funüshi” zai zhongguo dalu de xingqi* “刘文明. 新妇女史”在中国大陆的兴起 [Лю Вэньмин. Возникновение «новой женской истории» в материковом Китае] // *Shixue lilun yanjiu* 史学理论研究. 2003. No. 1. P. 79–87.

26. *Lü Simian. Zhongguo hunyin zhidu xiaoshi* 吕思勉. 中国婚姻制度小史 [Люй Симянь. Краткая история китайской брачной системы]. Shanghai 上海: Zhongshan shuju 中山书局, 1929. 100 p.

27. *Ma Qi. Hunyin he jiating zai lishishang de yanbian* 马起. 婚姻和家庭在历史上的演变 [Ма Ци. Эволюция брака и семьи в истории] // *Dongbei renmin daxue xuebao* 东北人民大学学报, 1956. No. 6. P. 93–107.

28. *Tao Yongbai, Li shi. Shiluo de lishi: zhongguo nüxing huihuashi* 陶咏白, 李滢. 失落的历史: 中国女性绘画史 [Тao Юнбай, Ли Ши. Потер-

рянная история: история китайской женской живописи). Changsha 长沙 : Hunan meishu chubanshe 湖南美术出版社, 1999. 262 p.

29. *Wang Shunu*. *Zhongguo changjishi* 王书奴. *中国娼妓史* [*Ван Шуну*. *История китайской проституции*]. Shanghai 上海: Shenghuo shudian 生活书店, 1934. 358 p.

30. *Yang Liwen*. *Chuangzao pingdeng: zhongguo xibei nütong jiaoyu koushushi* 杨立文. *创造平等: 中国西北女童教育口述史* [*Ян Ливэнь*. *Создание равенства: устная история образования девочек на северо-западе Китая*]. Beijing 北京: Minzu chubanshe 民族出版社, 1995. 423 p.

31. *Zhang Xiao*. *Xijiang miaozu funü koushushi yanjiu* 张晓. *西江苗族妇女口述史研究* [*Чжан Сяо*. *Исследование устной истории женщин народности Мяо в Сицзяне*]. Guiyang 贵阳: Guizhou renmin chubanshe 贵州人民出版社, 1997. 261 p.

32. *Zhao Fengjie*. *Zhongguo funü zai falü shangzhi diwei* 赵凤喈. *中国妇女在法律上之地位* [*Чжао Фэнцзе*. *Правовой статус женщин в Китае*]. Beijing 北京: Shangwu yinshuguan 商务印书馆, 1928. 152 p.

33. *Zheng Huisheng*. *Shanggu huaxia funü yu hunyin* 郑慧生. *上古华夏妇女与婚姻* [*Чжэн Хуэйшэн*. *Женщины и брак в Древнем Китае*] Zhengzhou 郑州: Henan renmin chubanshe 河南人民出版社, 1988. 251 p.

34. *Zhongguo funü guanli ganbu xueyuan* 中国妇女管理干部学院. *Zhongguo funü yundong wenxian ziliao huibian* 中国妇女运动文献资料汇编 (1949–1983) [Сборник документов по китайскому женскому движению (1949–1983)]. Beijing 北京: Zhongguo funü chubanshe 中国妇女出版社, 1988. 1342 p.

35. *Zhonghua quanguo funü lianhehui funü yundong lishi yanjiushi*. *Wusi shiqi funü wenti wenxuan* 中华全国妇女联合会妇女运动历史研究. *五四时期妇女问题文选* [Избранные труды по вопросам женщин в период Движения 4 мая]. Beijing 北京: Shenghuo dushu xinzhi sanlian shudian 生活·读书·新知三联书店, 1981. 368 p.

36. *Zhonghua quanguo funü lianhehui*. *Zhongguo funü yundong zhongyao wenxian* 中华全国妇女联合会. *中国妇女运动重要文献* [Всекитайская федерация женщин]. Beijing 北京: Renmin chubanshe 人民出版社, 1979. 256 p.

37. *Zhonghua quanguo funü lianhehui*. *Zhongguo funü yundongshi* 中华全国妇女联合会. *中国妇女运动史* [История китайского женского движения]. Beijing 北京: Chunqiu chubanshe 春秋出版社, 1989. 615 p.

38. Zhou Daming, *Guoyongping*. Xingbie quanli yu shenfen jiangou – yi “dazhai tieguniang” wei kaocha duixiang 周大鸣, 郭永平. 性别、权力与身份建构 – 以大寨铁姑娘”为考察对象 [Чжоу Дамин, Го Юнпин. Гендер, власть и построение идентичности – “железная девушка” Дачжэй как объект изучения) // Qinghai minzu yanjiu 青海民族研究. 2013. No. 10.

С.В. Любичанковский

Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет

**«Женская энциклопедия» Натальи Львовны Пушкиревой:
роль Н.Л. Пушкиревой в развитии современнойотечественной
традиции изучения женской повседневности**

История повседневности стала в последние годы одним из ведущих направлений изучения прошлого в России. Женскую тему в этом направлении, бесспорно, открыла в России профессор Н.Л. Пушкирева.

В ее монографии 1989 г. «Женщины Древней Руси» [6] впервые в отечественной историографии не только описывались биографии «великих женщин» – княгини Ольги, дочерей Ярослава Мудрого, новгородской посадницы Марфы Борецкой, но и анализировалась повседневная жизнь представительниц привилегированных социальных групп древнерусского общества: их положение в семье, отношение с мужем и детьми, имущественные и социальные права. Работа была издана 100-тысячным тиражом, заслужила десятки восторженных рецензий, написанных иностранными учеными, и только в советском научном сообществе она была встречена символическим молчанием. Однако сегодня эта книга по праву считается частью золотого фонда отечественной исторической науки.

Высшим пилотажем для исследователя всегда являлась его способность привнести новое не только в конкретно-историческую сферу познания, но и в методологию. Вклад Натальи Львовны Пушкиревой в нее бесспорен. Однако и в среде методологов исторической науки существует своя иерархия. Одни развивают свои новации только в специализированных научных статьях и монографиях. Другие этим не ограничиваются, поскольку обладают талантом сформулировать свои новации понятным русским литературным языком для студентов высших учебных заведений. Н.Л. Пушкирева – «белая кость» даже среди элиты исторической науки, среди методологов. Учебники по теории и методологии истории, написанные с ее участием, составляют сегодня золотой фонд высшей школы [12]. Иными словами, Н.Л. Пушкирева –

ученый, который в полном объеме исполняет миссию Учителя для будущих поколений историков.

Созданная, возглавляемая и вдохновляемая ею Российская ассоциация исследователей женской истории (РАИЖИ) стала феноменом российской научной общественной жизни, напрямую влияющим благодаря тематике своих исследований и методологическим подходам на историю женской повседневности. Продуманная концепция развития ассоциации и умелый менеджмент позволили создать ситуацию вовлечения в свою орбиту лучших сил из российских регионов. За конференциями РАИЖИ следят, в их программу стремятся вписаться, чтобы обсудить собственные новации. И многие из этих новых тем в большой степени коррелируются со сферой ответственности истории повседневности. Все это – заслуга Н.Л. Пушкаревой, талантливого организатора науки, умеющего не только создать новое научное направление, но и гарантировать его *незамыкание* на себе, взаимодействие с другими направлениями, получение синергетического эффекта от такого соразвития.

Анализируя работы Натальи Львовны, посвященные «женской» теме, нельзя не отметить, что собранные вместе, они представляют собой своеобразную «женскую» энциклопедию и даже «женскую историю России», так как автор детально, на большом количестве документальных источников исследует гендерные проблемы разных исторических периодов, «нанизывая» их на свое цельное и самостоятельное методологическое представление о гендере.

Так, уже несколько десятилетий главным предметом научных интересов исследовательницы является русская женщина доиндустриальной России [3, 10, 14–15]. Особое внимание она уделила изучению обыденных проявлений жизни и эмоциональных переживаний женщин в данный исторический период. Ею был собран и проанализирован большой массив женских ego-документов, которые ранее относились к разряду второстепенных источников. Придерживаясь социально-конструктивистского подхода, Н.Л. Пушкарева обнаружила зависимость между социально-экономическими, политическими, культурными условиями и восприятием статуса женщины в обществе.

Женщина пореформенной эпохи, поставленная в условия резко убыстрившегося исторического времени и конфликта между патриархальными представлениями о «женской доле» и открывающимся «окном возможностей» капиталистического мира, показана Н.Л. Пушкаревой не менее рельефно, чем русская женщина доиндустриальной эры [11, 22, 26].

Женская повседневность в условиях экстремальной ситуации: войны и революции, гражданской войны – также привлекла внимание Н.Л. Пушкаревой, которая в своих исследованиях подчеркнула методологическую важность изучения разрушения повседневности, ибо это дает понимание уровня ее стабильности на предшествующем катастрофе этапе и позволяет выявить те напряжения и скрытые деформации повседневных практик, которые в условиях форс-мажора становятся самыми ломкими «звеньями цепи» [1, 8, 21, 25].

Женщина советской и постсоветской эпохи также не осталась без внимания Натальи Львовны, причем в одной из наименее изученных ее ипостасей – женщина-ученый. Вообще Н.Л. Пушкарева эту часть своих научных интересов не связывает только с периодом после 1917 г. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить, сколько она сделала для восстановления забытого имени Ольги Добиаш-Рождественской, русской исследовательницы начала XX в., которая первой еще в 1908 г. стала заниматься изучением частной жизни женщин Средневековья, фактически заложив в этом тематическом аспекте основы знаменитой школы «Анналов» [4, 7, 9]. Однако советская и постсоветская эпоха все-таки в центре внимания Н.Л. Пушкаревой. С этим временем ее связывает не только начало собственной научной карьеры, но и по меньшей мере ее замечательная мама, яркая представительница академического исторического сообщества второй половины XX в. Ирина Михайловна Пушкарева. Уникальная ситуация совмещения научного интереса с «собственной» источниковой базой и личными наблюдениями отразилась в целой серии публикаций, которые, на наш взгляд, сегодня являются основой формирования отдельного научного направления, также связанного с именем Н.Л. Пушкаревой – антропологии академической жизни [2, 5, 13, 17–18, 27]. Причем этот вектор научных изысканий Н.Л. Пушкаревой, выходя в плоскость современного состояния российского академического сообщества, предполагает одновременно и попытку улучшить состояние дел в современной академической жизни, предложив некоторые возможные пути разрешения имеющихся в ней проблем, указав на те моменты, которые имеют перспективы стать проблемами в недалеком будущем (например, на гендерный перекос в руководстве академическими структурами). И в этом тоже вся Н.Л. Пушкарева, которая, вероятно, всегда была и остается сегодня не только человеком науки, но и «общественницей», способной видеть практическое применение результатов, полученных научным путем.

Говоря о вкладе Н.Л. Пушкаревой в развитие истории повседневности, нельзя не заметить еще одну сквозную тему, которой занимается

исследовательница, – история репродуктивного поведения российской женщины (сексуальная жизнь, роды, аборты и множество иных аспектов проблематики) [1, 19, 27]. Благодаря усилиям Н.Л. Пушкаревой и ее коллег создана целостная картина этой важнейшей стороны повседневной жизни, причем показана ее эволюция, что особенно ценно для исторического знания.

Такие черты профессора Н.Л. Пушкаревой, как способность увидеть новое, исследовательская наблюдательность, основанная на врожденной методологической культуре, умение избрать неожиданный ракурс анализа, готовность повести за собой по неистоптаным тропам своих учеников и коллег – делает Н.Л. Пушкареву явлением современной российской исторической науки и базовым фундаментом развития современной отечественной традиции изучения женской истории.

Список источников и литературы

1. Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л. «Не только перевязка мужских ран...»: историко-антропологическое исследование медицинского сестринства в годы Первой мировой войны // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 244–252.

2. Пушкарева Н.Л. «Содействие ученым» в Советской России 1917–1941 гг. (к истории повседневности научных работников в довоенное время) // Город и горожане в Советской России 1920–1930-х годов: мир эмоций и повседневных практик. Краснодар, 2017. С. 318–344.

3. Пушкарева Н.Л. Гражданственность и патриотизм в понимании образованных российских дворянок начала XIX в. и их вклад в рождение российского женского движения // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни Российского общества (XVIII–XXI вв.). Матер. междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г. / под общ. ред. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Веремченко. СПб., 2013. С. 60.

4. Пушкарева Н.Л. Еще раз об огне мыслей и звуках голосов первых русских женщин-историков // Личное есть историческое: Сб., посвящ. юбилею проф. Т.Г. Леонтьевой / под ред. А.В. Беловой. Тверь, 2012. С. 109–113.

5. Пушкарева Н.Л. Женщины в советской науке. 1917–1980-е гг. // Вопросы истории. 2011. № 11. С. 92–102.

6. Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 287 с.

7. Пушкарева Н.Л. Женщины-историки. 1810–1917 гг. // Вестник Пермского университета. История. 2012. № 1 (18). С. 228–245.

8. Пушкарева Н.Л. Из истории российской социальной работы начала XX в.: как солдатки учились бороться за свои права в годы Первой мировой войны // Война и повседневная жизнь населения Рос-

сии XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): Матер. междунар. науч. конф. 14–16 марта 2014 г. / под общ. ред. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веременко. СПб., 2014. С. 357–358.

9. *Пушкарёва Н.Л.* Из небытия: женские имена в российской науке начала XX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. 2010. № 1(72). С. 143–149.

10. *Пушкарёва Н.Л.* Интимная жизнь русских женщин в XVIII в. // Этнографическое обозрение. 1998. № 1. С. 93–103.

11. *Пушкарёва Н.Л.* Интимные тайны «молодых штурманов будущей бури» (что лежало в основе самоотверженности российских радикалов-шестидесятников?) // История повседневности. 2016. № 2. С. 107–118.

12. *Пушкарёва Н.Л.* История повседневности и микроистория // Теория и методология истории: Учебник для вузов. Волгоград, 2014. С. 312–334.

13. *Пушкарёва Н.Л.* Когда зарплаты были большими: материальное поощрение советских ученых в 1921–1953 гг. // Российская история. 2016. № 6. С. 69–82.

14. *Пушкарёва Н.Л.* Мать и дитя в русской семье XVIII – начала XIX в. // Социальная история: Ежегодник. 1997. М.: Полит. энциклопедия, 1998. С. 226–249.

15. *Пушкарёва Н.Л.* Мать и материнство на Руси X–XVII вв. // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996. С. 311–347.

16. *Пушкарёва Н.Л.* Мицюк Н.А. Модернизация репродуктивного поведения образованных россиянок второй половины XIX – начала XX в. // Женщина в российском обществе. 2016. № 3 (80). С. 73–89.

17. *Пушкарёва Н.Л.* Наука не женское дело? К истории феминизации российской науки в начале XXI века // Вестник Тверского государственного университета. История. 2012. № 2. С. 105–121.

18. *Пушкарёва Н.Л.* О ценностных ориентациях современной российской молодежи: слово социального антрополога // Система ценностей современной российской молодежи. Матер. науч.-практ. конф. М., 2014. С. 11–15.

19. *Пушкарёва Н.Л.* Репродуктивное поведение современных россиянок из научно-образовательной среды и возможности цифровой экономики // Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018–2030): Матер. Верос. конф. с междунар. участием / отв. ред. О.А. Хасбулатова. Иваново, 2018. С. 42–45.

20. *Пушкарёва Н.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997. 330 с.

21. *Пушкарева Н.Л., Мицюк Н.А.* Медико-социальная помощь россиянок Смоленской губернии фронтовикам Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (62). С. 104–112.

22. *Пушкарева Н.Л., Мицюк Н.А.* Модернизация материальной культуры раннего детства в российских дворянских семьях второй половины XIX – начала XX в. // Уральский исторический вестник. 2017. № 1 (54). С. 30–39.

23. *Пушкарева Н.Л., Мицюк Н.А.* Родовспоможение и культура деторождения в новейшей зарубежной историографии (1975–2015) // Этнографическое обозрение. 2017. № 4. С. 147–163.

24. *Пушкарева Н.Л., Пушкарева И.М.* Женское движение в общественно-политической жизни России 1914–1917 гг. (некоторые итоги изучения проблемы в отечественной историографии) // Российская история. 2017. № 5. С. 73–96.

25. *Пушкарева Н.Л., Пушкарева И.М.* Столетие демонстрации 19 марта 1917 года – забытый юбилей в истории получения россиянками избирательных прав // Russian revolutions and women's issue: ideological heritage, political transformations and new social practices Social-Democratic Union Women of Russia. Moscow, 2018. С. 8–18.

26. *Пушкарева Н.Л., Пушкарева И.М.* Частное и общественное в повседневной жизни российских столичных горожанок начала XX в. (к истории противостояния либерального и большевистского крыла женского движения) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: Матер. междунар. науч. конф.: в 2 т. / отв. ред. В.А. Веремко. СПб., 2018. Т. 1. С. 244–249.

27. *Пушкарева Н.Л.* Ценность добрачного целомудрия в традиционной русской культуре // Историческая психология и социология истории. 2011. Т. 4. № 1. С. 33–46.

РАЗДЕЛ 2
СОВРЕМЕННЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ И ЛАКУНЫ
В ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ
ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ЖЕНЩИН

Т.И. Зайцева

*Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет*

Женские и семейные истории европейского двора XV–XVII вв.
в новейших исследованиях отечественных медиевистов

С конца XX в. в исследованиях Средневековья и раннего Нового времени – сначала в зарубежных историографиях, а потом и на отечественной почве – произошел стремительный рост значения «новой политической истории», связанный с общей антропологизацией исторического знания. Помимо событийной политической канвы и истории выдающихся династий и правителей, в фокусе внимания ученых-медиевистов оказались феномен власти, политическая репрезентация и церемониал, различные группы аристократических элит. Изучаются властные институты и должности, проводятся биографические и просопографические исследования.

В контексте этого общего интеллектуального движения одним из весьма заметных направлений стали исследования европейского двора Средних веков и раннего Нового времени. В отечественной медиевистике бурное развитие названной научной области воплотилось в многочисленных статьях, коллективных сборниках, авторских монографиях и диссертациях, научных форумах. В рамках придворных исследований довольно активно затрагиваются вопросы женской и гендерной истории. Большое внимание этим вопросам уделяют представители «московской» и «петербургской» школ. Обращаются к данной тематике и региональные ученые. Цель предлагаемого доклада – выделив в потоке придворных исследований комплекс публикаций, связанных с женской и семейной историей, дать оценку их общей картине, а также характерным теоретическим ракурсам и сюжетам.

Гендерная проблематика особенно активно разрабатывается на материале Франции XV–XVII вв. Так, к ряду французских дворов – бургундскому, анжуйско-провансальскому, королевскому – обращается в своих публикациях Ю.П. Крылова, сфокусировавшая внимание на антикуриальных сочинениях и дискурсах конца Средних веков. На основе различного рода текстов, принадлежащих придворным авторам, исследовательница анализирует гендерные особенности вербальных и

дискурсивно задаваемых поведенческих практик (правительница в диалоге с придворным, речь придворной дамы и др.).

К.В. Сошникова обратилась к визуальным источникам, представив в своих статьях описание и анализ карандашных портретов ряда лиц при дворе Франциска I, в том числе женского окружения короля – матери, двух жен, сестры, королевских фрейлин. Автор показала, что портретные галереи в альбомах, к созданию которых оказалась причастна знаменитая Екатерина Медичи, служили одним из способов репрезентации королевской власти и королевского двора, средством демонстрации величия правящей семьи.

Ю.С. Хохлова, поместив в центр внимания своих статей и кандидатской диссертации «человека двора», идеальные и реальные ценности французских придворных XVII столетия, затронула в числе прочего гендерный аспект. Исследовательница проанализировала взгляды женщин-мемуаристок (Ф.Б. Моттевиль, М.-М. Лафайет), обратилась к сходству и отличиям «благородного человека» и «благородной женщины» (“*honnête homme*” и “*honnête femme*”) в трудах французских моралистов эпохи, охарактеризовала требования к светским придворным дамам.

Наиболее обстоятельно о придворной истории Франции в гендерном ракурсе пишет петербургский историк В.В. Шишкин. Этот ученый в двух монографиях, докторской диссертации, а также многочисленных статьях, предприняв системный разбор общей истории двора в перспективе *longue durée*, обратился к феномену женских дворов французской короны XV–XVII вв.

В монографии 2004 г. «Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII веках» два из четырех разделов посвящены Маргарите де Валуа и Анне Австрийской (в поле внимания попали отношения двора Маргариты Наваррской и двора Франции, а также ее путь к брачному союзу – «кровавой свадьбе»; борьба Анны Австрийской за власть и положение знатных дам и мужчин при ее дворе). В монографии 2018 г. «Французский королевский двор в XVI веке» также значительная часть посвящена дворам Екатерины Медичи и Маргариты де Валуа (придворным королев и борьбе их самих за власть, специфике связанных с правительницами церемониала и резиденций и пр.).

Роль В.В. Шишкина в изучении женской истории получила оценку в аналитических публикациях. Так, К.В. Сошникова в своей рецензии указала, что важными особенностями исследования этого историка являются не только выделение ренессансного двора в качестве самостоятельного и кульминационного периода его истории; но также изучение «дамских» дворов эпохи. Ю.П. Крылова отметила значение ис-

следования Шишкина в отечественной историографии, также выделив изучение двора королей, в особенности Маргариты Наваррской.

Относительно Англии наиболее активно исследуется отмеченная яркими женскими правлениями эпоха Тюдоров. Так, нижегородский историк Д.В. Кирюхин посвятил ряд статей вопросам рождения и воспитания при дворе первых представителей этой династии (прежде всего, Генриха VII); рассмотрел бытовавшие при дворе обычаи сватовства в эпоху правления этого короля и его преемников; осуществил перевод и публикацию анонимной хроники «Прием леди Екатерины».

Особенно представительным является комплекс публикаций А.Ю. Серegiной, которая обратилась к гендерным аспектам функционирования английского двора при Марии и Елизавете Тюдор: специфике поведения придворных дам, фаворитов, собственно правительниц. Анализируется институт патроната, участие в политических и межличностных конфликтах женщин-придворных, особенности фаворитизма в условиях женского правления. В поле внимания ученой попали путешествия королевы и деятельность ее фрейлины при иностранном дворе.

Исследования по истории немецких правящих дворов представлены в первую очередь статьями известного московского историка М.А. Бойцова. Следует отметить публикации этого автора в немецкоязычных журналах и сборниках по гендерной истории. Историк обратился к специфике бытования женской половины двора, «женскому пространству» (“Frauzimmer”) в придворной жизни; семейной жизни немецких князей.

В итальянистике гендерные вопросы рассматриваются в ходе анализа придворных трактатов XVI в. Так, Л.С. Чиколлини в опубликованной в одной из первых коллективных монографий группы «Власть и общество» статье обратилась к сочинению А. Нифо, отдельная глава которого посвящена положению придворных дам. Написанный по материалам княжеских дворов Южной Италии трактат описывает женщин в качестве «слабого пола», предписываемые им правила поведения и их отличия от требований к придворным-мужчинам, особенно «придворной любви».

Другой придворный трактат – «Картезиано» Б. Кастильоне, переведенный на русский язык, привлек внимание нескольких российских исследователей. Так, Ю.И. Назарова в своей статье, анализируя трактат, остановилась в числе прочего на его третьей книге, посвященной росту значения светских дам в придворной жизни, строгости предъявляемых к ним требований, их роли в качестве некоего морального образца.

В целом, в рамках исследований института двора рассматривается достаточно широкий спектр тем по женской, семейной и связанной с ними повседневной истории. Е.И. Носова на примере бургундского двора реконструировала такие неформальные инструменты влияния, как семейная протекция и патронат. З.Т. Хохова и Ф.А. Колиева изучили особенности женского придворного костюма в Франции. М.К. Попова проанализировала влияние средневекового наследия на культуру елизаветинского двора, О.В. Дмитриева – практики дарения и новогодние празднования, Н.А. Журавель – участие во фракционной придворной борьбе.

Останавливаются ученые и на теоретико-методологических вопросах. Так, Ю.С. Хохлова, заявив о значимости в изучении двора сочетания макро- и микроанализа, историко-антропологического ракурса, отметила важность для данной области исследований подходов женской истории. Ю.П. Крылова в рецензии на зарубежную монографию, основанную на принадлежащем перу женщины из придворных кругов источнике, указала на необходимость последовательного гендерного анализа; в другой своей рецензии на посвященный двору коллективный труд французских историков показала, что в весьма разнообразный и даже пестрый перечень тем органично включаются сюжеты об особенностях семейной жизни при дворе, специфике брака, рождении и воспитании принцев, женских библиотеках и др.

Е.П. Пирогова

Екатеринбург, Российский государственный профессионально-педагогический университет

Неравные браки и разводы в истории рода дворян Демидовых

Род промышленников Демидовых, выходцев из предприимчивых тульских кузнецов, принадлежал к числу родов поздней нобилитации. Дворянский период в их истории отсчитывается с 1726 г., когда Акинфий Демидов и его братья получили жалованную грамоту на вхождение в привилегированное сословие. Это время совпало с началом изменений во взглядах российского общества на традиционные патриархальные семейные отношения, вызванные во многом петровскими преобразованиями [2, с. 13–15]. Именно эти отношения внутри знаменитого рода [1] и стали темой данной статьи.

Прежде всего, рассмотрим, насколько соблюдался в роду Демидовых сословный характер брака. Акинфий Демидов, его братья/сестры и дети еще редко выбирали брачного партнера из дворян, предпочитая родниться с представителями тульских оружейников или богатых куп-

цов: *Постуховых* (из этого рода Матрена – первая жена Прокофия, старшего сына Акинфия, и Анастасья – жена его младшего брата Никиты), *Володимировых*, *Мосоловых* (мужья дочерей Марии и Анастасии), *Красильниковых* (муж сестры Акинфия, Настасьи). Сам Акинфий был женат дважды, при этом обе жены (Евдокия Коробкова и Евфимия Пальцева) были, судя по их именам, явно недворянского происхождения [5, с. 60–63]. Для первых поколений Демидовых родство с выходцами, как и они сами, из тульской оружейной слободы не могло считаться зазорным, они еще видели в них ровню себе, хотя вскоре и возвысились над ними. В дальнейшем, насколько нам известно, представители рода Демидовых предпочитали родниться только с дворянами.

Но были и исключения. Так, «крайний чудак», по характеристике современников, Прокофий Акинфиевич Демидов, троих своих дочерей выдал замуж за кушцов. А его внук Василий Львович в 1812 г. женился на собственной крепостной, Неонилле Ивановне Ивановой, первые четверо детей от которой родились еще до брака. Позднее он всех их узаконил. По свидетельству Н.Л. Пушкаревой, подобные «неравные браки приобретали законную силу лишь в исключительных случаях» [2, с. 32].

Если нарушение сословного характера брака в роду дворян Демидовых было все же редкостью, то примеров с разводами в той или иной форме выявляется предостаточно. Самый ранний из них приведен М.К. Цатуровой в книге «Три века русского развода» и связан с племянником Акинфия Демидова Никитой Никитичем. В 1779 г. дворянин Н.Н. Демидов обратился с жалобой на свою жену Софью Алексеевну (урожд. Ширяеву), которую обвинял в супружеской неверности. Дело рассматривалось в Совестном суде при Дворянской опеке – органе, возникшем в 1775 г. с целью помочь «страждущим» их «злобы, распри и ссоры прекратить» [4, с. 88]. Из материалов дела следует, что Демидов женился по любви на бесприданнице, сразу купив и оформив на ее имя 5 тыс. душ крепостных и два дома в Москве. Со слов Демидова, жена, прожив с ним в браке 27 лет, «оказалась неблагодарной, вела распутную жизнь, ушла из дома с любовником». Со слов же Софьи, все годы «их супружества были годами страха за свою жизнь», она обвиняла мужа «в зверском обращении с ней», в том, что, узнав о ее бесплодии, он «решил лишить ее наследства, имения... и стал мучить». Как ни странно, но мать Софьи не оправдывала дочь, а тоже «укоряла в распутстве» и даже «просила поместить в монастырь», вернув имение дочери зятю. В итоге Совестный суд пришел к выводу, что «жена более виновна в сложившейся ситуации, чем Демидов», но, не имея права решать вопрос о расторжении брака, суд посоветовал супругам жить врозь, а имение возвратить мужу. Сам Демидов взамен обязан был выплачивать жене 5 тыс. руб. ежегодно, оставить за ней

дом, а кроме того, положить в банк на имя жены еще 10 тыс. руб. [4, с. 89]. Последние годы супруги (Н.Н. Демидов умер в 1804 г.) жили врозь [1, с. 121].

Поскольку главными в разрешении семейных конфликтов в XVIII в. выступали церковные власти, и только они могли признать брак недействительным, то часто спорящие стороны апеллировали именно к ним. Синод редко давал разрешение на развод, но «легализовал временное разлучение как промежуточную форму между браком и разводом» [2, с. 121]. К примеру, из родословной Демидовых явствует, что неудачным оказался брак, заключенный в 1796 г. между внуком Никиты Никитича Григорием Евдокимовичем и Амалией-Софией Лиман лютеранского вероисповедания. С 1801 г. супруги жили врозь в ожидании развода, в котором им окончательно было отказано только в 1808 г. [1, с.124].

В 1818 г. был заключен еще один неудачный брак: между героем войны 1812 г. Николаем Петровичем Демидовым (правнук Никиты Никитича) и Верой Егоровной (урожд. Паниной) [1, с.128]. Обнаруженное нами в фонде РГИА дело раскрывает подробности этой семейной драмы. Дело рассматривалось в Департаменте полиции в мае 1826 г. по инициативе Н.П. Демидова, утверждавшего, что жена его покинула «под предлогом свидания с родителями», живет то у них в Калуге, то в своем доме в Москве, и при этом с 1823 г. «удерживает при себе» четверых их детей, которых он желает возвратить себе. В ответ жена обвиняла мужа в нанесении ей «жестоких оскорблений», а требование вернуть детей объясняла исключительно целью «ей досадить». При этом она уверяла, что не может отдать детей «во власть отца совершенно неспособного по своенравному и запальчивому характеру своему иметь при себе малолетних детей» и просила оставить их у себя до тех пор, «пока дочери достигнут узаконенного возраста, могут приняты быть в Смольный монастырь, а шестилетний сын» – в один «из корпусов» [3, л. 890–891 об.]. В материалах дела можно найти еще много взаимных претензий и обвинений, в том числе имущественных и поведенческих, упоминается и едва ли не главная обида мужа, заключавшаяся в том, что жена «не допускала его целый год» для исполнения «супружеского сожития» по причине якобы того, что «одержима болезнью». Любопытно еще одно обвинение со стороны Демидова, уверенного в том, что родная сестра его жены, княгиня Вяземская, «подала ей пагубный пример соблазна, ибо более трех лет жила врозь с первым мужем» [3, л. 896–896 об.]. В конечном итоге было принято заключение, в котором говорилось: «несогласие и вражда между просителем Демидовым и женою его давно уже существуют, ...взаимное... ожесточение не подает надежды к скорому их примире-

нию...», вопрос этот следует «предоставить духовному правительству». По причине же того, что супруги не готовы к примирению и будут жить «в разлуке», то «свойственное было бы оставить детей при матери» и «обязать отца доставлять по состоянию своему нужного на содержание и воспитание их деньги по 2000 руб. в год» [3, л. 898 об–899]. Таким образом, супруги продолжали жить отдельно, так, по всей видимости, и не получив развод, о котором, надо отметить, в деле и не говорилось.

Зато внучке Григория Акинфиевича Демидова, Александре Петровне, по-видимому, удалось получить развод с мужем (брак был заключен в 1806 г.), полковником М.Н. Путятиним, и выйти замуж второй раз, но уже за генерал-майора барона Е.К. фон Арпегофена [1, с. 127]. К сожалению, условия получения права на развод нам не известны.

Матримониальные отношения рода Демидовых на протяжении первых ста лет его существования дают, насколько это позволяют редкие источники по теме, лишь отдельные примеры нарушения сословного характера брака и только в первых поколениях рода, зато немало примеров удачных и неудачных попыток прекращения супружества. Со второй половины XIX в. разводы в роду Демидовых заметно учащаются.

Список литературы

1. *Краснова Е.И.* Демидовы. Родословная роспись // Краснова Е.И. Такие разные Демидовы: сб. статей. СПб., 2007. С. 120–142.
2. *Пушкарёва Н.Л.* Частная жизнь русской женщины XVIII века. М.: Изд-во «Ломоносовъ», 2014. 208 с.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1263. Оп. 1. Д. 466. Л. 888–900 об.
4. *Цатурова М.К.* Три века русского развода (XVI–XVIII века). М.: Логос, 2011. 288 с.
5. *Юркин И.Н.* Демидов Первый. Опыт жизнеописания. М.: Международный Демидовский фонд, 2021. 320 с.

С.П. Мальчикова

Смоленск, Смоленский государственный университет

Постигая Японию: викторианские путешественницы в Стране восходящего солнца

Долгое время право путешествовать по стране и за ее пределами принадлежало исключительно мужчинам. Женщинам дозволялось быть лишь спутницами отцов, братьев, мужей. Зарождение гендерного равенства в Европе XIX в. позволило постепенно изменить эту ситуацию.

Появление туризма как формы досуга в викторианскую эпоху также облегчало положение женщин. Руководства для леди помогали путешественницам оставаться в безопасности, следуя известным маршрутам, и решать многие проблемы, которые могли возникнуть в пути. Например, один из популярных гидов «Советы для леди, путешествующих за границей и дома» (1889 г.) был написан англичанкой, защитницей прав женщин Лилиас Кэмпбелл Дэвидсон [7].

В результате поездок викторианки создавали произведения, в которых описывали свои воспоминания и впечатления от увиденного. Несмотря на все расширяющиеся возможности для женщин XIX в., от них не ждали серьезных исследований. Основной целью таких работ являлось развлечение читателя приключениями в экзотических странах. Труды часто были написаны в эпистолярном жанре, популярном во второй половине XIX в.

Политика изоляции Японии была прервана американской эскадрой commodora Перри во второй половине XIX в. После чего Страна восходящего солнца стала объектом пристального внимания Запада. Туристическое паломничество европейцев в неизведанную для них экзотическую страну привело к появлению большого количества публикаций о Японии. В том числе среди авторов было довольно много женщин – Мэри Буск, Шарлотта Пембертон Ходжсон, Анна Д'Альмейда, Алиса Фрер, Лилиас Данлоп Свейнсон, Маргарета Вепнер, Изабелла Берд и др. [11]. Викторианские путешественницы активно осваивали Страну восходящего солнца: сначала только по книгам, затем, как только Япония стала доступной для поездок, и в реальности.

Одной из первых работ о Японии стала книга М. Буск «Нравы и обычаи японцев в XIX веке» [3]. Сама писательница никогда не была в стране, о которой писала. Она грамотно скомпилировала информацию из разных источников, которые ранее были малодоступны англичанам, и представила Японию британцам для более близкого знакомства.

А. Д'Альмейда в произведении «Визит леди в Манилу и Японию» [5] и А. Фрер в книге «Антиподы и кругосветные путешествия или Путешествия по Австралии, Новой Зеландии, Цейлону, Китаю, Японии и Калифорнии» [6] еще в авторских предисловиях указывают, что не претендуют на серьезные исследования, а просто развлекают читателя своими приключениями. Д'Альмейда даже сознается, что целенаправленно избегала сложных политических тем, «не имея достаточной уверенности в правильности своего собственного суждения» [5, p. viii]. Л. Свейнсон в «Письмах из Китая и Японии», как бы оправдываясь перед читателем, замечает, что даже не имела намерения писать книгу. Ее уговорили это сделать друзья и родные, которые посчитали ее за-

метки и письма забавными [10]. А. Брасси в работе «Путешествие на “Солнечном луче” – нашем доме в океане на одиннадцать месяцев» также не касается никаких «мужских» тем, описывая японское общество [2]. Ее работа имела большой успех у читающей публики.

Одной из самых известных и значимых сочинений женщин-путешественниц является труд «Нехоженные тропы в Японии. Отчет о путешествиях вглубь страны, в том числе посещение аборигенов Эдзо и святилища Никко» И. Берд [1]. Произведение сохранило форму и тон эпистолярного жанра, так как было составлено из писем путешественницы своей сестре, но не носило сугубо развлекательного характера. Оно также имело научное значение. «Это не “книга о Японии”, а рассказ о путешествиях по Японии и попытка внести какой-то вклад в общую сумму знаний о современном состоянии страны», – писала Берд [1, р. ix]. Викторианка не боялась затрагивать сложные политические темы, смело рассуждала о судьбе и возможностях Японии, отмечая ее развитие на пути к модернизации.

«Нехоженные тропы в Японии» до сих пор востребованы читателем и переиздаются в Великобритании и Японии. О путешествии Берд упоминают как ее современники [8–9], так и нынешние авторы (например, в Японии популярен комикс «Изабелла Берд в стране чудес» [12]).

И. Берд была самой знаменитой женщиной-путешественницей своего времени. Она также стала в 1872 г. первой женщиной – членом Королевского географического общества, была удостоена аудиенции у королевы Виктории [4].

Таким образом, путешествия для женщин викторианской эпохи явились очередной возможностью, отвоеванной у общества XIX в., благодаря которой они могли раскрыть себя с новой стороны. Не только ради развлечений, но и ради науки создавали они свои произведения, с помощью которых читатели смогли увидеть новый мир, доселе им недоступный. Анализ произведений викторианских путешественниц позволяет увидеть и понять образ Японии, который был создан на страницах их сочинений.

Список литературы

1. *Bird I.* Unbeaten tracks in Japan. An account of travels in the interior including visits to the aborigines of Yezo and the shrine of Nikko. London: John Murray, 1911. 336 p.
2. *Brassey A.* A Voyage in the Sunbeam, our Home on the Ocean for Eleven Months. Chicago: Belford, Clarke and Co. 1878. 512 p.
3. *Busk M.* Manners and Customs of the Japanese, in the Nineteenth Century. London: John Murray, 1841. 420 p.

4. *Clark S., Williams L.* Isabella Bird, Victorian globalism, and Unbeaten Tracks in Japan (1880) // *Studies in Travel Writing*. 2017. Vol. 21. P. 1–16.

5. *D'Almeida A.* A Lady's Visit to Manilla and Japan. London: Huest and Blackett, 1863. 297 p.

6. *Frere A.* The Antipodes and Round the World or Travels in Australia, New Zealand, Ceylon, China, Japan and California. London: Hatchards, 1870. 633 p.

7. Hints to Lady Travellers. URL: <https://americanfoodieabroad.wordpress.com/2019/02/13/hints-for-lady-travellers/> (дата обращения: 20.04.2023).

8. *Scidmore E.R.* Jinrikisha Days in Japan. New York: Harper & Brothers, 1891. 383 p.

9. *Sproston W.C.* A Trip Around the World in 1887–1888. London, George Routledge and sons, 1888. 400 p.

10. *Swainson L.* Letters from China and Japan. London: Henry S. King & Co, 1875. 210 p.

11. *Williams L.* «Like the ladies of Europe»? Female emancipation and the «scale of civilization» in women's writing on Japan, 1840–1880 // *Studies in travel writing*. 2017. Vol. 21. P. 17–32.

12. 佐々 大河. ふしぎの国のバード [*Sacca Tayga*. Фусиги-но куни-но бадю]. URL: https://comic-walker.com/contents/detail/KDCW_EB06000011010000_68/ (дата обращения: 20.04.2023).

Г.В. Карандашев

Ярославль, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского»

Аболиционисты и регламентаторы: исследователи конца XIX – начала XX в. о проституции в России

По мнению отечественных исследователей конца XIX – начала XX в., невежество и нищета играли важнейшую роль в существовании продажной любви. В омут греха девушек толкали сиротство, отсутствие правильной опеки, неопытность, слабое нравственное и умственное развитие, а также состояние алкогольного опьянения. Около 80% российских проституток в конце XIX – начале XX в. были неграмотными. Большинство девушек начинали заниматься проституцией в возрасте 15–20 лет (63%) [2, 4]. И.И. Канкарович видел главную причину развития проституции в общественном разврате. По его мнению, меры против бедности, невежества, алкоголизма части населения, составляющей проституток, не могли помочь пока существовал разврат «другой части его [населения], этих проституток потребляющей» [3, с. 195–196].

С 1840-х годов проституция в России фактически была легализована. У зарегистрированных в особом врачебно-полицейском комитете женщин забирали паспорта. Вместо паспорта поднадзорным выдавали медицинский билет. Таким образом проститутки стремились заставить выполнять требования врачебно-полицейского надзора. Но несмотря на отсутствие паспорта, они успешно ускользали от регулярных осмотров, а их беспаспортность давала повод для злоупотреблений [1, с. 90–91].

Врачебно-полицейский надзор за домами терпимости был призван: «следить, не допускаются ли к промыслу в каком-либо публичном доме посторонние, не состоящие под надзором женщины, не производится ли запрещенная в публичных домах продажа спиртных напитков, чисто ли и питательно ли содержит хозяйка своих женщин, не изнуряет ли их промыслом, не спаивают ли их вином и правильно ли женщины являются к медицинскому осмотру, а равно исполняют ли они правила гигиены, в смысле обмываний и оставляют ли промысел на время менструации»; исполнение этих требований контролировали смотрители комитета и городские врачи [7, с. 21–22].

В.М. Тарновский, выступавший за общественный контроль над проституцией, считал, что государство не должно «организовывать» проституцию, устраивать обязательные осмотры; что дома терпимости являются абсолютным злом. Обязательные медицинские освидетельствования давали ложную гарантию здоровья женщинам. Это был обман общества и в то же время нарушение личной свободы, которая, по закону, должна быть равна для обоих полов [6, с. 38–40].

Основным отличием позиций «аболиционистов и регламентаторов» было то, что регламентаторы считали поднадзорную проституцию единственной защитой общества от венерических заболеваний, а аболиционисты же указывали, что за время существования регламентации, распространение венерических заболеваний, в частности сифилиса, лишь увеличилось [3, 5].

Выделялись три класса проститутки: поднадзорные, тайные и содержанки. Поднадзорные проститутки, обитавшие в домах терпимости, были «в буквальном смысле слова рабыни или, если хотите, то даже скоты. На жаргоне содержателей публичных домов они зовутся попросту товаром» [3, с. 46]. Женщина в публичном доме получала четверть заработка, остальные три четверти забирала хозяйка. В большинстве случаев проститутки имели долги перед содержательницей. Исключение составляли иностранки, особенно немки, умевшие делать накопления [7, с. 21].

Самые «отчаянные преступники и закоренелые убийцы стояли в правовом отношении в значительно лучших условиях, чем регламентируемые жертвы общественного темперамента. Их не презирают так

сильно, с ними не обращаются так бесчеловечно, они не парии нашего общества в такой степени, как эти несчастные жертвы» [2, с. 102]. Тайные профессиональные проститутки прикрывали свою настоящую «профессию» какой-либо другой показной и пользовались услугами сводниц [3, с. 88].

Почти у каждой проститутки, помимо квартирной хозяйки, имелся «еще и другой паразит, живущий на ее счёт и эксплуатирующей ее до последней степени возможности. Это – ее сутенёр или, как он зовётся по-русски, кот... Сплошь да рядом это – преступник-рецидивист, вор, бездельник, иногда даже убийца, во всяком случае, безусловно негодяй первого сорта» [3, с. 65].

В свою очередь содержанки, огромный по своей численности класс женщин, представляли собою «настоящих профессиональных развратниц... Обыкновенные проститутки развратничают из-за куска хлеба; для них разврат – единственное, может быть, средство к существованию. Содержанки же развратничают ради роскоши, ради богатства, ради веселья, ради безделья. Это – рафинированные, утончённые развратницы, для которых разврат не средство к существованию, а цель жизни, сфера, в которой они живут» [3, с. 131].

К проституции и сифилису общество всегда «относилось с затаенною брезгливостью; принято даже презирать и игнорировать эти неприличные явления». Но никакие правительственные постановления и законы о проституции не могли дать той «существенной пользы, которую от них можно ожидать, пока само общество не придёт на помощь администрации, действуя с ней заодно» [6, с. 14].

Таким образом, как писал Д.Н. Бородин, «проституция есть продукт тех сложных общественных отношений, тех невидимых взаимодействий, из которых слагается ненормальная атмосфера нашей жизни» [2, с. 94].

Проституция в работах российских исследователей конца XIX – начала XX в. была представлена в виде многофакторного социального института, включавшего в себя не только экономическое содержание. Были установлены причины, толкавшие женщин на панель, проанализирован социальный статус проституток различных категорий, даны оценки необходимости и эффективности врачебно-полицейского контроля, рассмотрена связь проституции с девиантным поведением.

Список литературы

1. *Бентовин Б.И.* Торгующие телом: Очерки современной проституции. М.: Л. Крумбюгель, 1907. 200 с.
2. *Бородин Д.Н.* Алкоголизм и проституция. СПб.: С.-Петербург. ком-мерч. типо-лит. Виленчик, 1910. 118 с.

3. *Канкарович И.И.* Проституция и общественный разврат: К истории нравов нашего времени. СПб.: тип. В. Безобразова и К^о, 1907. 200 с.

4. *Покровская М.И.* Борьба с проституцией: Докл. 2 отд. Р. о-ва охранения нар. здоровья 10 дек. 1899 г. СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1900. 33 с.

5. *Сабинин А.Х.* Проституция: Сифилис и венерические болезни. Половое воздержание. Профилактика проституции: Ист.-профилактич. этюд. СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1905. 264 с.

6. *Тарновский В.М.* Проституция и аболиционизм: Докл. Рус. сифилитол. и дерматол. о-ву. СПб.: К. Риккер, 1888. 261 с.

7. *Федоров А.И.* Очерк врачебно-полицейского надзора за проституцией в С.-Петербурге. СПб.: тип. С.-Петерб. градоначальства, 1897. 64 с.

Т.В. Чумакова

Санкт-Петербург,

Санкт-Петербургский государственный университет

Гендерные аспекты миссионерской деятельности в Российской империи XIX – начала XX в.

Гендерные аспекты миссионерской деятельности в Российской империи XIX – начала XX в. изучены достаточно скромно. Особенно заметным это становится при компаративном исследовании миссионерской деятельности в России и Британии того времени. В обширной историографии британского миссионерства (как и американского протестантского) исследуемого периода немаловажную роль играет гендерная проблематика. В статьях и монографиях анализируются деятельность и повседневная жизнь жен миссионеров, а также влияние их миссионерской деятельности на трансформацию традиционных представлений о роли женщины в обществе. Этот пробел в российских гендерных исследованиях объясняется несколькими причинами.

Во-первых, повседневная жизнь женщин духовного сословия в Российской империи лишь относительно недавно стала объектом исследования ученых, и пока отсутствуют фундаментальные исследования, посвященные роли «попадей и поповен» в русской культуре имперского периода, хотя за последние четверть века было опубликовано некоторое количество работ, в которых рассматривались различные аспекты деятельности и повседневная жизнь женщин из духовного сословия, основанные на изучении биографики и публикаций в периодической церковной печати (статьи Т.Г. Леонтьевой, Л. Манчестер, П.Н. Агафонова и др.), а также на региональных материалах (В.Л. Колесникова, А.А. Терскова, А.В. Мангилева, А.Г. Фог и др.).

Во-вторых, в дореформенный период в Российской империи жены миссионеров (как и жены и дочери приходских священников), как правило (за очень редким исключением), не принимали никакого участия в миссионерской работе (и не только в работе с «иноверцами» или «язычниками», но и в приходской деятельности, во «внутренней миссии»). При чтении миссионерских дневников 1860–1870-х годов создается впечатление, что их авторы принадлежали не к белому, а к черному духовенству, поскольку упоминания о членах семьи попросту отсутствуют, и только из биографий этих священнослужителей мы узнаем об их матримониальном статусе, и о том, что сопровождали ли их супруги к месту службы (в длительных путешествиях по сибирским просторам это было сопряжено с трудностями). Как и жены сельских священников начала XIX в., которые занимались только домом и хозяйством и часто были неграмотны, поскольку женщины духовного сословия не обязаны были учиться (это известно из автобиографий их сыновей, ставших священниками и даже епископами), жены сибирских миссионеров никак не вовлекались в профессиональную деятельность мужей, и источники о них зачастую «молчат», сохранив лишь имена, число детей и известия о болезнях и смерти.

Исключением из этого правила была Алтайская духовная миссия, основанная Макарием (Глухаревым), который считал, что именно женщины могут быть акторами миссионерской деятельности, поскольку они могут «свободно миссионерствовать» среди местных женщин и девочек, а также оказывать помощь в прививках от оспы, в обучении девочек чтению и рукоделиям. Последнее Макарий считал частью миссионерской стратегии, составной частью которой была русификация коренного населения Алтая. Эта стратегия излагалась им в переписке, но в целостном виде была сформулирована в сочинении «Мысли о способах к успешнейшему распространению Христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской Державе» (написано не позже 1830 г.) [1]. Надо заметить, что первой сотрудницей миссии стала женщина не из духовного звания, а дворянка Софья де Вальмон, позже сотрудницей миссии стала вдова дьякона Василия Ландышева, Прасковья Матвеевна, мачеха будущего начальника миссии протоиерея Стефана Ландышева, супруга которого Агриппина Ионовна выучила алтайский язык, руководила школой, а также занималась пчеловодством и обучала ему представительниц коренного населения (пчеловодство наряду с земледелием и рукоделием рассматривалось как часть эффективной колонизационной стратегии). Миссионерская деятельность Алтайской миссии сегодня активно изучается местными историками и всеми, кто занимается изучением миссионерства в Российской империи, в том числе церковными учеными. Важ-

ным сегментом этих исследований является изучение женских миссионерских монастырей, которые в пореформенное время начали возникать почти по всей территории Российской империи (А.П. Адлыкова, Ю.А. Крейдун, Е.В. Кустова, Н.Н. Наумова, М.Ю. Нечаева, И.И. Юрганова и др.), и были направлены не только на духовное просвещение «язычников», но и обращение староверов (не слишком эффективное).

Изучение роли женщин духовного сословия в миссионерской деятельности Русской православной церкви не может быть полным без исследования их деятельности во «внутренней миссии», т.е. в катехизации и духовном просвещении православных (прежде всего в сельской местности). Первым шагом в этом направлении стало создание духовных училищ для «девиц духовного звания», которые начали открываться в 1840-х годах. Выпускницы таких училищ рассматривались властями как наиболее благонадежные учителя церковно-приходских и народных школ (особенно актуальным это было в «западном крае» после польского восстания 1863–1864 гг., ведь миссионерская деятельность предполагала не только катехизацию, но и воспитание благонадежных граждан).

Изучение участия женщин из духовного сословия в миссионерской деятельности помогает дополнить картину трансформации представлений о роли женщины в русском обществе XIX в.

Подготовлено при поддержке Российского научного фонда (грант № 22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведения Российской империи XIX – нач. XX в.»).

Список литературы

1. Макарий (Глухарев). Мысли о способах к успешнейшему распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской державе. М.: тип. А.И. Снегиревой, 1894. 131 с.

А.А. Попенкова

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Рождение *obstetrics studies* в российском историографическом поле 1960–1980-х годов

Анализируя весь спектр трудов по истории родовспоможения в России с конца XIX в. до наших дней, мы можем проследить ряд интересных тенденций. И если дореволюционная историография по проблеме исследована достаточно полно, то работы советской эпохи как

будто выпадают из контекста, получая «клеймо» политической ангажированности, институциональности и т.д., что не лишено смысла.

Нами предпринята попытка детальнее изучить литературу о родах, женской телесности начиная с 60-х годов XX в., когда во всех сферах общественной и научной жизни ощутилось дыхание «оттепели», и заканчивая «перестроечными» 1980-ми. Однако начать стоит с небольшого экскурса в историю.

С приходом советской власти была создана новая система здравоохранения, изменился и подход к родовспоможению. Народная медицина в любом виде была объявлена пережитком прошлого и подверглась жесткой критике, делался упор на расширение сети медучреждений (родильных стационаров и фельдшерско-акушерских пунктов), медиализацию процесса ведения беременности и родов. Была создана система Охматмлада (пунктов охраны материнства и младенчества при региональных отделах здравоохранения), призванная больше внимания уделять не только беременности и родам, но и обеспечению помощи родившим женщинам в уходе за детьми.

Невозможно отрицать, что в результате этих изменений улучшились показатели выживаемости и здоровья матерей и младенцев, санитарные условия и пр. Вместе с этим прослеживается четкая линия отказа от важности изучения родильной культуры прошлого и настоящего, так интенсивно и плодотворно начатого с конца XIX в. дореволюционными этнографами. В этот исторический период все силы были брошены на решение так называемого женского вопроса, который заключался в формальном улучшении практической стороны жизни советской гражданки, дабы сделать из неё наиболее продуктивную трудовую единицу и члена партии. Названия работ того времени говорят сами за себя: «Женщина – великая сила советского общества» [1], «Советская женщина – труженица, мать» [3], «Светлый путь. КПСС – борец за свободу, равноправие и счастье женщин» [5] и др. При этом исследования современниц (интервью, анкетирование) отсутствовали, а данные, которыми оперировали ученые, имели сугубо статистический характер (отчеты женских консультаций, родильных домов, фельдшерско-акушерских пунктов). Были поставлены на паузу многочисленные полевые исследования. Ученым оставалось описывать родильную обрядность глубокой старины по уже сформированным данным. Все это приводило к невозможности качественного сравнительного анализа ситуации с женским репродуктивным поведением и родильной культурой в целом.

На Западе уже полным ходом шло формирование так называемых *woman studies*, звучали голоса феминисток второй волны, высказыва-

ющихся в том числе за естественные роды и снижение уровня медикализации. В Советском Союзе репродуктивная тема если и освещалась, то только в рамках специальной статистической литературы и критики старых медицинских моделей. Такое положение дел сохранялось на протяжении нескольких десятилетий. Мы видим, как российская наука на протяжении долгого времени упорно отделяла медицинские знания от исторических (этнографических) знаний и тем более от психологического и чувственного компонента, от обращения к персональному опыту женщин, а идеологические ценности ставила выше индивидуальных. И если до середины XX в. это вписывалось в общемировую динамику, то впоследствии там, где западные учёные-антропологи стали прокладывать весьма устойчивые мостики, в советской историографии продолжала зиять пропасть. Но так ли глубока эта пропасть, как представляется на первый взгляд?

Уже с середины 1960-х годов в медицинском поле мы можем найти несколько работ, анализирующих историю акушерства на местах. Диссертационные исследования того периода, носившие в основном региональный характер, естественно, являлись политически ангажированными. Даже названия их вполне вписывались в сложившуюся концепцию: «неуспех старой системы – успех новой системы» [10]. Тем не менее это были первые за несколько десятков лет труды, в которых ученые сколько-нибудь приблизились к описанию родов и опыта вступления в материнство реальных советских женщин не только с точки зрения статистики.

Социология и даже демография (известно, что демографическим вопросам в СССР уделялось особое внимание) становятся важной ступенькой «исследования родовспоможения». В многочисленных работах 1960–1970-х годов анализируется устройство брачно-семейной системы и её эволюция и даже затрагиваются интересующие нас вопросы репродуктивного поведения и рождаемости [9]. Если отбросить в сторону уже упомянутый налет идеологизации, окажется, что именно на страницах трудов по анализу демографических процессов происходит первая за много лет встреча профессиональных историков с «женской темой» в целом и с темой родов/рождения в частности. Как итог этого взаимодействия, в 1977 г. на пересечении истории, экономики и социологии появляется сборник «Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР» под редакцией А.Г. Вишневого [2]. В этой работе использованы уже собранные статистические данные с конца XIX в. и выявлен ряд закономерностей, являющихся принципиальными для изучения «женской темы» в России. Авторы указывают на формирование нового типа семьи, постепенное повышение брачного возраста,

анализируют количество родов, внебрачных беременностей и другую важную акушерскую статистику в исторической ретроспективе, рассматривают причинно-следственные связи.

Впоследствии, уже в 1980-е годы, вышло несколько работ, анализирующих вопросы быта и экономического положения, материнства советской женщины, в том числе и роды, как социальный конструкт [6, 7]. Эти исследования пришлись на время перестройки, когда стало можно свободно высказываться. Впервые за много лет, как в научном мире, так и на страницах общественной печати были подняты вопросы женской телесности, сексуальности. В этой связи нельзя не отметить исследования И.С. Кона, анализировавшего тему юношества, брачных отношений и репродуктивного поведения [4]. Важным является опубликованный в 1989 г. сборник «Русские: семейный и общественный быт» [8]. На его страницах не только рассматривались обычаи и традиции, связанные с деторождением, но и прослеживалась закономерная трансформация этих традиций вплоть до современности. Все исследователи, раскрывающие своих в статьях «материнско-детскую» тему, погружались в нее именно в 1980-е годы. Это дает основание говорить о том, что именно к этому периоду относится возвращение четкого фокуса внимания историков как к родильной культуре прошлого, так и к современной ситуации с родовспоможением.

Таким образом, советские исследования на тему родовспоможения, родов и эволюции женской телесности 60–80-х годов XX в., конечно, не покрывали всего спектра проблем, которые к тому моменту уже стояли перед западными антропологами во весь рост. Более того, некоторые из этих проблем в нашей стране удалось поднять только сейчас. Работа с литературой и источниками того времени по выбранной теме требует от нас известной доли упорства и любознательности, умения абстрагироваться от идеологического контекста. Искомые сведения действительно, немногочисленны, рассеяны по разным областям науки, не всегда смежным с историей и антропологией. Тем не менее будет категорично совсем отрицать их наличие. Ведь любой рассматриваемый труд, будь то социодемографическое исследование, сухой статистический справочник по рождаемости или отданную на откуп медикам, институциональную историю советского родовспоможения на протяжении десятилетий писали живые люди (в ряде случаев сами же женщины), встречавшие в своей работе интересные факты, феномены и закономерности. Именно они формировали то поле, в котором, а может быть, и вопреки которому, уже с конца 1980-х годов начинает расцветать целая плеяда известных ученых, в той или иной степени посвятивших себя тем самым *woman studies*, или *obstetrics studies*.

Список литературы

1. *Араловец Н.Д.* Женщина – великая сила советского общества. М., 1947.
2. Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР / ред. А.Г. Вишневский. М.: Статистика, 1977.
3. *Громова Г.М.* Советская женщина – труженица, мать. М., 1963.
4. *Кон И.С.* Материнство и отцовство в историко-этнографической перспективе // Советская этнография. М., 1987.
5. *Любимова С.Т.* Светлый путь. КПСС – борец за свободу, равноправие и счастье женщин. М., 1962.
6. *Машика Т.А.* Занятость женщин и материнство. Экономико-статистическое исследование. М.: Мысль, 1989.
7. *Поленина С.В.* Труд, семья, быт советской женщины. М.: Юрид. литература, 1990.
8. Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. 334 с.
9. *Садвокасова Е.А.* Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1969.
10. *Тушин О.В.* Состояние родовспоможения в Тернопольской области в прошлом и его развитие за годы Советской власти. Ивано-Франковск, 1965.

Ю.Е. Павельева

ГБУК г. Москвы «Дом русского зарубежья им. А. Солженицына»

Историография «женского мира» в творчестве А.И. Солженицына

«Красное колесо» А.И. Солженицын называл главным трудом своей жизни: «К 1979 я носил в себе замысел “Красного Колеса” 42 года, а непрерывно работал над ним – уже 10 лет. И все-все эти годы собирал... эпизоды, случаи, факты, хронологию, доступные материалы, соображения, оценки, мысли» [8, с. 387]. Среди грандиозных проблем, заполнивших страницы эпопеи, нашлось место и вопросу о «женском мире в ракурсе повседневности». И хотя гендерная проблематика не находится в центре исследований творчества Солженицына, многие авторитетные ученые свидетельствуют о ее важности для понимания и художественной специфики, и социально-исторической проблематики произведения.

Существуют различные точки зрения на гендерный контекст художественного мира Солженицына. Ж. Нива утверждает, что «его общество – это общество мужчин» [4, с. 112]. А. Аркатова хотя и писала, что «среди героев эпопеи, участвующих в формировании авторского

видения истории, преобладают мужские персонажи», но указала на значимость женских образов: «...они играют ключевую и равноправную роль в выражении историософской концепции автора...» [1, с. 359]. Характеризуя Солженицына как «маскулинного художника», Р. Темпест говорит о последовательной полоролевой кодировке героев и героинь и вводит термин «гендерлаконизм» [9, с. 455]. Т.Е. Смыковская в ответ на высказывания о второстепенности роли женских образов в творчестве Солженицына отметила: «Не применима подобная трактовка к “узловому” произведению писателя – “Красному колесу”...» [5, с. 97]. Исследовательница выделила образ Ирины Томчак, назвав ее «героиней, консолидирующей кубанские главы “Августа Четырнадцатого”... Взглядом Ори освещено устройство особняка, его владельцы, традиции, царящие в семье. Через Ирину преломляются образы других обитателей томчаковского дома... Даже в главах, где Ирина не действует активно, она присутствует незримо, ее точка зрения актуализируется повествователем...» [5, с. 98]. Этого взгляда придерживается Ц. Би, подчеркнувший, что «в “Красном Колесе”... можно найти яркие женские образы, которые вполне сопоставимы с мужскими...» [3, с. 288].

Характеризуя Ирину, Ц. Би выделяет ее смирение. Однако вопрос о смирении для самой Ирины не решен окончательно. Даже испытывая эмоциональный дискомфорт от ссоры с мужем, Ирина мечтает о «воспитательном» значении этой ссоры: «Была такая фантастическая мысль у неё, что... может быть, его проберёт? ...не для того, чтоб одержать верх, но для него же больше, для его сердца» [7, с. 35], вот поэтому она решает: «...мириться или нет? Смириться или нет?..» [7, с. 33]. Важна причина произошедшей ссоры: «Ирина слишком выразительно сказала, как трудно сейчас России и как должны сыны её... А Ромаша принял на свой счёт, уязвился, обзывал, что она туполобая патриотка, дремучая монархистка...» [7, с. 29]. При этом чрезвычайно показательна авторская характеристика семейных ссор: «Вот такие ссоры у них и бывали, скорей как между мужчинами: то из-за Государя, над которым всегда смеялся Роман; то из-за веры, которой у него нисколько не осталось...» [7, с. 29].

Ирина – деятельная натура, она главная создательница усадьбы с ее сложной структурой, базирующейся на особой философии: «...самостоятельность пейзажа, отъединённость от окружающей местности, непохожесть на неё...» [7, с. 34]. Всё это демонстрирует творческий потенциал и самостоятельность Ирины в принятии решений. Нелучайно ее свекр, «дикий степной помещик», учился не только у сына, но и у невестки «как обставлять жизнь» [7, с. 34].

Ирину многие исследователи считают хранительницей традиций, чему, по мысли Ц. Би, противоречит ее влияние на принятие решений «остальных членов семьи» [3, с. 287]. Однако в эпоху надвигающихся катастроф (Четырнадцатый год — пролог Семнадцатого) как раз такая ситуация и становится едва ли не повсеместной. При этом важные решения принимают именно женщины, возможно, привыкшие к тому, что ранее они были избавлены от этой обременительной задачи. Свидетельства социальных «подвижек» представлены в мемуарах пореволюционной поры, переданных Солженицыным в архив Дома русского зарубежья. Автор «Красного колеса» вспоминает, как во время работы над эпопеей «...величайшую подмогу оказали *Старики* — вот те старые эмигранты революционных лет. Они одарили меня и эпизодами — и самим духом времени...» [8, с. 388].

Таким документом эпохи можно назвать воспоминания И.Г. Берхман, дочери потомственного военного. Болезненная с детства, робкая и нерешительная, младшая дочь генерала вспоминает свои судьбоносные поступки, нарушавшие приказы тех людей, от которых зависела жизнь ее близких: переход границы «с карманами, набитыми револьверами» [2, л. 25], совместное поселение в беженском лагере: «Не давая себе даже отчета в том, что я делаю... я вытолкнула папу из вагона...» [2, л. 28]. В пореволюционные годы менялся социальный статус женщин, которые осваивали новые социальные роли. Показательна фраза: «При моей природной робости и нерешительности трудно мне было проявлять инициативу и нести ответственность за себя, за своих, а случалось, — и за чужих» [2, л. 100].

«Женский мир» в «Августе Четырнадцатого» не исчерпывается образом деятельной мечтательницы Ирины, хранившей традиции и стремившейся к новому. Рядом с ней оказываются, с одной стороны, ее свекровь — Евдокия Григорьевна, человек добрый, но не способный к развитию, оставшийся на патриархальных основах, а с другой, — ее золовка — Ксения «с ее западным ореолом (Эллада, Айседора Дункан, Париж, иностранные книги)» [5, с. 98]. В перемежении панорамных и узловых картин «Красного колеса» три представительницы семейства Томчаков демонстрируют отдельные грани женского мира, которые однако неотделимы от общего исторического полотна России, стоящей на пороге перемен.

Список литературы

1. *Аркатова А.* Система ключевых женских образов в эпопее А. Солженицына «Красное Колесо» // Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к «Красному Колесу»: сб. ст. / сост. Л.И. Сараскина. М.: Русский путь, 2013. С. 359–369.

2. Берхман И.Г. Воспоминания. Архив ДРЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. Лл. 1–109.

3. Би Ц. Образ Ирины Томчак в кубанских главах романа-эпопеи «Красное Колесо» А.И. Солженицына // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 2. С. 282–290.

4. Нива Ж. Солженицын / пер. с фр. С. Маркиш в сотрудничестве с автором. Лондон: ОРІ, 1984. 251 с.

5. Смыковская Т.Е. Женские образы А. Солженицына в контексте пасхальной традиции (на примере эпопеи «Красное Колесо») // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2013. № 3. С. 97–104.

6. Солженицын А. Интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения (Кавендиш, 31 октября 1983 г.) // Солженицын А. Публицистика: в 3-х т. Т. 3: Статьи, письма, интервью, предисловия. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. С. 173–193.

7. Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках в четырех Узлах. Узел I: Август Четырнадцатого // Солженицын А.И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 7. Кн. 1 / ред.-сост. Н. Солженицына. М.: Время, 2017. 432 с.

8. Солженицын А. Угодило зернышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания // Солженицын А.И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 29 / ред.-сост. Н. Солженицына. М.: Время, 2021. 880 с.

9. Темпест Р. Фермопилы Георгия Воротынцева: солженицынская концепция мужественности // Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к «Красному Колесу»: сб. ст. / сост. Л.И. Сараскина. М.: Русский путь, 2013. С. 452–461.

Х.А. Хабекирова, М.Р. Дышекова
*Черкесск, Карачаево-Черкесский институт
гуманитарных исследований*

Из жизни черкешенок Карачаево-Черкесии в 1990-х – начале 2000-х годов

Политические, социально-экономические, культурные преобразования, имевшие место в России в 1990-х – начале 2000-х годов, привели в кризисное состояние все стороны жизни её народов. Соответственно, это коснулось и черкесов. Хотя новая, очередная Конституция страны закрепляла, как и предыдущие, равноправие женщин и мужчин в обществе, но на самом деле происходило разрушение уже

достигнутых женщинами определенных достижений в этом вопросе, нарастали дискриминационные процессы в их отношении и падала конкурентоспособность на рынке труда. Приходилось неоднократно слышать от нескольких молодых девушек, что главным условием их приёма на работу работодатель ставил то, что они не должны выходить замуж несколько лет, а согласие претендентки даже документально как-то оформлялось. В это время работу теряли и мужчины, разумеется, но у них шансов устроиться было больше, так как при выборе между мужчиной и женщиной чаша весов всегда склонялась в сторону первого, потому что в отличие от женщины он не уходил в декретный отпуск, не был обременен домашними делами, детьми. В эти годы необходимость выживания в условиях хаоса и дикого капитализма была суровым испытанием для женщин и их повседневной действительностью. Вероятно, как отмечают исследователи, свойственные женской натуре беспокойство, повышенная ответственность за жизнь и благополучие детей и членов семьи, сыграли решающую роль в их быстрой приспособляемости к новым экономическим (рыночным) и социальным условиям. Считается, что женщины вообще, независимо от своей национальной принадлежности, обладают более высокими адаптивными способностями, психологической пластичностью. Сложившаяся тогда ситуация может также быть и свидетельством разных мировоззренческих, поведенческих установок и приоритетов, ценностей мужчин и женщин [2, с. 146].

Черкесские женщины, как в целом и по России, в своём большинстве работали, работают и сегодня в таких сферах деятельности, как образование, здравоохранение, торговля, социальные услуги и потребление, где заработная плата всегда традиционно была ниже, чем в других отраслях народного хозяйства. Такое положение было и в советское время, а в постперестроечные годы, когда происходила катастрофическая девальвация рубля, тем более. Притом женщины в этих сферах, за некоторыми редкими исключениями, имели рядовые должности. Как показала жизненная практика, именно необходимость выживания, когда муж не имел работы или его денег не хватало для семьи, мобилизовала многих женщин, и они взяли инициативу обеспечения семьи в свои руки. Потерявшие работу или занятые в «полотипичных» профессиях (перечислены выше), где маленькая зарплата, они начали заниматься индивидуальной трудовой деятельностью. Чаще всего это было вязание различных изделий и их продажа на внутренних рынках республики и за её пределами, более всего, конечно, в Москве. До этих времён черкешенки в своей основной массе не занимались вязанием на продажу, как это многие годы делали соседи – карачаевки. Женщины,

живущие в черкесских селениях, привозили изготовленные ими изделия в город Черкесск, республиканский центр, и продавали их оптом перекупщикам. Если же объём товара был небольшой, то торговали и сами. Некоторые нанимались к хозяевам («челночникам»), занимаясь торговлей разными промышленными и продовольственными товарами в магазинах, на рынках, улицах, ларьках. Небольшая их часть самостоятельно вела торговлю, выезжая за товаром на крупные рынки близлежащих городов, в Москву, другие страны – Турцию, Италию, Китай, ОАЭ. Благодаря такой деятельности шло интенсивное изменение социальной роли женщины. Часто выступая в роли основного работника – «добытчика, кормильца», – женщины обеспечивали достаток семьи. Преимущественно это были те, кто потерял работу, но некоторые женщины, работавшие в образовании, медицине, культуре, сфере обслуживания («полотипичные» профессии), подрабатывали в свободное время вязанием, торговлей, чтобы увеличить семейный бюджет. Часть женщин оставляла основную профессию и полностью посвящала себя торговле, чтобы выжить. Это были не только одинокие матери, но и имеющие мужей. Особо тяжело приходилось сельским жительницам, которые рано утром приезжали в Черкесск на городской рынок или в магазин, где работали по найму или сами реализовывали свой товар. Вечером, после тяжелого трудового дня им надо было возвращаться к своим семьям, куда их основная часть отправлялась на общественном транспорте. А дома их ждал, если не было помогавшей по хозяйству свекрови или взрослых детей, не менее насыщенный домашним трудом вечер. Нужно было приготовить ужин, обед на завтра для всей семьи, покормить детей, мужа, подоить корову, постирать, выполнить массу дел в доме и во дворе, подготовиться к завтрашней работе. На помощь мужа могли рассчитывать немногие женщины, так как большинство «свято» соблюдало семейное разделение труда. Выполнение всех своих обязанностей происходило за счёт их сна и отдыха.

О том, каков был типичный распорядок дня черкешенки, живущей в ауле, рассказывала статья, опубликованная в газете «Черкесия» (на черкесском языке) 29 октября 2005 г. Перевод небольшого отрывка из нее звучит так: «Не могу точно сказать, сколько мужчин и женщин живёт в нашем ауле (Боташей – Малый Зеленчук. – Х.Х). Но если сравнивать, не ошибёшься, наверное, что женщин, которые работают, содержат семью, включая и мужа, больше... Давайте теперь посмотрим, сколько дел обязана переделать женщина, которая должна явиться на работу без опоздания. Подои корову, выгони её на пастбище и, возвратясь, займись приготовлением молочных продуктов, приготовь завтрак и обед для семейства, подними детей, накорми, отправь кого положено в шко-

лу, а кого отведи в детский сад. Таким же образом сделай то, что требуется и для мужа. А, куры, гуси? Я о них забыла, они бедные кричат в своих курятниках. После всего этого, она, наконец, может заняться собой... хватает свою сумку, бегом догоняет автобус, бросается в него и едет на работу. А работа находится в городе, потому что в ауле её нет. Целый день работает (о тяжести выполняемой работы не будем говорить), а вечером уставшая, голодная, с тяжёлой сумкой (продукты для семьи купила в магазине или на рынке) входит в свой двор [1].

Таков был обычный день средней женщины у черкесов (и если бы только у них!) в постсоветское время. Тональность приведённых фрагментов статьи ясно показывает реакцию женщины, так как автором была она, на несправедливые упреки или «выпады» авторов-мужчин, которые критически оценивали женщин в статьях, появлявшихся время от времени в те годы на страницах черкесской республиканской газеты. Причинами происходящих в обществе негативных явлений часто называли женщин. Критиковались их внешний вид, одежда, причёска, манера поведения и т.п.; их обвиняли в отсутствии воспитания в духе черкесской традиции. Выход из кризиса авторы подобных статей видели в возврате женщин к их «истинному предназначению». В такого рода статьях не затрагивался вопрос о роли, предназначении мужчин не только вообще, но и в описываемое время. На тему женского труда в обеспечении семьи не только в те годы, но и в настоящее время, можно сказать много, но мы ограничены размерами статьи. Скажем лишь, что сегодня её «активность», может быть, в меньшей степени, но также весьма актуальна.

Список литературы

1. Газета «Черкес Хэку» («Черкесия»). 29 октября 2005 г.
2. *Толстокорова А.В.* «Лучи света в тёмном царстве»: социальные дивиденды мигрантов в гендерной перспективе // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 5.

Е.А. Самоделова

Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

Исследовательские достижения и лакуны в изучении комплексов русской женской народной одежды

К 2020-м годам традиционный русский костюм оказался на грани исчезновения, поскольку уже к середине XX в. был вытеснен городской модой, распространившейся и в деревне; только фольклорные

коллективы, как аутентичные (возникающие в сельской среде из числа лучших местных певцов старинных песен), так и профессиональные (сформировавшиеся из числа собирателей произведений устного народного творчества в результате экспедиций в села) продолжают активно использовать народную одежду; также сельские жители старшего поколения еще хранят в сундуках рубахи, сарафаны и поневы своей молодости. Уже на рубеже XIX–XX вв. коллекционеры и этнографы (Н.Л. Шабельская, М.К. Тенишева, Н.И. Лебедева и др.) начали формировать частные и музейные коллекции народной одежды, предвидя ее скорый незаметный уход. Благодаря стараниям собирателей традиционный русский костюм был сохранен в своей основе, представлен в региональных и даже локальных вариантах преимущественно в виде экспонатов музеев, реже – в качестве сценического наряда. Тем не менее остаются существенные лакуны в изучении народного костюма, который является весьма значимым материалом историографии как женской, так и мужской частной жизни по XX в. включительно, расцениваемой исследователями в качестве важной части российской истории.

Исследовательские лакуны заметны в ряде случаев: 1) при публикации альбомов по народной одежде и монографий (обычно хорошо иллюстрируемых) [1–3]; 2) при создании тематических выставок в домах народного творчества, реже – в краеведческих музеях, особенно районных; 3) при проведении фольклорных праздников и торжеств более широкого масштаба (вроде ежегодного фестиваля «Времена и эпохи» в Москве); 4) при учреждении специальных проектов культуры (типа «Нарядная губерния» в Рязанской обл. в 2022–2023 гг.), когда прикладники-практики в регионах задаются вопросами по традиционному костюму.

В отношении степени исследованности народной женской одежды обнаруживаются существенные пробелы, часть которых сводится к ошибкам, допущенным мало информированными «практиками на местах», часть – к уязвимой, но устоявшейся научной традиции, еще часть лакун вызвана объективной неизученностью отдельных вопросов по общей проблематике национального костюма. Заполнить выявленные пробелы, вероятно, уже не получится из-за плохой сохранности и даже полного отсутствия в большинстве российских регионов изучаемых объектов в их живом бытовании, а не в музейном виде; тем не менее необходимо стремиться к устранению пропусков. В целом наблюдаются следующие огрехи и лакуны в изучении и демонстрации народной женской одежды: 1) неразличение цельности и половинчатости рубахи, являющейся важнейшей составной частью традиционного

костюма; неучтенность исторической изменчивости рубахи и невыстроенность ее хронологии (от полноценной рубахи – к рубахе-«станушке» и рубахе-«рукавам», а также вычленение из «долгой рубахи» нижней юбки-«подола»); 2) непонимание принципиальной разницы между передним и задним видами рубахи, расположения ворота; 3) вопрос о цели надевания более чем одной рубахи (так могла поступить девушка на выданье, желавшая сделать незаметным свое худощавое телосложение и выглядеть дородной – в соответствии с эстетическим идеалом крестьян, либо для приятных тактильных ощущений при надевании атласной рубахи поверх холщовой); 4) путаница в определении вещей сходного кроя – например, рубахи и женского наверхника; 5) незнание правил сочетания частей в разных комплектах одежды – праздничной (с учетом конкретных календарных и семейных праздников), будничной (в том числе носимой в пост) и траурной, а также различной по возрасту и социальному статусу – девичьей, дев-вековух, женщин-молодок, многодетных матерей, солдаток, вдов, пожилых женщин, старух, еще – заранее приготовленной одежды «на смерть» (для обрядования покойницы); 6) неизвестность в достаточной мере ритуальных и бытовых моментов первого надевания нового вида народной одежды согласно этическим установкам артельного общепитательства, непрослеженность этого важного этнографического момента по регионам и локусам; 7) нерешенность вопроса о том, можно ли надевать платок поверх девичьей повязки и каким способом его повязывать; 8) нерасчлененность соотношения «рогов» как определенного типа женской прически (во множестве ее локальных разновидностей) и детали (часто внутренней) головного убора замужней женщины; 9) отсутствие знаний о материале для изготовления каркаса головного убора (при сохранности слишком малого числа экземпляров в музеях и невозможности их разять на элементы для изучения); 10) неопределенность надевания «глухой» клетчатой понёвы, у которой прошивка может находиться спереди слева, по центру или справа в локальных способах ношения; 11) незафиксированность в полном объеме диалектных названий частей костюма и его деталей, швов, узоров браного ткачества и вышивки; 12) недостаточная собранность в каждом географическом регионе всего набора полноценных комплектов народной одежды, бытовавших с небольшими отличиями во всех населенных пунктах; 13) неуточненность хронологии бытования и смены названий основы комплексов одежды, вызванных частичным введением покупной мануфактурной материи (например, «пара» / «парочка» применительно к рубахе с рукавами из однотонной покупной ткани с фартуком-«запоном» такого же цвета и применительно к блузе и юбке из

подобной ткани); 14) невыполнение чертежей по раскрою полотна для шитья (реконструкции) всех частей многослойного народного костюма в ряде селений; 15) неотраженность в виде многокадровой репортажной съемки или с помощью кино- и видеофильмов способов складывания и последовательности укладки одежды в сундук; 16) неясность представления об изготовлении одеяния невесты-крестьянки на свадьбу, ее сшитых собственноручно и с помощью подруг приданого, даров жениху и его родне; проистекание отсюда ложного уподобления одежды молодки свадебному платью, которое возникло в господствующих сословиях Западной Европы и было заимствовано отсюда русскими дворянами, употреблялось единственный раз в жизни; применение дефиниции «свадебный костюм» к крестьянской одежде – в результате недопонимания существенной разницы между ним и впервые надетым на свадьбу наиболее ярким и богато украшенным праздничным женским комплексом одежды, который затем продолжала носить замужняя женщина-молодка по праздникам до рождения первенца или первого сына. Очевидно, что перечислены не все лакуны в исследовании и практике применения женского народного костюма.

Современные хранители, получившие цельные комплексы или отдельные части народного костюма не напрямую от прежних его носительниц (в буквальном смысле слова), а уже от их менее осведомленных наследников, не имели возможности услышать ответы на интересовавшие вопросы и донести их до этнографов и искусствоведов.

Список литературы

1. Каталог коллекций Государственного музея-заповедника С.А. Есенина: в 7 т. /сост. Б.И. Иогансон, В.С. Титова; вступ. ст. Т.Ю. Кирьяновой. Рязань; Константиново: ГАУК «Гос. музей-заповедник С.А. Есенина, 2019. Т. IV: Этнография. 172 с.

2. Костюм и праздник /автор проекта В.В. Мальми. Петрозаводск: Карелия, 2008. 120 с.

3. Соколова Г.В. Традиционная одежда Рязанской губернии XIX–XX вв. в собрании Сергиев-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника. М.: Северный паломник, 2021. 292 с.

РАЗДЕЛ 3
НОВЫЕ ТЕОРИИ, ПОДХОДЫ И КОНЦЕПТЫ
В ДИСЦИПЛИНАХ, СОПРЕДЕЛЬНЫХ АНТРОПОЛОГИИ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПОЛОВ

И.В. Перельман

Москва, ФГКОУ МКК «Пансион воспитанниц МО РФ»

**Эстетика перформативности как стратегия исследования
женского портрета в русской живописи
второй половины XIX – начала XX в.**

Понятие «перформативность» первоначально зародилось в философии языка. Джудит Батлер связала его с философией культуры и прежде всего с телесными действиями и театром [2]. На театральную природу перформативности обратила внимание профессор театроведения Свободного Университета в Берлине Э. Фишер-Лихте, которая отметила смену статуса и идентичности участников спектаклей и зрелищ как феномен, который невозможно описать с позиций традиционных эстетических категорий [1]. Центральное значение здесь имеет процесс трансформации – перевоплощения, рождающий сценический образ. Новое духовно-телесное воплощение создает новую идентичность. В этом заключается идея перформативности в эстетике. Она может сопровождаться как сменой пола нового образа, так и развиваться в рамках одного пола, границы не принципиальны. Происходит игра идентичностью. Плюрализм гендерных идентичностей, их амбивалентность составляют основу перформативного подхода. Гендерный аспект художественного образа приобретает индивидуально символическое выражение. При его анализе на первый план выходят психологическая субъективность и сексуальная окрашенность. Исследовательская рецепция концентрируется на индивидуально-психологическом посыле образа. Прекрасное приобретает субъективную телесно-психологическую основу в отличие от социально-конструктивистского подхода, который сосредотачивается на гендерных стереотипах. Примером этому служит знаменитый портрет З. Гиппиус, созданный в 1906 г. Л. Бакстом. Это образ, задающий новый дискурс сексуальности. В нём актуализируется игра половой идентичностью, которая не лишает образ красоты и гармонии. Другим примером является картина «Пьеро (Автопортрет в костюме Пьеро)» З. Серебряковой (1911). Гендерная перформативность есть художественно-эстетический феномен, нашедший свое отражение в искусстве. Он дает возможность познания чужих сознаний через выражение.

Прослеживается аналогия между перевоплощением участников театрального спектакля и жанром портрета, обладающего театральной, как художественно-эстетическим качеством. Герой такого портрета может быть представлен в образе иного, привлекательного для себя персонажа другого пола или социального статуса. Такой портрет подразумевает действие – перевоплощение, которое можно считать коллективным (ансамблевым) перформативным актом, высказыванием модели и автора, а в случае автопортрета – перформативным высказыванием автора. Он несет в себе потенциал гендерного перформанса, поскольку не просто констатирует образ модели как таковой, но трансформирует его в иную гендерно чувствительную плоскость, даже находясь в рамках одного пола.

Подобные портреты сродни инсценировке, в которой модель получает неожиданно новую гендерную характеристику. Стирается грань между автором и моделью, поскольку они оба согласованно вовлекаются в процесс инсценирования. Примером тому может служить серия женских портретов, созданных В.И. Суриковым, в которых модель добровольно принимала русскую средневековую образно-историческую трансформацию, предлагавшуюся художником. Такой портрет можно считать высказыванием модели о себе, в котором она актуализирует иной социально-ролевой и духовный потенциал, живущий внутри ее сознания. Это то, что она знает и утверждает о себе. Это те гендерные интенции, модальности, которые скрыты в ней в обыденной жизни. И эстетическим в данном случае является то, что дает ей возможность перевоплотиться, принять новый облик (внутренний импульс, костюм, одобрение художника), поскольку так она демонстрирует свое вариативное представление о прекрасном.

Такое действие автореферентно по отношению к обоим участникам процесса. Оно выявляет новый компонент в эстетике создания и восприятия художественного произведения. Понятие перформативности применимо исключительно к такой разновидности портрета, где происходит духовно-телесное переформатирование (переименование) модели. Оно говорит о существовании в искусстве пространства отказа от стабильной идентичности и о возможности представить ее как спектакль.

Понятие «перформативность», первоначально связанное с театральным искусством, подразумевает процессуальность произведения как его доминанту. Его приложение к живописи возможно лишь тогда, когда акцент ставится на перевоплощении героя как эстетически необходимым условием создания образа. Перформативный подход понимается как одна из стратегий гендерно-сенситивной концептуализации художественного образа. Он может быть адаптирован исследователями социальной истории полов и гендерной истории.

Список литературы

1. *Фишер-Лихте Э.* Эстетика перформативности. М.: Международное театральное агентство Play&Play; Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2021. 384 с.
2. *Butler J.* Performative Acts and Gender Constitution: An Essay in Phenomenology and Feminist Theory // *Theatre Journal*. 1988. Vol. 40. No. 4. P. 519–531.

Л.А. Нефедова

Челябинск, Челябинский государственный университет

Я.В. Зубенко

Костанай, Казахстан, Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова

История становления феминной идентичности на примере русскоязычных литературных произведений

Фемининность представляет собой характеристики, связанные с женским полом, или характерные формы поведения, ожидаемые от женщины в обществе. Традиционно считалось, что фемининность биологически обусловлена; женщинам присущи такие черты личности, как мягкость, отзывчивость, заботливость, эмоциональность и др. В рамках андроцентричной культуры фемининность определяется как маргинальная по отношению к маскулинности как норме [4, с. 45].

Феминная идентичность рассмотрена нами на примерах литературных произведений русскоязычных авторов, в которых были проанализированы языковые единицы с гендерным маркированием. Языковые единицы феминитивности в русском языке отличаются широким спектром словообразовательных типов (исконно славянские, заимствованные).

Гендерное маркирование лиц женского пола находит языковое отражение в номинативной и семантической системах языка. Само понятие «гендерная маркированность» подразумевает определенные признаки, посредством которых становится возможным идентифицировать языковую единицу и соотнести ее с тем или иным полом. Использование гендерных маркеров в определенной коннотации ведет к формированию стереотипных суждений (в нашем случае роли женщины в обществе).

Для изучения образа женщины в русском языке были проанализированы романы Н.В. Байтова «Любовь Муры» (2013), М.Л. Степновой «Женщины Лазаря» (2015), Д.М. Трускиновской «Люс-А-Гард» (1996), М.П. Шишкина «Венерин волос» (2017).

Рассмотрим языковые единицы с указанием на лиц женского пола различных профессий.

1. Женские профессии / вид деятельности, имевшие место в прошлом и частично сохранившие свои функции в настоящее время: *кормилица, сестра милосердия, няня, кухарка, домработница, судомойка, прачка, дама-стеклодув*:

И горничные, и кормилица с сыночком [10, с. 147]. Кормилицей называли женщину, нанимаемую в дом для вскармливания ребенка грудным молоком вместо матери, что объяснялось рядом причин. Практика использования кормилиц является древней и общей для многих культур, к которой прибегали матери в силу своей неспособности самостоятельно кормить ребенка, либо нежелания, что особо часто наблюдалось у женщин из высших слоев общества.

Я – не просто девушка с косой. Я – сестра милосердия [12]. Изначально конгрегация сестер милосердия была основана в Дублине (Ирландия), куда входили монахини, занимающиеся преподавательской, медицинской и благотворительной деятельностью. В Российской империи сестры милосердия появились в середине XIX в. сначала из числа женщин знатного происхождения, позже туда стали принимать всех желающих, кто занимался уходом за больными в больницах, работой в приютах и в качестве младшего медицинского персонала участвовал в военных действиях [6].

Видно, хозяйка салона стала демократично играть в кухарку совсем недавно [12]. Устаревшее существительное *кухарка* называет работницу на кухне, занимающуюся приготовлением пищи.

Няня в последние недели сильно страдала [12]. Слово *няня* является древнерусским и происходит из речи ребенка [7], указывает на профессию лица женского пола, в обязанности которого входит уход за чужими детьми с высокой степенью ответственности, умение находить подход к детям и имеющего желательное педагогическое или медицинское образование. В России до революции к услугам няни прибегали состоятельные семьи, где матери не могли заниматься детьми, в няни брали здоровых, опрятных, набожных, спокойного нрава крестьянок, в чьи функции входило нянчить, воспитывать и защищать.

...Стоят две бабищи здоровенные, судомойка и прачка, стоят в обнимку и режут в три ручья! [10]. Судомойкой является лицо женского пола, в обязанности которого входит мытье посуды [5]. Существительное *прачка* образовано от общеславянского слова *прачь* (приспособление для стирки белья) [Этимологический словарь русского языка М. Фасмера]. Данная работа считалась сугубо женской.

Они подарили своей домработнице как гостиницу для родных в деревне ананас [12]. Домработницей, как правило, является лицо женско-

го пола, занимающееся закупкой продуктов, приготовлением пищи, стиркой, утюжкой одежды. В Российской империи считалось обычным иметь помощницу по дому, выполняющую обязанности гувернантки, экономки, поварахи, однако, после Революции 1917 г. все эти профессии были объединены новым словом *домработница*.

2. Профессии / деятельность из области медицины: *патронажная сестра, медсестра*.

Соня, двоюродная сестра Иосифа, работает патронажной сестрой в больнице Отто [12]. Данная профессия предполагает контроль состояния здоровья новорожденных в первые месяцы жизни и требует от женщины наличия среднего или высшего образования. Словосочетание *патронажная сестра* образовано от прилагательного *патронажный* (от фр. *patronage*, обозначающего покровительство и поддержку).

Медсестра кивнула еще раз и исчезла, только застучали по коридору быстрые подошвы [8]. Профессия *медсестры* берет начало со времен русско-турецкой войны (1877–1878), когда Российским обществом Красного Креста была создана община сестер милосердия. В современной медицине данная профессия требует среднего специального образования, медсестра выступает в качестве помощника врача в лечебно-профилактических учреждениях.

3. Языковые единицы, указывающие на руководящие должности, занимаемые женщинами: *начальница, столоначальница*.

Начальницу все боятся [12]. Существительное *начальница* называет лицо женского пола, занимающее руководящую должность.

Сабина была совсем юной столоначальницей [12]. Существительное является архаизмом, обозначает лицо женского пола, возглавляющее *стол*, так в дореволюционной России обозначали низшее структурное подразделение центральных и местных госучреждений [9].

4. Профессии / род занятий, связанные с работой обслуживающего персонала и работой в легкой промышленности: *женщина-работница, продащица, гувернантка, портниха*.

...Женщины-работницы на кинофабрике раскрашивают кадры [12]. Работницами обычно называют женщин, нанятых для выполнения различного рода работ, например, для работ по дому, на фабрику или сельскохозяйственные работы. Сложное существительное *женщина-работница* состоит из двух самостоятельно используемых существительных.

Изольда спросила по-итальянски продащицу [12]. Существительное *продащица* обозначает лицо женского пола, контактирующее с покупателями и осуществляющее продажу товаров.

О ней все знают, что мама растит ее без отца, потому что с юности была гувернанткой в разных семьях [12]. Гувернанткой назы-

вали воспитательницу в буржуазных семьях, обычно иностранку, нанимаемую для воспитания и начального обучения детей [11].

Правда, портниха попаласть бестолковая [...], но Галина Петровна настояла на своем, и шуба состоялась [8]. Существительное *портниха* происходит от древнерусского слова *порт* в значении «нарез», «кусочек ткани» и обозначает лицо женского пола, занимающееся пошивом одежды по индивидуальным заказам [5].

5. Профессии / род деятельности лиц женского пола, связанные с искусством (*музыкантша, актриса, певица*) и литературным творчеством (*журналистка, поэтесса*).

У нее крепкие пальцы музыкантши с длинными фалангами [12]. Существительное *музыкантша* относится к лицу женского пола, занимающемуся музыкой и играющему на музыкальном инструменте [5]. Вплоть до конца XIX в. считалось, что женщины не способны сочинять хорошую музыку вследствие их биологической непридрасположенности к этому занятию. Позже женщины получили право на музыкальное образование и успешно сочиняли песни и романсы на стихи русских поэтов.

Господи, неужели я – не актриса? [12]. В русском языке слово *актер* (от лат. *actor*) появилось в Петровскую эпоху (с начала XVIII в.) и относилось к исполнителю театральных ролей [7]. Появлению женщин на сцене в качестве актрис способствовали домашние театры у знатных бояр и при дворе.

Да вы готовая певица! [12]. Существительное *певица* обозначает лицо женского пола, занимающееся пением. Исполнительское пение изначально возникло на Руси в связи с языческими традициями, что позднее послужило появлению церковных хоров в православных храмах. В XIX в. настало время светского хорового искусства, где в новых произведениях требовались женские голоса. Академическое развитие женский хор получил после 1917 г. [2].

Какая-то Миртова, поэтесса, кажется, из Киева [1]. Существительное *поэтесса* (от фр. *poétesse*) обозначает женщину с пониманием изящества и одаренную поэтическим талантом. Творчество женщин долго не принималось во внимание как несоответствующее роли женщины в обществе и нарушавшее культурные нормы. Первые письменные тексты, написанные от лица женщин, сохранились в летописях конца XIV в. В России женское литературное творчество появилось в XVIII в., что стало отправной точкой для большого количества поэтесс, чьи труды стали известны в Серебряном веке.

Журналистка была, как всегда, приветлива, яснолика и хороша собой [10]. Существительное *журналистка* обозначает литературного работника – женщину, занимающуюся журналистикой [5].

В русском языке в профессиональной сфере феминитивы – наименования лиц женского пола – могут быть разделены на следующие группы:

1) существительные женского рода, в которых изначально подразумевается представительница женского пола: *медсестра*, *сестра милосердия*, *патронажная сестра*, *женщина-работница* (ассоциация с женщиной), *дама-стеклодув* (ассоциация с мужчиной);

2) существительные, традиционно относящиеся к «женским» наименованиям: *няня*, *прачка*, *кормилица*, *кухарка*, *судомойка*;

3) существительные женского рода, образованные от мужских наименований посредством суффиксов и окончаний: *актер – актриса*, *певец – певица*, *портной – портниха*, *музыкант – музыкантиша*, *журналист – журналистка*, *продавец – продавица*, *губернатор – губернантка*, *начальник – начальница*, *столоничальник – столоничальница*, *поэт – поэтесса*, *домработник (редкое использование) – домработница*, *мужчина-работник – женщина-работница*;

4) возможное использование мужских наименований для обозначения наименований лиц женского пола: *портной*, *музыкант*, *журналист*, *начальник*, *столоничальник*, *поэт*.

В русском языке особенностью словообразовательной категории феминитивности является разнообразие составляющих ее словообразовательных типов – как исконно славянских (с суффиксами -ниц(а) (*хронодесантница*), -иц(а) (*работница*, *начальница*, *столоничальница*, *певица*), -щиц(а) (*продавица*), -их(а) (*портниха*)), так и заимствованных (с суффиксами -к(а) (*журналистка*, *губернантка*), -ш(а) (*музыкантиша*), -есс(а) (*поэтесса*), -ис(а) (*актриса*)).

Слова, обозначающие профессии и род занятости женщины, оканчивающиеся на *-иша*, имеют разговорную окраску и не допускаются в официальной речи, они используются только в случае возникновения необходимости подчеркнуть пол человека.

Согласно Н.П. Колесникову, для называния женщин словами женского рода в профессиональной деятельности могут использоваться: 1) разговорные варианты: *музыкантиша* [3, с. 230]; 2) стилистически нейтральные слова: *портниха* [с. 344], *журналистка* [с. 117], *губернантка* [с. 88], *поэтесса* [с. 352], *домработница* [с. 104], *медсестра* [с. 215], *няня* [с. 262], *кормилица* [с. 180], *кухарка* [с. 191], *судомойка* [с. 349], *актриса* [с. 17], *певица* [с. 301]; 3) устаревшие слова: *продавица* [с. 383], *начальница* [с. 252], *прачка* [с. 354].

В русском языке вплоть до начала XX в. существовала тенденция называть женщину отдельным словом женского рода, позже появилась тенденция называть женщину словом мужского рода, что сохранилось

до сегодняшнего времени и используется в тех случаях, когда речь идет о профессиях или социальной деятельности женщины.

Список литературы

1. *Байтов Н.В.* Любовь Муры. М.: НЛО, 2013, 560 с.
2. *Григорьева Т.* Культура.РФ. Когда в России появился первый женский хор? URL: <https://www.culture.ru/s/vopros/zhenskiy-khor/> (дата обращения: 20.04.2023).
3. *Колесников Н.П.* Толковый словарь названий женщин. М.: Астрель : АСТ, 2002. 607 с.
4. *Курочкина И.А.* Развитие гендерной идентичности детей-сирот подросткового возраста: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. Екатеринбург, 2016. 220 с.
5. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-34234.htm> (дата обращения: 28.04.2023).
6. *Полянская Е.* Сестра милосердия. Блог исторического музея. URL: <https://blog.mediashm.ru/?p=2173> (дата обращения: 28.04.2023).
7. *Семенова А.В.* Этимологический онлайн-словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/%D0%BD/%D0%BD%D1%8F%D0%BD%D1%8F> (дата обращения: 28.04.2023).
8. *Степнова М.Л.* Женщины Лазаря. М.: АСТ, 2015. 448 с.
9. *Сухарев А.Я., Крутских В.Е.* Большой юридический словарь. URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/big-legal/index.htm> (дата обращения: 26.04.2023).
10. *Трускиновская Д.М.* Люс-А-Гард. М.: ТКО АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1996. 316 с.
11. *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь русского языка. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/783882> (дата обращения: 26.04.2023).
12. *Шишкин М.П.* Венерин волос, Издательство: АСТ, 2017. 544 с.

Е.А. Здравомыслова

Европейский университет в Санкт-Петербурге

Интерсекциональность: метафора или инструмент анализа?

Интерсекциональный подход (ИП) считается наиболее существенным вкладом женских исследований в социальную теорию. Эта методология приобрела зонтичный характер, вышла за пределы академии, стала рыночным брендом и лозунгом женского движения. ИП утверждается на фоне критики позиционной феминистской эпистемологии и политики идентичности, когда подвергается сомнению универсалистский тезис об угнетенном положении всех женщин и всемирном сест-

ринстве [1–3, 5–6, 10–12, 14]. Сегодня раса, класс и гендер стали мантрой женских исследований.

Термин «интерсекциональность» впервые использует в 1989 г. американская правозащитница адвокат Кимберли Креншоу, критикуя программы социальной помощи, оставляющие без внимания опыт черных американок, который обусловлен их расовой, гендерной и классовой принадлежностью. Она определяет интерсекциональность как «многомерность разнообразного жизненного опыта маргинализированных субъектов» [7, р. 139]. Визуализируя многомерность дискриминации, Креншоу описывает социальную позицию черной женщины, стоящей на перекрестке; ее почти сбивают с ног транспортные потоки «расизма» и «сексизма». Неясно, какая форма дискриминации причиняет ей наибольший вред, поскольку они действуют одновременно. Транспортный перекресток с тех пор стал основной метафорой интерсекциональности; термин стал активно использоваться в повестке женского движения, в т.ч. в документах ООН.

Социолог Патрисия Коллинз развивает понятие «матрицы власти» как конкретной многомерной *интерсекциональной* системы господства, которая субординирует и маргинализирует социальные группы по признакам расы, класса, гендера и др. Исследовательница показывает, как образы черных женщин конструируются механизмами создания инаковости и субординации по признакам класса и гендера. «Няня-негритянка», «женщина-матриах», социальная иждивенка, сексуально доступная афроамериканка – это легко узнаваемые классово-гендерно-расово определенные образы чернокожих женщин. Критические академические исследования стремятся деконструировать данные репрезентации и способствовать субверсии порождающих их властных структур [1, 6–7].

ИП постепенно приобретает глобальный характер и развивается в разных традициях. Выделим несколько проблемных вопросов, которые решают исследователи, превращая метафору интерсекциональности в инструмент анализа [2, 8–14].

Во-первых, они обсуждают, что именно считать интерсекциональным и приходят к следующим выводам: интерсекциональность онтологична; это социальная локация, сформированная на пересечении нескольких механизмов социального разделения. Интерсекциональным является комплекс пересекающихся механизмов власти. Интерсекциональной является позиция исследователей, которые сочетают академические задачи и противодействие угнетению.

Во-вторых, дискуссия идет о том, существует ли основополагающая форма угнетения? Анж-Мари Ханкок с сарказмом описывает феномен «соревнования угнетений» – спор о том, какая форма неравен-

ства является определяющей. Расовая или гендерная? Классовая или по признаку возраста/здоровья? Исследовательница утверждает, что механизмы угнетения становятся объектами исследования в зависимости от контекста: в одной ситуации на передний план выходит классовая эксплуатация, в другом – расовое угнетение, в третьем – гендерная дискриминация, но чаще – главный критерий выделить невозможно.

В-третьих, обсуждается число параметров социального разделения, подлежащих ИП. Большинство исследователей выделяют гендер, расу/этничность и класс как три универсальные категории. Однако постепенно спектр форм исключения расширяется. Например, немецкая исследовательница Хельма Лутц перечисляет четырнадцать критериев социального различения, отмечая, что список не является исчерпывающим. Большинство исследователей считают экспансию ИП легитимной, поскольку она связана с расширением проблематики социального исключения в различных институциональных контекстах [13, 14].

В-четвертых, обсуждается существо интерсекциональной связи, которая истолковывается в диапазоне между аддитивностью и трансверсальностью. Аддитивная трактовка предполагает анализ множественного неравенства по принципу дополнительности. Так, идея тройного угнетения бедных афроамериканок предполагает, что каждый из механизмов социального разделения действует автономно, а эффект является кумулятивным. Однако все чаще исследователи предпочитают принципиально новую трансверсальную модель интерсекциональности. Формы дискриминации и исключения действуют не изолированно друг от друга; они пересекаются и переплетаются как жгуты в канате. Именно такое взаимное конституирование форм исключения и угнетения называется трансверсальным [3, 11, 13, 15].

Чем объяснить теоретический успех «интерсекциональности»? Во-первых, это понятие адресовано основной теоретической проблеме женских исследований: концептуализации иерархизированных различий между женщинами. Во-вторых, термин трактуется как метафора, что позволяет расширять спектр толкований. В-третьих, понятие находит отклик в различных теоретических парадигмах (от социологического реализма до женских исследований и постмодернистского проекта). В-четвертых, категория интегрирована в глобальный дискурс, она используется на международном, национальном и региональном уровнях. В-пятых, предлагается новое понимание пересечения механизмов неравенства [10, 11].

Таким образом, интерсекциональный подход работает как метафора и как аналитический инструмент, что позволяет исследователям по-новому помыслить и вообразить социальное подчинение, угнетение и исключение.

Список литературы

1. Коллинз П. Репрезентация афроамериканских женщин // *Глобальный диалог*. 2017. Т. 7. № 1. С. 15–16.
2. Темкина А., Здравомыслова Е. Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2017. Т. 20. № 5. С. 15–38.
3. Butler J. *Gender Trouble*. London: Routledge, 1990.
4. Collins P.H. *Black Feminist Thought*. Boston: Unwin Hyman, 2000.
5. Collins P.H., Bilge S. *Intersectionality*. Cambridge (UK): Polity, 2020.
6. Crenshaw K. Mapping the Margins // *Stanford Law Review*. 1991. Vol. 43. No. 6. P. 1241–1299.
7. Crenshaw K. Demarginalizing the Intersection of Race and Sex // *University of Chicago Legal Forum*. 1989. Vol. 1. P. 139–167.
8. Hancock A.-M. Intersectionality as a Normative and Empirical Paradigm // *Politics & Gender*. 2007. Vol. 3. No. 2. P. 248–253.
9. Lutz H. *The New Maids: Transnational Women and the Care Economy*. London: Zed books, 2011.
10. Lykke N. *Feminist Studies. A Guide to Intersectional Theory, Methodology and Writing*. New York: Routledge, 2011.
11. McCall L. The Complexity of Intersectionality // *Signs*. 2005. Vol. 30. No. 3. P. 1771–1800.
12. Staunæs D. Where Have All the Subjects Gone? // *Nora*. 2003. Vol. 11. No. 2. P. 101–110.
13. Walby S. Intersectionality: Multiple Inequalities in Social Theory // *Sociology*. 2012. Vol. 46. No. 2. P. 224–240.
14. Yuval-Davis N. *The Politics of Belonging*. London: Sage, 2011.

Е.А. Копытова

*Иваново, Ивановский государственный
историко-краеведческий музей им. Д.Г. Бурлына*

Женский взгляд на патриархальные проблемы в пьесах Л.В. Гарелиной

В последние десятилетия в отечественном и зарубежном литературоведении особую популярность приобрели гендерные исследования творчества русских писательниц. Происходит активное изучение статуса женщины в литературе и женской литературной традиции. Российскими и западными славистами исследуются биографии отдельных писательниц и их литературное наследие, изучается история женской литературы [2, 4–6].

Повышенный интерес к женскому литературному творчеству дает возможность обнаружить и исследовать множество текстов русских писательниц, в том числе второстепенных и забытых.

Жена известного ивановского фабриканта Якова Петровича Гарелина писательница Любовь Васильевна Гарелина (1824–1885) разделила судьбу других авторов-женщин XIX в., чьи имена оказались вычеркнутыми не только из истории русской литературы, но и из истории литературы родного края.

К сожалению, даже сведения о частной жизни Любови Васильевны крайне скудны. Известно, что родилась она в Ярославле в богатой купеческой семье виноторговцев Соболевых, а в Иваново-Вознесенск переехала, выйдя замуж за промышленника Гарелина.

Между тем перу Л.В. Гарелиной принадлежит целый ряд литературных произведений самых разнообразных жанров, в том числе сборник стихотворений, сборник драматических произведений, этнографические очерки, сочинения для детей. Специальных исследований, посвященных анализу литературной деятельности Л. В. Гарелиной, не существует. Полагаем, что художественное наследие писательницы достойно изучения, следует вписать творческую личность Гарелиной в историю литературы родного края и в широкий историко-литературный контекст второй половины XIX в.

Исследование творческой биографии Л.В. Гарелиной вызывает особый интерес еще и потому, что в городской культуре XIX в. она была уникальным представителем купеческой среды. Отметим, что опубликованные материалы по гендерной проблематике в основном посвящены рассмотрению творчества женщин, связанных с миром дворянской культуры. Литературная же деятельность представительниц купеческого сословия практически не изучена.

В данной статье будут рассмотрены пьесы, созданные писательницей. В сборник драматических сочинений Гарелиной, опубликованный в Москве в 1870 г., вошли три пьесы: «Приемыш: Деревенские сцены», «Не к месту» и «Игра судьбы» [1]. Все они представляют собой зарисовки из жизни дворянского и крестьянского сословий. Действие произведений разворачивается в патриархальной российской провинции. В пьесах изображаются любовные переживания, стремление женщины к возвышенной романтической любви. Какие бы то ни было социально, политически значимые проблемы не привлекают внимания автора.

Главные действующие лица пьес – женщины разного возраста, социального положения, места жительства: деревенская девушка из зажиточной крестьянской семьи – в первой пьесе, княгиня, жительница губернского города – во второй и помещица дворянка – в третьей. Но

всех их объединяет нестерпимая жажда любви, способность ради нее принести любые жертвы – благосостояние, социальное положение и даже жизнь. Все героини выпадают из сложившихся в патриархальном обществе представлений о женщине: они активны, стремятся к любви и личному счастью.

Гарелина последовательно рисует три возраста или три состояния женщины: девушка на выданье («Приемыш»), молодая жена («Не к месту»), вдова («Игра судьбы»). В их изображении автор делает акцент не на социальном положении, а на чувствах, которые переживает женщина на разных этапах своей жизни. По мысли Гарелиной, в любом возрасте главным, что определяет эмоциональное состояние женщины, ее поступки, поведение, оказывается любовь. Таким образом, эти три пьесы можно рассматривать как своеобразную трилогию.

Остановимся более подробно на пьесе «Приемыш». Во многих отношениях эта пьеса напоминает драму другого нашего земляка – Алексея Антиповича Потехина «Суд людской – не Божий», которая впервые была опубликована в журнале «Москвитянин» в 1854 г. [3].

Сочинения Потехина и Гарелиной имеют очевидное жанровое, тематическое, сюжетное сходство, есть совпадения в образных системах, в характере конфликта. Предметом изображения оказываются патриархальные крестьянские семьи. Место действия обеих пьес – деревня.

Драмы имеют общую завязку, и даже развитие действия до определенного момента происходит одинаково. В основе обеих пьес лежит конфликтная ситуация: героини любят вопреки воле родителей. Кульминация пьес – это ссора с родителями, которая в одном случае (в драме Потехина) приводит героиню к покаянию и отказу от личного счастья, а в другом (в пьесе Гарелиной) – к благополучному финалу и браку с возлюбленным.

Обусловлено это прежде всего различиями в обрисовке главных женских образов. Автор-мужчина подчеркивает в своей героине такие черты, как смирение, кротость, религиозность. Совершенно иной женский характер изображает Гарелина. Ее героиня предстает бесстрашной, непокорной, волевой натурой и благодаря своей настойчивости заставляет мать согласиться на брак с любимым человеком.

Пьеса Гарелиной явилась своеобразным ответом женщины-писательницы на драму Потехина. Это не слепое подражание, а своеобразная женская версия похожего сюжета. В его трактовке Гарелина вступает в полемику с Потехиным. Если с мужской точки зрения любовная связь молодых людей вопреки воле родителей – грех и позор, то, с точки зрения Гарелиной, это возможно. Героиня и автор захваче-

ны единым стремлением к любви, к счастью, о чем свидетельствуют и другие пьесы, а также лирические сочинения писательницы.

Таким образом, произведения Гарелиной посвящены актуальной для второй половины XIX в. проблеме женской эмансипации, но решает она эту проблему по-своему, по-женски. Для писательницы потребность женщины в самоопределении равнозначна ее реализации в любовном чувстве. В своих произведениях автор утверждает право женщины на любовь, свободу отношений, выбора возлюбленного и рисует нехарактерный для российской провинции новый тип активных, способных бороться за свое счастье женщин.

Список литературы

1. *Гарелина Л.В.* Сочинения Л.Г. Часть 1. Драматические сочинения. М.: тип. Бахметева, 1870. 195 с.

2. *Нестеренко М.* Розы без шипов: Женщины в литературном процессе России начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 280 с.

3. *Потехин А.А.* Суд людской – не Божий // Русская драма эпохи А.Н. Островского. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 101–143.

4. *Савкина И.Л.* Пути, перепутья и тупики русской женской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 472 с.

5. *Строганова Е.Н.* Классики и современницы: Гендерные реалии в истории русской литературы XIX века. М.: Литфакт, 2019. 400 с.

6. *A History of Women's Writing in Russia / Ed. by A.M. Barker and J.M. Gheith.* Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 391 p.

А.В. Швецова

Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет

Объяснительный потенциал концепта «нематеринские практики матерей» для изучения женской истории

Дефицит гендерных данных – одна из ключевых проблем в изучении женской истории. В первую очередь это касается вопросов женской повседневности, которая, как предполагается по умолчанию, испокон веков была организована вокруг материнства. Ранний брак, череда беременностей и родов, старение – вот примерный план жизни среднестатистической россиянки как минимум до середины XIX столетия. Снижение числа рождений, доступ к образованию и оплачиваемому труду видоизменил этот сценарий, сократив среднее число «де-

кретных» лет до трех-шести. Согласно нашим данным, даже это время является условно безработным для большинства женщин, предпочитающих «активный» декрет по разным причинам – от финансовых до потребности в саморазвитии. Таким образом, важной методологической задачей становится создание легитимного профессионального языка, позволяющего на междисциплинарном уровне говорить о неидентифицированной женской повседневности. Мы предлагаем использовать для анализа этого феномена термин «нематеринские практики матерей», понимая их как совокупность действий женщин, имеющих малолетних детей, направленных на удовлетворение социальных, экономических, психологических потребностей и возникающих как реакция на отмену привычного ритма жизни.

Очевидно, что нематеринские практики существовали всегда, поскольку рождение ребенка и уход за ним не являлись поводом для освобождения женщины от ее бытовых обязанностей. Однако мы имеем весьма скромные представления о том, как они осуществлялись и каков их истинный исторический вес. Женская повседневность – организация быта, приготовление еды, уход за детьми, пожилыми и больными людьми – представляется однообразным, второстепенным фоном «важных» мужских дел – войн, технических изобретений, географических открытий, опираясь на которые пишется история человечества. Невидимость женского вклада объясняется не только дефицитом гендерных данных, но также способом мышления, принципом расстановки приоритетов – когда, если говорить упрощенно, способность воевать ценится выше, чем способность рожать.

Одно из немногочисленных исследований, на которое мы можем опираться при изучении исторического контекста нематеринских практик российских женщин, – монография членов Российской ассоциации исследователей женской истории Н.Л. Пушкаревой, А.В. Беловой и Н.А. Мицюк «Сметая запреты. Очерки русской сексуальной культуры XI—XX веков» [3]. В отличие от классики гендерных исследований – «Клубнички на березке» Игоря Семеновича Кона [2], в данной монографии гораздо большее внимание уделено женским практикам и их социальному конструированию.

Еще одно понятие, которое потенциально могло бы быть полезным для описания вариативности женских жизненных сценариев, – «аберрантное материнство». Если принять за условную норму, что рождение ребенка является желанным, уход за ним и воспитание осуществляются полноценно и приносят радость матери, состояние здоровья матери и ребенка не снижает качество их жизни, а сама социальная ситуация более-менее благоприятна, то совершенно очевидно, что большинство женщин (как современных, так и прошлых поколений) выпадают из

«нормальности». Причем аберрации будут иметь совершенно разный характер и выраженность, влияя на качество жизни семьи и возможности реализации женщиной своих нематеринских практик.

Аберрантное материнство одна из наиболее доступных тем для исторических исследований, поскольку отклонения фиксировались в документах (церковных, судебных, эго-документах). На этом основании можно сконструировать предположительные образцы нормативности. Например, трансформация репродуктивного поведения женщин в XIX в., крайним проявлением которого является отказ от деторождения и материнства, воспринималась как девиация традиционного женского поведения [3], а снижение числа рождений, репродуктивный контроль как способ регулирования жизненной стратегии стали проявляться первоначально среди привилегированных сословий, интеллигентных женщин и горожанок, обладающих большим символическим и социальным капиталом, чем крестьянки. На основании судебных дел, удалось установить, в частности, тот факт, что в XVII в. детоубийство наказывалось по-разному в зависимости от того, были ли дети рождены в семье или «в блуде» (в первом случае год тюрьмы и покаяние, во-втором – казнь) [1]. Логично предположить, что этот факт во многом определял не только мораль, но и практики женщин. Ответственность женщины за возможное рождение ребенка-инвалида [4] также являлось регулятором ее поведения, формируя локус внутренне-го контроля.

Таким образом, концепт «нематеринские практики матерей» с акцентом на разнообразии и возможных аберрациях может быть полезным не только в социологии, но и в гендерной истории, поскольку позволяет встраивать отдельные данные в общую исследовательскую канву. Осмысление, казалось бы, несвязанных фрагментов женских судеб в логике влияния материнства на жизненный сценарий женщины открывает возможность сокращения дефицита гендерных данных в междисциплинарном масштабе.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00636 «Современные “нематеринские” практики молодых матерей: репертуар, потенциал и общественный риск».

Список литературы

1. *Веселова А.П.* Правовое регулирование исполнения наказаний в отношении осужденных женщин в дореволюционной России: аналитический обзор. Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2019. 32 с.
2. *Кон И.С.* Клубничка на березке: сексуальная культура в России. М.: Время, 2010. 680 с.

3. *Пушкарева Н.Л., Белова А.В., Мицюк Н.А.* Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. М.: Новое литературное обозрение, 2021. (Серия «Гендерные исследования»).

4. *Фролова А.В.* Антропология инвалидности в культуре материнства и детства (по материалам архангельского севера) // *Этнографическое обозрение.* 2018. № 1. С. 28–35.

В.В. Матущенко

тренер публичных моделей поведения (Санкт-Петербург)

Барьеры в творческом развитии девочек, возникающие под влиянием факторов окружающей среды

Активная жизнь любого ребенка начинается с воздействий взрослых и окружающей среды. Из трудов основоположников изучения человека – Чарльза Дарвина, И.П. Павлова, И.М. Сеченова, А.А. Ухтомского, Уильяма Джеймса, Л.С. Выгодского и др. – следует, что ребенок вначале всегда подражает всему тому, что видит. А затем, получив и собрав все факторы влияния, начинает воспроизводить собственный жизненный сценарий.

Целью автора данной работы является исследование, как формируются факторы влияния окружающей среды на ребенка, в частности на девочку, и как впоследствии эти факторы воздействуют на выбор действий в сложной ситуации, то есть анализируется набор инструментов в виде закрепленных в детстве реакций. Исследование показало, что факторы окружения воздействуют постоянно, формируются стихийно и бессистемно, из получаемой информации и детского опыта вырастает определенная модель поведения, которая воспроизводится во взрослой жизни также стихийно и бессознательно. Факторы влияния формируют картину мира ребенка, и в дальнейшем взрослая женщина руководствуется закрепленными навыками поведения для отражения внешних обстоятельств. Твакже, вероятно можно отслеживать, по каким причинам взрослая женщина делает выбор того или иного поступка, какие решения принимает при серьезных вызовах судьбы.

Автор, применяя классический метод исследования, ставит задачу выявить причинно-следственные связи в формировании мировоззрения ребенка. В основу исследования легли биографические данные великих женщин (100 биографий) за последние 200 лет; был также проведен опрос более ста современниц автора. В процессе анализа было выявлено, что, несмотря на разницу условий жизни, окружающей среды, социального строя, поведение как женщин прошлых столетий, так и наших современниц опирается на факторы влияния, закладываемые

мые в детстве родителями и воспитателями. Об этом свидетельствуют многочисленные факты биографий разных женщин, изученные автором: как воспитывали родители, как вели себя родители или воспитатели в той или иной ситуации. Особое внимание автор уделил тому, как ребенок сопротивлялся или принимал давление воспитателей (деструктивные реакции, воплощенные в негативных сценариях) или, наоборот, как закреплялись конструктивные факторы, которые впоследствии женщина воспроизводила в своем поведении на протяжении всей жизни. Учитывались также внешние факторы влияния на жизнь ребенка, происходящие в социуме.

Автором выделены шесть факторов влияния воспитателей при формировании личности девочки, ведущие к так называемым барьерам в творческом развитии у девочек.

1-й барьер. Здесь все начинается с ограничения: «Делай как я, думай как я». Воздействие на девочку происходит через эталоны и подражание эталонам. Ребенок наглядно копирует выбор через сравнение – плохо/хорошо; сопоставление/сравнение через поведение семьи; женское/мужское занятие и т.п. Из биографий политика Ирины Хакамады [9] и великой балерины и педагога Галины Улановой [4] мы можем видеть, как формировалась ведущая модель поведения в жизни женщины, за счет опыта подражания в детстве.

2-й барьер. Обстоятельства провоцируют девочку на взрослое поведение, отвечать за то, за что должны отвечать взрослые. Воздействие начинается с ответственности за свои поступки. Факторами влияния становятся частая смена правил семьи, игнорирование семьи/общества; заброшенность, недолюбленность. Наблюдение начинается с того, в какие игры играет ребенок. Из биографических примеров, мы можем понять, какие факторы повлияли на юную Айседору Дункан, создавшую свою первую школу танцев в 9 лет [2]. Пример закрепления отрицательной модели поведения можно увидеть в детстве актрисы Сары Бернар [5], когда девочке пришлось протестовать против помещения ее на воспитание к богатым родственникам, специально себя покалечить, чтобы привлечь внимание матери.

3-й барьер. В этой группе влияние начинается с культуры окружения девочки и характера окружающей обстановки. В основе влияния лежат этика, правила семьи, занятия, проводимые с детьми. Например, мы можем наблюдать, как будущая принцесса Монако воспитывается в строгих правилах семьи, умудряется для подражания совмещать разные социальные культуры, выбирая для дружбы и первого помощника по дому [7]. Примеры из детства Елены Блаватской показывают, как деструктивное влияние окружения закрепило не оптимальную модель поведения девочки [8].

4-й барьер. Получение навыков и знаний от окружения (условно назовем «то, что в жизни пригодится»). Здесь о прагматичной любви родителей к детям. Воздействие происходит через поведение взрослых. Через эмоциональную связь, как адекватную реакцию на слезы девочки; подкрепление похвалой за результат. Воздействие через гендер либо его отсечение. Проявление прагматичной родительской любви к ребенку. Например, биография Галины Улановой [4] содержит положительные факторы влияния родителей на формирование большого будущего для девочки.

5-й барьер. Фактор влияния касается запретов или поощрения действий ребенка. Воздействие на девочку через эмоциональную связь – похвалу, через терпеливое мягкое направление и контроль. Либо через жесткие запреты. Из биографий поэтессы Леси Украинки, Антонины Пирожковой, жены писателя И. Бабеля мы можем сделать вывод об активном участии воспитателей в развитии ребенка. Мягкое направление и поощрение к раннему взрослению девочки через погружение во взрослую деятельность. Поощрение воспитателями выбора девочки и помощь в реализации поведенческих навыков. Девочки применяли полезные навыки наставничества с ранних лет: Л. Украинка год учила подругу грамоте [3]; А. Пирожкова в школе заменяла учителя математики [6].

6-й барьер. Формирование доминанты. Воздействие на девочку происходит через функции взрослых на действия ребенка. Здесь осуществляется процесс формирования у девочек плохих или хороших психоэмоциональных реакций, «выращивание» доминанты через навязывание дурного или хорошего стереотипа. Из примеров опроса современниц: *«Рвение к чтению было реализовано через прочтение всей подборки взрослых журналов на чердаке у бабушки. Таких как “Вокруг света”, “Наука и мир”. «Чтобы попасть в обширную библиотеку мамы одноклассника, я взялась помогать ему в математике»*. Характер актрисы Одри Хепберн формировался во время оккупации: дети «играли», в реальности перенося секретные записки связным Сопrotивления [10]. В тоже время мы можем сравнить, как насаждение доминанты от матери юной Жанне Антуанетте предопределило судьбу девушки стать фавориткой Людовика XV – знаменитой мадам Помпадур [1].

В заключение можно сделать следующий вывод: если отталкиваться от исходного положения ребенка в социальной среде можно выявить причины формирования поведения взрослого. С этим связан и один из основных вопросов педагогики, – определение этапов формирования личности. Ребенок всегда подражает, он не может не подражать. «Я – есть» возникает как проявление личности в пубертатном периоде. Из того, что ребенок заимствует из разных моделей поведения взрослых в возрасте до 7 лет, он начинает «лепить», чаще всего

стихийно, свое поведение, которое и будет воспроизводить во взрослой жизни. Дети видят ролевые шаблоны и пытаются играть роли мамы, папы, девочки, мальчика, продавца, учителя и т.п. Все ролевые игры дети примеряют на себя как новые образы бессознательно, не разбирая правильно это или неправильно. Автор, опираясь на исследования, на практике стремится внедрить методы, основанные на формировании оптимального влияния внешних обстоятельств и ближнего окружения при воспитании личности.

Подготовлено в рамках социального проекта клуба независимых исследовательниц «LivreLady».

Список литературы

1. *Акимова А.* Вольтер. М.: Молодая гвардия, 1970. С. 176–178.
2. *Дункан А.* Моя жизнь. М.: Центрполиграф, 2009. С. 20.
3. *Костенко А.* Леся Украинка. М.: Молодая гвардия, 1971. С. 47.
4. *Кравченко Т.Ю.* Галина Уланова. М.: Олимп; Смоленск: Русич, 1999. С. 33, 50.
5. *Пикон С.-О.* Сара Бернар / пер. с фр. Н.А. Световидовой. М.: Молодая гвардия; Палимпсест, 2012. С. 10–11, 14.
6. *Пирожкова А.* «Я пытаюсь восстановить черты»: О Бабеле – и не только о нем: Воспоминания. М.: АСТ, 2013. С. 59, 78–79, 91–92.
7. *Робинсон Дж.* Принцесса Монако: [биография]. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2014. С. 27–33.
8. *Сенкевич А.* Елена Блаватская: Между светом и тьмой. М.: Алгоритм, 2012. С. 30, 33, 57, 59.
9. *Хакамада И.* SEX + SUCCESS. Самоучитель от self-made woman. М.: Астрель, 2013. С. 45–50.
10. *Хепберн О.* Признания в любви. М.: Яуза-пресс, 2015. С. 14–18, 21–23.

Е.Б. Петрушихина

Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Концепция эмоционального труда и гендерное неравенство в современных организациях

Концепция эмоционального труда предложена американским социологом А.Р. Хохшильд. В 1983 г. вышла ее книга «Управляемое сердце: коммерциализация человеческих чувств», положившая начало исследованию эмоционального труда (*emotional labor*) – действий, усилий по управлению эмоциями, реализуемых в разных профессиях и на разных должностных позициях в рамках рабочей роли. Понятие эмоционального труда является расширением понятия эмоциональной

работы (*emotional work*), предполагающей управление эмоциями в частной сфере. Эмоциональный труд осуществляется в организационном контексте за вознаграждение; его значимость особенно высока в ситуациях непосредственного взаимодействия сотрудников с клиентами и друг с другом.

Эмоциональный труд реализуется в соответствии с нормами эмоциональной культуры, свойственной тому или иному обществу и социальной группе, которой принадлежит индивид. А.Р. Хохшильд выделяет два типа норм эмоциональной культуры – нормы выражения и нормы чувствования. Нормы выражения определяют, как и когда следует выражать определенные эмоции. Нормы чувствования предписывают интенсивность и длительность переживания эмоций в той или иной ситуации. Указанные нормы детерминируют структуру эмоционального труда, включающей поверхностное действие (исполнение) и глубокое действие (исполнение). Поверхностное исполнение предполагает демонстрацию поведения в соответствии с существующими правилами и ожиданиями, при глубоком исполнении реализуются усилия, чтобы действительно испытать эмоции, предписанные правилами чувствования.

А.Р. Хохшильд исходит из того, что в обществе потребления эмоциональный труд как услуга продается и при поверхностном, и при глубоком исполнении, а интенсивность и объем эмоционального труда увеличиваются. Систематическое расхождение выражаемых и истинных чувств негативно сказывается на сотрудниках, порождает эмоциональное отчуждение, ведет к изменению Я-концепции индивида [1].

Работы Хохшильда стимулировали эмпирические исследования и дальнейшие теоретические разработки, в том числе изучение эмоционального труда в связи с гендерным неравенством, различным социокультурным контекстом и применительно к разным профессиональным областям.

Концепция эмоционального труда представляется весьма эвристичной и далеко не исчерпавшей своего потенциала. Одно из перспективных направлений исследований – изучение эмоционального труда в связи с гендером и гендерными отношениями [2].

В частности, имеются данные о гендерных различиях в способностях к эмоциональному труду. Например, женщины превосходят мужчин в определенных аспектах эмоционального интеллекта, выступающего предпосылкой эмоционального труда. Женщины обладают более высоким уровнем эмпатии, более точно воспринимают невербальные сигналы и в целом характеризуются более развитым межличностным эмоциональным интеллектом.

Исследователи фиксируют и более высокую мотивацию женщин к реализации эмоционального труда – как внешнюю, так и внутреннюю.

Внутренняя мотивация обусловлена особенностям гендерной социализации и выражается в большей склонности женщин учитывать эмоции других, а также приспосабливаться к ним.

Внешняя мотивация в значительной степени определяется организационным контекстом, задающим требования эмоционального труда. Организационные контексты и роли различаются по уровню и интенсивности эмоционального труда. Женщины, как правило, чаще, чем мужчины, берутся за работу, предполагающую обязательное демонстрацию положительных эмоций клиентам, коллегам и начальству. Во многих профессиях, где доминируют женщины, от работников ожидается использование эмоциональных навыков для достижения организационных целей, в то время как работники профессий, в которых доминируют мужчины, не сталкиваются с такими требованиями.

Требования эмоционального труда во многом поддерживаются гендерными стереотипами. Основываясь на них, люди обычно думают, что женщины *должны* быть заботливыми, добрыми и осторожными с эмоциями других. Они не ожидают того же от мужчин, которые в целом придерживаются более низких стандартов в общении. Поэтому неудивительно, что к женщинам предъявляются более высокие требования в отношении выполнения эмоционального труда на работе. Если женщины выражают свой гнев в профессиональном контексте, то подобное поведение рассматривается как неоправданное и заслуживающее наказания, в то время как мужской гнев в том же контексте оценивается как приемлемый и закономерный. Вследствие этого даже в одной и той же организационной роли женщины сталкиваются с более сильным внешним давлением в плане необходимости реализации эмоционального труда.

В силу указанных причин эмоциональный труд в организации реализуется по преимуществу женщинами. Проблема заключается в том, что этот эмоциональный труд не оценивается должным образом. Во-первых, эта деятельность не расценивается как труд: реализуемые женщинами усилия рассматриваются как естественные для их образа жизни, а потому не требующие энергии и времени. Таким образом, эмоциональный труд становится невидимым и обесценивается имеющимися представлениями о женственности. Как следствие, затраты женщин на эмоциональный труд не компенсируются или компенсируются не в полной мере.

Кроме того, непропорциональное распределение эмоционального труда между мужчинами и женщинами создает определенные пре-

имущества для мужчин, которые высвобождают время и ресурсы для достижения более интересных и перспективных карьерных целей. Иными словами, можно наблюдать гендерное неравенство, обусловленное сложившимися эмоциональными практиками в современных организациях. Более того, некоторые исследователи говорят об особых формах гендерной эксплуатации, при которых энергия и силы женщин тратятся, оставаясь часто незамеченными и непризнанными, для того, чтобы принести пользу мужчинам, освобождая их для более важной и творческой работы. При этом реализуемый женщинами эмоциональный труд повышает статус мужчин – на это работает избыточное внимание и забота женщин о мужских проектах [3].

Таким образом, концепция эмоционального труда позволяет более глубоко проанализировать способы, при помощи которых поддерживаются и воспроизводятся иерархические гендерные отношения в организации. Затрачивая непропорционально большое количество эмоционального труда без адекватной оценки, женщины подтверждают более низкое положение в организационной иерархии и поддерживают сложившееся распределение власти. Подобный подход расширяет наши представления о гендерной несправедливости и дает дополнительные стимулы к поиску методов ее преодоления.

Список литературы

1. *Симонова О.А.* Эмоциональный труд в современном обществе: научные дискуссии дальнейшая концептуализация идей А.Р. Хохшильд // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 3. С. 339–354.
2. *Bhave D.P., Glomb T.M.* Emotional Labor Demands, Wages and Gender: A Within-Person, Between-Jobs Study // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2009. № 82 (3). P. 683–707.
3. *Müller M.* Emotional labour: a case of gender-specific exploitation // Critical Review of Int. Social and Political Philosophy. 2018. № 2. P. 1–23.

М.С. Резникова

Москва, клуб независимых исследовательниц «LivreLady»

Антиженщина. Профессиональные установки женщин

Развитие общества в быстро изменяющихся политических и экономических условиях требовало определенных стереотипов для поддержания устойчивости. Требования и установки в отношении мужчин брали начало еще со времен древнего общества, где мужчина фигурировал как завоеватель, охотник и воин, женские стереотипы также ис-

ходили из роли женщины – собирательницы, хранительницы очага, матери. Несмотря на века социокультурной эволюции, стереотипы не претерпели больших изменений, по сути своей остались теми же, лишь переформулировав названия.

Проводя исследования по проблемам современных женщин, мы, выделив взаимосвязи с древними ролями и установками, выявили ключевые ошибки, совершаемые современными женщинами в профессии. Установки приводят к тому, что женщины сами ограничивают себя в достижении профессиональных целей и более того – покидают профессию. Наиболее частая проблема, приводящая к профессиональным трудностям, – большое количество ролей и контекстов, внутри которых приходится действовать современной женщине: права отвоевали, а установки все еще тянутся из древнего прошлого.

Мы выделили более 100 стереотипов женщин в профессиональном развитии, после обобщения данных сформулировали 20 ключевых категорий женских установок. Рассмотрим те, в которых женщины пытаются перенимать мужские модели поведения в профессии, при этом игнорируя, а зачастую искореняя женские. Так, например Ирина Хакамада в своей биографии [15], а также ряде интервью четко показывает позицию «играть по-мужским правилам».

Надо отметить, что современное общество постепенно выравнивает мужчин и женщин в политических и профессиональных областях (по крайней мере в развитых странах). Однако веками поколения передавали друг другу определенные установки через воспитание, игры, проявляющиеся через конкретное гендерное разграничение. Детей воспитывают в рамках норм «для девочек» и «для мальчиков». В условиях стереотипного воспитания в сознании женщины появляются установки, что женщины слабые, есть женские области и задачи, а есть мужские (и женщинам там не рады). Мужские «занятия» преподносятся как более интересные, более серьезные, востребованные и перспективные. Женские задачи продолжают привязывать к «очагу», заботе, воспитанию потомства и терпению. Как защитный механизм женщины вращивают в себе новые установки для отстранения от «слабого пола».

«Надо идти в мужскую профессию, потому что это более престижно», – при этом женщина заранее ограничивает себя в выборе направления для обучения и профессионального становления.

«Заботятся о слабых, привычен жесткий контекст». Если к женщине на работе начинают относиться мягче, хвалят, выделяют за успехи, то это начинает восприниматься как неуважение и неприятие женщины как профессионала.

«Нельзя просить о помощи — это слабость». Если женщина хочет добиться профессионального успеха, то нужно вести себя «по-мужски», то есть делать всё самой, не просить помощи, совета, не слушать чужое мнение.

В результате этих установок женщина развивается медленнее, чем мужчина на аналогичной должности. Долго топчется, доводя результат до идеала. Тратит драгоценное время. Перенимая только часть «мужского» поведения, женщина упускает возможности, теряет гибкость. При этом есть антипримеры, такие как Екатерина Фурцева [9], которая как раз умело сочетала обе модели поведения – и мужскую, и женскую, благодаря чему оставляла не только сильное впечатление, но также умело использовала их при решении партийных задач.

Однако вернемся к вопросу о стереотипах. Для мужчин более свойственна модель – пробовать, пытаться, добиваться. Для женщин – лучше меньше, да лучше. Цена ошибки женщины становится слишком высока.

На протяжении нескольких лет наша независимая исследовательская группа женщин собирала женские проблемы путем опроса, проработки биографических источников, проработки большого количества профессиональной и психофизиологической литературы, научных исследований. Мы записывали, анализировали и обобщали, используя индуктивный метод, накопленную информацию. Нами собрано и классифицировано более 3000 проблем и решений.

В ходе работы была четко выявлена связь между успешностью женщины в «мужской» профессии и моделями поведения, который прививались женщине с детства. Так, наибольших высот достигают женщины, воспитывающиеся вне гендерного контекста. Яркий пример – Маргарет Тэтчер. В ее детстве родители не делали упора на разделение труда, с детства прививали усердие и трудолюбие, а также позволяли ей участвовать во взрослых собраниях, политических обсуждениях и привлекали ее к пропагандистской и избирательской деятельности [13]. Такие же примеры «антиженского» воспитания прослеживаются в биографиях Анджелы Дэвис [5], Надежды Теффи [1].

Иной возможностью проявить волевые качества для женщины становится ситуация, связанная с серьезными жизненными трудностями, несущими угрозу жизни. Таким образом проявила себя княгиня Ольга в период регентства [7].

Углубляясь в изучение стереотипных реакций, образования устойчивых моделей поведения, мы обращались к первоисточникам, таким как работы И.П. Павлова [6, 11], М.С. Сеченова [12], В.М. Бехтерева [3], Н.П. Бехтеревой [4, 8], труды Ф.Б. Скиннера [17, 18]. Изучив спо-

собы образования условных рефлексов [11, 16], проблемы выученной беспомощности [6, 14], действия положительных и отрицательных подкреплений при выработке стереотипных реакций [2, 17], мы выявили конкретные закономерности влияния воспитания и общественных стереотипов при формировании личности. Наши выводы и решения собраны в сборнике «Она вне шаблона» [10].

Закрепляемые годами в процессе воспитания установки и стереотипы неприемлемы в современном мире, где роль женщины давно уже расширилась за пределы «кухни и быта». Контекстов стало больше, а моделей поведения больше не стало. При этом попытки применять устоявшиеся правила к изменившейся системе заканчиваются разочарованием для самих женщин.

В докладе представлена лишь малая часть проделанной работы, которая будет продолжена в будущем.

Список литературы

1. *Белозерская-Булгакова Л.Б.* Воспоминания. М.: Художественная литлитература, 1990. С. 49–50, 67–69.
2. *Бернташвили И.С.* Индивидуально-приобретенная деятельность центральной нервной системы. Тифлис: Госиздат, 1932. С. 77–79, 95–97, 115–121.
3. *Бехтерев В.М.* Избранные произведения: Статьи и доклады. М.: Медгиз, 1954. С. 435.
4. *Бехтерева Н.П.* Механизмы деятельности мозга человека. Ч. I: Нейрофизиология человека. Л.: Наука, 1988. С. 324–331.
5. *Дэвис А.* Автобиография. М.: Прогресс, 1978. С. 113–114, 116–121, 201–202.
6. Иван Петрович Павлов. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. М.: Наука, 1973. С. 291–292.
7. *Карпов А.Ю.* Княгиня Ольга. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 116, 120–121, 132–133.
8. *Кокурина Е.В.* Наталья Бехтерева. Код жизни. М.: Бослен, 2015. С. 35–38, 55–57, 79–82, 116–118.
9. *Млечин Л.* Фурцева. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 13–14, 44, 74–77, 80.
10. ОНА вне шаблона / Матушенко В.В., Гуменная М.Д., Крылова М.Г. и др.; гл. ред. А.А. Рыжачков. Т. 1: На работе. М.: Изд-во LIVREZON, 2021.

11. Павлов И.П. Экспериментальная психология и психопатология на животных // Полн. собр. соч.: в 6 т. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 3. Кн. 1. С. 333–334.
12. Сеченов М.С. Рефлексы головного мозга. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 79–82.
13. Тэтчер М. Автобиография / пер. с англ. М.: АСТ, 2014. С. 15–18, 35–36, 46–49, 73–78, 113–114, 211–223, 313–315.
14. Уэллс Г. Павлов и Фрейд. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. С. 168–169.
15. Хакамада И.М. Дао жизни: Мастер-класс от убеждённого индивидуалиста. М.: Альпина Паблишер, 2012. С. 35–38, 57–59, 112–114.
16. Ярошевский М.Г. История психологии от античности до середины XX в.: Учеб. пособие. М.: Академия, 1996. С. 113–118.
17. Evans R.I. B.F. Skinner: The Man and His Ideas. New York, 1968.
18. Skinner B.F. Beyond Freedom and Dignity. New York: Bantam Books, 1971. С. 46–47, 49–52, 64–68, 116–122.

Е.С. Светлакова

*Санкт-Петербург, клуб независимых
исследовательниц «LivreLady»*

Предпосылки травли в женских профессиональных коллективах и способы ее преодоления

На протяжении многих лет среди женщин возвращается соперничество. Этому способствует индустрия красоты, которая ради прибыли ставит новые, все сложнее достижимые идеалы красоты. Существует миф, что «красота» необходима женщине, чтобы быть успешной в жизни. Влияние этого мифа приводит к тому, что многие уже успешные в профессиональном и материальном плане женщины ощущают свою неполноценность. По результатам социологических исследований, тысячи женщин видят своей главной целью похудение [1, с. 26].

Этот миф основывается на следующем навязанном представлении – чтобы быть успешной, женщину должен выбрать мужчина. Это связывают с природной потребностью продолжения рода. Мужчины выбирают женщин красивых, как уверяет миф. Следовательно, хочешь оставить потомство, будь красивой. А критерии «красивости» тебе подскажет индустрия красоты.

Многие женщины живут в соответствии с этим мифом. Однако антропологические исследования опровергают эту установку. Вот только некоторые из результатов исследований:

– самки высших приматов являются инициаторами секса, сами выбирают партнеров [1, с. 33];

– в странах Средиземноморья в разных культурах была привычна модель общества, где молодые красивые юноши служили «священному лону» и жили со зрелыми женщинами [Там же];

– в нигерийском племени водаабе до сих пор существует традиция конкурса красоты среди мужчин, где мужчины украшают себя, а женщины выбирают короля красоты [5].

Стереотипы о важности красоты и конкуренции с другими женщинами незаметно прививаются девочкам с самого детства. Большую роль здесь играют СМИ [2, с. 507–511]. Несмотря на то, что многие девочки и женщины осведомлены о существовании такой проблемы, как негативные и неэффективные стереотипы о внешности, влияющие на женщин, почти каждая из них уверена, что конкретно на нее эти стереотипы не влияют [2]. Девочки растут в среде конкуренции. Вот только несколько примеров, как ведут себя девочки под влиянием этих стереотипов:

– девушки постоянно сравнивают себя друг с другом;

– если в их внешности есть что-то, что им не нравится, они одержимы этим;

– девушкам нужны постоянные заверения друг друга в том, что они вписываются в общество и хорошо выглядят [10, с. 245].

Вырастая, они привносят конкуренцию в учебные, а затем и в рабочие коллективы. Иерархия и распределение ролей в группе девочек основывается не на уровне учебных навыков или профессиональных достижений, а на популярности. И движение в этой иерархии также часто связано с умением запугивать или унижать других [10, с. 112]. Это приводит к тому, что среди девочек более распространены скрытые виды травли в отличие от мальчиков. Они не так очевидны и часто остаются незамеченными или воспринимаются как нормальное допустимое поведение. Сюда входит игнорирование, исключение из общих занятий, кибербуллинг с помощью текстовых сообщений [9, с. 25]. Это, в свою очередь, приводит к тому, что девочки не получают установку, что подобное поведение в коллективе недопустимо, а значит, несут его дальше во взрослую жизнь. Особенно если подобное поведение позволяет достигать успеха в короткой перспективе.

В рабочих коллективах, особенно состоящих исключительно из женщин, кроме вероятности травли, подобные стереотипы снижают вероятность эффективного функционирования женского коллектива, который способен решать различные задачи. Об этом, например, писала Маргарет Тетчер: «Меня возмущало, однако, что за всей этой кри-

тичностью я замечала общее убеждение, что Палата общин на самом деле не место для женщины вообще. Должно быть, некоторые мужчины из отборочных комиссий разделяли это предубеждение, но я открыла для себя, тогда и позднее, что именно женщины открыто выражают это предвзятое мнение. Я была обижена и разочарована таким поворотом событий. Они прежде всего были нападением на меня не просто как на кандидата, но как на жену и мать. Но я отказывалась сдаваться» [3].

Для того чтобы преодолевать негативные установки поведения и взаимодействия в профессиональном и творческом женском коллективе, одним из действенных способов является установка и соблюдение этики поведения и участия в коллективе. Тема этики в разных областях поднималась многими историческими деятелями. Так, знаменитый кардинал Ришелье в своем труде «Политическое завещание, или Принципы управления государством» описывает этику руководителей государства [8]. А Станиславский и Немирович-Данченко еще до того, как организовать театр, тщательно обговаривали не только общие принципы поведения руководителей коллектива, но и зоны ответственности каждого. Также определяли качества тех, кого будут брать в коллектив [7].

Участвуя в качестве независимых исследовательниц и авторов-разработчиц в издательстве «LIVREZON», члены исследовательского объединения – клуба «LivreLady» – изучили и освоили эффективную этику самого издательства. Этика издательства как результативного творческого коллектива, на счету которого десятки инструментальных и методических книг для профессионалов в разных областях, содержит рекомендации по поведению как руководителей, так и рядовых служащих коллектива. Также в этике обязательно определяются цель, эффективное и неэффективное поведение в коллективе. Этика выработана основателем и руководителем издательства А.А. Рыжачковым в результате более чем двадцатилетнего опыта руководства различными коллективами.

На протяжении нескольких лет наша независимая исследовательская группа женщин систематизировала женские проблемы. Мы записывали, анализировали и обобщали, используя индуктивный метод, накопленную информацию – собрано более 3000 проблем и решений по женскому вопросу. Изучение биографий женщин – ученых, изобретателей, исторических личностей и современниц – дает достоверные доказательства того, что женщины способны работать в коллективах, организовывать коллектив и успешно заниматься руководством, тем самым позволяя коллективу достигать успешных результатов. Этика

коллектива позволяет убрать негативное действие существующих в обществе и привитых с детства женщинам гендерных негативных установок.

В заключение стоит упомянуть основные подходы к созданию этики. Успешная этика должна включать в себя правила поведения: 1) руководителя; 2) участника коллектива по отношению к выполняемым задачам и целям; 3) участника по отношению к руководителю и другим участникам.

Кроме негативных установок поведения внутри коллектива, женщина привносит в работу и неэффективные шаблоны личного поведения и подхода к решению задач. Среди таких установок: «нужно быть идеально красивой», «нужно нравиться начальству», «сначала семья – потом карьера». Для этих и других 17 установок, которые выявлены в результате исследования, существуют проверенные решения [4]. Каждая женщина, стремящаяся развиваться профессионально и вносить заметный вклад в свою профессиональную область, может применить их для того, чтобы успешно преодолеть личные шаблоны поведения, усвоенные во время взросления в среде, где сильно развиты негативные гендерные установки, о которых говорилось выше. Это ведет к повышению личной эффективности в профессиональной сфере, к снижению вероятности возникновения травли внутри коллектива.

Текст подготовлен в рамках проекта РНФ № 22-28-01428 «Женская история как основа российского социального оптимизма (нестоящая городская повседневность середины XX века)».

Список литературы

1. Вульф Н. Миф о красоте. Стереотипы против женщин. М.: Альпина нон-фикшн, 2013.
2. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2022. 800 с.
3. Тэтчер М. Автобиография / пер. с англ. М.: АСТ, 2014. С. 58, 62–63.
4. Она вне шаблона / Матущенко В.В., Гуменная М.Д., Крылова М.Г. и др.; гл. ред. А.А. Рыжачков. Т. 1: На работе. М.: Изд-во LIVREZON, 2021.
5. «Пастухи солнца: Кочевники с южного края Сахары» = “Wodaabe – Die Hirten der Sonne. Nomaden am Südrand der Sahara”. (Реж. Вернер Херцог. 1989).
6. Профессиональная этика в творческих коллективах / LIVREZON. URL: <https://livrezon.com/publication/professionalnaya-etika-v-tvorcheskih-kollektivah> (дата обращения: 09.05.2023).
7. Создание творческого союза К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко / LIVREZON. URL: <https://livrezon.com/publication/so>

zдание-tvorcheskogo-souza-k-s-stanislavskogo-i-v-i-nemirovicha-danchenko (дата обращения: 09.05.2023).

8. Этика государственного служащего по кардиналу де Ришелье / LIVREZON. URL: <https://livrezon.com/publication/etika-gosudarstvenno-go-slujashchego-po-kardinalu-de-rishele> (дата обращения: 09.05.2023).

9. Behind the numbers: Ending school violence and bullying / The UN Educational, Scientific and Cultural Organization. 2019. P. 71.

10. Wiseman R. Queen Bees and Wannabes // New York: Harmony, 2009. 534 p.

О.Р. Тучина, И.А. Аполлонов, Л.А. Посметюха
*Краснодар, Кубанский государственный
технологический университет*

Социальные представления о городской культуре: гендерный аспект (на материале исследования жителей Краснодара)

Гендерные исследования города в последнее время становится активно развивающимся направлением *urban studies*: исследователи рассматривают гендерные аспекты территориального развития и интегрированности горожан [1, 6], социальной солидарности и социальной активности жителей городов [3, 4], гендерные особенности описания родного города [5]. Однако в многочисленных социально-психологических исследованиях города и городской идентичности практически нет эмпирических исследований, посвященных гендерным особенностям восприятия городского пространства, хотя именно этот фактор формирует ежедневный фон жизни горожан, выявляет особенности «женского» и «мужского» взгляда на современный город [7].

Методологическим основанием изучения специфики «женского» и «мужского» взгляда на окружающую действительность, в том числе и на городскую среду, является концепция гендерной ментальности, понимаемая как «разновидность ментальности социальных групп в фиксированном пространственно-временном диапазоне с характерными параметрами социокультурной общности, соответствующей идентификацией и поведенческими паттернами» [2, с. 17]. Целью исследования является выявление структуры социальных представлений о городской культуре в группе мужчин и женщин г. Краснодара. По нашему предположению, ядра социальных представлений о городской культуре мужчин и женщин будут отличаться по числу элементов и по их содержательным характеристикам.

Эмпирическая база исследования: 354 респондента, постоянно проживающих в Краснодаре (131 мужчина, 223 женщины). Методы исследования: ассоциативный эксперимент, прототипический анализ (П. Вержес), авторская анкета. На первом этапе респондентам предлагали назвать не менее 5 ассоциаций с понятием «городская культура» и «культура Краснодара», затем полученные в результате ассоциативного эксперимента представления подвергались прототипическому и категориальному анализу с учетом двух параметров: частоты появления каждого понятия в ответах респондентов и ранга каждого понятия, определяющего его важность для респондентов.

Общими элементами, категориями «ядра» социальных представлений (СП) о городской культуре мужской и женской выборки стали категории – «городские учреждения культуры» (музеи, кинотеатры, театры и филармония, выставочные залы, картинные галереи), «парковая инфраструктура», «достопримечательности», «памятники», «архитектура». Кроме того, у женщин в ядро СП вошли категории «культура поведения» (отношения жителей друг к другу, к приезжим, к городу, толерантность, манера общения, лексика, стиль одежды, пешеходная и автомобильная культура) и «ухоженность и комфорт», характеризующая бытовую культуру (сдержанная цветовая гамма рекламных плакатов, отсутствие «визуального шума» [яркой рекламы], освещение, чистота, бесплатные чистые туалеты, отсутствие пробок, отреставрированные фасады зданий, скамейки, негромкая приятная музыка).

Анализ элементов, составляющих ядро СП о городской культуре в исследуемых выборках, показал, что представление женщин о значимых элементах городской культуры более обширное и дифференцированное; для них важными аспектами городской среды является то, что относят к культуре повседневности, что составляет культурный фон города (культура поведения жителей, комфорт и чистота города).

Город в научных исследованиях – это обычно конкретный город, оказавшийся в фокусе изучения, однако социальные представления о городской среде определенного населенного пункта не совпадают с представлениями о городе как таковом [5]. Ядро социальных представлений о культуре Краснодара в группе мужчин и женщин составили следующие категории: учреждения культуры (городские театры, культурные центры, музеи); категория, характеризующая рекреационную составляющую городской культуры (парк «Краснодар», другие парки и зеленые зоны). Были выявлены и гендерные особенности СП о культуре Краснодара. В группе респондентов-мужчин в ядро СП вошли категории «городская скульптура» и «архитектурный ансамбль исторического центра города», в группе респондентов-женщин – кате-

горя, характеризующая бытовую культуру города с отрицательной коннотацией – «неопрятность и дискомфорт» (грязь и мусор, постоянный ремонт дорог, узкие улицы, пробки, неухоженные площади, скверы и парки, граффити в центре, точечная застройка, устаревшая инфраструктура).

Соответственно, специфика «мужского» взгляда на культурное пространство Краснодара состоит в фиксации на крупных культурных объектах – скульптуре и архитектурных сооружениях. Для «женского» взгляда характерно внимание к негативным сторонам бытовой культуры города.

Таким образом, в проведенном исследовании были выявлены как общие для мужской и женской выборки аспекты социальных представлений о городской культурной среде, так и отличия женской и мужской перцепции культуры города. В ядро структуры социальных представлений жителей Краснодара о городской культуре входят традиционные культурные объекты (достопримечательности, памятники, архитектура), учреждения культуры, а также рекреационная составляющая городской культуры (парки, скверы, зеленые зоны). В ядре социальных представлений о культуре Краснодара из данных элементов оказались только учреждения культуры и зеленые зоны, соответственно, респонденты, признавая значимость традиционных культурных объектов, ниже оценивают их влияние на образ своего города.

Гендерные отличия состоят в том, что у женщин в фокусе внимания оказывается повседневная бытовая культура города и горожан, а в представлениях о конкретном городе – проблемные аспекты повседневности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда (проект № 22-28-20292 «Произведения изобразительного искусства в городском пространстве культуры как фактор формирования локальной идентичности»).

Список литературы

1. Заварзина Ю.В. Гендерные отличия в восприятии территориального развития (на примере Иркутской области) // Женщина в российском обществе. 2018. № 4. С. 111–119.
2. Ключко О.И. Концепция гендерной ментальности как методологическое основание гендерного подхода в социально-психологическом исследовании // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 4. С. 13–29.
3. Кодина И.Н. Общественно-политическое участие населения малого города: гендерный аспект (на примере малых городов Ивановской области) // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 20–28.

4. *Полошкевич О.А.* Гендерная дифференциация представлений о социальной солидарности в современном российском городе // *Женщина в российском обществе*. 2010. № 3. С. 15–23.

5. *Радина Н.К.* Урбанистика и социальная психология: город в представлениях горожан // *Социально-психологические исследования города* / Т.В. Дробышева, А.Л. Журавлев (ред.). М.: Институт психологии РАН, 2016. С. 61–81.

6. *Радина Н.К., Ким Н.В., Поршнев А.В.* Гендерные аспекты социальной интегрированности жителей провинциальных городов в контексте развития территории (сравнительный анализ 2002 и 2014 г.) // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 1. С. 35–50.

7. *Тучина О.Р., Аполлонов И.А., Посметюха Л.А.* Городское культурное пространство как фактор формирования локальной идентичности (на материале исследования молодежи Краснодара) // *Герценовские чтения. Психологические исследования в образовании*. 2022. № 5. С. 439–444.

И.А. Благов

*Москва, НИУ «Высшая школа экономики», онлайн-школа
«Психодемия», онлайн-платформа «Сознание»*

Историческая андрология: переосмысление мужественности и пути ее развития в современных реалиях

Издавна мужественность и женственность были конструктами, которые помогали распределить роли в семье, государстве, властных структурах [5]. Аристотель категорично разделял мужское и женское, считая, что разумный по природе мужчина занимает господствующее положение [1, 7]. Спустя века развиваются представления о социальной, психологической и политической природе мужественности и женственности. Например, Симона де Бовуар в своей работы «Второй пол» заявляет, что «женщиной не рождаются, ею становятся» [4]. Джудит Батлер предлагает концепцию перформативности мужественности и женственности, обращая внимание на противоречивость и психологическую ограниченность традиционного деления на пол и гендер [2, 3].

Майкл Киммел, в свою очередь, старается объяснить сложившиеся культурно-социальные условия, в которых необходима, в частности, «мужская роль». Он вводит понятие гегемонной маскулинности, которая является образцом маскулинности мужчин, обладающих властью, описывая маскулинность как перформанс гетеросексуальности, который позволяет мужчине претендовать на все «блага» общества [14]. Гегемонная маскулинность становится одним из конструктов, обозна-

чающих социально-психологический механизм распределения ресурсов в обществе в пользу определённой группы людей. Если учесть, что исторически материальные ресурсы были, как правило, в дефиците, то можно предположить целесообразность конструкта гегемонной маскулинности, которая помогала решить, кому ресурсы будут принадлежать, а кто их получить не сможет.

Затем Рональд Левант и его коллеги предложили теорию традиционной мужественности (*traditional masculinity ideology*), которая с другой стороны взглянула на «мужскую роль» и маскулинность. Под традиционной мужественностью авторы подразумевают усвоенную в ходе мужской гендерной социализации систему представлений о том, как мужчина должен поступать и каких форм поведения он должен избегать [18, 22]. На сегодняшний день многие исследователи измеряют традиционную мужественность при помощи методики MRNI-R, включающей следующие субшкалы: избегание женственности, ограниченная эмоциональность (стоицизм), агрессивность (жесткость), гиперсексуальность, негативное отношение к гомосексуалам, чрезвычайная самоуверенность (самодостаточность), доминирование [17].

Исследования показали связь традиционной мужественности со склонностью к различным формам насилия в отношении женщин в романтических и в семейных отношениях [16, 24], готовностью использовать насилие в ходе решения конфликтов [12, 20, 21]. Более того, исследователи выделяют насильственные формы поведения как одни из способов укрепления мужественности [9, 25, 28, 29, 31]. Также приверженность нормам традиционной мужественности позитивно коррелирует с депрессивными симптомами и отрицательно коррелирует с обращением за психологической и медицинской помощью [32], связана со сниженной вовлечённостью и участием в воспитании детей и со склонностью применять жесткие дисциплинарные наказания [30] и многими другими проблемами, которые прямо или косвенно влияют на здоровье мужчины [6]. Нормы традиционной мужественности описывают репертуар поведения, который помогает мужчине защитить себя, свои интересы, установить свои правила и порядок, однако происходит это за счет собственного здоровья и путём применения в том числе насильственных форм поведения. В России также проводились исследования, которые подтверждают, что уровень гегемонной и традиционной мужественности высок и негативно влияет на показатели мужского здоровья [13, 19, 33].

Таким образом, гегемонная маскулинность описывает то, как устроена социальная иерархия и происходит распределение ресурсов, тогда как нормы традиционной мужественности описывают репертуар пове-

дения, которого должен придерживаться мужчина, чтобы быть «настоящим мужиком» и добиваться своих целей. Однако данные конструкты приводят к тому, что мужчины используют насильственные формы поведения для достижения своих целей. Предположу, что в мире, который был полон насилия, военных действий и прочих «опасностей» эти нормы помогали адаптироваться за счет четкого и жесткого распределения власти, агрессивности в защите своих интересов, выраженной самодостаточности со стороны мужчин и готовности игнорировать проблемы со здоровьем. Перед людьми стояла задача выжить, сохранить свои ресурсы и потомство, что было весьма тяжело осуществить ненасильственными путями при всеобщем дефиците ресурсов и распространенности насилия. На сегодняшний день ресурсов в обществе больше, и есть возможность строить иной мир, более безопасный, с более гибкими и разнообразными правилами и нормами, поэтому актуальность вышеупомянутых норм мужественности может снижаться.

Современные исследователи активно ищут альтернативу. Одни предлагают не искать «позитивную» или «здоровую» мужественность, так как это также будет способствовать дезадаптации мужчин [8]. Другие считают, что необходима деконструкция мужественности как некой «мужской роли» с конкретным поведением и мышлением [26], что необходимо отказываться от условно «приемлемых и неприемлемых» форм мужского поведения [23].

Многие авторы так или иначе предлагают сделать акцент на психологической и социальной стороне жизни мужчин, которым важно предоставлять поддержку и сострадание в моменты эмоциональной уязвимости [11], создавать психологически безопасные пространства для демонстрации своих страхов, тревог и других эмоциональных переживаний [8, 10]. Уильям Поллак писал, что, если мальчикам не позволяют «плакать слезами», некоторые из них будут «стрелять пулями» [27], подчеркивая важность разделения мужских эмоций и предоставления им заботы, психологической поддержки, отсутствие которой может способствовать жесткости, агрессивности, чрезвычайной самостоятельности и страху обращения за помощью. Игорь Кон пишет про мужчин: «Ориентируясь прежде всего на вещественный мир, они и к самим себе относятся как к роботам» [6, с. 8]. Отмечу, что разделяю позицию о том, что эмоциональная смелость и эмпатия являются ценными источниками силы человека, в том числе мужчин [15].

Современная, «здоровая» мужественность может быть новым социально-психологическим конструктом, который сфокусирован на реализации человека мужского пола в стереотипно «мужских ролях» защитника (семьи и Родины), добытчика и отца ненасильственными спосо-

бами, тем самым благотворно влияя на отношения в семьях, здоровье и субъективное благополучие мужчин. Продолжая мысль Игоря Кона, важно помочь мужчинам относиться к себе не как к роботам, а как к живым людям с эмоционально и физически слабыми особенностями, которые присуще каждому человеку вне зависимости от пола.

Таким образом, новая мужественность может быть также связана с властью, правилами и нормами, однако реализовываться с учетом того, что достижение власти, порядка и безопасности имеет место только ненасильственными путями, с уважением личных границ человека, исключительно при защите интересов и прав на ресурсы всех людей, а не конкретной группы лиц, стоящих во главе иерархии. Подобная мужественность могла бы предлагать поведенческий репертуар, который будет призван повысить качество жизни мужчин (здоровье, уровень субъективного благополучия, продолжительности жизни), достичь порядка, мира и безопасности наименее насильственными путями, снижая общий уровень насилия в обществе, в межличностных и международных отношениях.

Список литературы

1. *Афонасин Е.В.* Аристотель о движении животных // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2016. Т. 10. № 2. С. 733–753.
2. *Батлер Дж.* Гендерное беспокойство (гл. 1. «Субъекты пола/гендера/желания») // Антология гендерной теории: сб. переводов. М.: ПроPILEн, 2000. С. 297–346.
3. *Батлер Дж.* Психика власти. Теория субъекции. СПб.: Алетея, 2018. 161 с.
4. *Богомолов А.В., Гришунина М.А.* Понимание женщины как Другого во французской философии XX века (С. Де Бовуар, Э. Левинас, Ж.-П. Сартр) // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 12. С. 161–164.
5. *Козлова Н.Н.* Сравнительный анализ подходов к изучению природы и социального назначения женщин и мужчин в классической политической науке (Античность) // Вестник Тверского государственного технического университета. Сер.: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 28–32.
6. *Кон И.* Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не)здоровья // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 4. С. 5–16.
7. *Рябов О.В.* Женщина и женственность в философии Серебряного века. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1997. 157 с.

8. *Addis M.E., Mansfield A.K., Syzdek M.R.* Is “masculinity” a problem? Framing the effects of gendered social learning in men // *Psychology of Men & Masculinity*. 2010. Vol. 11. No. 2. P. 77–90.
9. *Anderson K.L., Umberson D.* Gendering violence: Masculinity and power in men’s accounts of domestic violence // *Gender & Society*. 2001. Vol. 15. No. 3. P. 358–380.
10. *Cole B.P. et al.* Psychology of men and masculinities’ focus on positive aspects of men’s functioning: A content analysis and call to action // *Psychology of Men & Masculinities*. 2021. Vol. 22. No. 1. P. 39.
11. *Di Bianca M., Mahalik J.R.* A relational-cultural framework for promoting healthy masculinities // *American Psychologist*. 2022. Vol. 77. No. 3. P. 321–332.
12. *Jakupcak M., Lisak D., Roemer L.* The role of masculine ideology and masculine gender role stress in men’s perpetration of relationship violence // *Psychology of Men & Masculinity*. 2002. Vol. 3. No. 2. P. 97–106.
13. *Janey N.V. et al.* Masculinity ideology in Russian society: Factor structure and validity of the multicultural masculinity ideology scale // *The Journal of Men’s Studies*. 2005. Vol. 14. No. 1. P. 93–108.
14. *Kimmel M.* Homophobia as Masculinity: Fear, Shame, and Silence in the Construction of Gender Identity // *Theorizing Masculinities* / Ed. By H. Brod, M. Kaufman. SAGE Publications, 1994. P. 119–141.
15. *Kindlon D., Thompson M.* Raising Cain: protecting the emotional life of boys. London: Michael Joseph, 1999.
16. *Levant R.F., Richmond K.* A review of research on masculinity ideologies using the Male Role Norms Inventory // *The Journal of Men’s Studies*. 2008. Vol. 15. No. 2. P. 130–146.
17. *Levant R.F. et al.* Confirmatory factor analytic investigation of variance composition, gender invariance, and validity of the Male Role Norms Inventory-Adolescent-revised (MRNI-Ar) // *Journal of Counseling psychology*. 2016. Vol. 63. No. 5. P. 543–556.
18. *Levant R.F. et al.* Masculinity ideology among Russian and US young men and women and its relationships to unhealthy lifestyles habits among young Russian men // *Psychology of Men & Masculinity*. 2003. Vol. 4. No. 1. P. 26–36.
19. *Liu W.M.* Exploring the lives of Asian American men: Racial identity, male role norms, gender role conflict, and prejudicial attitudes // *Psychology of Men & Masculinity*. 2002. Vol. 3. No. 2. P. 107–118.
20. *Mahalik J.R. et al.* Development of the conformity to masculine norms inventory // *Psychology of Men & Masculinity*. 2003. Vol. 4. No. 1. P. 3–25.

21. *McDermott R.C. et al.* Further examination of the factor structure of the Male Role Norms Inventory-Short Form (MRNI-SF): Measurement considerations for women, men of color, and gay men // *Journal of Counseling Psychology*. 2017. Vol. 64. No. 6. P. 724–738.
22. *Messerschmidt J.W.* The salience of “hegemonic masculinity” // *Men and masculinities*. 2019. Vol. 22. No. 1. P. 85–91.
23. *Naffine N.* Criminal Law and the Moral Education of Men // *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2018. Vol. 11. P. 129–144.
24. *Nurse A.* Masculinities and animal harm // *Men and masculinities*. 2020. Vol. 23. No. 5. P. 908–926.
25. *O’Neil J.M.* Is criticism of generic masculinity, essentialism, and positive-healthy-masculinity a problem for the psychology of men? // *Psychology of Men & Masculinity*. 2010. Vol. 11. No. 2. P. 98–106.
26. *Pollack W.S.* “Masked Men”: New Psychoanalytically Oriented Treatment Models for Adult and Young Adult Men // *The new handbook of psychotherapy and counseling with men: A comprehensive guide to settings, problems, and treatment approaches*. Jossey-Bass/Wiley, 2005. P. 203–216.
27. *Ray T.N., Parkhill M.R., Cook R.D.* Bullying, masculinity, and gun-supportive attitudes among men: A path analysis testing the structural relationships between variables // *Psychology of violence*. 2021. Vol. 11. No. 4. P. 395–404.
28. *Saeed Ali T. et al.* Attitude towards gender roles and violence against women and girls (VAWG): baseline findings from an RCT of 1752 youths in Pakistan // *Global health action*. 2017. Vol. 10. No. 1. DOI: 10.1080/16549716.2017.1342454.
29. *Shafer K., Petts R.J., Renick A.J.* Religious variability in the relationship between masculinity and father involvement // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2019. Vol. 58. No. 2. P. 378–397.
30. *Laureen S.* Towards Safer Societies: Punishment, Masculinities and Violence Against Women // *Crime, Criminal Justice and Masculinities*. Routledge, 2017. P. 441–480.
31. *Strange C.* Masculinities, intimate femicide and the death penalty in Australia, 1890–1920 // *British Journal of Criminology*. 2003. Vol. 43. No. 2. P. 310–339.
32. *Wong Y.J. et al.* Meta-analyses of the relationship between conformity to masculine norms and mental health-related outcomes // *Journal of counseling psychology*. 2017. Vol. 64. No. 1. P. 80–93.
33. *Yusupova M.* Masculinity, Criminality, and Russian Men // *Sex-tures: E-journal for Sexualities, Cultures, and Politics*. 2015. Vol. 3. No. 3. P. 46–61.

РАЗДЕЛ 4
ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОВ И ПОДХОДОВ В РАБОТЕ
С ЭМПИРИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛОМ ПО ЖЕНСКОЙ
ИСТОРИИ И АНТРОПОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Г.В. Шпак

*Москва, Институт всеобщей истории РАН,
Российский государственный гуманитарный университет;
Екатеринбург, Уральский федеральный университет*

**Натурфилософские сочинения Маргарет Кавендиш
в свете новейшей историографии**

Взгляд на творчество английской писательницы и философа Маргарет Кавендиш (1623–1673) претерпел в историографии XVIII–XXI вв. ряд существенных изменений. До середины XIX в. М. Кавендиш была известна в основном за счет своих стихотворных произведений и пьес как сентиментальная и довольно посредственная поэтесса. В середине XIX в. благодаря переизданию написанной М. Кавендиш биографии ее супруга Уильяма Кавендиша формируется представление о ней как о писателе, повествующем о высших слоях общества. Однако вплоть до середины XX в. исследователи отводили натурфилософским произведениям М. Кавендиш второстепенное место, утверждая даже, что ее занятия философией вредили ее творчеству. В первой, изданной в 1918 г. биографии М. Кавендиш Г.Э. Перри ее философские стихи и, как их называет автор, «псевдонаучные» работы объединены в главу «второстепенные сочинения» [1, р. 72].

Следует сказать, что натурфилософские произведения составляют значительную часть сочинений М. Кавендиш. Среди основных можно выделить «Философские и физические мнения» (1655), «Философские письма» (1664), «Наблюдения за экспериментальной философией и Пылающий мир» (1666) и «Основы натуральной философии» (1668). В «Наблюдениях» писательница призывает читателя рассматривать ее философские работы в качестве дополняющего друг друга континуума, стараясь не выносить окончательных суждений до знакомства со всеми: «особенно рекомендую вам мои “Философские Мнения”, которые содержат основания и принципы моей философии, но, так как они были опубликованы прежде, чем я разобралась в работах других авторов, я желаю, чтобы вы присоединили к ним мои “Философские Письма”, а к ним “Наблюдения”, которые послужат комментариями для

понимания того, что может показаться неясным в упомянутых “Мнениях”» [2, p.13].

Однако первое упоминание М. Кавендиш как натурфилософа будет связано не с ее произведениями, а с тем, что она стала первой женщиной, которая 30 мая 1667 г. посетила собрание Королевского общества, хотя это не совсем верно, поскольку ее сопровождали приближенные дамы и прислуга. О визите М. Кавендиш в Королевское общество напишет Самюэль Минц в статье «Визит герцогини Ньюкасл в Королевское общество» (1952). Хотя автор и отмечает, что ему не ясна причина, по которой исследователи ранее обходили М. Кавендиш вниманием, он также утверждает, что герцогиня «заботилась только о предмете, а не о методах науки» и «никогда не подчинилась бы дисциплине научной процедуры, потому что не видела в ней ценности» [3, p. 169]. Тем не менее своей статьей С. Минц ставит М. Кавендиш в один ряд с натурфилософами XVII в.: «В своей искренней, безмятежной, детской любви к миру природы и в своем пренебрежении к методам и утилитарным целям науки герцогиня резюмировала положение английского виртуоза XVII века» [3, p. 176].

В 70–80-е годы XX в. такие исследователи отношений власти и гендера, как Лиза Сарасон, Сильвия Бовербанк, Натали Земон Девис и пр., обращают свое внимание на творчество М. Кавендиш. В работе 1984 г. «Наука, перевернутая с ног на голову: Феминизм и Натуральная философия Маргарет Кавендиш» Л. Сарасон связывает смену гендерных ролей в пьесах Кавендиш с изменениями в натуральной философии XVII в.: «Когда Коперник поменял местами Солнце и Землю, а Галилей и Декарт заменили покой движением как основным фактом физики, сама Вселенная перевернулась вверх дном. Работа Маргарет Кавендиш объединяет атаки на традиционный авторитет, присущие как феминизму, так и новой науке» [4, p. 289]. Сарасон утверждала, что герцогиня заимствовала у новой науки «методологию скептицизма» не только для борьбы с традиционной натурфилософией, но и «как оружие в своей борьбе за признание женского интеллектуального равенства» [4, p. 289]. Но основной вывод Л. Сарасон сводился к тому, что натурфилософия М. Кавендиш являлась орудием противостояния с мужским доминированием: «Если научную революцию можно считать атакой на авторитет Аристотеля и средневековое мировоззрение, то натурфилософия Маргарет Кавендиш была еще одной атакой на авторитет науки, в которой доминируют мужчины, и, косвенно, атакой на весь мужской авторитаризм» [4, p. 294]. И хотя автор дает упрощенное представление о сути философской программы М. Кавендиш, она выделяет натурфилософские работы Кавендиш как основные и характе-

ризует «Наблюдения за экспериментальной философией» как ее «самую зрелую и сложную научную работу» [4, p. 301].

В 2000-е годы значительно увеличивается количество исследований, касающихся самых разнообразных сторон творчества М. Кавендиш. Это позволило Венди Вайз констатировать: «Кавендиш стала уважаемым, серьезным автором, и ее работы считаются важными для философии, истории, гендера и литературы» [5, p. 173]. Она отметила, что был окончательно развеян миф о малограмотности М. Кавендиш: «Широкий спектр возможных исходных текстов, обнаруженных в ее работах, свидетельствует о ненасытной программе чтения и ее интеллектуальной энергии», а также развеяны утверждения о ее графоманстве и эксцентричности: «То, что когда-то считалось беспорядочным риторическим стилем, ученые определяют теперь как писательскую стратегию, реализованную в виде метафоры для достижения эстетического эффекта» [5, p. 173].

Эмма Уилкинс в статье «Маргарет Кавендиш и Королевское общество», опубликованной в 2014 г., рассматривает натурфилософию М. Кавендиш под новым ракурсом, последовательно разбирая тезисы, высказанные Л. Сарасон. Утверждение, что скептицизм герцогини обусловлен ее полом, дающим женской эпистемологии преимущество над программой мужского сообщества естествоиспытателей [4, p. 293], опровергается тем, что ее программа не была изолированной, а вполне соотносилась с программами представителей совсем не однородного Королевского общества. Эмма Уилкинс подчеркивает, что позиция Кавендиш по отношению к экспериментальному методу кажется враждебной из-за ее оценки потенциала оптических приборов и, оспаривая тезис, что позиция герцогини вызвана ее полом, замечает, что, к примеру, Томас Сиденхэм и Джон Локк также публиковали эссе с критикой потенциала микроскопических исследований [6, p. 248].

К 20-м годам XXI в. творчество М. Кавендиш окончательно перестало восприниматься как маргинализированное, а ее натурфилософские концепции как наивные и ненаучные. Все больше исследователей рассматривают натурфилософию Кавендиш как яркое свидетельство многовекторности развития научного знания в Англии середины XVII в.

Подготовлено при поддержке Российского научного фонда (проект No 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: идея “общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

Список литературы

1. *Fitzmaurice J.* The Life and the Literary Reptation of Margaret Cavendish // *Quidditas*. 1999. Vol. 20. P. 55–74.
2. *Cavendish M.* Observations upon Experimental Philosophy / ed. by Eileen O’Neill. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 289 p.
3. *Mintz S. I.* The Duchess of Newcastle’s Visit to the Royal Society // *Journal of English and Germanic Philology*. 1952. No. 2. P. 168–176.
4. *Sarasohn L.T.* A Science Turned Upside Down: Feminism and the Natural Philosophy of Margaret Cavendish // *Huntington Library Quarterly*. 1984. No. 4. P. 280–307.
5. *Weise W.S.* Recent Studies in Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle (2001–2010) // *English Literary Renaissance*. 2012. Vol. 42. No. 1. P. 146–176.
6. *Wilkins E.* Margaret Cavendish and the Royal Society // *Notes and Records of the Royal Society of London*. 2014. Vol. 68. No. 3. P. 245–260.

С.А. Козлов

*Санкт-Петербург, Высшая школа технологии
и энергетики СПбГУПТД*

Русская пленница Великой Северной войны: военная антропология повседневности и изучение эпистолярный женщины петровского времени

Военно-историческая антропология открывает перспективные возможности для изучения человека и общества в экстремальных условиях вооруженных конфликтов, «вхождения» в войну и «выхода» из нее [2]. Важным направлением стало исследование повседневных практик, психологических особенностей и последствий пребывания в плену, что предполагает прежде всего рассмотрение условий содержания военнопленных и их адаптацию к чужой жизни [3, с. 16]. Наконец, гендерный подход в военной антропологии позволяет изучить такое явление, как женщина на войне. Как верно заметил П.П. Щербинин: «Женщинам, когда их мужей забирали в армию или на войну, приходилось нести двойную тяжесть забот и обязанностей... Их частная повседневная жизнь не была на виду, а потому оказывалась почти забытой современниками и потомками» [5, с. 8].

К таким «забытым» страницам следует отнести женскую историю Великой Северной войны, субъектами которой (по определению Г.В. Шебалдиной) были «жены, сестры, матери, вдовы солдат и офицеров, попавших в плен на поле брани, или приехавшие к своим мужчинам в

плен, т. е. те, кто волей или неволей оказался во вражеском плену» [4, с. 304]. В этой связи особый интерес представляет приезд в 1711 г. в Швецию Арины (Ирины) Григорьевны Трубецкой (урожденной Нарышкиной) для «вызволения из плена» мужа И.Ю. Трубецкого, который вместе с другими генералами находился в плену после поражения русской армии от шведского короля Карла XII в ноябре 1700 г. под Нарвой [6, с. 125]. Многолетнее нахождение в неволе стало для «знатных пленников» не только тяжелым физическим, моральным, но и финансовым испытанием. При этом оплата денежных расходов И.Ю. Трубецкого становилась с каждым годом для его семьи все более непосильной, и в письме от 1 июля 1709 г. княгиня Арина Трубецкая, а также дочери Катерина и Настасья с горечью отмечали: «Ты изволишь писать, чтоб прислать 200 рублей денег, и нам етех денег негде взять...» [1, с. 265].

Победа русской армии под Полтавой (27 июня 1709 г.) и сдача в плен свыше 19 тыс. шведов, включая генералитет и высшее руководство, придали новый импульс переговорам об обмене пленными. В 1711 г. шведская сторона изъявила готовность «разменять» генерал-майора И.Ю. Трубецкого на канцлера К. Пипера. 15 апреля 1711 г. «знатный пленник» в коллективном прошении в Государственный Совет просил позволить приехать жене и «для соблюдения здоровья» жить с ним [1, с. 148, 156]. Получив разрешение от шведских властей, в Стокгольм прибыла А.Г. Трубецкая с дочерьми и сразу же предъявила векселя за подписью К. Пипера его жене Кристине Пипер на 30 000 ефимков. Однако «гравина Пиперша» отказалась платить, так как она (по мнению А.Г. Трубецкой) «склонна болши любить денги, нежели мужа» [1, с. 157]. Кристина Пипер пожаловалась в Государственный Совет на «утеснения» со стороны княгини и добилась ужесточения содержания И.Ю. Трубецкого. 17 августа 1715 г. в письме брату С.Г. Нарышкину Арина Трубецкая с горечью писала, что мужа «вкинули в такую тяжкую тюрьму, аднаво, где день и ночь равно... В ней же от веку кто ни сидел, то ели и испражнялися и от таво пряшки бошмашной грязи и всякаго смраду и от такова мучения и духаты припала чехотная болезнь». И далее она продолжала: «У меня же с детми моими поставили жестокой караул у всех дверей и ни же из дому ни в дом никаво пушать не велено» [1, с. 272]. В тот же день А.Г. Трубецкая написала Петру I письмо, в котором описывала, как муж ее «жестоко от здешних страждет и мучитца» [1, с. 271]. Оба письма были перлюстрированы и не дошли до адресатов. Шведские власти потребовали от А.Г. Трубецкой отдать векселя в обмен на «освобождение мужа из темной тюрьмы», что она «исправно» сделала. Трубецкого пере-

вели в «камору с малым светом» и разрешили на «некоторые» часы видаться с женой и детьми. 23 января 1716 г. «знатного пленника» с семьей переправили на остров Висингсё в Висингсборгский замок, где к июню находилось около 900 русских пленных. 29 мая 1716 г. в Шлиссельбургской крепости умер (не дождавшись обмена) канцлер К. Пипер, и поэтому И.Ю. Трубецкого «розменяли» на другого «знатного шведского пленника» – генерал-фельдмаршала К.Г. Реншильда. В августе 1718 г. И.Ю. Трубецкой прибыл в Россию вместе с женой, дочерьми и внебрачным сыном Иваном, который получил сокращенную фамилию отца – Бецкой (родился 3 февраля 1704 г. в Стокгольме). Княгиня Арина Трубецкая приняла его в свое семейство.

Сохранившийся эпистолярный А.Г. Трубецкой позволяет также изучить особенности языка и структуру частного письма петровской эпохи в гендерном аспекте. В Государственном архиве Швеции (Rixarkivet, Extranea 157.2; 157.3) хранятся 10 писем А.Г. Трубецкой: мужу (1.07.1709, 15.07.1709, 26.08.1709, 16.02.1710, 24.02.1710, 17.08.1715), брату С.Г. Нарышкину, деверю Ю.Ю. Трубецкому, графу К. Пиперу, генерал-аншефу М.М. Голицыну и императору Петру I, отправленные 17 августа 1715 г. (опубликованы в 2011 г. С.А. Козловым и З.В. Дмитриевой [1, с. 265–279]). Все письма были перлюстрированы и не дошли до адресатов. На письмах видны следы огня, так как шведские власти проверяли их на наличие «секретного текста», написанного симпатическими чернилами. В тексте «секретного письма» А.Г. Трубецкой к мужу от 16 февраля 1710 г. высказывались ее сомнения в верности мужа («все единогласно сказывают, что ты оттуда сам не хочешь») [1, с. 268].

Письма А.Г. Трубецкой отражают эмоционально-психологическое состояние русской женщины-дворянки в экстремальных условиях военного времени.

Список литературы

1. *Козлов С.А.* Русские пленные Великой Северной войны 1700–1721 / отв. ред. З.В. Дмитриева. СПб., 2011.
2. *Сенявская Е.С.* Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002. С. 5–22.
3. *Сенявская Е.С.* Военно-историческая антропология и психология (на материале российских войн XX века): учебно-методическое пособие для студентов, магистрантов и аспирантов гуманитарных специальностей высших учебных заведений. Петрозаводск, 2012.

4. *Шебалдина Г.В.* Женская история Великой Северной войны // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: Материалы XII международной науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. 10–13 октября 2019 г., Калининград: в 2 ч. Ч. 1. Калининград, 2019. С. 304–307.

5. *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004.

6. *Козлов С.А.* Нарвские пленные Великой Северной войны (по материалам Государственного архива Швеции) // *History and Literature in Eighteenth-Century Russia*. Ed. by Sergei Bogatyrev, Simon Dixon and Janet M. Hartley. London, 2013.

О.В. Смурова

Кострома, независимый исследователь

Метрические книги и ревизские сказки как источник изучения семейной жизни сельского населения (на материалах Костромского и Чухломского уездов Костромской губернии)

В ходе генеалогических и биографических исследований дореволюционного периода одним из главных источников выступают метрические книги и ревизские сказки. К сожалению, историки лишены такой возможности при изучении биографии, восстановлении истории семьи советского периода. Понятно, что имеются документы ЗАГС, которые уже частично переданы в архивы. Так, в Государственном архиве Костромской области (ГАКО) есть возможность работы с такими документами, относящимися к 1918–1925 гг.. Однако содержание они не могут заменить метрические книги.

Традиционный уклад жизни, воцерковленность подавляющего большинства населения России дореволюционного периода предполагали жизнь в браке. Метрические книги позволяют проследить семейную жизнь крестьян, составлявших подавляющее большинство сельского населения (венчание, рождение и крещение детей, отпевание умерших).

Историография метрических книг дореволюционного, советского и постсоветского периодов обзорно представлена в публикации М. Винник [1]. Она отмечала, что в последние годы усиливается интерес исследователей к локальной истории, в связи с чем возрастает внимание и к метрическим книгам. Следует заметить, что это связано и с ростом генеалогических исследований, позволяющих «заселять» локальную историю конкретными людьми с именами, фамилиями, судьбами.

Сравнительное изучение метрических книг разных территорий, даже внутри одной губернии, показывает продуктивность данного подхода, поскольку оно выявляет общие черты и особенности конкретной территории. Географические рамки исследования – Костромской и Чухломский уезды Костромской губернии. Костромской уезд располагался на западе губернии, был более заселенным, чем Чухломский. Последний располагался на севере и граничил с Вологодской губернией. Он был известен крестьянами-отходниками, отправлявшимися на заработки, главным образом, в Санкт-Петербург. Костромской уезд – территория, прилежавшая к центру губернии, городу Костроме. Здесь был более развит фабричный отход в Кострому. Кроме государственных и помещичьих крестьян, здесь было немало селений, принадлежавших и монастырям, таким как Ипатьевский и Богоявленский (Кострома), а также московскому Чудову монастырю.

Как известно, в дореволюционной России метрические книги велись в храме каждого прихода, однако сохранность их различна. В ГАКО по Костромскому и Чухломскому уездам сохранились метрические книги с середины XIX в. до 1918 г. Для анализа были выбраны метрические книги: Троицкой церкви с. Костенева, Ильинской церкви с. Панина, Приполовенской церкви с. Филиппцево Апраксинской волости, Троицкой церкви с. Зажарье Башутинской волости Костромского уезда и Ризположенской церкви с. Озерки Введенской волости Чухломского уезда.

Уклад жизни помещичьих крестьян, похоже, отличался от государственных и экономических (бывших монастырских). Более основательные выводы сделать сложно, поскольку наиболее ранние сохранившиеся в ГАКО метрические книги датируются 50-ми годами XIX в. Ревизские сказки и метрические книги фиксируют такие особенности: обмен женихами и невестами шел внутри селений вотчины, по воле помещиков совершались переселения крестьян в усадьбы помещиков, расположенных в других губерниях.

Во второй половине XIX в. возраст вступления в брак преимущественно составлял 17–22 года. Единичны случаи вступления в брак до 16 лет. Чаще жених и невеста одногодки или близки по возрасту. Исключение представляют браки солдат, унтер-офицеров, уволенных в запас. Они женятся ближе к 30. Метрические книги фиксирует большое число ранних смертей женщин при родах. По этой причине мужчины женились два, а то и три раза. Так, крестьянин Михайло Васильев (1824 г.р.) из д. Подболотье Апраксинской волости Костромского уезда первый раз женился на ровеснице, Параскеве Дмитриевой, которая умерла. В 1868 г. умерла на родах и его вторая жена, Александра

Николаева (1837 г.р.). В тот же год он женился третий раз на Федоре Петровой: ему 46 лет, а новой жене – 27. Принято было при записи жениха указывать полк, в котором он служил и его воинскую профессию. Такое правило распространялось и на гражданские профессии.

В Костромском уезде женихи довольно часто уходили жить в дом невесты (как правило, если не было в живых отца и не было братьев), то есть становились примаками. В материалах ревизских сказок 1858 г. государственные крестьяне, а иногда и помещичьи, чаще указаны с фамилией. У государственных и экономических крестьян фамилии появились уже в девятую перепись 1850 г. У рекрутов и новобранцев, а также ходивших на заработки в столицу, фамилии фиксируются еще раньше. Примаки же меняли фамилию, брали фамилию рода жены. К примеру, Менухов Афанасий Стефанов из д. Кузовцова Апраксинской волости женился на Елене Ивановой Чернышовой из д. Константинова, приобретя фамилию «Чернов». Встречаются случаи, когда три родных брата имели три разных фамилии: Зимин Андрей Матвеевич, Веселов Дмитрий Матвеевич, Ягодкин Иван Матвеевич. В данном случае нет документальной возможности подтвердить, что это было связано с примачеством.

Поручителями на крестьянской свадьбе выступали родственники. Но это характерно для территорий с более оседлым населением. В местах отхожих промыслов (к примеру, в Чухломском уезде) поручителями могли быть как совершившие социальное восхождение родственники, не проживавшие постоянно в деревне, так и представители других губерний, по-видимому, из столичного круга общения.

В тех селениях Костромского уезда, которые были в фокусе нашего внимания, браки имели внутрисословный характер: крестьянин женился на крестьянке. В метрических книгах этой территории мещане встречаются редко, не говоря уже о купцах, личных почетных гражданах. В Чухломском уезде наблюдался другой феномен – межсословные браки (крестьяне, мещане, личные почетные граждане, купцы, дворяне, в том числе из других губерний). По-видимому, это объясняется теми видами деятельности, которыми занимались чухломские крестьяне в столице, обеспечивавшими более высокий доход.

Брак сопровождался большим количеством рождений детей. А если учесть несколько браков мужчины в течение жизни, причем в каждом последующем браке жены, как правило, были моложе, то – очень много! Репродуктивный возраст длился долго, порой дети продолжали рождаться тогда, когда женились и выходили замуж старшие дети и появлялись внуки.

Встречается рождение незаконных детей. Однако изучение судебных таких крестьянок показывает, что это не мешало выйти им замуж (хотя бы за вдовца), родить множество детей, жить полноценной семейной жизнью.

Внимание современного человека обращает традиция имянаречения. Несмотря на разнообразие имен, которые предлагали святцы, заметна распространенность некоторых имен на отдельных территориях, своего рода мода. К примеру, женское имя «Мариамна» пользовалось в некоторые годы популярностью в Костромском уезде. Могли крестить несколько девочек подряд с этим именем. Необычно и то, что в одной семье могли быть дети с одинаковыми именами, причем от одной матери. Так, в семье Королевых из д. Константиново Апраксинской волости был Иван старший и Иван младший. Пример этот не единственный.

В Чухломском уезде в метрических книгах встречаются вставки-выписки из церквей Санкт-Петербурга. Так, в результате просмотра метрических книг церкви Ризположения с. Озерки Чухломского уезда за 1861–1918 гг. было обнаружено 10 упоминаний о рождении детей в Санкт-Петербургской губернии.

В третьем разделе метрических книг «Об усопших» было обязательным указание на брак, скажем, «вдовец после первого брака». В Чухломском уезде среди умерших встречается много представителей некрестьянского сословия, бывших жителей Санкт-Петербургской губернии.

Список литературы

1. Винник М.В. Метрические книги как источник по истории населения России // Демоскоп Weekly. 2012. № 535–536.

С.А. Трифонова

Москва, Архив Российской академии наук

Дневники представительниц московской аристократии первой трети XIX в. как источник для создания женского «автопортрета»

Представительницы московской аристократии первой трети XIX в. составляли определенный слой населения, отличавшейся как от дам, находящихся вблизи от двора, так и от представительниц провинциальной элиты, являясь определенным связующим звеном между стольными жительницами и остальными представительницами дворянского сословия. Судить о том, что представляли собой аристократки

Москвы, можно прежде всего по источникам личного происхождения – письмам и воспоминаниям. Однако только дневники с их авторской субъективностью создают «автопортрет» данной социальной группы. На сегодняшний день, выделяя жительниц «первопрестольной» с сохранившимися автобиографическими текстами, можно рассматривать личные дневники В.И. Ланской [4], М.А. Волковой [1], В.П. Шереметевой [2], Е.А. Шаховской [3] и Е.А. Соймоновой [5]. Классифицировать эти дневники можно по нескольким показателям: по времени фиксации событий, по цели их создания и по географии действия.

В отличие от большого количества дошедших до нас мужских дневников этого периода, которые велись на протяжении всей сознательной жизни, сохранившееся женские дневники, как правило, охватывают небольшой временной отрезок. Исключение составляют только записи В.И. Ланской, озаглавленные «Времена или даты», которые она вела с 1806 по 1833 г. Они сохранились в оригинале – рукописи на французском языке, отложившейся в фонде 1337 «Коллекция дневников и воспоминаний» Российского государственного Архива литературы и искусства (РГАЛИ) [4].

Следующим источником по времени фиксации событий являются письма М.А. Волковой и В.И. Ланской [1]. Несмотря на то что это письма, их можно классифицировать именно как дневник на основании того, что автор сам об этом заявляет в тексте: «Я буду продолжать аккуратно посылать тебе мой дневник в виде писем» [1, № 8, с. 634]. К сожалению, ответных писем адресата на сегодняшний день не обнаружено. Написанные на французском языке, они охватывают период с 1812 по 1818 г. Впервые перевод был сделан для публикации в журнале «Русский архив» в 1872 г. Письма вызвали интерес исследователей прежде всего как источник для изучения эпохи 1812 г., оставляя за рамками внимания другие временные отрезки.

Дневник Варвары Петровны Шереметевой, урожденной Алмазовой, велся в период с 3 октября 1825 по 6 февраля 1826 г. и представлял поденные записи во время пребывания диариста в Санкт-Петербурге. Местонахождение оригинала дневника неизвестно, он был впервые издан в 1916 г. и переиздан в 2021 г. [2].

Небольшие по объему записи Е.А. Шаховской отложились в фонде редакции журнала «Голос минувшего», которые охватывают период 1826–1827 гг. [3]. Они были изданы в 1920–1921 гг. в сокращенном варианте, издатели не включили в свою публикацию все личные моменты, отразившиеся в дневнике, такие как взаимоотношения с членами семьи и личные переживания, связанные с рождением ребенка.

Самый поздний по времени создания дневник, который она вела после возвращения в Москву из Европы, датируется периодом 1833–1835 гг. и принадлежит Е.А. Соймоновой [5]. Оригинал дневника, написанного по-французски, находится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), первый его перевод и публикация были сделаны в 2023 г.

По цели создания дневниковых записей они делятся на те, которые велись только для себя, для памяти, и на те, которые предполагались для прочтения близкими людьми и родственниками. К первым относятся источники, принадлежащие перу В.И. Ланской, Е.А. Шереметевой и Е.А. Соймоновой. Это сугубо личные записи, в которых содержится большое количество оценок окружающих, личных переживаний, не предназначенных для чужих глаз. Тексты, принадлежащие М.А. Волковой и В.П. Шереметевой предполагали прочтение другими людьми. Письма М.А. Волковой по своему назначению не предполагали конфиденциальности, дневник же В.П. Шереметевой представляет собой записи в форме писем к матери, сестре, детям и другим родственникам в Москву.

По географии действий дневники делятся на те, которые велись постоянно, вне зависимости от места пребывания diarиста и те, которые велись во время отъезда из дома. Для женских записей их постоянное ведение встречается не так часто, оно более характерно для мужских журналов и поденных записей. К таким текстам относятся дневники В.И. Ланской, Е.А. Соймоновой и Е.А. Шаховской. Во время путешествий были созданы такие источники, как письма М.А. Волковой и дневник В.П. Шереметевой.

Дневники представительниц московской аристократии первой трети XIX в. представляют ценный и единственный источник, на основе которого можно создать портрет представительниц этого слоя населения. Многие из них, уже введенные в научный оборот, использовались исследователями, но только сравнительный анализ данных автобиографических текстов позволит создать точный образ женщины той эпохи.

Список литературы

1. Грибоедовская Москва в письмах М.А. Волковой к В.И. Ланской. 1812–1818 гг. // Вестник Европы. 1874. № 8. С. 572–666; № 9. С. 115–169; № 10. С. 542–590; № 12. С. 637–671; 1875. № 1. С. 219–249; № 8. С. 660–688.

2. Дневник Варвары Петровны Шереметевой, урожденной Алмазовой. 1825–1826 гг. Из архива Б.С. Шереметева. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2021. 272 с.

3. Дневник княгини Елизаветы Александровны Шаховской (1826–1827 гг.) // Архив Российской академии наук. Ф. 646 (Редакция журнала «Голос минувшего»). Оп. 1. Д. 380.

4. *Ланская В.И.* Времена или даты, с 1806 г. (1790–1833). Дневник и выписки из дневника // РГАЛИ. Ф. 1337 (Коллекция воспоминаний и дневников). Оп. 1. Д. 129.

5. *Соймонова Е.А.* Дневники. Московское общество в 1833–1835 гг. М.: Кучково поле, 2023. 416 с.

А.А. Савчук

Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

Источники изучения положения женщин на каторге и в ссылке в дореволюционный период (1850-е годы – 1917 г.)

Традиционное русское законодательство не было гуманным при определении наказания для совершивших преступления женщин. Обычно знатные преступницы содержались в монастырских кельях, которые не сильно отличались от тюремных камер, простые женщины содержались в общих тюрьмах с мужчинами на тех же основаниях. Русское уголовное право при назначении наказания обычно не делало различий между мужчиной и женщиной, а если и делало, то не в пользу последней. До 1740 г. за убийство женщиной мужа или ребенка ее закапывали заживо в землю [5], да и после срок, получаемый женщиной за покушение на убийство мужа, убийство мужа или ребенка был несоизмеримо высок, а пороть заключенных женщин перестали только в 1890-е годы, после самоубийства Надежды Сигиды, подвергнутой на Карийской каторге 100 ударам розгами за то, что она дала пощечину коменданту В. Масюкову.

Вопрос реконструкции положения женщин на каторге остается актуальным ввиду того, что и советская, и современная пенитенциарная системы сохранили некоторые архаические черты, нуждающиеся в пересмотре, что выражается в дискуссиях вокруг закона о домашнем насилии. До появления массовых статистических источников реконструировать положение заключенных в монастырях, тюрьмах и на каторге женщин можно лишь фрагментарно и применительно только к благородным дворянкам. Образы заключенных знаменитостей – княжны Таракановой, императрицы Анны Леопольдовны, княжны Юсуповой, княжон Меньшиковых или графини Шереметевой (Долгорукой) – изображали довольно суровое положение опальных женщин, но, тем не менее, дворянское положение защищало их от сексуального насилия со стороны тюремщиков, от чего не были защищены жены и доче-

ри политических преступников недворянского сословия. Ситуация меняется во второй половине XIX в., что связано с тремя факторами: формированием тюремной статистики, появлением интереса к каторге со стороны интеллигенции и появлением в русских тюрьмах достаточного числа народниц, а впоследствии эсерок и террористок, из дворянского сословия, осужденных за политические преступления. Каждый тип источника позволяет реконструировать свой аспект правового и бытового положения женщин в тюрьмах и на каторге.

Статистические источники. Данный тип источников представлен как архивными материалами, так и особыми периодическими изданиями, такими как «Отчет тюремного управления» или «Тюремный вестник». Статистические источники дают нам следующую информацию: о числе заключенных мужчин и женщин, о законодательных основаниях для осуждения, о состоянии тюремных замков и каторжных тюрем, о довольствии арестантов и арестанток, о положении семей ссыльных, а также краткие биографические справки на некоторых осужденных по политическим мотивам женщин, о появлении специфического института тюремных надзирательниц, медицинском обеспечении арестанток. Но данный тип источников практически не учитывает многие личные элементы жизни женщин в тюрьме и на каторге: насилие со стороны эков и конвойных, быт заключенных женщин, их восприятие тюремной действительности, опыт конструирования специфических семейно-брачных отношений ссыльнокаторжных женщин и женщин, добровольно последовавших за своими мужьями, вопросы трудоустройства, вовлечения в проституцию и принуждения к ней, восприятия женщинами, оказавшимися в царской тюрьме, своего положения.

Второй тип источников – так называемые **свидетельства очевидцев** по вопросам положения женщин на каторге, в тюрьме, ссылке и в ходе процессов, прежде всего политических. Здесь мы имеем дело с непосредственными наблюдениями представителей интеллигенции, прежде всего дворян-мужчин, за положением женщин на каторге. В первую очередь они фокусируются на быте каторжных и заключенных женщин, акцентируя внимание на несоизмеримости наказания за совершенные преступления.

Третий тип источников – **мемуары и свидетельства женщин-заключенных**, отбывавших наказание на каторге. Данные источники больше фокусируются на личных моментах: общении между сокамерницами, отношениях с мужчинами-заключенными, тюремной администрацией и уголовницами. Еще одной особенностью этих источников является явный перекосяк в сторону воспоминаний политических заклю-

ченных-дворянок, имеющих возможность и желание запечатлеть свидетельства очевидцев для обличения царского режима и царской тюрьмы. Воспоминаний простых уголовных каторжанок или жен, добровольно последовавших за своими мужьями, сохранилось весьма мало в силу малограмотности респонденток, в основном в виде записей, сделанных их потомками, либо в виде устных семейных легенд, еще ждущих переноса на бумагу.

Мы исходим из идеи об особом женском опыте каторжанок, включавшем нарушения гендерной социализации того времени: принуждение к незаконному брачному сожителству, появление незаконнорожденных детей, насилие над ними как со стороны заключенных мужчин, так и со стороны надзирателей, принуждение к проституции. Однако в подавляющем большинстве подобные явления описываются либо в скупых отчетах полицейского управления, либо мужчинами-очевидцами (Дж. Кеннан [4], А.П. Чехов [7], В. Дорошевич [2], И. Ювачев [8], Д. Дриль [3]), использовавшими «женские сюжеты» для оттенения увиденных ужасов. Особенности восприятия женщинами ужасов каторги и ссылки, каторжного быта, общения с надзирателями и заключенными – вот те материалы, которые позволят в полной мере реконструировать положение женщин на каторге (антропологический подход). И здесь нас поджидают определенные трудности. Во-первых, подобных материалов сохранилось гораздо меньше, чем мужских свидетельств; фактически единственным публиковавшим их журналом был «Каторга и ссылка». Те же мемуары, которые выходили отдельными книгами, издавались существенно меньшими тиражами, чем мужские мемуары (Е. Брешко-Брешковская [1], М. Спиридонова [6] и др.), и чаще всего также становились достоянием спецхранов. Таким образом, первой проблемой является проблема поиска женских свидетельств каторжного быта. Во-вторых, воспоминания о каторге оставляли в основном политические каторжанки, воспоминания простых крестьянок, записанные их потомками или очевидцами, или официальными лицами, сохранились в малом количестве. Из этого вытекает две проблемы: проблема всесторонней реконструкции быта каторжанок, а не только того относительно комфортного положения, которое занимали политические ссыльные, и проблема поиска свидетельств простых каторжанок либо каторжных жен в архивах, библиотеках и музеях. В-третьих, воспоминания политических ссыльных сосредоточены в основном вокруг женщин своего круга, а не уголовных каторжанок или жен каторжников. Здесь возникает проблема реконструкции положения простых каторжанок с точки зрения женского опыта.

Список литературы

1. *Брешко-Брешковская Е.* Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920 / пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2006.
2. *Дорошевич В.М.* Сахалин (Каторга). М.: Тов-во И.Д. Сытина, 1903.
3. *Дриль Д.А.* Ссылка и каторга в России (Из личных наблюдений во время поездки в Приамурский край и Сибирь). СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1898.
4. *Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка. СПб.: Изд. В. Врублевского, 1906.
5. *Никитин А.М., Лосева С.Н.* Женщины-заключенные в дореволюционной России (по материалам исследований М.Н. Гернета). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenschiny-zaklyuchennye-v-dorevolyutsionnoy-rossii-po-materialam-issledovaniy-m-n-gerнета/viewer> (дата обращения: 26.04.2023).
6. *Спиридонова М.А.* Из воспоминаний о Нерчинской каторге. М.: Изд-во Всесоюзного о-ва полит. каторжан и ссыльнопоселенцев, 1926.
7. *Чехов А.П.* Остров Сахалин. Южно-Сахалинск: Дальневосточное книжное изд-во. Сахалинское отд., 1980.
8. *Ювачев И.П.* Восемь лет на Сахалине. СПб.: Тип. Суворина, 1901.

К.С. Коваль

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Переписка О.Л. Книппер – М. П. Чеховой как источник по истории женской повседневности конца XIX – начала XX в.

Переписка является не только источником того или иного исторического периода, но и отражением психологических переживаний героев, бытовых и злободневных проблем. В письмах исследователи часто находят описание многих аспектов женской повседневности, менталитета, субъективного мировосприятия и переживаний. Таким образом, субъективный характер этого вида исторического источника делает его особенно ценным для исследования женской повседневности.

Полувековая переписка (1899–1957 гг.) Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой, жены писателя, и его сестры Марии Павловны Чеховой была издана только в XXI в. За строчками писем прослеживаются жизни и судьбы двух образованных и деятельных женщин, которые принадлежали к одному поколению. Опубликованные письма дают возможность не только узнать о жизни героинь, но и прикоснуться к эпохе, прочувствовать настроение людей, ощутить себя участником событий.

Любовь к одному человеку сближает и двух других. Обе женщины не стали соперницами в любви к А.П. Чехову, но стали настоящими сестрами и подругами на долгие 60 лет. Эта любовь стала той нитью, которая их связывала как в счастливое, так и грустное время: *«Как мне тебя не хватает, Машечка, родная моя! Ты бы сидела со мной, мне было бы хорошо, тепло. Ты бы читала мне! Завтра, по традиции, зажигаем ёлку, соберутся все родичи»* (23-ье дек. 1900. Москва – Ялта) [1, с. 47].

На плечах незамужней М.П. Чеховой лежал весь дом брата, родители, хозяйство, даже на врачебных приемах она ассистировала Антону Павловичу – будущему писателю. Окончив в 1886 г. Высшие женские курсы Герье, Мария Павловна успевала и преподавать в гимназии Ржевской, одной из лучших в Москве. Несмотря на успешную реализацию в профессиональной деятельности, она чувствовала себя одиноко и жалела о несостоятельности в семейной жизни: *«Я уже научилась молча переносить огорчения! Это будет моя последняя откровенность. Отныне никто не будет знать моей жизни – я запираюсь – особенно от своих близких. Почему-то я должна для всех что-то делать, беспокоиться, заботиться. Все высказывают свое неудовольствие и требуют... Хотя бы один человек вошел в мое положение и подумал о моей жизни, что она не так сладка... Не говоря уже об отсутствии личной жизни и полнейшем одиночестве»* (25 сент. 1907 г. Ялта – Москва) [1, с. 261]. Эти строки говорят о том, что порой двойное бремя несли не только замужние женщины, но и одинокие.

Тем не менее из переписки можно сделать вывод о том, что корреспондентки достаточно терпеливо и смиренно относились к стихийным и горестным событиям своей жизни. Великодушные женщин ярко проявляется в письмах. К примеру, Ольга Леонардовна в своих посланиях очень часто прибегает к восторженным эпитетам не только к окружающим ее людям, но и предметам. В ее письменной речи заложены оптимизм и неиссякаемое жизнелюбие: *«Я все вожусь со своей квартирой, чизу, крашу. У меня теперь очень приятная горничная и курьезная кухарка – примитив, неграмотная, но готовит очень вкусно и чудесная женщина»* (7-ое сент. 1911 г. Москва – Мисхор) [1, с. 372]. Хотя Книппер была известной актрисой и много выступала, она любила заботиться о доме и создавать уют. И в этом они похожи с сестрой Чехова, та писала ей: *«Ты знаешь, я бросила свою квартиру и наняла в доме Курниковой на Долгоруковской, это, конечно, временно, хотя квартира большая (6 комнат) и дешевая – 60 руб. Последнее время в нашей квартире было до того холодно и сыро – как в подвале, и страшная вонь! Я пригласила барона к себе и его протопить просила хотя бы один раз и вообще летом заняться ремонтом квартиры – он*

отказал, сказавши, что у меня много барских замашек» (8 мая 1907. С дороги) [1, с. 235].

Описание событий в письмах и обмен впечатлениями между женщинами свидетельствуют о сохранении и почитании семейных традиций даже в советский период. Так, сочельник в квартире Книппер отмечали и по старому и по новому стилю, в праздник обычно дом был наполнен гостями. Однако будь то дореволюционная Россия или советская, корреспондентки в основном писали друг другу о бытовых проблемах, доме, болезнях и порой усталости. Так, Мария Павловна однажды сообщила: *«Я немножко устала с хозяйственной возней. В саду прекрасно, розы растут дивно! На днях был сильнейший ветер, сломал ренклюд, хурму и одну шелковицу, очень жалко!»* (11 мая 1916 г. Ялта – Москва) [1, с. 489]. Читая эту переписку, мы понимаем, что проблемы и характеры у женщин одинаковы в разные эпохи, меняются только декорации, как в театре, где служила одна из корреспонденток.

В повседневной жизни женщина вращалась в сравнительно узком кругу родных, соседей и знакомых. Даже в отъездах за границу или в отпуск по России, на дачу она интуитивно стремилась к общению со своими близкими с помощью переписки. Письма в какой-то мере замещали устное общение. При написании писем женщины пользовались обычным разговорным языком, в соответствии с требованиями которого оформляли свои мысли. В письме корреспондентки писали о том, что они могли бы рассказать друг другу при встрече. Поскольку Мария Павловна в основном жила в Крыму, встречи с москвичкой Ольгой Леонардовной были не такими частыми. Письма компенсировали отсутствие живого общения и имели поэтому особую ценность.

Список литературы

1. *Книппер О.Л., Чехова М.П.* Переписка 1899–1927. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Д.А. Сафонов

*Тамбов, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет»*

Женщины «периода революционного перелома»: опыт источниковедческого анализа личных источников

Тезис о так называемой поколенческой истории, т.е. о том, что историю стоит рассматривать через изучение отдельных поколений, принадлежит известному историку и социологу Теодору Шанину. Именно изменения, наблюдаемые в поколениях, следующих одно за

другим, по его мнению, позволяют лучше постичь суть исторического развития [11]. Сам термин «поколение революционного перелома» был предложен социологом Ю. Левадой [8]. Впрочем, он трактовал его достаточно расширительно, включая в него всех, родившихся в 1890-х годах и живших в эпоху революции и гражданской войны. Нам ближе точка зрения, высказанная авторами «теории поколений» В. Штраусом и Н. Хау: поколение – это прежде всего возрастная группа людей, выросших в одинаковых исторических условиях и потому склонных разделять определенные убеждения, ценности, модели поведения [13]. В то же время эпоха есть фактор всеобщий; но ее воздействие на конкретных людей никак нельзя полагать одинаковым; живущие в один временной период отнюдь не едины (Ю. Левада писал об «активных участниках» и «жертвах»). Воздействие эпохи и проявления ее воздействия различны. Общество неизбежно делится на разные социальные группы со своими взглядами, ценностями, ориентирами и приоритетами. Каждая такая группа интересна по-своему. Исследователями достаточно эффективно разрабатываются проблемы крестьянства [3, 10], еврейской молодежи [2], политкаторжан [1]. Тема женщин «эпохи революционного перелома» также интересна и перспективна – понять, что их волновало, интересовало, заботило.

Вероятно, самой большой проблемой при разработке подобных тем, является проблема источниковой базы. Наиболее удобны личные источники; они исключительно ценны тем, что только они передают информацию о внутреннем мире и взглядах мемуариста – участника событий. В то же время они весьма субъективны, по сравнению с прочими видами источников, а избирательный подход позволяет создавать желаемую картину: так, советские публикации мемуаров женщин, игравших активную роль в революции, подводили к выводу о всеобщности этого явления [4–7]. Вероятно, только полная подборка подобных источников (в виде естественной выборки) могла бы дать в итоге более-менее реальную картину.

Нами реализован большой исследовательский проект собирания источников личного происхождения периода революции и гражданской войны в одном отдельно взятом регионе – в Оренбургской области, юго-восточной окраине европейской части России. Достаточно ответственно можно утверждать, что практически все источники, авторами которых были оренбуржцы, либо в которых описываются события в Оренбуржье, в изданном каталоге отражены [9].

Всего в каталоге 1364 автора, из них женщин – 137. Последним принадлежат 239 текстов. В особую группу выделены книжные и газетные публикации (54). И те, и другие вызывают серьезное сомнение

в их искренности. Все книжные публикации подвергнуты редакторской правке, сделанной с определенными целями – в чем легко убедиться, сопоставив книжный текст с найденными черновиками. Что касается газетных, то это в массе своей публикации в областной прессе и районных газетах. Знание принципов и приемов работы советской провинциальной журналистики позволяет с большой долей вероятности утверждать, что итоговые тексты создавались самими журналистами, либо с их серьезной правкой.

Практически никто не писал мемуаров инициативно, все они были так или иначе заказными, и потому заказ неотвратимо влиял на содержание. Из имеющихся текстов можно определить два временных периода создания воспоминаний: 1927–1928 гг., когда в Оренбурге отмечали 10-летие женского движения, и 1956–1957 гг., когда в общегосударственном масштабе собирались мемуары к 40-летию революции.

Абсолютное большинство источников – о событиях революции и гражданской войны. О событиях и мироощущении в период Февральской революции упоминали только трое авторов (4 текста). Примерно четвертая часть (59 текстов) – рассказы о ком-либо, кого мемуаристка знала, видела, слушала (например, на митинге). В 31 тексте повествуется о судьбе близких родственников (брата, сестры, матери, дяди, отца, мужа). Две последние позиции наиболее представительны – по 8 текстов. А.Н. Левинович является автором 9 текстов о ее брате М.Н. Бурзянцева, первом губернском комиссаре юстиции, казненном белоказаками. Будучи подростком, она видела только арест брата в Преображенском заводе в 1918 г., но поскольку Бурзянцев стал в итоге знаковой фигурой борьбы и героической гибели за власть Советов в крае, сестра возвращалась к сюжету снова и снова. Сходным образом неоднократно о Марии Корецкой писала ее младшая сестра Е.П. Смирнова. Мария Корецкая также была знаковой фигурой – разведчица красных, схваченная и казненная белоказаками. Среди иных героев повествований – В.И. Ленин и Н.К. Крупская, все прочие – активные оренбургские деятели рассматриваемого периода. Рассказы о Ленине наиболее впечатляющи: от восторгов от услышанного на митинге до просто увиденного на митинге, и даже совершенно мифических историй о встречах с Лениным в Оренбуржье до революции и во время гражданской.

Все мемуары имеют общие моменты. В частности, о тяжелой жизни до революции (это вообще обязательный элемент повествования в книжных и газетных публикациях), о тяжелой жизни при белых. В обоих случаях следует учитывать обязательность акцента на тяготах, приходившихся на долю рассказчицы.

Если сгруппировать тексты по тематике, то более всего рассказов о работе в женотделе (20) и санитарном отряде в 1917–1918 гг. (7). Судя по мемуарам, это были те две сферы, где труд женщин, их революционный энтузиазм в тот период были применимы; позднее к ним прибавилась социальная сфера (призрение и защита материнства и младенчества). В иных структурах в тот период женщин не было вообще. Особую группу составляют рассказы первых комсомолок (8) – развернутые и эмоциональные (наиболее интересные опубликованы [12]). Обращает на себя внимание, что в массе своей они не были пролетарками. Еще одна группа воспоминаний о событиях, свидетелем (либо участником) которых являлась мемуаристка. Например, С. Бажановой были написаны 4 текста об ее участии в организации побега большевиков из тюрьмы в 1917 г., хотя ее роль была достаточно скромной.

Наиболее интересны и, соответственно, наиболее информационно насыщены автобиографии. В отличие от прочих, мемуаристки этого блока больше рассказывали о себе, своих переживаниях и проблемах, и потому их источники имеют большую информационную отдачу.

В то же время следует отметить, что для женщин в поколении «революционного перелома» следует выделить условно говоря, субпоколение рожденных в начале XX в. Наблюдается своеобразный водораздел возраста: более взрослые, испытавшие тяжелую работу, замужество и иные сложности бытия, и молодые девушки 1900-х годов рождения, воспринимавшие окружающий мир и его события как само собой разумеющееся.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00132 «Поколение “революционного перелома” в судьбе российской деревни первой трети XX века»).

Список литературы

1. Безгин В.Б., Якимов К.А. Социально-демографический портрет политкаторжан поколения «революционного перелома» // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 1235–1247.
2. Безгин В.Б., Якимов К.А. «Приказчики революции»: еврейская молодежь провинции в событиях Гражданской войны (на материалах Тамбовской губернии) // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 9. С. 301–319.
3. Вязинкин А.Ю. Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в.: проблемы историографии // Вопросы истории. 2022. № 7-2. С. 153–165.
4. Гражданская война в Оренбургском крае: По воспоминаниям участников гражд. войны и документам. [Чкалов]: Чкал. обл. изд., 1939. 308 с.

5. Женщины в революции: [Воспоминания]. М.: Госполитиздат, 1959. 471 с.

6. Женщины Урала в революции и труде: [Сб. воспоминаний]. Свердловск: Кн. изд-во, 1963. 534 с.

7. За власть Советов: воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье / сост. А.Я. Борисов, А.Г. Мартынова. Чкалов: Кн. изд-во, 1957. 308 с.

8. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5 (55). С. 7–14.

9. Сафонов Д.А. Эпоха революционных перемен первой четверти XX века в воспоминаниях современников: оренбургские источники. Оренбург: Оренбург. гос. ун-т, 2021. 311 с.

10. Слезин А.А., Якимов К.А. Общественные настроения крестьян поколения «революционного перелома» на рубеже 1920–1930-х годов // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 8. С. 453–469. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469.

11. Шанин Т. История поколений и поколенческая история // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3. С. 6–25.

12. Юность комсомольская моя: [коллективная монография] / Д.А. Сафонов, Е.Ф. Томина, О.В. Ягудина, Л.Т. Жайбалиева. Оренбург: ОГУ, 2019. 259 с.

13. Howe N., Strauss W. Generations: the history of America's Future. 1584 to 2069. New York, 1991. 538 p.

А.Ю. Рожков

Краснодар, Кубанский государственный университет

Интимная переписка супругов как источник для изучения истории эмоций в раннем СССР (1920–1930-е годы)

Современные отечественные и зарубежные исследователи относят проблему эмотивности исторических текстов к числу первостепенных задач истории повседневности, исторической антропологии и антропоцентрической лингвистики. Так, известный специалист в области истории эмоций Б. Розенвейн, ссылаясь на Т. Чифа, отмечает, что «эмоции стоят выше всех инструментов общительности. Они не только социально конструируются, поддерживают и одобряют культурные системы, но они также информируют человека о разных отношениях на всех уровнях, от задушевных разговоров между мужьями и женами до глобальных связей. Выражения эмоций, таким образом, следует читать как социальные взаимодействия» [2, с. 45].

Если в приведенной цитате упоминание «задушевных разговоров между мужьями и женами» – это авторская метафора, то фокус нашего исследования всецело направлен на изучение репрезентации эмоций в текстах многолетней супружеской переписки одной семьи, проживавшей в довоенном Краснодаре. Результаты исследования основаны на сплошном прочтении архивных материалов частной переписки супругов Владимира и Елены Можевитиновых, относящихся к категории образованных людей, способных выразить на бумаге свои чувства и рефлексии в описании проживаемых событий в южном провинциальном городе в 1920–1930-е годы.

Исследовательская проблема видится в том, что, несмотря на немалое количество работ по истории раннего советского общества, исследований, основанных на документах личного происхождения, в частности, эпистолярных источниках, явно недостаточно для понимания интимных переживаний современников советской эпохи. Работы, где сквозным методом изучались бы «малые нарративы» в виде частной супружеской переписки большой продолжительности, единичны. Между тем в личных письмах супругов нередко затрагивались многие темы, не подлежавшие обсуждению в деловой и тем более в официальной переписке. В этой связи каждый выявленный комплекс семейной переписки ценен сам по себе. Помимо высокой степени информативности, особая ценность коллекции писем супругов Можевитиновых состоит в том, что это систематизированная по годам переписка, а не разрозненные письма корреспондентов без ответных посланий. Введение в научный оборот частного эпистолярного массива позволяет лучше понять изучаемую историческую эпоху «снизу» и «изнутри», через жизненный мир и чувственный опыт интеллигентской семьи в провинциальном городе, нежно любящих друг друга супругов – «ячейки» советского общества, самого малого «эмоционального сообщества» (Б. Розенвейн).

Методологический подход к изучению научной проблемы базируется на понимании того, что эпистолярные документы при всей их субъективности относятся к уникальным и наиболее достоверным историческим источникам. По Р. Барту, в сравнении с воспоминаниями и автобиографиями письма приоритетны с точки зрения притязания на истинность при репрезентации прошлого, тогда как упомянутые две другие разновидности источников по своей структуре ближе к понятию «классического» нарратива [1, с. 106].

Супружеская жизнь, интимные отношения мужчины и женщины невозможны без проявления эмоций, поэтому нас особенно интересуют эмоциональные «нормы», которые существовали в эпистолярном об-

щении Можевитиновых. Что было приемлемым и неприемлемым в общении для супругов-корреспондентов, какова была культурная вариативность и семантика ключевых терминов выражения эмоций в разные периоды их личных отношений? Какие способы выражения эмоций ими ожидалось, поощрялись, а какие лишь терпелись и/или осуждались? В каких эмотивах выражалось эмоциональное состояние супруга и супруги, какие «эмоциональные репертуары» (индивидуальные и семейный) имелись в их распоряжении, насколько различалась степень их эмоционального сдерживания? Как эмоциональные практики мужчины и женщины связаны с конструированием их гендерной идентичности? Наконец, какими смыслами наполнялось понятие чести у супругов Можевитиновых в период их трансформации от «бывших людей» к новой советской элите среднего звена? Вот лишь некоторые вопросы, на которые мы попытались найти ответы в супружеской переписке.

Получить некоторые ответы на эти вопросы помогло обращение к лингвистическим приемам исследования частных микротекстов, прежде всего, к методике выявления «эмотивно-прагматических установок» О.Е. Филимоновой [3, с. 97–98].

Проведенный анализ супружеской переписки показал, что эпистолярный дискурс Можевитиновых в указанный хронологический период несколько различался в зависимости от статуса (фаз) их интимных отношений (зарождение чувств в статусе служебного романа, ухаживание, женитьба, первые месяцы супружества, последующие годы вплоть до первого десятилетия совместной жизни). Динамика переживаемых чувств наблюдается уже по обращению друг к другу и коде нарративов: от церемонного «*многоуважаемая Елена Николаевна*» и «*уважаемый Владимир Леонидович*» до интимного «*Леночка*», «*милая Лялечка*», «*милый Лен*», «*милый мой, родной*»; от официозного «*жму Вашу руку*» и «*уважающий Вас*» с формальной подписью «*В.Л. Можевитинов*» до «*спокойной ночи, мое солнышко*», «*я целую тебя крепко, моя дорогая жена*», «*не скучай, чижичек мой*» с приватными подписями «*твой муж*», «*твой Володя*» и т.д. Стоит подчеркнуть, что, судя по переписке, Владимир Леонидович был более открытой, эмоциональной натурой, чем Елена Николаевна, ответных чувств со стороны которой он долго и настойчиво добивался. Возможно, сказывалась некоторая разница в возрасте (он был немного старше), а также тот факт, что у супруга это был второй брак (первый раз он был женат на известной балерине Татьяне Исаченко (Гзовской)). В ряде писем он пытался научить любимую эмотивному проявлению нежности и обозначить желаемые эмоциональные нормы межличностного общения.

Посредством изучения переписки между супругами Можевитиновыми установлено, что они стремились проинформировать друг друга о своих чувствах, поделиться ими, проанализировать и излить свои чувства, узнать о чувствах адресата и проанализировать их (особенно это заметно у супруга), узнать через письма о чувствах третьих лиц, призвать своего адресата к действию для избавления от чувства либо для его получения.

Список литературы

1. *Барт Р. S/Z* / пер. с фр. Г.К. Косикова и В.П. Мурат; под ред. Г.К. Косикова. 3-е изд. М.: Академический проект, 2009.
2. *Розенвейн Б. Проблемы и методы в истории эмоций* / пер. с англ. С. Перова // *Город и горожане в Советской России 1920–1930-х годов: мир эмоций и повседневных практик: сб. науч. ст. / отв. ред. А.Ю. Рожков. Краснодар: Традиция, 2017.*
3. *Филимонова О.Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте.* СПб.: Книжный Дом, 2007.

Т.Н. Самарина

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Учебники танцев как источник изучения гендерных аспектов художественной самодеятельности в СССР

Популяризация массовых танцев началась в СССР в 1920-е годы: происходила подготовка преподавательских кадров; разрабатывался репертуар, основанный как на классических бальных танцах, так и на национальных танцах народов Советского Союза; организовывались танцевальные вечера; издавались иллюстрированные учебники по бальным танцам. Руководство страны видело в возрождении общественных балов немалый политико-воспитательный потенциал и поэтому активно пропагандировало бальные танцы как полезный и приятный досуг для советской молодежи.

VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1957 г. в Москве стал важным историческим событием, в том числе и в контексте танцевального развития советской молодежи. «Обнаружилась потребность в том, чтобы молодежь столицы могла говорить с гостями со всего мира на одном телесном языке – языке современного бытового танца. Опасаясь, как бы советская молодежь в этом пункте не ударила в грязь лицом, советские организаторы фестиваля мобилизовали клубную самодеятельность, чтобы массово обучить молодых людей современным

бальным танцам...» [3, с. 322]. Партия брала под свое крыло художественную самодеятельность, создавая материальные и организационные условия для творчества в обмен на контроль за идеологическим содержанием. Изображения в учебных пособиях по бальным танцам представляют собой отдельный исследовательский интерес, так как, во-первых, иллюстрируют танцевальную технику, а также помогают отследить развитие и изменения репертуара (которые часто были связаны с политикой партии); во-вторых, раскрывают особенности социального, в том числе гендерного, взаимодействия через танец. Проблема записи хореографического материала остро стояла в период, когда кинофиксация не была распространена повсеместно, и балетмейстеры опирались в своей работе на рисованные схемы, иллюстрации и фотографии танцевальных постановок.

«С начала 1960-х гг. проведение вечеров бального танца вошло в практику жизни, в помощь организаторам была издана методическая литература, по которой сегодня можно судить о типовой структуре подобных вечеров» [1, с. 137]. Так как подобная методическая литература включала в себя большое количество иллюстраций и нотных записей, исследователь танцевальной культуры может составить по ним представление об исполнительской технике, внешнем виде танцующих и предпринять попытку восстановить постановки массовых танцев советского периода.

В нашу исследовательскую задачу входит анализ танцевальных иллюстраций в советских учебных пособиях по парному танцу, а именно гендерный аспект: как изображались мужчины и женщины, их костюмы, позы и т.д. В качестве примера, можно отметить, что женский костюм был более подвержен изменениям в иллюстрациях, чем мужской. Для данной темы важны не только описания и изображения танца, но и комментарии составителей, содержащие как идеологический контекст, так и правила поведения на танцплощадке и структуру бального вечера, что помогает выявить общие тенденции и региональные особенности художественной самодеятельности в СССР. В качестве источников в исследовании используются иллюстрированные русскоязычные советские учебники массовых (бытовых) танцев, переведенные и оригинальные, изданные в ряде республик, и методические издания по организации танцевальных вечеров.

Как правило, в таких пособиях 1920–1930-х годов особенно подчеркивается идеологический аспект: «К.О. ВЦСПС, рекомендуя “Вечера отдыха”, как массовую культурную работу, обращает серьезное внимание на возможность превращения их в **обыкновенные** вечера и вечеринки с буржуазным уклоном» [4, с. 5]. В этом пособии также ин-

интересно то, что используется мужской и женский род – рабочий/работница – и особенно подчеркивается: «Программа должна рассчитываться не только на мужчин, но и на женщин» [4, с. 30]. Здесь же поднимается тема сексуальных отношений, возникающих в танцах и играх для трудящихся: «Важным вопросом при проведении игр является “сексуальный вопрос”, для правильного разрешения этого вопроса нужно прежде всего притупить самый вопрос, для чего следует на игры приглашать мужчин и женщин одинаковое число, дальнейшее же разрешается само собой, т.к. активность игры, построенная на движении, разрывает чувственность» [4, с. 33–34].

Вопрос репертуара поднимался на протяжении всей советской эпохи: какие танцы допустимы для советского человека, а какие следует исключить из обихода по эстетическим и идеологическим соображениям. Очень примечательна мысль о том, как те или иные национальные танцы по-разному интерпретируются в других культурах, и это является обоснованием для отказа включения танца в репертуар. Л.С. Школьников приводит пример твиста и шейка, которые органично исполняются американскими и британскими танцорами, но при этом в Советском Союзе их исполнение двусмысленно и непристойно, равно как и движения бедрами в латиноамериканских танцах. При этом русские дробы и крики в женской пляске воспринимаются как неприличные в странах мусульманского Востока [5, с. 10].

После фестиваля молодежи в Москве балльные танцы становятся важной частью танцевальной практики в СССР, причем зачастую хореографы работали с «народным материалом», превращая фольклор в стилизованные балльные танцы под репертуар массовых танцплощадок в республиках. «Необходимо добавить, что в 60–70 годах очень широко и бурно начали развиваться по всему миру молодежные современные танцы. Чтобы и в этом направлении большого пробела не допустить, мы... создали четыре адыгейских современных балльных танца “Адыгейский лирический”, “Хьакулац”, “ТурыгТу”, “Адыгейский вальс”» [2, с. 28].

Таким образом, можно сказать, что танец – это зеркало, если не лука, человеческих взаимоотношений, особенно гендерных. На танцевальных вечерах знакомились, заводили дружбу, семьи; как на балах, так и на *вечёрах* в деревне оттачивались навыки социального взаимодействия. В СССР появился целый массив новых танцевальных практик, были введены в массовый обиход народные танцы через академические ансамбли и клубную работу художественной самодеятельности. Попытки восстановить танцевальную культуру ушедшей эпохи по разнообразным источникам помогают лучше понять, как общались и чем жили люди в то время.

Статья подготовлена в соответствии с планом НИР Института этнологии и антропологии РАН.

Список литературы

1. *Алякринская М.А.* Тенденции развития массового танца 1950-х годов: бальный танец // Вестник СПбГУКИ. 2014. № 2. С. 135–142.
2. *Бешкок М.М.* Танцевальная культура адыгов с древних времен до наших дней. Майкоп: Адыгея, 2000.
3. *Нарский И.С.* Как партия народ танцевать учила, как балетмейстеры ей помогали и что из этого вышло: Культурная история советской танцевальной самодеятельности. М.: НЛЮ, 2018.
4. *Харлампиев А.Г.* Коллективный отдых в рабочем клубе. Забавы, игры, танцы, хор. М.: Изд-во ВЦСПС, 1925.
5. *Школьников Л.С.* О танцах в шутку и всерьез. М.: Советская Россия, 1975.

И.И. Калачёва

Минск, Белорусский государственный университет

Образ белорусской семьи в представлениях старших и младших поколений: анализ эмпирических материалов

Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что именно новое поколение состоящих в браке людей соединяет традиции прошлого и те ценности, которые формируются в XXI в. В Беларуси ценность семьи высока, практически каждый студент, если спросить его о будущем, назовет в ряду приоритетов успешную карьеру и крепкую семью.

Социологические исследования разных лет показывают, что семья выбирается как главная ценность. Опрос представителей четырех поколений, проведенный нами в рамках научно-исследовательского проекта, посвященного теме исторической памяти как фундаментальной матрице белорусского народа, показал, что семья как ценность важна в одинаковой степени и для старших и для младших поколений (по анкете «Профиль поколений» было опрошено 394 человека). В то же время проблемы добрачных отношений, молодого родительства, воспитания детей требуют большего внимания.

Обратимся к результатам фокус-групповой дискуссии с представителями четырех разных поколений. Цель исследования состояла в том, чтобы раскрыть ценностные максимы старших и младших поколений, выявить общие и отличительные особенности, показать важнейшие события, которые объединяют поколения и др.

Наталья, 22 года: «...семья, вот это для меня самая большая ценность, преемственность поколений, это в первую очередь семья, ...потому что я люблю свою семью. Это очень важно, чтобы не забывать, кто мы есть». Арина, 19 лет: «...я выделила для себя мою страну, себя и семью, потому что это взаимосвязанные составляющие...». В суждениях о семье преобладают сходные мнения – молодые люди считают семью важнейшей ценностью (Яна, 17 лет; Владислав, 18 лет; Дмитрий, 20 лет; Олег 18 лет).

Учитывая новые тенденции в развитии института семьи и брака, важным является вопрос о том, каким представляется образ современной семьи для молодежи? какие признаки являются важнейшими? Дмитрий, 20 лет: «...это равноправный брак, да, конечно, но лидер в семье может быть...». Арина, 19 лет: «...в семье должна быть хорошая психологическая обстановка, потому что взаимоуважение и взаимопомощь – это, в первую очередь, то, что создает такой микроклимат». Наталья, 22 года: «...это открытость взрослых своим детям...чтобы каждый умел друг друга слышать и слушать...».

Волнует молодежь проблема отношений родителей и детей, это заметно по тем высказываниям, которые были зафиксированы в рамках групповой дискуссии. Яна, 17 лет: «Это чтобы всем было комфортно, а также, чтобы родители уделяли должное внимание своим детям, их воспитанию, их образованию». Дмитрий, 20 лет: «...если родители не насаждают ребенку определенную точку зрения, а приучают к самостоятельности...».

А что думают по этому поводу респонденты самого старшего поколения – послевоенного. Общая тенденция в их суждениях такова: «семья – это базовая ценность человека, эти установки мы приняли как норму от своих близких – родителей, бабушек и дедушек».

Дискуссия фокус-группы по этому вопросу выявила следующие взгляды: во-первых, вариативность представлений о том, какие традиционные ценности белорусов принимаются современной молодежью, а какие отторгаются. К примеру, нужен или нет лидер в семье? А если один из супругов больше зарабатывает, то влияет ли это на распределение обязанностей? Во-вторых, участники дискуссии сошлись во мнениях о необходимости сохранения традиций воспитания, передаваемых от бабушек и дедушек. Респонденты отметили, что многие методы воздействия на современных детей (внуков) неэффективны из-за влияния «большой базы» информации, в рамках которой нужно делать верный выбор. В-третьих, участники озвучили опыт разных стран в отношении семьи и пришли к общему выводу, что пропаганда нетрадиционных семей (однополых браков), в особенности в странах Евро-

пы и США, приводит к деградации человеческой личности, ставит под сомнение ценность семьи как таковой (Николай, 72 года; Нина, 73 года; Валентина, 74 года; Константин, 68 лет).

Опираясь на ответы самых младших участников дискуссии, обобщим ответы на вопрос «Какие традиции старших поколений соответствуют современным реалиям? Какие из семейных традиций стоит поддерживать, развивать и культивировать, а от каких можно отказаться?».

1. Старшим не следует навязывать систему собственных ценностей, так как зачастую она не соответствует потребностям молодых.

2. Родители должны избавляться от гиперопеки своих детей и внуков. Нужно давать возможность молодым самим «делать» свою жизнь. Преemptственность – это не навязывание, а приобщение.

3. Исключить из жизненных правил агрессию и насилие по отношению к младшим.

4. В отношениях между старшими и младшими поколениями развивать взаимную выручку, помощь старших поколений младшим и, наоборот, младших – старшим.

5. Сохранять семейные традиции гостеприимства, совместных общих праздников, личных праздников, формировать культуру семейных традиций, включать всех членов семьи в подготовку и празднование.

В последнее время обострился вопрос о разных типах семейно-брачных союзов. «Как ваше поколение относится к таким явлениям как гостевые и гражданские браки, однополые союзы, чайлд-фри, ЛГБТ-семьи?» – так была сформулирована тема обсуждения. Перечислим наиболее типичные ответы представителей разных возрастных групп.

Современное поколение молодежи и их мнения: Олег, 18 лет: «...я абсолютно толерантно отношусь к ЛГБТ-семьям, потому что они чувствуют любовь...»; Арина, 19 лет: «...я выбираю обычную традиционную семью... все остальные новые типы семьи меня не интересуют... пусть они делают все, что хотят...»; Дмитрий, 20 лет: «...если эти ценности не пропагандируются в радикальной форме, то в принципе они могут существовать. Главное, чтобы это не заходило за рамки закона, за рамки морали...»; Владислав, 18 лет: «...я рассматриваю их как представителей субкультуры...»; Яна, 17 лет: «...если людям комфортно, то пусть они делают, что хотят, если это не нарушает чьи-то личные границы»; Наталья, 22 года: «...я нейтрально к этому отношусь. Считаю, что и чайлд-фри (браки без детей) и традиционные браки

(брак мужчины и женщины) – это нормально. Если людям хорошо, комфортно вместе, почему нет?»).

Обобщая суждения представителей современного молодого поколения, отметим, что очевидны тенденции нейтрального, толерантного отношения к новым типам семейно-брачных отношений, причем наблюдается явное единообразие ответов, общность взглядов.

Старшие участники фокус-групповой дискуссии абсолютно уверены, что ценности традиционной семьи с ее укладом и нормативной культурой нужны их детям и внукам, «чтобы не прерывалась традиция». Однако респондентами замечены признаки трансформаций добрачных, семейно-брачных установок, ценностных ориентиров молодежи. К таким отнесены наличие гражданских браков (без официальной регистрации), рождение детей вне брака (неполные семьи), одинокое проживание человека (невступление в брак), увеличение количества разводов у молодых пар с детьми, приверженность в семьях к курению и алкоголизму, что пагубно влияет на детей и подростков, отторжение бабушек и дедушек от участия в воспитании внуков.

Респондентами был высказан ряд мнений о том, как менять ситуацию, что делать, чтобы институт семьи оставался привлекательным для молодых людей, чтобы ценности и традиции преемственности сохранялись в нашей реальной жизни.

Подготовлено в рамках НИР «Историческая память в системе базовых ценностей белорусского народа как фактор межпоколенной коммуникации и информационной безопасности» (ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», № госрегистрации 20212024 от 02.06.2021).

Н.Л. Крылова

Москва, Институт Африки РАН

Соотечественницы в Африке. Повседневность на страницах автодокументалистики

Новые стандарты научной достоверности возродили исследовательский интерес к историческому взгляду на социально значимые объекты или ситуации, требующие ухода от широких обобщений к «камерному», к возрождению внимания к информационно значимым автодокументальным свидетельствам [2]. Теперь нет необходимости оправдываться и пояснять, что различные образцы автодокументальных жанров могут быть полноправным источником для исторического, социологического, антропологического исследования, становясь по-

лезным при рассмотрении конкретной социокультурной среды в рамках других научных парадигм. Обращение к этим источникам открывает для изучения новые области жизни и истории наших сограждан, а также привлекает к участию в этом процессе группы людей, которые ранее «не замечались» исследователями. Наконец, используя такие методы, ученый обретает реальную возможность понять, каким образом культурно-историческое целое становится частью опыта отдельной личности [3, с. 5].

Феномен афро-русских браков – самостоятельная страница как в истории нашего отечества, так и в истории культурного присутствия в Африке. В отличие от своих предшественниц – русских эмигранток «первой» волны, эти женщины покидали родину не как беженцы. И приезжали они уже не в колониальную африканскую страну, а в независимое государство с его новой социальной реальностью. Это был их осознанный выбор, пусть и в огромной мотивационной амплитуде.

И все же общей для всех групп русского зарубежья в Африке типологической характеристикой оставалось существование на стыке чрезвычайно несхожих культур. В то же время современный афро-русский «смешанный» брак как социальное явление приобретает особый культурный ракурс. Обретают свои черты и формы творческого самопредъявления этих женщин.

Обращение к гендерному аспекту автодокументального письма в контексте социокультурных практик соотечественниц в Африке обусловлено не только стремлением показать через их произведения различные судьбы женщин, оказавшихся в разное время в независимой Африке, ставшей либо чужой, либо, наоборот, землей их новой жизни. Будет ли этот процесс трудным, а новое укоренение мучительным, станет ли возможным ощущение своей принадлежности к разным мирам одновременно или возникнет переживание чуждости своей повсюду, – так или иначе соотечественнице предстоит не только создавать и охранять жизнь своей семьи, но и участвовать в жизни совершенно иной среды, в окружении другого – социального, культурного, конфессионального – контекста, с другими традициями и миропредставлениями.

Корпус автодокументальных опытов этой группы женщин невелик. Но их произведения – реальный вклад в автодокументальное наследие по актуальным вопросам жизни и культуры соотечественниц в Африке, которыми они щедро делятся с новыми поколениями русских. Эти произведения – важный источник женских авторских свидетельств и хроники событий в аспекте историко-культурной порубежности, в до-

стоверности отражения действительности и окружающей наших соотечественниц повседневной реальности.

На полях автодокументалистики осуществляется творческое стремление подойти к пониманию проблем, связанных с жизнедеятельностью людей, пытающихся под семейным кровом день за днем объединять особенности, силу и слабость двух различных цивилизаций. Подобные образцы художественного творчества наших соотечественниц, где они находят свой собственный ракурс изложения увиденного и пережитого, становятся еще одним этнокультурным источником наблюдений женщины, внедренной в африканский социум как полноценный участник повседневной жизни [1, с. 93].

Этому в той или иной мере посвящены литературные описания нескольких соотечественниц, в разное время оказавшихся в Кот-д'Ивуаре. У авторов много общего. Две русские женщины живут в одной африканской стране, наблюдая и описывая свою повседневную жизнь в многолетнем афро-русском браке. Обе имели советский опыт гендерной социализации. Обе успешны в карьере и общественной сфере и принадлежат к средним слоям африканского общества. За полудекададное присутствие в этой стране они пережили многое, в том числе военные перевороты.

Т. Айе [6], оставаясь истинно советской женщиной, испытавшей и успешно преодолевшей тяготы борьбы за «смешанную» семью в условиях советской системы, улетаем в «капиталистическую» Африку, где с присущей ей энергией и любознательностью обустроивает свою жизнь по-ивуарски русскими приемами: интенсивное изучение языка, настойчивые поиски работы, общественная деятельность, воспитание детей, активное освоение местной и европейской культуры. Ее неистощимый оптимизм и любовь к жизни помогли ей преодолеть многие проблемы и трудности, неизбежно возникавшие в афро-русской семье.

Воспоминания В. Куаме [4] написаны в жесткой, хлесткой и очень откровенной манере. Будь то взгляд на собственное решение выйти замуж за африканца или комментарии к некоторым традиционным обрядам и верованиям ивуарцев, их восприятию прекрасного и ужасного.

Без сомнения, обе книги гендерно ориентированы. Обе очень подробно описывают опыт повседневности в «смешанном» браке. Размышляя о судьбах русских женщин, живущих в Африке, В. Куаме подчеркивает: «Любой “смешанный” брак – по расовому, национальному или религиозному признаку – требует от обеих сторон еще больших, чем в монокультурном браке, терпения, умения идти на уступки, понимания и уважения к принципам, с которыми носится каждый из супругов... Нет, я не протестую против таких браков – это

было бы идиотизмом с моей стороны. Как можно запретить ветер или дождь? как можно запретить пить воду или дышать? как можно запретить людям влюбляться и делать глупости? Да никак... Счастливые исключения так исключениями и остаются, мир не стоит на месте, традиции отступают, хотя очень медленно и неохотно, оставляя современным смешанным семьям больше места и времени “для маневра” [4]. И именно женщине предстоит осуществить этот «маневр», приспособиться к новой школе жизни, привыкать к ее вызовам. Именно ей придется в той или иной степени испытать двойной гнет власти – и мужчины (как традиции в концентрированном ее проявлении), и принимающего общества (как диктата закона новой жизни). А потому ее, женщины, опыт жизни в «смешанном» браке по-своему особенный, интересный и поучительный. Что и подтверждают литературные свидетельства наших авторов.

Третья книга написана женщиной, проведенной без малого 20 лет в Сомали [5]. Здесь автор позволяет фактам самим говорить за себя (что они и делают и весьма впечатляющим образом), для чего прибегает к дневниковым записям, почерпнутым на просторах Интернета – из «Живого Журнала», с форумов и новостных порталов. Дословная фиксация подобного «полевого материала» позволила не только выстроить своеобразную галерею социально и психологически выразительных портретов представительниц русскоязычного сообщества в Африке, но и достаточно широко охватить специфику их повседневного бытия в условиях африканской действительности.

Список литературы

1. *Крылова Н.Л.* О себе и эпохе: литературное творчество русских эмигранток в Африке // Ученые записки Института Африки РАН. 2021. № 2 (55). С. 93.
2. *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998.
3. Русская семья в водовороте «великого перелома». Письма О.А. Толстой-Воейковой. 1828–1928 гг. СПб.: Нестор-История, 2005.
4. *Саркисова-Куаме В.* Бамбарбия Киргуду (записки сумасшедшего этнографа). URL: <https://www.academia.edu/43143135/>
5. *Светлова-Туриаре Светлана.* Сомали – республика на Экваторе. Автобиографическая документальная повесть. София, 2022.
6. *Айе-Пиманова Т.* Из Волоколамска в Африку. Тмаркины рассказы. М.: Старица, 2021.

Г.И. Лепехина
*Воронеж. Воронежский государственный
педагогический университет*

Образ королевы Елизаветы II в документальных фильмах

Кино как одно из средств массовой коммуникации, популярное и доступное в эпоху информационных технологий, позволяет создателям использовать его для достижения ряда целей: формирования общественного мнения; легитимации/делегитимации власти, организации целенаправленного влияния на процесс формирования исторической памяти и т.д. Разумеется, это мощное воздействие в первую очередь касается неигрового кино: прежде всего биографических документальных фильмов, инициаторами создания которых выступают представители не только правящей политической элиты, но и оппозиции, демонстрируя разные политические установки и их интерпретации. Л.Ю. Малькова, исследуя процесс создания киномифов, показала, что кино на самом деле включает «заблуждения своего времени», которые «фиксирует» документальный фильм [14]. Нельзя не упомянуть и о псевдодокументальном кино – мокьюментари, когда можно говорить об осознанном искажении правды, о замалчивании или фальсификации некоторых значимых фактов. Часто информация подается в популярной форме журналистского расследования.

Документальные фильмы должны изучаться как важный исторический источник, сочетающий ряд характеристик [12]. Искусствовед А. Бергер, сравнивая кино с поэзией благодаря «использованию образов, метафор и символов», а также с пантомимой и танцем, раскрывает достоинства художественного образа для раскрытия специфики конкретного времени [8, с. 127]. Необходимо учитывать и содержание кинотекста, который может оцениваться с разных позиций [9, с. 3].

Все это в совокупности усиливает восприятие зрителя, его веру в достоверность получаемой информации, происходит так называемое эмоциональное заражение [15]. В целом ряде общих работ исследуется общая методика анализа содержания документальных фильмов [7, 10, 12].

Среди наиболее влиятельных политических деятелей XX–XXI вв. королева Елизавета II занимает особое место не только из-за длительности пребывания у власти (70 лет), но и из-за эффективности ее действий, позволивших преодолеть кризисы, реформировать отделившиеся стороны политической системы, оставив в силе традиции, обеспечившие стабильность и преемственность в развитии государства.

Проанализировав лишь шесть переведенных на русский язык из множества документальных фильмов, вышедших с 1969 до 2022 г.,

обратимся к тем сюжетам, которые позволяют сформировать образ главы государства, достойного примера для подражания.

Во-первых, проследим взаимодействие королевы, которая, согласно утвердившемуся мнению, «царствует, но не правит», с премьер-министрами, реально управлявшими страной [3]. По традиции на протяжении всех лет правления Елизавета II по вторникам встречалась с главами правительства, которые делились с ней конфиденциальной информацией. Эти беседы носили неформальный характер, и авторы фильма показывают, что глава государства, никогда публично не выражавшая своего мнения по поводу самых актуальных проблем, например, активизации феминистского движения, тем не менее демонстрировала свое отношение к действиям премьер-министра, заставляя его задуматься о их последствиях. Разумеется, формат фильма не позволил передать специфику отношений со всеми 14 лидерами кабинета министров, но можно увидеть некоторые нюансы. Безусловное уважение к другу отца – У. Черчиллю – сохранилось, несмотря на различие позиций по вопросу о будущем британских колоний; а разница в стиле поведения – конфронтационного у Маргарет Тэтчер и сдержанного, демонстрирующего «готовность к примирению» у королевы – не только не привела к конфликту, но и не помешала Елизавете II выразить свое отношение к вынужденной отставке премьера: «она огорчилась из-за того как с ней [Тэтчер] поступила ее партия». Заслуживает внимания и поведение королевы в период кризиса в консервативной партии из-за брекзита, вынужденной отставки Д. Кэмерона и Т. Мэй. Однако о том, что благодаря действиям королевы, поддерживавшей идею досрочных выборов в парламент, укрепились позиции Б. Джонсона, ставшего премьером лишь в результате партийного голосования, авторы фильма не упомянули [3].

Во-вторых, обратимся к фильмам, посвященным различным аспектам жизни королевской семьи, ведь образ королевы был бы слишком официальным без учета ее роли жены, матери, бабушки... Королевская семья, с одной стороны, выступает как образец для подражания [2], с другой – поведение отдельных ее представителей («бунтарки» принцессы Маргарет; обвиненного в сексуальном скандале принца Эндрю; отказавшегося от обязанностей члена королевской семьи принца Гарри [4]) является объектом критики, что в конечном итоге ставит под сомнение необходимость монархии как таковой.

Королеве во всех случаях удавалось сохранить спокойствие и тем самым продемонстрировать незыблемость трона. Самым болезненным ударом по ее авторитету стал развод наследника принца Чарльза и «королевы людских сердец» Дианы. Трагическая гибель Дианы лишь

усугубила ситуацию: королева не смогла сразу выразить свое отношение к трагедии, премьер-министр Т. Блэр настаивал на открытом обращении к нации, впоследствии в своих мемуарах и интервью он акцентировал на этом внимание [3, 6] Однако авторы фильмов почему-то не упомянули о позиции бывшего мужа – Чарльза, который поддерживал требования Т. Блэра [11, с. 187]. Авторитет королевской семьи, якобы, заинтересованной в смерти Дианы, подрывают открытые обвинения в ее адрес [5], отношения с прессой заслуживают пристального изучения [4].

Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что Елизавета II как «глава нации» выполнила клятву «служить своему народу», продемонстрировав умение сохранять невозмутимость и благожелательность, осведомленность в государственных делах, она чутко реагировала на вызовы времени, умело меняясь и оставаясь при этом собой [1].

Список документальных фильмов и литературы

1. Ее величество Королева Елизавета II (1926–2022). URL: <https://yandex.ru/video/preview/15608001582110253929> (дата обращения: 30.04.2023).
2. Елизавета и Филипп любовь и долг URL: <https://yandex.ru/video/preview/1835554447146525707> (дата обращения: 30.04.2023).
3. Королева и ее премьер-министры. URL: <https://yandex.ru/video/preview/8854366352928626300> (дата обращения: 30.04.2023).
4. Королевская семья и британская пресса: кто кого контролирует? URL: https://vk.com/video-195832975_456248370 (дата обращения: 30.04.2023).
5. Принцесса Диана. Главный секрет королевской семьи. URL: <https://yandex.ru/video/preview/16444761881019988856> (дата обращения: 30.04.2023).
6. Принцесса Диана: 7 дней после URL: <https://yandex.ru/video/preview/14917823450915533850> (дата обращения: 30.04.2023).
7. *Агафонова Н.А.* Общая теория кино и основы анализа фильма. Минск: Тесей, 2008. 392 с.
8. *Бергер А.* Видеть – значит верить. Введение в зрительную коммуникацию. М.: Вильямс, 2005. 288 с.
9. *Винникова Т.А.* Особенности исследования кинотекста в различных научных парадигмах // Омский научный вестник. 2015. № 2 (136). С. 58–61.
10. *Звонарева М.С.* Документальное кино как исторический источник: особенности анализа и интерпретации // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 3. С. 98–107.

11. *Капитонова Н.К.* «Путешествуя» с Тони Блэром по страницам его мемуаров // Новая и новейшая история. 2011. № 4. С. 185–207.

12. *Кожокару Т.И.* К вопросу о методологии анализа фильма // Артикульт. Научный электронный журнал. 2021. № 4 (44). С. 118–148. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-metodologii-analiza-filma>

13. *Магидов В.М.* Кинофотодокументы в контексте исторического знания. М.: РГГУ, 2005. 394 с.

14. *Малькова Л.Ю.* Современность как история. Реализация мифа в документальном кино. М.: Материк, 2001. 188 с.

15. *Пронин А.А.* Наррация эмоций как элемент когнитивной системы документального фильма // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 21–24.

В.В. Солодников, И.В. Солодникова

Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Биографическое интервью как метод изучения гендерных особенностей во взрослости

Основателем исследования взрослости в современной психологической науке можно считать Э. Эриксона. В своей работе «Детство и общество» (“Childhood and Society”, 1950) он представил эпигенетическую концепцию развития личности на протяжении всего жизненного цикла [1]. С точки зрения методов сбора первичной эмпирической информации концепция Эриксона о развития личности базировалась на этнографических исследованиях (жизни в индейских племенах сиу и юрок в США), данных психотерапевтической работы и личном опыте. Эмпирических исследований сам ученый не проводил.

Примечательно, что факты его личной биографии сыграли существенную роль в выделении идентичности как центрального (ключевого) понятия его концепции [2]. Э. Эриксон родился 12 мая 1902 г. в Дании, считал себя ровесником века и непосредственным наблюдателем происходивших в Европе перемен. Отца своего он не знал. Когда Эрику была два года, его мать переехала в Германию, где вышла замуж за педиатра Хомбургера. Эту фамилию и стал носить будущий ученый.

После окончания гимназии юный Эрик отправился путешествовать по Европе. Зарабатывал на жизнь он уроками рисования, которые давал желающим. Также, как и его мать, он увлекался искусством и философией. Оказавшись в Вене, он стал преподавать рисование детям клиентов Венской школы, организованной Анной Фрейд. Там он вступил в психоаналитическое общество – небольшой круг людей различ-

ных профессий, которые в свободных беседах и обсуждениях осваивали психоанализ. Получив диплом Венского психоаналитического общества, Эрик Хомбургер в 1933 г. покинул Европу, где активизировались нацисты. После некоторых скитаний он оказался в Бостоне и стал сотрудником Психологического института Гарвардского университета. Следствием переезда в Америку и принятия американских жизненных ценностей стала смена фамилии с Хомбургер на Эриксон. Она звучала по-скандинавски и подчеркивала, что он «человек, который сделал себя сам», что является одной из ведущих ценностей американского общества. Умер Э. Эриксон 12 мая 1994 г. в США.

Сам исследователь относил себя к вечным «чужакам»: в Германии он был датчанином, в странствиях по Европе и Венской психоаналитической школе воспринимался как свободный художник, в Америке он был немцем. Э. Эриксон понимал, что такова была судьба многих представителей его поколения. Приход нацистов к власти в Германии и последовавшая за этим Вторая мировая война создали мощные миграционные потоки 1930–1940-х годов в странах Европы и США и породили феномен «безродности» (*rootlessness*), послуживший ученому толчком к формулированию его научных идей. Центральным понятием концепции Эриксона стала идентичность, которую он понимал как субъективное чувство и объективно наблюдаемое качество личной самостоительности и постоянства, соединенное с верой в тождественность и постоянство картины мира, разделяемой с другими людьми.

В дальнейшем его идеи об идентичности развивали другие исследователи, считавшие себя последователями Э. Эриксона.

Дж. Марсиа превратил теорию Эриксона в эмпирически исследуемую, выделив два ключевых элемента идентичности: кризис и укоренение [3]. Он полагал, что для формирования идентичности человек должен пережить кризис детских представлений о жизни. Также задачей личности должна стать укорененность в профессиональных, личных и идеологических выборах. Она (укорененность) становится центральной для зрелой идентичности. Дж. Марсиа выделил четыре статуса идентичности, исходя из наличия или отсутствия кризиса и укорененности среди мужчин – студентов колледжа. Это предрешенная, достигнутая, диффузная идентичности и мораторий. У лиц с предрешенной идентичностью есть укорененность при отсутствии кризиса. Для построения своей жизни они используют либо родительские установки, либо свои детские планы без изменений. Их идентичность незрелая, она коренится в детских стадиях развития. Лица, отнесенные к типу «мораторий», находясь в кризисе, продолжают оценивать различные

возможности формирования своего жизненного пути. Они хотят «укорениться», но не находят пока подходящих путей для этого. Те, у кого достигнута идентичность, пережили кризис, сформировали укоренение в профессиональной, личной и идеологической областях. Как результат этих процессов у них формируется зрелая уникальная идентичность. Представители диффузной идентичности не переживали кризиса, их идентичность спутанная, незрелая. Они оставляют (забрасывают) детские решения, но не борются за формирование новых решений. Они дрейфуют, избегая задач формирования новой идентичности. Так, представители предрешенной идентичности не переживали кризиса, но у них было укоренение (в детских выборах). Находящиеся в моратории переживали кризис (кризис был), но не сформировали укорененности. Лица, имеющие достигнутую идентичность, пережили кризис и сформировали зрелую, уникальную укорененность. Группа с диффузной идентичностью не переживала кризиса и не имела укорененности.

Определение статуса идентичности личности в исследовании Дж. Марсии происходило с помощью биографического интервью. Он создал гайд интервью, по которому опрашивал мужчин – студентов колледжа. Обобщая полученные данные, он выделил приведенные выше типы идентичности у мужчин. Далее, проведя количественный анализ выраженности личностных черт (тревожность, психологическое благополучие и др.) представителей разных статусов идентичности, Дж. Марсия обнаружил, что относящиеся к группам «мораторий» и «достигнутая идентичность», имеют лучшие показатели психологического здоровья, чем представители статусов – предрешенная и диффузная идентичности.

Используя тот же гайд биографического интервью, Р. Джосселсон провела исследование женщин – студенток колледжа [4]. Ее исследование практически повторяло структуру работы Дж. Марсия, но испытуемыми выступали женщины. Из выделенных ученым четырех статусов идентичности, лучшими показателями психологического здоровья среди женщин отличались представительницы групп с предрешенной и достигнутой идентичностью. У женщин, относящихся к мораторию и диффузной идентичности, показатели социального благополучия и психологического здоровья были ниже.

Таким образом, в работах Дж. Марсия и Р. Джосселсон было конкретизировано представление Э. Эриксона об идентичности личности и показана гендерная специфика социальной адаптации индивида: одобряется социальное экспериментирование у мужчин и следование социальным нормам у женщин.

В рамках изучения взрослости человека американским ученым Д. Левинсоном было проведено исследование мужчин в возрасте 43–46 лет методом биографического интервью. В исследовании приняли участие четыре группы мужчин, по 10 человек в каждой: имеющие естественно-научное образование (биологи), представители творческих профессий – писатели (имеющие основной доход от публикаций своих произведений), преподаватели (от учителей начальной школы до выдающихся профессоров) и «синие воротнички» (мужчины, занятые физическим трудом). Анализируя полученный качественный материал, Д. Левинсон выделил четыре больших «эры» в жизни человека: предвзрослость, ранняя взрослость, средняя взрослость и поздняя взрослость. Каждый человек проходит через эти «эры» жизни. Результаты этого исследования были опубликованы в работе «Сезоны жизни мужчины» [5].

Идеи Д. Левинсона вызвали огромный интерес среди американских ученых. В то же время не обошлось без критики его концепции. Одной из главных проблем данного подхода было изучение только мужского жизненного пути. В 1990-х годах Левинсон вместе со своей женой и соавтором выполняют второе междисциплинарное исследование жизни женщин, и после его смерти жена публикует книгу «Сезоны жизни женщины» [6].

Авторами были проинтервьюированы 45 женщин из трех разных социальных групп: 15 домохозяек (как выполняющие традиционные женские роли), 15 преподавателей и профессоров университетов (как выполняющие традиционные женские роли на профессиональной основе) и 15 женщин, работающих в корпорациях (как выполняющие традиционно мужские роли). Первичный материал собирался методом биографического интервью по тому же гайду, что и мужчины в первом исследовании. Возраст интервьюируемых респонденток был 43–46 лет. Исследование показало, что женщины в своем развитии проходят через те же эры, что и мужчины.

Однако социальное развитие работающих американских женщин сложнее, чем мужчин. Основной ценностью мужчины является работа/карьера. Исследование показало, что в течение всей взрослой жизни мужчины опираются на уровень образования, социальный статус и доход как основу для построения собственной идентичности. Она базируется на их профессиональных качествах. Мужчины во взрослой жизни реализуют роль профессионала. Их идентичность базируется на субъективной оценке своей успешности в этой роли.

Что же касается современных женщин, то общество предъявляет к ним более сложные требования. Они исторически должны выполнять

роли жены и матери. В то же время современный социум ожидает от женщин успешную профессиональную карьеру. Первые две роли традиционны, третья добавилась относительно недавно. Таким образом, современные женщины должны успешно выполнять три социальные роли одновременно: жены, матери и профессионала. Успешное выполнение трех социальных ролей женщинами более сложная задача, чем выполнение одной роли мужчинами.

Таким образом, мы видим, что биографическое интервью широко используется при изучении взрослых людей. На их основе возникают теоретические построения, вносящие существенный вклад в понимание проживания взрослости современными мужчинами и женщинами.

Список литературы

1. Эриксон Э. Детство и общество / пер. с англ. СПб.: Фонд «Университетская книга», 1996. 592 с.
2. Солодников В.В., Солодникова И.В. «Средний возраст» и жизненный путь личности. М.: РГГУ, 2018.
3. Marcia J.E., Waterman A.S., Matteson D.R., Archer S.L., Orlofsky J.L. (Eds.) Ego Identity: A Handbook for Psychological Research. N.Y.: Springer, 1993. 391 p.
4. Josselson R. Finding Herself (Pathways to Identity Development in Women). San Francisco (Ca): Jossey-Bass, 1990. 225 p.
5. Levinson D.J. The seasons of a man's life. N.Y.: Ballantine Books, 1979.
6. Levinson D.J., Levinson J.D. The seasons of a woman's life. N.Y.: A.A. Knopf, 1996.

Н.В. Шалыгина

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Н.Н. Добрецова

Бишкек (Киргизия), Институт политики развития

Междисциплинарные методы изучения повседневности сельских женщин в современном Кыргызстане

Несмотря на заметное расширение в течение трех последних десятилетий экономических, социальных и политических прав женщин в Кыргызстане, положение сельских женщин в республике во многом остается достаточно проблемным. Недавнее исследование Института политики развития совместно с Академией местного управления в

Центральной Азии, проведенное в рамках проекта «Особенности работы по расширению прав женщин в сельских сообществах в контексте центральноазиатского этногендерного контекста» (ноябрь 2022 – март 2023 г., г. Бишкек), было нацелено на разработку основных положений центральноазиатской модели гендерного равенства для ее применения на практике работы с сельскими сообществами Кыргызстана [3].

Исследование позволило выявить несколько чувствительных проблем гендерного неравенства в сельских областях республики, затрагивающих как общественную, так и частную стороны повседневной жизни кыргызских женщин. Например, в связи с расширением в республике политических прав женщин изучались вопросы гендерного квотирования и той реакции, которую они вызывают среди сельского населения, где в наибольшей степени сохраняется традиционный жизненный уклад семьи. Выяснилось, что введение 30% женской квоты при выборах в местные органы власти (кенешы) спровоцировало рост раздражения среди депутатов-мужчин, которые поставили под сомнение справедливость и эффективность самой квоты. Кроме того, в 2021 г., когда 37% депутатских мандатов (3351) местного кенеша получили женщины и при этом около 2000 женщин стали депутатами впервые, в сельском сообществе активно начала дискутироваться идея о том, что женщины, не имеющие управленческого опыта, вряд ли смогут эффективно исполнять свои обязанности на таком уровне [2]. При этом мужчины-руководители, оставаясь членами местных сообществ, согласно данным неструктурированных интервью, проводившихся в процессе исследования в Кыргызстане, не могут полностью абстрагироваться от влияния местного окружения и воспроизводимых им культурных кодов, что нередко заводит дискуссию о гендерном равенстве в тупик.

Практически все проблемы, связанные с гендерным равенством, в современном Кыргызстане разрабатываются в рамках НКО и согласовываются с «проектами развития универсальных ценностей», которые, в свою очередь, тесно связаны с деятельностью международных организаций и ориентированы на внедрение в кыргызское общество так называемой глобальной системы ценностей и соблюдения прав человек вне зависимости от его пола, вероисповедания и расы [5]. Результаты исследования, однако, показали, что этнокультурные сообщества, имеющие достаточно заметные отличия в контексте своего развития, не могут одинаково и в равной степени принимать так называемые универсальные ценности. Более того, они не всегда способны даже частично интегрировать их в свою культуру без дополнительных усилий. Так, в Кыргызской Республике, как выяснилось, лишь менее трети

граждан признают, что права человека должны иметь универсальный и неотчуждаемый характер. Кроме того, склонность к принятию и внедрению в собственную культуру таких ценностей среди сельского населения Кыргызстана еще и постепенно снижается за счет того, что, по мнению исследовательской группы, международные организации, ставящие перед собой цель распространения и внедрения универсальных ценностей в другую культуру, недостаточно учитывают ее архитектурно устойчивые особенности [1]. Предлагаемые адаптивные технологии сводятся зачастую к языковым и почти исключительно внешним проявлениям культуры, а глубинные, психологические, исторические, религиозные и другие процессы остаются незатронутыми и неучтенными [4].

В результате растет разрыв между объемом усилий и ресурсов, затрачиваемых на поддержку расширения прав сельских женщин в Кыргызской Республике, и результатом. Институт политики развития, будучи одной из лидирующих в Кыргызской Республике организаций в сфере местного развития, в течение последнего десятилетия изучающий практики поддержки сельских женщин, отмечает, что большинство из используемых инструментов позволяют оказывать влияние лишь на небольшую, прогрессивную часть женщин, а основная доля женщин, нуждающихся в поддержке, остается вне поля зрения. При этом число маргинализированных и уязвимых женщин, остающихся вне проектов развития, только возрастает.

В процессе проведения исследования было решено изменить так называемые точки входа в изучение проблем повседневной жизни сельских женщин Кыргызстана и основные акценты делать именно на глубинных, архетипических особенностях региональной культуры. Среди наиболее значимых элементов местной культуры были выделены следующие:

- стереотипы гендерной мотивации («быть подкаблучником позорно»);
- занижение значимости вклада женщин в общественную жизнь (не принято открыто хвалить женщину»);
- женская активность – угроза мужской власти («мы готовы согласиться с квотой, если у новых женщин-депутатов будет авторитетная поддержка и знания»);
- статус невестки как фактор ограничения политических прав («в присутствии родственников мужа женщина должна молчать и остерегаться активизма»);

– отсутствие в культуре традиций самореализации женщин («у женщин нет доступа к современным технологиям, да они и сами не стремятся к самореализации»);

– сдержанность в проявлении эмоций;

– большое количество табуированных тем, касающихся взаимоотношения полов;

– приверженность традициям и обычаям;

– высокая степень защиты информации обо всем, что касается семьи.

Выводы. Набор устойчивых этнокультурных кодов вступает в противоречие с идеями гендерного равенства, что приводит к формированию негативной коннотации понятия «гендер» и «гендерное равенство». Это негативное восприятие особенно опасно, так как приводит к неэффективности мер государственной политики в сфере гендерного равенства, а в некоторых случаях к ее прямому саботажу.

Список литературы

1. Гендерные аспекты интегрированного управления водными ресурсами. Отчет об исследовании репрезентативных домохозяйств в республиках: Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан. Ташкент, 2005.

2. Данные Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики на 09.01.2023 г. URL: <https://shailoo.gov.kg/ru/zhenshiny-i-vybory/zhenshiny-v-predstavitel-pyh-organah/>

3. Центрально-Азиатский гендерный контекст: рекомендации по трансформации вмешательства для достижения гендерного равенства в сельских сообществах. Обзор результатов дискуссионного семинара. Бишкек, 2022. URL: <http://dpi.kg/ru/library/full/367.html>

4. *Шалыгина Н.В.* Нивелировка «мужского» и «женского» как инструмент разрушения аутентичных элементов в культуре // Материалы II Международного конгресса традиционной художественной культуры: проблемы фундаментальных исследований народного искусства. Ханты-Мансийск, 2014.

5. *Clayton A.* Electoral Gender Quotas and Attitudes Toward Traditional Leaders: A Policy Experiment on Lesotho // *Journal of Policy Analysis and Management*. 2014. Vol. 33. No. 4. P. 1007–1026.

РАЗДЕЛ 5 ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ И ФАМИЛИСТИКА НА СЛУЖБЕ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ

5.1. Основные направления и темы в изучении институтов семьи и брака в России и СССР

Е.В. Гончарова

*Псков, Псковский областной институт повышения
квалификации работников образования*

Институт семьи и брака в системе провинциального общества Северо-Запада России второй половины XVIII – начала XIX в.

Социальная история приобретает все большее значения в фокусе развития современной исторической науки, а отдельные направления изучения общественных отношений и социальных институтов, таких как семья и брак, становятся маркерами развития социума, отражая характеристику эпохи [3, с. 140–142].

Крестьянство в своем состоянии было самым большим по численности сословием провинциального общества второй половины XVIII – начала XIX в., чья личная жизнь была подчинена хозяйственной выгоде феодала. Так, например, запрещалось выдавать своих крестьянок в жены к крестьянам других владельцев, а вот крепостному разрешалось брать в жены девушку как из казенных деревень, так и из своих. Для увеличения народонаселения поместий крепостных принуждали к ранним бракам [9]. В документах эпохи прослеживается и верификация повинностей в зависимости от семейного статуса (холост или нет). В материалах дела по жалобе крестьянина Никиты Кузьмина об изнурении крепостных тяжелой работой торопецким помещиком Шетневым в декабре 1797 г. отмечалось, что все крестьяне помещика Шетнева (семейные пары) в течение недели ходят на господскую работу только три дня в неделю. А холостые крестьяне и вдовы к господским работам вообще не были привлечены. К тому же было установлено, что сам Кузьмин, «будучи холостым, на господские работы за свое лицо не хаживал» [4]. Спорные имущественные дела помещиков также содержат отсылки к семьям. Так, в материалах дела Артамона Осиповича Кожина отмечается, что родной брат истца, гвардии капитан-поручик Семеновского полка Петр Осипович Кожин, «нагло отбрал» крепостных крестьян Порховского уезда: старосту Нила Фадеева и столяра Петра Петрова с женою и детьми из села Устья [2].

Крестьянская семья второй половины XVIII в. характеризуется на основании данных документов церковного учета, где указывался состав двора и родственные отношения. Так, в составе одного двора определяется как малая семья (супружеская пара без детей, супружеская пара с неженатыми детьми), так и большая (отцовская семья, состоящая из нескольких супружеских пар, находящихся в прямом родстве, супруги с племянниками и другими родственниками, братская семья). Такой пример прослеживается в д. Подберезки Преображенского прихода Великолукского уезда за 1774 г., где два двора представлены «большими семьями», в состав которых входили домовладельцы с женами и взрослыми сыновьями, у которых были свои семьи, и один двор «малой семьей». В документах отмечается и значительная доля братских семей, в состав которых входили братья, потерявшие отца еще до того, как они успели обзавестись собственными семьями. Такая семья естественным образом перерастала в дворовое хозяйство женатого старшего брата с детьми, который заменял отца младшим братьям и становился хозяином семьи. Малая семья в основном была представлена супружеской парой с неженатыми детьми. В исповедных росписях Островского уезда часто встречаются малые семьи, в состав которых входила своячница с малолетними детьми [7].

Характеризуя отдельные примеры существования института семьи и брака в сословной структуре провинциального социума можно отметить, что, например, в среде духовенства укоренилась практика наследования церковных должностей, которая прослеживалась в больших семьях, имевших нередко дом на церковной земле, построенный своими силами или купленный у предшественника по должности. Единственный способ оставить дом семье после увольнения из штата служителей – передать должность одному из своих детей или выдать дочь замуж за человека, который сможет занять эту должность [3, с. 5]. Поскольку причты стали обзаводиться собственными домами, «семейный характер» имущества позволял им лучше сохранить за собой и передать своим родственникам нажитое место и не допустить к занятию лиц, которые не имели средств для покупки церковных домов. Каждый новый священник должен был купить дворовые строения своего предшественника с обязательством содержания осиротевшего семейства, поскольку дома зачастую оказывались единственным источником обеспечения такой семьи [5].

Городские обыватели представляли во второй половине XVIII – начале XIX в. самую пеструю часть провинциального социума. Следует отметить, что именно в этот период в регионе многие населенные пункты приобретают статус городов, что влияет на появление

городских сословий там, где до этого их не существовало. Интересным фактом было наличие крестьянства в городах, особенно учитывая, что их доля была достаточно заметна. Важной группой для городского общества было купечество, как местное, так и прибывшее для торговли. Характеристика купечества представлена в материалах, опубликованных в Сборнике Императорского Русского исторического общества. В 107-м томе «Материалов Екатеринбургской законодательной комиссии» сохранились депутатские указы от городских жителей, а именно от купеческих обществ Пскова, Опочки, Порхова, Торопца, Холмского посада и дрх. Так, в указах купцы требовали запретить «купецким женам» замужество «за людей других чинов», а в случае допущения таких браков следовало «заплатить недоимки». Также такая «купецкая вдова» должна продать дворы, лавки и заводы в купечество. От имения предков на содержание неимущих оставить третью часть [8].

Как отмечает Б.Н. Миронов, в XVIII – первой половине XIX в. сословия существовали не изолированно, а в единстве и взаимодействии, которое происходило преимущественно на уровне повседневных практик – на ярмарке, в церкви, в присутственном месте, в суде, на службе и т.д. Он приходит к выводу, что уровень межсословных браков и межсословной социальной мобильности в городе был значительным, по сравнению с деревней [6, с. 465].

Сведения о дворянских семьях содержатся в делах имущественного характера конца XVIII – начала XIX в. Так, причинами продажи домовладений нередко становились именно долговые обязательства дворянских семей, чьи домовладения на момент продажи уже находились в залоге у приказа общественного призрения, что фактически не оставляло вариантов для их владельцев. Интересен факт, что при обосновании цены продаваемой недвижимости, помимо ее достоинств, идет отсылка к тяжелому материальному стоянию дворянской семьи, во владении которой находилось домовладение – «не может иметь инаго для выкупу того дому средства как на удовлетворение мужних кредитов». Структура домовладений в Пскове и перепланировка как жилых зданий, так и организация пространства подсобных помещений, дополнительная перестройка таких зон домовладения, как кухня, подвал, крыльцо и т.д., позволяли совершенствовать строения и приспособлять их для нужд разраставшегося дворянского семейства [1].

Таким образом, исследования историков и свидетельства документов эпохи позволяют охарактеризовать институт семьи и брака в системе провинциального общества Северо-Запада России второй половины XVIII – начала XIX в.

Список литературы

1. *Гончарова Е.В.* Дворянские домовладения Пскова второй половины XVIII – начала XIX вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 1 (51). С. 69–77.
2. *Гончарова Е.В.* Имущественные отношения помещиков последней четверти XVIII века (на примере спорного дела дворян Кожиных) // Новейшие исследования в области истории и педагогики: Материалы Международной научной конференции (27–28 апреля 2021 г.). Орел, 2021. С. 51–53.
3. *Гончарова Е.В., Павлова М.М.* Провинциальное сословное общество Псковской губернии второй половины XVIII в. Псков: Псковский государственный университет, 2022. 143 с.
4. Гос. архив Псковской области. Ф. 20. Оп. 1. Д. 25. Л. 3–6.
5. *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословное общество российской империи: XVIII – начало XX века. М., 2009. С.199–231.
6. *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб., 2014.
7. *Павлова М.М.* Крестьянская семья Псковского края во второй половине XVIII в. // Проблемы аграрной истории Северо-Запада России. Псков, 2011. С. 140–149.
8. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 107. СПб., 1900. С. 369–370.
9. *Тимошенкова З.А.* Помещики Островского уезда Псковской губернии в конце XVIII в. // Северо-Запад в аграрной истории России. 2019. № 25. С. 60–71.

Ю.В. Ким

*Москва, Негосударственная общеобразовательная организация
частное учреждение «Школа «Муми-Тролль»*

**«Мама, не проявляя к тебе особой ласки, пишет тебе очень
дружелюбно»: семья и женщина в предсвадебных
письмах графа В.А. Мусина-Пушкина**

Сын графа А.И. Мусина-Пушкина (первооткрывателя «Слова о полку Игореве»), Владимир Алексеевич Мусин-Пушкин (1798–1854) после полугода под следствием по делу декабристов в 1826 г. был переведен из гвардии в армию и сослан на службу в Финляндию, где познакомился с будущей женой, Эмилией Карловной Шернваль фон Валлен (1810–1846). Семья Мусиных-Пушкиных категорически вос-

противилась браку со «шведкой», а генерал-губернатор Закревский, имея личные счеты с отчимом Эмилией, препятствовал отношениям молодой пары и даже предлагал милости и снисхождение в обмен на отказ от невесты. Борьба молодого человека за счастье продолжалась весь 1827 г., он был доведен до нервного срыва, и только после этого в декабре вырвал у матери (отца не стало за десять лет до описываемых событий) согласие на брак.

Интересны отрывки из двух писем Владимира, написанных невесте накануне свадьбы. В этих текстах – спектр представлений и морально-этических установок молодого дворянина, аспекты взаимодействия с кругом родственников, практики самореализации в приватной сфере. Контекст общественных событий и явлений и известные нам эпизоды семейной истории помогают зафиксировать то, как была устроена система властной иерархии во взаимоотношениях молодого человека с начальством, с семьей и внутри женско-мужской пары.

Письмо В.А. Мусина-Пушкина от 11/23 Марта 1828 г. (из Роченсальма в Гельсингфорс) [1].

Шутливо-нежные приветствия и обсуждение хозяйственных вопросов сменяются темой чувств: «Ах, мой друг, как ты еще молода и мало понимаешь, что значит слово любовь <...> я тебя одну люблю и буду любить, разумеется, ежели ты будешь все то делать, что может способствовать к моему счастью и благополучию, а сие совершенно зависит от тебя, ибо имеешь все качества, могущие сделать мужа своего счастливым. Итак, не сомневайся никогда в сердце моем или в чувствах моих к тебе, горячность оных никогда не уменьшится, напротив того, разве прибавиться может, но еще раз повторяю, все будет зависеть от тебя». Молодой граф, находясь в границах этических норм и практик XIX в., предлагает своей невесте стараться соответствовать ожиданиям мужа. Женское счастье в этой системе координат вторично, его нужно заслужить. В частном письме естественно и органично для автора проявляется общественный дискурс, в контексте которого женщина в паре не имеет партнерского статуса и перемещается в позицию подчиненного и опекаемого, хоть и любовно, объекта. При этом сам Владимир по-прежнему зависим от воли недоброжелательного к нему генерал-губернатора: «Я позволение ехать в Гельсингфорс не получил, и вероятно тогда лишь получу, когда должен буду приехать жениться. Приезжай поскорей, моя милая и любезная Эмилинька, видеть тебя и обнять столько же сделалось для меня необходимо, сколько воздух для жития необходим <...> Генерал на меня негодует, а потому и позволения не присылает».

Письмо от 20 марта (1 апреля) 1828 г. Вечер (указания на место не обнаружено) [2].

Первая часть текста возвращает нас к теме отношения родственников к свадьбе Владимира Алексеевича. После того, как было дано согласие на брак, мать жениха вступила в прямую переписку с Эмилией Карловной и ее родными. И Владимир предлагает невесте сложную стратегию написания ответов на письма: «...я прошу тебя не отвечать моей матери до тех пор, пока мадам Валлен не получит ответ, который был ей написан, и копию которого я прошу тебя передать мне. И тогда я пришлю тебе черновик письма, которое ты должна будешь отправить моей матери». Одновременно Владимир успевает успокоить Эмилию в отношении сухости письма от его матери: «Мама, не проявляя к тебе особой ласки, пишет тебе очень дружелюбно. Она хочет тебя узнать, и это естественно. Убеждаю тебя, мой дарованный мне судьбой друг, что как только ты её узнаешь, ты её бесконечно полюбишь». Молодой граф пишет: «И никогда не сомневайся в тех чувствах, которые я персонально и мои родные испытывают сейчас и будут испытывать всегда по отношению к тем, кто дал тебе жизнь <...> Я надеюсь, что время тебе покажет, что ни богатство, ни положение не являются вещами, которыми я и мои родные слишком дорожим». Эти слова являют контраст с тем, что мы знаем о методах защиты статусных позиций в кругу Мусиных-Пушкиных. Но предположим, что Владимир видел две формы семейных повседневных практик: одна воплощала ту консервативно-косную силу, с которой влюбленному человеку приходилось бороться за своё будущее; другая, тоже связанная с традицией и преемственностью поколений, представляла собой «домашний очаг», а в памяти складывалась из детских воспоминаний о семейных праздниках, о летних поездках в Ярославскую «Иловну» и времени, проведенном в теплом окружении родственников, из бесед с отцом и книг. И как нам кажется, именно вторую форму реализации семейных ценностей Владимир Алексеевич имел в виду, когда писал такие слова своей невесте.

Остальная часть письма наполнена хозяйственными и радостными хлопотами, сообщениями о подарках Эмили и ее родным, смешиваются нежные строчки и деловые наставления: «Сегодня 1 апреля по новому стилю. Какие розыгрыши напомнили тебе прошлый год и твою милую маленькую ярость, когда тебе пришлось сдаться? Не потеряй мой документ о разрешении брака. Как только он тебе больше не понадобится, немедленно отправь его мне <...> Прижимаю к моему сердцу. Твой будущий муж и верный друг, Владимир <...> Постарайся точно выполнить мои поручения и подробно напиши мне».

Владимир Алексеевич и Эмилия Карловна поженились 4 мая 1828 г. в Выборге. Никто из семьи В.А. Мусина-Пушкина на свадьбе не присутствовал...

В XIX в. происходили глубокие изменения в общественном сознании, но консервативные константы доминировали в сфере семьи, брака, гендерно-ролевой самоидентификации. «Платой за чин» определялось соблюдение «правил игры», которые заключались в поддержании закрытых и по возможности непроницаемых границ, охраняющих российский нобилитет не только от диффузии вовнутрь других сословий, но и от интеграции с менее статусными группами дворянства. Аристократия, терявшая точки опоры в бурно меняющемся мире, боролась за устойчивость традиции с удвоенной силой, не считаясь с личностным фактором – мега-институт семьи как цельного организма был важнее его элементов. Находясь в этой капсуле, Владимир Алексеевич имел не слишком большие шансы на реализацию собственного выбора. В рамках социального взаимодействия с кругом своих близких людей или других людей, которые имели власть для влияния на его судьбу, он оказывался в роли страдающего субъекта, которому отказывали в праве на самостоятельность. И возможно, именно его пылкость и страсть, которые проявляются в стиле письма, помогли ему надломить границы допустимого. Это выразилось и в его участии в движении декабристов, и в борьбе за своё счастье. И если романтика «тайных обществ» – это общая история молодого поколения, которые продвигали и провоцировали общественно-политические изменения в России и Европе; то борьба за собственное счастье – это личная история Владимира Алексеевича, которая нам представляется не менее сложной. Мы наблюдаем дихотомию: молодой человек с либеральными взглядами, свободомыслящий даже в семейной сфере, демонстрировал традиционное понимание ролевого женско-мужского взаимодействия. Интересен феномен: Владимир Алексеевич своей привязанностью к Эмилии Карловне, некоторой зависимостью от ее присутствия и их отношений, готовностью жертвовать семьей ради возлюбленной неосознанно переносил себя в уязвимую и слабую позицию, но формально удерживал за собой непререкаемо главенствующую роль в женско-мужской паре. То есть присутствие хотя бы ограниченного объема традиционных практик помогало удержать равновесие в контексте новых свобод и новой ответственности за свой решительный выбор.

Список литературы

1. РГАДА (Рос. гос. архив древних актов). Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1885. Л. 23–26.
2. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1885. Л. 37–42. (Пер. с франц. Ю. Ким).

Л.Т. Соловьева

*Москва, Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

**«Умыкание» невесты: женщины как жертвы и как инициаторы
сохранения обычая (по кавказским архивным материалам XIX в.)**

Такой форме заключения брака, как похищение (умыкание) невесты, посвящена обширная этнографическая литература, где рассматриваются генезис, классификация вариантов и форм этого обычая. Многие исследователи считают, что умыкание было некогда древнейшим и едва ли не универсальным способом заключения брака. Однако этот обычай никогда не был полностью санкционирован обществом [1, с. 36; 4, с. 52–56; 3, с. 246]. У разных народов Кавказа его формы нередко были весьма своеобразны [2, с. 263–264]. Российские власти пытались бороться с этой традицией, но без особых результатов [ЦИАГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 610. Л. 6]. Например, в «Докладе о собранных сведениях об обычаях среди мусульман» отмечалось, что в 1836 г. Джарское областное правление совместно с «духовенством и старшинами» разработали особое постановление «в дополнение правил Шариата» «по случаю происходивших беспорядков и беспокойств чрез похищение и побеги девиц, жен и вдов». В частности, духовные лица обязаны были, заметив, что «к сочетанию браков представлена похищенная, либо бежавшая по собственному произволу девица, или вдова, или замужняя», «уведомить о том местное начальство» [ЦИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 26. Л. 49 об.–50].

Основой данного сообщения стали архивные материалы XIX в. Центрального исторического архива Грузии (ЦИАГ, г. Тбилиси), которые свидетельствуют не только о том, что похищение могло происходить против воли девушки и ее семьи, но также и о том, что нередко инициаторами подобных событий становились старшие женщины семьи.

В архивных материалах зафиксированы многочисленные случаи насильственного похищения, причем власти нередко находили его участников; даже если те «пускались в бега», имена их становились известны пострадавшей стороне. Так, у жителя Шарурского округа Армянской области Байрама Али в 1840 г. была похищена 8-летняя дочь Ниса; в этом участвовали восемь известных ему «односельцев». Ниса была обнаружена в селении Эткран Даралагезского Магала и возвращена родителям [ЦИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6317. Л. 1, 6, 7].

На двукратное похищение дочери Салии (она была уже просватана и кадием был заключен брачный акт) жаловался властям житель Алек-

сандрополя, но ему ответили, что он должен обратиться в шариатский суд [ЦИАГ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 49. Л. 1, 3].

Бывали также случаи умыкания с ведома матери девушки. Так, при расследовании в 1844 г. дела о похищении в Таначинском обществе Белаканского округа девицы Марьям ее похититель Халил Гази оглы заявил, что он действовал «с согласия матери Марьямы, Аши, на выдачу дочери своей в замужество за него», а также, что он оставил в доме свою шапку, «чтобы мать Марьямы оправдалась пред своим мужем, что Марьям увезена ненасильно» [ЦИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10999. Л. 2–4 об.].

Иногда похищению способствовали и посторонние женщины-соседки, вызывая девушку «в темную ночь» «из дома на двор». Жалобу на совершенное таким образом похищение подал в 1848 г. Шах-Гусейн-Мирза-Султан-Гусейн-оглы, житель Александрополя [ЦИАГ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 49. Л. 1].

У православных грузин подобные похищения не были частыми. Тем не менее имеются материалы о том, что матери также стремились по собственному усмотрению решить судьбу своих дочерей, даже при нарушении религиозных и гражданских установлений. Например, в 1844–1845 гг. рассматривалось дело дворянина Н. Григолашвили, который жил с 13-летней дворянкой Варварой Кумсиашвили (Кумсиевой) «по согласию ее матери» без венчания, поскольку «духовное начальство» не дало разрешения на брак [ЦИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 181. Л. 3 об.]. Как писала в 1849 г. сама Варвара, она была обручена в 10-летнем возрасте «по желанию матери, а может быть и по наущению других» и «переступила шаг преступления до совершения обряда свадьбы». Впоследствии она, «угрызаемая совестью», открылась своему духовнику, а тот «по долгу христианина» донес об утрате ею невинности экзарху Грузии. Уездный суд приговорил всех сопричастных к покаянию: мать Варвары – «с посадением в крепость на 3 месяца», жениха – «с посадением на 2 месяца в крепость и на 6 в монастырь», а Варвару – «на покаяние на 6 месяцев в Самтаврский монастырь» [ЦИАГ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 812. Л. 3].

Отмечены случаи, когда в семье мнения женщин (в частности, матери и бабушки) относительно брачных планов для девушки не совпадали. Так, в 1828–1838 гг. рассматривалось дело «О расследовании жалобы дворянки Дарахвелидзе Мзехатуны на Дарахвелидзе Магелу за похищение у нее малолетней дочери и повенчании ее с гурийским дворянином Г. Кениевым». Свекровь Мзехатуны, Магела, увезла свою 11-летнюю внучку Марфу «в Гурийское владение без ведома и согласия матери, способствовала обвенчать ее с тамошним дворянином Ке-

ния». Магела объясняла свой поступок тем, что мать девочки хотела выдать ту замуж «за штаб-капитана Коркиева», а Магела считала такой брак недопустимым «по замеченным якобы ею любовным связям Мзехатуны с Коркиевым» [ЦИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2091. Л. 1–2]. После жалобы матери на противозаконные действия свекрови и показаний священника, что «при совершении сего брака невеста не имела еще определенных законами для брачующихся лет», Марфа была возвращена в родительский дом, и Грузино-имеретинская синодальная контора постановила, что «супружеское сожитие» Марфы с Георгием Кениевым нельзя допускать до достижения Марфой 16 лет [ЦИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2091. Л. 5]. Управляющий Имеретией признал свекровь «совершенно виновною в похищении малолетней дочери невестки своей и в обвенчании с гурийским дворянином Кения», что нарушило «естественные права родителей» в отношении детей и рекомендовал «в наказание за то выдержать ее (свекровь. – Л.С.) в г. Кутаиси один месяц под арестом» [ЦИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2091. Л. 2].

Документы свидетельствуют, что в случае насильственного похищения дочерей женщины пытались в меру своих сил бороться, обращаясь к светским властям. Это относится, как видим выше, и к христианам, и к мусульманам. Так, в 1901 г. жительница Шуши обратилась с жалобой к Главноначальствующему Гражданской частью на Кавказе на похищение ее 14-летней дочери Бегумы «испорченными лицами из шушинцев» [ЦИАГ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2722. Л. 1, 9].

Архивные материалы демонстрируют стойкое сохранение обычая умыкания (в различных его формах) в регионах Кавказа. Наиболее беззащитными в данной ситуации оказывались семьи вдов и бедняков, не имевшие средств для мобилизации родственников для защиты своих интересов. Наряду с этим фиксируется также активная позиция женщин, использовавших данный обычай для достижения своих планов.

Список литературы

1. *Бгажноков Б.Х.* Социальная организация семьи. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 118 с.
2. *Булатова А.Г.* Лакцы (XIX – начало XX в.). Махачкала: Изд-во Дагестанского научного центра РАН, 2000. 386 с.
3. Ингуши / Албогачиева М.С.-Г., Мартазанов А.М., Соловьева Л.Т. (ред.). М.: Наука, 2013. 503 с. (Серия «Народы и культуры»).
4. *Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1983. 263 с.

И.А. Снежкова, К.Ю. Бродская
*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Повседневность женщины-казачки с детства до старости в историко-антропологическом измерении

В наше время, когда в обществе образ современной семьи стремительно трансформируется, казачья семья стоит на страже традиционных ценностей. В казачьем сообществе семья не только выполняла собственно семейные функции (брак, воспитание детей, родственная общность, единство бюджета и пр.), но и являлась первичным производственным коллективом и «малой церковью».

Семейный союз в казачьем мировоззрении пользовался большим уважением. Семья для каждого казака – самое главное в жизни. В старину жизнь казачьих семей отличалась от жизни остальных российских семей, прежде всего тем, что казаки – люди военные. В казачьей семье все мужчины служили: и дед, и отец, и братья, и сыновья. А бабушки, матери, сестры и дочери были трудолюбивыми, заботливыми и ревностными хозяйками. Поэтому и в настоящее время на территориях проживания казаков сохранились устойчивые семейные союзы.

В прежние времена рождение девочки не праздновалось так широко, как рождение мальчика, когда в его честь гремели выстрелы и салюты. Однако появление на свет девочки тоже было большой радостью. Девочка приносила в дом постоянное душевное тепло, доброту и ласку. Поэтому с самого рождения ее воспитывали иначе, чем мальчика, старались развить в ней женственность, трудолюбие, терпение и отзывчивость. Если мальчика постоянно настраивали на то, что он должен быть первым, быть на людях, постоянно соревноваться, то девочке внушалось, что самое главное – спокойная душа и чистое сердце, а счастье – крепкая семья и любовь. Начиная с рождения, все «женские» обычаи были добрыми, и веселыми. Например, когда женщины первый раз мыли ребенка, это действие сопровождалось песнями и пожеланиями счастливой жизни малышке.

Этапы роста девочки всегда сопровождались подарками и угощением. Когда праздновали «первый шаг», дарили ленточки «на бантик», гребешок на косу, платочек – в церковь ходить, однако это не означало, что жизнь девочки была сплошным праздником. Девочки начинали работать с очень раннего возраста: стирали, мыли полы, пришивали пуговицы, зашивали одежду. С пяти лет учились вышивать, шить, вязать. Как правило, вначале они обшивали кукол. Была у девочек и более серьезная работа – нянчить младших. Трехлетнего брата могла нянчить пятилетняя сестра, а трехлетняя – годовалого. С пяти лет мог-

ли отдать в няньки. Девочек заставляли носить мужчинам еду в поле, стирать, штопать обтрепанную в работе одежду.

Когда девочка становилась девушкой (с появлением месячных), то об этом, как правило, по секрету сообщала бабушка деду – самому старшему в семье. Дед покупал серебряное колечко и дарил его внучке, сопровождая свой подарок песенкой про колечко и наставлениями, что внучка теперь не ребенок, а «барышня» и вести себя должна иначе – «на нее женихи смотрят». С момента получения серебряного колечка девушка начинала готовить себе приданое. Девичья жизнь заканчивалась сватовством [1, с. 46].

В далеком прошлом у казаков встречались редкие случаи многоженства, как результат увода в плен девушек с захваченных территорий. Для обоих полов поощрялись ранние браки. Казак, который не женился до 25, а особенно до 30 лет, считался второсортным. Ему давали прозвища – «отпетый казак, забулдыга, шараматок, околотень» [2, с. 44–45]. У казаков сватать ходили обычно как мужчины, так и женщины, в конце XIX в. чаще всего сами родители жениха или невесты.

Просватанная девушка освобождалась от многих домашних забот. Подружки невесты в это время жили у нее в доме, помогали шить приданое. Убирали тщательно избу. Вечером после работы молодежь собиралась на вечеринки. Накануне бракосочетания организовывали девичник, на который сходились подружки невесты и пели ей прощальные песни. Сюда допускался и жених, который должен был принести невесте в подарок свадебное платье, обувь, головной убор, иголки с нитками, наперсток и ключи. Последним он давал ей знать, что она вступает в права домохозяйки. Невеста дарила ему шапку, сапоги, шейный платок, рубашку и шаровары. В назначенный день к венцу невесту проводжали подружки, а жениха – его друзья и знакомые.

Свадьбу и застолье проводили весело, с плясками и песнями не только дома, но и на улице. Сваха и посаженная мать отводили молодую в брачную избу, девушки раздевали, а новоиспеченный муж приходил позже [5, с. 331]. На следующий день собирались все гости с обеих сторон. Во время этого застолья молодая жена одаривала родных своего мужа сорочками, платками, полотенцами и пр. Существовал обычай разбить кувшин на свадьбу так, чтобы было побольше осколков, что сулило молодым счастливую жизнь. Несмотря на старинное казачье присловье «женщину и коня всегда держи в узде», казачки, по сравнению с женщинами других народов и этнических групп, пользовались большей свободой и независимостью.

Став женой, казачка полностью верховодила в доме, где казак, приезжавший со службы, бывал гостем и ни в какие хозяйственные дела особенно не вникал, считая это ниже своего мужского и воинского

достоинства. Считалось, что дети принадлежат отцу, хотя полной властью даже над взрослыми сыновьями и дочерьми обладала мать. Женщина-мать, овдовев, получала от станичного общества материальную поддержку и была социально защищена еще в те далекие годы, когда ни в одной развитой европейской стране об подобном и не помышляли [3, с. 136–137].

Если на уровне поселения казачий быт держался на станичных порядках, находившихся под мужским контролем, то в отдельной казачьей семье женщины выступали на первый план при решении семейных дел, особенно, когда казаки надолго покидали свои курени и весь груз хозяйственных хлопот и забот о детях ложился на плечи их жен. Можно вспомнить о первом в нашей стране женском празднике – Дне матери-казачки, учрежденном еще Екатериной II в 1774 г., который совпадает с праздником Введения Богородицы. Он посвящен доблести женщин-казачек, которые в отсутствии мужчин неоднократно отражали набеги врагов самостоятельно с оружием в руках. В казачьих поселениях можно встретить многочисленные памятники, посвященные женщине-защитнице [4].

В старости женщина пользовалась особым уважением как со стороны мужа, так и младшего поколения, для которого уважение к старшим – одна из важнейших заповедей.

В настоящее время женщины в казачьих станицах очень эмансипированы. Многие из них водят машины, работают таксистами и трактористами, ездят на мотоциклах. В руководстве станиц они часто занимают если не руководящие должности, то выступают в качестве первых заместителей руководителей. Как правило, врачи, учителя, продавцы – это тоже в основном женщины. В наши дни различия между представительницами из разных сообществ сглаживаются. Однако главное отличие казачьих семей в нашей стране – это меньшее количество разводов и сохранение семьи и ее ценностей.

Список литературы

1. *Абрамовский А., Кобзов В., Кузнецов В.* Сквозь призму веков: Из прошлого оренбургского казачества / Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2002.
2. *Дубовиков А.М.* Повседневная культура уральского казачества (XVI–XIX вв.) // Вестник ОГУ. 2008. № 10 (92). С. 44–49.
3. *Капустина В.* Героини погибшего мира // Гостинный Двор. 2008. №22. С. 132–140.
4. Праздник – День матери-казачки. URL: <https://www.livekuban.ru/news/obshchestvo/segodnya-na-kubani-otmechayut-den-materi-kazachki> (дата обращения: 30.04.2023).

5. Терещенко А.В. История культуры русского народа. М.: Эксмо, 2007. 730 с.

Ю.А. Кривошеева

*Ярославль, Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова*

**Женская неспособность к брачному сожитию в разводных
делах Ярославской духовной консистории
второй половины XIX – начала XX в.**

В контексте растущего интереса к вопросам сохранения и трансляции традиционных ценностей необходимо уделять особое внимание профилактике и разрешению супружеских конфликтов, выливающихся в насилие и распад брачных союзов. Обращение к историческому опыту должно способствовать осмыслению семейных проблем и поиску путей сохранения традиционной семьи как важного общественного института.

В дореволюционный период существовало несколько официальных причин для расторжения брака, одна из них – неспособность к супружескому сожитию. «Неспособность» – понятие, не получившее однозначной трактовки и вызывавшее разногласия при решении разводных дел на всех уровнях. К основным подходам можно отнести понимание данной причины как невозможность завести ребенка в течение трех лет после венчания [6, с. 23], а также как невозможность осуществить половой акт. Дореволюционный закон не давал официального определения неспособности, но юридическая практика указывала на то, что данный термин фактически равнялся половому бессилию [5, с. 75–78]. Для получения развода ист(и)цы могли подать прошение через три года с даты венчания.

Согласно церковной статистике, в Ярославской губернии количество разводов по указанной причине оказалось наименьшим – лишь 22 случая за период с 1861 по 1914 г. [1; 7].

В подавляющем большинстве инициаторами подобных процессов выступали женщины, недовольные бессилием мужей. Случаи мужской «обиды» на жен в интимных вопросах совместной жизни появлялись в официальных документах достаточно редко. Православные христиане имели право обратиться к епархиальному начальству с просьбой о разводе по обозначенной причине наравне со своими женами.

В массиве бракоразводной документации, отложившейся в Государственном архиве Ярославской области (ГАЯО), обнаружено только

три иска, инициированных мужчинами. Хронологически материалы дел охватили рубеж XIX–XX вв. Все иски были поданы крестьянами.

Бракоразводное дело включало следующие этапы: подача прошения и сбор требуемых документов и пошлин, пастырское увещание сторон, медицинское освидетельствование супруга(ов), составление и подписание сторонами записки по делу, утверждение решения консистории Синодом (с рассмотрением заключения Медицинского совета при Департаменте полиции МВД). При положительном решении в документах проставлялись необходимые отметки, уведомлялись инстанции разного уровня. В случае развода ответчик осуждался на вечное безбрачие. Отказ в разводе не запрещал супругам жить раздельно.

В отличие от мужского бессилия, причина женской неспособности к сожитию остается не вполне понятной. В своем иске ответчица Е. Киселева жаловалась на «болезненное состояние», по причине которого не могла иметь с мужем близости, что в итоге вынудило ее вернуться в семью родителей, причем воссоединению с мужем не помогли даже местные власти, документально закрепившие желание ответчицы отказаться от совместной жизни. Намерение вступить в новый брак истец обосновал необходимостью помощи в хозяйстве [4]. Во втором деле ответчица М. Баскакова оказалась гермафродитом, неспособным к сожительству [2]. Поскольку в обоих случаях медицинское освидетельствование не проводилось, причины женской неспособности и их обоснованность выяснены не были.

Материалы третьего дела продемонстрировали глубокий конфликт в семье: истец указывал на неспособность супруги П. Кочкиной к сожитию. Ответчица вышла замуж по воле матери, муж ее бил и оскорблял, заявляя, что жена ему не нужна. Ответчица возвращалась к родительнице, та отвозила дочь к мужу, муж возвращал жену теще, после чего пытался забрать назад. Только решением мирового судьи ответчице было дозволено жить отдельно. По результатам медицинского освидетельствования, после трех лет брака ответчица не была девицей и не имела каких-либо препятствий к половой жизни. Однако моральное состояние женщины оказалось настолько тяжелым, что врачи ожидали «всяких случайностей при принуждении к сожительству». Духовная консистория оставила брак в силе, истец же письменно обязался беречь жену от эмоциональных потрясений [3].

Все изученные бракоразводные дела оказались отказными. Причиной отказа в двух случаях стало нарушение сроков подачи прошений – истцы не выдержали требуемого законом трехлетнего срока после венчания, необходимого для подтверждения неспособности, причем одно из прошений подавалось повторно, но истец вновь получил отказ.

Срок производства таких дел составил около двух месяцев. В третьем процессе ответчица была признана способной к половой жизни с мужем. Рассмотрение дела по всем этапам производства заняло два года и семь месяцев.

Крестьянское сословие в большинстве было неграмотно, что отражалось на полноте подаваемого в консисторию «пакета документов». Общим для всех дел стала нехватка гербовых марок и(или) исковых пошлин, требуемых для производства дела. Недовольные истцы могли сознательно не предоставлять положенные документы, прося консисторию сообщить о том, что необходимо дополнительно дать к производству. Даже в случае повторной подачи прошения истцы, уже имевшие опыт взаимодействия с духовными властями, не могли с первого раза правильно подать необходимый комплект документов.

Таким образом, в Ярославской губернии доказанная неспособность к сожитию оказалась одним из наиболее редких поводов для расторжения брака, причем случаи женской «неспособности» можно считать единичными. Данное понятие не нашло единой трактовки во властных структурах и среди специалистов, понятие же «женской неспособности» представлялось еще более расплывчатым. Так или иначе при рассмотрении прошений о разводе духовные власти строго следовали предписаниям закона – истец мог расторгнуть брак, выполнив формальные требования. Однако, как показали рассмотренные дела, обвинения мужчин по разным причинам оставались бездоказательными.

Подготовлено при поддержке РНФ (проект № 22-78-10103 «Супружеские конфликты, методы их разрешения и предупреждения во второй половине XIX – начале XX в.», межрегиональное исследование).

Список литературы

1. Всеподданейшие отчеты обер-прокурора Святейшаго Синода по ведомству православнаго исповедания за 1884–1914 гг. Петроград: Синодальная тип., 1886–1916.
2. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 805.
3. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 757.
4. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 6. Д. 764.
5. Григоровский С.П. Причины и последствия развода и бракоразводный процесс на суде духовном. СПб., 1898. 92 с.
6. Дорская А.А. Влияние церковного права на развитие семейного права Российской империи // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2015. № 11. С. 33–38.
7. Извлечения из всеподданнейших отчетов обер-прокурора Святейшаго Синода по ведомству православнаго исповедания за 1861–1883 гг. СПб.: Синодальная типография, 1864–1885.

Е.В. Бурлуцкая

*Оренбург, Оренбургский государственный
педагогический университет*

Отношение родителей к смерти детей (на материалах оренбургского городского социума второй половины XIX – начала XX в.)

Несмотря на все усилия, предпринимаемые российскими врачами, гигиенистами, педагогами, в пореформенный период уровень детской смертности в Оренбургской губернии продолжал оставаться катастрофическим. Согласно данным оренбургского врача М.М. Кенигсберга, на каждую сотню детей от 0 до 5 лет умирали 71 из них, что составляло примерно 45 тыс. детских душ [11, с. 1]. В такой ситуации каждой семье и, чаще всего, не один раз приходилось сталкиваться со смертью детей. Однако в личных документах (письма, дневники, мемуары и пр.) об этих семейных трагедиях предпочитали не упоминать, что существенно затрудняет изучение поставленной проблемы.

Согласно выводам исследователей [3, 4], в простонародье ценность детской жизни была невысока, а в родительском мировоззрении преобладал фаталистичный взгляд на смерть ребенка. Необходимость непрерывного труда не оставляла времени для долгого горевания родителей, а крайне низкий уровень знаний и заботы о здоровье превращал жизнь в лотерею [10]. В среде высших и «традиционных» городских сословий во второй половине XIX – начале XX в. к потере ребенка относились несколько иначе.

На рубеже XIX–XX вв. в дворянском сословии взгляд мужчин на отцовские функции стал меняться [16]. Отцы-дворяне стали позволять себе эмоциональную привязанность к собственным детям, которая выражалась, в том числе и в отношении к их жизни и здоровью. Примерами подобного глубокого переживания смерти собственного ребенка могут служить историк М.И. Семевский [8, с. 251] и К.Э. Циолковский [7, с. 239–240].

В ноябре 1895 г. в период эпидемии дифтерита, постигшей Оренбург, скоропостижно скончался сын оренбургского губернатора В.И. Ершова, 13-летний Ваня [12: д. 927, л. 100об–101]. В газете «Оренбургский листок» был размещен пространный некролог [9]. Родители в память об умершем сыне пожертвовали на нужды дифтеритного отделения губернской больницы различные вещи и 220 рублей деньгами [2]. Другой представитель городской аристократии, оренбургский врач М.М. Кенигсберг, потерявший «собственных детей от детских болезней», «всю полноту свойственного благородному человеку чувства чадолюбия» изливал «на чужих немощных детей» [17].

Можно предположить, что ребенка в дворянских семьях часто воспринимали как продолжателя не только рода, но и дела. Подрастающее дитя постепенно становилось единомышленником и другом родителей, поэтому его уход воспринимался не только как физическая утрата, но и как расставание с близким по духу человеком. Поскольку демонстративная скорбь, как и откровенное проявление других эмоций, не была поощряема в дворянской среде, родители пытались найти утешение в социально-приемлемых практиках – размещении некролога в прессе, фиксации факта смерти и собственных эмоций в нарративах, в организации посильной помощи другим нуждающимся.

В среде низшего чиновничества, не сдерживаемого условностями светского этикета, отношения между домочадцами были проще. Так, в мемуарах челябинского акцизного чиновника К.Н. Теплоухова за 1905 г. была размещена запись о болезни и последующей смерти его средней дочери Лиды. В марте, как записал чиновник, девочка «похворала несколько дней и умерла почти в сознании. Поплакали все, – жаль ее всем было очень» [15, с. 65]. Сегодня эти строки выглядят слишком безэмоционально. Было ли это частным случаем или подобное отношение к смерти ребенка было повсеместным – сказать сложно. При этом сам Теплоухов, судя по его воспоминаниям, был хорошим отцом, много времени проводившим с детьми, которых было шестеро.

В купеческой среде Оренбурга выживаемость детей была почти такой же низкой, как и в среде простонародья. Часто после смерти одного ребенка его имя передавалось следующему новорожденному. Например, оренбургский купец А.С. Ключарев трижды нарекал родившихся сыновей Семенами [12: д. 97, л. 16об; д. 122, л. 57об; д. 153, л. 10об; д. 211, л. 44об; д. 518, л. 7об, 59об]. Родители, вероятно, очень хотели назвать внука в честь деда, пренебрегая расхожими суевериями о том, что, давая новорожденному имя умершего во младенчестве брата, родители тем самым мысленно желали ему той же судьбы. Подобная практика сегодня воспринимается, скорее, негативно, поскольку, называя сына именем ранее умершего ребенка, родители как бы просто заменяли одного выбывшего члена семьи другим, с тем же именем и функциями.

Купцы «нового образца», образованные, склонные к рефлексии, реагировали на семейные трагедии более остро. Так, например, в воспоминаниях писателя, богослова, педагога и литературоведа С.Н. Дурылина, происходившего из купеческой семьи, сохранилось упоминание о смерти его брата Николая, которую его мать так до конца и не смогла пережить [6]. Произведения художественной литературы, созданные в Оренбурге или писателями-оренбуржцами во второй половине

XIX – начале XX в., также повествовали о родителях, переживших смерть нескольких детей и полностью сосредоточившихся на судьбе оставшегося в живых ребенка [13, с. 366–370; 5].

В среде низших городских сословий к детским смертям относились, как правило, прагматично. Оренбургская пресса конца XIX – начала XX в. постоянно публиковала заметки об обнаруженных полицией последствиях инфантицида, либо непогребенных младенцах, умерших от естественных причин [14]. Низкий процент детей с физическими недостатками, зафиксированный в Оренбурге Первой всеобщей переписью 1897 г. [1, с. 917], также наталкивает на мысль о том, что от таких детей родители, скорее всего, избавлялись.

В целом следует констатировать значительную сословную разницу в родительских практиках горевания горожан Оренбургской губернии. Эти практики в основном зависели от ключевых ценностей, присущих сословному мировоззрению и от устоявшихся сословных поведенческих привычек.

Подготовлено при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-00763 «Дети и детство. Повседневная жизнь ребенка в условиях провинциального городского социума [на материалах Оренбурга пореформенной эпохи]»).

Список литературы

1. Бурлуцкая Е.В. Дети в составе населения Оренбурга, по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Былые годы. 2022. № 17 (2). С. 902–920.
2. В память Вани Ершова (Сообщение д-ра Кенигсберга) // Оренбургский листок. 1895. № 47. 19 ноября. С. 3.
3. Голикова С.В. Инфантицид и солдатки (по материалам Екатеринбургского уездного суда XIX века) // Институты развития демографической системы общества: V Уральский демографический форум: сб. материалов. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. С. 272–279.
4. Голикова С.В. Отношение к детской смертности в традиционной культуре русских Урала конца XVIII – начала XX вв. // Уральский исторический вестник. 2017. № 1 (54). С. 59–64.
5. Гусев-Оренбургский С.И. Матрена : [Рассказ]. URL: <https://lanterne.ru/sergey-gusev-orenburgskiy-matrena.html>
6. Дурылин С. В родном углу. Как жила и чем дышала старая Москва. М.: Никея, 2018. 592 с.
7. Ляровский А.Б. Самоубийство Циолковского. Смерть сына в жизни ученого // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность

менность: мат-лы междунар. научн. конф. / отв. ред. В.А. Веремко: в 2 т. Т. 2. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2023. С. 238–243.

8. Михаил Иванович Семевский, основатель исторического журнала «Русская старина»: Его жизнь и деятельность. 1837–1892: Биогр. очерк / сост. В.В.Тимошук; предисл. и ред. Н.К. Шильдер. СПб., 1895.

9. Некролог. Ваня Ершов. †14 ноября 1895 г. // Оренбургский листок. 1895. № 47. 19 ноября. С. 2.

10. Нижне-Озерная станица // Оренбургский край. 1894. № 234. С. 1.

11. Общественные задачи в вопросе о сохранении жизни детей. Публичная лекция доктора медицины М. М. Кенигсберга // Оренбургский листок. 1902. № 28. 7 июля. С. 1–2.

12. ОГАОО (Объединенный государственный архив Оренбургской области). Ф. 173. Оп. 16. Д. 97, 122, 153, 211, 518, 927.

13. *Плещев А.Н.* Житейские сцены. Отец и дочь : в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. М.С. Стасюлевича, 1896. С. 359–428.

14. Происшествия. Труп младенца // Оренбургская газета. 1913. № 168. 1 августа. С. 3.

15. *Теплоухов К.Н.* Мемуары: 1899–1934 // Семья и время перемен. Век XIX–XX / сост. А.Б. Гуськова, науч. ред. В.С. Боже. М.: Лист Нью, 2011. 720 с.

16. *Трегубова М.С.* Отцы-дворяне второй половины XIX – начала XX в. // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: мат-лы междунар. научн. конф. / отв. ред. В.А. Веремко: в 2 т. Т. 2. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2023. С. 206–212.

17. Хроника. Детская санатория // Оренбургский листок. 1900. № 26. 25 июня. С. 3.

О.В. Ванюшина

Тверь, Научно-исследовательский институт информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний

**Расторжение брака по причине безвестного отсутствия супруга
в конце XIX – начале XX в. (по материалам
Тверской духовной консистории)**

В конце XIX – начале XX в. развод являлся крайне редкой мерой решения супружеских конфликтов, а законодательство предусматривало множество ограничений на расторжение брака. Безвестное отсутствие супруга в течение пяти лет относилось к «законным» основаниям для его расторжения.

Число разводов в Тверской губернии, как в целом по империи, было незначительным. Так, в губернии с 1884 по 1914 г. был расторгнут и

признан незаконным и недействительным 551 брак (в среднем 18 браков в год), из них по причине безвестного отсутствия супруга – 97 браков (17,6%). Доминирующим основанием для расторжения брака в Тверской губернии в 1884–1914 гг. являлось прелюбодеяние (248 случаев, или 45%). И если начиная с 1905 г. наблюдалось устойчивое доминирование прелюбодеяния как основной причины расторжения брака, то до начала XX в. значительная часть браков расторгалась по причине ссылки в Сибирь или безвестного отсутствия одного из супругов.

Прошения о расторжении брака принимались к рассмотрению, если о местожительстве супруга не было ничего известно в течение пяти лет. Консистория обязана была удостовериться в том, что супруг действительно безвестно отсутствовал столь длительное время (многолетнее, но намеренное и известное отсутствие супруга не являлось поводом для открытия дела). Для этого через полицейские управления рассылались повестки родителям и родственникам пропавшего, а также всем лицам, которые могли иметь сведения о нем, наводились справки в административном порядке. По запросу Тверской духовной консистории волостными правлениями предоставлялись посемейные списки с обозначением местожительства поименованных лиц, подавались запросы в адресные столы столиц и других городов. Выяснялось через волостные правления, когда пропавший последний раз получал паспорт и куда. Так, в деле Г.И. Морозова Даниловское волостное правление уведомило, что его жене была выдана паспортная книжка на 5 лет в 1907 г., а дело рассматривалось в 1908 г., соответственно дело было прекращено [1].

В издаваемых Святейшим Синодом и рассылаемых во все приходы «Церковных ведомостях» печатались объявления о возбужденном иске. Если по истечении года со времени публикации объявления никаких сведений о пропавшем не поступало, консистория приступала к рассмотрению дела и при неимении сомнений в безвестном отсутствии выносила решение о расторжении брака.

Наибольшее количество лет с момента пропажи супруга и до подачи прошения истцом составило в Тверской губернии – 20 лет (дело бежецкой мещанки А.А. Петерчук) [2]. В среднем срок со времени исчезновения супруга и до подачи прошения истцом в Тверской губернии составлял от 7 до 15 лет.

Причиной безвестных отлучек во многих случаях являлось отходничество. Один из супругов уезжал в столицы на заработки и больше не возвращался. Так, крестьянка деревни Кривцово Калязинского уезда А.Д. Гвоздева сообщала: «со времени совершения брака я проживала в течении первых 10 недель совместно с мужем в дер. Кривцово,

затем одна и впоследствии в Москве в услужении. Муж ушел на заработки в Москву, по ремеслу сапожник, и после никаких вестей о себе не давал» [3].

Мотивом для подачи прошения как для мужчин, так и для женщин было желание вступить в повторный брак. «Покорнейшая просьба моя вытекает из желания вступить вторично в брак с избранною уже невестою» [4]; «в настоящее время желаю выйти замуж, почему покорнейше прошу Духовную Консистирию за девятилетнюю пропажею моего мужа выдать мне разрешение на вступление в брак» [5].

Мужчины хотели жениться, чтобы получить помощницу в дом. «В семействе является крайняя нужда в помощнице какового могла бы быть моя жена, так как я большую часть времени года проживаю в Москве по отхожему промыслу [...] не желая самому идти по пути разврата и порока покорнейше прошу Тверскую Духовную Консистирию мой брак с Марией Адриановою расторгнуть и разрешить мне вступить в новый законный брак» [5]; «домашнее хозяйство заставляет меня покорнейше просить Ваше Высокопреосвященство разрешить притчу церкви села Большого Березуя повенчать меня вторым браком с избранною мною невестою, за безвестною 15-летней отлучкою первой жены» [6]; «я же проживаю один при двоих престарелых родителях и имея крестьянство терплю великою обиду со стороны своей супруги, и так как видеть ее более не имею надежды и прожить одиночно не могу по сим своей молодости и посемейному обстоятельству, а потому и осмеливаюсь просить Ваше Высоко Преосвященство благословить вступить мне в новый брак...» [7].

Крестьянин Тверского уезда Филипп Парфенов желая получить развод писал: «Со времени вступления моего в брак с Соломонидою Денисовою прошло 30 лет и такая жизнь за 30-летний период совершенно довела меня до положительного расстройства в крестьянском быту и покуда отец мой в силах вести крестьянское хозяйство я не был озабочен своим положением, но когда отец 80-летний старик отказался вести хозяйство, то я в настоящее время очутился в безвыходном положении, то есть или должен был бросить крестьянство и всякую оседлость, а это не легко или же принять какие-либо другие меры и притом я сам уже не такой молодой человек, чтобы мог рассчитывать на всегдашнее проживание в черных людях. Поэтому для поддержания своего крестьянского положения и всякого хозяйства в доме, я должен необходимо иметь помощницу-хозяйку» [8].

Женские прошения полны боли и отчаяния, некоторые более убедительны и настойчивы. Так, крестьянка Осташковского уезда З.А. Беляева в 1911 г. обратилась с прошением о расторжении брака с мужем

по причине его безвестного отсутствия в течении девяти лет. В ходе расследования местожительство супруга было обнаружено. Тогда истица подала повторное прошение, где ходатайствовала о разводе «...в видах моей молодости имея 35 лет от роду, а равно для усовершенствования порядочности: как в нравственном, так и логичном духовном и юридическом отношении нашей теперешней жизни» и о разрешении ей вступить в брак «с чиновником Александром Михайловичем Нехорошевым от которого я имею пять человек внебрачных детей и живу вместе с ним на его иждивении и попечении...» [9]. «При таком положении, и будучи окружена пятью малолетними детьми прижитыми с любимым мною лицом, безусловно, как родным, заботящем о их воспитании и в дальнейшем, я не могу уже и думать о возвращении для сожития к брачному мужу Беляеву, к которому у меня не осталось никаких порядочных воспоминаний...» [Там же]. В результате прошение Зинаиды Беляевой было оставлено без последствий, т.к. «раздельная жизнь супругов не даст им права возбуждать иск о расторжении брака» [Там же].

Таким образом, процедура расторжения брака по безвестному отсутствию имела свои особенности и включала ряд этапов, основным из которых был поиск пропавшего. Причины отказа просителям заключались в допущении ошибок при подаче документов (истцами не уплачены сборы, не предоставлены все необходимые документы), обращении с прошением ранее пяти лет со времени безвестного отсутствия супруга, обнаружение пропавшего.

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-78-10103).

Список литературы

1. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 160. Оп. 1-52. Д. 13265. Л. 12.
2. Там же. Оп. 1-52. Д. 13295.
3. Там же. Оп. 1-46. Д. 12918. Л. 4.
4. Там же. Оп. 1-37. Д. 12158. Л. 1.
5. Там же. Оп. 1-53. Д. 13375. Л. 1.
6. Там же. Оп. 1-46. Д. 12922. Л. 1.
7. Там же. Оп. 1-2 Д. 7825. Л. 1.
8. Там же. Оп. 1-52. Д. 13330. Л. 2а.
9. Там же. Оп.1-37. Д. 12123. Л. 20–22.

Н.Б. Кончаковская

*Екатеринбург, Мультимедийный исторический парк
«Россия – моя история. Свердловская область»*

Проблемы материнства среди уральских горожанок в фокусе материнской и детской смертности (конец XIX – начало XX в.)

Материнство являлось главной сферой жизни женщины на рубеже XIX–XX вв. В уральских городах развивалась система медицинских родовспомогательных учреждений, и к концу XIX в. в крупных региональных центрах – Перми и Екатеринбурге – были открыты роддома. Вначале их услугами пользовались женщины из бедных слоев, часто незамужние, – из крестьян и мещан. Большинство горожанок доверяло «доморощенным» повивальным бабкам и рожали дома. В начале XX в. к помощи дипломированных докторов и акушерок стали обращаться всё больше женщин (в т.ч. из высших сословий), чаще всего это происходило при сложных родах (или предшествовавших сложных родах). Так, за 10 лет, с 1879 по 1889 г., услугами Пермского роддома воспользовались 1273 женщины (из них 465 замужних, 715 незамужних, 89 вдов) [16, с. 14–16]; в 1894 г. – 350 рожениц; с октября 1911 г. по сентябрь 1912 г. – 657 [10, с. 6]; в 1915 г. – 935 [2, с. 65]. В Перми и Екатеринбурге в начале XX в. начали открываться частные роддома.

Несмотря на развитие медицины, сохранялся риск материнской смертности при родах. Поначалу смертность женщин при сложных родах даже в роддомах была высокой, но местные медики совершенствовали свое мастерство: в конце XIX в. врач В.М. Онуфриев, возглавлявший Екатеринбургский роддом, разработал метод асептики, позволявший значительно снизить материнскую смертность от заражения при полостных операциях с 12% до практически нулевого значения [14, с. 59]. Успешное проведение кесарева сечения означало возможность сохранения жизни и матери, и ребенку. В Пермском роддоме смертность в 1911–1912 гг. при родах составляла 0,46%, в послеродовой период – 8% [15, с. 25]. В 1915 г. этот показатель понизился до 1,9%; при родах умерли 0,1% женщин [2, с. 17]. Для акушерок, принимавших роды дома, асептика являлась первоочередной задачей в улучшении родовспоможения, в борьбе со смертностью рожениц [15, с. 26].

Обобщенных сведений по материнской смертности нет. Определенные тенденции снижения материнской смертности при родах можно проследить по сведениям метрик Александро-Невской больничной церкви (при Александровской земской больнице) Перми: в 1897 г. умерли 2 женщины из 73 рожавших (2,74%), в 1901 г. – 4 из 154 (2,60%), в 1909 г. – не было смертей, в 1914 г. – 4 женщины из 385

(1,04%) [5, л. 272–352; 7, л. 102–182; 9, л. 120–210]. В других православных приходах количество умерших при родах женщин варьировалось. Так, в 1897 г. в Свято-Троицком приходе на 700 родивших пришлось 6 умерших (0,8%) [5, л. 142–225], в Рождественско-Богородицком – умерли двое (0,3%) [4, л. 184–220]; в Спасо-Преображенском – одна (0,3%) [4, л. 40–62]. В Петропавловском приходе с 1897 по 1914 г. количество женщин, умерших при родах (после родов), не превышало трех, в 1914 г. не было зафиксировано смертей рожениц (4, л. 31–107; 6, л. 113–158; 8, л. 156–214).

Смертность детей при родах, по оценкам местных врачей, в начале XX в. в городских медучреждениях значительно снизилась. Если в Екатеринбургском роддоме за сентябрь 1887 – август 1891 г. при патологических родах погибло 197 младенцев из 495 родившихся (39,8%) [3, с. 26], то в 1911 г. заведующий А.М. Новиков отмечал значительное снижение детской смертности: «детская смертность во время родов теперь в родильных домах очень низка – менее одного процента. Но в тех местах, где акушерская помощь недостаточна, умирает 8–10% рождающихся детей во время самих родов» [15, с. 27]. Динамику числа мертворождений можно проследить по метрическим книгам. Так, в пермской Александро-Невской больничной церкви в 1897 г. было зафиксировано самое высокое число мертворожденных среди всех приходов Перми (в больницу часто обращались роженицы с патологией) – 11 младенцев (1,8% от числа родившихся); в 1906 г. число увеличилось до 21, в 1909 г. – до 22 (9,8%), в 1914 г. до 41 (18,8%) [5, л. 72–289; 7, л. 90–183; 9, л. 52–114]. Большой процент умерших во время родов составляли незаконнорожденные дети. Значительное число детей также погибало в течение первых суток жизни.

Смертность детей в течение первой недели жизни (вместе с мертворожденными) по нескольким православным приходам Перми составляла в среднем примерно от 16 до 56 на 1000 родившихся: так, в Петропавловском приходе в 1897 г. – 26 на 1000, в 1909 г. – 34 на 1000, в 1914 г. – не было зафиксировано [4, л. 31–107; 6, л. 113–158; 8, л. 156–214]. Для сравнения, в 1904–1907 гг. в Петроградском императорском повивально-гинекологическом институте погибало на первой неделе жизни в среднем более 29 младенцев на тысячу родившихся детей [3, с. 28].

Младенческая смертность на Урале в конце XIX – начале XX в. оставалась одной из самых высоких по России. Местная общественность, врачи проводили пропаганду правильного ухода за младенцами, санитарии, грудного вскармливания. В 1904 г. в Екатеринбурге был создан Уральский отдел по борьбе с детской смертностью. По расче-

там врача И.И. Молессона, процент младенческой смертности в Перми к общему показателю смертности в 1873 г. составлял 38,7% [3, с. 30]. Врач П.Н. Серебренников выявил процент смертности детей до года в Ирбите за 1865–1884 гг. в 44,92% [Там же, с. 33]. Больше всего детей погибало в возрасте до одного месяца. Причинами смерти в метриках чаще всего указывались «слабость», «недонос», «понос», «родимец» (как записывал священник).

Соответственно высокими оставались коэффициенты младенческой смертности (КМС): отношение числа детей, умерших до года, на 1000 родившихся. В 1897 г. в Перми КМС составлял 337 младенцев, в уездах без городов – 397; в 1904 г. в Перми показатель вырос до 377, в уездах понизился до 269; в 1910 г. – уменьшился до 356, в уездах вырос до 292) [11, с. 164; 12, с. 164–165; 13, с. 164–165]. В Екатеринбурге в начале XX в. наблюдалось повышение уровня КМС, в отличие от сельской и заводской местности: в 1908–1910 гг. – 375 младенцев [1, с. 10]; снижение КМС на рубеже веков в городском пространстве начало замедляться, по сравнению с показателями по уездам в условиях первого эпидемиологического перехода, связанного с успехами земской медицины [Там же, с. 11], что, очевидно, связано с тяжелыми условиями жизни в крупных городах и большим количеством крестьян-мигрантов.

Список литературы

1. *Бахарев Д.С., Главацкая Е.М.* Младенческая смертность в русском позднеимперском городе: уральский контекст// Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 72. С. 5–14.
2. Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии 1915 г. Пермь, 1916. 160 с.
3. *Голикова С.В.* Детская смертность в Пермской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.): источниковедческий и методологический аспекты. Екатеринбург, 2012. 176 с.
4. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 37. Оп. 6. Д. 349.
5. ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 350.
6. ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 904.
7. ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1007.
8. ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1057.
9. ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1060.
10. Доклад Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию. Медицинская часть за 1911 г. Пермь, 1912.

11. Движение населения в Европейской России: стат. табл. за 1897 г. СПб., 1900. XVI, 211 с.
12. Движение населения в Европейской России: стат. табл. за 1904 г. СПб., 1911. XXI, 277 с.
13. Движение населения в Европейской России: стат. табл. за 1910 г. СПб., 1916. XV, 251 с.
14. Записки Уральского медицинского общества в Екатеринбурге. Екатеринбург, 1902. 308 с.
15. *Новиков А.М.* Значение акушерской помощи в борьбе с детской смертностью. Отчет Уральского общества по борьбе с детской смертностью за 1911 г. [Екатеринбург], б.г.
16. Очерк состояния санитарного и медицинского дела в Пермской губернии в 1893 г. Пермь: Тип. Пермской земской управы, 1894. 37 с.

Н.В. Петров

Курск, Юго-Западный государственный университет

Женщины в социальной структуре городского населения Курской губернии первой половины 1920-х годов

Роль женщин в процессе формирования социальной структуры советского общества первой половины 1920-х годов сложно переоценить. Изучение различных признаков состава городского населения (демографических, профессиональных, образовательных и др.) через призму роли и участия женщин позволяет представить их вклад в трансформацию государства в первое советское десятилетие. Политико-правовые, социально-экономические факторы государственного строительства по-разному влияли на развитие городских сообществ внутри страны, поэтому целесообразно исследование женского населения в социальной структуре на примере конкретных губерний.

Несмотря на все сложности становления советского государства, со стороны органов власти ставилась задача по учету населения, что вызвало необходимость проведения Всероссийской переписи 1920 г. и Всесоюзной городской переписи 1923 г. Результаты работы Курского губернского статистического бюро отразили образ и роль женщин в жизни городов губернии [1, 2].

Соотношение численности мужского и женского населения показывает, что именно женщины составляли основу городского населения: 74 100 женщин против 56 747 мужчин в 1920 г. и 78 247 женщин против 67 104 мужчин в 1923 г. соответственно [2, с. 6–7]. Причины кроются в последствиях революционных событий, потере среди муж-

чин в Первой мировой и Гражданской войнах. На сложившееся соотношение численности мужчин и женщин влияла продолжительность жизни, которая у женщин была выше: в группе от 60 лет и более их было в два раза больше, чем мужчин [2, с. 8–9].

Семейное положение женщин к 1923 г. было следующим: замужние составили 43,3% от всего числа женщин (23 717), незамужних было 33,1% (18 145), вдов 22,8% (12 511), а разведенных женщин в городах региона было 437 (0,8% от общего числа) [2, с. 14]. Выявленные курскими статистиками данные свидетельствуют о стремлении женщин жить в законном браке и уважительном отношении к этому институту, негативному отношению к разводу, а также о сложностях в сохранении полной семьи из-за потерь среди мужского населения.

О большем участии женщин в поддержании домашнего быта и уюта к 1923 г. свидетельствует соотношение самодеятельного и несамодеятельного городского населения: 65,21% самодеятельного населения приходилось на лиц мужского пола, а 68,53% несамодеятельного населения, наоборот, приходилось на лиц женского пола [2, с. 17].

Эти данные можно сопоставить с тем, что в профессиональном составе населения городов преобладали рабочие, а именно группа «прочие рабочие», в которую входили чернорабочие, поденщики, металлисты, железнодорожники. Поскольку это физически тяжелая работа, женское городское население почти не было задействовано: в губернии трудилось 15 железнодорожниц, 4 женщины проходили по профессии «металлисты» [2, с. 20].

В целом, по классу «рабочие» в профессиональном составе горожанок Курской губернии преобладали швеи, текстильщицы и работницы пищевой промышленности, хотя статистиками было зафиксировано представительство женщин практически во всех изучаемых в рамках переписей 1920 г. и 1923 г. сферах труда. Так, по одной представительнице насчитывалось в профессиях «горнорабочие», «минеральщицы», по две – «деревообделочники», «химики», пять женщин были заняты в строительстве [2, с. 20]. С одной стороны, указанные данные демонстрируют традиционные занятия женского населения, а с другой – подтверждают стремление зарабатывать как основную задачу раннесоветской повседневности, зачастую на тяжелой, несвойственной для женского населения работе.

В классе «служащие» участие женского городского населения преобладало в делопроизводстве (3551 человек в 1920 и 1903 – в 1923 г.), среди культурно-просветительского персонала (2150 человек в 1920 и 1266 – в 1923 г.), учетно-контрольного персонала (683 человека), а также медиков и санитарок (636 человек). Наименьшей заинтересо-

ванностью у женщин пользовалась профессия технический персонал (из класса «служащие») – 22 человека [2, с. 21].

Таким образом, на плечи горожанок Курской губернии были возложены задачи по сопровождению деятельности органов государственной власти, медицинскому обслуживанию населения и повышению его культурно-образовательного уровня. Хотя и при их выполнении имелись сложности. Как отмечали статистики, произошедшее из-за сокращения штатов и ликвидации ряда учреждений уменьшение представительства делопроизводителей в профессиональном составе городского населения было произведено именно за счет женщин. Аналогичная ситуация наблюдалась и в образовательной среде, где сокращение численности представителей у мужчин составило 22,9%, тогда как работы в этой сфере лишились 41,1% женщин [2, с. 22].

В других профессиях категории «служащие» представительство женщин последовательно снижалось. Зафиксировано уменьшение горожанок в составе технического персонала на 66,7%, в составе торговых служащих и хозяйственно-распределительного персонала на 23,7% [2, с. 22].

Класс «прислуга» был единственным в структуре профессий горожан Курской губернии, где во всех его разновидностях преобладали женщины, а самыми многочисленными оказались группы дворовой прислуги и прислуги трактирного промысла (854 человека в 1920 г. и 725 человек к 1923 г.), личная прислуга (500 человек в 1920 г. и 541 человек к 1923 г.), прислуга на предприятиях гигиены (410 человек в 1920 г. и 217 человек к 1923 г.) [2, с. 23]. В классе «прислуга» также прослеживалась тенденция снижения представительства женщин, за исключением личной прислуги.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что в первые годы советской власти женщины испытывали трудности в реализации своих способностей в профессиональной сфере. В большинстве случаев при общем снижении количества горожан в том или ином секторе труда в первую очередь теряли работу женщины, что свидетельствует о сохранившемся представлении ее роли как хранительницы домашнего очага в законном браке, а также об основной задаче мужчины – обеспечению семьи. Женское население городов Курской губернии стремилось к профессиональному росту, занимаясь тяжелой для них работой вследствие наличия большого количества неполных семей. В целом, вклад горожанок в социально-экономическое развитие Курской губернии в первой половине 1920-х годов можно охарактеризовать как значимый.

Список литературы

1. Население Курской губернии в 1920 г.: Предварительные итоги переписи населения 28 авг. 1920 г. Курск, 1920. 36 с.
2. Население городов Курской губернии по переписям 1920 и 1923 годов. Курск: Курск. губ. стат. отдел, 1927. 135 с.

С.В. Крадецкая

Москва, Российский государственный архив новейшей истории

«Женщина должна иметь право выбирать». Вокруг закона о запрете абортов 1936 г.

Для характеристики любой гендерной системы одним из ключевых показателей являются так называемые политики тела и, в частности, репродуктивные политики женского тела. Репродуктивные права женщин, степень обладания ими и отношение к ним со стороны государства – это лишь малая, но крайне важная часть рассмотрения гендерного порядка. Известно, что в патриархатных системах, где государство выступает как единственный регулятор гендерных отношений, основой репродуктивной политики является жесткое регулирование сверху и потеря женщинами своих прав. Такого рода контроль осуществляется с помощью различных механизмов, прежде всего, через законодательное регулирование. Соответственно, особую важность при анализе репродуктивных политик государства представляют именно нормативные акты, регулирующие данную сферу. Еще больший интерес представляет анализ взаимоотношений государства и общества в процессе принятия этих законов.

Для советской гендерной системы такого рода фундаментом стал закон от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». Из тяжеловесного заголовка виден всеохватный, в сфере семейной политики, характер постановления. Речь шла и об организации государственной материальной помощи роженицам и «многодетным», и о широком строительстве яслей и детских садов, и об урегулировании вопроса с выплатами алиментов, о разводах. Другими словами, о новой системе регулирования семейно-брачных отношений, в основе которой лежал запрет абортов.

В преамбуле нового постановления подробно излагались мотивы, двигавшие советским правительством в процессе предложения, об-

суждения и принятия закона. Единственной целью запрета заявлялась охрана женского здоровья «в связи с установленной вредностью абортот». Особый акцент при этом делался на якобы поступавших от самих женщин «многочисленных заявлениях» [1, л. 128]. В одном из первых проектов об этом говорилось еще более определенно: «Идя навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин о вреде абортов и, одобряя их инициативу, Правительство Союза ССР разработало, в целях охраны здоровья трудящихся женщин, законопроект о запрещении абортов» [1, л. 42]. В итоговом варианте фраза об одобрении женской инициативы пропала, но общий посыл дарования женщинам того, о чем они просили, остался.

При этом в архивах ЦК не сохранилось никаких следов тех «многочисленных заявлений», поступавших от женщин, где высказывалась бы просьба запретить аборты. Однако сохранились другие обращения женщин и всей «советской общественности», из которых становится очевидным неоднозначное отношение людей к этой законодательной инициативе. Речь идет об обсуждении законопроекта, организованном 25 мая 1936 г. «ввиду чрезвычайной важности этого вопроса и заинтересованности в нем широких слоев населения» [1, л. 94–95].

Обсуждение проходило в трудовых коллективах, в колхозах и совхозах, в учебных заведениях по всему Советскому Союзу. Подробные сводки этих заседаний сохранились в фондах как центральных, так и региональных архивов [2]. Распространенными были обращения в редакции газет. Трудящиеся так заинтересовались темой и так стремились высказаться, что ситуация грозила сорвать запланированную дискуссию в печати о проекте новой конституции, а в ЦК поступали предложения поскорее свернуть обсуждение [1, л. 107]. Однако, несмотря на сжатые сроки и ограниченные возможности для высказывания, обсуждение продолжалось и продлилось около месяца [1, л. 126].

В итоге обобщенные материалы поступали в задействованные наркоматы и в ЦК ВКП(б). Наиболее многочисленными среди этих документов были общие сводки, составленные по сообщениям с мест и по материалам центральной и региональной печати. В них отразилась не слишком торжественная картина реального мнения советской общественности по поводу законопроекта, мнения, которое расходилось с представлением о нем государства.

Обобщая, можно сказать, что количество абсолютных противников и сторонников запрета абортов составляло примерно одинаковое число. В частности, из всех писем, поступивших в газету «Известия», в 589 люди высказались «категорически против» запрета, а в 593 – «категорически за» [1, л. 109]. Любопытно, что большинство, хотя и не абсолютное, пожелавших высказаться на страницах «Известий», было

мужчинами (3650 мужчин против 2737 женщин). При этом как среди сторонников, так и среди противников запрета, были и те, и другие.

Что касается социального положения, то, как отмечено в записке, подготовленной наркоматами юстиции и здравоохранения, «среди городского населения законопроект вызвал сильные возражения», а «громдадное большинство» этих возражений исходило от представительниц «умственного труда» [1, л. 137]. В этой же записке систематизировались основные возражения женщин против запрета абортов.

На первом месте находятся возражения, основанные на представлении о деторождении как о праве, а не об обязанности женщины. Подобным образом рассуждали не только женщины-ученые и инженеры, но и простые работницы. В частности, работница 1-й мебельной фабрики Ракитина прямо заявила, что «ребенок – дело сугубо личное и глубоко интимное, как можно заставить рожать, если женщина не хочет» [1, л. 138].

Далее следовали различные социально-экономические причины: тяжелое материально-бытовое положение женщин; профессионально-карьерные риски, связанные в том числе с угрозой увольнения; неизбежный рост подпольных абортов [1, л. 137–138].

Среди поступавших в ЦК материалов были, разумеется, и стандартно-благодарственные резолюции торжественных собраний [1, л. 106]. Однако основная масса населения, принявшая участие в обсуждении законопроекта, была далека от такой позиции. В целом, все респондентки (и респонденты) высказывались за более гибкую репродуктивную политику со стороны государства, действительно приспособленную как к социально-экономическим реалиям, так и к индивидуальным потребностям женщин.

Таким образом, общественная дискуссия случилась, но это никак не отразилось на жизни законопроекта. Мнение общества, мнение самих женщин не принимались в расчет. Свобода пользования репродуктивными правами не рассматривалась как аргумент против запрета, т.к. советский гендерный порядок существовал в совершенно иной – принудительной – системе координат.

Список литературы

1. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 29. Д. 34.
2. *Исаев А.А. Савчук А.А.* Дискуссии о запрете абортов среди дальневосточного населения в 1930-е годы: между свободой выбора и государственной идеологией // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 2 (57). С. 133–142.

А.М. Ермаков

*Ярославль, Ярославский государственный
педагогический университет*

**Концепт естественного предназначения женщин
в идеологии германского нацизма**

Нацистская гендерная идеология опиралась на течения общественной мысли XIX в., представители которых развивали идеи естественного предназначения женщин и мужчин, считая идеальным воплощением женственности героинь древнегерманских саг и мифов. Именно на таких произведениях были воспитаны руководители Третьего рейха, обосновывавшие подходы нацистской партии и государства к гендерным отношениям. Министр народного просвещения и пропаганды Йозеф Геббельс в 1934 г. публично заявил, что у нацистов нет «окончательного мнения о новом идеале женщины и семьи... Есть только вариации на эту тему, личные взгляды, смешанные со здоровым человеческим рассудком и опытом повседневной жизни».

Подход германских нацистов к правам и обязанностям немецкой женщины в первую очередь определялся необходимостью производства на свет здорового и полноценного в расовом отношении потомства. Только в качестве матери женщина упоминается в программе НСДАП «25 пунктов», принятой в феврале 1920 г. Геббельс, оперируя обычными для нацистской фразеологии и мировоззрения природными категориями, утверждал: «Задача женщины - быть красивой и производить на свет детей. Это вовсе не так грубо и несовременно, как звучит. Птица прихорашивается для самца и высиживает для него птенцов... В то время как мужчина осваивает жизнь, она осваивает кастрюлю». А заместитель фюрера по партии Рудольф Гесс называл три ипостаси, в которых должна выступать женщина: мать, товарищ мужчины и «равноценный член народного сообщества». При этом быть полноценным членом общества женщина могла, выполняя две первые функции. Женский идеал мужчины, заявлял Гесс, – «это женщина, которая прежде всего может быть матерью».

«Естественное предназначение» женщин, по убеждению Гитлера, основано на ее природных особенностях. Женщину, с точки зрения нацистского лидера, характеризуют самоотдача, вечное терпение и выносливость. Ее психика «совершенно невосприимчива к половинчатому и слабому», разумные аргументы на нее не действуют, и даже очень умная и образованная женщина «не в состоянии отделить разум от чувства», что якобы бесспорно подтверждается «многими историческими примерами». Ее поступки определяются «инстинктивным

стремлениям к дополняющей ее силе», инстинктом самосохранения, и «не следует ожидать, что красивая женщина – за немногими исключениями – проявит интерес к умному разговору, она страстно желает лишь одного: чтобы все симпатичные мужчины ею восхищались».

Руководители национал-социалистов считали, что материнскую функцию женщина должна выполнять как в браке, так и вне его. Для этого они были готовы низвергнуть традиционные нормы нравственности. Гитлер был сторонником ранних браков, «потому что только молодые супруги могут обладать достаточными физическими силами, чтобы обеспечить здоровое поколение». Эти воззрения отчасти соответствовали «романтической революции» XX в., в ходе которой прагматические соображения при выборе супруга уступили место любви и личной симпатии. Однако нацистский вождь считал материнство не частным делом, а государственной задачей, частью «борьбы за рождаемость» против «неполноценных» и «расово чуждых», которые будто бы грозили разрушить немецкий народ.

Ради сохранения и приумножения «арийской расы» Гитлер и его приверженцы были готовы к разрушению института брака и атаке на традиционные моральные нормы. Они предлагали оказать поддержку внебрачному материнству. Вождь нацистской партии неоднократно критиковал традиционную «ханжескую» протестантскую и буржуазную мораль. В условиях войны, «пока два с половиной миллиона девушек рискуют остаться старыми девами, незаконнорожденных детей нельзя превращать в изгоев общества. Девушка, родившая ребенка и заботящаяся о нем, в моих глазах стоит выше старой девы. Общественные предрассудки постепенно отмирают. Природа берет свое. Мы на правильном пути», – заявил он.

Гиммлер в мае 1943 г. предлагал пойти дальше и обязать бездетных женщин, достигших 30 лет и не имеющих детей, воспользоваться услугами «помощников в зачатии» в домах «Лебенсборн». «Рано или поздно эта процедура окажется настолько привычной, что никто не будет возражать, когда закон объявит ее не добровольной, а обязательной», – предсказывал он.

Несколько раз Гитлер высказывался в пользу полигамного брака, ссылаясь на выдуманный им пример Тридцатилетней войны, после которой якобы «было вновь разрешено многоженство», и рожденные в полигамных браках дети «возродили нацию». Если верить высказываниям Гиммлера, то Гитлер «решил в тот же момент, как кончится война, полностью пересмотреть существующее брачное законодательство и ввести бигамию». На первом этапе он предполагал не запрещать мо-

ногамные браки, а в качестве «специальной награды за героизм в бою» даровать «право брать вторую жену».

Нацистский концепт естественного предназначения женщин включал сочетание материнства и домоводства с профессиональной деятельностью. Но Гитлер и другие творцы идеологии Третьего рейха признавали только традиционные «женские» профессии: крестьянка, официантка, медсестра, секретарша, социальный работник, учительница народной (начальной) школы. Грегор Штрассер в период острой предвыборной борьбы заявлял даже, что не имеет ничего против женщин-госслужащих и заседателей в молодежных и трудовых судах. Совершенно несовместимым с «естественным предназначением» женщин в нацистском понимании было участие в политической жизни, если не считать избирательного права. Не удивительно, что феминизм и демократия представлялись национал-социалистам свидетельствами упадка западных стран.

Итак, теоретики нацизма исходили из «вечных» природных, биологических различий между полами и отводили каждому из них свои постоянные роли в обществе, считавшиеся «равноценными». Партия Гитлера, выступавшая против демократии и модернизации общества и экономики, стремилась вернуть женщин в семью, к домашнему очагу, изгнать их из сферы промышленного производства, из системы здравоохранения, правосудия, социального обеспечения, лишить политического равноправия. «Естественной» функцией женщины считалось материнство, которое превратилось из частного дела в функцию государственной важности. От выполнения этой функции зависело бытие или небытие немецкого народа. «Борьба за рождаемость» против «неполноценных» и «чуждых в расовом отношении» приравнивалась к борьбе солдат на фронте. Идеология Гитлера и его сторонников характеризовалась противоречивым сочетанием страстного желания опереться на историческую традицию, восстановить некоторые традиционные гендерные стереотипы и борьбы с такими явлениями доиндустриальной эпохи, как брак по расчету или осуждение внебрачных связей. Более того, нацистское мировоззрение вполне допускало труд женщин в качестве служащих бюро и учителей, поддерживало незамужних матерей и их детей, что не только соответствовало модернистским тенденциям развития экономики, общества и морали, но и совпадало с требованиями феминистского движения.

Р.Р. Хисамутдинова
*Оренбург, Оренбургский государственный
педагогический университет*

**Женщина – хранительница семейного очага в селе
в годы Великой Отечественной войны**

Женщины России на протяжении всей ее истории были хранительницами домашнего, семейного очага. Особенно ярко это проявилось в годы Великой Отечественной войны, когда деревня в первые же дни войны обезлюдела, миллионы мужчин были призваны в ряды Красной армии и ВМФ (деревня до весны 1943 г. не имела брони). По мнению известного аграрника В.Т. Анискова, Красная армия на 80% состояла из сельских жителей. Когда мужчины ушли на фронт, все жизненные трудности легли на плечи женщин: всю работу в колхозах выполняли они. В общем балансе трудоспособной рабочей силы уральских колхозов женщины составляли: 69,7% в 1941 г., 77,6 – в 1942, 81,5 – в 1943, 81,3 – в 1944. И только в 1945 г. в связи с начавшейся массовой демобилизацией фронтовиков после окончания войны доля женщин уменьшилась до 74,6% [5, с. 144].

Женщины работали трактористами, прицепщиками, сноповязальщицами, конюхами, телятницами, свиноводками, доярками и т.д. С середины лета и до осени все женщины на колхозных полях серпами и косами убирали урожай, зимой ухаживали за скотом на ферме. Им приходилось думать о том, как прокормить свою семью и детей; как весной распашать и сажать огород; как заготовить дрова на зиму, распилить и насколоть их; как заготовить сено для домашней скотины и как сохранить её до весны от падежа и волков, которых много развелось в годы войны (волки осмелели и зимой забегали в деревни, так что приходилось на ночь заводить скот в дом); как ремонтировать протекавшую крышу и т.д., т.е. вся мужская работа, все мужские обязанности легли на хрупкие женские плечи наряду с их собственными заботами.

Домашние дела – стирка, уборка, готовка пищи и пр. – также нужно было ежедневно выполнять. А еще ждать писем с фронта, получать похоронки и находить силы, чтобы жить дальше ради детей. Семьи тогда были многодетные, у некоторых было по 5-6, иногда 8-9 детей, да еще старики и старухи, за которыми тоже нужен был уход, их тоже нужно было прокормить. В то время пенсию колхозники не получали, за работу в колхозе получали немного продуктов, или вовсе ничего. На трудодни мало что выдавали. В некоторых колхозах в течение всей войны на трудодни не выдавали хлеба. «Как отец ушел на фронт, из еды дома осталась всего горсть пшеничной муки и, чтобы как-то про-

кормить семью, мы с мамой плели лапти и продавали на базаре, на вырученные деньги покупали продукты. Большую помощь оказывали односельчане, знакомые, родственники, весной помогали вспахать землю и посадить картошку. Картошка была основной едой в годы войны, она была мелкая и до лета ее не оставалось. Летом стали варить суп из листьев свеклы, крапивы и другой зелени, из гнилой картошки пекли лепешки» [1].

В Чкаловской области был развит пуховязальный промысел. Женщины по ночам вязали платки, затем ездили в областной центр, чтобы их продать и на вырученные деньги купить продукты, чтобы прокормить детей. По воспоминаниям Сании Гизрахмановны Ишкуватовой (к началу войны ей было 12 лет), в их семье было 7 детей, чтобы всех прокормить, они с матерью вязали платки, особенно зимой, когда в колхозе было меньше работы, в неделю вязали один платок, и её мать каждую неделю ездила в Чкалов (100 км), чтобы продать и купить детям какие-то продукты [2]. Все женщины села в свободное от колхозной работы время вечерами при свете лучины вязали платки, девочек с раннего детства (6-7 лет) приучали вязать. Это был дополнительный источник дохода, который позволял женщинам прокормить детей.

Запасы в деревне закончились уже к лету 1942 г. «В июне 1941 года началась война, а в мае родители еще успели посадить картошку, и в первый год еда была. А потом уже ничего не было» [1].

В 1943 г. засуха охватила основные зерновые районы страны, урожай собрали мало, а надо было кормить армию и городское население, поэтому с 1943 г. в деревне начинает проводиться новая продразверстка, когда хлеб почти полностью сдавался государству, а для выдачи на трудодни колхозникам мало что оставалось. Это привело к локальным очагам голода в деревнях.

В экстремальных условиях женщине, чтобы прокормить детей и стариков, приходилось искать разные способы. Весной, как только появлялась растительность, детей отправляли собирать съедобные травы. Ребенок войны Каусария Ганиевна Муллагалиева вспоминала: «Питались мы в основном травой. Мама отправляла нас с сестрой собирать листья от липы. Она эти листья сушила, затем перемалывала их в порошок и смешивала с обычной мукой, и из этого пекла лепешки. Помимо этого, у нас еще была разнообразная трава. Начинается только весна, там растет кислятка. У нее цветки как кашка. Мы ходили в лес, нарывали её и ели. Больше же есть нечего было. Когда начинались ягоды, мы собирали землянику, лесную малину». Она же рассказала: «Один раз меня мама сильно отлупила за дело. Рядом с печкой была полочка, на которой стоял керосин, и лежало пшено, и мне зачем-то

понадобилось туда залезть и я, конечно, все перевернула. Керосин разлился и намочил пшено, есть стало нечего и огня мы тоже лишились... но добрые люди в селе давали очистки от картошки, и мама их сажала, а когда они прорастали, мы их ели. Еще помню, что мама отправляла собирать мёрзлую картошку по полям и степям. Разломаешь ее, а там крахмал. Мама что могла оттуда набирала и пекла нам оладьи. А когда в полях сеять стали, мы уже колоски собирали. Скучное питание конечно. Тяжело было, но мы справлялись» [1].

Женщинам-матерям приходилось думать и о том, как лечить детей. Не в каждой деревне были фельдшерско-акушерские пункты, поэтому приходилось лечить народными средствами. «Никакой медицины конечно не было. Зимой на домах сосульки висели, и мы их сосали, как мороженое и от этого, конечно, заболели. Мать скажет, чем ты заболел, тем и лечись (то есть сосульками) или на печке пятки надо было греть. Жжешь эти пятки на печке, глядишь, и кашлять перестанешь. Все лечение было на печке. Живот заболел, мать тебе соленой водички наведёт, выпьешь немного, ложишься вниз на кирпичи животом, полежишь маленько, и боль проходила» [1].

Как ждали женщины почтальона, но скольким женам и матерям пришли похоронки... Александра Максимовна Пострах вспоминала, как в ожидании мужчин женщины гадали на картах: «Мама говорила, что во время войны они порвали 6 колод карт, всё гадали, кто вернётся домой с фронта, а кто нет. У той соседки, у которой и муж, и брат вернулись, у нее все время хорошие карты выпадали, красные. А чёрные – это значит не придёт солдат. У мамы чёрные выпадали и у другой соседки тоже. Мама вспоминала, когда папу забирали, он всё время плакал и был таким, как будто его на смерть вели. Наверное, сердцем чувствовал, что не вернётся домой. А дядя Гриша, сосед, все время смеялся и улыбался, он и вернулся. Вот это мама часто рассказывала» [3].

Женщины, чтобы прокормить семью, держали корову. На Урале в годы войны численность коров в индивидуальных дворах почти не изменилась, даже немного выросла, потому что корова была основной кормилицей и за неё держались до конца. Если резали корову, то это означало, что деревня подошла к продовольственной катастрофе – началу голода. «В последний год войны и у нас ничего не осталось. Мать решила продать корову. Хорошая была корова, мы ее называли Красулька. Она ее продала, как сейчас помню, за 21 пуд ржи чувашам из деревни Шумерли. Но эта корова к нам вернулась, преодолев 12 км, пришла домой и начала телиться. Потом нам чувашки написали и попросили: “Если у вас Красуля, то прокормите ее зиму, мы приедем только весной”. Там дороги практически не было, особенно зимой» [4].

В годы Великой Отечественной войны женщинам, особенно сельским, досталась тяжелая доля, но они сумели сохранить семьи – детей, стариков, дождаться мужей, кому сильно повезло, а те кому пришли похоронки, продолжали жить ради детей, сохраняя семейный очаг.

Список литературы

1. Интервью К.Г. Муллагалиевой (с. Староякупово Матвеевского р-на Оренбургской обл.), взято студентом 4-го курса ист. фак. ОГПУ В.Е. Дымовым 24.04.2021. Архив автора.

2. Интервью С.Г. Ишкуватовой (Нигматуллиной), 1928 г.р. (с. Ново-Кульчумово Саракташского р-на Оренбургской обл.), взято автором в 2002 г. Архив автора.

3. Интервью А.М. Пострах (Колубакиной), 1939 г.р. (с. Путятино, Шарлыкского р-на Оренбургской обл.), взято студенткой 4-го курса ист. фак. ОГПУ Т.А. Решетниковой 25.04.2021. Архив автора.

4. Интервью Н.С. Елистратовой (Пянзиной), 1938 г.р. (с. Наваты, Пильнинского р-на Нижегородской обл., ныне проживающей в г. Оренбурге), взято студентом 4-го курса ист. фак. ОГПУ В.В. Сметковым 21.04.2021. Архив автора.

5. *Хисамутдинова Р.Р.* Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2002. 300 с.

Н.А. Араловец

Москва, Институт российской истории РАН

Добрачное поведение горожан России в 1980-е годы: историко-демографическое изучение

В 1980-е годы в городах РСФСР у мужчин и женщин усилились потребности в эмоциональной близости, взаимопонимании и поддержке в брачно-семейных отношениях, а также в морально-психологической и сексуальной удовлетворенности браком. Распространение морально-психологических семейных ценностей, часто критическое отношение молодёжи к сохранявшимся консервативным установкам на брак и семью, устремление юношей и девушек к получению высшего образования, профессиональной деятельности и карьере способствовали изменению традиционного добрачного поведения. К тому же в условиях акселерации юношей и девушек понижался возраст вступления в первые сексуальные связи. Юноши чаще девушек в возрасте 16-18 и даже 14-16 лет получали первый сексуальный опыт.

Однако в 1980-е годы повысилось число девушек с первым сексуальным опытом в этих возрастах. Среди рабочих в возрасте до 16 лет начали сексуальную жизнь 17% юношей и менее 2% девушек. Из мотивации первых сексуальных контактов видно преобладание у юношей влечения и любопытства, а у девушек – любовных чувств и любопытства. Таким образом, мотивация первых сексуальных контактов у юношей и девушек сближалась в добрачный период.

Вступление юношей и девушек в сексуальную жизнь в этих возрастах в большинстве случаев не было связано с вступлением в брак, созданием семьи и деторождением. Вместе с тем низкая сексуальная культура, недостаток сексуального опыта приводили к внебрачным зачатиям. В 1980-е годы в городах и особенно в сельских местностях РСФСР оценки добрачного сексуального поведения молодежи, как и в прошлые десятилетия, характеризовались двойными стандартами. Наиболее строгие требования традиционно предъявлялись к девушкам [1, с. 78–81; 4, с. 53–55]. Однако снижение возраста вступления в первые сексуальные связи, прежде всего, девушек сокращало влияние ранее принятых в обществе традиций и норм добрачного поведения молодежи. Тем более что в 1980-е годы в РСФСР возраст вступления в первый брак снижался и у мужчин, и у женщин.

Данные статистики показали, что в РСФСР средний возраст вступления в первый брак снизился: у мужчин на один год, с 25,7 лет в 1970 г. до 24,7 лет в 1990 г.; у женщин – на 1,6 года, с 24,2 до 22,6 лет [6, с. 10–11]. Это свидетельствовало о сохранении стремления юношей и девушек к вступлению в брак и созданию семьи.

В российских городах, особенно в Москве и Ленинграде мужчины и женщины вступал в брак позднее, чем в сельских местностях и в целом в РСФСР. У мужчин и женщин доминировали первые браки. Мужчины преимущественно вступали в первые браки в среднем в возрасте – 21-22 года. Ранние вступления в первые браки (до 18 лет) были малочисленны.

Женщины раньше мужчин вступали в первые браки, в основном в возрасте 19-20 лет. Вступлений в ранние браки (до 18 лет включительно) численно было немного, но больше, по сравнению с мужчинами [2, с. 126–127]. С увеличением возраста мужчин и женщин число вступлений в первые браки уменьшалось и повышалось количество повторных браков овдовевших и разведённых. Вступление в брак юношей и девушек в молодом возрасте усиливало их зависимость от родителей в решении многочисленных финансовых, жилищных, психологических и других проблем.

В российских городах браки с большой возрастной разницей женихов и невест встречались нечасто. Мужчины в возрасте до 20 лет всту-

пали в брак со своими ровесницами или с женщинами на пять лет старше. В молодых, средних и пожилых возрастах фиксировались брачные союзы с ровесницами или с женщинами на пять лет моложе. Женщины обычно выходили замуж за своих ровесников и за мужчин на пять лет старше. В то же время в эти годы распространение получили браки женщин с мужчинами на пять лет моложе [5, с. 57].

В рассматриваемые годы улучшился возрастно-половой состав населения РСФСР, особенно в активных брачных и репродуктивных возрастах. Однако, несмотря на это улучшение, в средних брачных и репродуктивных возрастах сохранялось численное преобладание женщин. Это явление сказывалось на обеспеченности мужчин и женщин потенциальными невестами и женихами. В 1989 г. в городах для женихов активных брачных возрастов 20-24 года (на 1000 мужчин было 988 женщин) не хватало невест-ровесниц, 25-29 лет (соответственно, 1001), 30-34 года (1026), 35-39 лет (1044) – невест на пять лет моложе. Для женщин возрастов 25-34 года также не хватало женихов-ровесников [7, с. 89].

Такое численное соотношение мужчин и женщин в этих возрастных группах вызывало определенные сложности для вступления в брак. Они были обусловлены разными установками на возрастные соотношения при вступлении в брак: мужчины отказывались от вступления в брак со своими ровесницами, женщины – с женихами на пять лет старше и т.д. Отсутствие согласованных возрастных представлений и предпочтений при вступлении в брак влияло, в т.ч. на распространение фактических браков, увеличение числа мужчин и женщин, не состоявших в браке [8, с. 14].

Мужчины и женщины, вступавшие в брак в молодых возрастах, в большинстве случаев не состояли в браке и не имели детей. В 1989 г. браки у супругов, не имевших детей до вступления в брак, составляли 93,4% (ко всем зарегистрированным бракам), с одним ребенком – 5,4%, с двумя и более детьми – 1,2% [3, с. 301; подсчеты автора].

Мужчины и женщины стремились вступить в брак и создать семью в соответствии с их образовательным уровнем и социально-профессиональным статусом. Выбор мужчинами и женщинами образовательно и социально однородных браков определялся близкими брачно-семейными ценностями, общими жизненными установками в целом, стереотипами поведения.

Таким образом, в 1980-е годы в городах РСФСР добрачный период у большинства мужчин и женщин, несмотря на изменение жизненных потребностей и интересов, был традиционно связан с желанием вступить в брак и создать семью.

Список литературы

1. *Голод С.И.* XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб.: Алетейя, 1996. 188 с.
2. Демографический ежегодник России, 1998: стат. сб. М.: Госкомстат России, 1998. 398 с.
3. Демографический ежегодник СССР, 1990. М.: Финансы и статистика, 1990. 639 с.
4. *Заикина Г.А.* Либерализация половой морали и семья // Становление брачно-семейных отношений. М.: Ин-т социологии РАН, 1989. С. 53–55.
5. *Мокеров И.П., Кузьмин А.И.* Экономико-демографическое развитие семьи. М.: Наука, 1990. 100 с.
6. О положении семей в Российской Федерации: [докл.]. М.: Юрид. лит., 1994. 142 с.
7. Российский статистический ежегодник, 2001: стат. сб. М.: Госкомстат России, 2001. 692 с.
8. Семья в кризисном обществе: годич. отчёт за 1992 г. М.: Ин-т социологии РАН, 1992. 94 с.

5.2. Постсоветский период, 1990–2020-е годы

Г.Г. Вершубская, А.И. Козлов

*Москва, НИИ и Музей антропологии МГУ им.М.В.Ломоносова;
Научно-исследовательский университет «Высшая
школа экономики» (НИУ ВШЭ)*

Репродуктивное поведение женщин малого города и села в 1987–2020 гг.: ситуация в Коми-Пермяцком округе Пермского края

С 2007 г. в РФ последовательно вводятся и расширяются меры экономического поощрения рождаемости. Основным путём преобразований стали не мероприятия, направленные на оптимизацию занятости женщин с детьми или повышение доступности детских дошкольных учреждений, а более простой в организационном плане путь – экономическое поощрение рождаемости. При этом, поскольку большая часть мероприятий в рамках «пакета 2007 года» направлена на стимуляцию рождений второго и последующих детей, можно ожидать, что изменения пронаталистских установок проявятся в основном у женщин средних и старших фертильных возрастов.

В прессе и в кругах управленцев различного уровня сложилось представление о высокой эффективности принимаемых в соответствии

с положениями Концепции 2007 года мер. Оценки демографов, однако, более сдержанны. Значительная часть публикаций подтверждает высказанные ранее мнения о том, что мероприятия в рамках «пакета 2007 года» на общестрановом уровне относительно слабо влияют на рождаемость представительниц средних фертильных возрастов.

Для взвешенной оценки эффективности проводимых мероприятий важно накопление информации не только о крупномасштабных (общестрановых) изменениях, но и о динамике репродуктивных установок и практик в локальных группах, различающихся по социальному и экономическому статусу и этнической принадлежности. Сегодня мониторинг изменений репродуктивного поведения и демографического перехода в этнических группах затруднен, поскольку Росстат прекратил учет рождений по национальностям. Мы предприняли попытку отчасти компенсировать дефицит статистической информации, используя архивы первичной медицинской документации (историй родов), в которых фиксируется этническая принадлежность роженицы.

Цель исследования: по материалам медико-антропологических исследований 1987–2020 гг. оценить изменения репродуктивного поведения проживающих в сёлах и малом городе коми-пермяцких и русских женщин, а также оценить возможное влияние этих изменений на статус новорожденных.

Источник данных: отобранные сплошным методом медицинские истории нормальных одноплодных родов ($N=2081$), принятых в Окружной больнице Коми-Пермяцкого округа (КПО) в 1987, 1996–1997, 2007 и 2019–2020 гг. Рассмотрены показатели возраста роженицы и сексуального дебюта женщин; число родов и аборт до рождения первенца; брачный статус роженицы; доля рождённых вне брака детей. Поскольку в медико-антропологических исследованиях масса тела новорожденных часто рассматривается как косвенный показатель благополучия матери в период вынашивания беременности, мы включили в анализ данные о массе тела новорожденных с гестационным возрастом 39–40 недель.

Результаты и обсуждение. По сравнению с 1987, в 2019–2020 гг. средний возраст первородящих сельских коми-пермячек увеличился на 1 год, горожанок – на 2,4 года; доля рожениц 27+ лет возросла с 31% в 1996–1997 гг. до 62% в 2019–2020 гг. Промежуток между сексуальным дебютом и рождением первенца у горожанок увеличился с 4 до 6,4 лет, у жительниц села с 3 до 4,3 ($p<0,01$). После 2007 г. снизилось число аборт до рождения первого ребёнка. Между 1987 и 2007 г. у рожениц коми-пермячек 27+ лет количество уже имеющихся детей снижалось, но в 2019–2020 гг. у сельчанок оно вернулось к показателям 1987 г., а у горожанок оказалось самым высоким за все

годы наблюдений (хотя и осталось меньшим, чем у жительниц села). Возросло число рождений в старшем возрасте и у русских женщин. Это свидетельствует не столько о том, что младшие женщины стали рожать меньше, сколько об изменении репродуктивных установок у представительниц средней и старшей когорт.

Масса тела детей, рождённых вне зарегистрированного брака, меньше, чем у младенцев из полных семей ($p < 0,0001$), что может говорить о сниженном качестве жизни одиноких женщин в период беременности. Коми-пермяцкие новорожденные с высоким (5+) номером рождения не превосходят по массе рождённых вторыми или третьими, но только в этой этнической группе достоверно отставание в массе у рождённых вне зарегистрированного брака детей. У русских новорожденных, напротив, выражено нарастание массы в соответствии с порядковым номером рождения ($p < 0,01$), тогда как различия между детьми от матерей с различным брачным статусом ниже уровня значимости.

Заключение. Проявления демографического перехода и изменения репродуктивных установок у женщин КПО сходны с общероссийскими. Повышение рождаемости в старших фертильных группах в КПО отражает общие закономерности: при невысоком уровне жизни репродуктивные ориентации населения выше, а экономическая стимуляция пронаталистских установок действует эффективнее. Рождаемость третьих и последующих детей в 2007–2020 гг. увеличилась, но ее вклад не компенсирует общего снижения числа рождений.

Поскольку замедление прироста массы тела у детей с высоким номером рождения и у младенцев из неполных семей ассоциировано с неблагоприятными условиями, межэтнические различия могут свидетельствовать о менее высоком качестве жизни у коми-пермячек по сравнению с русскими женщинами КПО (что требует дальнейших исследований), а также о недостаточности проводимых в регионе мер по поддержке одиноких матерей.

Р.М. Канапьянова

Москва, РОО «Форум женщин Евразии»

От эмансипации мусульманки XX в. до семейных ценностей XXI в. (памяти академика Б.П. Пальвановой)

Проведение национально-государственного размежевания Средней Азии в начале XX в. имело не локальное, а принципиальное международное значение. Политическая карта Средней Азии была коренным образом изменена. Впервые в истории советская власть осуществила

воссоединение ранее раздробленных народов, причем это было сделано на основе достигнутого между ними добровольного соглашения.

В условиях современной геополитики обращение к государствам Средней Азии и Казахстана вновь иллюстрирует историческую данность сосуществования некогда единого советского народа. Такое единение мы увидели на Параде Победы 9 мая 2023 г.

Путь независимости государств Средней Азии – от размежевания до суверенитета – был непростым. Сам исторический процесс проходил далеко не просто, что до сих пор вызывает неоднозначное отношение. И здесь важно показать один из главных моментов в общественно-политической жизни советского государства в первой половине XX века. Речь идет о процессах эмансипации мусульманки.

Мусульманка – одно из самых интересных, необычных и непредсказуемых действующих лиц истории и современной жизни. Поэтому литература, посвященная представлениям о ней, многообразна, противоречива и порождает множество интересных дискуссий.

Здесь не могу не обратиться к памяти женщины-ученого, с кем мне пришлось неоднократно встречаться на различных конференциях и форумах. Первая встреча состоялась в Ашхабаде в 1989 г. на Форуме женщин Востока. Это академик, доктор исторических наук, автор многих книг и монографий Биби Пальвановна Пальванова. В моей домашней библиотеке хранятся две книги с пожеланиями автора. Это «Эмансипация мусульманки» (1982) и «Биби Пальванова» из серии «Библиографии ученых Туркменистана» (1991). Она известна в научных кругах как исследователь опыта раскрепощения женщин Востока. Вот что она писала: «Любители экзотики с незапамятных времен видели в женщинах Востока беззаботных фей, счастливых таинственных красавиц гаремов восточных властелинов А чудовищная действительность заключалась в том, что эти гаремы были очагами зла и разврата, кровавого насилия, дикого произвола и надругательства над женщинами. Женщина Средней Азии вошла в XX век рабой своего отца, мужа, свекра, старшего брата, даже сына. Лучшим качеством женщины считалось молчаливость. В Средней Азии распространено было самоубийство женщины. Хотя самоубийство правоверных мусульманок и осуждается Кораном, женщины, даже фанатичные, решались на самоубийство, не выдержав пыток и издевательств, а власть, закон и религиозные привилегии были на стороне деспота мужа. Калым, затворничество женщин, ранние браки, многоженство, антагонизм среди женщин и имущественное неравенство среди них создавали многотрудные обязанности. Так, например, в скотоводческих районах женщина фак-

тически вела хозяйство. Мужчины уходили на пастбища, а женщины были заняты помимо ухода за детьми, переработкой молока, шерсти, мяса. Они изготавливали для семьи ковры, паласы, кошмы, одеяла и т.д. Наиболее в строгой форме существовало затворничество у узбеков, таджиков. Затворничество женщин у кочевых народов – казахов, киргизов – имело наиболее легкие формы, что связано с особенностями хозяйства и быта. Эти различные степени затворничества сказывались и в традиционной одежде. Узбечки и таджички с 10-летнего возраста носили паранджу с чачваном (чимматом). Паранджа закрывала женщину с головы до ног. На лицо и грудь опускалась черная густая сетка из конского волоса, которая называется у узбечек чачван, а таджичек – чиммат. Из-за чачвана, особенно в жару, женщина обливалась потом, задыхалась от духоты, теряла зрение, преждевременно слепла. И грудного ребенка она вынуждена была носить под паранджой и сеткой, что причиняло немало вреда здоровью ребенка» [2, с. 9–10]. Надо отдать должное, что именно в эти годы создавались женотделы, а при Народном комиссариате внутренних дел Туркестанской АССР в 1922 г. была создана особая комиссия для согласования кодекса законов об актах гражданского состояния с шариатским правом. Комиссия состояла из представителей наркоматов внутренних дел и юстиции, ученого совета наркомпроса, представителей киргизов, узбеков, туркмен. Академик Б. Пальванова в своей книге отмечает, что работу среди женщин, борьбу за эмансипацию мусульманок начали русские женщины-коммунистки, бесстрашные и мужественные. [Там же, с. 293.]. Первой заведующей женотделом Туркестанского крайкома РКП(б) была Ида Исаковна Финкельштейн, член РКП(б) с 1917 г., вдова расстрелянного контрреволюционером ташкентского комиссара. Пренебрегая угрозами, сопровождаемая только переводчицей, проводила она целые дни в старом городе Ташкента, шагая по узким улочкам в поисках контактов с узбечками, выискивая всевозможные поводы для таких контактов, вступая в отчаянные споры с мужчинами, тщетно пытаясь изменить их взгляды на положение женщины в семье и обществе. Просто и доходчиво рассказывала она о положении в России, в Туркестане, о международном положении, призывала к активной деятельности. Так с малого начиналось большое дело политического пробуждения женщины Советского Востока. Уникальная историческая книга Б. Пальвановой раскрывает трудный и неизведанный путь к эмансипации, который предстояло пройти советской женщине Востока. Путь эмансипации мусульманки – это поиск форм и методов борьбы рядом идущих процессов: развитие и укрепление общеграж-

данской идентичности и самоутверждение этничности. И сегодня, когда на улицах Москвы в XXI в. видишь в основном молодых девушек, с головы до ног укутанных в красивые восточные одежды (да, индустрия и здесь не отстает!), невольно мысленно обращаешься к памяти прошлых лет женского равноправия. Традиционная психология человека в сохранении ментальности мужского и женского живуча в защите этнических и религиозных традиций. В этом суть современной теории гендера, которая далека от насаждающихся трансгендерных проявлений в обществе. С этой точки зрения гендерные исследования, переживая новый этап своего развития, должны развивать гендерную государственную политику с учетом историко-этнических особенностей развития общества [3, с. 303] Хочется еще раз отметить, что в период советской власти почти все исследования образа мусульманки носили критический характер, описывая тяжелую жизнь женщины под жестоким религиозным гнетом. «Униженная», «оскорбленная», «забитая», «бесправная», «несчастливая», «замученная», «обезличенная» – наиболее часто употребляющиеся эпитеты в адрес мусульманки в литературе первой половины XX в. Лишь во второй половине XX в. пришло понимание того, что мусульманская женщина – не только придаток мужчины, но и самостоятельная личность со своими интересами, взглядами, желаниями.

Сегодня многие молодые ученые по-новому, иначе рассматривают мусульманку в свете ислама. В XXI в. специалисты по исламу приходят к объединяющей их точке зрения в отношении мусульманки и ее статуса в семье и обществе. Чаще всего научные статьи начинаются со слов: «В современном общественном сознании доминирует, к сожалению, искаженный образ “закрепощенной” оковами ислама мусульманской женщины. Несмотря на довольно высокий уровень исламоведения, в российском обществе явно не хватает объективных знаний об исламе и достижениях исламской культуры» [5, с. 148]. При существующих противоречиях процесс эмансипации мусульманки не допустил главного – отрицания традиционного института семьи. Сегодня гендерные исследования с трудом, но последовательно вносят мотивации переосмысления социального фактора материнства и исполнения равных семейных обязанностей мужчин и женщин. В своих исследованиях, отстаивая примат профессионализма над квотами по признаку пола, приходилось выдерживать критику со стороны женской ответственности, поскольку в те годы было довольно популярно зеркально переносить многие европейские процессы на нашу российскую действительность, в том числе и международный опыт о квотном представ-

вительстве женщин в органах государственной власти. То есть, вектор женского ресурса в современных общественно-политических и социально-экономических процессах настолько высоко значим, что в извечной и непрекращающейся теме гендерных ролей преодолеваются стереотипы относительно сущности их взаимоотношений. Меняющаяся гендерная стратификация оказывает прямое воздействие на особенности ролевых поведенческих функций мужчин и женщин, прежде всего на материнство и отцовство. Мужчины и женщины поставлены перед необходимостью более глубоко подойти к оценке сохранения и продолжения человеческого рода. Утрачиваемая, к сожалению, межпоколенческая связь, изменившаяся информационно-коммуникативная среда поколения XXI в. оказывают свое воздействие на брачные взаимоотношения, на тайнство материнства. В современных условиях мы можем наблюдать отказ от пути нравственного развития общества, распространение невиданных ранее форм извращения и разрушения традиционных устоев семьи, в том числе смену пола. Все это является тревожным сигналом влияния так называемой западной цивилизации. В Указе Президента «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» выделены базовые ценности, понятия и ориентиры, формирующие гражданскую позицию, лежащую в основе общероссийской гражданской идентичности и единого этнокультурного пространства, и предостережения от разрушения традиционного института семьи [1]. И здесь опыт (а опыт бывает как позитивным, так и противоречивым) эмансипации мусульманки служит противовесом тем разнузданным течениям в деструктивной западной идеологии относительно традиционных духовно-нравственных ценностей.

Список литературы

1. Указ Президента РФ «От утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 9 ноября 2022 г., № 809.
2. *Пальванова Б.П.* Эмансипация мусульманки. М.: Наука, 1982.
3. *Кананьянова Р.М.* Гендерная асимметрия на государственной службе: траектория преодоления стереотипов. М.: Изд-во РАГС, 2006.
4. *Чеботарева В.Г.* Наркомнац РСФСР. Свет и тени национальной политики. 1917–1924 гг. М., 2003.
5. *Фролова Л.В.* Статус женщины в исламе // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер.: Философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 2.

Т.Б. Уварова

Москва, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН

Историко-демографические изменения по материалам семейной автоэтнографии четырех поколений

В представленном сообщении речь пойдет об устных воспоминаниях представителей большой семьи, со временем разъехавшихся, живущих далеко друг от друга, встречающихся не часто, но сохранявших связи в четырех поколениях, на протяжении почти столетия. Нарративу такого рода свойственны, с одной стороны, присущие устной истории отрывочность сведений и некоторая неточность, с другой – взгляд «изнутри» на развивающуюся семейную историю. Репрезентативность источника может быть дополнена подробной документированной генеалогией, для составления которой сегодня каждый заинтересованный может привлечь специалистов-профессионалов, занимающихся изысканиями архивных материалов и статистическими данными по региональной демографии. Но без личных свидетельств о жизненных реалиях «исторической повседневности» понимание масштабных общественных процессов будет далеко не полным.

«Условным» первым поколением семьи в начале XX в. стали вступившие в брак Павел (1882 г.р.) и Павла (1888 г.р.) из соседних односемейных поселений-хуторов на озере Круглое в Белозерском районе на севере Вологодской области, на границе с Архангельской областью. Уже в 1909 г. в семье родился первый ребенок – дочь, и в последующую четверть века, до 1933 г. появились еще девять детей – шесть сестер и три брата. Разница в возрасте детей составляла от двух с половиной до трех лет. Такое положение дел было обычным и у родственников, и соседей молодой семьи. В семье родителей Павлы после ее замужества появились младшие братья и сестры, в общей сложности в семье тоже было десять детей. Младшие дети появились и в семье родителей Павла, поэтому разница в возрасте между дядями и племянниками или тетями и племянницами была совсем небольшой, а между родными братьями и сестрами иногда превышала двадцать лет, относя их к разным «поколениям» сельских жителей.

Ко второй половине 1950-х годов семья, как и ее ближнее окружение из родственников, свойственников и соседей, оставалась на прежнем месте, но теперь в своем семейном доме с примыкавшими хозяйственными постройками – северном крытом доме-дворе. Дом был с теплым просторным помещением на первом этаже и летней светлицей на втором, с повестью-взвозом на сеновал на втором уровне жилья, над

пристроенным к сеним хлевом для двух коров. Дощатый настил вел от крыльца к «мосткам» на берегу канала, соединявшего Круглое озеро с другими частями проложенного еще в XVIII в. водного пути из Белого моря в Балтийское. Павел всю жизнь работал бакенщиком, в любую погоду выходя зажигать бакенные огни на фарватере.

Дом за прошедшее годы вырос, а семья сократилась. Вышли замуж старшие сестры – Елизавета, Лидия и Любовь – и уехали с мужьями к местам их службы, как и старший сын Николай, оставшийся после мобилизации на фронт и службы в армии в послевоенное время на родине жены в одном из городов Поволжья.

Младшие дочери – Валентина, Надежда, Анна, Людмила – друг за другом поступили в Вологодский педагогический институт. Во время учебы домой приезжали только на каникулы, а самые младшие дети – сыновья Борис и Алексей – после окончания военных училищ стали офицерами и уехали к местам службы. Алексей погиб в конце 1950-х годов в результате облучения во время испытательных плаваний первых атомных подводных лодок. Ненадолго пережила младшего сына мать. А вскоре пришлось оставить родные места всей семье: реконструкция Беломоро-Балтийского канала привела к затоплению части прилегавших территорий и переселению жителей, чьи дома оказались в этой зоне.

Переселились в Ленинградскую область, на южный берег Ладоги в город Приозерск. Большая часть семьи вновь оказалась вместе, но уже не в общем большом доме, а каждая семья в своем новом жилье. Овдовевшие Елизавета и Лидия получили комнаты в коммунальных квартирах, их взрослые дети уже самостоятельно получали жилье для своих семей. От школы получила квартиру одна из сестер-учительниц, а вторая со своей семьей купила на «подъемные деньги» (выплаты переселенцам) на окраине Приозерска небольшой дом с участком, где можно было держать и корову. С ними остался жить и отец, Павел Уварович, умерший в возрасте 90 лет в 1972 г. В это время все его дети и внуки, кроме трагически погибшего младшего сына, были живы.

В Карелию уехала по распределению работать учителем в районной школе самая младшая дочь Людмила, там вышла замуж и со временем переехала в Петрозаводск. Только старший брат, давно поселившийся в Сызрани, так и остался на Волге со своей семьей, а две сестры остались жить в Анапе, по месту прежней службы мужей. Младший брат служил в Подмосковье и был частым гостем у родственников в Ленинградской области.

Родственные отношения после переезда сохраняли не только братья и сестры. Все дети Павла и Павлы создали свои семьи, но только в

трех семьях было по трое детей. В пяти семьях росло по двое детей, единственный сын был только у одной из сестер. В общей сложности племянников и племянниц было двадцать человек, десять мужчин и десять женщин. В 1960–1970-е годы старшие из них были уже взрослыми людьми со своими семьями, а младшие – студентами и подростками. По большей части это были городские жители, со временем многие получили высшее образование.

В конце XX – начале XXI в. не стало второго поколения семьи. Несмотря на выпавшие им трудности в военное время, нелегкий повседневный труд в послевоенные годы, они дожили до преклонных лет, достигнув 80–90-летия. По сравнению с своими родителями, они жили в другом мире, именно их поколением был сделан шаг из традиционного сельского общества в индустриальное. И одним из самых наглядных показателей этого шага стал переход к новому стандарту демографического поведения. Даже на примере одного поколения одной семьи очевидно, что стандартом семейного выбора количества детей стало так называемое осознанное родительство, единственный выбор, который могла себе позволить семья, где работал не только отец, но и мать.

Третье поколение, дети племянников и племянниц, внуки Павла и Павлы, в большинстве вырастили только по одному ребенку, лишь в двух семьях по трое детей, но есть и по разным обстоятельствам бездетные семьи. Каким будет репродуктивный результат следующего поколения, судить пока рано, да и отследить этот процесс становится труднее, поскольку личные связи становятся слабее, а география расселения членов семьи – все шире. Видимо, здесь и должна вступить в свои права прогностическая демографическая статистика.

Чэнь Сяоцзяо

Минск, Белорусский государственный университет

**Китайская семья: преемственность традиций
в межпоколенческой коммуникации**

В культуре каждого народа сложились традиции, касающиеся всех участников процесса социализации и воспитания. У китайского народа существуют свои представления о том, как воспитывать ребенка, каким он должен вырасти, кто является лучшим примером.

Следует учесть, что современная китайская семья претерпевает большие изменения, связанные с новым подходом в отношении репродуктивных возможностей. Еще совсем недавно «политика одного ребенка» была определяющей, и многие родители в целом успешно вы-

полняли свои родительские функции. Но теперь, когда на уровне государственных решений появилась возможность значительного пополнения семей, ситуация меняется. Востребованность старших представителей семьи и рода становится весьма ощутимой в поддержке и опеке семьи.

Китайский исследователь Ван Вэньчжэнь изучила проблему включенности старшего поколения в процессы воспитания и объяснила многие явления, которые становятся особенностями китайской семьи. Так, автор отмечает, что в том случае, если молодая семья проживает вместе со своими родителями, то бабушки-дедушки включаются в воспитательный и опекающий процесс по мере необходимости, к примеру, если родители уехали в отпуск или командировку. На молодую семью ложатся все функции по должному воспитанию детей. Но они всегда имеют возможность рассчитывать на старшее поколение в случае возникновения неожиданных обстоятельств.

Старшее поколение активно включается в воспитательный процесс тогда, когда молодая семья проживает отдельно и у нее недостаточно времени на детей (вынуждены много работать, учиться и др.). В этом случае бабушки-дедушки становятся «вторыми родителями» для ребенка и выполняют все необходимые функции.

Степень вовлеченности старшего поколения в семейное воспитание Ван Вэньчжэнь описывает как один из вариантов семейного взаимодействия двух поколений: по взаимной договоренности за детьми ухаживают и опекают по мере занятости и необходимости и младшие, и старшие. К примеру, в выходные дни более активны бабушки-дедушки, в рабочие дни – родители. Бывают исключения, связанные с тем, что молодые семьи не справляются со своими обязанностями полноценно, в таком случае, если это возможно (пожилые бабушки-дедушки уже на пенсии), то в семейную работу включаются старшие и становятся опорой семьи [1, с. 3].

Согласно данным исследования городской семьи, как отмечено в «Докладе о развитии семьи в Китае», в 9 провинциях страны с 2001 по 2014 г. 55% пожилых людей жили со своими внуками в возрасте до 6 лет, а 62% молодых родителей постоянно «отправляли» своих детей на попечение к бабушкам и дедушкам [6, с. 223].

По данным сайта Всекитайской федерации женщин, представленным в 2013 г., и согласно данным Шестой переписи населения Китая в 2010 г., в сельской местности по всей стране насчитывалось 61 025 500 детей, которые нуждались в опеке старшего поколения, что составило 21,88% от общего числа детей. Из общего числа детей по всей стране доля детей, воспитываемых бабушками и дедушками, достигла 32,67%

[3, с. 30–34]. По данным переписей и статистики, количество детей, воспитывающихся старшим поколением в китайской семье, и в городской и в сельской местности возросло. В 2021 г., по данным Доклада о развитии сельского образования в Китае за 2020–2022 гг., в сельской местности по всей стране насчитывалось 11 992 000 детей, нуждающихся в опеке старшего поколения [2].

Воспитание детей бабушками и дедушками в Китае – распространенная практика почти в каждой семье. Согласно неполным статистическим данным, в настоящее время в Китае более 70% детей в возрасте 0-3 лет и более 50% детей в возрасте 3-5 лет воспитываются бабушками и дедушками [4]. Включенность старшего поколения в жизнь китайской семьи является чертой уклада жизни, так как почти каждая молодая семья нуждается в помощи. Это, безусловно, является причиной постоянной занятости пожилых людей и способствует формированию высокого уровня ответственности. Ученый Хуан Сянсян отметил, что результаты выборочного опроса 3080 пожилых семей в более чем 30 провинциях и городах страны показали, что 58% пожилых людей в семье помогают ухаживать за внуками [5, с. 203–205].

Рост количества детей в семье напрямую связан с будущим китайской нации. Поскольку родители заняты работой, тяжелую задачу по уходу за внуками берут на себя бабушки и дедушки. Некоторые эксперты предполагают, что такая нагрузка на старшее поколение может приводить к межпоколенческим барьерам и конфликтам. В частности, это касается стилей воспитания. Обратимся к таким стилям, как «старомодный», «разрешительный (снисходительный)», «авторитарный» и суровый.

Старомодный стиль: бабушки и дедушки готовы разделить бремя занятости родителей и стремятся хорошо учить своих внуков, однако они применяют такие методы воспитания, которые были давно «отменены» как устаревшие и не используются молодыми родителями.

Разрешительный (снисходительный) стиль: бабушки и дедушки склонны чрезмерно опекать, баловать внуков, что затрудняет формирование у внуков положительных привычек, навыков трудолюбия и заботы о тех, кто рядом; и наоборот, у детей появляются такие качества, как эгоизм, высокомерие.

Авторитарный стиль: бабушки и дедушки считают, что только поддерживая собственный авторитет, они могут добиться успеха в воспитательных практиках. Однако, как считают эксперты-педагоги, такой подход не может быть результативным, так как он не развивает в детях самостоятельность, смелость в суждениях, умение быть гибким и др.

Суровый стиль: многие бабушки и дедушки считают, что чем строже дисциплина их внуков, тем лучше, особенно когда ребенок сделал что-то не так, взрослые должны сурово критиковать его или даже применять насилие для решения проблемы, думая, что это заставит ребенка запомнить и не повторять ту же ошибку. Китайская поговорка «Баловать сына – все равно, что убивать его, только из-под огненной палки выходят почтительные дети» – яркий пример такого стиля воспитания [7, с.10–15].

Эксперты по вопросам семейного воспитания и семейным традициям отмечают, что в целом, влияние старшего поколения на развитие ребенка весьма положительно.

Во-первых, поколение старших воспитателей снижает психологическую нагрузку на родителей, облегчает выполнение их родительских функций в ситуации трудовой занятости, родители чувствуют себя в большей безопасности, меньше беспокоятся о детях.

Во-вторых, традиция помощи молодой семье снижает финансовую нагрузку на семью, так как няне необходимо не только платить за основную работу по уходу за ребенком, но и, как правило, обеспечить ей проживание, что ведет к большим семейным затратам.

В-третьих, подобная практика общения пожилых бабушек и дедушек обеспечивает функцию трансляции лучшего опыта между поколениями, дети лучше узнают своих родных – какими те были в своей детстве, а старшие – с удовольствием постигают новые формы познания мира в играх, забавах, чтении вместе с детьми. Происходит процесс взаимного обмена и сохранения опыта в семье.

И наконец, традиция взаимной помощи в семейной атмосфере любви и заботы способствует психическому и физическому долголетию старшего поколения, укреплению его душевных сил и энергии для жизни и позитивных решений.

Список литературы

1. Ван Вэньчжэнь. Жизненный мир студентов колледжей в межпоколенческом образовании: дис. ... канд. психолог. наук. М., 2012.
2. Доклад о развитии сельского образования в Китае за 2020–2022 гг. URL: <http://www.cailianxinwen.com/manage/homePage/getNewsDetail?newsid=364581> (дата обращения: 12.03.2023).
3. Доклад о положении детей-сирот в сельских районах и детей-мигрантов в городских и сельских районах / Исслед. группа Всекитайской федерации женщин // Женское движение Китая. 2013. № 6.
4. Трудно ли воспитание между поколениями, испытываете ли вы это? URL: http://www.sohu.com/a/195205988_658092 (дата обращения: 12.03.2023).

5. Хуан Сянсян. О межпоколенческом воспитании и психологическом развитии детей // Экономическое и социальное развитие. 2006. № 4.

6. Хэ Дань. Доклад о развитии семьи в Китае // Китайский ежегодник по вопросам здоровья и планирования семьи, 2015 г.

7. Чэнь Каймин, Дай Цянь. Искусство воспитания детей разных поколений // Записки Юго-Западного педагогического университета. 2016.

А.О. Макаренцева

*Москва, Институт социального анализа и прогнозирования,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

Семья и материнство женщин-христианок старообрядческого вероисповедания: материалы глубинных интервью

В процессе секуляризации социальная значимость религии ослабла, однако не утрачена. Вместе с тем уровень религиозности среди представителей отдельных конфессий остается в среднем достаточно высоким даже в условиях их включения в модернизированное общество. К такому относится и русское старообрядчество. Оно представляет собой устойчивое религиозное сообщество, исповедующее традиционную религию и отводящее ей традиционное место в социальном порядке. Старообрядцами нормативно принимается та модель семьи и брачных отношений, представления о которой в христианской церкви неизменны более полутора тысяч лет.

Задачи настоящего исследования включали: соотнесение того, как старообрядцы видят свой жизненный путь в семье с его современными сценариями; как ими воплощается в жизнь ценность рождения нескольких детей, какова в этом роль религии и сообщества; как решается вопрос поиска баланса между родительством и другими сферами жизни. В целом исследуется трансформация традиционного отношения к семье среди старообрядцев под влиянием внешних, светских нормативных представлений о ней. Интервью были проведены в 2020–2021 гг. Выборка была ограничена старообрядцами, представителями наиболее многочисленной «поповской» иерархии Русской православной старообрядческой церкви из средних и крупных городов, имеющими не менее 3 детей и не вышедшими из репродуктивного возраста. Для доклада были отобраны интервью только с женщинами.

Создание семьи: место свободы выбора

На жизненном пути женщины-христианки старообрядческого вероисповедания тесно переплетается индивидуальный выбор и следо-

вание социально-религиозным нормам. У потомственных старообрядок выбор пути взросления и формирования семьи проходит с учетом мнения родителей. *«Я приехала в духовное училище потому, что меня куда-то не отпускали... Ну и все там решили на семейном консилиуме, в том числе и отец духовный. Вот типа туда поезжай. Ну и ладно. Это вы так сказали. Сами решайте всё»* (интервью 2).

Большинство респонденток говорили о своей свободе в выборе супруга, но, тем не менее, он определялся их мировоззрением и представлениями о будущей семье. *«Почему я считаю здорово... что мой спутник жизни именно вот из этой среды... Потому что оказалось, что мама прекрасно знает его родителей, и папа... Это все люди из одного прихода... Хотя мои родители они очень такие люди демократичные. И они мне всегда говорили, что тот, кого ты выберешь, тот станет нашим сыном...»* (интервью 7). *«У меня был до [мужа] молодой человек, с которым я разошлась, потому что он сказал, что он никогда не примет веру. Я сказала, ну и все, до свидания...»* (интервью 4).

Взросление респонденток из наиболее консервативных семей проходило на сломе традиционного брачного поведения, их возможности выбора супруга были ограничены. *«Я понимала, что мне папа скажет, я тебя определяю [замуж]... Просто человеку со стороны [не старообрядцу] сложно понять, как так выдать замуж... И поэтому лично про себя могу сказать, что я все равно себе приглядывала [мужа]... Мы общались, дружили, а папа 100% не знал, потому что, если бы он знал, он бы не согласился, на тот момент»* (интервью 10)

Общим для большинства респонденток является принятие нормативных предписаний церкви в отношении сексуальной жизни до брака. *«У меня было четкое определение, что муж должен быть и на всю жизнь. И что до брака никаких отношений, я имею в виду, интимного плана, не должно быть»* (интервью 10). Иногда эта норма не соблюдается, но к ней все равно делается отсылка: *«...ну вот я познакомилась со своим молодым человеком... это, наверное, не стоит говорить, ладно, в общем мы повстречались два года, прожили даже совместно. Потом поженились, повенчались»* (интервью 4).

Рождение детей

Все респондентки говорили о следовании предписанию церкви не контролировать появление детей на свет. Это значимо отличает их репродуктивное поведение от того, что наблюдается на массовом уровне – с высоким контролем рождаемости, откладыванием рождения первого ребенка и лояльностью к бездетности. *«То есть, это даже не обсуждалось, что мы можем что-то делать, чтобы не было детей.»*

Нет. Подразумевалось, что семья – это мама, папа и дети» (интервью 2).

Иногда они озвучивали типичные для современного общества вопросы конкуренции появления детей и получения образования или построения карьеры, однако это не становилось причиной отодвигания сроков появления детей. *«Когда я вышла замуж, мне только исполнилось 19. Я считала, что это рановато, я хотела делать карьеру... Ну как получилось... Конечно, на третьем курсе родить ребенка это не очень была удобная ситуация...»* (интервью 4).

Возможности самореализации женщины

Женщины-старообрядки сталкиваются с теми же вопросами современного родительства, как и все женщины, – самореализации женщины, баланса родительства и занятости, распределения обязанностей по воспитанию детей.

Почти во всех попавших в исследование старообрядческих семьях обязанности по уходу и воспитанию детей оказались распределены эгалитарно. Это отличает их от той консервативной модели, в которой «домашний очаг» и присмотр за детьми отнесен к уделу женщины.

«Вот он [супруг] спал с двумя старшими, а я с маленьким... Он им бутылку ночью делал и ещё кормил. Одного от бутылки отучал, второму давал кушать, там сказки читал. И пописать их, и памперс менять» (интервью 11).

В семьях современных старообрядцев женщина может не иметь профессиональной занятости, однако часто у нее есть приносящее доход занятие, например, традиционное рукоделие, шитье. Респондентки говорят, что это позволяет им реализовать себя вне дома и повышает их удовлетворение жизнью, снижает риски материнского выгорания.

«Да, и я до самых родов практически работала. И после родов довольно-таки быстро выходила. Не ради даже денег, а вот чтобы просто отвлечься, расслаблялась. Пообщаешься с клиентами и домой с удовольствием идёшь» (интервью 8). *«Почему я стала шить, собственно, вот это и стало моей сферой деятельности, где я могла бы себя чувствовать немножко профессионалом. У меня не укладывалось в голову как я могу уходить в офис, и полноценно заниматься детьми полностью»* (интервью 2).

Вопросы занятости женщины обычно согласуются с супругом, важна поддержка с его стороны. Такой порядок может выступать примером адаптации консервативной модели семьи с мужем-главой к современным реалиям, в которых женщина видит много возможностей для самореализации и испытывает потребность в них.

«Если, например, в [родительской] семье у нас было строго... Муж – это глава, ты подчиняйся. У меня муж такой лояльный... сейчас он меня поддерживает в стремлении... развиваться в другой профессии... Он такой, можно сказать, слишком свободы много даёт. Но я, как человек, знающий свои границы, я не вдаюсь вправо-влево. Границы четкие сама знаю» (интервью 10).

Эгалитарное распределение ролей в семье и возможность для женщины реализоваться вне дома – ключевые неэкономические факторы современной рождаемости. Они же оказываются значимыми и в семьях старообрядцев, более того, попавшие в исследование семьи с несколькими детьми оказываются весьма успешными в реализации такой модели.

И.О. Шевченко

Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Как менялись теоретические и эмпирические представления о роли отца в зарубежных исследованиях

Практически до второй половины XX в. роль отца в семье рассматривалась на основе традиционных представлений о гендерных ролях. В теоретическом плане эти идеи развивал Т. Парсонс, что выразилось в развитии полоролевого подхода, согласно которому отец выполняет в семье инструментальную роль – он содержит семью и обеспечивает связи семьи с обществом [18]. Мать выполняет экспрессивную роль: ее задача – поддержание эмоционального состояния и стабильности в отношениях в семье. Авторитет отца держался на базе безусловных представлений об отце как главе семьи. Но со временем выяснилось, что этого недостаточно.

Актуальность научного изучения отцовства в западных странах была осознана в середине XX в. и связана с распространением проблем, касающихся института семьи: снижением рождаемости, увеличением количества разводов и детей, воспитывающихся без отца и пр. В зарубежной научной литературе исследования отцовства имеют мощную статистическую и эмпирическую базу и являются одним из активно развивающихся исследовательских направлений.

В 1960–1990-е годы в ряде научных работ напрямую указывалось на «безотцовщину» как «самую насущную» проблему общества (А. Мичерих [15], Д. Бланкенхорн [1], Дж. Брэдшоу, К. Стимсон и др. [2]). Исследователи задавались вопросом, чем это грозит обществу, приходя к выводу, что падение авторитета отцов, уменьшение их

вклада в воспитание детей, педагогическая некомпетентность приводят к проблемам в семьях и социально-психологическим трудностям детей.

В ряду научных трудов выделяются работы «Роль отца в развитии ребенка», подготовленные при непосредственном участии и под редакцией М. Лэмба [9, 21–23]. В сборниках изложены общие взгляды на проблемы отцовства в соответствии с представлениями того времени. В работах 1970–1980-х годов исследователи анализировали, является ли отец достаточно важной фигурой в развитии ребенка или достаточно матери. Было выявлено, что вклад отца является незаменимым, потому что именно он является ролевой моделью для подрастающих мальчиков, для девочек – образцом будущего партнера. Выявилось также, что вклад матери и отца является взаимодополняющим, отец не хуже матери может справляться с уходом даже за маленьким ребенком. Проблема в том, есть ли у отцов время на общение с ребенком, так как роль основного кормильца в семье, как показали исследования, никто с отца не снимал. Таким образом, подчеркивается значимость отцовства с точки зрения отношений с ребенком и вклада в его взросление.

Параллельно с исследованиями важности отцов в воспитании ребенка изучаются «типы» отцов, формируются понятия «вовлеченного отцовства», «ответственного отцовства», «нового отцовства»: У. Доэрты и др. [8], Д. Ленгерсдорф, М. Мейзер [13], В. Шнайдер [19]. Выделяются параметры отцовского участия в жизни ребенка: вовлеченность, доступность, ответственность.

В зарубежных научных работах последних десятилетий отцовство предстает как необходимый компонент родительства, отец – как важная фигура в воспитании и социализации ребенка. Акцент смещается к рассмотрению различных аспектов семейной политики в поддержку отцов и отцовства; исследуются разнообразные отцовские практики, отмечается социальный тренд к равноправному партнерству и родительству, формированию «ответственного отцовства»: Н. Кабрера, С. Тамис-Лемонда и др. [3], Дж. Голдберг [10], Т. Йоханссон, Дж. Андреассон [11], Л. Маркс [14], Р. Палковитц, М.А. Копс, Т.Н Вулфолк [17], Р. Рихтер, Р. Севард [20], И. Остнер [16].

Научные работы, посвященные отцовству, первоначально опирались на идеи полоролевого подхода, затем – социального конструктивизма. Отдельно можно выделить научные работы, выполненные в русле *men's studies*, где ведущей являлись идеи «гегемонной маскулинности» и ее трансформации в «заботящуюся маскулинность»: Р. Кольер [4], Р. Коннел [5–7], Т. Йохансон, Р. Клинт [12].

В последние десятилетия разрабатывается также биосоциальный и

биоэкологический подходы к отцовству. В целом, развитие идей и представлений об отцовстве происходило в русле трансформации традиционной роли отца и формировании новых ролевых моделей и социальных практик отцовства.

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Национальная модель гендерного равноправия: междисциплинарный и экспертный подход» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»).

Список литературы

1. *Blankenhorn D.* Fatherless America: Confronting Our Most Urgent Social Problem. New York: Harper Perennial, 1996.
2. *Bradshaw J., Stimson C., Skinner C., Williams J.* Absent Fathers? London: Routledge, 1999.
3. *Cabrera N., Tamis-Lemonda C., Bradley R., Hofferth S., & Lamb M.* Fatherhood in twenty-first century // *Child Development*. 2000. Vol. 71. № 1. P. 127–136.
4. *Collier R.* Men, Law and Gender: Essays on the «Man» of Law. London: Routledge, 2010.
5. *Connell R.W.* The state, gender and sexual politics: theory and appraisal // *Theory and society*. 1990. № 19. P. 507–544.
6. *Connell R.* Masculinities. Cambridge: Polity Press, 1995.
7. *Connell R.* The Men and the Boys. Sydney: Allen & Unwin, 2000.
8. *Doherty W.J., Kouneski E.F., Ericson M.F.* Responsible Fathering: An Overview and Conceptual Framework // *Journal of Marriage and Family*. 1998. Vol. 60 (2). P. 277–292.
9. Father's role. Cross-cultural perspectives / M. E. Lamb (ed.). Hillsdale NJ: Lawrence Erlbaum Ass., 1985.
10. *Goldberg J.S.* Identity and Involvement Among Resident and Non-resident Fathers // *Journal of Family Issues*. 2015. Vol. 36 (7). P. 852–879.
11. *Johansson T., Andreasson J.* Fatherhood in Transition: Masculinity, Identity and Everyday Life. London: Palgrave Macmillan, 2017.
12. *Johansson T., Klinth R.* Caring Fathers: The Ideology of Gender Equality and Masculine Positions // *Men and Masculinities*. 2008. No. 11(1).
13. *Lengersdorf D., Meuser M.* Involved Fatherhood: Source of New Gender Conflicts? // *Balancing Work and Family in a Changing Society. The Fathers' Perspective* / ed. by I. Crespi, E. Ruspini. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 141–161.
14. *Marks L., Palkovitz R.* American fatherhood types: The «good», the «bad», and the «uninterested» // *Fathering*. 2004. Vol. 2. № 2, P. 113–129.
15. *Mitscherlich A.* Auf dem Weg zur vaterlosen Gesellschaft. Ideen zur Sozialpsychologie. München: Piper, 1963.

16. *Ostner I.* A new role for fathers?: the German case // *Making Men into Fathers: Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood* / ed. by B. Hobson. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 150–167.

17. *Palkovitz R., Copes M.A., Woolfolk T.N.* «It's like... You discover a new sense of being». Involved fathering as an evoker of adult development // *Men and Masculinities*. 2001. Vol. 4. № 1. P. 49–69.

18. *Parsons T.* *Social Structure and Personality*. NY: Free Press, 1964.

19. *Schneider W.* *Die neuen Väter. Chancen und Risiken. Zum Wandel der Vaterrolle in Familie und Gesellschaft*. Augsburg: AV-Verlag, 1989.

20. *Seward R.R., Richter R.* International research on fathering: An expanding horizon // *Fathering*. 2008. Vol. 6 (2). P. 87–91.

21. *The Role of the Father in Child Development* / M. E. Lamb (ed.). 3d ed. NY: Wiley, 1997.

22. *The Role of the Father in Child Development* / M. E. Lamb (ed.). 4th ed. NY: Wiley, 2004.

23. *The Role of the Father in Child Development* / M. E. Lamb (ed.). 5th ed. NY: Wiley, 2010.

Е.В. Ковалевская

*Москва, Институт социально-экономических проблем
населения им. Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН*

Семья и брак в жизни российских женщин

Изменения в сфере общественных отношений, которые происходят в мире, отражаются на институте семьи и брака. Семья играет важную роль в жизни каждого человека. Исторически сложилось так, что Россия считается семейной страной. Жизненные ценности россиян связаны с семьей, браком, детьми. Более 80% населения России живут в семьях [3]. Брачно-семейные отношения всегда исторически модифицировались, коррелируя с общими переменами, происходящими в обществе. Изменялись роль и положение женщин в семье, ее отношение к браку, семейной жизни, рождению детей.

Самые важные исследования о русской семье, о жизни русской женщины доиндустриальной России, женщины пореформенной эпохи, женщины советской и постсоветской эпохи, истории репродуктивного поведения российской женщины проведены Н.Л.Пушкаревой, внесшей главный вклад в развитие нового научного направления, связанного с изучением роли женщины в истории, и новой отрасли гуманитарного знания – гендерных исследований [1, 4–6].

Важное звено в общей структуре брачно-семейных отношений – заключение брака. Вступление в брак в дореволюционной России считали одним из главных предназначений человека, которое свидетельствовало о реализации полноценной, добропорядочной жизни. Для девушек брак был возможностью устроить свою жизнь и не стать обузой своей семье. Конечно, жизнь в семье мужа могла сложиться не совсем удачно для женщины, но вступление в брак считалось нормой, а безбрачие отклонением от нормы.

Процедуру брачного обряда в России XVI в. подробно описал в своей книге «О государстве Русском» посланник английской королевы Елизаветы I в России Джильс Флетчер. Согласно его описанию, жених не должен был видеть невесту, пока продолжалось сватовство, а действующим лицом являлся не он сам, а его мать или другая пожилая его родственница или знакомая. На этом этапе основную роль играли женщины, но экономические вопросы далее решали мужчины. После получения согласия на брак отцы жениха и невесты и другие близкие родственники встречались и вели переговоры о приданом, которое зависело от состояния родителей, и часто какой-нибудь торговец давал за своей дочерью очень существенное приданое – от 1000 рублей и более. После переговоров о приданом договаривались о выдаче приданого и совершении брака в назначенный день. Если невеста вступала в первый брак, то ее отец должен был удостоверить всех в ее непорочности. Случалось, что будущий муж сомневался в благонравном поведении и честности невесты, и из-за этого возникали большие тяжбы и ссоры. После окончания переговоров вступающие в брак не виделись между собой до самого совершения брака, но начинали посылать друг другу подарки, сначала невеста, а потом жених. Только накануне свадьбы невесту отвозили в дом жениха с приданым и кроватью, на которой будут спать молодые. В доме жениха невеста ночевала со своей матерью и другими женщинами, но жених не должен был ее видеть.

В день совершения брака жених не мог видеть невесту, так как на нее надевали покрывало из тонкого вязанья или полотна, которое накидывалось на голову и опускалось до пояса. После этого невеста и жених в сопровождении своих родственников отправлялись в церковь на лошадях, даже если церковь находилась рядом с домом, а сами они были простого звания. В процессе обряда венчания важным моментом было поведение жениха и невесты. По обычаю, когда священник связывал брачный узел, то невеста должна была подойти к жениху и упасть ему в ноги, прикасаясь головой к его обуви в знак ее покорности и послушания, а жених должен был накрыть ее полой своего кафтана или верхней одежды, это означало, что он обязан был ее защи-

щать и любить. Таким образом, уже сам обряд венчания условно определял и закреплял гендерные роли супругов в семейной жизни. После последующих необходимых обрядовых процедур жених и невеста по отдельности возвращались в дома своих родителей, и каждый угощал своих родственников и гостей. Только вечером невесту привозили в дом отца жениха, где они проводили ночь, но невеста не должна была снимать покрывало с головы и не должна была произносить ни одного слова, чтобы жених не мог ни слышать, ни видеть ее. Это продолжалось три дня, в течение которых невеста могла сказать жениху только несколько определенных слов с особенной важностью и почтительностью. Другое поведение не одобрялось ее женихом, считалось очень предосудительным. Только по истечении трех дней супруги отправлялись в свой собственный дом и давали общий пир своим родным с обеих сторон.

Обещания мужа беречь и любить жену, данные им при заключении брака, в некоторых семьях низшего сословия не защищали жен от деспотизма мужей в процессе их совместной семейной жизни. Флетчер заметил, что в этих семьях мужья обходились со своими женами как со своими прислужницами, а не как с равными партнерами по семейной жизни. Исключением были жены дворян, которых их мужья более уважали, чем мужья своих жен из низших классов. Процедура заключения брака предписывала жестко соблюдать все условия, согласно исторически установившимся традициям. Иностранного посла поразила процедура российского развода, когда муж, разлюбивший жену или по какой-либо другой причине, уходил в монастырь, постригался в монахи, таким образом оставляя жену без поддержки, вынуждая ее заботиться о себе самой как сумеет. Этот обычай он назвал грубым обычаем, противным порядку вещей [2, с. 78–79]. Можно сказать, что желание уходить от ответственности наблюдалась среди российских мужчин еще в те времена.

Заключение официального брака в дореволюционной России считалось началом семейной жизни. Альтернативы ему не было. В наше время отношение к семейной жизни и браку, к роли женщины в семье существенно изменилось. Общественное мнение лояльно относится к разным видам совместного проживания женщины и мужчины. Брачные отношения оформляются по обоюдному добровольному согласию жениха и невесты, они могут до брака свободно общаться и лучше узнать друг друга. Но в то же время в современной российской семье можно наблюдать ряд негативных тенденций и трансформаций, к которым относят высокое число разводов, распространение сожительства, гостевых браков, откладывание рождений детей, сознательный выбор

бездетности. Такие тенденции не способствуют личному счастью человека и усиливают демографические угрозы для страны. Без благополучных семей сложно ожидать реализации целей, которые стоят перед обществом для сохранения устойчивого развития.

Список литературы

1. *Веретенко В.А., Любичанковский С.В.* От Н.Л. Пушкаревой до Н.Л. Пушкаревой: современная историография истории женской повседневности в России // Вестник Пермского университета. История. 2019. Т. 46. № 3. С. 85–94.
2. *Ковалев К.Н.* Историческое развитие быта женщины, брака и семьи: хрестоматия. М.: Прометей, 1931. 184 с. 78-79
3. *Российская семья и благополучие детей / В.П. Авдеева, О.Н. Бурмыкина [и др.].* М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. 304 с.
4. *Пушкарева Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. 495 с.
5. *Пушкарева Н.Л.* Русская женщина: история и современность: два века изучения “жен. темы” рус. и зарубеж. наукой, 1800–2000: материалы к библиогр. М.: Ладомир, 2002. 522 с.
6. *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница М.: Ломоносовъ, 2011. 216 с.

Н.Е. Русанова

Москва, Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН

Женщины в суррогатном материнстве и чайлдфри

В процессе эволюции семейных отношений происходит трансформация исходных форм родительства и появление новых, основанных на разделении его социальных и биологических функций. Появляется суррогатное материнство (СМ), ставшее возможным благодаря вспомогательным репродуктивным технологиям (ВРТ), и чайлдфри (ЧФ) – добровольная бездетность, воспринимаемая обществом как один из вариантов семейных норм. Интерес к СМ и ЧФ высок: по запросам «требуется суррогатная мать» и «предлагается суррогатное материнство» в поиске Яндекса открывается по 3 млн результатов, «женщины-чайлдфри» и «женщины-чайлдфри форум» – более 1 млн результатов (май 2023 г.). Тем самым реализуется право женщины свободно выбирать – становиться матерью или нет, если да, то когда и как, ограничиться ли биологическим продолжением рода, став анонимным доно-

ром яйцеклеток, или передавать генетически своему, но рожденному другой женщиной ребенку, собственный социальный опыт, либо вообще со временем отказаться от принципов ЧФ. Современная репродуктивная медицина позволяет сделать любой выбор, однако его реализация зависит от институциональных особенностей общества. В большинстве стран СМ запрещено вообще, либо разрешено только с серьезными ограничениями (без вознаграждения суррогатной матери, только между родственниками, только с определенными нарушениями здоровья и пр.).

СМ сегодня – одна из наиболее «продвинутых» средствами массовой информации программ ВРТ, но количественные показатели свидетельствуют о ее минимальном вкладе в рождаемость: в последнее десятилетие в России доля программ СМ среди всех циклов экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) составляет 1,5-1,7% [5] (в США в 2020 г. – 5,4% [6]), Женщины в программах СМ могут исполнять три роли: суррогатной матери, биологической (генетической) матери, юридической матери. Такое многообразие связано с тем, что СМ априори предполагает разделение функций, единых в традиционном материнстве: зачатие, беременность и воспитание; это усложняет этические взаимосвязи «мать – дитя» и требует четкого правового регулирования. В результате в России не разрешено лишь «полное» (гестационное) СМ, когда суррогатная мать одновременно является и генетической матерью ребенка, а также *официальная регистрация двух матерей/двух отцов у одного ребенка*. При этом суррогатная мать должна быть не моложе 18 лет, родить хотя бы одного собственного здорового ребенка, а при официальном браке получить согласие мужа. В 2023 г. из-за введения запрета на донорские яйцеклетки в России началось заметное снижение востребованности СМ [7]. Такой запрет стал едва ли не первой регулирующей мерой, касающейся генетического «квазиматеринства»: при анонимном донорстве яйцеклеток, предусмотренном российским законодательством, биологическую мать определить невозможно, а если эмбрион зачат одновременно от анонимных доноров мужских и женских половых клеток, то у ребенка, рожденного суррогатной матерью, не будет генетической связи ни с ней, ни с юридическими родителями. Актуальность запрета обусловлена тем, что донорский материал в программах СМ использует 70-75% пар [6].

Перспективы СМ определяются факторами, способствующими и препятствующими его развитию. СМ способствует свобода репродуктивного выбора, который допускает любой вариант реализации «обязательности материнства» – от вынашивания ребенка для генетических

родителей до ЧФ с отказом от собственного материнства в пользу донорства яйцеклеток, которое в последнее время все чаще рекомендуют репродуктивные клиники [1]. Такое общественное отношение к ЧФ отражает процесс исторической эволюции этого явления, долгое время «привязанного» к браку, и нежелание рожать детей можно было реализовать, уйдя в монастырь. Социальные нормы брачного материнства стали размываться с развитием рыночного (капиталистического) производства, не требовавшего больших семей для натурального хозяйства, и, например, в XIX в. в Швеции и Великобритании бездетной была почти половина населения репродуктивного возраста. Контрацептивная революция XX в. и появление эффективных средств регулирования индивидуального календаря рождений расширили число ЧФ: если в 1990-е годы не более 5% респондентов считали это явление нормальным, то в 2008 г. 2/3 опрошенных относились к ЧФ без какого-либо осуждения, даже называли их «здравомыслящими» и «ответственными» [3, с. 99]. Сегодня *7% россиянок фертильного возраста вообще не хотят иметь детей, а 48% женщин 18-45 лет не планируют рождение ребенка в ближайшие пять лет* [2]. Хотя эти сравнения нельзя считать полностью репрезентативными, поскольку опросы проводились по разным методиками и с разными целями, они иллюстрируют общую тенденцию роста количества и изменения качества ЧФ.

Репродуктивный возраст человека ограничен 15–49 годами, а с помощью ВРТ может длиться и дольше, поэтому репродуктивные намерения за этот период могут измениться и реализоваться в диаметральной противоположности. Поскольку современный образ жизни предусматривает «интенсивное материнство» с глубоким погружением в воспитание детей, страны с низкой рождаемостью принимают меры по сохранению высокой индивидуальной фертильности женщины до момента ее готовности к родительству – среди ЧФ женщин до 80% [4]. В результате среди «истинных ЧФ», объясняющих свой антинатализм физиологическим отвращением ко всему, связанному с детьми, появились репродуктивные «самодоноры», сохраняющие свои клетки для собственного «отсроченного материнства/отцовства». Благодаря криоконсервации яйцеклеток в молодом возрасте (20-25 лет), женщина-ЧФ получает почти два десятилетия для того, чтобы изменить решение и провести ЭКО с собственными клетками; если во время оплодотворения «ин-витро» получается несколько здоровых эмбрионов, их тоже можно криоконсервировать и «размораживать» по одному при изменении намерений или необходимости новых беременностей.

Таким образом, участие женщины в современных формах родительства учитывает как социально-экономические потребности госу-

дарственного регулирования, так и возможности репродуктивной медицины. Обращение женщин к программам СМ и позиционирование себя как ЧФ становится вариантом общественной нормы и компонентом постиндустриального образа жизни.

Список литературы

1. АРТ-ЭКО. Клиника репродуктивного здоровья. URL: <https://www.art-ivf.ru/>

2. Кордюкова А. «Запреты не могут увеличить рождаемость»: социолог Ольга Исупова о феномене чайлдфри. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/484289-zaprety-ne-mogut-uvelicit-rozdaemost-sociolog-ol-ga-isupova-o-fenomene-cajldfri> (дата обращения: 30.01.2023).

3. Новоселова Е.Н. Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 1.

4. Орлова А.А., Петровская О.А. Движение чайлдфри как явление современного общества. URL: <http://www.scienceforum.ru/2014/523/287>

5. Регистр ВРТ. Отчет за 2020 г. URL: https://www.rahr.ru/d_registr_otchet/RegistrVRT_2020.pdf

6. Шамардина Л. В клиниках ЭКО более чем на 70% упало число программ сурrogатного материнства URL: <https://medvestnik.ru/content/news/V-klinikah-EKO-bolee-chem-na-70-upalo-chislo-programm-surrogatnogo-materinstva.html> (дата обращения: 30.03.2023).

7. Шамардина Л. Владислав Корсак: запрет частичного донорства способствует разрушению семьи URL: https://medvestnik.ru/content/news/Vladislav-Korsak-zapret-chastichnogo-donorstva-sposobstvuet-razrusheniю-semi.html?utm_source=main&utm_medium=center-main-left (дата обращения: 05.04.2023).

И.А. Субботина

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Брачные и репродуктивные установки русской провинциальной и столичной молодежи

Говоря о брачно-семейной сфере, особое внимание следует уделить стабильности/трансформации такого института, как брак, изменениям брачных и репродуктивных установок населения, стереотипов демографического поведения: отношения к браку, стабильности семьи, к возможности разводов, внебрачной рождаемости и пр. В последние

десятилетия в брачно-семейной сфере у людей разных национальностей в нашей стране произошли серьезные изменения, в первую очередь, это касается молодежи. Изменение отношения к браку зачастую ведет к замене супружеских отношений партнерскими, а многовариантность брачных союзов предоставляет молодым людям большую свободу, так ценимую молодежью.

Материалы этносоциологического исследования, проведенного в 2018 г. в Москве, Белеве (Тульской обл.) и Старице (Тверской обл.) [1, 2], показали, как в настоящее время относится к браку русская молодежь столицы и провинциальных городов Центральной России. Среди провинциальной молодежи (16-29 лет) 23% молодых людей считают обязательным вступление в брак, еще 42% респондентов определяют его как желательное, в то время как у молодежи столицы эти показатели составили соответственно 20 и 26%. Молодежи Москвы, более урбанизированной, образованной, активно усваивающей стандарты жизни Запада, свойственно несколько иное отношение к браку, чем жителям русской провинции: среди столичной молодежи значительно (в 1,7 раза) больше тех, кто признает необязательность брачных отношений (соответственно 36 и 21%).

Новизна гендерных отношений проявляется в их новой организации, т.е. в появлении альтернативных видов брака, в том числе брака без официальной регистрации. Чем моложе население, тем более распространенным является мнение о необязательности и ненужности регистрации брака. Различия в этом вопросе между провинциальной и столичной русской молодежью очень отчетливы: у молодых москвичей в два раза чаще, чем у молодежи провинции, встречается установка на необязательность официальной регистрации брачных отношений (соответственно 41 и 20%), т.е. довольно значительная доля русской столичной молодежи не считает обязательным придерживаться традиционной модели семьи.

Данные наших исследований показывают четкую зависимость отношения русских к межэтническим бракам от этнического состава среды проживания и длительности межэтнических контактов: в более однородной в этническом плане среде, с малой и непродолжительной включенностью в межэтническое взаимодействие, отношение русских к этнически смешанным бракам более интолерантно (табл. 1). Если в Москве свыше половины (58%) опрошенных молодых людей считают, что национальность в браке не имеет значения, то в провинции такие установки встречаются в полтора раза реже (39%), а негативное отношение к межэтническим бракам у провинциальной русской молодежи проявляется в два раза чаще, чем в столице (20 и 9% соответственно).

Табл. 1. Отношение к межэтническим бракам, %

Варианты ответов	Провинция	Столица
считаю такой брак нежелательным	20	9
предпочел бы человека своей национальности	25	29
национальность в браке не имеет значения	39	58
затрудняюсь ответить	16	4

Внедрение новых, неофициальных видов брака существенно изменило отношение к разводам, которые в настоящее время воспринимаются общественностью более толерантно, чем прежде. Материалы опроса показали, что русской молодежи Москвы свойственны более радикальные взгляды на возможности разводов, чем молодежи провинции: в столице установка на безусловный развод встречается существенно (в 1,3 раза) чаще, чем в малых городах (табл.2).

Табл. 2. Отношение к разводам, %

Варианты ответов	Провинция	Столица
да, супруги могут разойтись	54	67
да, могут, если в семье нет маленьких детей	12	11
да, могут, если в семье нет детей	16	14
нет, развод – это недопустимо	4	3
затрудняюсь ответить	14	5

Наблюдается отчетливая гендерная обусловленность установок на развод: молодые женщины в своих установках более решительны, чем мужчины. Так, если в группе молодых мужчин (16-29 лет) в провинции только 44% считают, что супруги, безусловно, могут разойтись, то среди молодых женщин такая установка встречается в полтора раза чаще (65%). Это явление характерно как для русской провинции, так и для столичного города, и связано с усилением трансформации гендерных ролей в обществе, в семье, с тем, что в настоящее время все большее число женщин ориентированы на работу и самостоятельный заработок, материальную и иную независимость от мужчин, индивидуальную свободу. Это является свидетельством разрушения привычного мировоззрения женщин, изменения их моральных и этических установок и норм поведения, в том числе брачного, трансформации семейных ценностей и самого института семьи, приобретения женщиной новых социальных ролей, что проявляется не только в высокоурбанизированной среде столичного города, но проникло и в российскую глубинку.

Если сравнить репродуктивные установки русской молодежи провинции и столицы, то можно видеть существенное сходство и определенные различия в идеальных представлениях о количестве детей в семье. У молодежи провинции наблюдается большая концентрация

установок на двухдетную семью (51%), трех и более детей в качестве идеального варианта назвали 17% опрошенных, примерно столько же (16%) идеалом посчитали семью с одним ребенком или без детей. В столице наблюдается больший разброс мнений: только 42% опрошенных идеальной назвали двухдетную семью, а полярные ответы («один ребенок» и «без детей» на одном полюсе, «трое и более детей» – на другом) выбрало по 21% респондентов. В итоге, и в провинции, и в столичном городе у русской молодежи идеальное число детей в семье равно двум.

Исследование показало наличие гендерных различий в репродуктивных установках русской молодежи провинции и Москвы. Молодые люди существенно чаще, чем девушки (примерно в полтора раза) ориентировались на троих и более детей. Таким образом, две трети опрошенных представителей русской провинциальной и столичной молодежи в возрасте от 16 до 29 лет ориентированы на двух и более детей в семье. Молодежи, ориентированной на бездетную жизнь, оказалось чрезвычайно мало – 2-4% опрошенных. Примерно каждый пятый респондент высказал идеальную установку на троих и более детей. Это является позитивной демографической тенденцией, которая требует всестороннего изучения и поддержки, ибо реализация таких репродуктивных установок может обеспечить России выход из демографического тупика, нацелив молодое поколение русских на расширенное демографическое воспроизводство.

Этносоциологическое исследование позволило выявить отношение русской молодежи к такому явлению, как рождение детей вне брака. Внебрачная рождаемость, наряду с внедрением гражданских (официально незарегистрированных) браков, зачастую рассматривается как распространение альтернативных форм семьи. При сравнении установок на внебрачную рождаемость русских молодежных групп провинции и столицы, становится очевидной разница в отношении к этому явлению. Крупные города, в особенности, такие как Москва, всегда отличались высокой степенью анонимности личной жизни, ослаблением социального контроля, быстрым распространением новых моделей поведения, в т.ч. демографического, отражающих расширение свободы выбора во всех сферах жизни общества. Совсем иное дело провинция, со все еще присущей ей консервативностью, отчасти сохраняющимся (даже у молодежи) традиционным типом поведения, в том числе и брачно-семейного, причем более патриархальные, традиционные взгляды на брак и семью присущи мужскому населению провинции.

Данные наших исследований показывают, что русской столичной молодежью заметно чаще приветствуется свобода выбора того или

иного типа поведения (табл. 3). Более половины опрошенных молодых москвичей (59%) считают, что в вопросах рождения ребенка вне брака женщина сама может принимать решение, в то время как у провинциальной молодежи таких взглядов придерживается только 49% респондентов, и женщины в полтора раза чаще мужчин высказывают такое мнение.

Табл. 3. Отношение к внебрачной рождаемости, %

Варианты ответов	Провинция	Столица
это совершенно недопустимо	8	5
это нежелательно	30	26
женщина сама может решать свою судьбу	49	59
затрудняюсь ответить	13	10

Проведенный краткий анализ позволяет сделать вывод, что стереотипы демографического поведения русской молодежи малых городов и столицы оказались динамичными, подвижными, и под воздействием стремительно изменяющихся социальных, экономических и этнокультурных факторов довольно быстро заменяются новыми демографическими феноменами не только в модернизированной среде мегаполиса, но и в провинциальных городах. При этом женщины заметно быстрее мужчин освобождаются от традиционных стереотипов брачного и репродуктивного поведения.

Список литературы

1. *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Провинциальный русский город в начале XXI века. М.: Старый сад, 2019. 290 с.
2. *Остапенко Л.В., Старченко Р.А., Субботина И.А.* Русская молодежь Москвы (социально-демографические и этнокультурные характеристики). Полевая этностатистика. М.: ИЭА РАН, 2018. 184 с.

А.Г. Фот

Оренбург, ООО «Климат контроль»

Побег из дома, как способ решения внутрисемейных конфликтов

Началом семьи считается брак. В Российской империи его заключение и расторжение находилось в ведении Русской православной церкви. Развод, по законодательству синодального периода, был крайне сложной процедурой [13, с. 9–12]. Для представителей духовного сословия развод не допускался [13, с. 1]. Библия учила вышедшую замуж девушку: «...куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; <...> И где ты умрешь, там и я умру и

погребена буду <...> смерть одна разлучит меня с тобою» [Книга Руфи 1:16-17]. Предписывала смирять свою волю перед супругом: «Как Церковь повинуется Христу, так и жёны своим мужьям во всем [Еф: 5: 22]. Однако спутницы приходских клириков необязательно руководствовались библейскими наставлениями в семейной жизни. Так Лидия Павловна – жена дьякона Оренбургского кафедрального собора Антонина Нассанова, в ночь на 1 сентября 1878 г., схватив двоих детей, сбежала к своему двоюродному брату, Владимиру Ясенскому [9, л. 4]. Женщина решилась на этот отчаянный шаг после шести лет брака. Дело в том, что Антонин Нассанов пристрастился к картам и выпивке. Он промотал приданое жены и, когда ему перестало хватать денег на развлечения, принялся поднимать на Лидию руку, угрожая её жизни и здоровью детей [9, л. 3]. От брата Лидия перебралась к отцу. Она не хотела продолжать совместную жизнь с супругом и обращалась к епископу Митрофану с просьбой: «Благоволите приказать ему <...> доставлять детям и мне приличное содержание» [9, л. 8]. Однако епископ не мог допустить, чтобы в епархии произошел разезд в семье клирика с официальным назначением супруге содержания. Это был колоссальный удар по престижу духовного сословия. По приказу архиерея, Антонина Нассанова на два месяца отправили в Оренбургский Богодуховский монастырь [5, л. 25]. После епитимьи дьякона отдали под строгий надзор благочинного. Нассанов продолжал выпивать и небрежно выполнял служебные обязанности. Однако супругу и детей больше не избивал, большую часть доходов приносил домой [3]. Таким образом, побег Лидии из дома привлек к её истории внимание высокого начальства, что отчасти позволило решить семейный конфликт.

Екатерине Павловне Дроздовой повезло меньше. В 1874 г. отец выдал её замуж за выпускника Уфимской духовной семинарии Николая Васильевича Петрова [7, л. 49об]. В подоплёке конфликта, который разыгрался в семье Петровых разобраться сложно. Молодой иерей считал: всему виной его финансовая зависимость от новых родственников и «неуместное вмешательство оных в семейную жизнь молодых супругов» [10, л. 1]. Сам отец Николай виноват не меньше. Он периодически выпивал и под влиянием алкоголя «становился, будто не в себе» поднимал руку на беременную жену, а позже и на детей. Екатерина Павловна после таких скандалов уезжала к родителям [2, л. 1–8]. Павел Дроздов не мог принять дочь с детьми навсегда. Такой поступок негативно сказался бы на его карьере. В результате Екатерина переехала в Орск только после смерти мужа. Семейные неурядицы негативно сказались на детях. Старший сын четы Петровых родился больным и «по слабомуию негде не обучался [8, л. 276].

Конечно, не все женщины покидали мужей из-за пристрастия мужчин к спиртному. Татьяна Петровна, жена священника Александра Денисовича Ястребова, уезжала из прихода всякий раз, как иерей заводил связь на стороне. Даже подписка, взятая с четы Ястребовых местным благочинным в том, что они «обязуются жить вместе» [4, л. 197об] не удержала попадью от этого шага. Александра Ястребова в 1904 г отправили за штат. Он переехал на жительство в Томск. Татьяна не поехала вслед за мужем [6, л. 125].

Во время первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. оренбургская попадьа сообщила переписчику, что разведена [11, с. 152]. Очевидно, женщина, разъехавшись с супругом, несмотря на отсутствие возможности официально расторгнуть брак, считала себя абсолютно свободной от брачных обязательств.

Проблема расставания супругов из духовного сословия нашла своё отражение и в художественной литературе XIX в. Выходец из среды духовенства Игнатий Николаевич Потапенко описал подобную ситуацию в повести «На действительной службе». Её героиня дочь соборного протоиерея Марья Гавриловна вышла замуж за Кирилла Обновленского и уехала с ним в сельский приход. Иерей не считал возможным брать плату с прихожан за требы деньгами и продуктами. Во время эпидемии раздал им даже своё небольшое жалование. Отказался от земельного надела в пользу младших членов причта. В стремлении стать хорошим пастырем совершенно забывал о потребностях жены и сына. Для того чтобы ежедневно обеспечивать семью самым необходимым, Марье Гавриловне пришлось истратить весь капитал, доставшийся ей в приданое. Отчаявшись убедить супруга смотреть на жизнь более практично, Марья Гавриловна, с одобрения родителей возвращается в отчий дом [12]. С духовной точки зрения, Кирилл был прав, однако и молодую матушку, оставшуюся один на один с бытовыми проблемами, вполне можно понять. Гораздо меньше сочувствия вызывает Павла Григорьевна (Павлинька), героиня повести бывшего священника Оренбургской епархии, Сергея Ивановича Гусева-Оренбургского «Страна отцов». Матушка не удовлетворена жизнью в сельском приходе, не имеет никаких интересов и не знает, чем ей занять себя. Павлинька сообщила мужу, что, когда ей пришлось время выходить замуж, она «зажмурившись под ярким солнцем, позволила родным своим отдать тебе мою руку, трепеща и ожидая... И когда раскрыла глаза, увидала себя в склепу!» В конце повести женщина уходит к Ивану Гонибесову, который из-за любви к Павлиньке решает снять с себя сан [1].

Таким образом, архивные источники и произведения художественной литературы свидетельствуют о том, что, несмотря на запрет расторгать брак, женщины из духовного сословия уходили от своих мужей. Причинами служили пристрастие последних к алкоголю, супружеская измена или совершенно неустроенный быт пастырской семьи. Подчеркнем, матушка, как правило, решалась на подобный шаг, если не могла иначе решить внутрисемейный конфликт

Список литературы

1. *Гусев-Оренбургский С.И.* Страна отцов // С.И. Гусев-Оренбургский. Повести и рассказы. М., 1958. С. 327–329.
2. Объединённый государственный архив Оренбургской области. (ОГАОО). Ф. 173. Оп. 3. Д. 4361.
3. ОГАОО. Ф.173. Оп. 3. Д. 4501.
4. ОГАОО. Ф.173. Оп. 3. Д. 4872.
5. ОГАОО. Ф.173. Оп. 3. Д. 4960.
6. ОГАОО. Ф.173. Оп. 3. Д. 6037.
7. ОГАОО. Ф.173. Оп. 9. Д. 837.
8. ОГАОО. Ф.173. Оп. 9. Д.1526.
9. ОГАОО. Ф.174. Оп.1. Д.88.
10. ОГАОО. Ф.174. Оп.1. Д.274.
11. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под. ред. Н.А. Тройницкого. Т. 28: Оренбургская губерния. СПб., 1905.
12. *Потапенко И.Н.* На действительной службе // И.Н. Потапенко. Повести и рассказы из духовного быта. М., 2017. С. 12–240.
13. Свод законов Российской империи. Т. X: Законы о состояниях. СПб., 1857.

М.А. Лыткина

Иваново, Клуб независимых исследовательниц «LivreLady»

Проблемы (бизнес-)развода

По данным Росстата, в 2021 г. в России было зафиксировано 267 500 браков и 251 900 разводов [1]. Статистика ужасающая. Участницы клуба *LivreLady* более двух лет изучают острые проблемы отношений мужчин и женщин, как в рабочих контекстах, так и в личных. На этапе сбора проблем женский клуб задавался вопросом, как обеспечить стратегию развода, которая позволит женщине не выпасть из привычной рутинной жизни, не впасть в упаднические настроения и

не «брать обед безбрачия» на продуктивную часть жизни по причине разочарования в отношениях.

В ходе исследовательских опросов и мужчин, и женщин стало понятно, что есть еще одна сфера, в которой негативное влияние расставаний столь же велико, как и в личной сфере (страдающие дети после развода родителей, поругавшиеся родственники, суды по разделу имущества) – это сфера бизнеса. Контекст не важен – бывшие супруги или бизнес-партнеры одинаково подвергаются влиянию эмоций после того, как отношения перестают быть теплыми. Бизнес и совместные предприятия также подвергаются негативным последствиям эмоционального накала от расставаний. Именно поэтому было выдвинуто предположение, что и решения для личной и рабочей коммуникации будут схожи.

Пример из жизни Аллы Борисовны Пугачевой показывает, как личный конфликт помешал примадонне сняться в кино [2]. История произошла, когда Пугачева работала над фильмом «Рецигал» с Александром Стефановичем. Алла Борисовна и художница по костюмам разошлись во мнениях, певица повела себя грубо и обратилась за поддержкой к почти уже бывшему мужу, что не увенчалось успехом. Партнер не стал отстаивать интересы певицы. Более того, он с директором Мосфильма хотели отказаться от сотрудничества с Аллой Борисовной и переснять материал с Софией Ротару.

Другой пример показывает нам, что завершение личных отношений не мешает продолжению творческого сотрудничества в дальнейшем.

«Когда Эдит расставалась с мужчиной, это означало, что для нее отношения исчерпаны. Процесс разрыва не затягивался. Все кончено, и точка. Она всегда сама бросала мужчин, наоборот не было никогда. Но это не мешало ей сохранять со многими «бывшими» дружеские и особенно творческие отношения» [3].

Получается, что можно «развестись» так, чтобы не пострадал ни совместный проект, ни общие дети. Но от чего зависит исход отношений и как построить сотрудничество партнеров, которое будет длительным и успешным? На протяжении нескольких лет независимая исследовательская группа женщин из клуба *LivreLady* собирала женские проблемы посредством опроса, проработки биографических источников, проработки большого количества профессиональной и психофизиологической литературы, научных исследований. Мы записывали, анализировали и обобщали, используя индуктивный метод, накопленную информацию. Нами собрано более 3000 проблем и решений. Для данного доклада было проведено более 30 анонимных интервью как с мужчинами, так и с женщинами, на тему того, как начинались, развивались и заканчивались их отношения.

Клуб *LivreLady* выяснил типичную цепочку развития отношений и расставаний, какие ошибки допускают партнеры и какие решения применяют во время разрыва. Мы выдвинули рабочую гипотезу о том, что отношения (в бизнесе и личные) можно условно разделить на три этапа – начало, кульминация, развязка. На каждом из этапов необходимо закрывать, прорабатывать договоренности, устраивающие обоих партнеров, фиксировать их письменно, а также вызывать партнера на переговоры об обновлении условий сотрудничества по мере необходимости.

Сопротивляющаяся сторона при расторжении отношений:

- Инициатор расставания
- «Ответчик»

Способы расстаться:

- Безапелляционная манифестация решения
- Сообщение через посредника: соцсети и мессенджеры, медиа, через посредника (адвоката, родственников, нового партнера)
- Исчезновение без пояснения
- Долгий личный разговор по душам с определением процедуры расставания

Было выявлено, какие колебания у инициатора разрыва возникают на этапах – *до, во время и после* (сделал(а), но сомневаюсь). Описаны действия со стороны «ответчика», препятствующие расставанию. Выявлены стандартные инструменты для инициатора расставания, а также стандартные инструменты для работы инициатора с «ответчиком». Описана цепочка стандартных действий при неадекватном поведении противника расставания.

В проведенных опросах и изученных биографиях выделены кейсы, когда партнёры сходятся на почве совместного проекта: построения семьи, бизнеса, исследовательской деятельности, творческой разработки. Прерывая личные отношения, зачастую бывшие партнёры не шадят совместный проект, вредят ему, используют его как инструмент для манипуляций: совместные дети, нажитое имущество, работающий бизнес с его сотрудниками, контрагентами и клиентами. Мы видим вопиющие примеры разрушения успешных бизнес-проектов, музыкальных коллективов (например, группа Pink Floyd [4]) и т.д.

Положительные примеры есть, и мы видим их в биографиях. Этап *До построения отношений*: пару Грейс Келли и князя Монако Ренье III можно назвать усиливающим друг друга союзом [5]. Этап *Во время*: пара Антонины Пирожковой и Исаака Бабеля показывает распределение бытовой нагрузки, а также сотрудничество для плодотворной творческой реализации обоих партнеров [6]. Полностью избежать конфликтов вряд ли возможно, но можно договариваться о правилах

поведения, когда один из партнеров не в духе, как это было в паре Гудини [7]. Этап *После*: мирное завершение партнерства также возможно. Цивилизованные расставания крупных фигур известны миру [3].

Из опросов и проработок биографий прослеживается две проблемные области – работа с эмоциями, работа с договоренностями. Соответственно и решения должны лежать в области эмоциональной работы и юридических протоколов – оптимальных цепочек решений. Респонденты, а также выдержки из биографий деятелей культуры, науки и бизнеса показали, что урегулированию разногласий мешают как захлестывающие эмоции и неумение с ними справиться и направлять в конструктивное русло, так и зачастую отсутствующие документы, которые могли бы помочь в урегулировании конфликтов (например, брачные договоры). Из опросов мне удалось выявить стандартную, наиболее распространенную и неоптимальную (а иногда и усугубляющую) схему поведения партнеров. А также перечень страхов, порождающих обратную цепочку действий, провоцирующую восстановление завершенных отношений. Отношений прежних, без их переработки, то есть банальное воспроизведение стратегии отношений, которая однажды уже завершилась разладом. Сами респонденты также отмечали болезненность расставаний и отмечали, что зачастую их расставания были болезненными, снижали их продуктивность, погружали в апатичные или деструктивные по отношению к себе настроения. Также намечена цель дальнейшего более масштабного исследования: выявление оптимальных стратегий и составление оптимальных рекомендаций, решений для всех трех этапов отношений в двух плоскостях – работы с эмоциями партнеров и их договоренностями.

Первый перечень должен решить задачу переключения с учетом типа общения.

Этап 1. *До* того как отношения развились в брак или совместное дело:

- Включение рационального подхода, чтобы зафиксировать отношения с учетом возможного будущего разрыва.

Этап 2. *Во время* партнерства:

- Разделение режимов общения для того, чтобы не приносить рабочие неурядицы в дом, и наоборот.

- Процедуры для снижения эмоционального накала при обсуждении проблемных контекстов, чтобы они не копились и не перерастали в катастрофу.

Этап 3. *После* партнерства:

- Нивелирование эмоций, преобладающих над рациональным подходом, для того, чтобы из-за личных проблем не разрушить дело в процессе расставания.

- Постановка навыка переключения между контекстами: мама – папа = бывшие супруги или деловые партнеры, мама – дети – папа = действующие родители, бывший муж – сотрудники – бывшая жена = владелец компании 1 – сотрудники – владелец компании 2.

Второй перечень должен включать в себя способы фиксации имущественных отношений, а также распределения ролей в компании или проекте и отвечать на вопрос «Как оптимально документально фиксировать все взаимодействия на всех этапах коммуникации». Наша задача – описать оптимальные стратегии выстраивания успешного партнерства с самого начала, чтобы подстраховать правильное завершение того или иного типа партнерства, чтобы не страдало совместно построенное дело, бизнес, сотрудники и дети. Намечено направление исследования для выработки и описания решений, направленных на первопричину проблемы, - на построение изначально осознанного партнерства с упомянутыми выше сферами проработки, эмоциональной и юридической. Автор не пытается решить проблему разводов, не пытается указать причины провалов бизнеса, а делает упор на качественную коммуникацию между партнерами для продолжения общего дела.

Подготовлено в рамках социального проекта клуба независимых исследовательниц «LivreLady».

Список литературы

1. Росстат представляет данные о естественном движении населения в январе 2022 г. // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/156259> (дата обращения: 26.04.2023).
2. *Раззаков Ф.И* Алла Пугачева: Рожденная в СССР. М.: Эксмо, 2009.
3. *Ришер Ж.* Моя подруга Эдит Пиаф. М.: Рипол классик, 2009.
4. *Мейсон Н.* Inside Out: Личная история «Pink Floyd». СПб.: Амфора, 2009.
5. *Робинсон Дж.* Принцесса Монако. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2014.
6. *Пирожкова А.* «Я пытаюсь восстановить черты»: О Бабеле – и не только о нем: Воспоминания. М.: АСТ, 2013.
7. *Викентьев И.Л. Кайков И.К.* Лестница идей: Основы ТРИЗ в примерах и задачах. Новосибирск, 1992.
8. ОНА вне шаблона / Матущенко В.В., Гуменная М.Д., Крылова М.Г. и др.; гл. ред. А.А. Рыжачков. Т. 1: На работе. М.: Изд-во LIVREZON, 2021.

РАЗДЕЛ 6

ЖЕНСКОЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ АКТИВИСТОК ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ. ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОГО ЛИДЕРСТВА

О.Г. Агеева

Москва, Институт российской истории РАН

Женщины петербургского придворного общества и жизнь иностранный дипломатического корпуса в России XVIII в.

В первые десятилетия XVIII в. русские высокопоставленные женщины начали вести открытый образ жизни и стали постоянными участницами протокольных мероприятий императорского двора. В 1730-х – 1740-х годах, период завершения европеизации двора, они оказались участницами новых церемониалов, в которых было прописано выполнение особых ролей в дипломатической жизни как русских дам, так и жен европейских послов и посланников. Эти обязанности женщин петербургского света, связанные с российской внешней политикой, заслуживают особого внимания, так как демонстрируют вовлеченность женщин – представительниц столичной элиты – в государственную и общественную повседневность.

С российской стороны наиболее важную роль в протокольном общении с иностранными дипломатами играли придворные дамы, в число которых входили: обер-гофмейстерина – старшая придворная дама, гофмейстерина, отвечавшая за дамский придворный штат, статс-дамы (супруги некоторых высших чинов государства), камер-фрейлины и фрейлины. Помимо придворных дам, в дворцовых мероприятиях и этикетном общении с дипломатами вне двора, в том числе на посольских приемах, принимали участие жены приглашенных государственных чиновников (с 1-го по 8-й класс Табели о рангах). Участие в дипломатических мероприятиях светских дам не только украшало императорский двор, но и демонстрировало их почетное положение в обществе.

Имелись разные формы участия в дипломатической жизни светских дам. Одной из самых важных являлась их присутствие на церемониях аккредитации иностранных дипломатов. Например, приемные и прощальные аудиенции у императора и отдельно у всех взрослых членов правящего дома на их личных половинах, то есть при малых дворах. Окончательно проевропейскую форму аудиенций – публичных и партикулярных – определил принятый в 1744 г. церемониал приема послов первого ранга и посланников второго ранга [1], в дальнейшем дополнявшийся отдельными правилами.

Во время пышных публичных аудиенций у правящей особы, положенных только послам 1-го ранга, вручение верительных грамот или прощание дипломата проходили в Большом тронном зале в присутствии всего двора. При этом дамы занимали в зале правую сторону по пути следования посла к трону, тогда как кавалеры – левую (отсчет велся со стороны трона). Дамы стояли за канцлером и вице-канцлером в следующем порядке: обер-гофмейстерина, статс-дамы, фрейлины и далее жены высших государственных чинов и знати. Следует заметить, что публичные аудиенции давались крайне редко европейским послам, но всегда – восточным.

При партикулярных аудиенциях у императора и императрицы, которые давались послам и посланникам, во дворец приглашались только придворные дамы и кавалеры. Они находились в аванзалах по пути следования дипломата к Малому тронному залу (аудиенц-залу). Там его принимала только правящая особа с одним-двумя высшими чинами Коллегии иностранных дел. Если партикулярная аудиенция давалась в обычные дни, то приглашалось лишь несколько придворных дам (обычно статс-дам). Однако при дворе сложилась традиция приурочивать партикулярные и private (по текущим вопросам межгосударственных отношений) аудиенции к праздничным и воскресным дням. Тогда во дворце в парадных комнатах и аванзалах мог находиться весь двор.

На публичные аудиенции дамам особыми повестками предписывалось быть одетыми в роскошные протокольные платья – робы (от франц. *robe* – платье) или более скромные туалеты, к которым полагалось надевать дамские знаки отличия.

Во время аудиенций у великих княгинь в их приемных (парадная комната, парадная спальня с балдахином) присутствовало несколько чинов. По церемониалу 1744 г., у великой княгини следовало находиться гофмейстеру ее двора, гоф-даме (первой даме малого двора), статс-дамам и фрейлином [1, с. 69, п. 81].

Еще одной формой общения русских дам с дипломатическим корпусом были визиты. Приезд дипломатов сопровождался их «знакомством» с первыми лицами страны, к которым относились и дамы. По церемониалу 1744 г., после приемной (или прощальной) аудиенции посол или посланник обменивались визитами с канцлером и некоторыми другими чинами Коллегии иностранных дел [1, с. 70, п. 88–91], а затем с представителями высшей знати. Церемониал предписывал дипломатический обмен визитами с лицами первых четырех рангов (высшими) и их супругами (статс-дамами). Общее число таких персон в столице колебалось от 50 до 80 человек. Список для визитов составлялся в Иностранной коллегии и передавался дипломатам. По сохра-

нившимся спискам, в 1763 г. из 47 высших чинов, с которыми следовало обмениваться визитами, у 20 имелись супруги; кроме того, отдельные визиты нужно было нанести 6 статс-дамам двора [2]. В списке 1767 г. указаны 63 персоны, их 23 супруги и 5 статс-дам [3]; в 1775 г. – 50 персон, 10 их жен и 8 статс-дам [4].

Особые правила были установлены для приема жен послов при петербургском дворе. По церемониалу 1744 г., после оповещения обер-гофмейстерины о желании быть представленной правящей особе супруге посла давалась особая аудиенция. Во дворце ее встречал гоф-фурьер, затем в приемной статс-дамы и обер-гофмейстерина, которые провожали даму к императрице в аудиенц-зал и там представляли. Императрица принимала супругу посла «без церемонии» [1, с. 70, п. 92]. По специальному церемониалу представления жен послов 1768 г., в аванзале могли присутствовать статс-дамы и фрейлины, при представлении представляемая дама целовала руку императрицы, а та ее в щеку [5]. Кроме того, супруга посла после приезда также посылала объявить о себе первым дамам столицы, и далее следовал обмен визитами [1, с. 70, п. 94–95].

После приемной аудиенции и представления дипломаты и их супруги получали право посещать по приглашениям придворные праздники – маскарады, балы, театральные представления и пр.; участвовать в застольях, играть в карты, танцевать с высочайшими особами, свободно общаться с русскими кавалерами и дамами.

Список литературы

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 12. № 8908.
2. РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 16. Л. 169-170.
3. РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 20. Л. 13-14.
4. РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 21. Л. 74-75.
5. РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 28. Л. 39а-39б об.

Э.М. Титкова

Тверь, Тверской государственный университет

Частное и публичное в повседневности княгини К.Т. Бельджойзо как участницы Рисорджименто

Реалии итальянского национально-освободительного движения XIX в. открыли для женщин новые пути к социальной самореализации, состоявшие в многообразии форм женского участия в Рисорджименто [4, р. 177–178], что не могло не повлиять на повседневную жизнь итальян-

нок. Убедиться в этом позволяет личность княгини Кристины Тривульцио ди Бельджойозо (1808–1871) – активной деятельницы движения в 1830–1840-х годах. Ей приходилось сочетать общественную деятельность с личной жизнью и искать для себя источники восстановления жизненных сил, находившиеся вне публичной сферы, но необходимые для поддержания связи с ней. Определить, как именно аспекты частной и публичной жизни соотносились в повседневности К.Т. Бельджойозо, можно на основе источников личного происхождения – писем княгини к ее друзьям Жюлю Моллю и Каролине Жобер [2, 3], с кем она нередко делилась подробностями своей повседневной жизни.

Прежде всего стоит отметить, что приобретение княгиней опыта участия в общественной жизни способствовало становлению ее личности как лидера, уверенного в себе и своих инициативах. В основе подобного переосмысления ею своей роли в Рисорджименто, возможно, лежало воспитание К.Т. Бельджойозо – особое участие в нем принял ее отец, маркиз Алессандро Висконти д'Арагон, во многом ставший ее идейным вдохновителем [1, р. 4–5]. Однако, вероятно все же, именно каждое действие княгини в публичной сфере помогало ей делать следующий шаг и вновь заявлять о себе общественности. Среди этих действий наиболее важны организация салона в Париже в 1835 г., публикация статей и сочинений с 1842 г., издательская и редакторская работа в газетах и журналах Франции («La Gazette Italiana» 1845 г., «La Rivista Italiana» 1846 г., «Ausonio» 1846–1848 гг.) и Италии («Il Crociato», «La Croce di Savoia» 1848 г., «L'Italia» 1859 г.) и участие в революции 1848–1849 гг. (в событиях «Пяти дней Милана» и Римской республики). Через эту активность княгиня постепенно начала проявлять себя как лидер Рисорджименто и притягивать к своей личности все больше итальянцев. Другой вопрос состоит в том, какое значение сама княгиня придавала этим успехам, как сфере публичного, в сравнении с ее частной жизнью.

В целом, инициативы, которые княгиня реализовывала в поддержку единой Италии, имели для нее особое значение. На первом плане многих ее писем – личные самоощущения и рефлексия ее действий в публичном пространстве, что дает основания предположить приоритет общественной деятельности К.Т. Бельджойозо как черту ее повседневности. Так, при публикации критических материалов княгиня нередко сталкивалась с препятствиями, будь то австрийская цензура в итальянской печати или отказ в силу того, что она была женщиной (к примеру, некоторые общественные деятели из-за этого отказывались писать для основанной ею «La Gazette Italiana» [1, р. 15]). В любом случае в письмах княгиня не упускала возможности обозначать проблему как причи-

ну беспокойства. Во время революции 1848–1849 гг. темой ее писем к Ж. Молю [3, р. 143–144] стал поиск французских издательств, которые согласились бы опубликовать ее статьи. Успехи с публицистикой так же находили отражение в переписке, что подтверждает письмо Ж. Молю от 15 сентября 1846 г., где К.Т. Бельджойозо с гордостью сообщила о продаже номера журнала «Ausonio»: «...я узнала, что он был публично продан в Риме. Все это хорошо, и я не сомневаюсь, что мое упорство победит» [3, р. 143]. Аналогичным образом, вспоминая о днях, проведенных в Риме в 1849 г., княгиня в переписке с К. Жобер рассуждала об эффективности работы созданной ею женской службы помощи раненым [2, р. 48–50], в чем снова можно видеть ее живой интерес к осмыслению своего участия в общественной жизни, ориентированной на борьбу за объединение Италии. С этим было связано содержание публичной стороны повседневной жизни К.Т. Бельджойозо.

Кроме переживаний об Италии, в ее письмах обнаруживаются и мысли, направленные на частную сферу. В силу динамично меняющихся реалий, связанных с постоянными перемещениями между Италией и Францией и эмиграцией в Османскую империю в 1850–1855 гг., важно учитывать, что в разное время для К.Т. Бельджойозо частное имело неодинаковое наполнение. Постоянством отличалась лишь ситуация с ее мужем, князем Эмилио Барбиано ди Бельджойозо, – они прекратили жить вместе в 1828 г. [1, р. 5–6], и упоминания о нем оказались исключены из переписки.

Гораздо большее значение имело рождение внебрачной дочери Марии в 1838 г., которое привнесло в повседневную жизнь княгини не только опыт материнства, но и чувство ответственности за будущее дочери. Анализ писем показывает, что воспитание Марии изменило (или точнее – смягчило) черты характера К.Т. Бельджойозо: строки о дочери были не лишены эмоций. Это могли быть переживания о здоровье («дрожь охватывает меня каждый раз, когда я думаю, что это маленькое существо... было охвачено жестокой болезнью» [3, р. 124]), тревога и самокритика по поводу недостаточной заботы («когда я вижу румяные щечки моего маленького ангела, я боюсь, что слишком мало делаю, чтобы сохранить их» [3, р. 114]) или гордость за успехи в обучении («теперь она хочет научиться читать и каждое утро вбегает в мой кабинет... Она очень умна» [3, р. 110–111]). Данный аспект личной жизни княгини занял существенную часть ее повседневности и воспринимался ею как нечто сопоставимое по своей значимости с ее общественно-политическими инициативами.

В начале 1840-х годов в письмах княгини можно заметить возникший интерес к истории церкви, связанный с глубоко личными духов-

ными исканиями, в 1842 г. выразившийся в издании «Эссе о формировании католической догмы». Хотя «Эссе» было включено в «Индекс запрещенных книг», судя по письмам Ж. Моллю [3, р. 90, 109; 111–112], процесс работы над текстом был в центре внимания княгини с конца 1830-х годов.

К аспектам частной жизни К.Т. Бельджойозо стоит добавить тяготение к уединенной жизни в Локате (вблизи Милана), где находилось поместье семьи Тривульцио. О Локате княгиня всегда писала с большой душевной теплотой, называя его «своей любимой пустыней», куда она возвращалась с «детской радостью» [3, р. 103]. Вероятно, привязанность к месту давала сильный импульс заниматься его улучшением, что выразилось в благотворительной деятельности 1840-х годов. По мнению княгини, помощь местному населению (открытие школ для детей, и не только) должна была «сделать Локате образцовым муниципалитетом» и «превратить это логово разбойников в маленький Эдем» [3, р. 125, 134]. В условиях турецкой эмиграции похожим стало решение княгини проживать «в глубине Малой Азии», в купленном ею поместье Чакмакоглу [3, р. 146]. На Востоке в ее частную жизнь также вошла практика путешествий, приносившая опыт межкультурного взаимодействия и новые впечатления.

Таким образом, сочетание частного и публичного в повседневности К.Т. Бельджойозо было взаимодополняющим: определяя общественную деятельность главным вектором своей самореализации, княгиня так или иначе обращалась к частной стороне жизни, многое из которой являлось для нее не менее значимым, чем участие в Рисорджименто. Если публичная активность открывала для нее возможности раскрытия лидерских качеств, то материнство, интерес к религии, уединение, поиск себя в благотворительности можно считать ее жизненными ресурсами, помогавшими на время отстраняться от публичного пространства, чтобы возвращаться с новыми силами и идеями, а также справляться с долей общественной критики, направленной на ее личность. Такое содержание повседневной жизни подводило К.Т. Бельджойозо к репрезентации многогранной роли женщины в обществе, которая была готова пересекать границу между частным и публичным, но в то же оставаться заботливой матерью и находить в частной сфере то, что вело бы к личностному развитию и вдохновляло бы на новые начинания.

Список литературы

1. *Barrago F.* Cristina di Belgiojoso, la principessa buona. Cagliari: L'Universale, 2019. 112 p.
2. *Lettere di C.T. di Belgiojoso a C. Jaubert. 1849–1850 // Ricordi dell'esilio / A cura di L. Severgnini.* Rome: Edizioni Paoline, 1978. P. 23–188.

3. *Lettere de C.T. di Belgiojoso à J. Mohl. 1835–1868* // Tatti S. *La scrittura epistolare di Cristina di Belgiojoso e le lettere inedite a Jules Mohl (1835–1868)* // *Franco-Italica*. 1998. № 13. P. 89–156.

4. *Russo A. «Dio protegga l'Italia, guai a chi la tocca!» Il Risorgimento nazionale attraverso le lettere di alcune patriote* // *Storia delle Donne*. 2011. № 7. P. 177–198.

М.Г. Петухова

Московский педагогический государственный университет

**Трудный путь к профессиональному признанию
русских женщин-врачей во второй половине XIX в.
(по воспоминаниям А.Н. Паевской)**

После окончания Крымской войны в 1856 г. и вплоть до начала Первой мировой в 1914 г. в Европу, особенно Германию и Швейцарию, а позже в Париж устремился поток выходцев из России, желающих получить университетское образование. Среди них выделялись студентки-медики [5].

Немецкий журналист К.В. Бемерт, в работе «Университетское образование женщины» обращает внимание на русских студенток медицинских курсов, как основную массу слушательниц [1, с 8–9]. По этническому составу, в частности летнего набора 1872 г., 44 слушательницы из 51 приехали из России, одна из Англии, две из Швейцарии и три из Германии.

Первая из русских женщин, ставшая доктором медицины, создав в 1864 г. прецедент, Надежда Прокофьевна Суслова (1843–1918) привлекла внимание к высшему медицинскому образованию не только соотечественниц, но и европейских женщин.

Активный наплыв российских студенток в 1860-е годы в страны Европы не мог не вызвать внимания общественности. С одной стороны, чтобы покинуть страну, девушки вступали в фиктивные браки, что с точки зрения религии и общества не могло считаться моральным. С другой стороны, в их отъезде мог усматриваться и политический подтекст, не исключались подозрения полиции в возможных связях слушательниц с движением народников.

В жизни Аделаиды Николаевны Паевской (1843–1908) было и то, и другое: фиктивный брак со студентом Медико-хирургической академии Ю.А. Луканиным, необходимый для выезда в Цюрих с целью получения образования, и связи с народниками, ставшие причиной ее ареста. Профессионализм и знание жизни послужили источником для ее по-

следующей активной деятельности в российской провинции по организации бесплатного здравоохранения для женщин. Большую известность Аделаида Николаевна приобрела благодаря своим рассказам и повестям, которые печатались в журналах «Вестник Европы» и «Северный вестник». Занималась она и переводами. В своих воспоминаниях Паевская писала, что русские студентки-медики отправлялись и в Америку. Она описала отличия в образовании, получаемом в Европе и Америке: «В начале 1875 года я кончила курс медицинских наук в Ц. (Цюрихе, – М.П.) Вдруг словно снег на голову свалились известия и письма, заставившие меня бросить диссертацию, и друзей и старый дорогой университет, где я первый раз получила хоть какие бы то ни было ответы на свои проклятые вопросы [2, с 1]». Она уехала в Америку.

Скорее всего, к поездке в Америку ее вынудил указ 1873 г., запрещающий молодежи из России учиться в Цюрихе. Это касалось как молодых людей, так и девушек. Указ был опубликован в европейских газетах, «Причем правительство угрожало, – писала, Паевская, – что вернувшиеся в Россию после 1 января 1874 года, студенты лишатся всякой возможности устроиться в России, получить какой-либо заработок и т.д.» [3].

По прибытию в Филадельфию Аделаида Николаевна столкнулась со значительными различиями в подготовке врачей в Цюрихе и Америке. Прежде всего, это было раздельное обучение мужчин и женщин. Однако такая модель ей была знакома еще по России.

Паевская приехала в Америку с рекомендательным письмом от медицинских курсов в Цюрихе, адресованном в *Woman's Medical College of Pennsylvania*, который был основан в 1850 г. Это было второе медицинское учреждение в мире, созданное для обучения женщин медицине, и там можно было получить в случае научных и практических заслуг степень доктора.

Тем не менее отношение к учащимся женщинам-медикам и в Америке было разным. Далеко не все готовы были допустить женщин к медицине. В воспоминаниях Паевская поделилась впечатлением, переданным ей своей наставницей миссис Бодлей о местном докторе Дигли, по совместительству он был еще и преподавателем в колледже: «Он терпеть не может учащихся женщин... да и не он один, а большинство американских врачей мужчин... Он один из лучших врачей города и читает клинические лекции нашим студенткам, но ему это до того неприятно, что он стоит спиной к своим слушательницам» [2, с. 32]. Образ мужчины вообще редко встречается, на страницах воспоминаний Паевской.

Аделаида Николаевна являлась одной из немногих русских студенток в Америке, что было крайне редким явлением. В воспоминаниях лишь однажды упоминается студентка из России. Её звали Вера Яковлевна Б. (видимо, из соображений безопасности, автор не назвала фамилию подруги). Прослушав лекции на педагогических курсах, где они и познакомились с Паевской, Вера поехала в Америку. Встретившись там, однокурсницы пришли к выводу, что жизнь в американских семьях психологически тяжела и стоит найти несколько единомышленниц. То есть возникла идея о кооперативном совместном проживании по территориальному признаку, уже тогда известная и практикуемая в Европе.

Паевская прожила в Америке год. Она отмечает хорошую подготовку там акушеров и гинекологов, хирургов и узких специалистов. Однако, по ее словам, «широкая практика и химия очень хромает», не хватает аптек. Ей советовали: «Брось профессию врача... Аптека прихвальной» [2, с. 28]. Организация практики была поставлена таким образом, чтобы будущий врач сам искал больницу, чтобы его кто-то взял «посмотреть» за процессом. Чужой опыт ставится выше своего, поэтому будущий врач лишен возможности приобретения навыков самостоятельной диагностики. Отсутствовала и материальная поддержка в виде стипендии, что создавало дополнительные трудности [2, с. 102].

Подводя итог своим наблюдениям, Паевская сравнивает медицинскую практику в Европе и Америке в XIX в. Если европейский университет представляется ей как «старый глубокий ученый», который может найти «истину», то американский колледж – это «молодой свежеспеченный учитель», который добивается от своих учеников: «усвоения чужого опыта» [2, с. 102–103].

Воспоминания Аделаиды Николаевны являются интересным источником для изучения повседневности женщин-студенток и мировоззрения американских женщин-врачей. Получив хорошее образование в России и Европе, Паевская проделала сложный путь, чтобы стать доктором. Ее жизненный опыт позволял ей сравнение не только подготовки врачей, но и социально-политических аспектов жизни на двух континентах.

Список литературы

1. *Бемерт В.* Университетское образование женщины. СПб., 1873. С. 8–9.
2. *Паевская А.Н.* Год в Америке: Из воспоминаний женщины-врача. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1892. 299 с.
3. Правительственный вестник. 1873. № 120.

4. Русские писатели. 1800–1917 // Большая Российская энциклопедия. Т. 4. М., 1999. С. 503–504.

5. Руднева Я.Б. Русские студентки в университетах Западной Европы во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 11(113). С. 41–47.

Н.В. Черникова

Москва, Институт российской истории РАН

За спиной реформатора: княгиня Е.А. Черкасская и подготовка крестьянской реформы 1861 г.

Роль женщины в обществе XIX в. оставалась традиционной. В полном соответствии с библейскими текстами ее главной задачей провозглашались ведение дома и помощь мужу. Однако эта последняя функция нередко обращалась в достаточно активное, хотя и опосредованное участие женщин в общественной жизни того времени.

Одной из неоцененных деятельниц той поры остается жена видного деятеля крестьянской реформы 1861 г. князя Владимира Александровича Черкасского княгиня Екатерина Алексеевна (1825–1888).

Княгиня Черкасская всей душой разделяла стремления мужа, во всем его поддерживала и тяжело переживала его неприятности. В декабре 1858 г. Черкасский даже был вынужден уговорить жену на время уехать из Тулы к сестре. Дело в том, что Черкасские принадлежали к тульскому дворянству, в среде которого существовало сильное недовольство позицией Черкасского по крестьянскому вопросу, обсуждавшемуся в то время губернскими комитетами. Говорили даже об оскорблении Черкасским всего дворянства и о возможности его исключения их состава тульского дворянства на очередном дворянском собрании [4, т. 1, с. 266]. Но в конце концов ситуация разрешилась благополучно.

Княгиня Екатерина Алексеевна не была обычной светской дамой. Дом Черкасских в Москве был одним из центров интеллектуальной жизни. Супруги не устраивали больших приемов, но их обеды и небольшие вечера всегда сопровождались умной и оживленной беседой, в том числе и благодаря подбору женского общества – дам, «которые умели и слушать, и понимать, и поддерживать разговор» [2, с. 80].

В марте 1859 г., когда В.А. Черкасский был вызван в Петербург для участия в Редакционных комиссиях в качестве эксперта, жена отправилась вместе с ним. Супруги остановились в Михайловском дворце, куда их пригласила великая княгиня Елена Павловна. Последовательная и активная сторонница эмансипации, инициатор освобождения

крестьян в своем Карловском имении [3], Елена Павловна к тому времени успела оценить Черкасского и как знающего образованного человека, и как помещика-практика.

Однако работа в Редакционных комиссиях оставляли Черкасскому мало времени для общения с великой княгиней. Эту функцию взяла на себя Екатерина Алексеевна. К тому времени их брак продолжался почти 10 лет, и супруги были настолько близки, что Черкасский, нередко писал своим друзьям «через жену». И наоборот, адресуя письма Екатерине Алексеевне, его друзья могли быть уверены, то их содержание обязательно будет доведено до Владимира Александровича [4, т. 1, с. 55, 295–296]. Таким же образом велась переписка Черкасских с Еленой Павловной во время ее отсутствия в Петербурге. В этих письмах Черкасская показала себя настоящей соратницей мужа. Она была в курсе мельчайших подробностей проходивших в Комиссиях прений, с негодованием писала о складывавшийся при дворе и в чиновных кругах оппозиции готовящейся реформе [4, т. 2, с. 48–49, 58–59, 61, 62].

В Петербурге Черкасская оказалась в центре событий. На квартире супругов проходили постоянные встречи и обсуждения. Нередко Екатерина Алексеевна вместе с мужем приходила к Н.А. Милютину, у которого также часто устраивались совещания, и они с Марией Аггеевной (женой Милютина) «и в городе и на даче часто долго просиживали вместе и старались прислушиваться к прениям» [4, т. 2, с. 172]. Конечно, Черкасские не были исключением, поддержку со стороны семьи ощущали многие члены Редакционных комиссий. В Петербурге в это время сложился «женский кружок», в который, помимо Е.А. Черкасской и М.А. Милютиной, входили В.Н. Ростовцева, Е.В. Галаган, Е.С. Шеншина (вдова активного сторонника освобождения крестьян Н.В. Шеншина) [4, т. 2, с. 71, 94]. Княгиня Черкасская участвовала в обедах, на которые Елена Павловна приглашала главных сотрудников Редакционных комиссий, была постоянным посетителем знаменитых «четвергов» великой княгини.

Общение с основными деятелями реформы и близкие отношения, сложившиеся с Еленой Павловной, позволили Черкасской стать важным источником информации для обеих сторон. Елене Павловне это помогало действовать более осознанно и целенаправленно при дворе, а членам Редакционных комиссий – быть в курсе позиций императора, императрицы, вел. кн. Константина Николаевича и крупных чиновников. Представляя себе расстановку сил, зная о поддержке со стороны императора, писала М.А. Милютина, «члены Редакционной комиссии [так!] несмотря на разность взглядов и мнений, в виду все более и более возрастающей оппозиции, сливались теснее и дружнее в одно целое» [1, с. 582].

Записи дневника кн. Черкасской показывают фон работы Редакционных комиссий с непривычной для исторической науки «женской» стороны. Впрочем, от привычной «мужской» истории она отличается не содержанием, а лишь способами решения вопросов. Беседы Черкасской с великой княгиней включали обсуждение расстановки сил и необходимости повлиять в нужном направлении не только на императора и вел. кн. Константина Павловича (здесь княгиня Черкасская, разумеется, была бессильна), но и на тех, к чьему мнению они прислушались. В первую очередь речь шла о пользующемся большим влиянием на великого князя А.В. Головнине. Нужно, считала Елена Павловна, «видеться, сговориться с ним, не действовать в розницу и стараться поставить его в хорошие отношения со всеми остальными». «Женщина в этих случаях делает больше мужчин», – считала великая княгиня [4, т. 2, с. 27]. Княгиня Черкасская стала активной помощницей Елены Павловны в борьбе против интриг, вместе, каждая со своей стороны, они пытались заинтересовать крестьянским вопросом императрицу, правда, в этом последнем случае их усилия потерпели неудачу.

Таким образом, деятельность княгини Черкасской во время подготовки крестьянской реформы далеко не ограничивалась чисто супружеской поддержкой мужа. Ее активная позиция (как и позиция других реформаторов) во многом способствовала образованию того круга единомыслия и поддержки, той «условной среды» (Ю.Ф. Самарин) [4, т. 2, с. 258, примеч. 1] которая позволила реформаторам не отступать от основных положений своего проекта, давала им уверенность в возможности реализации своих идей.

Список литературы

1. Милютина М.А. Из записок Марии Аггеевны Милютиной // Русская старина. 1899. № 3. С. 575–601.
2. Русское общество 40–50-х годов XIX в.: в 2 ч. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. Ч. 2: Воспоминания Б.Н. Чичерина / сост., ред. и предисловие С.Л. Чернова. 252 с.
3. Сафронова Н.В., Аминова А.Х. «Карловская» инициатива Елены Павловны Романовой // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Studis historica juvenum. 2009. №1 (5). С. 42–46.
4. Трубецкая О.Н. Материалы для биографии кн. В.А. Черкасского: в 2 т. М.: тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, преобр. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1901–1904. 518 с.

В.Н. Романишина

Москва, Российский государственный гуманитарный университет

**Повседневность участниц революционного движения
на рубеже XIX–XX вв.**

К концу XIX в. в революционном движении в России участвовало много женщин. Среди основных причин вовлечения женщин в оппозиционную деятельность были ущемления в семейных правах (принцип главенства мужчины) и трудовых отношениях (сложность с трудоустройством, неравенство в оплате труда при большой нагрузке в 12-14 часов). С середины 1880-х годов стало заметно возрастать применение женского труда на фабриках и заводах. Так, удельный вес женщин в текстильной промышленности только в Петербурге составлял 43,9% в 1890 г. и 55,6% в 1900 г. [5, с. 111].

Постепенно многие работницы втягивались в общественно-политическую деятельность и пополняли ряды борцов за новый, более справедливый социалистический строй. Очень многие активистки вступили на революционный путь в 15-16-летнем возрасте и включились в работу со всем пылом ранней юности. Идейность, искренность, жертвенность и самоотречение стали определяющими чертами русской революционерки. Странники марксистских идей, многие из которых являлись членами Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), участвовали в подпольной работе, организовывали просветительские кружки для рабочих, писали листовки, распространяли запрещенную литературу, доставали деньги на нужды партии. При этом им приходилось соблюдать конспирацию, прятать нелегальную литературу, которую многие приноровились перевозить в коробках из-под шляп и тортов, держать в памяти многие имена, адреса и пароли, научиться шифровальному делу. Больших успехов в шифровании достигла Елена Дмитриевна Стасова, одним из псевдонимов которой был «Абсолют», умевшая шифровать цифрами также быстро, как писать буквами. В своих воспоминаниях она приводила пример шифровки слова «провокаатор»: 2134162916675633, 15622 – «сплошной ряд цифр, и только в одном месте стоит запятая для того, чтобы показать, что 15 это не 1-я строка, 5 буква, а 15 строка, 6 буква» [8, с. 33]. Кроме того, женщинам поручалось не только доставать бумагу и печатать листовки на гектографе, но и изготавливать гектографическую массу из желатина и глицерина [8, с. 29].

На женщин возлагались надежды как на связных, умеющих грамотно провести шпики (филеров), как называли агентов охранного отделения, и организовать явочные квартиры для встреч. Многие старались

устроиться на работу в библиотеку или в книжный магазин, что позволяло не только хранить в этих учреждениях нелегальную литературу, но и использовать их для явки. Правда, порой происходили и забавные случаи. Е.Д. Стасова вспоминала, как однажды в целях конспирации она оделась как дама из высшего света в модную шляпку с соболем и вуалетку и пришла в Академию художеств, являвшуюся одним из явочных мест. Однако никто из подпольщиков так и не решился к ней подойти, не признав в ней «своего» товарища [8, с. 31]. Таланты женщин в конспирации сыграли важную роль и в годы революции 1905–1907 гг. Например, 29-летняя Розалия Самойловна Залкинд (Землячка), являясь одним из руководителей Декабрьского вооруженного восстания в Рогожско-Симоновском районе Москвы, переодевалась старухой и пробиралась в самые опасные места города [9, с. 4].

Большое значение имела деятельность женщин как агентов ленинской «Искры», вышедшей с декабря 1900 г. за границу и ставшей объединительным органом марксистов в России. Секретарем газеты, налаживавшим связи с партийными организациями в России, была Надежда Константиновна Крупская. Агентами газеты «Искра» являлись Елена Стасова, Конкордия Самойлова, Розалия Залкинд (Землячка), Глафира Окулова-Теодорович, Ольга Варенцова, Зинаида Невзорова, которые для перевозки и распространения газеты были вынуждены прибегать к различным хитростям. В частности, склеенные экземпляры газет, спрятанные в переплеты «невинных» книг, привозились из-за границы, затем переплет снимался, газета размачивалась в теплой воде, высушивалась и была готова к прочтению. В одной из мастерских Санкт-Петербурга изготавливались гипсовые фигуры с «начинкой» из газет и листовок [4, с. 87].

Для выполнения различных поручений большевистской партии женщинам, включая агентов «Искры», приходилось часто переезжать из одного города в другой. Так, Конкордия Самойлова в 1903–1906 гг. работала в Твери, Одессе, Ростове-на-Дону, Москве, Луганске, Харькове; Ольга Варенцова в 1901–1906 гг. – в Иваново-Вознесенске, Воронеже, Астрахани, Вологде, Егорьевске, Санкт-Петербурге, в Уфимской, Ярославской, Костромской, Владимирской губерниях.

Рано или поздно женщины, участвующие в запрещенной революционной деятельности, были вынуждены либо выехать в эмиграцию, как поступили Инесса Арманд и Александра Коллонтай, либо подвергнуться арестам и ссылкам. Как отмечал прозаик и публицист А.В. Амфитеатров, «для всех этих женщин, покуда они в России, жизнь делится на тюрьму и деятельность. Если они не в тюрьме, значит – они агитируют. Если они не агитируют, значит, они в тюрьме»

[1, с. 54–55]. Так, после разгрома «Северного рабочего союза» Ольга Афанасьевна Варенцова была арестована, более года провела в заключении в Бутырской тюрьме и три года в ссылке. Семь раз она сидела в тюрьмах и четыре раза ссылалась. Из последней вологодской ссылки она вернулась летом 1916 г. [7, с. 91–99]

Самой известной российской сиделицей была «бабушка русской революции» Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская, которая провела в тюрьмах и ссылках 22 года. Она была одной из первых узниц, описавшей свои ощущения и те условия, в которых приходилось существовать заключенным. «Монотонность одиночного заключения медленно подтачивает силы любого узника. Всем пяти его чувствам недостает пищи, а кроме того, он испытывает духовный голод. Его глаза видят только серые стены клетки, его уши слышат только щелчки ключей в замках. Безвкусная и порой вредная тюремная еда умертвляет его аппетит, а душная зловонная атмосфера притупляет его обоняние. Даже его осязание отмирает из-за нехватки нормального движения и свежего воздуха» [2, с. 122]. И в то же время она «считала себя счастливой, поскольку нашла дело жизни, удовлетворявшее... внутренним побуждениям и требовавшее приложения всех сил» [2, с. 245].

Революционная борьба не исключала влюбленности и искренних чувств между революционерами. Общность взглядов и совместная подпольная деятельность часто вели к зарождению дружеских отношений, порой перераставших во взаимную любовь, в результате которой создавались семьи и рождались дети. Крепкие «революционные» браки сложились у Надежды Крупской и Владимира Ульянова (Ленина), Клавдии Новгородцевой и Якова Свердлова, Нины Дидрикуль и Николая Подвойского, Голды Горбман и Климента Ворошилова, Клавдии Кирсановой и Емельяна Губельмана (Ярославского), Зинаиды Невзоровой и Глеба Кржижановского. В семье Подвойских родилось шесть детей, в семьях Свердловых и Ярославских (Губельман) – по двое детей.

Несмотря на постоянный риск ареста и сами аресты, любящие пары старались поддерживать друг друга и всячески опекать. Сохранилась записка Н.И. Подвойского из тюрьмы к своей будущей жене Нине Августовне, в которой он просил не хлопотать о нем и тем самым не подвергать себя риску ареста, содержащая такие строки: «Не все ли равно, здесь ли я, там ли, душой я все время с тобой» [3, с. 43]. Я.М. Свердлов в одном из своих писем к жене, Клавдии Тимофеевне Новгородцевой, сделал такое признание: «Когда мы с тобой встретились, я был достаточно примитивен. Ты сумела возбудить во мне целую гамму новых,

порою сложных, переживаний. Ты во многом способствовала моему “довоспитанию”, если можно так выразиться» [6, с. 234].

Складывающиеся в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. политические и социокультурные условия создали почву для появления активных женских личностей, оказывающих существенное влияние не только на революционные процессы, но и на всех, кто находился рядом с ними.

Список литературы

1. *Амфитеатров А.В.* Женщина в общественных движениях России. СПб., 1907.
2. *Брешко-Брешковская Е.К.* Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920. М., 2006.
3. *Ефимов Н.Е.* Товарищ Нина [о Н.А. Подвойской]. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1969.
4. Женщины русской революции. М.: Политиздат, 1982.
5. *Пушкарёва И.М., Пушкарёва Н.Л.* Женщины в российском рабочем движении 1890–1917 гг.: вопросы и историографические обобщения // Женщина в российском обществе. 2020. № 4. С. 109–125.
6. *Свердлов Я.М.* Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1957–1960.
7. Славные большевички / подготовка Е.Д. Стасовой и др. М.: Госполитиздат, 1958.
8. *Стасова Е.Д.* Страницы жизни и борьбы. М.: 1957.
9. Типы большевиков-партийцев // Рабочая Москва. № 228 (500). 11 октября 1923 г.

Н.П. Матханова

Новосибирск, Институт истории Сибирского отделения РАН

«Попутчицы» женского движения: случай А.М. Арцимович

В большинстве исследований, посвященных женской истории в России XIX в., изучались судьбы женщин, увлеченных идеей эмансипации, участвовавших в женском движении. Под ним принято понимать «совокупность женских организаций с фиксированным и нефиксированным членством, действовавших для обеспечения гендерного равноправия в различных сферах женской деятельности, удовлетворения политических и социальных интересов» [13, с. 15; 10, с. 21]. За пределами исследовательского интереса остаются женщины образованной и привилегированной части общества, не принимавшие уча-

ствия в женском движении, в частности, жены крупных чиновников. Они активно участвовали в общественной жизни, порой много времени уделяя не только благотворительности и помощи мужьям, но и политике, влияли на общественное мнение [9, с. 54, 57].

С другой стороны, в последние десятилетия интенсивно изучается особая категория имперских чиновников – либеральных (просвещенных) бюрократов. При этом, за немногими исключениями [5, 6], не обращается внимания на взгляды, деятельность, поведенческие практики их жен.

Какой была семейная жизнь либеральных бюрократов, как они и их жены относились к женскому вопросу и женскому движению, насколько сохранялись в их семьях патриархальные традиции, было ли нечто общее, что отличало положение их жен и дочерей, – все эти вопросы требуют особого рассмотрения. Попытка ответить на часть из них на примере одной биографии представлена в настоящем докладе.

Анна Михайловна Арцимович (урожд. Жемчужникова, 1832–1908) – жена выдающегося государственного деятеля В.А. Арцимовича, известного своим активным участием в осуществлении реформ 1860-х годов. Сохранились ее письма к брату, известному поэту А.М. Жемчужникову, переписка с мужем, очерки полумемуарного характера его коллег, подчиненных и друзей.

А.М. Арцимович, как и абсолютное большинство дам ее круга, не отказалась от традиционной роли жены и матери, что Б. Пиетров-Эннкер считает принципиально важным для формирования новой идентичности. Она не принадлежала к «новым женщинам» – участницам социальных и политических движений, не была связана с «радикальной культурой противодействия» [8, с. 201]. Используя терминологию иной эпохи, ее и таких как она, можно именовать «сочувствующими» или «попутчицами». Подобных женщин, очевидно, было немало и, несмотря на очевидный анахронизм, это слово довольно точно определяет их место. Жены и дочери высокопоставленных чиновников участвовали в петиционной кампании, подталкивали мужей к лоббированию женского профессионального образования, жертвовали средства. Граница между «попутчицами» и участницами движения была подвижной и условной – ведь даже А.П. Философова не порвала с семейными ценностями и светской жизнью.

А.М. Арцимович осуществляла, по письменным указаниям периодически пребывавшего в командировках в Петербурге мужа, калужского губернатора, фактическое руководство либеральной группой местных мировых посредников и чиновников. В.А. Арцимович писал ей: «Передай Андрею Васильевичу [Оболенскому] и друзьям, что на

общем съезде мир[овых] поср[едников] нужна особая, твердая, но спокойная осмотрительность» [2, л. 22]. Анна Михайловна отвечала: «Пожалуйста, продолжай делать из меня, как ты выразился, деловую женщину (подчеркнуто мною. – *Н.М.*)»; «Все, что ты написал, передала кому следует»; «...почти все посредники бывают у меня, некоторые – по два-три раза»; «Решено напечатать мнение Щукина по делу Невитского. Хорошо бы, если бы газеты это перепечатали... более желают, чтобы в Московских ведомостях»; «Твоя депеша очень обрадовала меня и милых посредников... Вечером многие собрались у меня», далее она подробно излагала со слов мировых посредников ход составления уставных грамот, сообщала о своих попытках заступиться перед новым губернатором Э.В. Лерхе за ближайших помощников Арцимовича и т.д. [3, л. 8, 13об., 14об., 16об., 18, 18об.]. Особую, и весьма активную роль играли В.А. и А.М. Арцимовичи в открытии Калужской женской гимназии (подр. см.: [1]) и покровительстве частной школе Вырских [12, с. 458–464].

Впоследствии, в бытность в Петербурге, А.М. Арцимович и ее муж не только сочувствовали делу вовлечения женщин в профессиональную трудовую деятельность, но и участвовали в нем, одобряли и поддерживали своих дочерей, получивших профессиональное образование и ставших педагогами. В.А. Арцимович возглавлял Общество помощи учившимся на медицинских и педагогических курсах, а А.М. Арцимович занималась «составлением отчетов, ...казначейского и секретарского», этого общества [6, л. 1об.]. В 1880-е – 1900-е годы А.М. Арцимович и ее дочери участвовали в институциональных формах женского движения – ассоциациях, которые поддерживали учащихся, работающих и/или бедных женщин (см.: [4]).

А.М. Арцимович являлась помощницей, единомышленницей, идейной соратницей мужа, активной участницей осуществленных им реформаторских преобразований. На примере ее жизни можно проследить процесс изменения традиций и становления новых норм, ценностей и поведенческих практик в жизни женщин, не ставших участниками женского движения, но сочувствовавших ему.

Список литературы

1. Белкина Е.Е. Среднее женское образование в 1850–1860-е гг.: открытие первой женской гимназии в Калуге // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 2013. № 3. С. 70–78.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 815. Оп. 1. Д. 472.
3. ГА РФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 474.

4. *Матханова Н.П.* Письма сестры и племянницы к поэту А.М. Жемчужникову: женский взгляд на события в России (конец XIX – начало XX века) // Петербургский исторический журнал. 2021. № 2. С. 74–81.

5. *Морозова Е.Н.* Историко-психологический портрет семьи реформатора (на примере семьи Н.А. Милютин) // Жизнь в городе: частная и общественная. Саратов: Наука, 2009. С. 33–47.

6. *Морозова Е.Н.* Н.А. Милютин в воспоминаниях и эпистолярном наследии его жены, М.А. Милутиной // Известия Саратовского ун-та. Сер.: История. Международ. отношения. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 25–32.

7. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 101. Карт. 4815. Д. 10.

8. *Пиетров-Эннкер Б.* «Новые люди» России: развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М.: Изд. центр РГГУ, 2005.

9. *Пушкарева Н.Л.* «Дерзкие и беспокойные» (Женская история России 1801–1905 гг.) // Отечественная история. 2002. № 6. С. 52–66.

10. *Пушкарева Н.Л., Пушкарева И.М.* Два века женского движения в России и его современное состояние // Женщина в современном обществе. 2021. № 2. С. 17–27.

11. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 639. Оп. 2. Д. 38.

12. *Сахаров Н.В.* Школа В.Ф. и А.Ф. Вырских // Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. С. 446–466.

13. *Хасбулатова О.А.* Женское движение в современной России // Женщина в современном обществе. 2019. № 3. С. 14–26.

Н.Б. Хайлова

Москва, Институт российской истории РАН

Юлия Степановна Еремеева – женщина-агроном в начале XX в.

Еремеева Юлия Степановна (? – после 1935) – дворянка, на руб. XIX–XX вв. владелица образцового имения (120 десятин пахотной земли) в с. Борщев Кичкировской волости Радомысльского уезда Киевской губернии. Она совмещала интенсивную хозяйственную деятельность в своем поместье с просвещением местных крестьян: учила детей в сельском народном училище, а взрослое население деревни приобщала к передовым методам земледелия.

Не понаслышке знала она о тяжелом положении дел в крестьянских семьях и их хозяйствах на юго-западе России – в Волынской и Киев-

ской губерниях. Между тем, по ее словам, немцы-колонисты в тех краях вели «прекрасное хозяйство», а местные крестьяне хотели повторить этот опыт, но «не умели сделать этого».

Еремеева занялась поиском доступных для крестьян книг о ведении прогрессивного хозяйства, однако таковых в России не нашлось. Летом 1899 г. она отправилась в Саксонию, чтобы посмотреть, как ведется там крестьянское хозяйство. Сняв комнату в деревне Бернгиц (вблизи города Ломмач), Еремеева стала наблюдать за полевыми работами сельчан, изучала сочинения экономистов и в результате пришла к выводу, что ситуация в российской деревне к началу 1900-х годов во многом напоминала хозяйство в немецких землях столетие назад.

Главным реформатором немецкого земледелия Еремеева считала агронома И.-Х. Шубарта (1734–1787), который первым ввел посев клевера на полях. Его труды имели заметный отклик в Европе и были переведены на французский, английский, шведский и др. языки. Характеризуя авторитет Шубарта у европейских монархов, Еремеева указывала, что в их числе была и Екатерина II, которая приглашала его переехать в Россию, «чтобы учить сельскому хозяйству, обещая ему баронский титул, огромные пространства земли и блестящие денежные условия». Однако Шубарт от поездки в Россию отказался.

Еремеева стала первым в России популяризатором агрономических опытов Шубарта. Она перевела и в 1901 г. опубликовала ряд его сочинений, сопроводив их собственными размышлениями о том, «как завести у нас хозяйство, предложенное Шубартом», и подробным руководством для крестьян [10]. Эта книга приобрела особую актуальность с началом столыпинской аграрной реформы и была переиздана в 1906 г. Еремеева выступала сторонницей хуторского хозяйства, развивала мысль о том, что «для наших крестьян другого средства для улучшения своего хозяйства нет, как держать скот в стойлах и сеять корм для него на паровом поле» [11].

Она была убеждена в том, что спасительным средством для российских крестьян является не дополнительное наделение их землей, а переход на «систему Шубарта». «Необходимо учить народ культурному хозяйству, – писала она. – Когда правительство признает, что необходимо спасение русских крестьян от голода – земледельческая культура, что сильным может быть только культурное государство, и твердо пойдет по этому пути, тогда оно встретит сочувствие и поддержку людей, которым дорого общее, а не свое только личное благо. И опираясь только на этих людей, оно может достигнуть своей цели – сделать русский народ богатым и сильным» [2, с. 17].

Публикация книги Шубарта принесла Еремеевой известность. Ее статьи печатались в общероссийских периодических изданиях («Хутор», «Северное хозяйство» и др.). Взгляды Еремеевой по аграрно-крестьянскому вопросу были близки либералам-центристам «Московского еженедельника» во главе с кн. Е.Н. Трубецким [9]. Она разделяла обеспокоенность той части ученых и общественных деятелей, которые предвидели опасность обезземеливания малоземельных крестьян в результате столыпинского землеустройства и были озабочены тем, как не допустить образования «деревенского пролетариата». Еремеева не верила в возможность интенсификации крестьянского хозяйства при сохранении общинного пользования землей. Она призывала «интеллигентное общество» научить крестьян тому, «как могут они завести выгодное хозяйство и на своих клочках земли».

Еремеева – участница обсуждений проблем русской деревни в Вольном экономическом обществе. Ее доклады неоднократно публиковались [2, 5, 6]. Заинтересованное население имело возможность приобретать эти брошюры по доступной цене в книжных магазинах Киева, Одессы и Петербурга. Кроме того, ею был организован склад собственных изданий в г. Радомысль и непосредственно в с. Борщев.

О жизни Еремеевой после 1917 г. известно мало. В 1925 г. ее лишили прав на землепользование и вместе с семьей выселили из Борщева [1]. Однако, несмотря на драматичные перипетии в судьбе страны, она продолжала заниматься просвещением крестьянства, выступала за подъем культуры крестьянских хозяйств [4]. Эти идеи оказались востребованными в связи с переходом к коллективизации. Путь организации мелких крестьянских хозяйств в крупные объединения представлялся ей «самым верным выходом отечественного сельского хозяйства из многолетнего “заколдованного круга”»: “корма мало – мало скота, а раз мало скота – мало и навоза, а раз мало навоза – урожай плохи, а раз урожай плохи, значит кормов мало и так далее”». Оптимизм женщины-агронома был основан на том, что «только в крупных хозяйствах возможно с наибольшей выгодой применять сельскохозяйственные машины», а также эффективно использовать механизм разделения труда [7]. Последняя публикация Еремеевой вышла в 1935 г. Это был популярный очерк о «жизни почвы» [3].

Список литературы

1. Государственный архив Киевской области (ГАКО). Ф. Р–126. Оп. 3. Д. 17. URL: <https://ukrfamily.com.ua/kievskaya-guberniya/radomyslskij-uezd/kichkirovskaya-volost/borshchev-selo> (дата обращения: 26.04.2023).

2. *Еремеева Ю.С.* Агрономическая помощь крестьянскому населению. Доклад 1-му Отд. Имп. Вольного экономического общества, прочит. в заседании 22 января 1909 г. Киев: тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1909. 32 с.

3. *Еремеева Ю.С.* Жизнь почвы / под ред. акад. В.Р. Вильямса. М.;Л.: Сельхозгиз, 1935. 127 с.

4. *Еремеева Ю.С.* Кормите скот всегда в стойлах. М.: Книгосоюз, 1926. 66 с.

5. *Еремеева Ю.С.* О мерах к улучшению крестьянского сельского хозяйства. Доклад 1-му Отд. Имп. Вольного Экономического общества, прочит. в заседании 8 января 1907 г. СПб.: типо-лит. М.П. Фроловой, 1907. 26 с. (Отг. из «Трудов ВЭО». 1907. № 1–3).

6. *Еремеева Ю.С.* Основные элементы интенсивного хозяйства. СПб., 1914. 16 с. (Отг. из «Трудов ВЭО». 1914. № 3–4).

7. *Еремеева Ю.С.* Поднимем доходность крестьянского хозяйства. М.: Сельхозгиз; Мосполиграф, 1930. 72 с.

8. *Еремеева Ю.С.* Поправка к указу 9-го ноября // Московский еженедельник. 1908. № 47. 29 ноября.

9. *Еремеева Ю.С.* Статьи по земельному вопросу, напечатанные раньше в «Московском еженедельнике». Киев: тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1908. 80 с.

10. Книга для крестьян о лучшем устройстве сельского хозяйства Ивана Шубарта. С приложением статьи проф. Леске. А также о крестьянском хозяйстве в Саксонии и о том, как можно завести такое хозяйство у нас / Перевод с немецкого, с примечаниями учительницы сельского народного училища Ю.С. Еремеевой. Киев: тип. «Киевского слова», 1901. 82 с.

11. Книга для крестьян о лучшем устройстве сельского хозяйства Ивана Шубарта [...]. 2-е изд., испр. и доп. Киев: лито-тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1906. 66 с.

P.A. Vasilyev, A.M. Starkova
St. Petersburg, HSE University

**A Liberal Feminist in an Early Soviet Working-Class Neighborhood:
Medical Policing, Expertise, and Gender
across the 1917 Revolutionary Divide**

This paper looks at Mariya Ivanovna Pokrovskaya, a Russian physician active in late Imperial and early Soviet periods, a founder of the Female Progressive Party and a prolific writer on women's rights, prostitution, hygiene, urban housing conditions and other issues. She is often recognized as one of

the first and most prominent feminists in the context of the late Imperial Russia. Pokrovskaya was especially active in the first decades of the 20th Century as she entered high politics and started editing *The Women's Herald* (1904–1917), the longest-running feminist journal in Russia before 1917.

There has been some research on Pokrovskaya's activism in the late Imperial period (Linda Edmondson, Rochelle Ruthchild, Rose L. Glickman, Angelika Strobel) [3; 4; 9, p. 552–553; 10–12; 14; 15]. These studies have traced the feminist's career prior to the 1917 Revolution and noted the entanglements between her political involvement, job responsibilities, academic endeavors, and personal life. Pokrovskaya's case highlights both new opportunities and old limitations that Russian women faced in this period. At the same time, it has also been acknowledged that "little is known about the activities of this feminist pioneer after the Revolution" [13, p. 361].

Our paper, therefore, has a focus on Pokrovskaya's activities following the 1917 February revolution and her transition to the early Soviet period. The paper makes extensive use of Pokrovskaya's under-researched personal collection at the Central State Historical Archive of St. Petersburg (*Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Petersburga (TSGIA SPb)*, fond 2114). In doing so, we demonstrate how Pokrovskaya's involvement in local hygiene politics after the Bolshevik takeover can be seen as both a continuation and an evolution of her previous activities.

In the immediate aftermath of the revolution, Pokrovskaya continued to pursue her research and political agenda, openly criticizing the Soviet authorities. However, later, she agreed to volunteer her scientific expertise to the new regime, serving as a local health and sanitary inspector in Petrograd until her supposed death in the early 1920s. Drawing on Daniel Beer's concept of *renovating Russia* [2], we use Pokrovskaya's case to study the complex relationships between the social sciences, Russian liberalism, and the state across the 1917 revolutionary divide. On a more general level, we attempt to situate Pokrovskaya within early 20th century Russian and global liberal discourse reflecting on the international significance of her story up to the present day.

Pokrovskaya's case can be further situated within global progressive discourse of the early twentieth century. Numerous scholars have noticed the active involvement of women in charity, educational, and public health initiatives in this period [16; 8; 5]. It can be assumed that this was a definite return to early feminist activism, since feminists could no longer engage in political activism. Often, these women drew on their medical background and expertise, focusing on issues such as prostitution, housing, and working conditions to diagnose and critique the broader moral and social malaise that they detected in their respective societies [7].

At the same time, this example also reminds us of difficult life trajectories that Russian liberals experienced in the years both preceding and following the 1917 Revolution [6]. Given new opportunities to “renovate Russia” in the aftermath of the Bolshevik takeover, they often accepted these responsibilities and devoted themselves wholeheartedly to such tasks [1]. In Pokrovskaya’s case, whether or not she was guided by ideological or more pragmatic considerations while trying to survive in post-revolutionary Petrograd, is debatable. What is clear, however, is that her experience as a sanitary inspector in Narvsko-Petergofskii district was both a continuation and a refashioning of her previous activities. In highlighting this trend, this paper seeks to further the study of feminist and public health politics across the revolutionary divide and to pay more attention to the seemingly mundane archival collections that document it.

References

1. *Beer D.* Blueprints for Change: The Human Sciences and the Coercive Transformation of Deviants in Russia, 1890-1930 // *Osiris*. 2007. Vol. 22. No. 1. P. 26–47.
2. *Beer D.* Renovating Russia: The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity, 1880–1930. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2008.
3. *Edmondson L.* Feminism in Russia, 1900–1917. Stanford: Stanford University Press, 1984.
4. *Edmondson L.* Mariia Pokrovskaia and *Zhenskii vestnik*: Feminist Separatism in Theory and Practice // *An Improper Profession: Women, Gender, and Journalism in Late Imperial Russia* / Ed. J. Gheith, B. Norton. Durham, NC: Duke University Press, 2001. P. 196–221.
5. *Law M.T.* The Origins of Pure State Food Regulation // *Journal of Economic History*. 2003. Vol. 63. No. 4. P. 1103–1131.
6. *Lindenmeyr A.* Citizen Countess: Sofia Panina and the Fate of Revolutionary Russia. Madison: University of Wisconsin Press, 2019.
7. *Pliley J., Kramm R., Fischer-Tiné H.* (Eds.) *Global Anti-Vice Activism, 1890-1950: Fighting Drinks, Drugs, and ‘Immorality’*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
8. *Powers J.B.* *The Girl Question: Vocational Training for Young Women in the Progressive Era*. London; New York: Routledge, 2012.
9. *Rappaport H.* *Encyclopedia of Women Social Reformers*. Santa Barbara; Denver; London: ABC-CLIO, 2001. Vol. 1.
10. *Ruthchild R.G.* Writing for their Rights. Four Feminist Journalists: Mariia Chekhova, Liubov’ Gurevich, Mariia Pokrovskaia, and Ariadna Tyrkova // *An Improper Profession: Women, Gender, and Journalism in*

Late Imperial Russia / Ed. J. Gheith, B. Norton. Durham, NC: Duke University Press, 2001. P. 167–195.

11. *Ruthchild R.G.* Mariia Pokrovskaia (1852–1922) // The Oxford Encyclopedia of Women in World History. Oxford: Oxford University Press, 2008.

12. *Ruthchild R.G.* Equality and Revolution: Women's Rights in the Russian Empire. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2010.

13. *Ruthchild R.G.* Mariia Pokrovskaia // Feminist Writings from Ancient Times to the Modern World: A Global Sourcebook and History / Ed. T. K. Wayne. Santa Barbara: Greenwood Press, 2011. Vol. 2. P. 357–361.

14. *Stites R.* The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860-1930. Princeton: Princeton University Press, 1978.

15. *Strobel A.* Mar'ja Ivanovna Pokrovskaja: Ärztin, Hygienikerin, Feministin (1852–1922). Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Müller, 2010.

16. *Zunz O.* Philanthropy in America: A History. Princeton: Princeton University Press, 2011.

Т.Ю. Шестова

Пермь, Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Врач, секретарь и жена (к биографии Р.М. Плехановой)

Розалия Марковна Плеханова (Боград) родилась в 1856 г. в селе Добренькое Херсонского уезда. Еврейская семья Марка Самуиловича и Эстер-Клары Ильиничны Боград смогла разбогатеть и дать дочерям образование в гимназии. В 1874 г. Р.М. Боград поступила на Высшие женские медицинские курсы при Военно-медицинской академии в Петербурге. Очень быстро девушка присоединилась к студенческому революционному движению, придерживаясь взглядов П. Лаврова.

В 1877 г. Р.М. Боград пыталась участвовать в хождении в народ, работая в селе Широком Самарской губернии фельдшерницей-волонтером. Село было населено молоканами и духоборами, что давало странную картину смеси недовольства властью и истовой религиозности. Приглашение в село, которое просто притягивало революционную молодежь, последовало от сестер Семенович, подруг Р.М. Боград. Туда приезжали бакунинка О.Е. Кутузова-Кафиеро и В. Н. Фигнер [1. С. 554]. Последняя очень расстроилась, что место фельдшерницы уже занято Розалией, но впоследствии девушки вместе увлеченно читали роман Н. Чернышевского «Пролог к прологу» [2, с. 112]. Розалия еще

год поддерживала переписку с крестьянами Широкого, но сделала вывод о неготовности крестьян к восстанию.

На предпоследнем курсе Р.М. Боград в числе группы из 20-30 человек подала заявление об участии в качестве сестры милосердия в русско-турецкой войне. В ожидании ответа Розалия отправилась на хутор отца под Одессой, попросив друзей-революционеров дать ей задание. Она получила адреса М. Ковалевской и барона Икса (публициста С.Т. Герцо-Виноградского). На вечерах в особняке Икса Розалия познакомилась с Г.Ф. Чернявской, которая пригласила ее в женскую студенческую коммуну (впоследствии Г.Ф. Чернявская эмигрировала вместе с Г.В. Плехановым, Л.Г. Дейчем и В.И. Засулич). В особняке хранилось оружие, так как молодежь собиралась выступить в ответ на казнь революционера Ивана Ковальского. М.П. Ковалевская раздала оружие сподвижникам (впоследствии она была арестована и сослана, покончила жизнь самоубийством). После столкновений с полицией пистолеты отдали Розалии как приезжей, которую в городе никто не знал. Второй стала просьба помочь скрыться Гуковской (Виктории?). Розалия предложила остановиться у ее родителей, но ее неприятно удивило полное пренебрежение южанами правил конспирации, что подвергало бы опасности и семью Боград. В итоге Гуковская была арестована, в ссылке она сошла с ума и покончила с собой [2, с. 112].

По возвращении в Петербург Розалия поселилась в женской студенческой коммуне. Т.В. Поляк познакомила ее с Г.В. Плехановым, чей первый брак распался. Она была в хороших отношениях с обеими женами Г.В. Плеханова, довольно долго жила на одной квартире с Плехановыми и в Женеве, и в Париже [3, с.19].

Брак Розалии с Плехановым был заключен в 1879 г. Семья порознь направилась в Женеву, где Розалия собиралась продолжить занятия медициной. Характерно, что об обучении она сообщила родителям, а о браке – нет. Отъезд был скорым, сдать выпускные экзамены Розалия не смогла из-за революционной деятельности. Женевский университет не засчитал предыдущие пять лет обучения, пришлось полностью проходить программу медицинского факультета, завершив ее диссертацией на тему «Лечение рака матки» с правом практики в Женевском кантоне. С 1890 г. основной заработок в семье Плехановых приносила Розалия Марковна. Кроме работы, она была секретарем мужа, участвовала в работе группы «Освобождение труда», была членом РСДРП.

В семье было две дочери: Лидия стала врачом-невропатологом, Евгения – филологом. Обе работали секретарями отца. Совместное проживание семьи не всегда было возможным. В 1894 г. Г.В. Плеханов был выслан из Франции в Лондон и не мог посещать в Женеве Роза-

лию Марковну с детьми; затем Розалия на год переехала в Болгарию в г. Шумла, где ей предложили место в больнице. Зимой 1909 г. болезнь (туберкулез) вынудила Г.В. Плеханова переехать на итальянскую Ривьеру. Розалия Марковна открыла там, на вилле *Vittoria II* в Сан-Ремо, небольшой зимний санаторий на 20 мест, где лечились многие революционеры. Лидия помогала матери заниматься делами санатория.

В 1925 г. Лидия вышла замуж за известного невролога Анри Ле Савуре. Семья приобрела поместье *La Vallee aux Loups* («Долина волков», бывший дом писателя Ф. Шатобриана), и уже там был создан санаторий для русских эмигрантов и французских интеллектуалов. Розалия Марковна приезжала туда в 1930-е годы навестить дочерей. В Доме Плеханова (отделе Российской национальной библиотеки) хранится письмо Е.К. Брешко-Брешковской с выражением благодарности женщинам семьи Плехановых за лечение в санатории в Булони.

Описанию последнего года жизни мужа посвящены воспоминания Розалии Марковны. В 1917 г. быстро свернуть санаторий не удалось. Дочь Лидия осталась продолжать поддерживать санаторий, а Плехановы вернулись в Россию через Францию в обстановке полной секретности. «Я хотела всеми силами своей души, чтобы эта, полная самоотвержения за идею, жизнь получила должное вознаграждение», – писала Розалия о муже [4, № 13, с. 90]. Очень болезненно Г.В. Плеханов воспринял Брестский мир, друзья считали это причиной его смерти. В 1918 г. Розалия Марковна вывезла умирающего мужа в санаторий в Финляндию. Она оставила его только раз, вернувшись в Петербург на похороны сестры Анны [Там же, с. 101]. Смерть Г.В. Плеханова в опустевшем санатории была очень тяжела [4, № 15].

Советская власть неоднократно ходатайствовала о передаче архива Г.В. Плеханова, пока компромисс не был достигнут созданием Дома Плеханова, специального отдела в Государственной публичной (Российской национальной) библиотеке. Розалия Марковна как редактор подготовила восемь сборников трудов мужа. В 1939 г. она уехала во Францию, в санаторий к Лидии, но вернуться не смогла из-за начала Второй мировой войны. Умерла она в 1949 г., урна с прахом была захоронена в могиле Г.В. Плеханова в 1951 г.

Список литературы

1. Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь: от предшественников декабристов до падения царизма. М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1930. Т. 2: 1870-е годы. Вып. 2. С. 553–554

2. Из воспоминаний Р.М. Плехановой «Моя жизнь» (вступ. ст. И.Н. Курбатовой) // Вопросы истории. 1970. № 11. С. 103–115.

3. *Иовчук М., Курбатова И.* Плеханов. М., Молодая гвардия. 1997. 446 с. (Жизнь замечательных людей).

4. *Плеханова Р.М.* Год на родине // Диалог. 1991. № 8, 13, 15.

В.Н. Паршина

Пенза, Пензенский государственный университет

Призраки революционной эпохи: «женский» взгляд на подавление крестьянских восстаний (на примере пензенской поездки Е. Бош)

Женский образ революционерки в период революционного кризиса 1917 г. и Гражданской войны остается темой, находящейся под влиянием мифологем, созданных как победившей стороной для собственной героизации, так и проигравшей – с целью оправдания своего поражения [8, с. 8]. Примером последнего может служить книга Р. Гуля [4], в которой он перечисляет большевичек с описанием их действий, проникнутых жестокостью и идейным фанатизмом.

Среди женщин-революционерок, избравших путь революции и террора, выделяется фигура Евгении Богдановны Бош (1879–1925). Политической деятельностью она начала заниматься еще в юности и быстро сделалась известной в революционном движении. Е. Бош, член партии большевиков с 1901 г., после революции входила в первое советское правительство на Украине; в годы гражданской войны находилась на партийной и военной работе в Пензе, Астрахани, Закавказье и Украине.

Виктор Серж, писатель-коммунист, сторонник Троцкого, называл Е. Бош одной из «наиболее способных военачальников, вышедших на первый план на ранних этапах гражданской войны в России». «Пугающий хаос революционной борьбы на Украине, – писал он в 1918 г., – требовал редкой силы личности. В этот период одной из отличительных фигур стала женщина, Евгения Бош» [Цит. по: 9, с. 24–26].

Замечание В. Сержа показывает, что Е. Бош была значимой фигурой в борьбе за советскую власть. Среди современных исследователей существует мнение, что Бош стала жертвой «историографической гендерной дискриминации» [2]. Так, по мнению М.С. Ворониной, Е. Бош не заинтересовала феминологов – поскольку «женский вопрос» был для нее делом прошлого. Любую дискриминацию она воспринимала не как гендерную, а как личностную [1].

Личность Е. Бош интересует исследователей также в контексте «красного террора». В большинстве работ приводится такой эпизод, произошедший в селе Кучки Пензенской губернии, когда она во время

митинга на сельской площади лично застрелила крестьянина, отказавшегося сдавать хлеб, что вызвало цепную реакцию насилия в ходе подавления кулацкого восстания. Исследователи также упоминают переписку с В.И. Лениным о мерах по наискорейшему подавлению крестьянского восстания, в частности телеграмму от 11 августа 1918 г. с требованием расправы над восставшими: «...повесить не меньше 100 заведомых кулаков» [5, с. 137].

События в селе Кучки не нашли своего документального отражения ни в документах, хранящихся личном фонде Е. Бош в РГАСПИ, ни в архивных документах ГАПО. Тем не менее в отдельных воспоминаниях есть сюжеты о расстрелах в ходе подавления кулацких восстаний и требованиях расстрела заложников в Пензенском крае. Е. Бош отмечала, что данные обвинения использовали люди, питающие к ней личную вражду, а также идеологические противники [7, с. 331].

Следует отметить, что деятельность Е. Бош как председателя Пензенского губкома РКП(б) достаточно не исследована. В большинстве работ пензенский период освещен необъективно и тенденциозно, вдобавок имеют место гендерные предубеждения. Авторы характеризуют ее, как сторонницу применения жестоких мер, а также ставят в упрек проявление маскулинности, включающей такие черты, как храбрость, уверенность, авторитетность, самоконтроль эмоций, рациональность.

Е. Бош проработала в Пензенском губкоме РКП(б) с августа по ноябрь 1918 г. Она прибыла в губернию на третий день после бунта в Кучках – 8 августа. Следует отметить, что упомянутая выше телеграмма В.И. Ленина адресовалась не только председателю губкома РКП(б) Е.Б. Бош, но также секретарю губкома В.В. Кураеву и председателю Пензенского губисполкома А.Е. Минкину.

Исследователь В.Ф. Морозов ставит в вину Бош, что именно ее действия в Пензе по обвинению А.Е. Минкина и В.В. Кураева в мягкости и расхлябанности вызвали снятие Минкина с поста председателя Губсовета и отзыв в Москву Кураева [6].

Следует отметить, что на нерешительность Минкина указывали и писали в ЦК не только Е. Бош, но и другие члены Пензенского губкома. Так, например, в ответ на телеграмму от 21–22 августа 1918 г., товарищ председателя Пензенского губкома партии С.С. Турло, член губкома А.М. Буздес и секретарь Ф.В. Веселовская сообщали о заседании губкома в ответ на решение послать «продовольственников» и 50 красноармейцев-латышей для подавления восстания кулаков и конфискации у них хлеба, на котором тот отказался выполнять это решение [3, л. 11]. 13 августа 1918 г. пензенский губернский комиссар докладывал В.И. Ленину, что Минкин «сокращает агитацию, уменьшает тираж листовок, жалуется на недостаток денег» [3, л. 11].

Е. Бош, поставленная в условия событий революции и гражданской войны, вынуждена была проявить силу, несгибаемость, волю – традиционно считавшиеся мужскими качества. Ей пришлось строить новый мир, организовывать свою жизнь с учетом иного времени, в котором прежнему укладу не было места. В октябре 1917 г. Е. Бош, по заданию партии, увела гвардейский корпус из-под Жмеринки на помощь восставшим Винницы и Киева, а в 1918 г. под Харьковом остановила эшелон матросов-анархистов, которые, не выдержав натиска врага, бежали с поля боя.

Однако к осуждению и мифологизации ее деятельности следует также подходить критически. Так, например, никто из современников не поставил в вину излишнюю жестокость С.С. Турло, и А.М. Буздесу, участникам подавления кулацких восстаний в Пензенском крае.

Таким образом, на примере жизни Е. Бош можно наблюдать гендерно-ментально-революционный парадокс в отношении к женщинам эпохи Гражданской войны в России.

Список литературы

1. *Воронина М.С.* Бош – фамилия без женских маркеров // Частное и общественное: гендерный аспект. Материалы IV международ. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. 20–22 октября 2011 г., Ярославль / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.В. Новикова, М.Г. Муравьева. М.: ИЭА РАН, 2011. Т. 1. 555 с.

2. *Воронина М.С.* Е.Б. Бош – пламенная революционерка (гендерный анализ личности) // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. 2012. Вып.1-2. С. 236–243.

3. ГАПО Ф. 6028. Оп. 4. Д. 41. Л. 11.

4. *Гуль Р.* Дзержинский. Начало террора. URL: <http://lib.ru/russlit/gul/dzerzhinsky.txt>.

5. *Ленин В.И.* Неизвестные документы, 1891–1922. М.: Росспэн, 1999. С. 137.

6. *Морозов В.Ф.* Большевик Василий Кураев. Пенза, 1961. 167 с.

7. *Морозова О.М.* Женская жестокость времен Гражданской войны в свете мифов и документов // Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922. Сб. докладов международ. коллоквиума. 10–13 июня 2019 г., Санкт-Петербург. СПб, 2019. С. 328–336.

8. *Морозова О.М., Трошина Т.И.* Женский взгляд на мужскую работу. Революция и гражданская война глазами и в судьбах женщин // Новейшая история России. 2016. № 2 (16). С. 8–30.

9. *Fairfax K.* Comrades in Arms: Bolshevik Women in the Russian Revolution. Resistance Books, 1999.

Т.А. Кискидосова

*Абакан, Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории*

**Воспоминания революционерки П.И. Гедымин-Тюдешева
как источник по истории революционной борьбы
в Восточной Сибири в начале XX в.**

Эго-документы включают такие виды исторических источников личного характера или происхождения, как «воспоминания», «автобиография», «дневник» и др. В воспоминаниях, написанных от первого лица, присутствует субъективность, но в этом и проявляется специфика исторического источника, в котором сохранилось живое непосредственное восприятие автором действительности [2, с. 99].

Прасковья (Парасковья) Иннокентьевна Гедымин-Тюдешева известна как первая хакасская революционерка, участница трех русских революций, политический и общественный деятель [1]. Она стала писать воспоминания в 1960-е годы по настоянию журналиста С.К. Доброва. П.И. Гедымин-Тюдешева являлась очевидцем и участником известных исторических событий, современницей многих известных людей. Автор излагает основные вехи своего жизненного пути, начиная с детских лет и заканчивая последними годами жизни. Значительная часть воспоминаний революционерки посвящена ее участию в революционном движении, общению с друзьями по партии, многочисленным интересным историям.

Прасковья Тюдешева родилась 7 октября 1883 г. в с. Табат Минусинского уезда Енисейской губернии, в бедной хакасской семье Иннокентия (Икена) и Марфы Тюдешевой. После окончания трех классов Минусинской прогимназии она работала учителем в церковно-приходской школе. В 1902 г., решив получить медицинское образование, уехала в Красноярск и поступила в Красноярское фельдшерское училище. Приезд в Красноярск означал для нее свободу, самостоятельность и возможность обрести себя [4, л. 3]. Само поступление в училище расширило радиус активности девушки. Но Паше не удалось глубоко окунуться в учебный процесс, на втором курсе она сблизилась с революционно настроенной молодежью. Дружба с ними ее стала интересовать больше, чем учеба. Еще со времен народничества в России была подготовлена целая система «по затягиванию» молодежи в революцию посредством правильного знакомства с литературой по социальным вопросам [3, с. 67]. В фельдшерском училище действовало несколько молодежных кружков, в том числе занимавшихся изучением «Капитала» К. Маркса. В кружок вошли ученицы фельдшерской школы: Шура

Дубровинская, Виктория Шуваева, Елена Прейсман, Лия Пандре (Люся Шумяцкая), сестры Бродские и др. К девушкам примкнули молодые рабочие железнодорожного депо: Алеша Рогов, Костя Кузнецов, Федя Журавлев и др. Позднее в их ряды влились революционеры Борис Шумяцкий и «дядя Нос» (А.К. Пайкес), ставшие через много лет крупными государственными и партийными деятелями. У Прасковьи появились близкие по духу верные друзья, которым не важны были ее национальность и социальное происхождение. Все они интересовались популярными в молодежной среде социал-демократическими идеями и мечтали стать борцами за светлое будущее человечества. Так Прасковья Тюдешева была втянута в революционную борьбу. У нее был накоплен опыт нелегальной работы. В случае провала одного прекращались сообщения между членами группы. С волнением революционерка вспоминала, как в условиях строжайшей конспирации «провалились» несколько ее опытных товарищей [5, л. 57].

Спустя 50 с лишним лет Прасковья Иннокентьевна писала о красноярском периоде в своих мемуарах: «Когда-нибудь сяду и крепко подумаю о прошлом, хорошем. А надо это сделать, может, что и получится» [5, л. 8]. Она сильно ностальгировала по юношеским годам и окружавшим ее людям, как следует из воспоминаний, это были лучшие годы ее жизни.

Дальнейшая революционная деятельность Прасковьи была тесно связана с работой в технической группе Красноярского комитета РСДРП. Она занималась хранением нелегальной литературы, распространением прокламаций и листовок. В ночь с 6 на 7 сентября 1903 г. последовал арест большой группы революционеров, в их числе была арестована П.И. Тюдешева [6, с. 93]. В Красноярском комитете оказался провокатор Александр Белов, сдавший всех участников и типографию. Прасковья провела в тюрьме три месяца и была выпущена за отсутствием улик. Из фельдшерского училища ее исключили из-за политической неблагонадежности, а освобождение на волю способствовало окончательному решению заниматься революционной деятельностью [5, л. 24].

В декабре 1905 г. Иркутский комитет РСДРП поручил П.И. Тюдешевой заняться организацией профсоюзов и касс взаимопомощи. Именно о такой работе она мечтала. Последующие годы были связаны с нелегальной деятельностью, арестом, трехлетней каторгой и шестилетней ссылкой. За это время она вышла замуж за революционера Р.И. Гедымина и родила двоих детей. В активную борьбу она вновь включилась в годы Гражданской войны [5, л. 29].

Вспоминая своих красноярских друзей-революционеров, Гедымин-Тюдешева отмечала трагичность судьбы многих из них. Алексей Рогов, пройдя каторгу, тяжело заболел и умер от туберкулеза. Константин Кузнецов погиб, сражаясь с белогвардейцами в енисейской тайге. Борис Шумяцкий (Конь) и Вавила Рогов стали жертвами репрессий в 1930-е годы. По поводу последних Прасковья Иннокентьевна писала, что «они были замучены в застенках культа личности». Люся Пандре (Шумяцкая) хоть и пережила сталинские застенки, но серьезно подорвала здоровье. Прасковья Иннокентьевна, подводя итоги, отмечала, что многие лучшие друзья и борцы, преданные партии Ленина, рано ушли из жизни. В то же время некоторые ее товарищи, испугавшись преследований и тюрем, отошли от борьбы еще до Первой русской революции. Как выразилась сама автор мемуаров, «ушли попутчики революции» и связь с ними прервалась навсегда [5, л. 56].

Таким образом, эго-документы о жизни и деятельности П.И. Гедымин-Тюдешевой являются уникальным историческим источником по истории революционного движения в Сибири и повседневной жизни революционеров. Воспоминания революционерки раскрывают основные причины прихода ее к революционной деятельности. Дух времени, политические события, общественное окружение, изменившееся мировоззрение подтолкнули девушку сделать собственный выбор и двигаться по единственно верному, на ее взгляд, революционному пути.

Список литературы

1. *Добров С.К.* Пламенная революционерка // Жизнь, отданная народу (Историко-биографические очерки). Абакан: Хакасское отд. Красноярского кн. изд-ва, 1969. С. 69–75.
2. *Мамышева Е.П.* Документы региональных архивов о деятельности представительства Ойротской и Хакасской автономных областей (1924–1938 гг.) // Вестник Челябинского университета. История. 2009. № 28 (166). Вып. 34. С. 96–101.
3. *Милевский О.А.* Рождение русской Жанны Д'Арк (к вопросу о формировании революционного мировоззрения С.Л. Перовской) // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 4 (19). С. 63–72.
4. Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. 890. Оп. 1. Д. 24.
5. НАРХ. Ф. Р-658. Оп. 1. Д. 121.
6. Революционный подвиг сибиряков. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1972. С. 93–95.

О.В. Зарецкая

Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова

**Проблемы женского движения в России начала XX в.
на примере деятельности А.М. Коллонтай**

Александра Михайловна Коллонтай получила как одна из видных агитаторов марксистского феминизма и как первая в мире женщина-дипломат. Однако, надо отметить, что ее деятельность была гораздо шире, а талант многогранен. Будучи революционеркой, публицистом и литератором, исследователем и теоретиком женского вопроса, борцом за равноправие женщин, государственным и политическим деятелем, она везде добивалась высот и привлекала внимание мирового сообщества. Главной причиной международной известности Коллонтай была её незаурядная личность и выдающийся интеллект.

Чтобы понять, как Александра Михайловна добилась успехов в дипломатии и других поприщах, мы прибегли к изучению ее личностного становления и участия в революционной борьбе начала XX в.

Становлению революционных взглядов А.М. Коллонтай способствовало знакомство с Е.Д. Стасовой. Та была племянницей известного художественного критика и хранителя Императорской публичной библиотеки В.В. Стасова, который «помогал получить из-за границы изданную там нелегальную литературу» [4, с.16]. Е.Д. Стасова, проводившая занятия по марксизму в рабочих кружках, помогала Коллонтай подобрать необходимую литературу и посещать воскресные рабочие школы, что значительно укрепило убеждение последней в верности марксистских идей.

С августа 1898 по 1901 г. Александра Михайловна много путешествует. Она отправляется в Швейцарию и поступает в Цюрихский институт на факультет экономики. Через год едет в Англию изучать рабочее движение, а затем во Францию, где знакомится с Р. Люксембург, Г.В. Плехановым, супругами Лафарг и К. Каутским и убеждается в правильности идей левых марксистов [1, с. 10].

По возвращении в Петербург Коллонтай поставила перед собой множество целей. «Она вернулась в Россию, чтобы бороться, во-первых, за равноправие женщин и, во-вторых, за предоставление Финляндии независимости» [3, с. 14]. Она всегда была равнодушна к Финляндии, ещё с детства любила бывать у своего деда Александра Масалина в усадьбе Куусанхови.

Деятельность А.М. Коллонтай в период Первой русской революции была обширной: она вела агитацию среди рабочих, организовывала

работу подпольных типографий, занимала пост казначея Петербургского комитета, читала открытые лекции на тему роли женщины в хозяйстве и необходимости её раскрепощения. «Несамостоятельность женщины рождала в Коллонтай протест. Уж если ей не просто, то, каково же приходится женщинам, которые вынуждены сами зарабатывать на жизнь? Александра Михайловна заинтересовалась тяжелым положением работниц» [3, с. 13]. Эти лекции очень вдохновляли Коллонтай, и она всё больше осознавала необходимость борьбы за права женщин.

В работе английского историка Барбары Клеменс даётся следующая оценка женского положения: «Феминизм распространился по всей Европе, встал вопрос об эмансипации верхнего и среднего класса женщин. Крестьянские женщины в России, как и везде, были слишком забытыми, чтобы бунтовать. Они прошли через нищету и безграничный труд, казалось, они были обречены подчиняться мужчинам» [7].

Осенью 1906 г. Коллонтай едет на конференцию социал-демократок, которая проходила во время съезда СДПГ в Мангейме. Эта конференция проводилась сторонницами женского движения за уравнивание в правах женщин с мужчинами [2, с. 209]. Через год Коллонтай посетила Международную конференцию социалисток в Штутгарте. Выступая с докладом, она сказала: «Новая опасность грозит господству буржуазии: женщины работницы вступают на твердый путь международной классовой организации. Забытые, покорные рабыни... под влиянием социалистического учения поднимают голову и возвышают свой голос за свои женские и общеклассовые интересы» [6, с. 56]. Встречи Коллонтай с К. Цеткин и К. Либкнехтом убедят её в правильности выбора пути развития женского социалистического движения.

Вернувшись в Россию, воодушевлённая социалистическими идеями Коллонтай приступила к осуществлению своих целей – по её инициативе был создан клуб работниц. В дневниках она описала это событие: «Начиная с осени 1907 года я берусь вплотную за дело организации работниц в Петербурге... Задача была: задеть, всколыхнуть широкие женские трудовые массы. Организация митингов становилась всё более затруднительна... Тогда мы решили открыть легальный клуб» [2, с. 210]. Александра Коллонтай продолжила свою феминистскую деятельность, приступив к работе над книгой «Социальные основы женского вопроса» одновременно с этим готовясь к Всероссийскому женскому съезду. Ей предстояла большая работа, чтобы убедить работниц принять активное участие в дискуссии, выступить с докладами и собственными предложениями. Всероссийский женский съезд прошел в

середине декабря 1908 г. и вызвал большой резонанс в обществе и политических кругах. В дневниках Коллонтай написано: «Съезд объединил самые разные слои женского населения. На съезде присутствовали около 700 делегатов буржуазного крыла, наша же группа насчитывала 45 человек. Несомненно, на этой группе работниц было сосредоточено внимание не только съезда, но и зорких глаз властей. Каждое наше выступление вызывало бурю» [2, с. 210].

В своих выступлениях работницы выдвигали совершенно радикальные требования и ставили вопрос об образовании в России «внеклассового» женского центра [4, с. 32]. Но их идеи не были поддержаны президиумом, и они покинули съезд. На следующий день Александра выступала с докладом, где не скрывала своей марксистской позиции, что повлекло за собой соответствующую реакцию властей: Коллонтай грозил арест, и ей пришлось немедленно покинуть страну. На преследование Коллонтай повлияли не только её вызывающие революционные речи, но и выдвинутые ей обвинения в призыве к вооруженному восстанию в брошюре «Финляндия и социализм».

Коллонтай находилась в эмиграции до марта 1917 г. Она вступила в СДПГ (Социал-демократическую партию Германии), где занимала должность агитатора, лектора и журналиста. В 1910 г. как делегат партии Александра отправилась на VII конгресс Второго Интернационала. Перед конгрессом состоялась Международная конференция социалистов, где Александра была избрана членом постоянного Международного секретариата по руководству женским социалистическим движением. Тогда же было принято решение о ежегодном праздновании Международного женского дня 8 марта [5, с. 22].

В течение восьми лет эмиграции Александра побывала почти во всех странах Европы: Бельгии, Великобритании, Германии, Дании, Норвегии, Франции, Швейцарии, Швеции, где изучала местные социал-демократические движения, общалась с их представителями, принимала участие в их развитии.

Нельзя сказать, что во время эмиграции контакты Коллонтай с Россией были разорваны. Она поддерживала отношения как с меньшевиками, так и большевиками, получая от них задания. Так, например, меньшевистской группой III Государственной думы Коллонтай было поручено составить проект закона по охране и обеспечению материнства. Впоследствии Коллонтай весьма заинтересуется этой темой, а материалы по данному вопросу будут обобщены в труде «Общество и материнство» (1916).

Таким образом, деятельность Коллонтай начала XX в., направленная на развитие женского социалистического движения в России, была

достаточно успешна. По её инициативе был создан клуб работниц, готовилось проведение Всероссийского женского съезда. К тому же Александра одну за другой выпускала публикации, посвященные женскому вопросу, пользовавшиеся популярностью как в России, так и за рубежом. Она обосновывала новую, возрастающую роль женщины в современном мире. Её радикальные идеи всегда вызывали неоднозначную реакцию в обществе, не оставляя при этом равнодушных.

А.М. Коллонтай стала известным политическим деятелем и принимала участие в крупных событиях того времени – Первой русской революции, развитии социал-демократических и суфражистских кружков, работе Петроградского совета рабочих и подготовке вооруженного восстания в Петрограде.

Подготовлено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-00768 «Фундаментальные проблемы трансформации образа русского “Другого” в контексте межгосударственного соперничества в Арктике в XX – начале XXI в.»).

Список литературы

1. Коллонтай А.М. Дипломатические дневники: 1922–1940. Т.1. М., 2001. 528 с.
2. Коллонтай А.М. Летопись моей жизни. М., 2004. 336 с.
3. Млечин Л.М. Коллонтай. М., 2013. 479 с.
4. Олесин М.И. Первая в мире: биографический очерк об А.М. Коллонтай. М., 1990. 384 с.
5. Соколов Б.В. Коллонтай. Валькирия и блудница революции. М., 2015. 285 с.
6. Шейнис З. Путь к вершине. Страницы жизни А.М.Коллонтай. М., 1987. 304 с.
7. Clements B.E. Bolshevik Feminist: The Life of Aleksandra Kollontai. Bloomington, 1979. 352 p.

Д.Ю. Алексеев

*Санкт-Петербург, Высшая школа технологии
и энергетики СПбГУПТД*

Женщина в лагере контрреволюции: судьба Н.П. Щетининой

XX век изменил место женщины в обществе. Для истории России важнейшую роль в этом переходе сыграли революционные события 1917 г., после которых для них открылись многочисленные, прежде недоступные поприща. В публицистике утвердилось проникнувшее и в

отечественную историографию мнение, что политически активные, самостоятельные женщины неизбежно оказывались в лагере революции, приводя примеры первой в мире женщины-министра А.М. Коллонтай и «валькирии революции» Л.М. Рейснер. Однако и в противоположном лагере были активные женщины. Одной из них была Наталья Павловна Щетинина, урожденная Лемтюжникова.

Наталья родилась в Санкт-Петербурге в 1886 г. и была единственным ребенком чиновника, служившего в Департаменте полиции Министерства внутренних дел. Девочка получила домашнее образование. Культивировавшиеся в семье патриотические убеждения привели к тому, что в 1911 г. Лемтюжникова поступила на только что учрежденные Главным управлением Российского общества Красного Креста (РОКК) одногодичные курсы по подготовке «запасных сестер» военного времени при Кауфманской общине, 1 мая 1912 г. окончила их. В это время у Лемтюжниковой завязался роман с Сергеем Сергеевичем Щетининым, директором-распорядителем Первого русского товарищества воздухоплавания, одним из первых организаторов авиационной промышленности [3, с. 108].

25 сентября 1912 г. началась 1-я Балканская война, в которой православные государства выступили против Османской империи. 11 октября 1912 г. Н.П. Лемтюжникова была командирована на Балканы с отрядом Кауфманской общины, который помогал болгарской армии. Вдохновленный примером своей любимой, на Балканы выехал С.С. Щетинин, собравший отряд, в котором было четыре самолёта «Фарман», четыре лётчика и группа техников. Действия щетининского отряда считаются боевым дебютом русской авиации [1, с. 6–9].

28 января 1913 г. после закрытия лазарета Лемтюжникова вернулась в Петербург. Она была награждена болгарским знаком Красного Креста и значком болгарской царицы Элеоноры. Немедленно вслед за ней в столицу вернулся и Щетинин [3, с. 109]. 9 февраля 1914 г. в Петербурге в Пантелеймоновской церкви Лемтюжникова и Щетинин обвенчались.

С началом Первой мировой войны Н.П. Щетинина была командирована в качестве старшей сестры в 3-й Кауфманский госпиталь, сформированный на средства Петроградской еврейской общины. В её подчинении находилось 20 сестер милосердия. Госпиталь был передан в распоряжение главного уполномоченного РОКК Юго-Западного района и размещён в губернском городе Холм уже в августе 1914 г. В июне 1915 г., во время «великого отступления» русской армии, госпиталь был передислоцирован в Смоленск. В конце августа 1915 г. стар-

шая сестра Щетинина изъявила желание прекратить службу и 2 сентября покинула госпиталь [2, с. 373–374].

В революционном 1917 г. Н. П. Щетинина оказалась в ближайшем окружении генерала М.В. Алексеева. 25 октября 1917 г., в день Октябрьского переворота, она перевезла генерала на свою квартиру, причем фактически спасла его, когда их извозчика остановили матросы-красногвардейцы: Щетинина заявила, что везет больного дядю на операцию, и благодаря ее форме медсестры их не арестовали. В 1917 г. генерал М.В. Алексеев выехал на Дон, где организовал Добровольческую армию, с которой началось Белое движение. Он воспользовался документами отца Щетининой – действительного статского советника П.Н. Лемтюжникова. Весной 1918 г. Добровольческая армия выступила в 1-й Кубанский поход, который из-за тяжелых условий вошел в историю как «ледяной». Во время похода Н.П. Щетинина находилась при генерале Алексееве, заботясь о его здоровье: «Среди телег, на простой линейке <...> ехал наш старик <ген. Алексеев>, покрытый не то одеялом, не то попоной. <...> Сзади его линейки ехала линейка нашей милой Н.П. Щетининой, которая являлась хранительницей нашего старого вождя» [5, с. 58–59].

В октябре 1918 г. генерал Алексеев скончался. Сменивший его генерал А.И. Деникин в 1919 г. назначил С.С. Щетинина губернатором Екатеринославской губернии. Предполагалось, что он займется восстановлением промышленности Донбасса, однако этому помешал атаман Махно, разгромивший тыл белых и взявший Екатеринослав. Это событие рассматривается в качестве одной из причин поражения деникинской армии. Провал Щетинина привёл к тому, что о нем в белом лагере предпочитали не упоминать. Он эмигрировал во Францию, а затем перебрался в Парагвай. Н.П. Щетинина сопровождала мужа в эмиграции [2, с. 369].

В Парагвае она работала медсестрой. Когда в 1932 г. началась Чакская война между Парагваем и Боливией, Н.П. Щетинина, как и другие русские эмигранты, приняла в ней участие. Она пережила своего мужа и скончалась в Асунсьоне в 1979 г. [4, с. 536].

Список литературы

1. Авиация и воздухоплавание в России в 1907–1914 гг.: сборник документов материалов: 1913. Вып. 5. М., 1972.
2. *Алексеев Д.Ю.* Инженер Щетинин, его жена и её отец: по чьим документам генерал Алексеев выехал из Петрограда в 1917 г.? // Военная история России XIX–XX вв. Материалы VII Международной военно-исторической конференции. СПб., 2014. С. 368–380.

3. *Алексеев Д.Ю.* Что привело отряд русских лётчиков на 1-ю Балканскую войну? // Человек на войне: Сборник материалов научно-практической конференции. СПб., 2015. С. 108–110.

4. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–2001: в 6 т. Т. 6. Кн. 3. М., 2007.

5. *Суворин Бор<ис>.* За родиной. Героическая эпоха Добровольческой армии. 1917–1918 гг. Впечатления журналиста. Париж, 1922.

Н.А. Казарова

Ростов-на-Дону, независимый исследователь

Воспоминания И.К. Франчески (гендерные особенности восприятия революционной повседневности)

В отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранятся неопубликованные воспоминания члена Вятской социал-демократической организации Ии Константиновны Франчески (1881–1963) – жены ссыльного революционера Георгия Яковлевича Франчески, написанные ею после его смерти в 1954 г. [1].

Ия Константиновна происходила из купеческого рода Громозовых, ее отец Константин Иванович был известным земским деятелем, прекрасно знал экономику губернии. По словам мемуаристки, «как ни странно, но ни он, ни вся наша семья не унаследовали от предков скопидомство, расчетливость и жадность наживы» [2, л. 6].

В 1900 г. Ия окончила гимназию, работала учительницей, в 1903 г. познакомилась с Георгием Франчески, который был сослан в Вятку по делу о Батумской организации РСДРП. Тогда же, в конце 1903 г. была создана Вятская организация РСДРП, одним из инициаторов и членом комитета которой стал Г. Франчески. Он заведовал организацией печатания нелегальной литературы. Ия стала его помощницей. В 1906 г. они поженились и прожили вместе 48 лет вплоть до его смерти.

Большое влияние на формирование революционных взглядов мемуаристки оказала ее старшая сестра Людмила, которая была членом РСДРП, работала в подпольной типографии Петербургского комитета РСДРП, вела агитацию среди рабочих. В 1903 г. она была арестована, выступила на суде с речью, которая распространилась в списках, а затем была издана отдельной брошюрой. В 1905 г. бежала из ссылки, встречалась в Женеве с В.И. Лениным, работала секретарем у В.В. Воронского, затем у А.В. Луначарского. Старшая сестра, несомненно, способствовала вовлечению Ии в революционное движение, а родители этому не препятствовали. С ними, по ее словам, у нее не было

принципиальных разногласий: «Отец гордился революционной деятельностью моей сестры, восхищался ее речью на суде. Он знал, что я в 1905 году работала по ночам в подпольной типографии, но не отговаривал меня, и только когда я утром приходила домой он радовался, что я не арестована. Он знал опасность моей работы, но ни он, ни мать не мешали мне» [2, л. 6].

Воспоминания И.К. Франчески содержат описание городов Вятки и Слободского на рубеже XIX–XX вв., их населения, учебных заведений, деятельности вятского земства и губернской земской управы. Много внимания мемуаристка уделяет описанию быта и нравов купеческой семьи, в которой прошло ее детство, организации кружка среди учащихся средних школ Вятки [2, л. 3–38]. Она подробно рассказывает о своей работе сельской учительницы в деревне Усть-Лемке Глазовского уезда, о возникновении Вятской социал-демократической организации, о работе в подпольной типографии, об «эксах», о которых она пишет как о будничном, повседневном деле, оправдывая их высокой целью. И. Франчески входила вместе с мужем в группу, задачей которой было «доставать средства». Важным является ее указание на то, что в группе участвовали как социал-демократы, так и эсеры, несмотря на то что официально РСДРП осуждала экспроприации [3, л. 1–15; 4, л. 3–38].

Большой интерес для понимания психологии женщины-революционерки представляет шестая глава воспоминаний, в которой И.К. Франчески описывает свою личную жизнь и жизнь своей сестры Л.К. Громозовой. Когда сестра вернулась домой из ссылки на последнем месяце беременности (ее муж Леонид оставался в ссылке), ее больше всего беспокоило то, что ребенок свяжет ее по рукам и ногам: «материнство связывало ее, как соколу крылья», и она очень обрадовалась, когда мать предложила оставить ей ребенка и ухаживать за ним. Дочка Людмилы прожила всего три недели и умерла от простуды. Мемуаристка сочувствует сестре, но не ее потере ребенка и разлуке с мужем, а тому, что сестра принесла много напрасных жертв, чтобы родился ребенок: «Ей пришлось уехать из Петербурга, где революционная борьба была в полном разгаре, отказаться от работы в Уральской социал-демократической организации и все это было напрасной жертвой» [5, л. 29]. Она искренне восхищается сестрой: «Люда настоящий большой человек, знающий свою цель в жизни и борющийся за нее. Даже прокурор на суде сказал, что она из тех, за кем идут массы. Ее можно сломить, но согнуть нельзя. Везде она вносит энергию и желание добиться цели. Вот даже Ленин отнесся к ней хорошо и нашел нужным напечатать ее речь на суде отдельной нелегальной брошюрой [5, л. 13]. Людмила рассказывала сестре, что, когда они с мужем были

в ссылке, товарищи бросили жребий, кому первому бежать. Жребий пал на ее мужа, но тот ни за что не хотел с ней расстаться и остался в ссылке. Когда же жребий бежать выпал ей, она без колебаний согласилась: «Долг важнее любви.» [5, л. 12].

О себе мемуаристка пишет, что в душе у нее всегда жила жажда подвига, желание отдать жизнь за великое дело, но только марксизм подвел научную базу под ее детские мечты. При этом она признавалась, что даже в 24 года оставалась наивной, мечтательной девочкой, очень плохо знавшей реальную жизнь [6, л. 7].

Специфически женским проблемам в воспоминаниях уделено меньше внимания, чем политической борьбе, работе в вятской социал-демократической организации. Как для авторов многих женских текстов, оставленных революционерками, для мемуаристки очень важно видеть себя полноценной участницей движения, когда ценности частной жизни, материнства, супружества отходят на второй план. Вместе с тем в воспоминаниях описание любви носит целомудренный, возвышенный характер: «Отношение к любви было очень серьезное. Если любовь возникала, то это была “святая святых” личной жизни, никто не афишировал ее, товарищи старались деликатно не замечать этого. Но скидки на пол в нашей организации не было. Полное равенство царило между нами: если тебе поручена работа, то и отвечай, как равная перед товарищами. Помню, бежишь бывало, с собрания в 2 часа ночи. Попросить проводить и в голову не приходит, хорошо, если сами попросят тебя проводить или с кем-нибудь идти по дороге [4, л. 7]. Весьма показателен ответ мемуаристки будущему мужу на вопрос о том, не является ли ее любовь к нему, только романтикой: «Как ты можешь сомневаться? У нас общность революционных идей, эти месяцы мы оба проверили друг друга в работе и опасности – не знаю, как ты, а я убедилась, что ты настоящий революционер, боец, мужественный и спокойный в опасности, храбрый не на словах, а на деле» [4, л. 29].

Таким образом, «женский текст» И.К. Франчески дает представление о внутренних побудительных мотивах, приводивших женщин в революционное движение, об источниках их революционной активности, о специфике революционного мышления. Он позволяет расширить наши представления о психологических особенностях женщин-революционерок, идентифицировать их свойства личности, стереотипы поведения. Как правило, в революционной деятельности женщины проявляли больше аскетизма и самопожертвования, чем мужчины. Вместе с тем «женский текст» содержит детали и подробности обыденной повседневной жизни, революционного быта, а также биографические сведения, отсутствующие в других источниках.

Список литературы

1. НИОР РГБ (Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 391. К. 1. Ед.хр. 3–14.
2. НИОР РГБ. Ф. 391. К. 1. Ед.хр. 3.
3. НИОР РГБ. Ф. 391. К. 1. Ед.хр. 4.
4. НИОР РГБ. Ф. 391. К. 1. Ед.хр. 5.
5. НИОР РГБ. Ф. 391. К. 1. Ед.хр. 7.
6. НИОР РГБ. Ф. 391. К. 1. Ед.хр. 8.

Л.В. Лебедева

Пенза, Пензенский государственный технологический университет

Политическая активность крестьянок 1920-х годов

Советская власть конституционно закрепила равноправие полов. Формирование новых общественных отношений во многом зависело от распространения коммунистической идеологии, включало в себя вовлечение женщин в общественное производство и политическую жизнь страны. Наибольшее внимание в воспитании политической деловитости и интереса к общественной жизни требовали крестьянки, так как они были далеки от политики, пассивно относились к общественным делам, в большинстве были безграмотны и религиозны.

Показательно участие крестьянок в выборы местные Советы в начале 1920-х годов. На фоне общей крестьянской избирательной пассивности женщины фактически самоустранились от выборов. Под нажимом государства и влиянием агитации женская активность стала расти. Интересны наблюдения комиссий Пензенского губкома партии, проводивших обследование деревни в 1924–1925 гг.: «Во время весенних перевыборов женщин “пригласили” силой, и у выхода стояла милиция, которой был дан наказ следить, чтобы женщины не ушли из помещения» [6, с. 112]. В результате избирательной компании 1924 г. количество крестьянок – членов сельсоветов в целом по стране выросло до 40 тыс., что составляло 7,9%. Около 100 были избраны председателями сельсоветов, около тысячи являлись членами волостных исполкомов. В последующие годы эти показатели росли [3, с. 242].

Незначительное количество крестьянок были членами партии. В 1922 г. в целом по РСФСР крестьянки составляли 4,8% членов и кандидатов партии. Мало их было и в комсомольских рядах. В январе 1924 г. они составляли 15,7% от всех членов ВЛКСМ [3, с. 241]. Примечательны сделанные в тот период комиссией Пензенского губкома партии выводы о том, что партийные ячейки в большинстве обследованных сел губернии не пользовались авторитетом. Отмечалось, что

крестьяне к работе коммунистов и комсомольцев относились как к бесполезной [6, с. 87].

Для политической активности женщин, необходимо было повысить их уровень образованности, информированности и научить пользоваться полученными правами. Чтобы изменить их ценностные ориентации и подготовить авторитетных лидеров создавались женотделы. Они действовали при центральных и местных партийных комитетах. Основная работа проводилась обученными в партийных школах женорганизаторами. Они входили в местные ячейки партии, и для них это была общественная нагрузка. В сельской местности деятельность организаторов сталкивалась с дополнительными трудностями. Во-первых, не хватало образованных и политически активных крестьянок или кадров, способных работать с крестьянками и обладающих даром убеждения. Во-вторых, мужчины не хотели заниматься просветительско-агитационной работой с крестьянками. В-третьих, агитаторам необходимо было перемещаться на большие расстояния между волостями, а это требовало дополнительных затрат на оплату транспорта.

В соответствии с общей политикой партии в деревне, первоначально женорганизаторы проводили работу среди беднейших слоев крестьянок, то есть тех, кто имел более «пролетарскую психологию» [1, л. 8], позднее стали более активно работать с середняками.

Работа с женщинами включала разные направления. Крестьянок собирали в избах-читальнях и устраивали громкие чтения газет и книг; обучали грамоте; проводили лекции и беседы на политические темы; организовывали спектакли и вовлекали их кружки; помогали разрешить возникавшие конфликты в семье и др. На совещаниях организаторам рекомендовали строить работу с крестьянками на основе их практической заинтересованности, «путем участия в ее обыденной жизни» [1, л. 7].

Там, где работа проводилась неформально и крестьянки видели заинтересованность в решении их вопросов, они откликались на инициативы женорганизаторов. Документы свидетельствуют, что женщины приходили на собрания (были «битком набитые» залы и участвовали «даже сгорбившиеся старушки») и участвовали в предлагаемых мероприятиях [4, с. 184]. Не всегда женорганизаторам удавалось завершить инициативы. Причины имели не только субъективный, но и объективный характер – отсутствие средств. Так, у крестьянок пропадал интерес в организации яслей и детских садов, когда они узнавали, что государство не будет их содержать. Нехватка книг в деревне мешала ликвидации неграмотности. Как отмечали женорганизаторы: «Грамотные крестьянки сами обучали неграмотных, но у них не было книг и благое начинание нельзя было довести до конца» [1, л. 5].

Активизация и политизация крестьянок осуществлялась и через делегатское движение. Женотделы вовлекали крестьянок в работу беспартийных женских волостных, уездных, губернских конференций. Протоколы заседаний свидетельствуют, что женщины смело высказывались о существующих проблемах, делились опытом и анализировали причины неэффективной работы [5]. В качестве злободневных проблем депутатки отмечали внутрисемейные вопросы, в частности, необходимость в защите их прав при разводе, т.к. основная часть хозяйства доставалась мужчинам. Предлагалось также, чтобы крестьянки участвовали в народных судах в качестве заседателей, обвинителей и защитников [1, л. 8]. С делегатками проводилась теоретическая и практическая работа. Для крестьянок в программу включались вопросы, направленные на «поднятие сельского хозяйства путем вовлечения крестьянок в селькомы, посеvky, комитеты взаимопомощи и прочие органы землеустройства», развитие кооперации и др. [1, л. 7].

Общественная активность крестьянок в 1920-е годы вызывала на селе «пересуды», иронию («если мою бабу выбирают в совет – это плохо, если моя баба ходит на собрание – это сплошной разор, но если все это относится к соседской бабе, то ничего в этом плохого нет, пожалеешь лишь соседа за такое «несчастье») и недоверие («баба – она баба и есть, она себя не подымет, не то что хозяйство всей волости») [6, с. 112]; недовольство и рукоприкладство мужей и отцов. Содержание протоколов женских собраний и писем в газеты свидетельствует, что делегатки, боясь осуждения, «крались в темноте в женотдел по стенке, чтобы не видел их никто» [4, с. 175]; женщин «с побоями» мужья уводили с собраний [1, л. 5], или родители запрещали их посещать, или мужчины разгоняли собрания [4, с. 176, 179, 180, 184]. В некоторых местах предварительно собирали мужей, которые знакомились с повесткой обсуждаемых вопросов, после чего они разрешали своим женам пойти на собрания [2, л. 2].

К началу 1930-х годов задачи государства по вовлечению женщин в общественную и экономическую жизнь страны были решены. Деятельность женотделов и делегатских собраний, несмотря на отдельные недостатки работы, была результативной. Среди крестьянок появилось много активисток, которые использовались на государственной и партийной работе. Вовлечение женщин в политическую жизнь страны способствовало, с одной стороны, росту их политической и общественной активности, грамотности, осознанию своей значимости в обществе и семье, а с другой – они были вовлечены в решение внутривластных задач партии, общественное производство, над ними, как и над всем населением страны, был установлен идеологический контроль.

Список литературы

1. ГАПО. Ф. П. 36. Оп. 1. Д. 400.
2. ГАПО. Ф. П. 36. Оп. 1. Д. 401.
3. История советского крестьянства: в 5 т. Т 1: Крестьянство в первое десятилетие советской власти 1917–1927. М., 1986. 455 с.
4. Крестьянские истории. Российская деревня 20-х годов в письмах и документах / сост. С.С. Крюкова. М.: Росспэн, 2001. 232 с.
5. *Лебедева Л.В.* Женотделы и делегатские собрания как формы подготовки женского лидерства // *Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем: Материалы X междунаrod. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН: в 2 т. М.: ИЭА РАН, 2017. Т. 2. С. 82–85.*
6. *Росницкий Н.А.* Лицо деревни. По материалам обследования 28 волостей и 32 730 крестьянских хозяйств Пензенской губернии. М.:Л., 1926. 126 с.

А.В. Чеботарева

Донецк, Донецкий государственный университет

Вовлечение женщин в управленческую деятельность в 1920-е годы (на примере Донбасса)

Сегодня гендерные вопросы стали важной составляющей современной жизни. Понять нынешнее положение женщин в обществе невозможно, не обращаясь к прошлому. Советская власть предложила собственный социально-ролевой образ женщины. 1920-е годы – время разработки и реализации политики, направленной на вовлечение женщин в общественное производство и политическую жизнь.

Руководствуясь ленинскими указаниями о необходимости привлечения трудящихся женщин к советскому строительству, партийные организации проводили среди них большую организаторскую и массовую разъяснительную работу. Практическое воплощение идеи равного участия женщин в управленческой сфере осуществлялось путем создания при партийных органах отделов по работе среди женщин. Перед женотделами была поставлена задача «привлечения работниц и крестьянок к партийной и советской работе» [5, с. 59].

Донецкий губернский женотдел начал работу 15 марта 1920 г., заведующей стала товарищ Галина [2, л.2]. Во все районы Донбасса были разосланы инструкции и телеграммы с предложением приступить к организации отделов по работе среди женщин. В отчете Бахмутского райисполкома указывалось, что работу среди женщин только начали

недавно прибывшие практикантки, работа же в основном направлена на ликвидацию неграмотности, а не на политическую агитацию. В Славянском районе работа среди женщин исключалась из-за махновщины [4, с. 85].

В первой половине 1920-х годов наиболее распространенной формой привлечения женщин к общественно-политической жизни были делегатские собрания. Участницы знакомились с принципами и задачами советского строительства через прослушивание лекций и докладов; проводили различные мероприятия; принимали участие в секциях [5, с. 93–94]. Для получения практического опыта управления была внедрена система «практикантства». Активистки прикреплялись с правом совещательного голоса в секции городских и районных Советов, правлений профсоюзов, президиумы местных исполнительных комитетов [6, с. 66]. После прохождения стажировки делегатки приобретали опыт работы и расширяли собственный кругозор. Делегатское собрание было тем резервом, из которого партия черпала в свои ряды уже подготовленные, политически грамотные силы. За 1921–1925 гг. в УССР в делегатском собрании участвовало более 40 тыс. работниц [3, с. 17].

В декабре 1926 г. ВУЦИК направил во все окружные исполнительные комитеты республики инструкцию «О работе крестьянок в сельсоветах». Отчеты по работе женотделов ЦК КП(б)У по исполнению директив партийного руководства за 1929 г. свидетельствовали, что «особенно плохо работа налажена в Луганском округе, где к началу переизбрания советов на должностях председателей было всего 4 женщины, а сейчас одна, последних снято: в Алчевском районе... женщину председателя сельсовета за невыполнение своих обязанностей; в Ровенецком районе... снято с должности за сотрудничество с кукулями и осуждено на 3 года заключения» [4, с. 107].

Дополнительным каналом включения женщин в общественную жизнь было выдвижение – перевод активных работников на руководящую работу в государственные, хозяйственные, профсоюзные, кооперативные и другие органы. Согласно отчету женотдела Сталинского окружного партийного комитета КП(б)У за октябрь 1928 г. – май 1929 г., по округу из 48 женщин-выдвижек на советскую работу были выдвинуты 21 человек, в партийный аппарат – 14, на административно-хозяйственную работу – 9, в кооперативную сферу – 4 человека [1, л. 1–2]

Исходя их партийных директив, женщины-выдвижки должны были быть членами или кандидатами в члены ВКП(б), принимать активное участие в общественной работе, обладать определенным практическим опытом в принятии решений. Так, в 1928 г. на руководящие

посты в Сталинский городской совет были выдвинуты работницы Сталинского металлургического завода, члены партии: Котовская на должность заместитель председателя горсовета и Олиференко – зав. жилищным отделом [1, л. 12].

Отдельной формой выдвиженчества был перевод с низшей должности на высшую, или на иной ответственный участок работы. Так, например, в конце 1928 г. с должности зав. женотдела Макеевского РПК на пост секретаря Селидовского районного комитета КП(б)У была выдвинута З.М. Хохрякова. В обосновании выдвижения было указано: «Хохрякова З.М., член партии с 1920 г. По социальному положению работница, образование низшее. С 1918 г. по 1920 г. была добровольцем в Красной Армии. Окончила годичные Харьковские военные курсы при Политуправлении Реввоенсовета. Работала политруком в военном госпитале. С 1923 г. по 1926 г. на женработе» [1, л. 10].

Привлечение женщин к активной общественно-политической деятельности с каждым годом увеличивалось.

Таким образом, формируя задачи широкомасштабного включения женщин в общественно-политическую жизнь страны, большевики исходили из двух важных положений: во-первых, начать целенаправленную работу по воспитанию, подготовке и привлечению женщин к участию в деле строительства социализма, во-вторых, повысить их социальный статус в общественной жизни и достичь фактического равноправия полов.

Список литературы

1. Государственный архив ДНР (ГА ДНР). П–9. Оп. 1. Д. 714.
2. ГА ДНР. П–1. Оп. 1. Д. 1349.
3. *Земзюлина Н.И.* Гендерный аспект кадровой политики в СССР в 1920–1930 годы // Исторические науки, этнология и археология. 2013. № 6 (22). С. 14–18.
4. *Коханова Е.А.* Общественно-политическое положение женщины в советской Украине (20–30-е годы XX в.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01. Харьков, 2015. 208 с.
5. *Тимченко Ж.П.* Организационные мероприятия коммунистической партии по привлечению работниц и крестьянок в советское строительство в Украине (1919–1920 гг.) // Украинский исторический журнал. 1965. № 3. С.57–65.
6. *Чеботарева А.В.* Выдвиженчество как составляющая часть кадровой политики УССР в 1920–1930-х гг. // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2015. №1 (55). С. 64–71.
7. *Чирков М.П.* Решение женского вопроса в СССР (1917–1937 гг.). М.: Мысль, 1978. 255 с.

М.А. Графова

*Москва, Департамент международных отношений факультета
мировой экономики и мировой политика НИУ ВШЭ*

«Красная учительница» или «горбатый чёрт»: трагическая судьба сельской учительницы-активистки в эпоху коллективизации

Время «Великого перелома» ознаменовано целым рядом радикальных перемен в советском обществе, одной из которых был курс на коллективизацию крестьянства. Увеличивалось финансовое давление на кулацкие и средние хозяйства, в частности, в 1928–1929 гг. был реформирован ЕСХН с увеличением платежей для многолюдных зажиточных хозяйств; уже с начала 1928 г. формально добровольные государственные займы фактически стали чем-то вроде денежного налога, а также изменился порядок самообложения. Принятое на сельском сходе по этому поводу решение стало обязательным для всех участников, к тому же само решение продавливалось сверху любыми средствами [3, с. 14–17]. В частности, в 1928–1929 гг. кулацкие хозяйства платили в 2,7 раза больше сельхозналога, по сравнению с 1926–1927 гг., а середняцкие – в 1,6 раза больше [2, с. 24–25].

Результат был предсказуем: напряжение в отношениях между крестьянами и советской властью росло и проявлялось на разных уровнях. Исследование посвящено характерному с разных точек зрения частному эксцессу в рамках разворачивающейся коллективизации, а именно резонансному, политически окрашенному, уголовному делу о доведении до самоубийства сельской учительницы Лапшиной, нашедшему немалый отклик в советском обществе в 1929 г. [7].

Краткая история событий такова: в школе села Никитского неподалёку от Калязина в конце 1920-х годов работали две учительницы, не ладившие между собой. Школа представляла, судя по всему, обычную для того времени сельскую семилетку, с сочетанием 1-й (т.е. начального образования) и 2-й ступеней, которые с 1927 г. были по всей стране преобразованы в так называемые школы крестьянской молодежи (ШКМ задумывались как база подготовки кадров квалифицированной сельской кооперации, особенно в связи с принятым на XV съезде курсом на коллективизацию) [4, с. 319–320].

Одна из учительниц, Никольская, была старше, традиционной по воспитанию и методам работы и происходила из духовного сословия. Вторая, Лапшина, была болезненной молодой женщиной из бедной крестьянской семьи, активисткой с коммунистическими убеждениями. В комсомол она вступила ещё в школе, одной из первых после организации ячейки, испытывала явную склонность к тому, чтобы заниматься общественной работой и продолжить образование, но и с тем, и с дру-

гим возникали проблемы: из комсомола Лапшина выбыла, когда была отправлена работать в захолустную деревенскую школу, а поступив в Тверской педагогический институт, вынуждена была почти сразу оставить учебу из-за недостатка средств [7, т. 1, л. 64].

В 1928 г. Лапшина была выбрана в ревизионную комиссию сельсовета и начала принимать участие в налоговой кампании, проведении самообложения и распространении займа; ходили слухи о том, что она собирается закрыть в селе церковь и открыть в ее здании клуб. Также она выгнала из школы детей кулаков и духовенства, чем предсказуемо быстро вызвала всеобщее недовольство крестьянского населения округа. Характерно, что эта чистка (усилившаяся к концу 1920-х годов) [5, с. 125] была предпринята Лапшиной именно из идейных соображений, необходимости в ней не было, в школе были свободные места.

Вокруг Лапшиной возник отрицательный общественный консенсус, любой её промах запоминали, подвергали негативной интерпретации и преувеличивали. В результате падкая на сенсации местная газета опубликовала оскорбительную и необоснованную заметку о Лапшиной под названием «Полуразвращённые идиоты у классной доски» (так! – *М.Г.*) [7, д. 1035, л. 49], выставив её распутной, неквалифицированной и неопрятной женщиной. Среди зимы ее выгнали с работы и с казенной квартиры, она некоторое время жила у знакомой беднячки из соседней деревни, не добилась пересмотра своего дела, объявила голодовку и умерла 14 февраля 1929 г. Скорее всего, о Лапшиной, одинокой, отчуждённой от своей семьи, просто забыли бы при полном попустительстве местных партийных органов, но история неожиданно получила быструю огласку, поскольку оказалась соответствующей политической повестке дня: борьбе с кулаками и сельским духовенством. Было проведено расследование и открыто уголовное дело против недругов Лапшиной, причём изначально придав ему политический смысл (обвинение по 58-й ст.). В результате были вынесены достаточно суровые приговоры (в частности, Никольской, признанной организатором травли, дали семь лет). Ход дела широко освещался в советской прессе в июне–июле 1929 г. (например, газеты «Известия», «Правда», «Вечерняя Москва», журнал «Революция и культура»). Основные вехи конфликта Лапшиной с коллегой Никольской и сельским сообществом отражены на страницах сборника «Дело Лапшиной», выпущенного по горячим следам в 1929 г., включавшего ряд публицистических откликов (в том числе Е. Ярославского), а также выдержки из судебного дела и т.п.

Насколько мне известно, история Лапшиной почти не изучена (я обнаружила только беглое упоминание и некоторое количество ссылок на освещение дела Лапшиной в советской прессе у Е.Т. Юинга [6].

Специфика исследования состоит в том, что в моём распоряжении оказались не только отклики на дело Лапшиной в советской прессе и агитационная брошюра, но и соответствующее архивное дело, очень большого объема, в нескольких томах и на многих сотнях страниц. Таким образом, можно рассмотреть данный казус сразу с нескольких точек зрения: с одной стороны, трагическая, но банальная история школьного скандала с разрушением репутации и доведением до самоубийства одинокой и не вписавшейся в местное сообщество учительницы оказывается встроенной в контекст широкомасштабной перестройки политической системы, общества и экономики СССР, а также определённого этапа становления системы советской школы. С другой – сам этот случай с самоубийством учительницы-активистки может быть проанализирован как с заведомо идеологически ангажированной точки зрения официальной прессы и пропаганды, так и прослежен по архивным материалам, включающим многочисленные эго-документы: протоколы допросов, заявления, объяснительные записки, автобиографии. Это сопоставление позволяет, в частности, выявить механизмы конструирования «политического дела» из обстоятельств и поступков людей, которые, вполне возможно, не маркировали сами для себя свои намерения и поступки как политически окрашенные. Представляется, что предложенное сопоставление может дать продуктивные исследовательские результаты.

Список литературы

1. Дело учительницы Лапшиной. М., 1929.
2. *Ивницкий Н.А.* Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000.
3. *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х годов. Новосибирск, 2004.
4. *Филоненко Т.В.* Реформы и контрреформы: история школьных систем в России XIX – первой трети XX в. Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 2004.
5. *Штамм С.И.* Управление народным образованием в СССР (1917–1936 гг.). М.: Наука, 1985.
6. *Юинг Е.Т.* Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х годов. М., 2011.
7. ЦГАМО. Ф. 5062. Оп. 3. Д. 1035–1036. Дело по обвинению Никольской М.С. и др. по ст. 58 УК – в распространении ложных сведений об учительнице Никитинской школы Лапшиной, скончавшейся от объявленной ею голодовки. Т. 1. Т. 2, ч. 1–3.

Повседневность женщин в Лиге Наций (1920–1930-е годы)

Лига Наций (ЛН) была образована после Первой мировой войны как универсальная межправительственная организация для поддержания мира и ускорения международного сотрудничества. До создания ЛН проблемы женщин и борьбы за равноправие редко обсуждались на главных международных конференциях с участием правительств. Исключение составляли несколько конференций женских международных неправительственных организаций. С созданием ЛН в этой традиции наметился поворот. В ст. 7 Пакта Лиги Наций был включен пункт о равных правах на получение работы в международной организации как у мужчин, так и у женщин: «Все должности в Лиге или в связи с ней, включая секретариат, открыты в равной степени для мужчин и женщин» [2].

ЛН была в многих аспектах европоцентристским объединением с доминированием великих держав. Для постоянного органа ЛН необходимо было, во-первых, набрать и организовать международный персонал, чья лояльность Лиге не вызывала бы сомнений, а во-вторых, эти мужчины и женщины должны были завоевать и сохранить доверие своих правительств. Это была нелёгкая задача. Ж. Монне, заместитель Генерального секретаря ЛН, вспоминал позднее: «Теперь, на расстоянии, я лучше вижу в Лиге Наций некоторые сверхнациональные черты, и прежде всего в работе секретариата, где существовало глубокое взаимопонимание между людьми, каждый из которых обладал в своей стране многообразными связями, позволявшими влиять на решения национальных центров руководства» [1, с. 95].

Существовало два проекта создания секретариата. Летом 1919 г. первый проект секретариата подготовил М. Хэнки на основе идеи представительства только великих держав. Следующий план предложил Э. Драммонд, согласившийся стать Генеральным секретарем ЛН. Он отверг государственно-центрическую форму международного секретариата. Вместо того, чтобы структурировать секретариат в соответствии с интересами великих держав, Драммонд организовал его по функциям, с отдельными департаментами для поддержки каждой из ключевых областей деятельности ЛН. Таким образом, Э. Драммонд создал нечто совершенно новое: международную бюрократию, структурированную по функциям, а не по национальности, лояльную международной организации. Эта структура сохраняется в ООН по сей день.

Сотрудников ЛН набирали по всему миру. В октябре 1920 г. эта зарождающаяся международная бюрократия с багажом и семьями села в специально арендованный поезд в Лондоне на вокзале Виктория и направилась в Женеву. Это были люди, которых переполняло «ощущение избранности» [7, с. 7].

Не стоит переоценивать широкую географию нового органа: большинство сотрудников секретариата представляли Европу. В ЛН использовали в качестве официальных рабочих языков французский и английский [8]. Секретариат постоянно нуждался в большом количестве высокообразованных работников в технические секции, а также в квалифицированных секретарях для многочисленных комитетов. Делегаты в Женеве часто брюзжали по поводу того, что «в секретариате много капитанов и полковников и мало рядовых и унтер-офицеров» [8, с. 288].

Впервые в истории формально «женщины сталкивались с меньшими препятствиями и преубеждениями в администрации Лиги, чем в любой другой гражданской администрации, включая британскую гражданскую службу» [8, с. 367]. Тем не менее одно существенное препятствие было. Главная преграда – дипломы об образовании женщин. Это касалось кандидаток из многих стран.

На высоких должностях в секретариате первого дивизиона в 1920–1930 годах работало лишь 13 женщин [8]. Они представляли Бельгию (1), Великобританию (7), Венгрию (1), Литву (1), Польшу (1), Францию (1), США (1) [8, с. 369]. Из 13 женщин – 5 (4 англичанки и 1 француженка) работали переводчицами и пресс-атташе. В 1931 г. из 718 сотрудников секретариата женщины составляли почти половину, но подавляющее большинство женщин было в более низком втором дивизионе [6, с. 93].

Самая востребованная помощь в деятельности многих комиссий ЛН – это труд квалифицированных секретарей-машинисток, обладающих знанием нескольких языков. Например, Организация интеллектуального сотрудничества искала в 1924 г. «секретаря-стенографистку-машинистку» [3]. Заместитель генерального секретаря И. Нитобе информировал 24 января 1924 г. финансового директора ЛН Г. Эймса о том, что «попытается отложить назначение штатного секретаря-стенографистки еще на пять-шесть недель, чтобы, когда оно будет сделано, мы могли предложить несколько более высокую заработную плату с учетом стоимости жизни» [3]. Однако в ответе Г. Эймса, как и присуще опытному бухгалтеру, имеется предложение о сокращении оклада для секретаря в размере 9920 франков до 7420 франков (на 10 месяцев) [3]. Это жалование машинистки-стенографистки было примерно в три раза меньше, чем у чиновника первого дивизиона ЛН, но все равно более чем достаточным по требованиям расходов в Женеве в

1924 г. для молодой женщины без семьи. В 1925 г. при организации Института интеллектуального сотрудничества было потрачено на оплату «переводчиков и машинисток» 120 тыс. франков [4].

Существовала еще одна возможность разнообразить повседневность работы в секретариате ЛН. Лига получала много приглашений прислать представителей на различные форумы женских организаций. Бюджет секретариата не позволял много поездок, но в особых случаях все же давали командировки сотрудницам секретариата. Например, летом 1926 г. в Париже проходил конгресс Международного альянса за избирательные права женщин. Секретарь организации М. Корбетт Эшби направила приглашение Э. Драммонду прислать делегацию ЛН. В ответном письме Драммонд с сожалением сообщил, что «требования работы Секретариата в настоящее время не позволяют мне направить более одного его члена для участия в конференции» [5]. В итоге в Париж делегировали одну сотрудницу секретариата княгиню Габриэль Радзивилл, известную пацифистку, одну из первых сотрудниц секретариата, проработавшую в ЛН с 1920 до 1934 г.

Несмотря на то, что женщины были недостаточно представлены в Лиге, особенно на высокопоставленных должностях, их появление в главной международной организации означало большое достижение в борьбе за равноправие. Мир уже не мог вернуться к временам до Первой мировой войны в отношении условий и положения женщин в международных межправительственных организациях.

Список литературы

1. Монне Ж. Реальность и политика. Мемуары. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 664 с.

2. The Covenant of the League of Nations. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/leagcov.asp (дата обращения: 30.03.2023).

3. League of Nations Archives. File R1067/13C/33336. 1924 Budget of Organisation on Intellectual Cooperation. URL: <https://archives.ungeneva.org/1924-budget-of-organisation-on-intellectual-cooperation> (дата обращения: 31.03.2023).

4. League of Nations Archives. File R1035/13C/45723/14297. Commission for Intellectual Cooperation – Report on the Sixth Session, Geneva, 27–30 July 1925. URL: <https://archives.ungeneva.org/commission-de-cooperation-intellectuelle-rapport-sur-la-sixieme-session-geneve-27-30-juillet-1925> (дата обращения: 31.03.2023).

5. League of Nations Archives. R1013/13/48861/27029. International Woman Suffrage Alliance – Representation of Secretariat at Tenth Congress, Paris, 30 May-6 June 1926. URL: <https://archives.ungeneva.org>

org/international-woman-suffrage-alliance-representation-of-secretariat-at-tenth-congress-paris-30-may-6-june-1926 (дата обращения: 31.03.2023).

6. *Macfadyen D., Davies M., Carr M., Burley J.* Eric Drummond, and his Legacies. The League of Nations and the Beginnings of Global Governance. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2019. 361 p.

7. *Pedersen S.* The Guardians: The League of Nations and the Crisis of Empire. New York: Oxford University Press, 2015. 571 p.

8. *Ranshofen-Wertheimer E.* The International Secretariat: A Great Experiment in International Administration. Washington: Carnegie Endowment for the International Peace, 1945. 500 p.

Д.И. Наволоцкая

Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Повседневность стахановцев 1930-х годов на примере образа Е. Виноградовой в советской прессе

На уровне государственной риторики в годы первых пятилеток произошла реализация большевистского проекта гендерного равенства: в публичном дискурсе, прежде всего на страницах прессы, советские женщины больше не изображались как политически неграмотные или отсталые, они стали воплощать достижения советского государства [4, р. 4]. Главное место в программе освобождения советских женщин первой половины 1930-х занимал труд на производстве, а женщина изображалась как работница. Дуся Виноградова добилась успехов как на производстве, так и в общественной жизни. Она была одной из инициаторов высокой производительности труда, т.е. первой стахановкой в текстильной промышленности, автором стахановского метода работы на 70, 100 станках, депутатом Верховного Совета СССР, т.е. представляла яркий пример новой советской женщины.

Виноградова была призвана показать женской аудитории всей страны определенную роль на рабочем месте, в общественной деятельности и политике. Она получила техническое образование в ФЗУ, не остановившись на этом, в 1941 г. закончила Промышленную академию им. Молотова по специальности инженер-технолог. В 1940-е годы Дуся занимала посты заместителя директора, а потом и директора красильно-отделочной фабрики и текстильно-трикотажной фабрики соответственно [2]. Для женщин в 1930-е годы она была примером того, что работница может и должна учиться, повышать свою квалификацию.

Еще одной важной составляющей её образа не только как стахановки, но и как женщины была культурность. Первые индивидуальные

стахановские рекорды совпали с началом кампании по распространению среди рабочих «культурности». В контексте 1930-х годов культурный образ жизни прививался рабочим с целью нормализации повседневного обихода и общественного порядка в городах после крупных миграций из сельской местности. Иными словами, в процессе урбанизации или «огорожанивания» государство приучало прежде сельское население к городскому образу жизни. Набор практик, соответствовавших городской среде, диктовался промышленной организацией труда [1, с. 206–208]. К ценностям «культурности» относили как практики внешнего ухода за внешностью, потребления качественных товаров, так и разностороннее самообразование, внутреннюю работу над собой. Стахановцы изображались в прессе как образцы «культурности», передовые во всех отношениях. С помощью их примеров с новой повседневностью, городским образом жизни знакомили прежних сельских жителей. Е. Виноградова была образцом новых ценностей, которые воплощались в её опрятном внешнем виде во время работы, техническом образовании, а также разносторонних интересах во время досуга.

Стахановцы часто появлялись в газетах не только в официальном костюме, но и рабочей форме вместе со своим главным рабочим инструментом. Это был комбинезон или рубашка с брюками специально приспособленные к работе в определенной отрасли промышленности. Так А. Стаханов как шахтёр предстал в специальном комбинезоне и с фонарем [6], Н. Сметанин изображался напротив перетяжной машины в рабочей робе и фартуке [10]. Также и Виноградова после официальных встреч меняла специально предназначенный ей, женский официальный костюм на рабочую форму, шёлковый сарафан или платье. В день начала работы на ста станках Дуся приходит на работу в нарядной, шёлковой блузе и сарафане [9]. В день перехода на 208 станков она: «Тоненькая, стройная в своей весенне-зелёной, шёлковой блузе и тёмно-зелёном сарафане идёт по главному проходу зала к той точке, откуда она начнёт свой маршрут» [12]. Перед новым рекордом Виноградовы (в 1935 г. вместе с Дусей стала работать ее сестра Маруся) посещают магазин, где придиричиво подходят к покупке тёмно-синих шёлковых платьев [7]. Право «новой советской женщины»-стахановки на платье, становится обязанностью, ведь стахановка образец для подражания, воплощение женского «культурного отношения» к труду.

Досуг ткачихи Виноградовы совмещали с работой над собой: читали, помимо технической литературы, художественную. Е. Виноградова занималась спортом и даже участвовала в театральной труппе молодёжного театра [8]. Ткачихи непременно посещали театр, когда были на слётах и совещаниях в Москве, а потом обязательно общались с

актёрами. Культурность Дуси продолжилась и в годы её депутатства, ещё больше поднять культурный уровень стахановке помогала дружба с народной артисткой Е.П. Корчагиной-Александровской: «Дуся Виноградова многое постигает из общения с Корчагиной – любовь к искусству, вкус, ценности, сообщаемые большим жизненным опытом. Народная артистка Корчагина видит в Дусе те родники народного реализма, те черты народного характера, которые она так мастерски воплощает в сценических образах» [11]. Дружба актрисы и стахановки описывалась как плодотворное сотрудничество между старой и новой интеллигенцией [Там же].

Стахановцы-ударники были резервом и кадрами для новой технической интеллигенции, так как не только использовали новые технологии в своей работе, но и учились у специалистов, повышали квалификацию [3, р. 70]. Также они должны были быть примером стирания грани между умственным и физическим трудом [5, р. 299].

Однако образ Е. Виноградовой не был универсальным для всех женщин страны. Юная текстильщица-комсомолка могла быть показательным примером профессиональной программы для женщин первого советского поколения. Для колхозниц из параллельного мира деревни существовала Паша Ангелина, для работниц старшего поколения примером могла быть А.А. Шавалева, также достигшая немалых профессиональных успехов. С началом проведения пронаталистической политики после 1936 г. примеры для подражания стали появляться и специально для трудящихся матерей-стахановок. Все эти образы стахановок в прессе легитимировали новую городскую повседневность, а также новую роль женщины на производстве.

Список литературы

1. *Волков В.В.* Концепция культурности, 1935–1938 гг.: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1-2.

2. *Лешуков Т.Н.* Виноградовскими маршрутами. Ярославль, 1985.

3. *Buckley M.E.* Mobilizing Soviet peasants: heroines and heroes of Stalin's fields. Rowman & Littlefield, 2006.

4. *Chatterjee C.* Soviet Heroines and Public Identity //The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. 1999. №. 1402.

5. *Siegelbaum L.H.* Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941. Cambridge University Press, 1988.

Источники:

6. Алексей Стаханов с картины художника Б. Ряжского. // Комсомольская правда. 1938. 28 октября.

7. Виноградовы //Лёгкая индустрия. 1935. 7 ноября.
8. Всесоюзный рекорд ткачихи Виноградовой // Лёгкая индустрия. 1935. 12 сентября.
9. Мировой рекорд ткачихи Виноградовой // Работница. 1935. 29–30 октября.
10. Николай Степанович Сметанин. Рис. А.А. Зильберштейна // Лёгкая индустрия. 1935. 12 октября.
11. Подруги // Известия. 1938. 5 ноября.
12. Сегодня рекорд Дуся Виноградовой 208 станков // Комсомольская правда. 1935. 4 декабря.

В.О. Шаповалова

Сан-Диего (США), Университет штата Калифорния

Женщины Вильнюсского гетто в антифашистском сопротивлении 1941–1944 гг.

Роль и место женщин в еврейском движении сопротивления нацизму во время Второй мировой войны изучены мало. Из 30 000 еврейских партизан в Европе женщины составляли менее 10%. В этой работе я рассматриваю участие женщин в движении сопротивления в Вильнюсском гетто и в еврейских партизанских отрядах, сформированных из узников гетто. Мои основные источники – эго-литература: мемуары, дневники активных участниц сопротивления. К эго-документам я также отношу интервью участников сопротивления, записанные для документальных фильмов, для архивов Мемориального музея Холокоста в Вашингтоне и архивов Еврейских центров при университетах в США.

До сегодняшнего дня идут споры, что понимать под сопротивлением – само выживание в условиях тотального геноцида или активное сопротивление с оружием в руках. Сопротивление в Вильнюсском гетто можно разделить по его целям. Больница, школа для детей, образовательные курсы для взрослых, профессионально-техническое обучение, библиотека, театр, симфонический оркестр, хор были только в Вильнюсском гетто. Такое количество культурных и гуманитарных программ помогало и облегчало узникам выживание в условиях террора. Сопротивление с оружием в руках ставило своей целью спасение евреев от тотального уничтожения.

В начале XX в. Вильнюс был самым крупным центром еврейской культуры и сионистского движения в Восточной Европе. Между двумя мировыми войнами город находился в составе Польши, а в 1939 г. был

передан Литве и стал ее столицей. Согласно переписи населения 1939 г., евреи составляли около 42% населения города. В Вильнюсе издавалось более 30 газет на идиш и 2 на иврите. В городе находилась крупнейшая в Европе иудаистская библиотека. Работали школы/гимназии Тарбут, преподавание в которых велось на иврите. Литературное объединение «Молодой Вильнюс» (*Юнге Вилна*) объединяло поэтов и писателей левых политических взглядов, но разных литературных направлений. Вильнюс стал одним из центров нелегальной репатриации в Палестину (*Эрец Исраэль*). Старое и новое гармонично сочеталось в этом городе.

С сентября 1939 г. поток еврейских беженцев в Литву и в Вильнюс стремительно возрос: евреи Восточной Европы искали спасения в «литовском Иерусалиме». Приход коммунистов к власти (в 1940 г. Литва вошла в состав СССР) заставил сионистские партии и организации уйти в подполье. К июню 1941 г. основные политические партии получили опыт нелегальной работы. Вильнюс был оккупирован 23 июня 1941 г., а уже 4 июля немцы начали массовое уничтожения еврейского населения. С июля по конец августа 1941 г. в поселке Понары близ Вильнюса (место массового уничтожения евреев) было расстреляно около 30 000 человек. Оставшихся в живых евреев Вильнюса литовская вспомогательная полиция и немецкие войска согнали в гетто: семь кварталов старого города, огороженных заборами и колючей проволокой.

Движение сопротивления нацистам сформировалось к концу января 1942 г. Организаторами сопротивления были коммунисты, комсомольцы, левые и правые сионисты, позже к ним присоединились бундовцы. Организация получила название Объединенный партизанский отряд (ОПО). Руководителем отряда стал Ицхак Витенберг (1906–1943), убежденный коммунист, долго работавший в коммунистическом подполье, а после присоединения Литвы к СССР один из руководителей профсоюзов города. Заместителями Витенберга в отряде были правый сионист Иосиф Глазман (1906–1943) и левый сионист поэт Абба Ковнер (1918–1987). После гибели Витенберга Абба Ковнер стал командиром отряда. Именно Ковнер первым понял, что цель Гитлера – уничтожение всех евреев Европы [10, с. 71].

Задачей ОПО была организация самообороны гетто, саботаж и присоединение к Красной армии. 5 февраля 1942 г. в гетто был объявлен нацистский указ, запрещающий женщинам рожать [6, с. 110]. Еврейское население лишали будущего. По мнению К.И. Козака, месть была основной мотивацией евреев при вступлении в отряды партизан [1, с. 37] Мемуары и интервью свидетельствуют о том, что основными

побуждениями к действию как женщин, так и мужчин было желание принять участие в священной войне (слово «священная» отсылает к героям древней Иудеи) и, если придется умереть, то умереть с гордостью – в бою и с оружием в руках.

Это понимали и члены семьи подпольщиц и партизанок. Либа Ау-генфельд вспоминает, что мама дала ей традиционное религиозное благословение на уход в партизаны из гетто [9]. Фане Бранцовской родители помогали собраться в партизанский отряд в надежде, что она сможет остаться в живых [3]. Семья Жанны Ран-Чарны была готова уйти из гетто вслед за ней. [4, с. 110] Случалось, что девушки вступали в отряд против воли родителей. Рахиль Марголис (1921–2015) тайком ушла из дома и до конца жизни у нее сохранилось горькое чувство по отношению к отцу [8, с. 361].

До вступления в отряд все женщины были активными участницами политических движений. Фашизм и нацизм были общими врагами всех бойцов отряда. Принадлежность к разным партиям никак не влияла на взаимоотношения между бойцами. ОПО сохранял связь с городским коммунистическим подпольем до освобождения Вильнюса в июле 1944 г.

Под руководством Аббы Ковнера были разработаны строгие правила поведения в отряде, правила действий во время операций, а также моральный кодекс бойцов. В ОПО не было дискриминации женщин. До ухода в партизаны на территории гетто физические тренировки были обязательны для всех бойцов. В одном из подвалов гетто было оборудовано место для обучения стрельбе. Женщины обучались стрельбе наравне с мужчинами. По правилам ОПО, женщины участвовали в каждой проводимой операции: в каждой группе, идущей на задание, были одна или две женщины. Еще до ухода в лес Витка Кемпнер (1922–2012) зарекомендовала себя отважной и находчивой разведчицей. Она часто выходила на задания одна и выбирала оптимальные места для подрыва поездов, которые шли на восток с военными служащими, боеприпасами и техникой. Кемпнер и Соня Мадейскер (1914–1944) заминировали электростанцию в Вильнюсе [7]. В ОПО Кемпнер стала командиром группы разведчиков. Традиционная женская роль связных для еврейских женщин была вдвойне опасна – черты лица и цвет волос могли выдать еврейское происхождение. По нацистским законам евреям даже в гетто запрещалось выходить из дома без нашитых на одежду желтых звезд, ездить в общественном транспорте, ходить в городе по тротуарам, разговаривать с неевреями. В связные чаще выбирали женщин со светлыми волосами, по словам бойцов, «арийской внешности». Витка Кемпнер до конца войны красила волосы. Женщины осуществляли связь с организациями и гет-

то в Литве, а также в Белоруссии и Польше. Одной из задач связных было спасение евреев из гетто: связные приводили их в лес в партизанский лагерь. Связная Жанна Ран вывела из гетто более 150 человек. Она стала профессиональной разведчицей: по заданию партизан Белоруссии она поступила работать в ведомство Альфреда Розенберга, рейхминистра оккупированных Восточных территорий в Минске. В дальнейшем она перешла в отряд разведки НКВД.

Все женщины в отряде старались как можно лучше выполнять боевые задачи и быть примером для мужчин. На первом же задании Фаня Брацлавская безошибочно вывела группу партизан к месту операции [3]. Ружка (Рейзель) Корчак (1921–1988) писала о своем первом спецзадании в лесу: «В группе – около двадцати парней и две девушки. Передо мной шагает Хася Варшавчик. Мы хорошо понимаем, что в зависимости от того, как будет проведен рейд, решится не только наше собственное боевое будущее, но и общий вопрос о привлечении девушек к таким операциям» [4, с. 277].

Соединение с партизанами Красной армии проходило сложно не только потому, что еврейские партизанские отряды стремились сохранить свою национальную идентичность. Отношение к женщинам в Красной армии было иным. Командование редко разрешало женщинам участвовать в боевых операциях [10, с. 162]. Это противоречило самому принципу равенства в ОПО. Когда отряд, в котором служила Рахиль Марголис, влился в советский партизанский отряд, она вышла перед всем строем и заявила, что женщины, имеющие боевой опыт, не пойдут в бригаду obsługi. После собеседования и проверки 11 женщин были включены в боевые группы [8, с. 384].

В ОПО не было случаев насилия над женщинами. Это входило в моральные правила ОПО. Кратковременные связи были. В целом женщины находились в состоянии такого нервного напряжения, что у многих была аменорея, и они были рады этому [5, с. 115; 10, с. 101–102]. В большинстве случаев женщин и мужчин сближали общие память, потери, работа в отряде. Ружка Ковнер писала: «...любой день мог стать последним для всего лагеря, и тем не менее надежды и любовь брали свое, молодые люди клялись друг другу в верности и обсуждали свою будущую совместную жизнь» [2, с. 327]. После войны многие женщины-бойцы выходили замуж за своих друзей по гетто и отряду. Эти браки сохранились до конца жизни.

Все женщины, принимавшие участие в работе Вильнюсского подполья и в партизанских отрядах ставили перед собой задачу – сохранить память о Катастрофе, не только о тех тысячах погибших в Вильнюсе и в Понарах, но и о тех, кто с оружием в руках отстаивал честь и гордость еврейского народа.

Список литературы

1. *Козак К.И.* Германская оккупация Беларуси: формы и методы еврейского сопротивления нацизму. Еврейское сопротивление нацизму на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг. / сост. К.И. Козак. Минск: И.П. Логвинов, 2011.
2. *Корчак Р.* Пламя под пеплом. Библиотека Алия, 1977.
3. Мы остались людьми. История Фани Бранцовой. / Яд Вашем. Международная школа изучения Катастрофы. 2012.
4. *Ран-Чарный Ж.* Невероятная правда. Вильнюс, Швитурис, 1993.
5. *Bart M., Corona L.* Until Our Last Breath: A Holocaust Story of Love and Partisan Resistance. St. Martin Press, 2008.
6. *Kruk H.* The Last Days of the Jerusalem of Lithuania. Chronicles from the Vilna Ghetto and the Camps, 1939–1944. Yale University Press, 2002.
7. *Kempner V.* Oral history interview with Vitka Kempner, 1996, US Holocaust Memorial Museum Collection. Accession No. 158.16.
8. *Margolis R.* A Partisan from Vilna, Academic Studies Press, 2010.
9. Partisans of Vilna / directed by Josh Waletzky; produced by Aviva Kempner. European Classics. 1985.
10. *Porat D.* The Fall of the Sparrow. The Life and Time of Abba Kovner. Stanford University Press, 2009.
11. The World Was Ours. The Jewish Legacy of Vilna. A documentary film by Mira Jedwabnik Van Doren, 2007.

М.Д. Кербиков

*Ярославль, Ярославский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник*

Женщины на политической работе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Елизавета Янсон

Женщина-медик, радист, партизанка, летчица является узнаваемой фигурой военного ландшафта. Их образы легко возникают в нашем воображении, в т.ч. благодаря киноискусству. Поэтому особый интерес вызывает та героиня, чья судьба способствует слову шаблона. Такой личностью была Елизавета Янсон (1912–1984), политработник на 2-м Белорусском фронте. В Ярославском музее-заповеднике хранятся ее документы – автобиографии и письма [1–8]. Они дают возможность показать судьбу из двух точек – поздних рукописей, написанных в официальной советской стилистике эпохи 1970-х и более эмоциональных писем с фронта.

Елизавета Андреевна Янсон родилась 18 марта 1912 г. в селе Скурыгино Подольского района Московской области. Как явствует из ее военного билета семья была крестьянская [2]. Ее отец Андрис Каспарович Янсон, латыш по национальности, работал садовником в усадьбах помещиков. Мать Прасковья Семеновна Горшкова была прачкой. После гибели отца на фронте в Первую мировую войну мать с тремя детьми переехала в Галич, на свою малую родину. Елизавета с 13 лет работала по найму у частных лиц няней. В 1929 г. вступила в комсомол, и вскоре ее избрали секретарем кустарно-батрацкой ячейки. Ячейка занималась агитацией крестьян за вступление в колхозы и обучением неграмотных чтению и письму. В Ярославль Елизавета попала по комсомольской путевке – на торфоразработки, а потом ее перевели на строительство резиноасбестового комбината. Партийная работа определит всю траекторию ее судьбы, повлияет на принятие сложных решений, социальную мобильность. В 1933 г., после прохождения комсомольских курсов в Иваново, она была избрана секретарем комсомола Ярославского электромоторного завода. У рядовых строителей первых пятилеток были тяжелые условия труда. Как она вспоминала позднее: «Приехали мы осенью, уже холодно было, а бараки для нашей жилья еще без рам и печей стоят. Кормили соленой воблой и кашей перловой. Но мы не унывали. Моя бригада девушек на стройке Шинного завода работала. С бригадой ребят соревновались, а все выходные на субботниках работали» [1, с.1–5]. После работы Янсон ходила в аэро клуб, прыгала с вышки и с самолета У-2, училась верховой езде. К 1937 г. Елизавета заканчивает 9 классов Ярославской взрослой школы и переезжает в Чимкент к сестре, где у нее родилась первая дочь – Лора. Об обстоятельствах столь неожиданного переезда можно лишь догадываться. Детали семейной жизни в 1937–1938 гг. она не описывает. В 1938 г. вернулась в Галич, где работала директором районного Дома культуры. В 1939 г. в Галиче ее принимают в члены партии. Через некоторое время ее жизнь вновь оказалась связанной с Ярославлем. Оставив дочь с бабушкой, в начале 1941 г. она возвращается в Ярославль, поступив на работу в облторготдел. В первый же день войны Елизавета подала заявление в военкомат с просьбой отправить ее на фронт, но ей отказали. Каждый день после работы она ходила в госпиталь ухаживать за ранеными и одновременно училась на курсах медсестер, записалась в ополчение.

В действующую армию ее направляют в апреле 1942 г., но сначала на краткосрочные курсы политработников при Главпуре, а затем на Московский фронт противовоздушной обороны. С июня 1942 по май 1944 г. она являлась начальником клуба 1-й дивизии ВНОС (войска

воздушного наблюдения, оповещения и связи) Московского военного округа. А с мая 1944 по июнь 1945 г. парторгом 139-й стрелковой дивизии 354-го артиллерийского полка 1-го дивизиона 2-го Белорусского фронта. Во время отправки в свою часть пришлось отказаться от многих привычек мирного времени, «бросить чемодан» с лишними вещами, научиться «ночевать в лесу на шинели» [4, с. 1]. В автобиографии Елизавета Андреевна отметила: «В нашей 49-й армии я была одна женщина политический работник. И старалась работать не хуже мужчин. Большую переписку организовала с семьями солдат. Проводила короткие митинги гнева, на которых давалась клятва не давать пощады врагу» [1, с. 2–4; 3, с. 1]. Она вспоминала, что на весь дивизион из литературы была только «История ВКП(б)» и «Как закалялась сталь». Поскольку артиллерийский полк формировался в Чебоксарах, в нем было много чувашей, татар, украинцев, белорусов. Янсон старалась воспитывать у солдат чувство многонационального единства [3, с. 5]. Кроме политической работы, она часто исполняла обязанности санитарки. Елизавете Андреевне особенно запомнились трудные переходы по белорусским болотам, где люди по пояс увязали в жидкой грязи, тащили на себе ящики со снарядами, чтобы облегчить коней, или шли по степи, где не было воды, в котелках давали напиток коням, а сами, изнывая от жажды, шли дальше. В письмах она более подробно и откровенно описывает свой военный быт. Так, в письме своей подруге Тосе – Антонине Лайзан, отправленном в июле 1944 г. она пишет о продвижении по территории Белоруссии: «...и пошли мы быстрым маршем вперед, все вперед к Германской границе, очищая от немцев Белоруссию. Дороги, иногда сотнями километров тянулись – сплошной зыбучий песок. Измотались и кони, и люди, но людей двигала какая-то необъяснимая сила вперед и вперед и они не жаловались на недостаток сна... Когда я встретила на своем пути первый труп фрица, меня бросило в дрожь от отвращения. А потом привыкла и шагаю через них равнодушно как через дрова» [5, с. 3–4]. Из этого же письма мы узнаем, что далеко не сразу у нее установились хорошие отношения с руководством. Командование дивизии приняло ее хорошо, но непосредственное начальство встретило так плохо, что если бы не ее «испытанная воля к действию, другая на моем месте расплакалась бы и уехала обратно». Они впервые видели женщину-политработника на передовой и прямо заявили: «На кой нам женщина, мы ждали мужчину, а я в ответ на это смеялась. Или успокаивала – не огорчайтесь, вот увидите все будет хорошо. Потом со мной никто целых два дня не разговаривал и не представили народу» [5, с. 2]. Елизавета старалась жить так, что «сам черт ко мне не придерется. И это все делается для того, чтобы доказать, что не все женщины на фронте одинаковы». На все

попытки убрать ее с фронта «на клубную работу, дала такой отпор, что вопрос отпал» [7, с. 2–3]. Попытки неуклюжего ухаживания и приглашения «дербалызнуть» она также пресекает, за что получает от мужчин прозвище «железное сердце» [5, с. 5–6]. Первый настоящий бой произошел у реки Неман. Солдаты дивизии бились два дня. «Как спят в постелях, как вообще разуваются на ночь, или спят под крышей, я уже забыла», – сообщается в письме [5, с. 4]. На войне она встретила свою вторую любовь, Федора Евстигнеева, отца будущей второй дочери Евгении. Между тем война продолжалась, ее иногда мучила мысль «смогу ли я выжить в следующем бою, как не погибнуть и вернуться домой». В письме от 30 августа 1944 г. она пишет подруге: «Я не цепляюсь за жизнь и даже не раздумываю над этим вопросом и только когда уж очень «жарко» бывает – после этого жизнь кажется так прекрасна. Так хочется дожить до победы...» [6, с. 1]. Во время тяжелых сражений в Померании в 1945 г. она потеряла в лесных схватках многих своих товарищей. В этих боях с немцами сталкиваться приходилось вплотную, драться врукопашную. «Сейчас идем к Балт. морю, будем освобождать германскую Силезию, а затем двинемся на Берлин», – пишет она в письме от 13 марта 1945 г., и там же: «...Очень мечтаю, чтоб скорее кончилась война, так надоело воевать и так хочется вернуться домой, обнять дочурку и зажить своей семьей, новой жизнью! Может быть это скоро так и будет?!» [8, с. 4]. После окончания Восточно-Померанской операции войска фронта были отправлены для сражения за столицу Германии. В апреле они перешли в наступление, форсировали Одер и разгромили штеттинскую группировку, обеспечив с севера наступление 1-го Белорусского фронта на Берлин. «Наша армия пронесла до Берлина на своих штыках этот справедливый гнев на тех, кто осмелился нарушить мир», – последние строки в военной автобиографии Елизаветы Янсон.

Демобилизовалась она в июле 1945 г. в звании старшего лейтенанта, с орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды. Вернулась в Галич, где ее ждали 6-летняя дочь и мать. В декабре 1945 г. Елизавета Андреевна переехала в Ярославль. Она трудилась секретарем парторганизации на нескольких заводах, постоянно занималась общественной работой, устраивала конно-лыжные походы по местам боев. Таким образом, на примере Янсон, мы видим, что женщины в период 1930-х годов и особенно в годы войны, играли исключительно важную роль. Преодолевая нападки, борясь с часто примитивным мужским представлением о роли женщины, они могли сами выстраивать свою судьбу. Обретение такой субъектности оказалось, не в последнюю очередь, связано с партийно-политической работой.

Список литературы

1. Автобиография Янсон Е.А. 19.12.1980 г. НВФ-8687/2.
2. Военный билет офицера запаса № 49693 Янсон Е.А. 1950 г. ЯМЗ-61514/10.
3. Воспоминания Янсон Е.А. Рукопись. ЯМЗ-61514/1.
4. Письмо Янсон Е.А. подруге Пинчевской Э.Г. 08.06.1944 г. ЯМЗ-61514/2.
5. Письмо Янсон Е.А. Лайзан А.И. Июль 1944 г. ЯМЗ-61514/3.
6. Письмо Янсон Е.А. Лайзан А.И. 30.08.1944. ЯМЗ-61514/5.
7. Письмо Янсон Е.А. Лайзан А.И. 01.01.1945. ЯМЗ-61514/6.
8. Письмо Янсон Е.А. Лайзан А.И. 13.03.1945. ЯМЗ-61514/8.

Т.И. Тарасенкова

*Смоленск, Государственный архив новейшей истории
Смоленской области*

Е.И. Уралова – реконструкция биографии советского руководителя

История СССР, особенно 1920–1930-е годы, – это период активной социальной мобильности, когда человек, не имевший в дореволюционной России шансов на построение карьеры, мог достичь значительных высот как в профессиональной, так и общественной сфере. Желание учиться, выполнение общественных поручений, членство в комсомоле, затем в партии, участие в общественно-политических кампаниях, убежденность в правильности своих действий в сочетании с определенными личностными качествами открывали перед человеком широкие возможности.

Этими возможностями могли воспользоваться как мужчины, так и женщины. Для женщин, независимо от социального происхождения, такая уникальная ситуация складывалась впервые. Несомненно, воплотить в жизнь свои стремления и мечты могли далеко не все. От женщины требовалось, кроме вышеперечисленных условий, наличие твердого характера, целеустремленности, организаторских способностей, умения учиться на своих ошибках, чтобы не повторять их в дальнейшем. Вместе с тем нужно отметить, что таких женщин, даже с учетом открывшихся для них возможностей, оказалось немного.

Одной из женщин, сделавших политическую карьеру, стала уроженка Смоленской губернии Евдокия Ильинична Уралова (1902–1985). На пике карьеры, в 1938–1947 гг. она была министром просвещения БССР, в 1948–1950 гг. – заместителем председателя Белорус-

ского республиканского общества по распространению политических и научных знаний, а в 1950–1958 гг. – заместителем Председателя Совета Министров республики.

Белорусский период деятельности Е.И. Ураловой подробно освещен в статье историка Э.Г. Иоффе [11]. В смоленских архивах хранятся документы, по которым можно реконструировать ее биографию до переезда в БССР, проследить карьерный рост, оценить сочетание личностных качеств и внешних условий, которые ему способствовали.

Е.И. Уралова родилась в крестьянской семье. В автобиографии, написанной в 1925 г., Евдокия Ильинична постаралась дистанцироваться от родителей, сообщив, что ее воспитанием они не занимались. Вероятно, это была тенденция времени. Сложно поверить в невнимание родителей к дочери, так как в 8 лет ее отдали учиться в церковную школу. В школе к Евдокии Ильиничне пришло понимание, что «в темноте жить плохо» [2, л. 6]. Очевидно, мать девочки считала так же, поэтому разрешила ей продолжить учебу в школе II ступени.

Евдокия Ильинична не хотела работать в хозяйстве родителей. Она стремилась реализовать себя на общественном поприще и видела такую возможность во вступлении в комсомол, а затем в коммунистическую партию. Основным направлением деятельности для нее стала работа с женщинами и помощь одиноким женщинам с детьми.

Кардинальный поворот в ее биографии произошел в 1928 г. В соответствии с политикой выдвижения рабочих и крестьян на руководящие должности Евдокия Ильинична как крестьянка была выдвинута на должность народного судьи в Рославле [1, л. 194]. Отсутствие специальных знаний не стало препятствием.

Основы юриспруденции она изучала на Высших юридических курсах в 1929 г., в середине 1930-х годов училась в заочном институте советского права. После короткого периода стажировки в аппарате Западного областного суда и прокуратуры Е.И. Уралову назначили на ответственную должность районного прокурора.

Отсутствие политического опыта привело к обвинению ее в правом уклоне. В 1933 г. партийная ячейка облсуда и прокуратуры обнаружила, что Е.И. Уралова выносила мягкие решения или отменяла приговоры в отношении кулаков и зажиточных крестьян. Евдокия Ильинична выбрала единственно верную тактику – признала допущенные ошибки, и это было отмечено председателем облсуда как важное деловое качество [4, л. 6].

В должности районного прокурора в Дорогобуже Е.И. Уралова исполняла не только свои непосредственные обязанности, но и политические поручения местного руководства. Ее приглашали на за-

седания бюро райкома ВКП(б) и требовали проводить расследования по значимым делам в короткие сроки [5, л. 201]. Областная прокуратура пыталась настаивать на независимой работе своих сотрудников и критиковала в 1934 г. Е.И. Уралову за то, что она «поддалась влиянию местных директивных органов» [9, л. 22].

Отдельные недостатки не умаляют тех результатов, которых Евдокия Ильинична достигла в работе. Об этом свидетельствует направленная в облпрокуратуру в 1935 г. характеристика на прокурора Уралову Е.И. с высокой оценкой ее профессиональных качеств и политической подготовки [6, л. 2]. В октябре–ноябре 1935 г. Евдокия Ильинична из Дорогобужского района была переведена на должность райпрокурора в более крупный Вяземский район.

Сохранение должности для советского руководящего работника зависело от поддержки курса ВКП(б). В августе 1936 г. Е.И. Уралова на заседании парторганизации выступила с обличительным докладом «О контрреволюционной террористической деятельности троцкистско-зиновьевской банды убийц» [7, л. 6]. Закономерным итогом выступления Евдокии Ильиничны стал призыв о повышении революционной бдительности.

В 1936 г. проводилось обследование работы прокуратуры и народного суда Вяземского района. В отчете Е.И. Уралова охарактеризована как спокойный, выдержанный товарищ, постоянно занимающийся повышением профессиональной квалификации. Круг обязанностей у Евдокии Ильиничны был широкий. Она участвовала в заседаниях народного суда; готовила показательные процессы для борьбы с растратами в торговле и кооперации, которые для местных жителей транслировались по радио. Итоги обследования для оценки работы Е.И. Ураловой были благоприятны: «...из нее при надлежащем руководстве вырабатывается хороший, ценный прокурор» [10, л. 146].

Однако продолжать работу в прокуратуре Евдокия Ильинична не стала. В декабре 1936 г. она переезжает к мужу, который работал в Белоруссии. Именно там продолжился ее стремительный карьерный рост сначала на партийной, а затем на советской работе.

Политическая биография Е.И. Ураловой – результат сочетания личностных качеств и внешних условий, в которых они смогли раскрыться. Но внешние условия, а именно: появление у женщин возможности реализовать себя не только в семье и домашнем хозяйстве, но и в профессиональной и политической сфере, – явились лишь фоном, на котором решающую роль сыграли целеустремленность, готовность к непрерывному совершенствованию своих знаний и политическое чутье.

Список литературы

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 271.
2. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 14/3. Д. 2268.
3. ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 1347.
4. ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 11. Д. 857.
5. ГАНИСО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 201.
6. ГАНИСО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 205.
7. ГАНИСО. Ф. 1004. Оп. 1. Д. 10.
8. ГАНИСО. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 22.
9. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 2683. Оп. 1. Д. 75.
10. ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 77.
11. *Иоффе Э.Г., Роль Е. Ураловой* в развитии образования и культуры Беларуси // *Роль женщины в развитии современной науки и образования Беларуси*. Минск: БГУ, 2016. С. 276–284.

Ф.К. Ярмолич

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский институт истории РАН

Свободное время советской женщины в 1960-е годы

В СССР мужчины и женщины обладали равными права на отдых. Это находило отражение как в декларируемом одинаковом количестве свободного времени, так и возможности в равной степени пользоваться досуговой инфраструктурой. Внимательное отношение советской власти к свободному времени человека объяснялось не только тем, что оно в 1960-е годы в результате перехода на 35-часовую трудовую неделю (7-часовой рабочий день с двумя выходными) возросло с 1959 по 1971 г., по разным подсчетам, от 1 до 1,5 час. и составило 2,5–5,7 час. в день, но и тем, что предоставляло возможность для проведения культурно-просветительных и политических мероприятий.

Интерес советской власти к организации свободного времени женщины объяснялся еще и тем, что КПСС и советскому правительству хотелось на практике продемонстрировать реализацию тезиса о равенстве права мужчины и женщины на работу и отдых, которого всего лишь 30–40 лет назад в Российской империи не наблюдалось.

Еще одной не идеологической, а практической причиной явилось то, что в 1960-х годах количество женщин превышало число мужчин: в 1959 г. из 208 800 тыс. населения насчитывалось 94 000 тыс. мужчин и

114 800 тыс. женщин, в 1970 г. указанные пропорции составили соответственно 111 400 тыс. и 130 300 тыс. из 241 700 тыс. человек [6, с. 8].

Принимая во внимание все перечисленные условия, становится понятно, почему советская власть прикладывала усилия к организации досуга советской женщины. Конечно, в организационном отношении женщины и мужчины в СССР на равных правах и в полной мере могли пользоваться всеми формами и видами отдыха: посещать музеи, участвовать в тематических диспутах в Домах культуры, быть участником самодеятельности и т.д. При этом, организуя досуг человека, участвующие в этом процессе ведомства, понимали, что уровень проведения мероприятия и участия в нем населения зависит от дифференцированного подхода к его организации, поэтому существовали определенные формы отдыха, которые были ориентированы только на женщин: курсы кройки и шитья, клубные объединения для девушек и пр.

Создав значительные возможности для отдыха женщины, советская власть столкнулась с проблемой: несмотря на одинаковую продолжительность рабочего времени мужчин и женщин, последние располагали меньшим объемом свободного времени. Это, в частности, хорошо проиллюстрировало исследование Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР в 1963 г. на материалах Красноярского края, где подсчет свободного времени среди мужчин и женщин инженерно-технических специальностей промышленных предприятий показал, что в течение 6-дневной недели первые располагали 24,8 час., а вторые – 14,4 час. [1, с. 47, 51]. Одна из причин такого дисбаланса свободного времени состояла в том, что на женщину приходилось основная нагрузка при выполнении домашних дел.

В стремлении облегчить выполнение домашних хлопот и тем самым увеличить свободное время женщины, в 1960-х годах власти предпринимали усилия для развития социально-бытовой сферы.

Финансовые, материальные и иные ресурсы, которые были сосредоточены в городах, особенно крупных, позволяли это сделать более успешно, чем в сельской местности, поселках городского типа и малых городах. Например, в Ленинграде только с 1966 по 1968 г. в эксплуатацию было введено 607 предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания [3, с. 19].

Конечно, успехи в развитии бытовой сферы соседствовали с проблемами, на что обращалось внимание как в периодической печати Ленинграда [4, с. 2], так и на совещаниях органов городского управления. Например, на заседании пленума Ленинградского горкома КПСС 1966 г. отмечалось, что «руководители предприятий сферы обслуживания еще плохо справляются с задачей высвобождения нерабочего

времени у населения за счет улучшения работы этих предприятий. Бытовая сеть в ряде районов размещена неравномерно, специализация предприятий, новые формы обслуживания развиваются слабо. За последние полтора года поступило около 5 тысяч жалоб на грубое обращение и некачественное исполнение заказов... Обслуживание населения, особенно в некоторых районах новостроек, организовано неудовлетворительно. Значительно отстает развитие сети торговли и общественного питания в Выборгском, Калининском, Московском, Невском, Фрунзенском районах... в магазинах иногда нет необходимого ассортимента товаров, не изжиты очереди, грубое и невнимательное отношение к покупателям» [5, л. 23].

Невозможность в полной мере улучшить работу социально-бытовой сферы приводила к тому, что у женщины решение бытовых вопросов по-прежнему занимало много времени, о чем свидетельствует социологическое исследование конца 1960-х годов: «К сожалению, пока еще многие... жители городов и других населенных пунктов, особенно женщины, теряют немало времени в магазинах, ателье, мастерских бытового обслуживания, прачечных и т.д.» [2, с. 48–49].

На протяжении 1960-х годов партийные, советские и профсоюзные организации создавали условия, чтобы досуг советской женщины проходил интересно и познавательно, чтобы мероприятия, которые она посещала, расширяли ее кругозор, и интегрировал в социально-политическое пространство. Более того, были созданы условия, которые позволяли на протяжении 1960-х годов увеличить количество часов свободного времени женщины, но определенные проблемы в социально-бытовой инфраструктуре советского города не создали условий, которые бы уравнивали продолжительность досуга женщин и мужчин.

Список литературы

1. *Байкова В.* Рабочее и свободное время инженера. Красноярск, 1965.
2. *Клибик В.С.* Свободное время и вопросы воспитания. М., 1977.
3. О ходе реализации Генерального плана развития Ленинграда. Принято 24 марта 1969 г. // Бюллетень Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1969. №7.
4. Пришел человек в столовую... // Вечерний Ленинград. 25 мая 1962.
5. Протокол № 3 заседания пленума Ленинградского горкома КПСС от 5 октября 1966 г. // Центральный гос. архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 25. Оп. 100. Д. 16.
6. СССР в цифрах: 1970 г.: Краткий стат. сб. М., 1971.

Е.А. Коляскина

Барнаул, Алтайский государственный педагогический университет

Между обществом и советской властью: повседневность сельского агитатора 1960-х годов (на примере Алтайского края)

В работе рассматривается повседневность агитаторов в селах Алтайского края в 1960-х годах в контексте применяемых коммуникативных практик и с учетом гендерного анализа. Также обращается внимание на выстраивание образа сельского агитатора как конструкта социальной памяти, созданного на региональном уровне с учетом «центральной линии партии» и местной специфики.

Было проанализировано 24 номера «Блокнота агитатора» за 1963 г., выпускавшегося Отделом пропаганды и агитации Алтайского крайкома КПСС тиражом 20 тыс. экз. [1]. Издание действительно напоминает небольшой блокнот (50 страниц), в котором дважды в месяц публиковали 3-5 статей различной тематики и материалы постоянной рубрики «В помощь агитатору: темы, планы, литература для бесед».

В публикациях можно проследить преимущественную целевую аудиторию – рабочие и колхозники, в соответствии с которой подбирается материал об успехах промышленности и сельского хозяйства. При этом постоянные ссылки на конкретные примеры и данные Алтайского края, превращают общие темы пропаганды в конкретные, близкие, понятные. Иначе говоря, региональный материал вписывается в исторический процесс.

Среди статей о международных отношениях, истории, решений партии, экономике, агрономии и т.п. встречаются материалы о роли агитаторов, важности их функций, сценариях их повседневности.

В статье «3 марта – выборы в Советы. Твой долг, агитатор!» [1, № 1, с. 1–7] и программной статье «Найти путь к уму и сердцу каждого» [1, № 13, с. 1–5] обозначен взгляд «сверху» (краевой власти) на функции и образ агитатора. В частности, напрямую указана коммуникативная функция, которая включает:

– трансляцию государственной/партийной точки зрения, создание образа успешного государства/партии: «Обстоятельно рассказать своим слушателям об этом, во всей полноте раскрыть величие наших побед, показать организующую роль Коммунистической партии в достижении успехов, развернуть захватывающие перспективы дальнейшего движения к коммунизму – священная обязанность агитатора!»; «Агитатор – проводник политики партии в массы» [1, № 1, с. 3, 5]; «Ты агитатор – на переднем крае борьбы... Ты чаще и ближе общаешься с

людьми... можешь быстрее донести слово партии до каждого человека, легче найти путь к его уму и сердцу» [1, № 13, с. 2];

– организацию трудовой повседневности, передача передовых приемов работы: «Но твой долг, агитатор, будет выполнен не полностью, если ты... не поможешь людям лучше организовать их труд, устранить недостатки, не укажешь на имеющиеся внутренние резервы и возможности, не научишь передовым приемам работы»; «Внедрение образцов коммунистического труда и прогрессивных форм организации производства – вот что должно занять важнейшее место в повседневной работе агитатора»; «Ты – на переднем крае борьбы за большое молоко!» [1, № 1, с. 3–4].

– помощь заведующему агитпунктом при избирательном участке, секретарю партийной организации; помощь в перестройке работы местных Советов в «новых условиях», связанных с решением ноябрьского Пленума ЦК КПСС 1962 г. [1, № 1, с. 4, 7];

Таким образом, рисуется модель отношений «агитатор – люди», в которых главный актер – государство/партия. Активность субъекта должна быть индоктринирована объекту: «Всей деятельностью агитатор должен добиваться, чтобы каждый колхозник, каждый рабочий и служащий дорожил честью труженника, добросовестно выполнял порученное дело»; «...возбуждая у людей желание лучше работать...». Успешный агитатор использует разнообразные формы и методы работы, средства устной, печатной и наглядной агитации. Он вдумчивый, старательный, настойчивый, с выдумкой [1, № 1, с. 4–5]. В данной модели оставлено место и для активности субъекта, судя по предписываемым формам работы, среди которых присутствуют и диалоговые – стол справок, политические беседы, вечера вопросов и ответов [Там же]. Поэтому успешный агитатор является «хорошим беседчиком», а «дни подготовки к выборам должны пройти под знаком делового обсуждения работы Советов» [1, № 1, с. 6–7].

Элемент коммуникативной модели «агитатор – трудящиеся массы» предусматривает «развернутую критику» недостатков, «решительное искоренение элементов бюрократизма, волокиты, невнимания к нуждам трудящихся» представителей низшего уровня органов государственной власти – местных Советов [1, № 1, с. 7].

Цель функционирования данной модели – «сплочение масс вокруг Коммунистической партии и Советского правительства», «упрочение нерушимого блока коммунистов и беспартийных», «достижение новых успехов в коммунистическом строительстве» [Там же].

Среди площадок, на которых должна вестись работа агитатора с людьми, кроме агитпунктов, названы Дома культуры, клубы, библио-

теки, производственные участки, красные уголки «животноводческих ферм, по месту жительства населения» [1, № 1, с. 3].

Некоторые агитаторы, упомянутые в программной статье сами описывают свой опыт работы. М. Васильева в своей квартире устроила «Дом агитатора», перепланировав жилое пространство: отвела комнату для собраний, увеличила количество стульев, сделала дополнительную розетку для фильмоскопа, перенесла библиотечку, газеты и журналы. Никакой информации о профессиональной или семейной жизни агитатора в публикации нет, она обезличена. Из методов работы: чтение лекций, беседы, чтение литературы, ответы на вопросы, обсуждение новостей, просмотр диафильма «Сибирь – край несметных богатств». Целевая аудитория агитатора – «соседи» по десятидворку. Агитатор активна – часто бывает у своих избирателей, видит, что их волнует. Они достаточно активны: «...Один раз в неделю собираются мои соседи на “огонек”. Бывает, заходят и в неустановленный для коллективной беседы день. Тогда, разговор ведется на свободные темы». Присутствует критика низового уровня государственной власти: «Речь вели о неправильном отношении некоторых руководителей хозяйства к механизации животноводческих ферм, о непростительных затяжки с установкой “ёлочки”. Колхозники приводили убедительные примеры...». Обсуждение структуры высшего руководства описано более сдержано: «Большой интерес у избирателей вызвала перестройка партийного руководства промышленностью и сельским хозяйством, образование новых экономических районов» [1, № 4, с. 24–28].

Более резкий образ – агитатор-коммунист В.Л. Михальченко, который с бригадой механизаторов обсуждал письмо усть-лабинцев. Нашлось «доброе слово передовикам и гневное осуждение нерадивых», «кто к делу относится спустя рукава, кто не чувствует себя хозяином производства, ответственным за общее дело», допустившим брак, перерасходовавшим средства, злоупотребляющим спиртным и скандалившим в семье [1, № 4, с. 44–46].

Интересно, что в публикациях нет ни одного портрета агитатора, в отличие от передовиков производства, отсутствуют сведения о партийной принадлежности агитаторов. Многие являются сельскими жителями, об образовании и профессиональной деятельности которых упомянуто только дважды – отличник народного просвещения и зоотехник. Преимущественно это женщины. Интересно сравнить обобщенный образ агитатора и предписанную модель коммуникации с содержанием публикаций о конкретных персоналиях, описанием их опыта политической агитации, то есть так называемым взглядом снизу.

Отдельная категория – агитатор-атеист, который «должен обладать известными знаниями, чтобы противопоставить религии науку, он должен быть настойчивым, особо терпеливым. Две-три беседы желаемых результатов не дадут». Методические рекомендации: «...Вести агитацию наступательно, к каждому верующему подходить отдельно, убеждать фактами». Целевая аудитория – немцы-сектанты – лютеране и баптисты [1, № 9, с. 12–24].

В одной из статей, написанной членом совхозного парткома, указывается на необходимость местных партийных органов «учить» самих агитаторов: «Перед началом полевых работ мы провели семинар агитаторов. Рассказали о рубежах совхоза и каждой бригады, посоветовали, как лучше организовать соревнования механизаторов, оформить наглядную агитацию... Разумно хозяйничать, анализировать успехи и ошибки, экономить, считать. С этой целью на семинаре агитаторов обсуждаем экономические вопросы». В этой же публикации даются методические рекомендации, в которых уделено место критике, но акцент смещен на демонстрацию положительных примеров: «...Особое внимание придается пропаганде передового опыта. Недостатки бичуем, вскрываем, но учим людей на опыте лучших... Проводим вечера чествования наших маяков, в стенных газетах и в беседах поднимаем их на щит славы, а лодырей и бракоделов отдаем на суд общественности» [1, № 10, с. 38–39].

Довольно неформальный автопортрет опубликовала агитатор И. Остроухова, нарисовав образ современной советской женщины, успешно совмещающей профессиональную и общественную деятельность с материнством: учитель немецкого языка и литературы, классный руководитель в школе с. Хабары, кандидат в члены партии, студентка 3-го курса филологического факультета Томского университета. Агитатор имеет семью, является матерью троих детей. «Дел много», но справляется, любит свое дело, хочет послужить людям, нести идеи ленинской партии, в каждом доме – желанный гость. Бывает у «подопечных» немцев раз в неделю или чаще. Отмечает достаточную активность и разнообразие интересов слушателей, что приходится учитывать, как и возраст. Среди обсуждаемых вопросов: международное положение, внешняя политика партии, пленум ЦК КПСС, литература, идеологические диверсии, абстракционизм, зарождение Земли и жизни, космос (антирелигиозная пропаганда), задачи совхозного управления, маяки района и т.д. Важным является завоевание доверия аудитории, здесь залог успеха – «простота» в общении, знание интересов и помощь в случае обращения с просьбами. От агитатора «ждут не только умного, доброго слова, но и помощи в труде, учебе жизни»:

распространить газеты, «хлопотать о пенсии», написать письмо, «похлопотать» о приезде сестры из Парагвая [1, № 10, с. 40–45].

Агитатор должен обращать внимание на важность установления контакта с аудиторией, чтобы услышать о проблемах каждого: «Первая беседа. Разговор сначала не вязался. Но потом животноводы начали рассказывать о своих делах, и я не заметила, как в беседу включились все присутствующие». Залог успеха агитаторов – знать запросы и нужды «своих людей», войти в их доверие, поговорить с каждым, выслушать его замечания. Каждый агитатор имеет свой методический секрет: «При проведении бесед... увязываю свой рассказ с жизнью фермы, делами доярок, скотников», выпускать «боевой листок», приводить в пример «маяки». В качестве модели успешного человека приводятся примеры семейных, работающих и несмотря на занятость, развивающих кругозор, читающих художественную литературу. Уделяется внимание благоустройству своей улицы, воспитанию детей, распространению печати [1, № 11, с. 9–15].

В маленьких поселках, в которых нет людей, способных быть агитатором, вопрос решается за счет партийного актива из района и местных комсомольцев. Дома агитаторов выполняют функции библиотеки и клуба, если последних нет в селе. За ними закрепляются клубы и библиотеки из других сел, которые приезжают с концертами и «передвижками». Регулярное чтение лекций и показ кино считаются обязательными [1, № 12, с. 9–13].

Агитаторы делились на штатных и внештатных, среди них были как женщины, так и мужчины. Сельские агитаторы отдельно от промышленных. На страницах «Блокнота агитатора» они делятся своим опытом работы. Например, женщина-библиотекарь в свободное время после работы занимается агитацией среди доярок сельской фермы. Она рассказывает о вхождении в доверие к подшефным: вначале ее не приняли, но после помощи в решении бытовых проблем – оборудовании уголка отдыха – агитатор находит общий язык с доярками. Иначе говоря, агитатор выступает посредником между доярками и руководством колхоза.

Профессия и образование агитаторов влияют на спектр поднимаемых ими вопросов. Так, в статье о новоалтайских учителях-агитаторах указывается, что те много внимания уделяют теме воспитания детей в семье [1, № 12, с. 24–32].

Подготовлено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-01443).

Список литературы

1. Блокнот агитатора. Барнаул, 1963. № 1–24.

Л.Н. Попкова

Самара, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева

«Говорить своим голосом»: изучая повседневный опыт афроамериканских активисток женского движения 1960–1970-х годов

Американский феминизм 1990-х годов, обозначаемый как третья волна, проходит стадию пересмотра идейных концепций женского движения середины XX в. Главное внимание критиков было направлено на переосмысления упрощенных представлений классических теорий о существовании универсального женского опыта, одинаковых целей движения за равноправие. Начало процессу ревизии подходов авторитетных феминистских авторов было положено формированием в конце 1980-х годов отдельного направления – черного феминизма.

Анжела Дэвис, известная активистка женского движения и движения за гражданские права афроамериканцев, отмечала, что большинство феминистских работ игнорировали проблемы расы и этничности, считая их второстепенными по отношению к проблеме патриархата. По ее убеждению, попытки изолировать движение за права женщин от борьбы против расового и национального угнетения, от движения рабочего класса, в целом, проявлялись на протяжении всей истории женского движения [1, с. 17–18]. Сами понятия «патриархат» и «угнетение», по мнению активисток, не могут в одинаковой степени быть применимыми к белым и черным женщинам, подвергающимся различным видам угнетения. Афроамериканские активистки женского движения взяли на себя задачу выступать от имени «молчаливого большинства, которое принимает свой удел без какого-либо недоумения, без организованного протеста, без коллективного гнева» [4, р. 1]. Господствующая в американском феминизме интерпретация патриархата позволяла репрезентировать требования белых образованных женщин среднего класса, как образец для стратегий борьбы всех остальных групп женщин.

Ведущий идеолог афроамериканского феминизма Белл Хукс теоретические размышления предваряла воспоминаниями о своем активистском опыте 1970-х годов. «Эти белые женщины никогда не задумывались о противостоянии мужскому господству, пока феминистское движение не пробудило в них осознание, что они могут и должны. Мое же понимание феминистской борьбы определялось социальными обстоятельствами. Мое детство прошло на Юге, в черной семье рабочего класса, где доминировал отец, и я на себе испытала различные формы патриархатной тирании [4, р.10]. Для лидеров нового течения было важно показать, что группы женщин, которых они представляют,

осознавая свои проблемы, например, проблему физического насилия над ними, часто не были включены в протест. Многие люди, которых угнетают, знают об этом, даже если они не участвуют в организованном протесте или не способны письменно артикулировать природу этого угнетения. Афроамериканские активистки разделяли негодование Хукс, которым она поделилась в своей работе. «Когда я стала участницей феминистских групп, я обнаружила, что белые женщины заняли снисходительную позицию по отношению ко мне и другим небелым участницам. Они не относились к нам, как равным. Наше участие в движении не принималось во внимание, так как белые женщины были убеждены, что быть «настоящим» черным означало разговаривать на местном просторечии бедняков, быть необразованным, с уличным воспитанием. Нас могли услышать, только если наши заявления повторяли мнения доминирующего дискурса» [4, р. 11].

Черные феминистки, рассуждая в русле критики универсальности западного субъекта, показывали, что включение женщин низших классов внутрь доминирующей идеологической позиции означало фактически лишение их собственного голоса, права публичной речи и участия в борьбе за власть. Вынужденные говорить на языке белого феминизма, не отражавшем их особый статус и интересы, они не могли выработать адекватную стратегию борьбы за свои права.

Только с появлением в Америке третьей волны феминизма в 1990-е годы афроамериканки смогли обрести возможность говорить о конфликтах и травмах своего повседневного опыта. Молодые активистки стали брать у «молчаливых» женщин интервью и публиковать их в своих самодельных журналах. «Когда я смогла заговорить своим голосом, я преодолела свой страх, чувство вины, получила представление о своих возможностях сопротивления» [3, р. 45]. После двух десятилетий американского женского движения впервые была поставлена задача услышать голоса разных групп угнетенных, понять их видение социальной реальности и жизненных перспектив. Понимание опыта повседневного сопротивления черных американок разным видам угнетения помогало активисткам формировать новые стратегии борьбы за равноправие.

В начале 1990-х годов внутри течения черного феминизма происходит поворот к критической расовой теории, исследующей проблему структурного расизма западного общества. По мере развития этого подхода возникает задача выявить взаимовлияние разных уровней социальной иерархии и дискриминации. Афроамериканские феминистка, социолог Патриция Коллинз ввела понятие «множественного угнетения», «интерсекциональности». Коллинз исследовала влияние множественности жизненного опыта афроамериканских женщин на возмож-

ность решения проблемы домашнего насилия. В итоге она сделала вывод о том, без учета всех составляющих статуса и повседневной жизни женщин из этой группы все принятые меры юридической и психологической помощи жертвам насилия могут быть неэффективны. По ее мнению, было важно учесть, что «гендерно-окрашенное домашнее насилие в отношении черных женщин происходят в контексте государственно-санкционированного расового насилия в отношении темнокожих, которое является частью наследия рабства и расовой дискриминации. Две формы насилия приобретают смысл в контексте взаимного обуславливания – они взаимосвязаны» [2, с. 15].

Представители нового направления феминистской мысли призывали внимательно исследовать повседневный индивидуальный опыт женщин в социальном, историческом, политическом контекстах. Предстояло выяснять комплексную матрицу властных отношений – как разные механизмы воспроизводства экономического, расового, гендерного неравенства, также как неравенства по возрасту, здоровью, сексуальной ориентации, взаимно обуславливают друг друга. Повседневные опыты афроамериканских женщин особенно важны, поскольку они становятся продуктом пересекающихся моделей расизма и сексизма. Сочетание разных идентичностей не просто увеличивает число проблем, но и определяет особый опыт и требует новых задач феминистской политики.

Список литературы

1. Дэвис А. Женщины, раса, класс. М.: Прогресс, 1987.
2. Репрезентация афроамериканских женщин. Интервью с Патрицией Хилл Коллинз // Глобальный диалог. Т. 7. № 1. С. 15–16.
3. *Heywood L. Drake J. Third Wave Agenda. Being Feminist, Doing Feminism.* Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997.
4. *Hooks B. Feminist Theory: From Margin to Center.* Boston: South End Press, 1984.

Ю.С. Никифоров

Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Зоя Павловна Пухова: от ивановской ткачихи до главы Комитета советских женщин

Как в официальных постановлениях ЦК КПСС, так и в воспоминаниях представителей региональной власти 1970–1980-х, которые удалось собрать в ходе проведенных автором полуструктурированных

неформализованных интервью, часто звучал тезис о повышении роли женщин в политической жизни: «Следили за тем, чтобы в составе бюро была хотя бы одна женщина» [3, с. 180]. Однако в реальности подавляющее большинство должностей в высших, как центральных, так и региональных, институтах власти (к примеру, секретари обкома КПСС) по-прежнему занимали в основном мужчины. Конечно, были и исключения. Ситуация стала меняться с середины 1980-х годов. Например, секретарем Ярославского обкома КПСС по идеологической работе в 1986 г. стала женщина – Л.С. Плеханова [6, л. 1]. Это отражало партийную линию на расширение представительства женщин в органах власти. Помощник первого секретаря Ярославского обкома КПСС В.В. Величко отмечал: «...в 1980-е гг. была установка ЦК партии: среди секретарей райкомов, горкома, обкома КПСС должна была быть женщина» [3, с. 180]. Упомянутая Л.С. Плеханова как секретарь по идеологии курировала широкий спектр деятельности: работа организаций культуры, искусства, спорта, учебных заведений, творческих союзов, общественных организаций, средств массовой информации [6, л. 1–2], т.е. в основном осуществляла контроль над непромышленным сектором.

Интересно, что наиболее ощутимо возрастание роли женщин в политической сфере имело место в «городе невест» Иваново, в текстильном крае – Ивановской области. В центре внимания настоящего исследования Зоя Павловна Пухова (1936–2016) – советский государственный, общественный и хозяйственный деятель, Герой Социалистического Труда, член Президиума Верховного Совета СССР, лауреат Государственной премии СССР, Почетный гражданин города Иванова. З.П. Пухова в течение двух лет была председателем Ивановского облисполкома (1985–1987), до этого пройдя путь от простой ткачихи до директора фабрики, которую возглавляла 12 лет (1973–1985) [4, с. 103]. Назовем три главные карьерные ипостаси деятельности З.П. Пуховой. Во-первых, она была успешным хозяйственным руководителем – директором Ивановской ткацкой фабрики им. 8 Марта. Во-вторых, З.П. Пухова на региональном уровне власти достигла высшей точки – председатель Ивановского облисполкома. В-третьих, выдвинулась на центральный уровень, проявив себя как крупный государственный и общественный деятель, будучи в течение многих лет депутатом Верховного Совета СССР. Вершины ее карьера достигла на рубеже 1980–1990-х годов. В 1987–1991 гг. З.П. Пухова была председателем Комитета советских женщин, сменив на этом посту первую женщину-космонавта В.Н. Терешкову.

Корпус источников для биографического исследования З.П. Пуховой включает, с одной стороны, архивные документы: в ГАРФ – фонд «Комитет советских женщин [2], в Государственном архиве Ивановской области (ГАИО) – «Личный фонд. Зоя Павловна Пухова» [1]. С другой стороны, важны и многочисленные источники личного происхождения – воспоминания о З.П. Пуховой [5].

Список литературы

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р-267 – Личный фонд. Зоя Павловна Пухова.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р.-7928. Комитет советских женщин.
3. Интервью В.В. Величко, помощника первого секретаря Ярославского обкома КПСС // Никифоров Ю.С. Верхневолжские регионы РСФСР и союзно-республиканский центр (1950–1980-е гг.): теоретико-методологические основы изучения. Ярославль: ЯГПУ, 2021.
4. *Никифоров Ю.С.* Верхневолжские регионы РСФСР и союзно-республиканский центр (1950–1980-е гг.): теоретико-методологические основы изучения. Ярославль: ЯГПУ, 2021. 275 с.
5. С ней стремился поздороваться маршал Будённый // Ивановская газета. 4 октября 2021.
6. Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДННАО). Ф. 272. Оп. 270. Д. 540.

Т.К. Щеглова

Барнаул, Алтайский государственный педагогический университет

С.Ф. Бондарева и ее деятельность в контексте развития общественно-политического студенческого движения по воспитанию культуры памяти и гражданственности в советское время

Статья посвящена женщине-активистке движения по воспитанию культуры памяти в советскую эпоху – Светлане Федоровне Бондаревой (1949–2002). Биографический подход реализуется через анализ развития используемых ею коммуникативных практик с опорой на историческую память. С одной стороны, коммуникаций между поколениями дедов и внуков, отцов и детей, с другой – коммуникаций «снизу вверх» и «сверху вниз», между властью и советским обществом в процессе развития государственно-общественных практик формирования советского человека и создания советской цивилизации. Основ-

ным источником исследования стали материалы фотоальбома о созданном ею студенческом строительном отряде «Память» (далее ССО «Память»), хранящегося в Государственном архиве Алтайского края [1]. Использование фотоматериалов показывают информационный потенциал визуальных источников, дающих возможность выходить на глобальные проблемы антропологии советскости.

Актуальность исследования состоит в востребованности на современном этапе опыта реализации уникальных технологий формирования мест памяти в советское время и каналов коммуникаций между прошлым и будущим в молодежной среде. Разрыв поколений на современном этапе и противопоставление прошлого будущему привело к размыванию патриотизма и гражданственности, что в наши дни ощущимо как на уровне государства, так и общества.

Используемый биографический метод исследования требует характеристики изучаемой личности в контексте той или иной эпохи. В нашем случае это 1970–1980-е годы – период позднего социализма. Исследование обращено к С.Ф. Бондаревой – представителю советского поколения 1950–1960-х годов рождения, воспитанных в условиях «победившего социализма» и созданному ею стройотряду «Память» при Барнаульском строительном техникуме (сегодня Архитектурно-строительный колледж), где она работала с 1974 г. преподавателем политекономии.

С.Ф. Бондарева родилась в с. Кировское Сахалинской области, окончила школу № 32 г. Ангарска Иркутской области в 1965 г, Иркутский государственный университет имени А.А. Жданова в 1971 г., работала лектором в краевом обществе «Знание». Была членом ВЛКСМ, в партию не вступила, но в воспоминаниях ее учеников-стройотрядовцев была человеком с активной жизненной и гражданской позицией, пламенным патриотом-правдолюбом, воспитанным на идеях социалистической морали, которые, по ее убеждению, базировались на общечеловеческих ценностях.

Как показывают архивные материалы, главной «фишкой» ее общественно-политической деятельности было формирование мест памяти об историческом прошлом с опорой на конкретных героев и/или конкретные события с вовлечением в студенческой молодежи через реконструкцию и строительство памятников и памятных знаков в селах и городах. Такую позицию сегодня можно охарактеризовать как деятельность по формированию культуры памяти. Сначала это был созданный ею в 1976 г. краеведческий отряд по изучению истории и формированию памяти о выдающихся камнерезах XVIII–XX вв. в известном камнерезном центре России – Горной Колывани (реставрация

надгробий). В 1981 г. отряд получил символическое название «Память» и изменил свою практику, сосредоточив внимание на сельских памятниках участникам революции и гражданской войны, как правило, крестьянам этих же сел, которые, образно выражаясь, несли на себе печать *беспамятности*.

Идея формирования проекта ССО «Память» нашла отражение в его названии, отличном от других студенческих строительных отрядов, – Поисковый научно-производственный отряд безвозмездного труда «Память». Материалы фотоальбома, с одной стороны, отражают формальные признаки массового студенческого движения стройотрядов – униформа, участие в строительных работах, отрядная жизнь. Как известно, стройотрядовское движение также, как и поисковое и туристско-краеведческое движение молодежи, было инициировано и курировалось ВЛКСМ и КПСС. С другой стороны, уникальность проекта отражалась в его названии. В совокупности *поисковая, научная, производственная* (строительная), *безвозмездная* работа стройотрядовцев вела к мемориализации памяти погибших в революционное время.

В 1981–1991 гг. работа велась вокруг памяти героического рейда красногвардейского отряда Петра Сухова. ССО «Память» были восстановлены и сооружены ряд памятников (в селах Тележиха, Вострово, Мезино, Мезенцево и др.). Наряду с памятниками участникам Гражданской войны сооружались памятники погибшим в годы Великой Отечественной войны (Новотроицк), памятный знак репрессированным и расстрелянным около барнаульской тюрьмы (г. Барнаул), реконструированы надгробья в камнерезной Кольвани и т.д. Материалы фотоальбома о мемориализации участников гражданской войны позволяют анализировать каналы коммуникаций и площадки взаимодействия общества и власти, студентов и старших поколений, прошлого и будущего. Сам процесс мемориализации имел несколько этапов со своими приемами воздействия по формированию у молодежи культурной памяти и гражданской позиции.

1-й этап – оформление идеи в проект. Начальный этап работы сопровождался формированием коллекций материалов (фотоальбомы, музейные стенды) об участниках исторических событий, которым студенты посвящали памятник и которые содержательно наполняли воспитательную работу. Важной частью мемориализации становилось изучение социальной памяти жителей села и окрестных мест. Они включала в первую очередь такие коммуникативные методы формирования памяти как опросы участников и очевидцев событий.

2-й этап формирования культуры памяти и гражданственности был связан с сооружением памятника *«безвозмездным трудом»*. Во-

первых, это бесплатное создание проекта памятника самими студентами. Авторами проектов всех установленных отрядом памятников являются студенты БСТ. Во-вторых, средства для строительства самого памятника зарабатывали все студенты техникума на объектах города, а также выступая с лекциями и концертами.

3-й этап – выезд и работа на сооружении памятников. На формирование памяти и гражданственности в этот период влияли как внутренние, так и внешние факторы. К внутренним относились романтическая атмосфера строительных отрядов и традиции внутренней отрядной жизни. К внешним – организация коммуникаций вокруг самого события – появления в селе студентов и сооружения памятника – с сельской и районной властью, с советами ветеранов, с пионерской и комсомольской организациями. Приемами воздействия являлись опросы односельчан о тех событиях, лекции и концерты в сельском клубе. Обращение коллективной памяти сельчан к прошлому являлось важным способом формирования культуры памяти и гражданственности как у старшего, так и младшего поколения.

4-м этапом (завершающим) являлось открытие памятника. В этом процессе участвовало несколько социальных групп советского общества. Площадкой коммуникаций становилась сельская площадь с организованным вокруг пространством. Обязательным являлось присутствие жителей села, для которых открытие памятника становилось событием. Обязательными участниками являлись местные пионеры, парадная форма которых колоритно вписывалась в торжественность мероприятия. Ее эффект усиливали горны, барабаны, белые фартуки и белые банты у девочек, белые рубашки у мальчиков, галстуки и знамена. Алгоритм проведения мероприятия по открытию памятника был отработан всей предшествующей практикой советских общественно-политических движений.

Важным каналом влияния на формирование памяти о прошлом являлась символика и атрибутика. На фотографиях торжественного мероприятия на трибуне студенты в буденовках и форме красноармейцев времен гражданской войны стоят рядом с ветеранами, у которых на гражданских пиджаках надеты награды. Перед трибуной – знаменная группа пионеров и оружейная группа, которая по сценарию салютует в честь героев, имена которых нанесены на памятник. Самостоятельной группой стоят представители партийно-государственной власти.

Атрибутика сопровождает и оформление самого фотоальбома, в котором черно-белые фотографии и черный шрифт текста оттеняются красными советскими символами – пятиконечные звезды, комсомольские значки, факелы, знамена и др.

Окончательным результатом деятельности многоканальных коммуникаций молодежи с обществом и властью вокруг героев или событий становились формируемые места памяти в культурном ландшафте поселений, что укрепляло не только социальную, индивидуальную, коллективную и культурную память, но и формировало у населения историческую память. Одновременно эта работа способствовало глубокому проникновению социалистических идей, гражданственности и советского патриотизма в умы молодого поколения. Благодаря участию в этом движении идеи глубоко проникали в сознание молодежи. Многие из них потом сами организовывали подобные отряды, брали шефство над памятниками, над участниками Гражданской и Великой Отечественной войн. Так на исторических примерах формировался тот советский человек, для которого духовность и нравственность слились с социалистической идеологией.

Подготовлено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-01443).

Список литературы

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р.–1754. Оп. 2. Д. 100.

Ю.Г. Белоногов

Пермь, Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Советские женщины у власти: гендерный аспект регулирования состава первых лиц городов и районов Пермской (Молотовской) области в 1941–1991 гг.

Изучение политической активности женщин в советский период истории представляется важной научной задачей. Как показывают исследования, политическая деятельность в СССР на общесоюзном и региональном управленческом уровнях оставалась по преимуществу «мужским делом» [5], тем не менее, по сравнению с предшествующим периодом, политика для женщин стала сферой гендерной активности и эффективным социальным лифтом [1, 2]. Имеет смысл изучить представительство женщин на местном уровне исполнительной ветви вертикали власти – на должностях секретарей местных партийных комитетов (горкомов, сельских райкомов, городских райкомов ВКП(б) / КПСС) и председателей городских и сельских исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся, выявить организационные тен-

денции их выдвижения и смещения с занимаемых должностей с разбивкой на определенные периоды советской истории (начиная с Великой Отечественной войны и заканчивая развалом СССР) и должностные группы. В качестве исследуемой территории выбрана Пермская (в 1940–1957 гг. Молотовская) область, сочетавшая в себе развитый индустриальный сектор экономики и типичную для Нечерноземья сельскохозяйственную сферу.

Динамика гендерного представительства на постах секретарей городских и сельских партийных комитетов, председателей исполкомов местных Советов показывает относительно высокий удельный вес женщин в период Великой Отечественной войны в связи с мобилизацией значительной части мужского населения в действующую армию [3, с. 413]. Однако по мере приближения победы в Великой Отечественной войне для вышестоящих партийных органов было предпочтительнее утверждать в данных должностных группах именно мужчин-фронтовиков, возлагая на них более широкий круг ответственности. В результате удельный вес женщин в ключевых сферах властной деятельности значительно сокращается. Так, если к началу 1944 г. женщины составляли среди секретарского состава партийных комитетов Молотовской области 8,8%, то к началу 1946 г. – только 3,2%, при этом самые низкие показатели женского представительства демонстрировались в сельской местности [4, с. 104, 115].

Значительная гендерная диспропорция на уровне местных руководящих партийных и советских работников регулярно вызывала на протяжении 1950-х – 1980-х годов у областного и общесоюзного партийного руководства очевидное беспокойство: с высоких трибун неоднократно говорилось о необходимости «преодолеть ничем не оправданную робость и недооценку в деле выдвижения женщин на руководящую... работу» [4, с. 183]. Решению данной задачи способствовала существовавшая система номенклатурного квотирования должностей и кампанейский характер выдвижения женщин во властные группы.

Тем не менее результатом данной политики стало их неравномерное распределение, напоминавшее пирамидальную структуру. В должностных группах председателей исполкомов местных Советов и первых секретарей партийных комитетов удельный вес женщин редко достигал верхнего порога в 5%, при этом представительство женщин в городских органах власти было выше, чем в сельской местности. На уровне вторых и особенно третьих секретарей партийных комитетов удельный вес значительно увеличивается – в диапазоне от одной десятой до трети от общего состава. На уровне заведующих отделов (особенно организационных отделов, отделов пропаганды и агитации) и

тем более инструкторов местных парткомов удельный вес женщин традиционно варьировался в диапазоне от 20% до 40%. Данный показатель представительства женщин в аппарате местных партийных комитетов даже превышал аналогичный показатель по всей региональной номенклатуре, имевший самое высокое значение в 20%.

Очевидно, что на протяжении большей части изучаемого периода функционировали как особые сферы рекрутирования – номенклатурная специализация и своеобразный «зеркальный потолок» для карьерного роста. Так, на секретарских должностях в партийных комитетах удельный вес женщин был самым высоким на посту третьих секретарей, отвечавших в сложившейся системе разделения труда за вопросы идеологического характера. Как правило, это были специалисты с гуманитарным образованием, получившие опыт педагогической работы. В целом, несмотря на провозглашение гендерного равенства и решения «женского вопроса» к 1930-м годам, при постепенном и начавшемся с начала 1950-х годов вытеснении женщин из кадрового состава правящих групп региональной номенклатуры наблюдается их концентрация на второстепенных и малоперспективных постах для дальнейшего роста карьеры. Тем не менее это создавало представление о значимом присутствии женщин в органах власти и должно было способствовать поддержанию легитимации политического режима.

Отдельно необходимо упомянуть о ротации женских кадров в изучаемых должностных когортах. Для групп председателей исполкомов местных Советов, первых и вторых секретарей местных партийных комитетов был достаточно высоким показатель сменяемости женщин-руководителей по негативным основаниям («скомпрометировала себя», «не справилась с руководством»). В подавляющем большинстве это происходило в периоды Великой Отечественной войны и «хрущевских» реформ. По мере стабилизации политического режима общий удельный вес женщин во властных структурах увеличивается, а количество случаев негативной эскорпации уменьшается.

Политические реформы 1987–1988 гг., судя по эволюции статистических данных, способствовали быстрому закрытию каналов рекрутирования женщин в номенклатуру и особенно на руководящие партийные и советские должности. Исчезает система номенклатурного квотирования женщин на руководящие посты, разрушаются сформированные на ранних советских этапах истории институциональные основы женской политической активности. Это закономерно предопределило максимальное снижение представительства женщин в 1990–1991 гг. в изучаемых должностных группах.

Список литературы

1. *Бадмацыренова Е.Л.* Государственная политика по вовлечению женщин Бурятии в общественно-политическую деятельность: 1923–1991 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 2011. 25 с.
2. *Морозова О.М., Трошина Т.И.* Красные делегатки как вариант советского феминизма // *Адам & Ева. Альманах гендерной истории.* 2014. № 22. С. 124–146.
3. *Румянцев П.А.* Особенности проведения кадровой работы партийными организациями в годы Великой Отечественной войны (на примере Ульяновской области) // *Балтийский гуманитарный журнал.* 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 411–414.
4. Социальные сдвиги в правящих группах региональной номенклатуры. 1921–1991 гг. (на материалах Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа) / под ред. В.П. Мохова. Пермь: Пресстайм, 2008. 329 с.
5. *Яковлева М.К.* К вопросу о гендерном равенстве в политике // *Известия Регионального финансово-экономического института.* 2018. №1. URL: <https://science.rfei.ru/ru/2018/1/230.htm>

М.В. Штылева

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Досуг и отдых активисток женского движения Мурманской области (1990-е годы)

В фокусе нашего внимания находится такой аспект женской повседневности, как досуг и отдых активисток женского движения Мурманской области в 1990-е годы. Находилось ли у активисток время для отдыха и досуга, и как они его проводили?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо уточнить понятия «отдых» и «досуг», поскольку в гуманитарных науках согласованного мнения нет [4, р. 127–144]. Далеко не все авторы согласны с тем, что при изучении структур повседневности можно ставить знак равенства между понятием «досуг» и «свободное время». Принято понимать досуг через функции рекреации, развлечения и развития [1, с. 16; 3, с. 297]. Вдобавок гендерный поворот в гуманитарных науках привел исследователей к осознанию «невидимости домашней работы» и выводу, что далеко не всё свободное время может быть использовано женщиной для отдыха в значении рекреации, развлечения и развития [5, р. 6–8]. В России, как и в любом другом индустриальном обществе, женщина,

занятая в общественном производстве, не освобождалась от домашнего труда и продолжала тратить на него свое свободное время [2, с. 173–188]. Во второй половине XX в. этот разрыв постепенно сокращался не только в количественном, но и в качественном отношении. Количественно он сокращался за счет изменения бытовых условий жизни семьи за счет развития сферы бытовых услуг и постепенного перехода от жесткого гендерного разделения домашних обязанностей на «женские» и «мужские» к равноправному партнерству. Качественно гендерный разрыв сокращается за счет того, что женщины стремятся осваивать новые формы досуга, в том числе участие в общественных и общественно-политических организациях. Однако мы видим, отношение к общественной работе как необязательной для женщины форме досуга затрудняет анализ бюджета времени женщин-общественниц.

Интервьюирование активисток женского движения показало, что вопрос об отдыхе и досуге в 1990-е годы оказался для них самым сложным. Обобщая ответы, можно сделать вывод, что женщинам «не до того было». Вместе с тем общественницы разделяли время на «рабочее» и «свободное», понимая под «свободным» время, которое они могли использовать по своему усмотрению, о чем свидетельствует следующий ответ: «В нынешние годы я могу себе позволить, как это называется, досугом заниматься, хобби. Я одно время цветочки из фоамирана делала, я рисую временами, я нахожу на это время. А в те годы у меня на это времени не было: очень много времени отнимала работа. А в свободное время я занималась женским движением» (ФИА, 1954 г.р.) Очевидно, что респондентка не только разделяет время на «рабочее» и «свободное», но и четко указывает, какой досуг и творческие виды деятельности удовлетворяют ее потребность в рекреации и развитии, доставляют удовольствие.

«Свободное время» активисток в 1990-е годы распределялось преимущественно между семейными обязанностями, общественной работой, дополнительным (профессиональным) образованием, обусловленным желанием сменить профессию, повысить квалификацию. Пропорции в бюджете времени конкретной женщины зависели от личного выбора приоритетов и конкретных семейных обстоятельств: «... всё так гибко было, так локально. То есть, ты сам выбираешь свои приоритеты. Проблема была в том, чтобы всё успеть, всё сочетать» (ШЛВ, 1951 г.р.); «...достаточно много времени общественная деятельность занимала, как вторая работа была. На самообразование часа три точно в день уходило» (НРА, 1961 г.р.).

Активистки не упоминали о времени для хобби и отдыха. Зато семейные обязанности, бытовые аспекты ведения домашнего хозяйства, уход за членами семьи и воспитание детей интерпретируются ими как комплекс обязанностей и проблем, с которыми они должны были справляться в экстремальных условиях дефицита всего. В то же время это не означает, что активистки совсем не отдыхали, не находили времени для расслабления, развлечений и развития. Можно предположить, что эти потребности, хотя бы частично, удовлетворялись в контексте общения в семье или в контексте общественной деятельности.

В рассказах активисток упоминаются семейный отдых на природе, посещения спектаклей кукольного и драматического театров с детьми, семейные празднования Нового года, дней рождений, прогулки с детьми на свежем воздухе и др. Эта информация подтверждается воспоминаниями детей активисток: «...по воскресеньям мы ходили с мамой гулять в парк или, если это зима, пытались ходить на лыжах, это она меня вытаскивала (...) Летом мы всегда выезжали из Мурманска в отпуск» (ФЕВ, 1995 г.р.); «Совместные праздники помню – Новый год, 8 марта. Выезды на природу, катание на лыжах» (ШАВ, 1988 г.р.).

Из вышеизложенного следует, что экстремальные условия жизни тех лет в сочетании с работой и семейными обязанностями практически не оставляли места для свободного времяпрепровождения, приносящего удовольствие. Активистки свободное время тратили на заботу о детях и престарелых родителях, на добывание продуктов и приготовление пищи, на общественную деятельность и др.

Еще одним подтверждением того, что в 1990-е годы досуг активисток женского движения был неотделим от общественной работы, является их участие в поездках по России и за рубеж, связанных с непосредственной работой организаций по своему направлению. Для этой разновидности координированного досуга активисток, аналогичного «академическому туризму» ученых, пока еще не придумано специальное название. В интервью активистки упоминают частые поездки по общественным делам в другие города, где они участвовали в различных конференциях и семинарах, устанавливали связи и налаживали отношения с другими женскими организациями.

После учреждения в 1993 г. Баренцева Евро-Арктического региона и значительного развития трансграничного сотрудничества между государствами Северной Европы и Россией перед участницами регионального женского движения открылись возможности зарубежных поездок, связанных с общественной деятельностью. Зарубежная поездка от организации воспринималась активистками как большая уда-

ча и признание личного вклада в общественную деятельность: «...это было, с моей точки зрения, важное преимущество, пожалуй, самый главный «гонорар» за усилия, за вложение своего здоровья, сил, времени и труда в общественную деятельность» (ШЛВ, 1951 г.р.).

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что активистки в 1990-е годы гибко совмещали профессиональную и общественную работу с исполнением семейных обязанностей. Занятость активисток не оставляла женщинам времени для отдыха и досуга в их традиционном понимании. Именно в 1990-е годы произошёл значительный личный рост и развитие активисток, обусловленный их участием в общественной работе, в обучающих программах и мероприятиях, которые можно считать особым – «координированным типом досуга».

В контексте «координированного досуга» удовлетворялись потребности женщин в личностном развитии и расширении кругозора. Участие активисток в деловых поездках по России и за рубеж давало женщинам возможность получить новые впечатления.

Информанты:

1. ЛВШ, 1951 г.р., г. Мурманск, Мурманская обл. // Архив автора. Запись 31.01.2021, г. Москва.
2. НРА, 1961 г.р. // Архив автора. Запись 22.03.2021, г. Мурманск.
3. ФИА, 1954 г.р. // Архив автора. Запись 04.04.2021, г. Мурманск.
4. ФЕВ, 1995 г.р. // Архив автора. Запись 02.12.2022, г. Мурманск.
5. ШАВ, 1988 г.р. // Архив автора. Запись 05.02.2023, г. Мурманск.

Список литературы

1. *Волобуева Л.Н.* Досуг в структуре образа жизни. Философско-культурологические аспекты: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2004. 19 с.

2. *Мальшева С.Ю.* Рождение досуга: возникновение и эволюция понятия в XIX веке // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия. М.: НЛЮ, 2013. С. 173–188.

3. *Стрельцов Ю.А.* Культурология досуга: Учебное пособие. 2-е изд. М.: МГУКИ, 2003. 297 с.

4. *Aitchison C.C.* Poststructural feminist theories of representing others: A response to the «crisis» in leisure studies discourse // *Leisure Studies*. 2000. Vol. 19. No. 3. P. 127–144.

5. *Henderson K.A., Bialeschki M.D., Shaw S.M., Freysinger V.J.* Both gains and gaps: Feminist perspectives on women's leisure. State College (PA): Venture Publishing, 1996. 337 p.

З.З. Мухина, Р.Р. Мухин

*Старый Оскол, Старооскольский технологический институт
им. А.А.Угарова, филиал Национального исследовательского
технологического университета «МИСИС»*

Женщина в руководстве высшим образованием в России

В настоящее время центральное место в историографии занимает принцип синтеза макро- и микроподходов, когда не только общество, но и отдельная личность являются предметом исследования [4, с. 10]. Сказанное конкретизируется на примере управления в высшем образовании. Успешная деятельность женщин в управлении вузами подрывает убеждение в их меньшей конкурентоспособности и должна внести вклад в перелом общественного сознания в преодолении дискриминации, недооценки женской профессиональной компетенции.

В настоящее время происходит стремительная феминизация науки и высшего образования. В 2018–2020 гг. среди преподавателей вузов женщины составляли 58%, мужчины – 42% [3, с. 80]. В интегральном смысле в высшем образовании имеет место преобладание женщин, но само распределение является неоднородным. Вот количественные данные. На начало 2011/2012 уч. г. среди профессоров женщины составляли 30%, мужчины – 70%, среди деканов соответственно – 39% и 61%, проректоров вузов и директоров женщин было 30%, мужчин – 70%; в 2016 г. женщины-профессора в вузах составляли 33%, мужчины – 67%; женщины-деканаты – 42%, мужчины-деканаты – 58%; среди проректоров вузов и директоров филиалов: женщины – 63%, мужчины – 37%, а вот в ректорском корпусе на начало 2011/2012 уч. г. женщины составили 11%, мужчины – 89%; в 2016 г. положение изменилось: женщин-ректоров стало 16%, мужчин-ректоров – 84% [1, с. 102; 2, с. 75]. Феминизация большей частью коснулась низшего и среднего уровней. Чем выше ступень должностной иерархии, тем меньше доля женщин.

Не вызывает сомнений, что женское управление может быть эффективным. Но требуются ли для этого какие-то редко встречающиеся экстраординарные качества, или же в такой деятельности женщины могут проявить себя не хуже мужчин, и женское управление на высоких ступенях иерархии может приобрести массовый характер? Объективной основой при индивидуальном подходе служат не усредненные статистические характеристики, основанные на мнении опрошенных, а реальные достижения «здесь и теперь». Имеется возможность проследить, благодаря каким качествам этого удалось достигнуть, какие были мотивировки, аргументация в принятии тех или иных решений. На таком пути проявляется все богатство конкретного.

Предметно речь пойдет о деятельности Алевтины Анатольевны Черниковой на посту ректора (с 2012 г.) Национального исследовательского технологического университета «МИСИС». НИТУ МИСИС всегда пользовался репутацией одного из ведущих технических вузов СССР, а затем России, но именно при А.А. Черниковой он вошел в число ведущих вузов страны. В этом ряду находятся МГУ, МИФИ, МФТИ, СПбГУ, известные на весь мир вузы. Этот феномен весьма примечателен и заслуживает изучения.

Сегодня НИТУ МИСИС входит в число лучших вузов мира в области металлургии, горного дела и материаловедения. В университете действуют 45 научно-исследовательских лабораторий и инжиниринговых центров, в которых работают ведущие российские ученые. НИТУ МИСИС является в России ведущим учреждением не только в металлургии, но и в создании новых, нередко с уникальными свойствами материалов для электроники, авиакосмической техники, nano-, био-, молекулярных технологий, наноэнергетики и других высокотехнологичных областей.

Все это было заложено еще в предыдущие десятилетия. После развала Советского Союза, когда прекратили свое существование многие научные школы, уехали за рубеж многие ведущие специалисты, надо было, насколько возможно, спасти имеющееся интеллектуальное богатство. Далеко не везде это получилось, но в МИСИС эту сложнейшую задачу в целом удалось решить. Здесь немалая заслуга ректора МИСИС в то время (1992–2008 гг.) Ю.С. Карабасова. А.А. Черниковой на посту ректора пришлось очень непросто. Как минимум, надо было сохранить достигнутое, но она ставила перед собой гораздо более амбициозную задачу – вывести институт на качественно другой уровень.

При этом стояла непростая задача: надлежало завоевать доверие весьма специфического профессионального сообщества. При этом имелся целый ряд факторов, работавших против нее. В один клубок сплелись гендерные предрассудки, неприятие «чужого», корпоративные и групповые интересы, комплекс превосходства, личные амбиции. И это в случае в управлении металлургическим вузом, области, преимущественно относящейся к мужской сфере деятельности. Успех был достигнут вследствие счастливого сочетания высокого профессионализма как менеджера, широты взглядов, нацеленности на великие достижения и человеческих качеств, во многом свойственных женщинам, – коммуникабельности, отзывчивости, ответственности, доброты, терпимости.

Ключевым вопросом, самым острым для российской науки и образования, было финансирование. В МИСИС заказы на исследования со стороны промышленности практиковались издавна. Но теперь рази-

тельным образом изменились масштабы такой деятельности. В НИТУ МИСИС ежегодно реализуется сотни исследовательских проектов, свыше 200 совместных карьерных мероприятий, более 9000 уникальных стажировок и практик. Такого размаха удалось достигнуть благодаря укреплению сотрудничества более чем с 1600 бизнес-партнерами, ведущими компаниями России и мира по всем направлениям деятельности университета.

Касаясь стиля управления, которое разделяют на статусное, опирающееся на возможности положения лидера в рамках иерархии, и харизматическое, где основой является личное влияние, развитая техника коммуникации [6, с. 51]. В стиле управления А.А. Черниковой статусная форма занимает относительно небольшое место, центр тяжести перенесен на харизматический компонент. Она считает, что в интересах дела надо опираться не на принуждение и жесткий контроль, а на раскрепощенность подчиненных, стимулирование их инициативы, убеждение, стремление к компромиссу. Должен быть позитивный настрой, следует постоянно публично подчеркивать положительные качества подчиненных, здесь в интересах дела можно даже несколько преувеличить, чем недооценить. И конечно, очень важное значение имеет справедливое материальное стимулирование.

На Западе давно сложилось представление, что подготовка будущих специалистов почти исключительно должна быть направлена на приобретение профессиональных знаний и навыков. У такого технократического подхода немало сторонников и в нашей стране. А.А. Черникова придерживается иного мнения и руководствуется им в своей деятельности. Она убеждена, что одного узкого профессионализма недостаточно, культурная составляющая является насущной необходимостью [5]. И это убеждение имеет глубокое обоснование. Современный мир с его динамичностью, нестабильностью, глобальными вызовами, острыми столкновениями требует от специалиста, помимо профессионализма, еще целый ряд других качеств.

Убеждение в меньшей конкурентоспособности женщин может лишь считаться таковым. Женщины не в меньшей степени, чем мужчины, способны к созидательной деятельности. Должен произойти перелом в общественном сознании, в преодолении сегрегации и дискриминации.

Список литературы

1. Женщины и мужчины России. 2012: стат. сб. М.: Статистика России, 2012.
2. Женщины и мужчины России. 2016: стат. сб. М.: Статистика России, 2016.

3. Женщины и мужчины России. 2020: стат. сб. М.: Статистика России, 2020.

4. *Репина Л.П.* Ситуация в современной историографии // Историческая наука сегодня : теории, методы, перспективы М., 2012. С. 5–13.

5. *Черникова А.А., Мухина З.З.* Гуманитарная составляющая как неотъемлемая часть высшего образования // Высшее образование сегодня. 2017. № 11. С. 6–11.

6. *Чирикова А.Е., Кричевская О.Н.* Женщина-руководитель: деловые стратегии и образ «Я» // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 45–56.

Н.Г. Краснодембская, Е.С. Соболева

*Санкт-Петербург, Музей антропологии этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН*

Сингальские женщины во власти и на домашнем фоне

Небольшое государство в Южной Азии – Цейлон (с 1972 г. Шри Ланка) – известно многими красотами и богатствами. В середине XX в. страна прославилось еще и тем, что именно *сингальская* женщина (сингалы здесь основные граждане) первой в мире заняла пост премьер-министра. Нам это не кажется удивительным, в отличие от тех, для кого странно, что именно женщина Востока оказалась на такой позиции. Первым премьер-министром-женщиной стала Сирима / Сиримаво Бандаранаике / Бандаранаяке (1916–2000).

Сиримаво родилась в аристократической семье: ее отец из рода Ратватте был правителем Балангоды, крупного города провинции Сабарагамува. Мать – из благородного балангодского рода Махавалаттне Валаува. Сингальские аристократы являлись, с одной стороны, хранителями старинных местных традиций и ценностей, а с другой, – благодаря обеспеченности и интеллектуальной развитости имели возможности приобщаться к достижениям и ценностям, принесенным европейцами: получить образование нового образца и приблизиться к правящим кругам.

Сиримаво оказалась первым выжившим ребенком у отца и матери (до нее двое умерли). По совету астролога-предсказателя ее мать рожала у тетушки в Ратнапуре, всё прошло благополучно. Позже в семье появилось еще пятеро детей. Образование Сиримаво началось рано, когда ей исполнилось пять лет, что типично для сингальской среды. Сначала Сирима училась в частной школе в Балангоде, затем в престижной школе в Ратнапуре. В восемь лет она поступила в частную

школу для девочек при католическом монастыре Св. Бригитты (основана в 1902 г., существует и до сих пор) в столице страны Коломбо. Все эти учебные заведения были с *западным уклоном*.

В школе обучали многому, в основе было домоводство. Сирима увлекалась живописью, шитьем, музыкой, пением, драматическим искусством, в спорте – нетболом и теннисом. Уже в школе проявляла качества лидера. Завершила свое образование в 1934 г., сдав экзамены по кембриджским стандартам. И вскоре включилась в общественную жизнь своего края: участвовала в борьбе с малярией в Балангоде, в делах общества Balangoda Social Service League, созданного для борьбы с бедствиями. Позже вступила в Lanka Mahila Samiti Organisation, первое женское движение в Шри Ланке.

При устройстве ее брака выбор родителей остановился на молодом политике, юристе, выпускнике Оксфордского университета, Соломоне Бандаранаяке. Свадьба состоялась 3 октября 1940 г. с соблюдением традиционных обрядов. Сирима была в традиционном *кандийском* сари, жених – в костюме из ткани ручной выделки *кхади*, популярной у последователей Махатмы Ганди. Выбор родителей был не без сомнений, т.к. семья невесты была родовитее семьи жениха: в определенной степени нарушалась кастовая традиция, и это запомнили те, кто придерживался пути *социального/социалистического* политического направления.

Соломон Бандаранаяке занимал различные посты в колониальной администрации. В 1947–1951 гг. он был министром здравоохранения, а в 1956 г. стал премьер-министром Цейлона. Он проявил себя как яркий борец за освобождение от колониальной зависимости. Действовал как сингальский националист, объявив буддизм государственной религией, а сингальский язык единственным государственным языком (дискриминировав тем самым английский и тамильский языки). А когда разрешил использовать тамильский язык в качестве языка торгового общения, заплатил за это своей жизнью: 25 сентября 1959 г. его застрелил буддийский монах.

Сирима была спутницей супруга в его политической деятельности, исполняла представительские функции в 1956–1959 гг., когда он был премьер-министром. Сирима приняла путь активной политической работы в память о супруге: возглавила основанную им Партию свободы Шри Ланки, а вскоре решила участвовать во всеобщих выборах премьер-министра страны и победила. Она стала первой в мире женщиной премьер-министром и трижды занимала этот пост: в 1960–1965, 1970–1977 и 1994–2000 гг. Активнейшую политическую деятельность она вела до конца жизни.

Ее политический путь проходил в обстановке постоянной борьбы с оппозиционными силами (людьми и партиями), она сражалась за независимость страны, за демократизацию общественной жизни, за современные экономические реформы. После 1970 г. она заметно склонилась к социалистической ориентации. При ее правлении страна стала республикой (демократической и социалистической), обрела название Шри Ланка (это произошло в 1972 г.). При ней были национализированы иностранные банки, порты, чайная и другие отрасли промышленности, утверждена государственная монополия на внешнюю торговлю. Во внешней политике придерживалась принципа неприсоединения, но демонстрировала симпатию к СССР и странам социалистического лагеря.

Последовательницей матери стала дочь Чандрика, по мужу – Кумаратунга (род. 29 июня 1945 г.). Она тоже была привержена идее независимости и прогрессивных перемен в Шри Ланке и внесла серьезный вклад в историю страны. Чандрика окончила школу Св. Бригитты, затем в Париже прошла пятилетний курс обучения в Институте политических исследований и трехлетнюю докторскую программу по дисциплине «экономическое развитие» в Практической школе высших исследований.

На родине она возглавила Комиссию земельных реформ, которая создавала кооперативные сельские хозяйства, занималась вопросами продовольствия и фермерства. В 1984 г. вместе с супругом Виджаей Кумаратунгой (это был известный актер, представитель невысокой сингальской касты) основала Народную партию Шри Ланки, а после его убийства тамильским террористом возглавила эту партию. Позже она была премьер-министром, а в 1994 г. стала первой женщиной – президентом своей страны и главой Партии свободы Шри Ланки. В государственном строительстве боролась с социальным неравенством и межнациональными противоречиями (за это заплатили своими жизнями отец и муж Чандрики, и сама она чудом выжила после покушения в 2000 г.). В целом члены семьи Бандаранаяке внесли немалый вклад во многие положительные перемены в Шри Ланке.

Определенные предпосылки в традиционной культуре Шри Ланки позволили взрастить такой тип женщин из этой семьи – активных, храбрых, независимых, целеустремленных. Положение девочек в сингальской семье мало чем отличается от положения мальчиков: одинаково радуются их рождению, не слишком ограничивают свободу. Тех и других приучают к соответствующим ролям для будущей жизни. Сингальские дети часто в виде игры помогают взрослым в их занятиях. Права наследования у дочерей примерно равны с правами сыновей.

В подростковом возрасте отношение более строгое, к мальчикам даже больше, чем к девочкам. Образование, по возможности, дают и тем, и другим. Даже в низких социальных слоях принят обряд знакомства с азбукой. В старые времена в соответствующих кастах только мальчики проходили временное послушание в сингалских буддийских монастырях. Для девочек главная функция – материнство и семейная жизнь.

В семье авторитет жены и матери высок. Некоторые из видимых ограничений в более широком социуме обосновываются необходимостью защиты женщины. В современных условиях эти ограничения часто не соблюдаются. При гостях хозяйка дома обычно не участвует в трапезе, но непременно выходит к ним и хотя бы минимально вступает в разговор. Это связано с ее обязанностью всех накормить, а также желанием не повредить магический статус, от которого зависит благополучие всей семьи. За матерью закреплено последнее слово при выборе брачных партнеров для детей. Браки у сингалов стали регистрироваться лишь примерно с начала XX в., ранее было достаточно завести общий очаг, чтобы окружающие признали брачный союз. Тогда были весьма легки разводы и повторные брачные отношения.

Довольно типичная картина в сингалской семье – строгая к детям мать и мягкий, покладистый, заботливый отец, особенно к девочкам.

Сингалки выглядят полными достоинства и уверенности в себе: не слишком укутывают себя одеждой, не покрывают голову. Для женщины допустимо быть слегка изнеженной и капризной. Особой горделивостью отличаются сингалки горных (центральных) районов острова, к разряду которых можно отнести всех женщин семьи Бандаранаяке.

Н.А. Птицына

*Иваново, Институт социально-экономических наук
Ивановского государственного университета*

**«Если за что-то взялся, делай это хорошо»: анализ интервью
женщин-ученых, имеющих опыт работы
в органах государственной власти**

Эффективность реализации социально-экономической политики государства и повышение качества жизни населения страны зависит от результативности профессиональной деятельности государственных гражданских служащих в органах власти различного уровня.

Тематика работ современных исследователей о статусе и перспективах профессионального развития женщин – государственных гражд-

данских служащих – довольно разнообразна: от рассмотрения причин феминизации государственной службы, особенностей кадровой политики и роли женщин в государственном управлении [4, 6] до освещения репродуктивных установок и карьерных возможностей [3]. Одновременно активно разрабатывается проблематика женщин в науке [1, 5]. В то же время тема женщин-ученых на государственной гражданской службе остается малоизученной и носит постановочный характер. В связи с этим автором предпринята попытка составить представление о некоторых аспектах труда женщин-ученых на государственной службе.

Основные положения статьи базируются на материалах социологического исследования «Женщины-ученые на государственной гражданской службе» (Иваново, 2021). Информантами выступили женщины-ученые в возрасте от 40 до 65 лет, имеющие ученые степени доктора (1) и кандидата наук (7), стаж работы в государственных органах – от 6 до 25 лет. Основные методы качественного исследования – включенное наблюдение, полуструктурированное интервью. Отбор производился методом «снежного кома». Информацией о количестве женщин-ученых в кадровом составе государственной гражданской службы областного центра, подтвержденной документальными источниками, автор не располагает.

В целях повышения результативности деятельности государственная гражданская служба в последние десятилетия не единожды подвергалась реформированию, среди основных направлений которого – формирование эффективного кадрового корпуса [2]. Наряду с регламентированием правовых и организационных основ системы государственной службы повышались требования к государственным гражданским служащим. Учитывая особенности государственной гражданской службы, функционирующей в современных условиях, проблема обеспечения ресурсами (финансовыми, материальными, кадровыми) не теряет остроты. Можно предположить, что привлечение на государственную гражданскую службу женщин-ученых, способствует как обновлению и повышению качества кадрового состава, так и росту его инновационного потенциала.

Рассмотрим некоторые результаты исследования. Высокий уровень профессиональной подготовки, опыт научно-исследовательской деятельности в сочетании с личностными ресурсами (высокая профессиональная и социальная мобильность, коммуникативная компетентность) повышают востребованность женщин-ученых на государственной гражданской службе. Не случайно доминирующим путем перехода из университетской среды на государственную гражданскую службу респонденты назвали приглашение руководителей органов власти и/или коллег. Основным мотивом смены вида профессиональной деятельно-

сти женщины-ученые назвали пробу сил в другой сфере. Однако не все респонденты одновременно приняли решение о переходе на другое место работы.

«Долго размышляла о переходе из университета на госслужбу... Коллега по прежнему месту работы, заместитель начальника Департамента, неоднократно заводил разговор на эту тему... затем, “подключил” и административный ресурс (руководство вуза)... главный аргумент – создание нового структурного подразделения на научной основе... Почему согласилась? Решила освоить новую сферу деятельности, опираясь на научные подходы...» (Ж., 61 год).

Выводы исследователей о специфике государственной гражданской службы в современных условиях не расходятся с мнениями женщин-ученых, имеющих опыт работы в государственных органах власти: многозадачность и постоянно возрастающий объем работы, жесткое регламентирование определенных видов действий, преимущественно административный стиль управления. Респонденты зафиксировали и ряд актуальных проблем государственной гражданской службы, в числе которых лидируют дефицит финансирования государственных организаций и, соответственно, недостаточный уровень материального оснащения, программного обеспечения организаций и оплаты труда государственных служащих, низкий уровень ключевых компетенций у сотрудников службы, а также недоверие граждан к системе государственного управления. Приведем фрагмент из интервью:

«Основные особенности – многозадачность, многообразие и постоянное развитие потребностей целевых групп, готовность работать в режиме 24 на 7. Проблемы: реализация двух систем управления – классической функциональной и проектной, функционирующих параллельно, но в которые интегрированы одни и те же люди, и они буквально постоянно находятся в состоянии ролевого конфликта, работают “на разрыв”; слабое аналитическое обеспечение, в т.ч. с привлечением современных программ, позволяющих существенно сократить время на аналитику, низкий уровень компетенций в этом направлении у многих госслужащих; целенаправленная реализация и конструирование образа госслужащего как “врага”, “виновника проблем”, “неэффективного работника”, “коррупционера” и т.п., что, с одной стороны, создает дополнительные барьеры при выстраивании с различными сообществами, с другой – в привлечении квалифицированных кадров на госслужбу» (Ж., 41 год).

Следует отметить, что половина опрошенных заострили внимание на теме бюрократизма и коррупции в органах государственного управления. По мнению женщин-ученых, негативные явления в среде чиновников имеют место, но представления о масштабах коррупции у

населения преувеличены. Никто из респондентов лично не встречался с данными фактами, но с проявлениями недоверия и подозрительности со стороны «неблизкого окружения» сталкивались практически все. Проиллюстрируем на одном из примеров:

«Когда я работала на госслужбе, окружающие уважали мою должность, но близкие знакомые постоянно подозревали в моей деятельности коррупционную составляющую, полагая, что, работая в госорганах, избежать этого невозможно» (Ж., 41 год).

По мнению женщин-ученых, наличие стереотипов и неблагоприятной информационной среды затрудняет взаимодействие с населением, способствует формированию необъективной оценки труда государственных гражданских служащих. Термин «чиновник» наделен негативным смыслом и несет отрицательную нагрузку, поэтому, как полагают информанты, стоит обратить внимание на формирование позитивного образа гражданских служащих.

Уровень образования, квалификация, мотивация, особенности психологии, возможность адаптации к изменяющимся условиям позволяют женщинам-ученым качественно выполнять служебные обязанности. Вместе с тем наличие работоспособности, профессиональная отдача и ответственность приводят к тому, что значительную часть времени респонденты проводят на службе. В иерархию ценностных ориентаций женщин-ученых, предопределяющих их жизненную и профессиональную активность, входят «семья», «здоровье», «самореализация».

«Если говорить в целом, то, безусловно, семья. Если преломлять через призму профессиональной деятельности, – это повышение качества жизни семей, создание условий, чтобы люди имели достойный уровень жизни, качественное образование, медицинские услуги и т.д. и не должны были для этого разлучаться со своими близкими» (Ж., 41 год);

«Хорошее здоровье, спокойная размеренная жизнь, когда есть время подумать о себе, своих близких, но этого сейчас нет» (Ж., 63 года).

Высоко оценивая роль семьи и наличие детей, женщины-ученые (особенно руководители), с сожалением отмечают, что им не удается в полной мере справляться с домашними обязанностями. Из-за чрезмерной служебной нагрузки они не всегда успевают приобрести продукты, приготовить полноценный обед, пообщаться с членами семьи; нередко чувствуют усталость и снижение активности. По мнению респондентов, сохранять благоприятную психологическую атмосферу в семье и выполнять домашнюю работу помогают близкие люди, которые относятся с пониманием и терпением, проявляют внимание к состоянию их здоровья, а в отдельных случаях – беспокойство в связи с личной неустроенностью дочерей (у двух из восьми опрошенных

женщин-ученых на момент проведения исследования не было собственной семьей).

В ходе исследования выявлено, что полноту самореализации женщины-ученые оценивают сквозь призму своих достижений в профессиональной деятельности, приводят примеры конкретных инновационных методик и технологий, которые ими разрабатывались и внедрялись. С одной стороны, активное «погружение» женщин-ученых в деятельность государственной службы способствует обновлению ее содержания, обеспечивает поиск решений актуальных социально-экономических проблем, с другой – выступает серьезным барьером для продолжения занятий научно-исследовательской деятельностью. Некоторые причины респонденты обозначили в своих интервью:

«Многое в профессиональной жизни (включая продолжение научной работы) зависит в конкретный период от непосредственного руководителя: поддержит/не поддержит, создаст условия или “нагрузит” так, что будет не до науки... Не всегда и наука нужна вышестоящим: обнаруживаются недостатки, а показывать их не хотят...» (Ж., 40 лет). *«Научной работой не занимаюсь. Все силы уходят на исполнение служебных обязанностей. Возможно, это связано с той установкой, с которой иду по жизни: “Если за что-то взялся, делай это хорошо”. С таким перфекционизмом трудно одинаково качественно решать задачи на госслужбе и в науке в одно и то же время»* (Ж., 41 год).

На основе анализа эмпирических данных можно заключить, что женщины-ученые активно применяют опыт научно-исследовательской работы в деятельности государственной гражданской службы. Однако эффективность работы зависит от ряда факторов, в числе которых респонденты назвали «инертность», «формализм» и «бюрократизм» государственной службы, наличие инструментов влияния на принятие решений, позиция непосредственного руководителя и стиль его управления, наличие команды.

«Во-первых, от самой идеи до ее реализации проходит очень много времени, длительная процедура согласования... авторство не приветствуется, ведь обдумывание и разработка методики или технологии происходит в служебное время (?!).... Во-вторых, наличие возможности принять активное участие в управлении изменениями. В-третьих, поддержка как со стороны руководителя, так и со стороны сотрудников, нужна команда единомышленников. В-четвертых, непосредственное общение с коллегами-учеными, например, посредством участия в научных мероприятиях, а также ознакомление с опытом других регионов» (Ж., 62 года).

Размышления респондентов о роли женщин-ученых в управлении политическими и социально-экономическими процессами в современных условиях заслуживают особого внимания. Приведем в качестве примера фрагмент из интервью:

«Это зависит от среды, которую мы обсуждаем. Как мне кажется, в России роль женщин-ученых не столь глобальна, поскольку страна до сих пор существует по законам патриархата. Некоторым (избранным) дамам дозволено проникать в высшую политику и властные структуры, но это скорее исключение, чем тенденция. Так же и ученые – женщина-преподаватель – нормально и обыденно, женщина-новатор и первооткрыватель – скорее нонсенс, чем норма. С моей точки зрения, для того, чтобы женщина могла влиять на политические процессы в России, она должна обладать определенным рода харизмой (или мощными связями), образование и интеллект в данном случае вторичны...» (Ж., 41 год).

Изучение повседневности женщин-ученых посредством фиксации и анализа их опыта работы на государственной гражданской службе позволяет обозначить гендерно-чувствительные аспекты данного вида профессиональной деятельности, которые могут послужить векторами дальнейшего исследования темы.

Список литературы

1. *Доброхлеб В.Г.* Женщины в российской науке как потенциал ее развития // *Женщина в российском обществе.* 2021. № 2. С. 80–89.
2. *Докукина И.А., Малахова О.В., Костромькина А.В.* Реформирование государственной службы в Российской Федерации // *Вестник государственного и муниципального управления.* 1917. № 3. С. 50–56.
3. *Исупова О.Г., Уткина В.В.* Женщины на государственной службе в России: карьера, семья, репродуктивные намерения // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2016. № 6. С. 69–88.
4. *Кашина М.А.* Женщины на российской государственной гражданской службе: феминизация и воспроизводство гендерной пирамиды // *Женщина в российском обществе.* 2009. № 2. С. 13–31.
5. *Пушкарева Н.Л.* Женщины в российской науке конца XX – начала XXI века: обобщение количественных характеристик // *Женщина в российском обществе.* 2010. № 3. С. 24–35.
6. *Хасбулатова О.А.* Об участии российских женщин в государственном управлении: историко-политологический анализ // *Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика: Материалы межд. науч. конф. 16–18 мая 2019 г.* Иваново: ИВГУ, 2019. С. 32–36.

Н.А. Юшкина

Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Женщины в публичной власти

Еще в Государственной думе Российской империи I созыва (1906 г.) лидер фракции кадетов Л.И. Петражицкий отмечал, что если положения о равных правах женщин сделаются законом, то «наивно было бы думать, будто на основании этих законов получится фактическое равенство женщин в области народного представительства и т.д. Препятствием выступят старые предрассудки, эгоистические интересы мужчин, которые будут долго мешать приближению к равенству и справедливости...» [1]. По итогам выборов 1917 г. в Центральную городскую думу Петрограда женщины составили 5,0% депутатов [2].

Если вспомнить историю и проанализировать ситуацию в гражданско-политической сфере СССР, то положение о равных правах женщин в те годы не только широко декларировалось, но и подкреплялось как на уровне идеологии и правовых норм, так и в виде негласно существующих гендерных квот на представительство во всех властных структурах. Однако реальное положение женщин отличалось: участие женщин в управлении государством носило больше декларативный, чем практический характер» [3]. Никакое институциональное закрепление и идеологические установки не смогли изменить общественное сознание и привычные для общества модели поведения.

В СССР реализовывались принципы, в соответствии с которыми все слабые социальные слои и группы должны иметь представителей во власти. Наряду с рабочими, крестьянами и молодежью, женщины относились к подобным «слабым» группам, которые, как считалось, сами не могут добиться успеха и потому для них необходимо было создать механизмы рекрутирования во власть.

Таким образом, во власти появлялась масса «символических» женщин – доярок, сельских учительниц, матерей-героинь, которых избирали депутатами Верховного Совета СССР для номинального представления гендерного баланса во власти и декларативного участия в управлении страной. Постоянная ротация не давала возможности «символическим» женщинам набрать достаточный политический вес и влияние для того, чтобы обладать реальной властью.

Как результат, в годы перестройки демократизация и отказ от гендерных квот снизили присутствие женщин в политическом поле до минимума: на выборах Съезда народных депутатов РСФСР в 1990 г. доля женщин составила 5,7% [4].

Впоследствии, в 2000-х годах, начинается медленный, но стабильный рост представительства женщин в российском парламенте. Однако на сегодняшний день женщины не только не достигли показателей советских времен, но и повышение их присутствия нельзя назвать устойчивым. Чего добились женщины в парламенте по итогам восьми созывов?

Чтобы ответить на вопрос, из открытых источников в сети Интернет, с официальных ресурсов государственных органов законодательной власти были собраны и занесены в специально созданную базу данных количественные показатели присутствия женщин в обеих палатах российского парламента начиная с декабря 1993 г. Всего проанализированы биографии 383 женщин-политиков, все они были формализованы и помещены в базу данных для количественного анализа.

Количественные показатели, начиная с первого периода формирования парламента России, показывают, что присутствие женщин в верхней и нижней палатах отличается: если в верхней палате начиная с 2000-х годов наблюдается вначале плавный, а начиная с 2011 г. более заметный рост, который к 2022 г. составил максимальный уровень присутствия (с 7,4 до 21,8%), то в нижней палате картина несколько иная. В последнем, восьмом созыве Государственной Думы РФ представительство женщин выросло очень незначительно, по сравнению с седьмым созывом, и составило 16,5%. Но этот показатель не превысил самый высокий, зафиксированный с начала формирования парламента в 2007 г. (пятый созыв) – 16,9%. Женщинам не удастся пробить этот показатель, на сегодняшний день он является для женщин-депутатов нижней палаты «стеклянным потолком». Однако динамика среднего показателя численности женщин в Федеральном Собрании РФ говорит о небольшом, но стабильном росте представительства женщин в российском парламенте: с 11,1% в 2007 г. до 19,5% в 2023 г.

Помимо количественных показателей, отражающих присутствие женщин в российском парламенте, важно понять их значимость, близость к принятию политических решений. Появились ли новые типы женщин-политиков или современный российский парламента заполняют «символические» женщины, по сути, не принимающие значимых решений и не способные удержаться во власти?

Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, необходимо измерить объем политического влияния женской части парламента. Важным показателем политического веса и влияния Е.В. Кочкина считает укорененность во власти – годы, проведенные на высоких политических должностях, в течение которых женщины-депутаты имеют возможность наработать нужные связи и авторитет [5].

В период 1989–2018 гг. в российском парламенте насчитывалось десять женщин, стаж работы которых в представительных органах власти, включая Верховные советы СССР и РСФСР до 1991 г., составлял более двадцати лет [6]. На данный момент семеро из них продолжают работу в парламенте. Из тех женщин-политиков, чей стаж на 2018 г. составлял более 15 лет, пятеро до сих пор работают в парламенте. Многие из них имеют опыт работы в обеих палатах парламента. Так, с 2011 г. Совет Федерации возглавляет Валентина Матвиенко, политическая карьера которой началась еще в советские годы и достигла небывалых для женщины в России высот. Это женщины-ветераны, включенные в политические связи, имеющие значимый политический опыт и вес.

Также важно понять, удастся ли более молодым женщинам, политическая карьера которых началась в современной России, удержаться и укорениться во власти, чтобы прийти на смену политикам-ветеранам. Удалось ли кому-то из женщин, попавших в Государственную Думу пятого созыва, продолжить карьеру в парламенте и набрать политический вес. Ирина Яровая – единственная женщина, которой доверили возглавить Комитет по безопасности и противодействию коррупции, на данный момент занимает пост заместителя Председателя Государственной Думы РФ. Светлана Журова получила пост заместителя Председателя сразу после избрания в Государственную Думу, имеет опыт работы и в верхней палате парламента. Более 11 лет опыта работы в парламенте имеют еще четыре женщины-политика: Ольга Тимофеева, Алена Аршинова, Ольга Баталина, Ольга Казакова. С каждым новым созывом увеличивается список женщин, которым удастся не только укорениться в представительных органах власти, но и получать в них значимые посты, наращивать свое влияние и политический вес, а значит и играть в них существенную роль. Тем не менее их количество в общей доле женщин-депутатов невелико.

На протяжении семи созывов Государственной Думы постепенно возрастало количество женщин-депутатов, возглавляющих постоянные комитеты: с 8,7% в первом созыве до 19,2% в восьмом. При этом, к примеру, 70% руководителей комитетов Государственной Думы восьмого созыва имеют заместителя-женщину. Руководящие посты распределены между женщинами, которые успели набрать политический вес, у остальных на постах заместителей руководителей появляется шанс нарастить свой политический вес, укрепиться в иерархии и попытаться занять более высокую позицию в следующем созыве. Кроме того, важно рассмотреть, расширяют ли женщины зоны своего присутствия и интереса в политическом пространстве за счет расширения сферы деятельности?

Единственный комитет, который на протяжении всех восьми созывов возглавлялся женщинами, это Комитет по делам женщин, семьи и детей. Кроме того, женщины возглавляли на протяжении четырех созывов Комитет по экологии, природным ресурсам и охране окружающей среды и трижды Комитет по охране здоровья. Однако начиная с пятого созыва произошло заметное расширение женских сфер влияния – женщины возглавили Комитеты по жилищно-коммунальному хозяйству, финансовым рынкам, труду и социальной политике. Впервые женщине удалось попасть в традиционно мужскую сферу – Ирина Яровая возглавила Комитет по безопасности. Это было похоже на прорыв, когда, несмотря на снижение доли присутствия женщин, им удалось столь заметно расширить ареал влияния на политическом поле. Однако в следующем созыве финансы и безопасность снова перешли под руководство мужчин, женщины получили Комитеты по культуре и регламенту. В нынешнем, восьмом созыве, помимо культурных и семейных вопросов, женщинам доверили вопросы просвещения, а также развития гражданского общества. И несмотря на то, что эти комитеты до настоящего времени никогда не возглавлялись женщинами-депутатами, в целом сферы, которые находятся в ведении этих комитетов, нельзя назвать новыми для женщин. При этом остаются комитеты, в которые не удалось попасть ни одной женщине.

Российская политическая система остановилась на «гендерной десятинке», то есть допускает рост представительства женщин, но весьма умеренный и под пристальным контролем реальных субъектов власти. Женщины рассредоточены по комитетам, однако, не занимают ключевых позиций в большинстве из них, не имеют в них большинства, которое позволяло бы влиять на принятие решений и проводить политику, отвечающую их гендерным интересам.

Рано говорить о коренном переломе в вопросе гендерного равенства в политике, так как остальная масса женщин-депутатов не выходит за рамки традиционных для женщин областей присутствия, подвергается частой ротации, не имеет возможности набирать политический вес и занимает отведенные им «символические» должности.

Список литературы

1. Женский вопрос в Государственной думе. СПб., 1906. С. 35.
2. Женский вестник: ежемесячный общественно-научно-литературный журнал, посвященный женскому вопросу. 1917. № 9/10. С. 108.
3. *Хасбулатова О.А.* Технологии создания мифа о равноправии полов: советские практики // *Женщина в российском обществе.* 2018. № 4 (89). С. 49–59.

4. Кочкина Е.В. Женщины в российских органах власти // *Общественные науки и современность*. 1999. № 1. С. 173–183.

5. Кочкина Е.В. Представительство женщин в структурах власти России, 1917–2002 гг. // *Гендерная реконструкция политических систем / ред.-сост. Н.М. Степанова, Е.В. Кочкина*. СПб., 2004.

6. Крыштановская О.В. Женщины в российском парламенте // *Тетради по консерватизму*. 2018. № 4. С. 274–290.

Г.Ю. Ризниченко

Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Н.А. Винокурова

Москва, Центральный экономико-математический институт РАН

Женщины-лидеры МОО «Женщины в науке и образовании».

Семья и общественная деятельность

Межрегиональная общественная организация «Женщины в науке и образовании» (МОО ЖНО) была образована в 1993 г. и существует по сей день. Период наибольшей активности приходится на конец 1990-х – 2010-е годы. Сфера деятельности была очень разнообразной: междисциплинарные конференции, работа с детьми, организация детских лагерей, фестивалей конкурсов и олимпиад, встречи, посвященные выдающимся женщинам-ученым и педагогам, программа «Ученые – детям» [1–4]. Мы рассмотрим лишь одну из форм деятельности – организацию конференций.

В статье «Ассоциация в зеркале экономики» [1] дана оценка стоимости добровольной работы членов организации: ежегодная бесплатная работа по организации научных конференций оценивается, как минимум, в 1 млн руб. В этой трудоемкой работе женщин-активисток поддержали их семьи, а поддержка семьи для женщины, которая тратит свое время на общественную деятельность, естественно, в ущерб собственно семейным делам, – это необходимый элемент успеха общественной деятельности.

За 30 лет существования МОО ЖНО провела 86 общероссийских конференций, в том числе с международным участием, и множество региональных. Перед каждой конференцией выпускали сборник тезисов докладов, а после конференции – сборники трудов. Издано более 250 томов материалов конференций МОО ЖНО. На базе этих материалов в 2003 г. председатель Нижегородского отделения МОО ЖНО, профессор Нижегородского университета Инна Сергеевна Емельянова начала издавать общероссийский методический журнал «Математика в

высшем образовании» [6]. Сейчас журнал выходит при поддержке Московского центра непрерывного математического образования, Московского, Нижегородского и Санкт-Петербургского математических обществ. По настойчивым просьбам участников на базе трудов конференции «Математика. Компьютер. Образование» в 2009 г. был учрежден журнал «Компьютерные исследования и моделирование», который входит в список ВАК и международные базы цитирования, имеет высокий рейтинг в системе РИНЦ [5].

Более 20 тыс. человек были участниками наших конференций. В период 1995–2011 гг мы проводили в разных городах России по три междисциплинарных общероссийских конференции в год под названием «Математика. Компьютер. Образование», «Женщины-математики. Образование. Информационные технологии», «Нелинейный мир». Активно проводили региональные семинары и конференции отделения МОО ЖНО в Воронеже, Нижнем Новгороде, Твери, Краснодаре, Чебоксарах. В настоящее время сохранились две регулярные конференции. Раз в два года Ростовское отделение вместе с Южным федеральным университетом проводит конференцию «Математика. Экономика. Образование». Центральное отделение совместно с научными центрами в Дубне и Пущино ежегодно во время зимних студенческих каникул проводит междисциплинарную научно-образовательную конференцию «Математика. Компьютер. Образование». Последняя 30-я конференция состоялась в январе 2023 г, активно ведется подготовка к 31-й конференции.

Женщины, лидеры МОО ЖНО, вовсе не «синие чулки», не «старые девы» и не гендерные экстремистки. Это люди, которые реализовали себя и в профессии, и в семейной жизни. По своему социальному положению и своей профессии женщины, члены организации, – это в основном преподаватели и научные работники. Например, Галина Юрьевна Ризниченко, председатель правления МОО ЖНО – профессор биологического факультета МГУ, доктор физ.-мат. наук; Наталья Анатольевна Винокурова – ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН; Надежда Ивановна Мерлина, председатель Чувашского отделения МОО ЖНО – профессор Чебоксарского государственного университета, доктор пед. наук; Галина Петровна Лапина, председатель Тверского отделения – доктор хим. наук, профессор Тверского государственного университета, декан химического факультета; Надежда Васильевна Аммосова, председатель Астраханского отделения – профессор Астраханского университета, доктор пед. наук. Вот как Надежда Васильевна отвечает на вопрос о том, как относится семья к ее общественной работе:

«Можно сказать, что нашим отделением Ассоциации руководим мы троим: мой муж, моя сестра и я (у меня муж – преподаватель в Университете, сестра – заслуженный учитель Российской Федерации). Люди приходят и уходят, мы остаемся. Им, мужу и сестре, я могу сказать: “Давай, вот это сделаем”. Для дела необходимо, чтобы человек постоянно находился рядом и постоянно был подключен к процессу...» [1, с. 229].

Председатель Воронежского отделения Ирина Семеновна Гудович так характеризует роль семьи в работе общественной организации: «У меня в работе Ассоциации, особенно в подготовке конференций в Воронеже, принимает участие вся семья: муж, дочь, сын, зять, брат. И это не случайность. Женщина всегда остается женщиной: она организует окружающий мир по типу семьи. В недрах нашей организации возникла как бы новая технология – объединенные семейные ресурсы. Эти семьи – локомотивы в нашем сообществе. Я думаю, что наши семьи осознают важность нашей работы, понимают, какая большая нагрузка лежит на нас. Поэтому и подключаются к нам. Второй аспект, почему Ассоциация становится семейным делом, это возможности для наших детей и внуков в рамках работы наших конференций достаточно рано окунуться в атмосферу научного творчества, общаться с людьми высокой культуры... И наши школы-лагеря, где проводятся программы для детей всех возрастов, включая малышей, – это тоже мероприятие для всей семьи. Туда приезжают и мамы, и бабушки. Старшие работают на взрослой конференции. А дети тем временем учатся решать экологические задачи... В целом, вся работа женской ассоциации была бы невозможной (и это касается всех семей), если бы мы не встречали моральную поддержку близких. Особенно мужей» [1, с. 230].

Пример МОО ЖНО показывает, что необходимым условием успешной работы женщины – лидера общественной организации – является поддержка семьи. Там, где женщина-лидер опирается на семью, вся семья вносит вклад в работу организации. Сами женщины-лидеры, обсуждая проблемы организации с членами семьи, могут шире и объективнее взглянуть на работу, проекты и планы своей организации. Если семья тебя поддерживает, не столь болезненно воспринимается осуждение начальника по работе, которому, естественно, не нравится, что ты тратишь свои силы на общественные дела, а не на непосредственные служебные обязанности. Семейные женщины терпимее относятся к окружающим, а терпимость – необходимое свойство лидера общественной организации. Она позволяет успешнее работать с волонтерами, многие из которых «странные люди». Да и все мы, члены общественных организаций – «странные», ведь мы работаем бескорыстно.

Список литературы

1. Ассоциация «Женщины в науке и образовании» или Российские женщины в борьбе за сохранение отечественного интеллекта / ред. Н.А. Винокурова. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 336 с.
2. Винокурова Н.А. Ассоциация «Женщина в науке и образовании» – пример успешной общественной организации // Ассоциация «Женщины в науке и образовании». М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 292–316.
3. Винокурова Н.А., Гудович И.С., Ризниченко Г.Ю. Дело спасения учёных – дело рук самих учёных? // Труды III междунар. конф. «Экология. Экологическое образование. Нелинейное мышление». 22–27 сент. 1997 г., Воронеж. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 82–88.
4. Гудович И.С. Условия успеха деятельности НКО (на примере женских общественных организаций // Гендерные исследования и гендерное образование в системе высшей школы». Ч. 1. Иваново: ИвГУ, 2002.
5. Компьютерные исследования и моделирование. Журнал. URL: <http://crm.ics.org.ru/>
6. Математика в высшем образовании. Журнал. URL: <http://www.mvo.unn.ru/>

З.В. Анайбан

Москва, Институт востоковедения РАН

Повседневность активисток женских движений Хакасии и их участие в общественно-политической жизни республики

В данной работе на примере Республики Хакасия впервые ставится задача показать повседневность активисток местных женских движений вне их трудовой и общественной жизни. Женская повседневность как таковая стала предметом изучения относительно недавно и потому считается новым этнографическим направлением исследования, в котором одной из основных сфер жизнедеятельности человека, а именно семейно-бытовой, уделяется особое внимание. Исследование основано на анализе результатов экспертного опроса, проведенного нами в 2019 г. среди служащих местных государственных структур, работников разных СМИ, политиков, ученых, живущих в Республике Хакасия и знающих республиканскую ситуацию «изнутри». В итоге было опрошено 25 человек. В работе также использованы материалы полевого исследования, собранного нами во время встреч с активистками местных женских движений, которые содержат их «истории жизни». И еще, поскольку в данном регионе из всего числа действующих на

сегодняшний день женских организаций наиболее активной считается Лига хакасских женщин «Алтынай», в данном случае в качестве инициаторов были привлечены только ее члены.

Итак, главными целями недавно принятой Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы названы обеспечение реализации принципа равных прав и свобод мужчин и женщин, создание равных возможностей для их реализации женщинами во всех сферах жизни и повышение экономической независимости, политической активности и возможности самореализации женщин. В этом же документе сказано, что реализация направления «Укрепление позиций женщин в общественно-политической жизни страны. Создание условий для развития их гражданской активности», рассчитанного на достижение намеченных целей, предусматривает решение таких задач, как «обеспечение возможностей для увеличения представительства женщин в органах законодательной и исполнительной власти всех уровней и органах местного самоуправления; расширение участия женщин в работе политических партий, увеличение их численности в руководящих партийных органах, формирование у женщин интереса к активной политической деятельности; популяризация образа женщины-лидера, успешно реализующей свои деловые качества, творческий потенциал в общественно-политической жизни» [2, с. 9–10]. При этом не говорится, как и каким образом женщине совмещать выпавшие на ее долю эти две миссии – роль «хранительницы семейного очага» и лидера или активиста общественно-политического движения. Хотя, справедливости ради, заметим, что в преамбуле новой Стратегии все же констатируется, что «женщины имеют высокую бытовую нагрузку, в том числе по уходу за детьми и иными членами семьи, полностью или частично лишенными способности к самообслуживанию. По опросам Федеральной службы государственной статистики, работающие женщины тратят на ведение домашнего хозяйства на 1,5-2 часа или 2-2,5 раза больше времени, чем мужчины. Это создает трудности в совмещении женщинами семейных обязанностей и трудовой деятельности» [2, с. 3].

Современные российские женщины, независимо от региона проживания, в большинстве своем настроены на трудовую занятость, продвижение по служебной лестнице. Среди них немало и тех, кто, помимо этого, занимается еще и общественной работой. Как правило, это происходит параллельно с созданием семьи, рождением и воспитанием детей. Важно также отметить, что кардинальные политические и социально-экономические трансформации недавнего времени не могли не повлиять и соответственно изменить положение женщин во всех без

исключения сферах жизни, включая семейно-бытовую. Прежде всего в этот период резко возросла моральная и социальная нагрузка на женщину, вынуждающую ее совмещать разные функции. Сказанное в полной мере относится и к хакасской семье. Не будет преувеличением сказать, что женщина в современной хакасской семье как и прежде остается главой семьи, и ее положение как лидера бесспорно. Вот что по этому поводу сказала нам известная в республике эпосовед и ветеран женского движения В.Е. Майногашева: «У хакасского этноса традиция уважительного отношения к женщине была заложена еще во времена гуннов. У гуннов женщина занимала высокое положение в обществе, она была грамотна, наравне с мужчиной участвовала в политической жизни. Не случайно, в богатырских поэмах у хакасов главные герои – женщины. И сегодня в большинстве хакасских семей женщина имеет большой авторитет, муж всегда считается с ее мнением, все члены семьи прислушаются к ее советам» [1, с. 40]. Ответственность за благополучие семьи, забота о детях и доме всегда была за женщиной.

Анализ материалов экспертного опроса показал, что среди жителей республики, независимо от этнической принадлежности, по вопросу, касающемуся роли женщины в семье, достаточно сильны и живучи традиционные стереотипы. Так, по мнению экспертов, заметная часть населения убеждена, что именно на женщине лежат обязанности по воспитанию детей, сохранению семьи и созданию для всех членов семьи нормальных бытовых условий. И эту точку зрения, разделяют сами женщины, по крайней мере, немалая часть из них. При этом в качестве аргументации этой позиции чаще других звучат следующие утверждения: «так на роду у женщин написано, это их судьба»; «это было предназначено женщине свыше»; «испокон веков было так, это историческая традиция» и т.п. Правда, многие эксперты при этом добавляют, что в молодежной среде, как среди девушек, так и юношей, эта установка распространена в несравнимо меньшей степени, что свидетельствует о присутствии и взаимодействии в настоящее время в хакасской семье традиционных и современных норм.

Примерно равное число опрошенных, как среди женщин, так и мужчин, разделяют точку зрения, что «женщине не надо заниматься политикой, это не женское дело» (63 и 67% соответственно). Кроме того, подавляющее большинство экспертов (87%), считают, что «если женщина будет активно заниматься общественной работой, то у нее не останется времени для выполнения семейных обязанностей». Подобное же распределение ответов мы получили на вопрос «Что наиболее важно для современной женщины?». Подавляющее большинство

назвали семью (62%), около трети – работу (30%) и примерно 8% указали на «участие в общественно-политической жизни».

Материалы, полученные во время встреч с активистками местных общественных объединений, показали, что в целом их установки и ориентиры по многим позициям, касающимся разных аспектов повседневности, как правило, совпадают. Что касается каких-либо различий во взглядах, как мы и предполагали, в основном были обнаружены между представителями разных возрастных групп. Для наглядности приведем несколько выдержек из бесед с членами разных женских сообществ, на наш взгляд, наиболее распространенных. В процессе встречи женщинам предлагалось вкратце рассказать о своей повседневной жизни с учетом их общественно-политической деятельности, а также связанных с этим проблемах и пожеланиях, если таковые есть.

Итак, одна из наших собеседниц (молодая активистка хакасского женского объединения, 35 лет, горожанка, имеет высшее образование, замужем, воспитывает двоих детей) рассказала: «Общественными делами я начала заниматься еще в школе, потом в институте втянулась в волонтерские мероприятия. Мне нравится работать с людьми, делать что-то такое, что всем приносит пользу. Конечно, сейчас, когда появились заботы по дому, о детях, выкраивать время всё труднее. А повседневная жизнь такая же, как у всех – дом, семья, работа. С мужем расхождений во взглядах на разные вопросы, и политические тоже, особенно нет. Но иногда приходится отстаивать свою правоту, а это, поверьте, непросто. Например, начинаем мы с группой акцию помощи бедным, собираем пожертвования, распределяем, а в это время в СМИ появляется информация о супердоходах руководителей какого-нибудь банка. В такие моменты становится не по себе от несправедливости».

А вот точка зрения по этому вопросу другой активистки, которой 67 лет, тоже горожанки, пенсионерки, в прошлом преподавателя техникума: «На пенсию я вышла еще до повышения пенсионного возраста, сразу стала думать, чем занять свободное время. Кстати, это повышение очень многих задело и добавило нам трудностей. А тут моя подруга, бывшая коллега по работе, позвала набрать актив для женской организации. Сначала мне не очень хотелось этим заниматься, но как-то быстро втянулась и вот уже больше пяти лет постоянно в делах. Главная проблема – нехватка финансов, приходится иногда даже свои сбережения тратить, спонсорам-то мы не очень интересны, нет от нас им никакой выгоды. Но всё же видим у многих из них сердечность и отзывчивость, поддерживают. К тому же, если не скромничать, то скажу, что наша организация хорошо известна в городе, и мы дорожим своей репутацией. В политику особо не вмешиваемся, но правильные, по нашему мнению, решения стараемся людям разъяснять».

И наконец, фрагменты беседы с активисткой среднего возраста (47 лет, медработник, имеет незаконченное высшее образование, замужем, имеет троих детей): «Я достаточно давно являюсь членом местной общественно-политической организации. Конечно, эта работа мне нравится, иначе не занималась бы, ведь это дело добровольное. Но хочу честно сказать, что времени на все попросту не хватает. Поверьте, очень сложно совмещать работу, семейные обязанности и общественные дела. Думаю, что повседневная моя жизнь почти ничем не отличается от миллионов других россиянок. Кроме всего прочего, не надо забывать, что мы еще и женщины, и нам хочется быть красивыми, а это значит, что надо успеть и в парикмахерскую, и в салон красоты, и пообщаться с подругами. С другой стороны, это мой выбор. И все же иногда хочется, чтобы было к нам, женщинам, со стороны близких чуточку больше внимания и понимания, вот тогда, возможно, мы бы “горы свернули”».

Таким образом, анализ материалов нашего исследования позволяет утверждать, что существующие стереотипы о предназначении и основной функции женщины в обществе со временем в целом мало изменились. Как и прежде в общей массе населения доминирует мнение, что главная забота женщины – семья и воспитание детей, что, впрочем, не исключает ее участия в других сферах жизнедеятельности, в том числе общественно-политической, но это возможно только на вторых ролях. При этом среди «слабого пола» численность разделяющих эту точку зрения также значительна. Данная установка в российском социуме все еще достаточно живуча и устойчива. Отсюда и столь незначительна доля женщин, задействованных в работе каких-либо общественно-политических организаций. Кроме того, по признанию непосредственно активисток местных движений, разного рода семейно-бытовые проблемы, как правило, отнимают «львиную» долю времени, в итоге на общественные его не остается. Однако, опираясь на материалы нашего исследования, следует заметить, что в наши дни среди женщин, главным образом являющихся членами каких-либо женских сообществ, наблюдается, хотя и едва заметное, зарождение и становление нового типа женщины-лидера, отличающейся необходимыми качествами, мобильностью и активностью, которые в перспективе, как мы надеемся, не только изменят отношение населения к роли и функциям женщины в обществе, но и внесут позитивные трансформации в ориентациях и предпочтениях самих женщин относительно их активного участия в общественно-политической жизни как региона, так и страны в целом.

Список литературы

1. *Анайбан З.В.* Женщины Тувы и Хакасии в период российских реформ. М.: Институт востоковедения РАН, 2005. 243 с.

2. Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 29 декабря 2022 г., № 4356-р.

О.С. Мутиева

*Махачкала, Дагестанский государственный университет
народного хозяйства*

Активистки в аспекте женской повседневности (на примере Дагестана)

Тема участия женщин в общественно-политической жизни остается актуальной и вызывает все больший интерес в научных кругах. Разные аспекты данной темы – истории и современной практики женской активности – нашли отражение в региональных публикациях последних лет [4–6], стали предметом специального обсуждения на прошедших в республике научных мероприятиях [7–9].

Обращаясь к истории Дагестана, очевидно, что общественная активность женщины патриархальным обществом воспринималась негативно. Существовавшее до революции 1917 г. неравенство с мужчиной в общественных делах объяснялось представлениями о гендерных социальных ролях. Традиционно за женщиной была закреплена сфера домашнего хозяйства, а мужчина играл главенствующую роль во всех сферах жизнедеятельности общества.

С утверждением советской власти в Дагестане начался активный процесс вовлечения женщин в общественную жизнь. Поскольку в гендерной политике советское государство исходило из принципа равенства полов, женщины получили возможность участия в общественно-политической жизни. Так, например, в 1921 г. состоялся первый съезд женщин Горской республики, на котором присутствовали делегатки практически со всех округов Дагестана [1, с. 32]. Для них это был первый опыт публичной активности, возможность открыто говорить о проблемах и правах женщин. В эти же годы в сложных условиях классовых и национально-религиозных противоречий в Дагестане появились первые женсоветы. Архивные документы свидетельствуют, что актив женсоветов в сельской местности состоял преимущественно из возрастных горянок. Например, в Кумухском окружном женотделе состояли 60–70-летние «старушки» [10, д. 515, л. 135]. Безусловно,

взрослая женщина в силу возраста и статуса имела больше возможностей для самореализации.

Отношение общества и семьи к социально активным женщинам было негативным. Поскольку социальная активность воспринималась как вызов патриархальному обществу, они становились объектом общественного порицания. Кроме того, усиленную пропаганду вело духовенство, утверждая, что участие женщины в общественной жизни противоречит нормам шариата [11, л. 6]. На почве этого часто происходили семейные конфликты: муж, не желая прослыть в обществе безвольным человеком, мог прибегнуть к расправе над женой.

Так, в результате травли сельчан, была зверски убита мужем Салихат Юсупова, председатель сельсовета с. Уллучар Даргинского округа. В том же Даргинском округе погибли еще четыре женщины-общественницы, они были убиты за нарушение норм шариата [1, с. 43–44].

Несмотря на это, наблюдалась положительная динамика в вопросах вовлечения женщин в ряды партии. По имеющимся сведениям, доля женщин в партийных организациях только с 1922 по 1932 г. увеличилась с 50 до более 1000 [2, с. 131]. Существенную роль сыграла директива ЦК ВКП(б) 1933 г. «О выдвижении женского актива». Она стимулировала выдвижение женщин – членов партии – на различные руководящие должности. Так, 45 женщин были назначены в аппараты районных организаций [10, д. 529, л. 7–8].

Такая тенденция наблюдалась и в послевоенные годы. Женщины участвовали в работе органов законодательной и исполнительной власти, 48 женщин-дагестанок являлись депутатами Верховного Совета ДАССР и 8 – депутатами Верховных Советов СССР и РСФСР. В Верховный Совет ДАССР 10-го созыва в 1980 г. было избранно 82 женщины [3].

Опыт последних лет показывает, что несмотря на то, что во многих муниципалитетах республики возрождаются женсоветы, реально обеспечить защиту прав и свобод женщин они не могут. В обществе сохраняются гендерные стереотипы, сложившиеся в ходе исторического развития. Такая картина характерна в целом для сельской местности, где активность женщин не одобряется. Существенную роль играют религиозные организации, которые не принимают равноценное участие мужчин и женщин в жизнедеятельности общества. Имамы мечетей, нередко на проповедях призывают мужчин сосредоточить внимание женщин на домашнем хозяйстве, а не на общественных делах. На эти факторы указывалось на конференции по гендерной тематике в 2018 г. в Махачкале. Многие отмечали в своих докладах, что «в постсоветскую эпоху отнюдь не политические препоны мешают войти в

политику, а традиционные установки, связывающие социальную роль женщины прежде всего с заботой о доме и материнством» [7, с. 153].

Современная ситуация с участием женщин в общественно-политической жизни показывает, что происходит развитие женских организаций и объединений, поддерживающих интересы женщин. В первую очередь это Союз женщин Дагестана, созданный в 1993 г. и объединяющий все республиканские женские организации. Несмотря на сложное для республики время, Союз решал многие насущные проблемы – вопросы занятости, семьи, материнства и детства. Важную роль в его деятельности сыграла Народная поэтесса Дагестана Фазу Алиева. Благодаря ее авторитету и всенародному признанию оперативно доводилось до власти проблемы дагестанских женщин. Она и сама была человеком с активной жизненной позицией: четырежды избиралась депутатом Верховного Совета ДАССР и 15 лет являлась заместителем Председателя Президиума Верховного Совета Дагестана.

В 2023 г. Союз женщин Дагестана отмечает свое 30-летие. И сегодня его деятельность направлена на укрепление положения женщин в обществе и их роли во всех сферах жизни республики.

Союз женщин Дагестана консолидирует деятельность таких организаций, как «Союз женщин Махачкалы», «Союз женщин Каспийска», «Рябина красная» (г. Хасавюрт), «Джамиля» (Терекли-Мектеб), которые сохраняют традиции советских женсоветов. Интересы женщин в сфере малого и среднего бизнеса представляет организация «Деловые женщины Республики Дагестан». Свою нишу в республике, безусловно, займет открытый в 2023 г. Духовный женский центр «Марьям», главные цели которого – помощь девушкам и женщинам, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, организация досуга женщин, просветительская деятельность.

Таким образом, можно сделать выводы, что в годы советской власти государство старалось уйти от гендерной асимметрии, давая возможность женщинам проявить себя в общественной и политической жизни. В современных реалиях, несмотря на наличие женских общественных организаций и объединений, политическая активность женщин остается низкой. Социальные лифты для вхождения женщин в политику практически не работают, поскольку сильны традиции клановости. Продвигать в политику будут мужчину, а не женщину. Традиционные установки о гендерных ролях активно поддерживаются религиозными организациями.

Подготовлено при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-00484 «Религиозные организации, стратегия и практика на Юге России в контексте преодоления радикализма: гендерный аспект»).

Список литературы

1. *Гаджиева С.Ш., Мелешко А.Г.* Женщины Советского Дагестана. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1960.
2. *Гасанова А.И.* Раскрепощение женщины-горянки в Дагестане (1920–1940 гг.). Махачкала, 1963.
3. *Искендеров Г.А., Халилова А.С., Хализов Д.И.* Формирование депутатского корпуса Верховного Совета Дагестанской АССР в 80-е годы XX века: региональные особенности // *Фундаментальные исследования. Исторические науки.* 2015. № 2.
4. *Мутиева О.С.* Социальная активность женщин в общественно-политических процессах Дагестана в 20–30 годы XX в. / *Вопросы истории.* № 4. 2021. С. 152–156.
5. *Мутиева О.С.* Религиозные практики женщин в мусульманских общинах Северного Кавказа: история и современность/ *Вестник Дагестанского государственного университета.* 2022. № 1. С. 7–14.
6. *Сиражудинова С.В.* Женщины и женская активность в развитии гражданского общества на Северном Кавказе // *Вопросы истории.* 2021. № 3. С. 136–139
7. *Пушкарева Н.Л., Котовская М.Г., Мицюк Н.А.* «Сохраняя традиции стать современными» (третья международная научная конференция в Махачкале, Республика Дагестан, 24–28 июня 2018 г.) // *Женщины в российском обществе.* 2018. № 4. С. 151–154.
8. *Женская активность: история и современность: Материалы международной научно-практической конференции / ред. С.В. Сиражудинова, О.С. Мутиева.* Махачкала: АЛЕФ, 2021.
9. *Женская активность: Кавказ: история и современность // Материалы II Международной научно-практической конференции/ ред. О.С. Мутиева, С.В.Сиражудинова.* Махачкала: АЛЕФ; ДГУНХ, 2022.
10. ЦГА РД. Ф.П-1. Оп. 1. Д. 515, 529.
11. ЦГА РД. Ф.1. Оп. 7. Д. 154.

И.В. Желтикова

Орел, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

Образ женщины-феминистки в коллективном сознании российского социума (на примере анекдотов)

Бытующие в общественном сознании образы отражают широкий спектр эмоциональных отношений и когнитивных суждений, связанных с репрезентируемой этими образами реальностью. Образы власти, политика, врага – чаще других становятся объектом социальных исследований, тогда как образы матери, ребенка, учителя, детства, при-

роды, дома интересуют в большей степени искусствоведов. Объектом нашего исследования является образ женщины в общественном сознании современной России, нас интересует как воспринимается женщина в качестве субъекта социальных отношений. Общественное сознание как лакмусовая бумага реагирует на культурные, социальные, политико-правовые и экономические изменения в государстве, корректируя образы женщины, именно оно выступает носителем позитивных или негативных настроений по отношению к женщине в целом или к отдельным ее функциям или ролям.

Не имея возможности охватить все многообразие образа женщины, мы остановимся на его наиболее ярком социальном аспекте – образе женщины-феминистки. Рассматривая этот образ, функционирующий в общественном сознании современной России, мы обратились к такой группе источников, как анекдоты. По существующей классификации, анекдоты принято относить к фольклорным жанрам наряду с такими проявлениями неавторского народного творчества, как пословицы, частушки, афоризмы, поговорки. Подобные жанры являются своеобразной квинтэссенцией коллективного сознания, стихийность их формирования отражает наиболее существенные тенденции, присутствующие в общественных настроениях. «Анекдот без каких-либо купюр, в “чистом” виде, отражает мировосприятие слоев населения, в среде которого он возник и функционировал», – замечает один из современных специалистов по исследованию анекдотов А.А. Демичев [4]. В качестве особенностей анекдота как источника по изучению общественного сознания он указывает на неподконтрольность властям, неподцензурность, ту субъективность, которая отражает эмоциональное восприятие народом объекта анекдотической зарисовки. На другую сторону анекдота ссылается в своем исследовании М.Р. Желтухина: комический и саркастический характер этого жанра оценивается ею как положительная характеристика анекдота [5].

Таким образом, сам факт существования анекдотов, в которых речь идет о феминизме, свидетельствует об актуальности этого феномена для сознания российского социума. В нашем исследовании были проанализированы 200 текстов анекдотов, размещенных на интернет-сайтах [1–3, 6–8] в период с 1 по 27 апреля 2023 г.

Первое, что обращает на себя внимание – это тотальный негативный месседж, характерный для всех без исключения проанализированных текстов. Самой многочисленной группой (23% от всех рассматриваемых текстов) были анекдоты, посвященные утверждению патриархальных гендерных представлений, по отношению к которым феминизм и идеи о равенстве полов оцениваются как искусственный конструкт, некая «блажь», не имеющая под собой объективных соци-

альных оснований. Примером могут служить такие анекдоты: «Феминистка заходит в книжный магазин и обращается к продавцу, читающему одну из книг: “У вас есть книги по правам женщин?” Продавец, не отрываясь от книги: “Научная фантастика в следующем зале”» или «Что-то мне подсказывает, что уже очень скоро феминистки будут с тем же запалом требовать от мужчин активных домогательств и осуждать их за невнимание, с каким они сегодня наперебой утверждают, что и до них домогались...». Женщины-феминистки в этих анекдотах смешны именно потому, что идут против «естественного» положения вещей: «Спокойно отношусь к тому, что моя девушка – феминистка. Лишь бы готовила, стирала и убирала».

С небольшим отрывом от первой группы (21% от всех текстов), следует комплекс анекдотов, в которых феминизм маркируется как психическое отклонение, «женская дурь», проявление интеллектуальной несостоятельности женщин. Например: «Создана особая клавиатура для феминисток, превращающая рациональные и последовательные аргументы в бессвязный бред».

Третья по численности группа анекдотов (13,6%) посвящена высмеиванию внешней непривлекательности феминисток: «Почему борцы сумо бреют свои ноги? Для того, чтобы их можно было отличить от феминисток». Следует отметить, что это самые часто встречающиеся анекдоты про женщин-феминисток.

Четвертую по распространенности группу анекдотов (10%) образуют тексты, основной месседж которых заключался в том, что феминизм ухудшил положение женщины: «Дети, – говорит учительница, – Клара Цеткин – замечательный борец за равноправие женщин. Благодаря ей в нашей стране появились женщины-космонавты, лётчицы, трактористки... И шпалоукладчицы, – добавляет Вовочка».

Затем следуют анекдоты, посвященные агрессивности феминисток (6,3%). И незначительный процент текстов, в которых говорится о том, что феминистическая позиция обеспечивает женщинам определенные социальные преимущества (5,4%) и подчеркивает сексуальную несостоятельность/неудовлетворенность женщин-феминисток (4,5%).

Таким образом, анализ текстов анекдотов о феминистках показывает, что в российском обществе распространен в целом негативный образ данной социальной группы. В основном это связано с доминированием традиционно-патриархальной оценки идей эмансипации, следствием которой является образ феминистки как взбалмошной, неумной, психически неуравновешенной особы, которая не имеет четких представлений о том, чего хочет. Женщина-феминистка представляется внешне непривлекательной и, как следствие, сексуально неудовлетворенной и агрессивной.

Список источников и литературы

1. Анекдоты.ру: Анекдоты про Феминисток, Шутки про Фемок. URL: <https://anekdoty.ru/pro-feministok/> (дата обращения: 20.04.2023).
2. Анепедия: анекдоты про феминизм. URL: www.anepedia.mobi (дата обращения: 20.04.2023).
3. Высоковский: Анекдоты про феминисток. URL: <https://www.vysokovskiy.ru/anekdot/feministok/> (дата обращения: 20.04.2023).
4. Демичев А.А. Судебная реформа 1864 г. в российской ментальности пореформенного периода (по материалам исторических анекдотов). URL: http://www.juristlib.ru/book_10289.html (дата обращения: 20.04.2023).
5. Желтухина М.Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2000.
6. Мир анекдотов: анекдоты про феминисток. URL: <https://www.anekdotovmir.ru/anekdoty-pro/anekdoty-pro-zhenshhin/anekdoty-pro-feministok> (дата обращения: 20.04.2023).
7. Пикабу: анекдоты про феминисток. URL: https://pikabu.ru/story/anekdotyi_pro_feministok_8464052 (дата обращения: 20.04.2023).
8. Шуток: подборка анекдотов про феминизм. URL: <https://shutok.ru/tags/%D1%84%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%BC/page/3/> (дата обращения: 20.04.2023).

Е.И. Якушкина

Воронеж, Воронежский государственный университет

Трансформация деятельности женских организаций в России в условиях пандемии (на примере Воронежского региона)

В 2020 г. мировое сообщество столкнулось с масштабной пандемией COVID-19, поставившей перед человечеством новые вызовы и серьезные угрозы. Под влиянием экономических и политических потрясений, карантинных мер, ограничения передвижений и невозможности очного взаимодействия многие общественные организации прекратили свое существование или претерпели значительные структурные изменения. Помощь женщинам, многодетным семьям, которые оказались в особенно уязвимом положении, во многом взяли на себя женские организации и неформальные объединения.

В настоящее время женский активизм в Воронежском регионе, пройдя испытания пандемией, также претерпел изменения. Ресурсный центр НКО Воронежской области [7] дает информацию о целом ряде организаций, среди которых Воронежское региональное отделение

Всероссийского общественного движения «Матери России», Воронежская региональная общественная организация молодых матерей, общественная организация «Воронежский городской форум Независимой женской демократической инициативы (НеЖДИ)», Воронежский областной женский совет, Воронежская областная общественная благотворительная организация «Многодетная семья» и др.

Во время пандемии можно было наблюдать вариативность форм деятельности женских организаций. Некоторые перешли в онлайн-формат, поскольку в условиях карантина многие мероприятия проходили в дистанционном режиме.

Часть женских организаций продолжила деятельность в обычном формате. Так, женсовет, куда входят жены воронежских бизнесменов, учредивших гражданское объединение «Лидер», продолжал реализовывать основные социально-значимые направления своей деятельности. Это поддержка одаренных детей через распределение средств Рождественского бала; поддержка талантливых педагогов дополнительного образования через проект «Сердце отдаю детям»; поддержка онкобольных детей через участие в акции «Белый цветок»; формирование доступных и актуальных общественных пространств через проекты «Дети космонавты», «Воскресенская роща»; а также поддержка региональных культурных объектов через работу в попечительских советах, организацию мероприятий и культурных экспедиций. Представитель женсовета «Лидера» Мария Табачникова, характеризуя работу в карантинном режиме, отметила, что все социальные программы, главная из которых – поддержка одаренных детей, были сохранены. «Мы успели посетить все районы. Таким образом, запустили ежегодный процесс и держим ситуацию под контролем и сейчас» [5]. Во время пандемии женсовет «Лидера» также провел благоустройство территории вокруг паллиативного отделения Воронежской областной детской больницы, организовал благотворительный сбор средств на покупку уникального лекарства для 6-летней девочки, осуществлял помощь детям с редкими заболеваниями и многое другое [5].

Есть также организации, которые в сложных условиях пандемии значительно усилили свою активность. Прежде всего, это женсовет, созданный в 2003 г. супругами клириков Воронежской и Борисоглебской епархий. Изначально задачей женсовета стало объединение жен священнослужителей в области социального служения: помощь малообеспеченным и многодетным семьям, детям-сиротам, людям, находящимся в местах лишения свободы, инвалидам и другим социально незащищенным слоям населения. Средства, собранные от ярмарочных продаж, а также других мероприятий, направлялись на оказание адрес-

ной помощи инвалидам, многодетным семьям, на организацию благотворительных обедов, помощь детям из малообеспеченных и многодетных семей [4]. В связи с пандемией можно было наблюдать трансформацию их традиционной роли, а именно значительное расширение функций. В период пандемии продолжилась совместная деятельность женсовета с благотворительными компаниями, такими как Банк еды «Русь» в Воронеже [1], Фонд помощи пожилым людям и ветеранам «София» [2], Благотворительный фонд «Второе дыхание» [3] и др. Надо отметить, что в сложной ситуации карантина женсовету пришлось решать серьезные организационные вопросы по разгрузке, сортировке и доставке продовольственной помощи. Необходимо было срочно находить волонтеров, заботиться о сохранности продуктов. В этом женсовету помогали другие общественные организации, взявшие на себя многие функции в цепочке получения и распространения продуктов в пандемию, например, организация «Многодетная семья». Опыт взаимодействия женских организаций с благотворительными и волонтерскими организациями стал еще одной формой деятельности в пандемию.

Проект «Вдумчивые чтения» можно назвать совместной творческой коллаборацией ряда организаций. При поддержке Общественной палаты и Ассоциации работников здравоохранения Воронежской области состоялся театрализованный литературный концерт «Милосердие. Память сердца» для всех, кто оказывал медицинскую помощь во время пандемии. Это был рассказ о людях, посвятивших жизнь служению медицине, идеалам милосердия и благотворительности, – сестрах милосердия Даше Севастопольской, Екатерине Бакуниной, Флоренс Найтингейл, врачах Ф.П. Гаазе, Н.И. Пирогове, Ревекке Мухиной [6].

Таким образом, в условиях пандемии произошло изменение привычных форм деятельности женских организаций – от перехода в онлайн-формат до значительного расширения традиционной сферы помощи и взаимопомощи. Новые формы работы были основаны на солидарности местного сообщества и коллективных действиях целого ряда общественных организаций.

Список источников

1. Банк еды «Русь» Воронеж. URL: <https://vk.com/foodbankrusvoronezh>
2. Благотворительный фонд «София». URL: <https://sofiafond.ru>
3. Благотворительный фонд «Второе дыхание». URL: <https://vtoroe.ru>
4. Воронежская митрополия. URL: <https://www.vob-eparhia.ru>
5. Женсовет продолжает реализацию социальных проектов. URL: http://lider-voronezh.ru/zhensovets/novosti_zhensoveta/
6. Память сердца для воронежцев. URL: https://opvo36.ru/news_detail/1493
7. Ресурсный центр НКО Воронежской области. URL: <http://nkovrn.ru>

РАЗДЕЛ 7
ПОВСЕДНЕВНОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ
ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

7.1. Повседневность российских, советских и постсоветских
классов, социальных групп и страт

Т.В. Сазонова

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский институт истории РАН

Документы Горницкого монастыря как источники по истории
женского монашества в XVII в.

Женское монашество не часто находилось в фокусе внимания историков. С одной стороны, это было связано с традиционным мужским доминированием в религиозной жизни, с другой стороны, с вторичностью женского монашества относительно мужского, его меньшим историческим значением, что видно по соотношению мужских и женских монастырей и количеству святых. В отечественной историографии наметились два полюса восприятия женского монашества: первый, связанный со сложившейся в XIX в. благочестивой традицией Православной церкви, во многом идеализированный взгляд, который выводит на первое место духовный подвиг монахинь [напр., 7]; другой, исходящий из идеи неестественности монашества для женщин, рассматривает пребывание монахинь в монастыре едва ли не как заключение в темницу (напр.: «сия злосчастная, как некогда Соломония, должна была отказаться от света, заключилась в монастыре Тихвинском» [4, с. 162]).

Формированию схематизированных концептов способствует малочисленность источников по истории женского монашества, особенно ранней [3, с. 108]. Сохранилось небольшое количество источников, связанных с женскими монастырями конца XVI – XVII в. Этих материалов сохранилось меньше, чем документов мужских монастырей, что связано с иным характером хозяйства и другим уровнем их внешних связей. Тем не менее они позволяют увидеть реалии жизни монахинь XVII в. Примером работы с этими источниками может служить книга исследовательницы из Германии Нады Бошковской, в которой в числе прочего рассматривается и повседневная жизнь в женских монастырях [1, с. 79–83, 233–237, 359–361, 380–386]. Реконструируемая на основе этих документов картина оказывается гораздо более сложной, нежели предполагают традиционные схемы.

Представляемая работа построена на материалах Горицкого девичьего монастыря XVII в. В то время это был единственный женский монастырь в Белозерском уезде. Основание монастыря в середине XVI в. традиционно связывается с деятельностью княгини Евфросиньи Старицкой. Впоследствии он стал известен как место пострига женщин из самых знатных семей [6, с. 377]. Связанные с ним документы – описи имущества, приходо-расходные книги, сыскные дела – отложились в архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН, Российском архиве древних актов, Государственном архиве Вологодской области и других архивохранилищах [5, с. 7–8].

Редко можно определить причины, по которым женщина становилась монахиней. В тех случаях, когда известно, что привело женщин в монастырь, оказывается, что это был выбор ее родственников – отца, братьев, мужа. Некоторые принимали монашеский постриг вместе с мужем [2, с. 14].

В тех случаях, когда есть информация о происхождении монахинь, оказывается, что это представительницы из самых разных социальных групп: царской семьи, боярских родов, белозерских дворян, посадских людей, семей священников, крестьян. Некоторые монахини были грамотны и даже могли сами обучать приходящих для этого детей [5, с. 9].

Горицкие «старицы» (или «иноки», как они называются в источниках XVII в.) вели гораздо более свободную жизнь, нежели нам представляется. Горицкий монастырь являлся особножитным, то есть общей была только церковная служба, посещение которой являлось обязательным, так как в то время считалось, что именно регулярная молитва – главное занятие монашествующих («государевы богомольцы»). Однако известны случаи, когда монахини, ссылаясь на скудость средств, не ходили в церковь. Монахини имели возможность свободно покидать монастырь, как группами, так и в одиночку. Например, в 1658 г. монахиня Еликонида Кириллова в течение трех месяцев жила у помещицы Озадской волости Любавы Кожиной [5, с. 10]. При этом монахиням не воспрещалось общение с мирянами, как женщинами, так и мужчинами [5, с. 14–15].

Важным моментом было наличие собственных денежных средств, которыми монахини могли распоряжаться по своему усмотрению, что находит параллели и в жизни мужских монастырей того времени. Эти средства могли идти как на духовные цели, например, на вклады в Кирилло-Белозерский монастырь [2, с. 10–14], так и на личные надобности, например: в 1659 г. две монахини были в подмонастырской слободке в бане и оплатили процедуру кровопускания, причем по ее окончании угостили «рудометку» кубышкой вина [5, 13–14]. В мона-

стыре монахини могли иметь украшения, в том числе сделанные из драгоценных металлов [2, с. 14; 5, с. 14].

Статус монахини в XVII в. – это один из возможных способов существования женщины в обществе. При этом монахини не составляли единой, внутренне сплоченной группы, оставаясь и в пределах монастыря частью своих прежних социальных групп и семей.

Список литературы

1. *Бошковска Н.* Мир русской женщины XVII века. СПб., 2014.
2. *Дмитриева З.В., Сазонова Т.В.* Вклады горицких стариц в Кирилло-Белозерский монастырь (вторая половина XVI – начало XVII века) // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3. С. 8–20.
3. *Езикова А.А.* Женское монашество домонгольской Руси: перспективы исследований // Актуальные вопросы церковной науки. 2021. № 1. С. 107–110.
4. *Карамзин Н.К.* История государства Российского. СПб., 1845. Кн. III. Т. IX.
5. *Сазонова Т.В.* «Выбрать в игуменьи старицу добру и искусну»: Мавра Волоцкая – игуменья Воскресенского Горицкого монастыря // Петербургский исторический журнал. 2021. № 4. С. 7–18.
6. *Сазонова Т.В.* Княгиня Евфросинья Старицкая – основательница Горицкого монастыря // Российское государство в XVI – начале XVIII века. Сб. статей к 70-летию А.П. Павлова. СПб., 2022. С. 377–383. (Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. Вып. 7 (23).)
7. *Шафажинская Н.Е.* Русское женское монашество: история и традиции. М., 2009.

Т.В. Жиброва

Воронеж, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко

Вдовы юга России (по материалам Азовской приказной палаты конца XVII – начала XVIII в.)

Повседневноведческие аспекты в исследованиях женской истории не раз становились предметом изучения в исторической литературе разных эпох. Назовем работы Г.С. Половкиной [18], Е.Н. Ярмоновой [19], М.Е. Гусаровой [9, 10], Н.В. Козловой [14], З.З. Мухиной [17]. Жизнь и быт вдов периода Смутного времени и Нового времени рассматривали Л.Е. Морозова [16], О.А. Козлова [13], В.М. Брезгунова [1]. По мнению исследователей, социальный статус «вдовы служилого

человека» следует изучать подробно и применительно к каждой исторической эпохе и географическому локусу.

Предпримем попытку проанализировать имеющиеся в нашем распоряжении материалы Азовской приказной палаты о вдовах юга России. Упоминания о женщинах в материалах провинциальной приказной палаты – явление достаточно редкое [12]. Юг России в XVII – начале XVIII в. представлял обособленную территорию со своими традициями и обычаями. Здесь остро ощущалась нехватка возможных кандидатур для выполнения государственных поручений, начиная со сбора ежегодных повинностей, заканчивая комплектованием административного аппарата самой приказной избы, таможни, кружечного двора [11] и других, так называемых делопроизводительных, мест.

В Государственном архиве Воронежской области (ГАВО) отложились материалы, связанные с упоминанием женщин (их имена и социальный статус). Большая часть рассмотренных документов касаются необходимости выплаты жалованья вдовам за их погибших мужей. Приведем в пример челобитную вдовы казака конной службы Ф. Филкова Прасковьи Еремеевой о выдаче ей денежного жалованья, положенного ее покойному мужу [5]. В октябре 1702 г. неграмотная вдова обратилась в приказную избу с просьбой помочь ей не умереть с голоду, другого варианта у нее не оставалось. Как известно, служилые люди выполняли свои обязанности, нисколько не ожидая немедленной оплаты. По прошествии примерно года или даже более того они должны были обращаться с челобитной в Москву и просить выплатить им положенное жалованье. Как видим, женщина решилась сделать это самостоятельно после утраты своего кормильца.

Нередки случаи, когда женщины, оставшиеся без защиты, самостоятельно стремились отстоять свои права. Такие эпизоды видим и в материалах рассматриваемого хронологического периода. Так, к 1701 г. относится судное дело «о неотдаче денег солдатской вдове Авдотье Ивановой» [3]. Женщина не смирилась со своим положением и подала еще одну челобитную, требуя защиты своего имущества.

Без сомнения, жизнь в далеком Азове, куда отправляли ссыльных и неблагонадежных людей, оставшимся без кормильца семьям не могла казаться привлекательной. Многие женщины стремились вернуться обратно под защиту отца и матери. Ряд документов касаются отправки жен азовских служилых людей после их смерти в родной уезд. В июне 1702 г. в Азовской приказной палате рассматривалось дело некой Неонилы Емельяновой, которая просила разрешить ей уехать из Азова, где после смерти мужа было некому о ней позаботиться [4].

Денщик Азовской приказной палаты Федор Дмитриев, который находился на своей должности и в 1709 и в 1711 г. (еще один факт, подтверждающий нехватку квалифицированных кадров на местах в то время), неоднократно опрашивал вдов перед их отправкой из Азова в другие города. Так, в октябре 1709 г. ему было поручено составить поручные записи об отправке вдовы Настасьи Григорьевны Кирилловой в Нижний Новгород, которой полагалось завершить дела после смерти мужа [6]. Позже, уже в 1711 г. он же делает поручные записи по вдове бывшего азовского посадского человека Анне Куприяновой [8].

Сама поездка из Азова в другой уезд и обратно обязательно была сопряжена с большими трудностями и денежными затратами. К марту 1710 г. относится интересный документ – подорожная вдове Н.В. Лаврентьевской на проезд из Борисоглебска в Азов [7]. В пути могли встретиться любые опасности, начиная от встречи с разбойниками, кочевниками, заканчивая потерей лошади и съестных припасов.

Как представляется, вдова XVII – начала XVIII в. – это обязательно слабая женщина, которая стремилась вернуться под крыло отца или братьев. Нередки случаи, когда мы находим в архивных материалах упоминания о женщинах, которые владели корчмой (то есть занимались незаконным изготовлением и продажей алкоголя), продолжали заниматься торговлей и после смерти мужа, не опускали руки и даже преуспевали. Так, интерес представляет царская грамота азовскому воеводе С.И. Салтыкову о розыске и присылке в Разряд закладной кабалы некой вдовы Ирины Кириловой и наемных записей на лавки и питейные погреба [2].

Изучение «женской истории» затруднено в источниковедческом плане [15]. Делопроизводителям прошлого не было необходимости записывать имена своих жен, сестер и дочерей. История домашней повседневности, к сожалению, нередко остается за кадром объектива исследователя. По косвенным свидетельствам, редким упоминаниям в источниках удастся воссоздать картину семейных отношений, гендерных различий того времени.

Список литературы

1. *Брезгунова В.М.* О материальном обеспечении вдов и детей приборных служилых людей юга России в XVII в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2019. №6. С. 466–470.
2. Государственный архив Воронежской области (далее ГАВО). Ф. И-5. Оп. 2. Д. 202.
3. ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 334.
4. ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 373.

5. ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 380.
6. ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 483.
7. ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 503.
8. ГАВО. Ф. И. 5. Оп. 2. Д. 507.
9. *Гусарова М.Е.* Вдовы и сироты как объект российского социального законодательства XVIII века // Социальное и пенсионное право. 2012. № 1. С. 33–34.
10. *Гусарова М.Е.* Социальная помощь вдовам и сиротам в России во второй половине XVIII века: региональный аспект // Социальное и пенсионное право. 2012. № 4. С. 38–40.
11. *Жиброва Т.В.* Будни Воронежского таможенного целовальника (по ценовым росписям XVII в. как источникам изучения повседневности) // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции / отв. ред. В.А. Веремченко, В.Н. Шайдуров. 2020. С. 15–19.
12. *Жиброва Т.В.* Женщина в русской провинции XVII в. (по материалам юга России) // Исторический курьер. 2019. № 3(5). С. 131–138.
13. *Козлова О.А.* Правовой статус вдов в России XVII – начала XVIII в. с точки зрения женской истории // Европейский журнал социальных наук. 2014. № 1 (40). С. 344–349.
14. *Козлова Н.В.* Хозяйственная активность и предпринимательская деятельность купеческих жен и вдов Москвы в XVIII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в в XVI–XVII вв. Сб. материалов международной научной конференции. 2001. С. 139–144.
15. *Кокорина Г.А.* Исследования исторической и социальной памяти в современной российской историографии // Вестник тверского государственного университета. Серия: История. 2021. № 2 (58). С. 79–87.
16. *Морозова Л.Е.* К вопросу о материальном обеспечении вдов служилых людей в Смутное время начала XVII в. // Исследования по источниковедению истории России до 1917 г. М., 2016. С. 103–119.
17. *Мухина З.З.* Правовое положение вдовы в русской крестьянской среде: традиции и новации (вторая половина XIX – начало XX в.) // Политика и общество. 2013. № 3 (99). С. 322–329.
18. *Половкина Г.С.* Некоторые особенности положения женщин-вдов в древнерусском обществе // Шестая Дальневосточная конференция молодых историков. Сборник материалов. 2001. С. 172–177.
19. *Ярмонова Е.Н.* Имущественное положение вдов на Руси в период IX до XV века // Экономика и социум. 2014. № 1/2 (10). С. 1276–1284.

О.В. Ерохина

*Москва, Московский педагогический государственный университет,
Московский государственный технический
университет им. Н.Э. Баумана;
Санкт-Петербург, Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина*

Положение женщины в немецких колониях Санкт-Петербургской губернии в XIX в.

Со второй половины XVIII в. в Российскую империю стали переселяться немецкие колонисты. После нескольких волн эмиграции были созданы целые ареалы поселений в Поволжье, Новороссии, Сибири, на Кавказе, Дону. От этих регионов во многом отличалась Санкт-Петербургская губерния, которая обладала значительным экономическим потенциалом. При этом следует отметить, что ее население, в том числе и немцы, было ориентировано на обслуживание интересов столицы – обеспечение продуктами питания, вывоз мусора и др.

Основная часть колоний была расположена в Среднерогатской, Новосаратовской и Колпинской волостях. 16 июня 1803 г. для регламентации их быта была принята «Инструкция для внутреннего распорядка и управления в Санкт-Петербургских колониях» [2, с. 659–670]. Согласно ей, каждый колонист должен был иметь паспорт, возводить по типовым проектам дома и хозяйственные постройки, участвовать в благоустройстве колонии высаживая между домами не менее десяти рябин или берез в год, огораживая свои участки забором. В случае невыполнения установленных правил они подвергались штрафам.

Немаловажную роль в благоустройстве колоний и поддержании порядка в доме играли женщины. Однако при учете семей колонистов иногда могли не указывать имя супруги. Так, в Колпинской колонии в 1797 г. проживало 12 семей. Но при переписи староста указал только имена колонистов-мужчин, а женщин обозначил как «жена» или «дочь». Такую же ситуацию можно наблюдать при составлении списка жителей Нижней Ижорской колонии, где все женщины кроме жены старосты не имели имен, а дочери обозначены числительными «первая», «вторая» по возрасту.

В колониях старались приучать детей к труду. Если мальчиков обучали ремеслу, то девочек – ведению домашнего хозяйства, шитью и вязанию, оказанию медицинской помощи. Поэтому довольно часто они выполняли роль повивальных бабок. Например, в одной из Новосаратовских колоний ею была жена колониста Эргарда, а в другой жена учителя Мейера [1, с. 62]. За свой труд они получали по 200 руб. ежегодно.

По Инструкции, колонии должны были иметь ухоженный вид. Немаловажную роль в этом играли женщины. Благодаря им поселения утопали в цветах. Цветами они украшали также и подоконники. Внутри дома были заботливо обустроены женщинами. Много вещей было изготовлено ими собственными руками – салфетки, скатерти, постельное белье. Очень часто на вышитых вещах или стенах можно встретить изречения на немецком языке: «Rein wie der hellstew Edelstein ist Mutterliebe ganz allein» [3, с. 103].

Зачастую изделия рукоделия или одежда изготавливались женщинами на вечерних посиделках. Но иногда ее могли шить в богадельнях старые женщины, как в Ново-Саратовской колонии.

Бывали случаи, когда между женщинами колоний возникали ссоры на бытовой почве. Например, в колонии Луцк Марией Гофман был убит петух соседки Ваншейд, когда она пыталась выгнать его из своего огорода. За это мирской суд обязал ее выплатить штраф в колониистскую кассу в размере одного рубля и два рубля соседке в качестве возмещения его стоимости [1, с. 40].

Подготовлено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-20025).

Список литературы

1. *Иванова Н.И.* Путеводитель по немецким колониям Санкт-Петербургской губернии. СПб.: Нестор-История, 2015. 366 с.
2. Инструкция для внутреннего распорядка и управления в Санкт-Петербургских колониях // Полное собрание законов Российской империи. Т. XVII: 1802–1803. СПб., 1830. С. 659–670.
3. *Найдич Л.Э.* Быт и образ жизни немецких колонистов под Петербургом // Немцы в России: Люди и судьбы. СПб., 1998. С. 101–107.

Д.Е. Русскова

АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге»

Конструирование «идеальной читательницы»: проблема нормативного женского чтения в Российской империи (1860–1890-е годы)

В последние десятилетия исследования, рассматривающие проблематику места, роли и деятельности женщин в Российской империи, являются одним из перспективных направлений гуманитарной науки. Несмотря на наличие отдельных сюжетов о женском чтении, все еще остаются незатронутыми вопросы о репрезентации «феминного» чте-

ния и трансформации представлений о молодых и взрослых читательницах в русской культуре в пореформенный период. Остаются открытыми вопросы: что представлял собой женский «массовый читатель» в глазах общественности и государства? какие существовали представления о том, что и как должно было читать девочке, девушке, женщине? менялись ли они со временем? Исследование широкой картины нормативного женского чтения как особой формы социального поведения и способа участия в развитии общества позволит выявить неявные тенденции, определявшие «дух времени», а также расширить представления об устройстве гендерного порядка и его социокультурных сдвигов через феномен читающей женщины. Предлагаемый доклад неразрывно связан с этими задачами.

Прежде всего в нем рассматриваются особенности отечественной и зарубежной историографии по истории женского чтения в Российской империи. Стоит отметить, что «женское чтение» стало отдельным предметом исследования в западной историографии с 1990-х годов. При этом интерес исследователей преимущественно заключался в изучении читательских практик в британской культуре XIX в. [14–18]. Учет специфики социокультурного пространства (страны, территории, региона, сообщества) в работах по истории чтения, в том числе касающихся гендерных аспектов, представляется важным с точки зрения преодоления унификации нарратива, а именно описания истории чтения как универсального опыта, обусловленного исключительно психическими особенностями человека. Вместе с тем история женского чтения в России остается до сих пор почти не исследованной. К исключениям можно отнести работы М.В. Батшевой, Д. Равинского, Т.Н. Штаревой [1, 4, 13].

Доклад содержит результаты проведенного исследования по воссозданию разных идеалов «читательницы» в глазах общественности и государства через транслируемые практики женского чтения в нормативной документации Министерства народного просвещения и Ведомства учреждений императрицы Марии, отражающей рекомендации и требования относительно чтения юных девушек [9–12]; периодической печати, предназначенной для женской аудитории [2, 3, 5]; а также относительно материалов Главного управления по делам печати, отражающих цензурные ограничения на женскую литературу, редактуру содержания женской периодики [6–8]. Также в докладе затрагиваются вопросы о методах работы с источниками, позволяющими сконструировать обобщенные образы читательниц Российской империи второй половины XIX в.

Представленные источники в совокупности позволяют воссоздать «горизонты ожидания», «идеальные типы» чтения, среди которых были как доминирующие модели, вписанные в патриархальные структуры общества, так и альтернативные системы. В эпоху российского просвещения XVIII в., по сравнению с более поздними периодами, женское чтение, за исключением религиозной литературы, преимущественно рассматривалось как досуговое занятие, а не серьёзное дело, и часто считалось легкомысленным и неважным. Вокруг женского чтения существовало много разных стереотипов, озабоченностей и тревог, касающихся желаний и восприимчивости читательниц, особенно среди молодых. С появлением бóльшего интереса к женскому образованию чтение как его часть стало одним из предметов обсуждения государственных и общественных деятелей. Наряду с прежними консервативными предубеждениями в российский общественный дискурс проникали идеи женской эмансипации, которые влияли непосредственно на практики женского чтения и переосмысление его нормативности. Реконструкция дискурсивных практик женского чтения во второй половине XIX в. отражает этот сдвиг общественных ожиданий и культурных тенденций.

Список литературы

1. *Батшеев М.В.* Женское чтение начала XIX столетия. Опыт прочтения источников // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языковедение. Культурология. 2008. № 4. С. 191–202.
2. Женский вестник. 1866–1868.
3. Женское дело: Ежемесячный литературный журнал. 1899–1900.
4. *Равинский Д.* Барышня с книжкой: портрет в историческом интерьере // Родина. 2000. № 9. С. 102–106.
5. Рассвет: Журнал наук, искусств и литературы. 1859–1862.
6. РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 109. (Дело об отказе М.М. Стопановскому в разрешении издавать в Петербурге журнала «Женский вопрос» / Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел).
7. РГИА. Ф. 776. Оп. 5. 1872 г. Д. 164. (По изданию госпожой Зеленковой журнала «Женское дело» / Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел).
8. РГИА. Ф. 776. Оп. 5. 1874 г. Д. 81. (По изданию госпожой Вистелиус журнала «Женский вестник» / Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел).
9. Список руководств и учебных пособий к программам учебных предметов для женских институтов с семью годичными классами. - [СПб.]: тип. Ю. Штауфа, 1875. 16 с.

10. Список учебных книг, употребляемых в женской гимназии Министерства народного просвещения в 1892/93 учебном году, продающихся в Южно-Русском книжном магазине И.И. Динтера, в Киеве. Киев: Тип. Г.Л. Фронцкевича, 1892.

11. ЦГИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 683, 686, 691. (Смольный институт. Каталог книг/купленных книг/периодических изданий учебных заведений / Управление Петроградских и царскосельской женской гимназии).

12. ЦГИА. Ф. 15. Оп. 6. Д. 11. (Пополнение библиотек и физических кабинетов в женских гимназиях).

13. *Штарева Т.Н.* Книжная культура дворянки в контексте истории России второй половины XVIII – первой четверти XIX в. на примере Орловской губернии // Ученые записки Орловского гос. университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2014. №. 1. С. 45–49.

14. *Erler M.C.* Women, Reading, and Piety in Late Medieval England. Cambridge University Press, 2006.

15. *Flint K. et al.* The woman reader, 1837–1914. Oxford: Clarendon Press, 1993.

16. *Jack B.* The woman reader. Yale University Press, 2012.

17. *Pearson J.* Women's reading in Britain, 1750–1835: a dangerous recreation. Cambridge University Press, 1999.

18. *Snook E.* Women, reading, and the cultural politics of early modern England. Routledge, 2017.

Т.А. Мищенко

*Черняховск, филиал Московского педагогического
государственного университета*

**Матери – воспитательницы сыновей (по материалам дневников
и писем в семье кн. Долгоруковых в сер. XIX – нач. XX в.)**

Изменение отношения к детству и роли родителей, функций отцовства и материнства для российского дворянства является актуальной темой для исторических исследований. Отечественная исследовательница образа жизни женщин-дворянок в России А.В. Белова считает, что временем заметного изменения родительских ролей стала вторая четверть XIX в.: «В 1820–1840-е годы забота о детях стала составлять одну из важнейших сфер повседневного попечения провинциальных дворянок; теперь они сами занимались с детьми, купали их и гуляли с ними» [1, с. 137].

Историк повседневности В.А. Веремченко фиксирует появление в 1860-е годы уже целого поколения прогрессивных родителей:

«...впервые типологически видными становятся те две группы «новых родителей», которые к концу изучаемого периода станут составлять основу будущего старшего поколения дворянства» [2, с. 87].

Источниками данного исследования являются записи личного характера, принадлежащие женщинам из семьи Долгоруковых и Голицыных, связанных родственными и брачными отношениями. Наиболее важная их черта – деятельное участие в воспитании и образовании сыновей, а также забота об окружающих детях, в чьей судьбе женщины из этой семьи могли принять участие.

Мария Павловна Долгорукова выделяла главным образом патриархальные ценности: «Когда есть своя семья и дети, то стараешься только об них думать. Своё “я” больше не существует». Одним из наиболее ранних «женских текстов» в этой семье можно считать письмо княгини Наталии Владимировны Долгоруковой, адресованное сыну Николаю в день его 14-летия. Письмо написано в жанре христианского наставления. Наталия Владимировна начала разговор с вопроса о крепости веры: «Перед Богом будь смирен, не возноси ума своего выше чистой детской веры. Надейся на Него, люби Его». Она наставляет сына в уважении к родителям, опираясь на Пятую заповедь: «Пятая заповедь ясна: обещает тебе долголетие за должное почтение к родителям, а жизненный опыт показывает, что дети (два сына и две дочери. – *Прим. авт.*) почти всегда в своих детях находят то, что сами воздавали родителям» [5, с. 233–234]. Кодекс чести, который проповедует мать, содержит и призыв трудиться не для наград, не забирать себе плоды чужого труда, заботиться об общественной пользе.

Однако для этого первого поколения «новых родителей» такая сильная позиция матери в семье и в воспитании сына все же была скорее исключением. В.А. Веретенко так характеризует это поколение родителей: «В полных семьях, при наличии обоих родителей, очевидное преимущество принадлежало отцу. Именно отец определял направление образования детей, подбирал литературу, следил за выполнением домашних занятий и т.д. Мать же либо оказывала ему в этом деле некоторую помощь, либо заменяла отца в его отсутствие» [2, с. 87, 112].

Другой пример «женского текста» – наиболее последовательные записи, длительный срок которых позволяет увидеть картину семейного воспитания женщиной-дворянкой своих детей уже в следующем поколении российских дворян на рубеже веков.

Мария Павловна Долгорукова (урожд. Голицына) начала вести дневник (она называла его «мой журнал») 9 октября 1880 г. Она писала:

«Я опять в таком положении, слава Богу, ужасно хотелось бы сына!»; «С 1-го на 2-ое апреля ночью родился у нас сын Павел. Счастьем нашему не было конца»; «4 декабря заболел наш сыночек Павлик воспалением мозга и после 18-ти суток страшных мучений умер» [4, с. 32]. Молодая мать была сильно огорчена, но вскоре к ней (вместе с рождением ребенка) вернулось желание воспитывать сына: «привела в порядок весь дом, все проверила, сосчитала и успокоилась только к 1-ому октября, а 7-го родился у нас сыночек Дмитрий». 28 ноября она записала: «Я не знаю, как благодарить Бога за такую Его громадную милость, такое нам утешение, после смерти нашего Павлика. Димочка делается очень похож на Павлика, такой душка». Мария Павловна была рада за своего подрастающего сына: «...Дима такой душка, просто чудо, умный, наблюдательный, сердечный. Вчера няня его вздохнула, он посмотрел на неё и говорит: “Отчего ты, няня, вздохнула... ну не расти такого шалуна!” (думая, что она вздыхает о том, что он шалит)» [4, с. 32]. Мария Павловна серьезно относилась к образованию сына и волновалась по поводу его начинаний: «Вчера Дима в первый раз пошел в школу! Он, бедненький, ужасно волновался, переживал всё это время накануне. Я тоже была ужасно взволнована». Мать была разочарована школой, но не упала духом: «Буду его учить дома». Она стала еще счастливее, когда родился сын Владимир. Мария Павловна с любовью заботилась о нём, в период младенчества не могла сдерживать умилений: «Маленький Владимир такой милый, так умно и выразительно смотрит, просто чудо». Она имела умных детей и даже в новорожденном ребенке разглядела способности: «Кажется, будет черненький, гарненький и умный мальчуган».

К 1889 г. князя Николая Дмитриевича выбрали уездным предводителем дворянства. Его супруга распространила свою благотворительность далее родового имения: она стала попечительницей Новозыбковской женской гимназии, председателем Общества вспомоществования нуждающимся ученицам гимназии. А.М. Туссен пишет об этом периоде: «Помимо щедрых пожертвований в кассу названного общества, княгиня увеличивает его средства, устраивая любительские спектакли, концерты, лотереи, привлекая к участию все лучшие силы уездного общества» [4, с. 9].

Двух сыновей Долгоруковых ждала разная судьба. Дмитрий Николаевич – участник Белого движения, эмигрировал в Югославию среди 30 тыс. русских беженцев и похоронен на кладбище в небольшом городке Велика Кикинда. Историк Д.А. Мальцев пишет: «...На кладбище в Кикинде эта ветвь славного рода прервалась. Дмитрий Николаевич женился в 1908 г. на Елене Алексеевне Крупец-

кой, известной собирательнице живописи. Она отказалась покинуть Россию и вышла замуж за брата Дмитрия – Владимира Николаевича Долгорукова. Он единственный из своей ветви рода, кто остался в советской России» [6, с. 34].

Оставшиеся в Советской России представители аристократии больше не могли рассчитывать на свое происхождение и социальные связи, новым властям удалось добиться их разобщенности, постоянно подвергая преследованиям. Принадлежность к русской аристократии после революции стала негативным фактором. Однако культурный багаж – семейное воспитание, православие как моральная основа личности и высокий уровень знаний – являлся тем, что невозможно отнять у человека любыми гонениями и притеснениями [7].

В.Д. Долгоруков писал стихи и прозу под псевдонимом Владимиров, сотрудничал с театрами как консультант по дворянскому быту. Одна из его книг – «В былой Москве». Книга была завершена в 1966 г., но не опубликована. В.Н. Владимиров умер 25 августа 1966 г., рукопись хранилась в семье С.В. Шервинского и увидела свет в 2010 г. В форму советов театральному деятелю, которому нужно воспроизвести сцены из жизни старой Москвы, были облечены воспоминания классического «бывшего» человека – аристократа с хорошим образованием, семейными устоями и утраченными возможностями «золотой молодежи» Москвы начала века.

Итак, «женские тексты» – дневники, письма, воспоминания – позволяют нам воссоздать образ русской женщины-дворянки, которая в XIX в. утверждает в роли воспитательницы своих сыновей и не только отвечает за их моральный облик и образовательный уровень, но и планирует их будущее. Воспитание мыслится этими женщинами как православное: сыновьям предлагается следовать вере, уважать родителей, избегать зла и греха, помогать ближним, не быть мстительными. Вехи времени (конец XIX – начало XX в.) также не прошли мимо этой семьи и были включены в воспитательные установки: не применять телесных наказаний, быть терпеливым к сыновьям, проводить с ними много времени и вести доверительные разговоры, не запрещать новое, но показывать своим примером, что приверженность традициям – более правильный выбор для их семьи. Несколько поколений этой большой семьи русских аристократов показали свою приверженность принципам материнского воспитания.

Список литературы

1. Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII–XIX вв. СПб.: Алетей, 2009.

2. *Веретенко В.А.* Дети в дворянских семьях России (вторая пол. XIX –нач. XXв.). СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015.

3. *Владимиров В. (Долгоруков В.Н.).* В былой Москве / сост., ред. Е.С. Дружининой (Шервинской). М., 2010.

4. Княгиня Мария Павловна Долгорукова: Биография. Мемуары. Дневники / сост. А.П.Дудников. М.: КнигИздат, 2020.

5. Князь Долгоруков Н.Д.: Жизнь – служение Отечеству / сост., ред. А.П.Дудников. М., 2020.

6. *Мальцев А.Д.* Полузабытые могилы. Представители русской аристократии, похороненные на кладбище в Велика Кикинде // Князь Долгоруков Н.Д.: Жизнь – служение Отечеству / сост., ред. А.П.Дудников. М., 2020.

7. *Мищенко Т.А.* Культурный багаж «запрещенного сословия»: адаптация бывших дворян в советском обществе. URL: https://museum-unecha.ucoz.net/publ/issledovanija/raboty_kolleg/kulturnyj_bagazh_zapres_hhenngo_soslovija_adaptacija_byvshikh_dvorjan_v_sovetskom_obshhestve/3-1-0-193

З.М. Кобозева

*Самара, Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П.Королева*

**«Девки, солдатки, вдовы, модистки»: роли женщины в городской провинциальной среде во второй половине XIX – начале XX в.
(на примере городов Среднего Поволжья)**

Роли женщины в городе стремительно меняются по мере того, как город включался в модернизационные процессы, протекавшие в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. Усложнялась жизнь, эмансипация достигла провинции, мораль и нравственность традиционного общества выступали за место женщины в тени мужчины, а женщины, вынужденные элементарно выживать в усложнявшейся социально-экономической жизни постепенно отвоёвывали неприметными повседневными практиками своё право на самостоятельность и, следовательно, на свободу. В столичной среде, а также в городах, являвшихся центрами образования и культуры, данные процессы видятся отчётливее. В аграрных провинциальных городах Среднего Поволжья эти практики имплицитно проступают в каждодневной делопроизводительной среде, которая сопровождала «диалог» горожан с местной городской и сословной властью. Вплоть до 1917 г. браки и разводы оставались прерогативой церкви и, если до 1850-х годов главными

основаниями для развода служили длительное отсутствие и вступление в брак при жизни супруга, в начале XX в. почти единственным основанием стала супружеская измена. Формальные разводы происходили главным образом в среде городского населения, их значительный рост отражает серьёзные изменения в психологии горожан, произошедшие в результате реформ. Женщина могла устроить свою судьбу и судьбу своих детей и после развода. Новый избранник мог усыновить её детей. Однако до подлинной эмансипации было ещё далеко, власть и церковь стояли на страже нравственности и текстов поведения женщины. Так, от самарского мещанина Матвея Негрустуева потребовали подтверждение в том, что он, действительно, отпустил свою жену в село Борское на богомолье и выдал ей через мещанского старосту в этом удостоверение [1]. Самарская мещанка Е.В. Головачёва обратилась в Самарскую духовную консисторию с просьбой о расторжении её брака с мужем Петром Васильевым «по его неспособности к супружеству». Брак на этом основании был расторгнут. Истица вступила в новый брак, а ответчик Пётр Головачёв был навсегда осуждён на безбрачие [2]. Церковь пресекала «блуд», контролируя повседневную жизнь паствы и со своей стороны вершила суд и выносила приговоры. Слово «девка» не только обозначало незамужнюю девушку, но несло в себе и негативные коннотации. Так, 25 августа 1856 г. проживавшая в г. Бугуруслане солдатка Наталья Платонова Ефремова обнаружила около своего дома «неизвестно кем подкинутого младенца», о чём и сообщила городничему. Следствие по этому делу обнаружило, «что младенец был подкинут к Ефремовой...родною сестрою её бугульминскою мещанскою девкою Аграфеною Платоновною, которая прижила его с неизвестным человеком блудно...» [3]. Палата уголовного суда приговорила «означенную мещанскую девку» «преданию церковному покаянию». В прошении самарского мещанина Лупы Попова прослеживается судьба солдатки Арины Кузьминой, вынужденной отдать ему на усыновление своего незаконнорождённого ребёнка. «Я, Ирина Кузьмина, – писала она расписку, – имею при себе родного сына незаконнорождённого Агапия по крёстном отце Архипове рождённого сего 1860 г. в марте месяце, но по случаю неимения средств воспитать сына своего по бедному своему состоянию и болезни своей...решила отдать его на воспитание в приёмьши навсегда Самарскому мещанину Лупе Васильеву Попову» [4]. Попов в свою очередь подтвердил, что «принимает младенца Агапия вместо родного сына», которого обязуется «воспитать как моё состояние дозволяет» и желает причислить его к своему семейству. Мещане города подтвердили, что Ирина «по слабости своего здоровья и неимению никаких средств» действительно не

может воспитать сына и приписали младенца Агапия к семейству Попова. Мещанская вдова Хавронья Лятаева жаловалась городскому голове на сына: «Родной сын мой самарский мещанин Козьма Алексеев, не только не даёт мне никакого вспомоществования к жизни, но даже нередко делает невыносимые для меня оскорбления, поносит разными неблагопристойными словами и нередко причиняет побои, и наконец сего месяца 15 числа ночью пришёл в келью мою в которой я имею проживание, вытащил меня в сени и побил меня до бесчувственного состояния от чего я и по настоящее время чувствую в голове, руках и по всему телу сильную боль, почему я вынужденною нашлась довести о сём до сведения Вашего Степенства и просить сказанного сына моего Козьму Алексеева за причинённые им мне разные оскорбления и побои предать суду Уголовному с удалением из общества» [5]. Было проведено дознание и выяснилось, что действительно Кузьма был известен в обществе «нетрезвой жизнью и дурным поведением». Возмущённый подобным отношением к матери городской голова распорядился не только Кузьму отдать под суд, но и напомнил, что «по ст. 164, 165, 166 Уголовного уложения детей обоего пола за упорное неповиновение родительской власти, развратную жизнь и другие явные пороки, отдавать в Смирительные дома...и приносить жалобы в Словесный суд» [6]. В делопроизводстве мещанской управы обнаруживается значительное количество дел, когда женщины, освоив профессии модисток, кухарок, горничных, самостоятельно добывали себе средства на жизнь, но мужья требовали через управу, чтобы им не выдавали паспорт, желая, на самом деле, чтобы жёны их взяли на своё содержание. Безусловно, мы не обнаруживаем в провинциальных Самаре, Саратове и Симбирске дискурса «курсисток-нигилисток», которые становятся предметом злой сатиры на страницах российской прессы и в художественной литературе. Но награждая мещанских женщин, к примеру, словом «девка», воинствующая мораль и нравственность настигала даже в сухом делопроизводстве эффекта наказания через моральное унижение.

Список источников

1. ГУСО ЦГАСО (Центральный гос. архив Самарской области). Ф. 153. Оп. 1. Д. 85. Л. 363.
2. ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 393. Л. 1.
3. ГУСО ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1145(а). Л. 1.
4. ГУСО ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 396. Л. 1.
5. ГУСО ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 85. Л. 363.
6. ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 710. Л. 5.

А.А. Воробьев

*Могилев (Республика Беларусь), Могилевский институт
МВД Республики Беларусь*

Повседневная жизнь проституток и борьба милиции Могилевского региона с проституцией в 1920-е годы

Проблема проституции стала для захватившей власть в России в конце 1917 г. большевистской партии одним из унаследованных от капитализма «родимых пятен», которые следовало удалить. Долгое время деятельность рабоче-крестьянской милиции оставалась, как, впрочем, и ее борьба с проституцией, своеобразным «белым пятном» в отечественной истории, ибо подавляющее большинство фактов и цифр, касающихся этой проблемы, имели гриф «секретно» или же «совершенно секретно». В настоящее время часть архивных документов рассекречена, что дало нам возможность подготовить данную публикацию. Ввиду ограниченности ее объема рассмотрим лишь период 1920-х годов, когда проблема борьбы милиции с проституцией была весьма актуальной.

Вначале о том, что представлял Могилевский регион в 1920-е годы. Решением ВЦИК РСФСР от 26 апреля 1919 г. существовавшая до этого времени Могилевская губерния была упразднена. Территории Быховского, Гомельского, Горецкого, Климовичского, Могилевского, Оршанского, Рогачевского, Чаусского и Чериковского уездов были включены во вновь образованную Гомельскую губернию. Мстиславский уезд отошел к Смоленской губернии, а Сенненский вошел в состав Витебской [3, с. 22]. Губернский центр был перенесен из Могилева в Гомель, а город Могилев поменялся местами с Гомелем, став уездным центром Гомельской губернии. В 1922 г. советские республики, включая и Беларусь, объединились в Советский Союз, а в июле 1924 г. большевики провели изменения в административно-территориальном делении СССР, в ходе которых были упразднены губернии и уезды, а основной территориальной единицей стали округа, которые делились на районы. Был создан и Могилевский округ, который первоначально состоял из десяти районов: Бельничского, Быховского, Журавичского, Кормянского, Луполовского, Могилевского, Пропойского (ныне Славгородского), Чаусского, Чечевичского и Шкловского. Площадь Могилевского округа была небольшой, она составляла всего 11 700 кв. км [4, с. 44]. Тем не менее милиции Могилевского округа хватало работы, ибо уровень преступности как в целом по Беларуси, так и в округе, продолжал расти.

Борьбе советской рабоче-крестьянской милиции с проституцией неоднократно уделялось внимание на заседаниях местных партийных

комитетов. Так, на заседании Могилевского укома (уездного комитета) РКП(б) 11 октября 1922 г. при рассмотрении вопроса борьбы с проституцией было замечено, что «одним из последствий проституции являются венерические заболевания». Далее говорилось, что в Могилевской городской больнице отведено только 10 коек для женщин с венерическими заболеваниями, при этом отмечались огромный спрос на лечение этих заболеваний среди женщин и необходимость увеличения числа коек для их лечения. Попутно было сказано о том, что женотдел (женский отдел) Могилевского уезда и города Могилева совершенно бессилён что-либо сделать в сложившейся ситуации. По итогам заседания уком постановил: 1) организовать политический суд над притоносодержателями и проститутками; 2) обязать милицию вылавливать притоносодержателей и проституток; 3) просить отдел труда Могилевского укома РКП(б) в первую очередь давать работу одиноким женщинам; 4) страховой кассе (кассе взаимопомощи) оказывать помощь одиноким нуждающимся женщинам, независимо от их стажа работы; 5) усилить борьбу с венерическими заболеваниями [1, л. 51].

На заседании Могилевского укома РКП (б) в начале 1925 г. указывалось, что уровень развития проституции в Могилеве, по сравнению с количеством его населения, является невысоким, ибо с проституцией ведётся постоянная борьба. В то же время отмечалось, что вести борьбу против проституции очень трудно. Основной упор в этой борьбе был направлен против притоносодержателей, например: в течение 1924 г. в Могилеве были обнаружены и ликвидированы пять притонов. Все содержатели притонов были преданы суду, сами проститутки к суду, как правило, не привлекались, если с их стороны не было случаев хулиганства и сопротивления милиции [2, л. 68об.].

Таким образом, можно сделать следующие выводы: 1) борьба с проституцией была одним из основных направлений деятельности милиции города Могилева и Могилевского региона в 1920-е годы; 2) эта борьба была очень тяжелой, на что указывалось в приведенных нами архивных документах; 3) на уровень развития проституции очень большое влияние оказывала экономическая ситуация в стране, когда практически до самого окончания 1920-х годов в советской России, а потом Советском Союзе, проводилась «новая экономическая политика» (нэп), которая по своей сути была, по словам инициаторовавшего ее В.И.Ленина, временной уступкой капитализму и допущением развития частной собственности; 4) с развитием частной собственности в Советском Союзе появилась прослойка новых богатых людей (нэпманов), которые, по своему положению, были сродни современным «новым русским» или «новым белорусам»; 5) прослойка нэпманов имела день-

ги и способствовала развитию проституции в 1920-е годы; 6) женский отдел Могилевского укома РКП(б), на наш взгляд, не имел никаких шансов в борьбе с проституцией, ибо у него не было никаких факторов влияния, кроме разъяснительной работы, а она никаких или почти никаких результатов принести не могла; 7) милиция в 1920-е годы вела в основном борьбу против притоносодержателей, проститутки, как правило, не арестовывались, а после соответствующих разъяснительных бесед отпускались и вновь возвращались к «древнейшей профессии»; 8) никакие меры не помогали в борьбе против проституции, пока не наступили 1930-е годы с их поистине «драконовскими» законами; 9) именно в 1930-е годы, когда, по выражению Сталина, «нэп был выброшен к черту», был нанесен сильнейший удар по проституции, которая, тем не менее, не была совершенно искоренена, а ушла в глубокое подполье, где затаилась в ожидании лучших времен; 10) лучшие времена наступили в «лихие» 1990-е годы, когда проституция расцвела буйным цветом и продолжает существовать в наши дни, доказывая, что эра победы над всеми человеческими грехами еще весьма и весьма далека, если вообще достижима.

Список литературы

1. Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМО). Ф. 6622. Оп. 1. Д. 173.
2. ГАООМО. Ф. 6577. Оп. 1. Д. 137.
3. Могилевская милиция. 85 лет на страже правопорядка и законности. Могилев, 2003. 428 с.
4. *Понуждаев Д.Н.* Могилевская милиция в довоенный период (1917 – первая половина 1941 г.). Могилев, 2019. 172 с.

В.В. Бибикова

Быт и социальное положение тунгусских женщин в 20–30-е годы XX в. на енисейском Севере

В ноябре 1917 г. Совет народных комиссаров принял «Декларацию прав народов России», гарантировавшую свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России. 29 октября 1924 г. на заседании Комитета Севера при Президиуме ВЦИК был рассмотрен вопрос о перспективах работы среди коренных народов Севера. В числе обсуждаемых вариантов было выдвинуто предложение о возможности создании резерваций на северных территориях и «предоставления в пределах резервированных

территорий самостоятельной жизни инородцам» [11, с. 6]. Однако этот вариант был отвергнут и к реализации приняли концепцию национального районирования. Председатель Комитета Севера П.Г. Сидович писал: «Основная задача Комитета заключается в том, чтобы путём советизации, продвижения советских форм управления вовлечь коренное население Севера в работу по строительству новой жизни не только для туземцев, но и руками самих туземцев» [3, д. 10, с. 6] Главным направлением проводимой работы было достижение и закрепление фактического равенства всех наций и народностей. Особое внимание уделялось вопросу вовлечения женщин в перестройку традиционного патриархального уклада.

О положении северных женщин в начальный период становления советской власти написано немало статей. Как правило, интерес вызывают исследования этнографов и специалистов, которые были современниками изучаемых процессов. Рассмотрим положение тунгусских женщин в 1920–1930-е годы, проживавших на территории современной Эвенкии. Наиболее наблюдательными и беспристрастными очевидцами были врачи, направляемые на север с целью обследования коренного населения и оказания ему медицинской помощи. Летом 1926 г. доктор Д.А. Кытманов прибыл на ярмарку в Кузьмовку, куда приехали с целью обмена и торговли тунгусы. Врачом проводились антропометрические измерения тунгусов, и он отметил «малый рост» женщин – от 138 до 155 см, их правильное телосложение. Он писал: «Больше всего браков заключается в 20 лет. Смертность детей – 44,4%. На гинекологические исследования тунгуски ни за что не соглашались. Курят все – мужчины, женщины и дети» [7, д. 57, с. 19, 21, 25] Как добиться доверия у женщин, расположить к себе? Самым эффективным методом работы в этом направлении была профилактика: для разъяснительных бесед использовалась любая возможность. В 1928 г. по направлению Сибкрайздрава на север приехала врач М.М. Савина. «На суглане в Кузьмовке выступила и я с “говоркой” о правах женщин. Мужчины-тунгусы вообще не хотели звать женщин на суглан, мотивируя, “что, мол, баба понимает”. Но когда инструктор Туруханского РИК показал картинку, где Калинин говорит с женщинами, и сказал, что “этот мужик из большого суглана в Москве”, так несколько человек побежали за “бабушками”, то есть за жёнами. Суглан проходил в бывшей лавке, мужчины живописно расположились на прилавке по-турецки, женщины сбились в кучу на полу в уголке. Я при помощи переводчика говорила о том, что хорошо известно женщинам – не туземкам. После “говорки” переводчик несколько минут перебрывался фразами с мужчинами. Затем обратился к женщинам. Одна из них что-

то спросила, мне перевели её вопрос: “Почему им не присылают бисера для вышивки костюмов”. От женщин больше вопросов не было, а мужчины порешили, что “баба такой же человек, как мужик, и такой же работник”». Нам неизвестно, о каких «правах женщин» говорила врач. Но судя по тому, что единственный заданный вопрос был сугубо практический и далёкий от заявленной темы, женщины не помышляли об ущемлении их прав и сосредоточены были на повседневных проблемах. После этой беседы врач сделала категоричный вывод: «До тех пор, пока туземцы не сделаются оседлыми, работу по охране материнства и младенчества среди них проводить нельзя» [7, д. 142, с. 67–68] С этим выводом следует согласиться: в условиях кочевания трудно было найти возможности для системного врачебного осмотра детей и женщин.

Заведующий Туринской культбазой А.П. Курилович с нескрываемым состраданием к участи женщин писал: «В аргише на долю женщины выпадает самая тяжёлая работа. В то время как мужчина едет впереди на лёгкой санке, женщина ведёт обоз из 5-6 санок, с ребятами, чумом и всеми пожитками. На плохой дороге сани опрокидываются, олени путаются, дети плачут, холод пронизывает её до костей, потому что самая лучшая одежда у мужа. По прибытии на место женщина должна поставить чум, развести костёр, вскипятить чай, всех накормить, напоить, высушить одежду и кое-что починить. Встаёт она раньше всех и разводит костёр. Мороз 40 градусов. Она в лёгкой одежде вылезает наполовину из своего спального одеяла, зажигает лучины. Пока костёр разгорается настолько, что в чуме становится тепло, холод уже успевает забраться под одеяло, и дрожит бедная, вечно мёрзнувшая женщина, стучит от холода зубами. Женщина стряпает, варит, шьёт одежду и выделывает олени постели и камасы. Ест и пьёт она в последнюю очередь» [7, д. 143, с. 384]. Подтверждением этих наблюдений служат исследования этнографа Г.М. Василевич: «Женщина, помимо ухода за детьми и приготовления пищи, должна была обрабатывать шкуры, шить из них нужные в быту вещи, снимать и обрабатывать бересту и шить из неё тиски и посуду. У потомков пещих эвенков на её обязанности лежал уход за оленями. Она вьючила караван, вела его на указанное место. При этом требовалось большое знание местности и сообразительность при переходах через бурные потоки. При приходе на место женщина развьючивала караван. Зимой собирала оленей перед кочёвкой, расчищала площадку от снега, рубила жерди для чума и дрова для очага и сама покрывала чум. Малодетные женщины и девушки охотились на медведей, лосей и оленей. Пушной охотой они занимались до старости» [1, с. 173]. Подтвержде-

ний промысловой деятельности женщин достаточно много в архиве. К примеру, в отчёте о сдаче беличьих шкур на Чуне в 1926 г. упоминаются Онкоуль Арина, сдавшая 400 белок, и Чамдаль Ануша Яковлевна – 620 [7, д. 50, с. 233].

Попытки разъяснения прав женщин на севере начались с 1923 г. инструкторами, направляемыми в тундру для организации родовых советов. Работа эта проводилась очень осторожно, но до 1926 г. не было случаев, когда женщины принимали участие в выборах. Первое свидетельство об участии женщин в суглане находим в воспоминаниях председателя Красноярского комитета Севера И.М. Суслова, организовавшего родовое собрание на Стрелке Чуни. Любопытно, что накануне проведения мероприятия состоялась встреча Суслова и женщины-шаманки: «К назначенному сроку прибыли граждане тунгусского племени. Когда тунгусы собрались на суглан, часть из них не перебралась на берег, начав шаманить. Шаман Акулина на вопрос: “Зачем они шаманят?” ответила: “Тунгусы сами должны видеть свою будущую дорогу”. “А как её увидеть?” – “По нашей вере надо спросить давно ушедших на Хэргу.” – “А как к ним попасть?” – “Туда шаманы дорогу знают. Нашему народу ты понравился. Народ будет слушать твои рассказы. Но если новая жизнь им не понравится, они послушают, а сделают по-своему”. Я даже растерялся от неожиданности. Акулина ушла, а я уселся на пенёк и задумался. Не ожидал я, что Акулина так хорошо разбирается в обстановке. Теперь мне стало ясно: на том берегу собрались кулаки-оленоводы. От них зависели все тунгусы округа. С ними приехал князь Куркагир, шаман и шаманка» [11, с. 57] Судя по словам Акулины, тунгусы были оповещены, что приехавший русский будет говорить о «новой жизни».

Во время проведения суглана были попытки богатых тунгусов сорвать его. «Незнакомый богатый тунгус, дядя самого Якуни (у Якуни 20 сотен оленей) сказал: “Я говорить буду. Скажи, русский начальник, зачем обманываешь тунгусов? Раз приехал к нам, должен знать о нашей вере. А ты её нарушил. По нашей вере на суглане выбирать князя могут только мужчины, бабы могут только смотреть и слушать. Баба век ум ачин, голова пустой. Ваш закон о бабах – худой закон. Эвенки! Слушайте меня! Русский начальник хочет посоветоваться не с вами, а с вашими бабами. Не будем ему мешать! Пусть советуются с ними, как новую жизнь строить, а мы с вами поплывём за реку, и там устроим свой суглан, выберем своих князей”» [11, с. 60]. В официальном отчёте И.М. Суслов писал: «Тунгусы, которые в том районе меня не знали, весьма недоверчиво подходили к организации Советов. А на реке Чуне, например, общее собрание тунгусов заявило мне, что если я

буду настаивать на предоставлении решающего голоса с активным избирательным правом женщинам, то все собравшиеся немедленно покинут суглан. Во имя начала организации там советской власти пришлось согласиться с требованиями тунгусов». Суслов объяснил свою позицию, сославшись на нормы обычного права: «Согласно обычного права, присутствующих женщин решили лишить права голоса и допустить на суглан только с совещательным» [7, д. 199, с. 52]. Но когда подобная ситуация возникла во время проведения Байкитского суглана, он нашёл нужные слова: «На Байките, когда тунгусы запротестовали на моё предложение дать право голоса женщинам, я доказал им, что согласно обычного права, вдов, например, они не могут лишать избирательных прав, так как вдова, как глава семьи, равна в правах с мужчинами. В результате 4 вдовы получили право голоса» [Там же, с. 54].

Задавленная работой женщина практически не имела прав. К примеру, по нормам обычного права после смерти мужа вдова не могла претендовать на нажитое имущество. Как правило, оно передавалось родственникам мужа [7, д. 66, с. 7].

В 1928 г. А.П.Курилович писал: «Женщина бесправная, женщина – раба своего мужа, предрассудков и бытового уклада своего народа. Доля участия женщин-тунгусок в выборах в родовые советы ничтожна. К голосу её на родовых собраниях никто не прислушивается, её интересы никто не защищает. Презрительное отношение к женщине у тунгусов доходит до того, что на родовом собрании Панкагирей на фактории Виви женщине-врачу культбазы тунгусы заявили: “Ты женщина, и в мужских делах ничего понимать не можешь”» [7, д. 143, с. 384].

Разъяснительная работа и настойчивость инструкторов приводила к тому, что в последующие годы женщины начинают допускаться на родовые собрания.

Членом родового совета женщина впервые была выбрана в 1928 г. в Эконде. Примечательно, что против кандидатуры Варвары Комбагирь проголосовала только треть участников собрания [7, д. 62, с. 17].

Органы советской власти настойчиво искали девушек, которых можно было направить на учёбу и в дальнейшем – на работу в качестве агитаторов среди женщин коренного населения. Привлечение девушек было непременным условием при любом комплектовании курсов. К примеру, в 1927 г. Туруханский РИК обратился в Красноярский комитет Севера об обучении гражданки Маюль Пелагеи Григорьевны, 18 лет, тунгуски Чапогирского рода: «После смерти родителей она с 8 лет стала батрачкой русского населения. Затем её направили в Красно-

ярский детский дом, где она окончила 3 класса школы». В ходатайстве с обеспокоенностью писали, что Маюль «частью забыла родной язык». «Маюль – первая женщина – туземка, пожелавшая учиться. Нужно учить и сделать её полезной для своих сородичей, особенно женщин. Она могла бы проводить работу среди женщин по их раскрепощению» [4, с. 118–119]. Девушка была направлена на учёбу. К сожалению, в архиве не найдено сведений о её дальнейшей судьбе, но имеется заявление П.Г. Маюль о вступлении в ВКП(б) в 1940 г., что свидетельствует о её активной деятельности в Эвенкии [6, д. 14, с. 77].

Системную работу среди женщин начали работники открывшейся в 1927 г. Туринской культбазы. «Работу среди женщин – туземок мы начали на почве охраны материнства и младенчества, где их скорее можно было организовать и добиться доверия к нашим мероприятиям. Врач Гладина организовала кружок туземок из 12 человек, которые не только аккуратно посещали медицинские беседы, принимали участие в подготовке 8 Марта, но и в быту начали вводить новшества» [7, д. 143, с. 385]. Врач С.Н. Бушмарин писал: «С помощью женщины-врача Гладиной проводилась работа по охране младенчества и детства. Работа трудная. На втором году работы мы имеем только второй случай, когда туземка родит в больнице и только одному туземному ребёнку отпускается стерилизованное молоко. Весной, когда туземцы соберутся около культбазы, предполагается организовать консультации и посещение туземок женщиной-врачом в чумах» [Там же, с. 219]. А.Л. Гладина постоянно поводила профилактические просветительные беседы среди женщин, проживающих в районе культбазы. После каждой беседы она организовывала угощение – чай с хлебом, маслом и сахаром [Там же, с. 431]. Женщины с удовольствием слушали граммофон. Врач оформила в больнице уголок матери, разместив в нём детскую кроватку, корзину, детское бельё, пелёнки, одеяльце. В свою очередь, женщины приносили ей свои рукоделия, которые «просили увезти в отдел охраны материнства в Красноярске» [7, д. 181, с. 409].

Сравнивая тунгусок с русскими крестьянками, А.Л. Гладина выражала симпатии именно женщинам Севера: «Часто у крестьянок мы встречаем недоверие к словам докладчиков, нежелание провести в жизнь что-то новое, а здесь каждая женщина считает своим долгом согласиться с врачом, одобрить его и изъявить желание, чем возможно, помочь ему в работе» [Там же, с. 408]. Она писала: «Темнота и невежество поглотили всецело женщину-тунгуску. Это раба, с которой такой же тёмный, как и она, муж нисколько не считается. Если он говорит с кем-нибудь из приятелей или гостей, жена молчит и не вмешивается в разговор. На неё возложены почти все тяжёлые работы их скуд-

ного хозяйства. Женщина-тунгуска – промышленник и хозяйка. Она ставит чум, заготавливает дрова, готовит обед, шьёт, водится с ребятами и большинство из них занимается промыслом. На тяжесть возложенных на неё обязанностей жалоб нет. Она тихо смиряется со своей судьбой, лучшие чувства отдавая своему ребёнку. Она не кричит на него, не бьёт его, а прежде всего заботится покормить его грудью или оленьим молоком и приготовить ему какую возможно в их условиях постельку. Но медицине трудно войти в душу женщины. Она стыдится не только мужчины-врача, но и женщины. Но нужно признать, что начинает сознавать, что кроме пользы от врачей они ничего не получают, и даже об интимной жизни говорит довольно откровенно. Родит тунгуска в ужасных условиях, стоя на ногах; её подвешивают к шестам, поглаживают по животу под дикий крик шамана. Роды, по словам очевидцев, производят тяжёлое впечатление. В больницу родить идут мало. Кормят ребёнка до двух-трёх лет грудным молоком, мучными кашками» [7, д. 143, с. 244–245].

Русские специалисты радовались, если им удавалось преодолевать устоявшиеся стереотипы. Врач Л.А. Симонов в 1927 г. впервые был вызван к женщине-роженице в чум богатым тунгусом Михаилом Удыгирем. Роды были очень тяжёлыми, женщина долго мучилась, ей не помогли заклинания шамана. Врач оказал квалифицированную помощь, ему удалось сохранить жизнь и матери, и ребёнка. Это была маленькая победа, которой радовались все специалисты [Там же, с. 432].

Руководители культбазы внимательно наблюдали за женщинами, проживавшими по соседству, старались вовлечь их в орбиту своей деятельности. В отчёте писали даже о, казалось бы, незначительных бытовых ситуациях, делая выводы на будущее: «Христина Удыгирь отправилась поварихой в экспедицию на р. Деминду. Муж, Герасим Удыгирь, был на промысле. Вернувшись, он грозил убить тех русских, что увезли его жену. Никого он, конечно, не убил, потому что Христина – женщина умная. Домой она вернулась с пудом крупчатки, чаем, табаком, сахаром, баранками, в новом платье и новом платке. После тяжёлой дневной работы с аргишем она спала очень мало, вставала ещё темно, и при свете железной печи шила себе новое платье» [Там же, с. 385].

В 1928 г. Илимпейский РИК впервые создал избирательную комиссию. Ранее эти функции исполняли инструкторы из Туруханска. Имеющиеся учреждения Туры выдвигали в комиссию своих делегатов. В состав избирательной комиссии Илимпейский РИК выдвинул Мирошкель Дарью Андреевну [7, д. 54, с. 108].

В выборах приняли участие более половины мужчин и четвёртая часть женщин. Это было шагом вперёд, но учитывая, что на выборы приезжали семьями, очевидны устойчивые патриархальные устои о неготовности на уровне глав семейств привлекать к голосованию женщин.

В 1929 г. в Туре Илимпейского района был создан первый колхоз «Хольбами юдерен» («Красная заря»). В него вошли 16 человек, в том числе 4 женщины – Комбагирь Евдокия, Чапогирь Дарья Васильевна, Чапогирь Матрёна Васильевна, Хирогирь София Андреевна [7, д. 143, с. 19] Судя по фамилиям мужчин-колхозников, это были их жёны. Можно предположить, что организаторы убедили часть мужчин разрешить вступить в колхоз их жёнам.

Новый импульс в работе с женщинами был дан с образованием Эвенкийского национального округа в декабре 1930 г. Председатель оргбюро исполкома Эвенкийского округа И.Ф.Первухин писал: «Женщин меньше, чем мужчин. Это говорит о жесточайшей эксплуатации женщины, на которую возложена вся хозяйственная работа. Мужчины же занимаются охотой и оленями, которые специального ухода не требуют. Несмотря на малочисленность, нередки случаи, когда девушки выходят замуж только в 25-30 лет, а холостяки – мужчины из бедняков остаются неженатыми. С одной стороны, хозяин семьи не хочет лишаться работницы-дочери, а с другой – бедняку нечем её выкупить. Калым, к сожалению, имеет место, и не так легко вести с этим пережитком борьбу. На Туре, где, можно сказать, все туземцы, работающие в тузсовете и тузрике, неплохо разбираются в вопросах советского строительства, ничего не могут сделать с отцом, который не выдаёт свою дочь замуж за брата председателя РИКа, несмотря на то, что она хочет выйти за него замуж и имеет от него ребёнка. Имеются случаи двоежёнства (Чунский район – шаман, Байкитский район – кулак), продажи и обмена своих сестёр на жён, что сделал в своё время и теперешний председатель Байкитского РИКа Ленгама. Имеется ряд случаев, когда кулаки используют своих батрачек и теперь платят им алименты. Женщины начинают осознавать своё тяжёлое положение, фактом чего является заявления в тузсуды на эксплуатацию, алименты. Посещение ими собраний, где они с каждым годом становятся активнее. Есть женщины – члены советов, правда, это пока пассивные члены, но в этом мы и сами не умеем заинтересовать работой. Но 3-4 года назад их совсем не пускали на собрания» [9, с. 134]. Такова была реальность, которую нужно было учитывать в дальнейшей работе. Кстати, инициаторами подачи заявлений женщин на «эксплуатацию и алименты» были инструкторы Туруханского РИК.

Летом 1931 г. был созван окружной съезд, на который прибыли делегаты от всех родовых советов. На съезде был выбран Эвенкийский окрИК, в его составе было 5 эвенкийек, их нужно было вовлекать в активную работу.

В 1932 г. на бюро окркомитета ВКП(б) была поставлена задача «добиться организации крепкого ядра для проведения работы среди женщин-туземок». «Обратить внимание на воспитание женщин-колхозниц, внедряя в их труд методы соцсоревнования и ударничества. Развернуть разъяснительную работу за отдачу детей туземцев в Туре в ясли с целью освобождения рабочих рук во время промысла. Мобилизовать внимание медперсонала на внедрение профилактических мероприятий в отношении женских заболеваний, рождения детей в больнице». Эта работа была довольно сложной. Председатель женсовета Фёдорова в 1932 г. отмечала: «Женщины-туземки находятся в плохих условиях. Работать не с кем. Нет ядра» [2, д. 7, с. 58, 61]. В 1932 г. в состав женского актива в Туре входили М. Чапогирь, М.Е. Чапогирь, С. Чапогирь, Агриппина и Аксинья Хирогирь, Варвара и Валентина Ялогирь [2, д. 5, с. 123]. Настойчивая работа не прошла даром. К 1933 г. в Туре был создан «прочный женский актив русских и туземных женщин». «Туземки и русские женщины введены в местные руководящие организации и проявляют в них свою деловую активность. Приступили к работе делегатские собрания. Из женщин-туземок создана пошивочная артель. Открыты ясли для детей туземок, куда они, вопреки предположениям, охотно сдают детей. Девушки-туземки вступают в комсомол, из числа женщин-туземок ведётся подготовка в ряды партии. Есть случаи вступления в ВКП(б) туземок. Среди неграмотных туземок организованы кружки по ликвидации неграмотности» [2, д.1, с. 1].

Результаты выборов 1934 г. в родовые советы свидетельствовали о значительном увеличении числа женщин в их составе, но в работе они проявляли малую активность, что было вполне понятным в силу отсутствия опыта. В том же году состоялся первый окружной съезд женского актива, на котором присутствовало 17 женщин в возрасте от 30 до 40 лет, в том числе 11 русских, 4 эвенкийки, 2 якутки. Участницы съезда обсудили решения 17 съезда партии, призывавшего женщин к активному участию в социалистическом строительстве: в организации ПОСов, укреплении колхозов, выдвижении женщин на руководящую работу, на курсы [10, с. 93].

Важным направлением работы партийных и советских органов была подготовка местного населения к работе в управленческих структурах власти, государственных и кооперативных учреждениях и торго-

вых организациях – так называемая коренизация. С 1932 г. в округе ежегодно организовывались курсы, на которых готовили кооперативных и советских работников. Работали кружки ликбеза. В 1935 г. была открыта Туринская совпартшкола. Несмотря на указание направлять от каждого района девушек, после комплектования школы было признано: «Мало женщин» [3, д. 3, с. 97] Из 26 учеников 1 класса было только 4 ученицы [3, д. 18, с. 28]. В последующие годы количество обучающихся девушек выросло. Серьёзным резервом подбора кадров была молодёжная среда. Вовлечение юношей и девушек в комсомол создавало условия для того, чтобы через общественную работу изучать их потенциал, давать им поручения, изучать возможности для продвижения на учёбу и работу. Молодёжь не была обременена семьями, была более мобильна. Участие в соревнованиях, выборных кампаниях, общественных мероприятиях создавало условия для выдвижения активистов, которых отправляли на всевозможные курсы в Иркутск, Красноярск, в Ленинградский институт Севера. После окончания обучения за молодыми кадрами закрепляли наставников из русских специалистов. Мария Николаевна Коптеблёнок, 1919 г. рожд., комсомолка, сначала была агитатором на выборах, а с 1939 г. работала инструктором оргмассовой работы, затем председателем Байкинского Совета депутатов трудящихся. Комсомолка Кожевникова Галина после окончания курсов в Иркутске трудилась народным судьёй окружного суда, Койначёнок Татьяна Афанасьевна – заместителем председателя Ванаварского кочсовета, Доонова Татьяна Афанасьевна – заместителем председателя Чунского кочевого совета, Колесникова Прасковья Афанасьевна – заведующей отделом Илимпейского РК ВКП(б), Каплина Татьяна Ивановна – инструктором РК ВКП(б) [6, д. 5, с. 108, 120] К концу 1930-х годов работа среди женщин начинает приносить позитивные результаты. Этому способствовали мероприятия по переходу на оседлость. Однако нужно признать, что это был медленный и трудный процесс.

В 1939 г. из 30 депутатов окружного Совета было четыре женщины [5, с. 8]. Однако выборы были эпизодическими мероприятиями и не отражали коренных изменений в семейной жизни женщин. Наиболее активными были эвенкийки из мест компактного проживания. Большое внимание органы власти уделяли женщинам, занимавшимся промыслом: их премировали, отправляли на слёты в Красноярск, на ВДНХ в Москву, о них писали в окружной газете «Эвенкийская новая жизнь». Благодаря улучшению медицинской помощи, открытию стационарных больниц и роддомов снизилась детская смертность, усилилась работа по профилактике женских заболеваний.

Список литературы

1. *Василевич Г.М.* Эвенки. Историко-этнографические очерки. Красноярск, 2014.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.П. 35, Оп. 1. Д. 1, 5, 7.
3. ГАКК. Ф.П. 35. Оп. 3. Д. 3, 10, 18.
4. ГАКК. Ф.П. 35. Оп. 4. Д. 15.
5. ГАКК. Ф.П. 35. Оп. 6. Д. 28.
6. ГАКК. Ф.П. 35. Оп. 6а. Д. 5, 14
7. ГАКК. Ф.1845. Оп. 1. Д. 50, 54, 57, 62, 66, 142, 143, 181, 199.
8. *Первухин И.Ф.* Об организации Эвенкийского национального округа // Советский север. 1931. № 10.
10. Советский север. 1934. № 6.
11. Эвенкия в сердце моём, Красноярск, 1980.

М.Г. Котовская

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; РГУ им. А.Н. Косыгина*

Э.Г. Швец

Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Образы «новой женщины» по материалам журнала «Работница» 1920-х годов

В представленной работе предлагается ретроспективно рассмотреть роль в жизни женщины новых советских эстетических и культурных идеалов, транслируемых, в том числе через прессу 1920-х годов. Для этой цели авторы выбрали материалы журнала «Работница» и живописные произведения того периода, проанализировав влияние изобразительного искусства и печатного слова на формирование новой женской идентичности, затрагивающей сферу профессионального самоопределения, образования, моделей поведения и эстетических вкусов первого десятилетия советской власти.

Тема культурной, эстетической и образовательной трансформации в те годы не раз поднималась в печати, иногда косвенно или рефреном проходя во многих средствах массовой информации [1].

Раскроем журнал «Работница» – № 5 за 1917 г. и № 12 за 1923 г. В первые послереволюционные годы в «Работнице» вообще не обозначены рубрики, нет привычной журнальной структуры, и журнал больше напоминает брошюру. Статьи посвящены борьбе с прежним укладом жизни, защите государством тех, кто был вынужден терпеть лишения в годы царской власти. «Я рано узнала нужду и горечь жизни.

Сначала мне пришлось скитаться прислугой по богатым дворянским семьям и ничего, кроме тяжести на душе от этой жизни, у меня не осталось», – писали в редакцию женщины, рассказывая о своей жизни. Были письма-просьбы в отстаивании своих прав и свобод: «Редактор, прошу Вас напечатать о положении работающих при государственной типографии. В настоящее время жалованье девочек 10–13 руб. в месяц и готовый обед. Только из-за одного хлеба приходится работать, а на обувь уже не хватает этого жалованья! Защитите угнетенных» и т.п.

Вот примерное содержание майского (1917 г.): приветствие, передовая статья о политических партиях в России, фельетоны (отрывки литературных текстов популярных авторов), заграничные новости, рабочее движение в России, солдатская жизнь [8]. В номере также активно обсуждались вопросы выборов в Государственную Думу, освещались военные события, вопросы аннексии и контрибуции, публиковались статьи о вступлении в ряды движения за права женщин.

Приведём некоторые типичные заголовки статей: «Депутатка, работницы в организацию!», «Что мы должны делать?» Как журнал «Работница» в мае 1917 г. позиционировал свою роль в жизни женщины, можно увидеть при прочтении статьи «Как я продавала журнал “Работница” среди торговых служащих»: «Иду на Марсово поле, вижу собрание бастующих торговых служащих, подхожу и думаю: жаль мало захватила журналов, ведь здесь, пожалуй, большинство женщин-работниц. Предлагаю: “Товарищи! Журнал «Работница», орган ЦК, защита интересов пролетарок!»».

Таким образом, «Работница» позиционировала себя защитником женщин. Примечательно, что, несмотря на большое количество агитационных, политических статей, в журнале всё же есть место стихам и фельетонам.

Теперь перейдем к журналу «Работница» 1923 г. Первое, что хотелось бы отметить, это появление цветной обложки, фотографий и рекламы, как это было начиная с 1914 г., когда журнал был учрежден.

Новая репрезентация женщин появляется на страницах журналов с середины 1920-х годов – это женщина, которая учится. Этот образ стал появляться в печати в связи с кампанией по обучению работниц без отрыва от производства (что всегда подчеркивалось в подписях к фотографиям). На снимках изображались молоденькие девушки, склонённые над книгами. На переднем плане обычно лежали «орудия труда»: карандаши, линейки, циркули, лекала. В Наркомпросе были разработаны методики обучения грамоте с применением политически актуальных и понятных взрослым учащимся лозунгов и простых текстов. Методы обучения ориентировались на развитие навыков учебно-труда и самостоятельного мышления.

В это же время появляются изображения женщин с детьми. Подобные изображения часто встречаются в периодических изданиях 1923–1926 гг. Конечно же, здесь мы видим прямую взаимосвязь с политикой государства, направленной на поощрение и защиту материнства. В таких репрезентациях голова женщины прикрыта косынкой, зачастую женщина держит ребёнка на руках. Изображается она, как правило, на фоне детских учреждений – яслей, детских садов. В создании образа подчеркивается здоровье матери и ребёнка. Женщина полна физических сил и готова совершать подвиги во благо нового государства.

Однако уже в первом номере за 1924 г. редакция, принимая во внимание, что работница во многом живёт «еще в старом мире», решила давать на страницах журнала «советы и указания, как справляться с этими домашними делами таким образом, чтоб найти больше досуга и времени для общественной жизни, для строительства «великой новой жизни». Но этим «советам и указаниям», тем не менее, не уделяется много места (примерно полстраницы в каждом номере журнала).

Какие же материалы отбирались в журнал? Прежде всего, следовало создавать яркие образы, а не простые отчёты, нужно было указывать, что говорили работницы, как они отреагировали на то или иное событие, каковы были их переживания. Кроме таких очерков, печатались воспоминания пожилых работниц о прежней жизни и работе. Молодым читательницам, по мнению редакции, было бы интересно познакомиться с условиями борьбы работниц со своими угнетателями в прошлом.

Сам образ читательницы журнала «Работница» задаётся перечислением основных общественных «дел», которыми она занята. Такая женщина многое пережила, многое видела, многое узнала и многому научилась. Ещё недавно она была отсталой во всех отношениях («Даша – наследка с четырьмя ребятами, ничего не знает, что загорелась новая жизнь»), но она с каждым днём делает шаги вперёд («стала работать, учиться в школе грамоты, посещать политические кружки»).

Что же делают женщины? Журнал рассказывает, что они устраивают собрания, посещают лекции, ходят в клуб, ликвидируют неграмотность, занимаются в политкружке, в спортивной и драматической студиях, «начинают принимать активное участие в общественной жизни». Некоторые активистки даже в пожилом возрасте, обременённые семьёй, не зная отдыха, помимо работы на производстве, активно работают в различных комиссиях.

Одной из главных героинь печатных публикаций является делегатка. В «Работнице» тех лет были две рубрики, повествующие о достижениях таких женщин в городе и в деревне: «Деревня просыпается» и «Комсомолка».

Делегатки не верят в бога, правильно и толково объясняют политические новости другим женщинам, жадно, с интересом слушают агитаторов и лекторов, задают вопросы. Отдыхом от домашних забот и работы на производстве для делегатки являются собрания и лекции. Она убеждается, что без общественной работы не проживет: «Сейчас я чувствую себя счастливой. Это счастье я получила только потому, что три года назад была избрана делегаткой, и мое делегатство вывело меня на дорогу самостоятельную».

В корреспонденциях с мест раборки пишут, что все хотят быть работниками активными и полезными. Для этого «учиться и учиться нужно», потому работницы посещают клубы при своих заводах, выступают на собраниях, «с трудом, но все стараются подыскать нужные слова и высказать свое мнение» [3, с. 16]. Многие, научившись грамоте, продолжают посещать школу, становятся делегатками, отправляются в партшколу: «Выпрямились плечи, поднялась голова, живо заблестели глаза, отражая усиленно работающую мысль. Она ожила» [3, с. 18].

Итак, как пишет журнал, «недавние рабыни учатся жить, строить новую жизнь и управлять ею». Работница должна делиться с крестьянкой своим опытом и знаниями. Взять с собой в деревню несколько номеров журнала «Крестьянка», уговорить подписаться на этот журнал, «взять брошюры, руководства, содержащие полезные крестьянкам сведения».

Как пример показателен рассказ «Смелее к новому» о молодой и красивой девушке Татьяне, которая никак не может решить за кого выходить замуж. Мать заставляет её выйти замуж за Ивана «с ним век сладко проживёшь», а по душе ей Миша-комсомолец: «Да, да, работать. Вместе с тобой строить новое. Больше ничего и не нужно» [2, с. 20].

Список литературы

1. Большевицкая печать. Сб. материалов. Вып 3–4. М., 1959–1961.
2. Работница. 1917. № 5.
3. Работница. 1923. № 12.

Е.В. Сенина

*Москва, Московский государственный институт
международных отношений МИД РФ*

Образ русской женщины в китайской литературе 1920–1940-х годов

Образ русской женщины пришел в китайскую литературу в 20-х годах XX в. Его художественное и концептуальное своеобразие было обусловлено всем предшествующим опытом китайской культуры и ки-

тайской словесности в восприятии и изображении *женского*, геополитическими и экономическими условиями развития китайского общества, а также теми революционными преобразованиями, что потрясали российское и китайское общество в двадцатом столетии.

Участь эмигранток, большинство из которых потеряли мужей и взвалили на свои плечи ответственность за будущее своих детей, была трагична. «По сравнению с мужскими проблемами женские тяготы адаптации были куда более мучительными. Не имея возможности реализоваться в материнстве, женщины-эмигрантки переставали видеть смысл в дальнейшем своем существовании» [11, с. 59]. П.П. Балакшин в книге «Финал в Китае» пишет о полном бесправии русских женщин в Китае [1, с. 160, 170-171]. Несмотря на общность изгнаннической судьбы, подчеркивает Г.В. Эфендиева, удел эмигранток в Харбине и Шанхае различался. В столице Северной Маньчжурии русские беженки имели преимущества перед своими подругами по несчастью – все-таки русский Харбин долгое время сохранял свои дореволюционные патриархальные черты [11, с. 59]. Проблемы жизни русских женщин волновали эмигрантскую общественность, отражались на страницах газет и журналов [2, 6, 7]. Писатели и поэты дальневосточной эмиграции создали целую галерею образов: фанатичных героинь – борцов за Белое движение, женщин-домохозяек, кельнерш, секретарш, официанток, соержанок, учительниц, поэтесс и т.д. Пафос произведений простирался от героической патетики (М. Колосова, П. Северный) до иронии (А. Несмелов, Н. Никифорова) и даже сарказма (В. Перелешин). Несомненно одно – литературе дальневосточной эмиграции удалось создать довольно достоверный с этнопсихологической и социокультурной точки зрения обобщенный портрет русской эмигрантки.

Весьма показательно, что практически одновременно с русскими писателями и журналистами к образу эмигранток обратились китайские авторы. Для китайских сочинителей русская женщина явилась ярким воплощением «чужого» – начиная от цвета волос и кожи, манеры одеваться и вести себя до характерологических черт (Цзян Гуанцы «Страдания Лизы», 1929, Сяо Хун «Горе Софии», 1936, Дин Лин «Поэт Ялов» и др.). Китайские писатели осмысливали свои впечатления от общения с представительницами русской нации в соответствии со стереотипами китайской культуры и этнической психологии.

Обратимся к образу русской женщины в романе «Третье поколение» Сяо Цзюня. Героиня Вера Фомина – неординарный образ, отличный от предыдущих героинь. В 1930-х годах Сяо Цзюнь, живя в Харбине, учился русскому языку у девушки по фамилии Фомина. Персонаж романа Вера Фомина – девушка из бедной сибирской семьи, в

жизни не выдавшая ничего хорошего. Бедность и угнетенность, с одной стороны, закалили ее характер, с другой, – нередко повергали ее в уныние. В первом эпизоде Вера (Фомина, в тексте романа она обычно указана не по имени, а по фамилии) предстает перед читателем как «честная, выносливая, любящая и преданная своему мужу женщина».

Как тип Вера не соответствует китайскому представлению о женщине. Сильная духом, открытая, *свободно* выражающая свои мысли и чувства женщина – такой образ не соответствует представлениям о женщине в китайской культуре. Ее характеристика дана мужем-китайцем: «*Моя жена способна многое вынести, она не из пугливых!* Она сильна духом, здорова – кровь с молоком, честна». При этом он замечает: «*Она часто плачет, даже если дети дразнят ее. <...> Когда я собирался в Китай, она рыдала целых три дня, и, даже на вокзале она взяла меня за руку так, как будто не верила, что я вернусь*» [10, с. 292, 295]. Китайский писатель подчеркивает прямоту Веры как несоответствующее китайской ментальности качество женщины: «*Линь Жун всегда соглашался с женой. Соглашался потому, что эта женщина была прямолинейная, упрямая, неуступчивая. Она всегда подчиняла мужа своей воле*» [10, с. 506]. «Ты можешь шевелиться быстрее, – кричала она на ломаном китайском неуклюжему ребенку, – видишь, сколько людей! – показывала она на прибывающих посетителей» [10, с. 565].

Вера привлекает своей внешностью и характером посетителей кабачка. К вечеру она всегда надевает нарядное платье и заплетает волосы в косы: «*Каждый вечер единственным цветком в толпе народа была Фомина. Здесь не было женщин, а она одна, – эта удивительная девушка, – не зная усталости, танцевала и пела под музыку баянистов, развлекая гостей <...> Фомина потрясающе исполняла русские песни, она обладала сильным голосом, брала им за душу*» [10, с. 566, 568].

Непонимание и, как следствие, неприятие Верой китайской культуры и образа жизни, приводит к разладу в семье и измене. Все начинается с мелких ссор, которые стали происходить в семье после приезда в Китай (до этого семья жила в сибирской деревне). Одна из показательных – сцена, когда Вера уговаривает мужа взять на работу его отца, на что Линь Жун реагирует крайне отрицательно: «*Китайцы уважают родителей, как он может работать в кабаке?! Семья засмеет меня. В этом мы и отличаемся от вас иностранцев*», – возразил Линь Жун [10, с. 506].

Героиня также не может принять тот факт, что свекор для нее должен быть выше по значимости, чем собственный отец. Патриархальная русская культура определяет главенство в семье отца, даже если девушка выходит замуж. Слово отца – на всю жизнь закон для дочери.

Сяо Цзюнь обнажает конфликт базовой для русской и китайской культур этнической константы – культа предков. Он характерным образом налагается на столкновение с еще одной этнокультурной установкой – отношением к труду. Как известно, *трудолюбие* является стереотипом, приписываемым китайской культуре (в том числе и автостереотипом), а лень – качество, которое и русские, и китайцы определяют как этнокультурную константу русского отношения к труду. Однако, как показывают исследования и русских, и китайских ученых, подобная стереотипизация нуждается в корректировке. Для китайцев труд, терпеливый и монотонный [3, с. 130–132; 4, с. 140–147; 5, с. 39–51], – это залог жизни, регламентируемый всеми философскими доктринами, но это процесс, никоим образом не связанный с любовью к нему. Как только китаец получает финансовую возможность не работать – он пользуется ею. А для русских *трудолюбие*, любовь к «захватчивой работе» (А.И. Солженицын), самоценное уважение к труду как к способу самореализации – действительно, этнокультурная константа. Потому Вера и не видит ничего плохого и унижающего отца мужа в том, что он будет работать: «Это ради работы, ради того, чтобы всем хорошо жилось. Разве может работа унижить человеческое достоинство? Я не понимаю, почему вы – китайцы – считаете работающих людьми ничтожного происхождения, а не работающих – зная...» [10, с. 594].

Фомина осознает, что она охладела к мужу из-за частых споров о России и Китае, дело стало доходить до «традиционной этнической ненависти» [10, с. 592].

Следует обратить внимание, что Линь Жун до конфликта с женой ценил многие достоинства русских женщин [9]. Он отмечал их храбрость, утверждая, что «во время русско-японской войны лично видел, как *русские женщины, вооружившись штыками и ружьями, шли воевать, чтобы защитить своих детей*» [10, с. 289].

Сяо Цзюнь отразил стереотипы, сложившиеся в восприятии русской женщины китайцами. Эти стереотипы не соответствуют китайским представлениям о женщине, ее красоте, ее роли в семье, об отношениях между мужем и женой, отношениях между матерью и детьми, положением женщины в обществе. Развитие характера Веры Фоминой, развитие сюжетной линии, с ней связанной, всецело определяется проблемой семейных взаимоотношений в русско-китайской семье. Автор тонко подмечает, что диаметрально противоположность двух культур проверяется именно в межэтническом браке.

Итак, образ русской женщины вошел в китайскую литературу вместе с революционной ломкой китайской литературы и традиционного китайского общества и совпал с крахом Российской империи. Столк-

нувшись с реальными представительницами русской нации – удивляющими и притягивающими своим внешним обликом, образованием, не считающими китайцев равными себе и одновременно потерявшими все, униженными, бесправными – китайские писатели постарались эти впечатления осмыслить в художественной литературе в соответствии со стереотипами китайской культуры и этнической психологии.

Китайским писателям предстоял долгий и сложный путь постижения внутреннего мира русской женщины, сформированного во многом не только русской культурой, но и русской литературой, ее идеалами. 1920–1940-е годы в китайской литературе обозначили ту пропасть, что лежит между основаниями китайской и русской картин мира в отношении семьи, брака, роли женского начала в жизни и обществе. Последующие десятилетия станут попыткой нивелировать эти базовые ментальные константы унифицированной идеей социалистического строительства, выстроить китайскую литературу по лекалам советского соцзаказа. Однако именно сегодня абсолютно ясно, что время проб и ошибок 1920-1940-х годов, время интуитивного постижения китайскими авторами образа русских и русской женщины, в частности, было наиболее плодотворным в желании понять тайны русской души и найти те основания, что могут сблизить русских и китайцев в будущем.

Список литературы

1. Балакишин П.П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке: в 2 т. М., Гос. публ. ист. б-ка России, 2013. 526 с.
2. *Жемчужная* З. Повесть об одной матери // Книгоиздательство «Наше Знание». Tienstin, N. China, без даты, 131 с.
3. *Забияко А.П.* Этническое сознание и этнокультурные константы как фактор русско-китайских отношений // Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2009. 412 с.
4. *Ли Иннань.* Китайцы и природа: о некоторых особенностях китайской ментальности // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Сб. материалов международной научно-практической конференции. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2010. Вып. 10. С. 39–51.
5. *Ли Иннань.* Русские и китайцы. Образ «другого» // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Сб. материалов международной научно-практической конференции Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2010. Вып. 9. С. 140–147.

6. *Резникова Н.* Пушкин и Собаньская. Харбин, 1935.
7. *Северный П.* Гимн. Шанхай, 1941 и др.
8. *Сенина Е.В.* Китайская писательница Сяо Хун и ее интерес к культуре русских эмигрантов // *Русский Харбин, запечатленный в слове.* Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. Вып. 7. С. 85–93.
9. *Сенина Е.В., Забияко А.А.* Образ русской женщины в китайской литературе 1920–1940-х гг. // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке.* 2016. № 3 (51). С. 275–282.
10. *Сяо Цзюнь.* Ди сань дай (Третье поколение). Т. 2. Харбин: Хэй-лунцзян жэньминь, 1983. 1083 с.
11. *Эфендиева Г.В.* «Женская лира» русского Харбина // «Четверть века беженской судьбы...» (Художественный мир лирики русского Харбина). Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. 428 с.

О.М. Морозова

Ростов-на-Дону, Донской государственный технический университет;

Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет

Образцовый рабочий поселок в степи и «символические связи» эпохи Интербеллум

«Долгая» война 1914–1922 гг. погрузила Россию в архаику, откуда ее нужно было немедленно извлечь, иначе революционный проект можно было считать проваленным. Восстановление промышленности, сельского хозяйства и инфраструктуры должно было вестись в формате системного социоконструирования, когда важно было не только выстроить производственные мощности, но и подчинить проект строительству общества с желаемыми свойствами. Поиск образа повседневной жизни советского человека шел с использованием авангардистских экспериментов и технологических новинок преимущественно американского происхождения. Но и в этом деле советские проекты не были пассивным заимствованием западных моделей. Авангардист Вл. Татлин участвовал в конструировании домашней утвари и верхней одежды (проект «Нормаль-одежда»), подойдя к этому с учетом законов физики и свойств материалов [6]. Архитектурные и дизайнерские разработки германской школы «Баухаус» созвучны советским стремлениям соединить эстетику, функциональность и доступность. Близость авторских концепций определялась левым мировоззрением и гуманистическим прогрессивизмом.

Знакомство с периодической печатью и документами предприятий, созданных с привлечением иностранного капитала, выявило неожиданно существенную взвесь параллелей с поисками новых моделей организации социального пространства, расширения зон приложения технологий, эстетизации повседневного быта и трудовой жизни при сохранении рационального подхода к ним. Представляет интерес то, как повлияли иностранные концессии на изменения в сфере труда и быта в СССР. Они далеко не всегда становились образцом всего нового и прогрессивного, хотя именно этого от них ожидало советское правительство. Часть из них, преимущественно по производству товаров широкого потребления, располагалась в городской черте и в ближайших пригородах. Однако, владельцы, начав свою деятельность в СССР, как будто забыли об опыте работы с учетом социального законодательства страны исхода, не обращая внимания и на советские законы о труде. Комиссия Наркомтруда РСФСР в июне 1928 г. после обследования нескольких промышленных концессий в Москве и губернии, установила: «Условия труда... демонстрируют частный предпринимательский интерес на старорусский образец... “Американским”, “западноевропейским” тут почти и не пахнет» [1, л. 22, 22а]. Иностранные концессионеры, работавшие в городах, никаким жильем своих работников не обеспечивали, предлагая нанять квартиру или угол самостоятельно. А вот советские государственные ведомства параллельно с сооружением производственных мощностей строили и образцовые рабочие поселки. Многочисленные подобные проекты регулярно публиковались в рубрике «Город-сад» ленинградского иллюстрированного журнала «Красная панорама». Были и реализованные: уже в 1924 г. в Харькове было выстроено 36 двухэтажных коттеджей «на манер англичан» на 1-4 квартиры с электричеством, водоснабжением и канализацией [5]. Декрет о кооперативном жилищном строительстве от 8 августа 1921 г. также сыграл роль во внедрении новых идей, но речь не об этом.

Город и до революции был во многом подобен европейским образцам, деревня же всегда отличалась традиционализмом. Администрация сельскохозяйственных концессий не могла в отличие от городских отвлечься от вопросов быта, т. к. ей нужно было обеспечивать пребывание работников на территории главной усадьбы и отдаленных хуторов. Перед ней вставал выбор – выступить в качестве «культуртрегера» или оставить все как было. Среди двух германских концессий, находившихся в Северокавказском крае, «Друзаг» на протяжении всего своего существования отдавал предпочтение второму варианту. Трудовая инспекция постоянно делала замечания в отношении усло-

вий жизни рабочих [3, с. 268]. Это вызывало постоянные трудовые конфликты. Характер отношений с постоянными работниками и широкое строительство, развернутое администрацией «Маньча», было явлением отличным. В Пишванове строились производственные помещения и жилье, куда подавался свет от электростанции, работавшей на дизелях Круппа [4, л. 23, 40], чего не было ни в одном другом населенном пункте Сальского округа. Для семейных рабочих были построены блокированные одноэтажные каменные дома, поделенные на изолированные квартиры с отдельным входом. Несмотря на мелкий фундамент, полы были деревянные. Отопление – печное углем.

Архитектором «Маньча» был Архангельский. То, что он строил, напоминает образцовые рабочие поселки, идея которых пришла из США и распространилась и в Европе, и в СССР. Решение строить для рабочих отдельные квартиры, по-видимому, принадлежит «главноуправляющему» П.О. Клетте, который стремился получить лояльность постоянных рабочих, ведь первоначально договор заключался на 35 лет. Но основания столь широкой программы строительства носили исключительно финансовый характер. Участок, который был сдан в концессию для ведения зернового хозяйства, обладал месторождениями стройматериалов – камня, глины, песка. Несмотря на низкие затраты, концессионер оценивал постройку высоко и по завышенной стоимости включал в оговоренную договором сумму вложений (1,5 млн руб.) в советскую экономику. И к 1928 г. доля построенной недвижимости составляла более трети балансовой стоимости концессии [2, л. 81].

Несмотря на прагматические соображения немцев, в концессии формировался новый тип повседневной жизни, не характерный для глухой степи. Может быть, впервые в этой местности появились условия для изолированного проживания нуклеарной семьи, ведь раньше и казахи, и крестьянские семьи жили большой многопоколенной семьей. У мужчин был зимой 8- и летом 10-часовой рабочий день. В соответствии с законодательством и коллективным договором штатных работников (техников, трактористов, шоферов, чабанов) обеспечивали «прозодеждой», которая стиралась в прачечной. Работники могли обедать в столовой (25 коп. в день) или дома. Жены постоянных рабочих на сезонную работу в поле практически никогда не выходили и имели довольно много свободного времени, что нетипично для крестьянок. Подсобного хозяйства они не держали. Впрочем, желающие могли брать огород на землях концессии, причем его распашку осуществляла администрация. В концессии была своя библиотека, в основном художественной литературы романтического толка. После строительства клуба со зрительным залом на сто мест там устраивались (до наступ-

ления холодов) мероприятия – лекции, концерты, позднее – киносеансы. Постепенно сложились традиции, как тогда говорили, культурной жизни. Работники ходили в гости друг к другу, устраивали на квартирах музыкальные вечера. Оформлению такого образа жизни способствовало то, что концессия, чьим учредителем был концерн Круппа, находилась под постоянным наблюдением центральных ведомств. Поэтому туда были командированы работники из Москвы и Ленинграда, люди, уже воспринявшие образ жизни среднего городского слоя.

В памяти жителей «Маньч» остался процветающим предприятием, что не соответствует выводам наблюдающих учреждений. Ни разу за годы существования в «чистой» форме он не оказывался прибыльным. Свою репутацию центра прогресса и культуры «Маньч» заслужил именно прорывом в области быта рабочих.

Подготовлено при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-20061 «Иностранные концессии в Архангельской губернии: региональный опыт внешнеэкономических контактов в условиях изоляции Советской России»).

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 667.
2. Там же. Д. 1773.
3. Там же. Д. 1774.
4. Там же. Д. 1776.
5. Ильин Т. Рабочие коттеджи // Красная панорама. 1925. №1(43). С. 6.
6. Новый быт // Красная панорама. 1924. № 23(41). С. 15.

А.В. Жидченко

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

«Сибирские ленинградки»: повседневная жизнь ангарчанок в 1950–1960-е годы

Историко-культурное пространство сибирского города на реке Ангаре и по сей день хранит факты повседневной жизни его жительниц. Источники ее изучения – сама городская среда, в том числе ее архитектура, планировка домов, семейные альбомы, хранилища музеев, а главное – воспоминания старожилок Ангарска 1950–1960-х годов, которые хранят память о прошлом [4] (семейная биография в преломлении локального пространства). В отличие от многих городов региона,

воспоминания об Ангарске можно найти на интернет-сайтах, форумах и в соцсетях. На основании этого комплекса источников мы попытаемся ответить на вопрос: отличалась ли женская повседневность Ангарска от аналогичных историй быта в других городах СССР, строившихся тогда же?

Часть свободного времени девушки и женщины Ангарска отдавали посещению магазинов, витрины которых манили новыми товарами, а с конца 1960-х годов стало модным проводить время в кафе, расположенных в первых этажах 3-х и 4-этажных жилых домов. Целый этаж углового дома в центре города занимал магазин «Детский мир»; здесь часто бывали молодые мамы, подбирая нужную одежду и стоя в очередях прямо с детьми. Такое значимое место в новом городе детскому магазину выделили не случайно: именно на рубеже 1950–1960-х годов в Ангарске родилось много детей. Отделка интерьеров запомнившегося многим магазина отличалась, как тогда писали, «выдумкой и изобретательностью»: прилавки, кассы, витрины были оформлены в стиле сказочных сюжетов.

Новым явлением в женской обыденности того времени была практика найма домработниц, причем не только в дома зажиточных горожан. Их можно было нередко найти среди бывших сельских жительниц (в 1960-х годах многие из них стали получать на руки паспорта). Вместе с тем, как отмечала газета «Знамя коммунизма», буквально «все женщины стремились попасть на завод». Идеологи новой жизни убеждали ангарчанок, что «женщины капиталистических стран с завистью следят за жизнью женщин в нашей стране». Строки газет пестрели призывами к борьбе за досрочное выполнение семилетки, что должно было в итоге «улучшить быт наших женщин». Как великое достижение представлялось строительство общественных прачечных («Взять хотя бы стирку белья – кто не знает, что эта работа отнимает у женщин сотни рабочих часов. Нужно больше строить общественных прачечных»), впрочем, и стиральные машины в домах ангарчанок в 1960-е годы уверенно стали входить в быт [2]. Для того чтобы женщины-матери могли с пользой проводить досуг, на ряде предприятий города с начала тех же 1960-х стал нормой сокращенный рабочий день.

Жительницы Ангарска говорят про свой город, что «по замыслу архитекторов Ангарск должен был стать уголком Петербурга в миниатюре, чтобы в далекой Сибири можно было сразу понять, что ленинградцы подарили нам часть своей души», полагая, что участие ленинградских архитекторов в создании облика города даже придало ему оттенок столичности. Об Ангарске, как о «маленьком Питере», напоминает название одной из улиц города – Ленинградский проспект.

В парке Дворца культуры нефтехимиков есть свои львы, а шпиль на главной площади города воспринимается многими как модель Адмиралтейства. Мотивы города на Неве звучат, говорят горожане, в узорах чугунных оград парков, в зубчатых фронтонах на фасадах зданий, в орнаментах, лепнине [1]. Даже попытки пристыдить в местной прессе жителей города за провинциальные замашки показывают, насколько сильным было полвека назад стремление подтянуться до уровня крупного города. Так, осенью 1962 г. в газете «Знамя коммунизма», в заметке «Если ты любишь свой город...» корреспондент осуждающе писал о невоспитанности мужчин, занимающих места в транспорте «по праву сильного», редко уступающих место женщине или «тем более девушке» («внимательно посмотрит, мысленно прикинет, насколько она старше него; если лет на 10, то может и постоять» [3]).

Женская повседневность Ангарска была частью советской повседневности, в которой образ жизни, мышления, поведения задавался общими идеологическими задачами воспитания новых советских людей, строящих коммунизм. Их эксплуатируемый ежедневно энтузиазм принес свои плоды: в Сибири возник город, жительницы которого страстно хотели, чтобы их считали «таежными ленинградками». Молодые комсомолки приезжали на стройки, вкладывали свои силы и надежды в дело организации образцовой жизни в Сибири, создавали семьи, навсегда оседая в городе, благоустроенном их руками. Все это развертывалось в условиях городского ландшафта, в котором архитекторы «второй столицы» воплощали собственные мечты о прекрасном, образцовом социалистическом городе, похожем на Ленинград.

Подготовлено при поддержке РФФ (проект № 22-28-01428 «Женская история как основа российского социального оптимизма (нестоящая городская повседневность середины XX века»).

Список литературы

1. История Ангарска. Прибайкалье. Город Ангарск. URL: <http://www.pribaikal.ru/angarsk-history.html>
2. Наши матери, сестры, верные подруги // Знамя коммунизма. 8 марта 1959 г.
3. Попов Н. Если ты любишь свой город... // Знамя коммунизма. 24 октября 1962 г.
4. Пушкарёва Н.Л. Особенности памяти о женском социальном прошлом и труд историка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Исторические науки. 2019. Т. 18. № 2. С. 206–213.

Д.Д. Пядухова

Томск, Томский государственный университет

Гендерные отношения в частной сфере на раннем этапе нефтегазового освоения Западной Сибири (1960–1970-е годы)

В центре внимания данной работы – сфера частной жизни (проблемы семьи, интимных отношений, родительства и быта) «пионеров» нефтегазового освоения Западной Сибири. Согласно моей гипотезе, становление Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) в 1960–1970-х годах сопровождалось формированием локального гендерного порядка в конкретном историко-географическом контексте.

В историографическом срезе ЗСНГК как исследовательское поле остается открытым для гендерных штудий. Основной корпус трудов советской эпохи определял половые различия посредством демографического изучения половозрастной структуры населения или параметров его естественного движения [3, 9–10]. Советские социологи также обозначали значимость женского вопроса при изучении социальных проблем в ЗСНГК. Незрелость социальной инфраструктуры вела не только к незанятости женщин в общественном производстве, но и к провоцируемой женской безработицей текучести кадров в целом [1]. Наиболее репрезентативной была работа социолога Г.Ф. Куцева, концентрировавшаяся на своеобразии семейно-брачных стратегий рабочих мигрантов в нефтегазовых городах [8]. Предложенные им факты свидетельствовали о том, что в процессе строительства ЗСНГК были подточены основы официального советского гендерного контракта «работающая мать», предполагавшего возложение на женщин «двойной нагрузки».

В постсоветский период исследователи нефтегазового освоения не сделали «гендер» или женский вопрос объектом специального анализа. Тюменская научная школа изучения ЗСНГК конвенционально продолжала фиксировать «женское» и «мужское» лишь посредством демографии и статистики [2, 5, 7]. Единственная артикулированная попытка применить гендерный подход была предпринята историком И.Н. Стасем, который сделал вывод о доминировании маскулинной культуры в ЗСНГК. По его мнению, она оказывала отчуждающее влияние на женщину (безработица, гендерная сегрегация и т.д.) и укрепляла традиционалистское понимание ее роли в качестве жены и матери [11, с. 112–125].

Данное исследование основывается на анализе следующих исторических источников – местная периодика (газеты «Тюменская правда» и «Ленинская правда»), воспоминания современников создания про-

мышленного комплекса, а также художественная проза, созданная писателями-очевидцами.

На уровне повседневных практик гендерный порядок на раннем этапе становления ЗСНГК определялся отстающими от производства темпами социального развития районов нефтегазового освоения. Одной из наиболее острых проблем были объемы и качество жилищного строительства. На протяжении 1960-х годов «самострой» (в виде балков, землянок, вагончиков и пр.) выступал главным элементом застройки и личной жизненной среды первооткрывателей нефти [12, с. 84].

В условиях дефицита жилья обустройство в «самострое», помимо некомфортности, предполагало коллективность и отсутствие личного пространства. Так, стандартный вагончик был рассчитан на проживание 6-8 человек. В зависимости от доступности жилищного фонда коллективный способ расселения распространялся и на семейных работников. Согласно источникам, проживание двух семей в балке или вагончике являлось обыденной практикой, однако могло достигать количества в 3-4 семьи на одно помещение.

Эти факты подсвечивают новые грани социальной истории нефтегазового комплекса сквозь призму гендерной теории. В интерпретации Е.А. Здравомысловой и А.А. Тёмкиной либерализация гендерной политики и кризиса этакратического гендерного порядка в середине 1950-х – конце 1980-х годов на уровне повседневности подкреплялся частичной «реабилитацией личной жизни» [4, с. 315]. По их мнению, жилищное строительство 1960-х годов и сопутствовавшая ему автономизация семьи способствовали снижению роли социального контроля над процессами гендерной социализации.

Реалии нефтегазового освоения 1960–1970-х годов были противоположны этой теоретической схеме. Нерешенность жилищного вопроса и коллективное проживание работников обусловили иную конфигурацию приватной жизни, в которой семейная забота, домашний труд (реализуемые главным образом женщинами) «обобществлялись», выходили за рамки родства или супружества. В источниках фиксируются разные виды таких практик – совместный присмотр за детьми, приготовление ужина для товарищей мужа, инициативы помощи холостякам со стороны женщин (наведение порядка в их вагончиках или стирка спецовок). Эти практики нередко сопровождались изменением семантики понятия «семья» в пользу расширения его смысла.

Таким образом, знаками семьи и родства становились не столько брачные или кровные связи, сколько общность быта, взаимопомощь. Очевидец А. Ким-мл., сын известного геолога, характеризовал геологические поселки как «праздник человеческого общения и взаимовыруч-

ки». Он вспоминал, что воспитание детей в геологических поселках базировалось на принципах «коллективизма», а сами поселки имели между собой много общего, так как напоминали общины [6, с. 50, 59, 87].

Помимо факта размывания границ семьи, в дальнейшем мы намерены обратиться к таким темам, как напряженность в сфере сексуальности, связанные с отсутствием или нехваткой женщин, дискурсивный поворот в отношении к семейным работникам, включая кейс вахтовых поселков, а также гендерная роль женщины в ЗСНГК.

Список литературы

1. *Аверин А.Н., Антропов Е.П.* Западная Сибирь: социальная инфраструктура районов освоения. М.: Советская Россия, 1988. 112 с.
2. *Гаврилова Н.Ю.* Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. 283 с.
3. *Зайцева А.Н.* Социалистический закон народонаселения: (региональный аспект). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. 192 с.
4. *Здравомыслова Е., Темкина А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 3/4. С. 299–322.
5. *Карпов В.П.* Анатомия подвига: Человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера. Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. 184 с.
6. *Ким А.А.* Ким Анатолий Индекович – эпоха и легенда геологии. Салехард: Северное издательство, 2019. 144 с.
7. *Колева Г.Ю.* Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960–2000-е гг.). Тюмень: Вектор Бук, 2010. 258 с.
8. *Куцев Г.Ф.* Человек в северном городе. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. 222 с.
9. *Малинин Е.Д., Ушаков А.К.* Население Сибири. М.: Статистика, 1976. 167 с.
10. *Мисевич К.Н., Чуднова В.И.* Население районов современного промышленного освоения Севера Западной Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1973. 209 с.
11. *Стась И.Н.* Стать горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960-е – начало 1990-х годов). Курган: Курганский Дом печати, 2018. 168 с.
12. *Стась И.Н.* Урбанизация самостроя: трудности в нефтедобывающих районах советской Сибири (1960–1980-е гг.) // Сибирские исторические исследования. 2017. № 2. С. 80–99.

В.М. Рыбак

*Москва, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Ранняя профессиональная социализация учениц и выпускниц физико-математических школ в позднем Советском Союзе

Советский проект одной из своих целей ставил создание нового человека. Эту задачу реализовывали разными путями, но в том числе через реформы школьного образования. Модернизация образовательной системы велась начиная с прихода большевиков к власти, но в данной работе мы остановимся на периоде позднего СССР.

Важно понимать различия между массовой и селективной советской школой. Однако, на наш взгляд, элитарное образование в том позднесоветском виде, в котором мы его знаем было бы невозможно без реформы образования 1958 г. Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» обозначил несколько приоритетных направлений развития системы образования: укрепление связей между школами и профессиональными учебными заведениями, борьба с второгодничеством как явлением, усиление политехнического обучения. У государства был запрос на специалистов, которые смогут работать в науке и на высокотехнологичном производстве, а в экспертном сообществе были творческие силы на создание учебных заведений нового типа. Так, в 1963 г. в соответствии с постановлением Совета Министров СССР было открыто четыре специальных учебных центра в разных городах (Москва, Ленинград, Новосибирск, Киев). Представитель американской педагогической миссии 1965 г. пишет о том, как аргументировали создание учебных заведений, столь дифференцирующих детей: «Директор киевской школы объяснил нам, когда мы с ним познакомились, что обычная школа “замедляет развитие способных учащихся”. Он добавил: “Нам очень нужны математики и физики. Вот почему правительство приняло это решение”» [1, л. 15]. Позже система расширилась до многочисленных физико-математических школ (ФМШ) и профильных классов.

Специально для ФМШ создавались новые школьные программы, а в качестве учителей часто привлекали действующих ученых. Для поступления в эти учебные заведения требовалось пройти иногда не просто отбор, а многоступенчатый отбор. Мы согласны с исследователями, которые считают, что «выбор подобной школы учащимися являлся не только определением места учебы, но и профессиональным самоопределением, признанием ими приоритета определенного образа жизни» [3]. Ученики ФМШ в ее стенах начинали свою раннюю про-

фессиональную социализацию, которая закладывала в них ценности сообщества, прививала определенные практики и давала знания не только о математике и физике, но и о природе социальных отношений в науке. ФМШ рассматривались как особый педагогический проект [7], ступень в развитии математического сообщества [2], но никто не изучал гендерный режим матшкол и влияние его на повседневность.

Исследуя данный вопрос, мы основываемся на десяти глубинных интервью с выпускницами советских матшкол, эго-документах. Шесть интервью автор брала самостоятельно, четыре аудиозаписи были предоставлены исследователем Вячеславом Геровичем. Мы говорили с информантками про их опыт обучения в матшколе, столкновение с дискриминацией, влияние семьи на их путь и немного про университетские годы.

Все мои информантки выходцы из семей технической интеллигенции, и в основном семья способствовала попаданию в ФМШ, но были и другие модели поведения родителей. Екатерина Маслова рассказывала: «Я не знала про 57-ю и 2-ю школу. Моя мама закончила МГТУ, факультет ракетных двигателей, где она была одна из двух девочек. Она оберегала меня от математики. Параллельно с этим она выписывала мне «Квант», но надеялась, что я пойду во что-то гуманитарное, где девочки, а не во что-то инженерное» [4]. Некоторые информантки рассказывали, что главным критерием «статуса» внутри сообщества матшкольников была именно подкованность в математике. Изначально моя гипотеза заключалась в том, что определенный дискомфорт девочки в преимущественно мужском сообществе ощущали, но были математически хорошо подготовлены, поэтому в дальнейшем добились успехов. После бесед с информантками выяснилось, что многие не задумывались на эту тему, потому что в их коллективе были очень яркие девочки-математики, а это помогало избавиться от синдрома самозванца. Надежда Гуревич рассказывала: «У нас было 8 девочек на 39 человек в общем. Девочек было не критично мало, чтобы это особенно ощущалось. Никакого особенного отношения не было. У нас были очень сильные девочки, в параллельном классе, который был больше нацелен на дальнейшее профессиональное занятие математикой, я бы сказала, что девчонки были самые сильные ученицы среди всех. Это было бы глупо, даже глупо, если бы кто-то позволил себе высказывания странные» [5]. Этот случай показывает, что гендерный режим в ФМШ несколько сложнее, чем просто половая дискриминация. Скорее, это сообщество, которое базируется на понятиях мужского товарищества, куда девушки не всегда вписывались.

Саму среду внутри ФМШ можно назвать пространством «внеаходимости» [9]. Многие информантки подчеркивали, что для них школа и иные математические институты были пространством творческой свободы и общения с единомышленниками [6]. В них не было запретных тем, но политика считалась неинтересным объектом обсуждения, поэтому ребята будто бы выпадали из социальной и политической повседневности. Сообщество ФМШ включало не только талантливых математиков, но и сильных учителей-предметников по гуманитарным наукам. Все это помогало усиливать свободомыслие внутри института и расширяло охват теневыми практиками (передача самиздата, вечера с неподцензурной поэзией и бардовской песней). В 1970-е годы даже были негласные гонения на слишком вольнодумующих учителей-гуманитариев в ФМШ.

Насколько ФМШ действительно были социальным лифтом можно долго спорить, но была одна инициатива, близкая ФМШ, которая, правда, расширяла образовательные возможности учащихся – Заочная математическая школа (ЗМШ). Сохранился дневник школьницы из деревни в Кировской области, через который можно реконструировать не только принцип работы ЗМШ, но и что чувствовали дети, которые получали возможность прикоснуться к «элитному знанию» [8].

Существовал еще один фактор, который очень сильно влиял на образовательные/профессиональные траектории матшкольниц – национальность. Этот пункт является общим и для мужчин, но в условиях негласного предпочтения мужчин на технических факультетах, то принадлежность к еврейству в некоторых случаях становилась поводом для двойной дискриминации.

Список литературы

1. ГА РФ. Ф.10049. Оп. 1а. Д. 634 (Информационные материалы о советском школе, опубликованные в Англии и США).
2. Герович В. «Математический рай»: параллельная социальная инфраструктура послевоенной советской математики // Логос. 2020. № 2 (135). С. 93–127.
3. Дымарская О. К вопросу о профилизации школы // Высшее образование в России. 2002. № 5. С. 46–54.
4. Интервью с Екатериной Масловой 22 марта 2017 г. (Интервьюер В. Герович).
5. Интервью с Надеждой Гуревич 29 апреля 2022 г.
6. Интервью с Ольгой Кравченко 22 апреля 2022 г.
7. Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е): коллективная монография / ред.-сост. И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафронов. М. : НЛО, 2015. 720 с

8. Прожито [сайт]. URL: <https://prozhito.org/notes?diaryTypes=1&diaryTypes=2&keywords=%5B%22МШ%22%5D> (дата обращения: 22.04.2022).

9. Юрчак А.В. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение / предисл. А. Беляева; пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

Е.В. Сергеева

*Чебоксары, Чувашский государственный
институт гуманитарных наук*

Трудовые будни чувашской женщины

Основу повседневной жизни средневожской деревни второй половины XIX – начала XX в. составляли трудовые будни. С ранней весны до глубокой осени, с небольшими перерывами, крестьяне были заняты сельскохозяйственными работами. Домашняя живность требовала круглогодичной заботы. Как только появлялось относительно свободное время, чувашки занимались промыслами и ремеслами, обустройством домашнего хозяйства [11, с. 291].

В статье речь пойдет о трудовых буднях чувашской женщины, которая была занята различными работами в зависимости от времени года, суток.

Будничный досуг определялся по половому признаку. Если мужчины, в какое бы время года и где бы ни собирались, обсуждали хозяйственные и общественные заботы, женщины всегда соединяли отдых с какой-либо работой, они обсуждали семейные дела, пели свои трудовые песни и т.д.

В источниках находим следующий материал о буднях деревенского сообщества. Чувашки «встают зимою очень рано, часа в три-четыре-пять, не позднее шести». Первыми вставали хозяйин с хозяйкой. Глава семьи начинал выполнять свои обязанности, а его жена топила печку, ставила тесто и готовила завтрак. «Хозяин между тем сидит на корточках подле нар и курит махорку в ожидании горячего картофеля и вожделенной яшки, которую варят над горнушкой, в навесном чугуне или котле с выпуклым дном. Когда печь истоплена и яшка сварена, хозяйка начинает тереть в маленькой ступе соль. Отобедав, принимаются за работу или ложатся отдыхать», – писал В.И. Лебедев о симбирских чувашках [4, с. 184]. Женщины зимой занимались прядением, вышиванием, шитьем – старались приготовить одежду для семьи в свободное от сельскохозяйственных работ время [7, с. 1].

Весной и летом женщины большую часть времени проводили в по-

ле, лугах, огородах. К тому же еще занимались сугубо женскими делами – приготовление еды на всех, стирка, уборка, уход за скотиной (выгон в стадо, дойка коровы). Хозяйка приносила обед в поле, завтракали и ужинали дома, если работа велась на дальних полях – еду готовили на месте. В литературе отмечается, что женщины, девушки, подростки и дети в основном не отдыхали, работали, не поднимая головы [17, с. 353]. Не считаем это правдоподобным, т.к. полевые работы требовали много сил и энергии, поэтому отдыхали все. В свободное от полевой работы время женщины занимались обработкой волокна (конопля, лен) [8, с. 291–297; 10, с. 85; 12, 22–23; 15, с. 103].

Известно, что посевными работами занимался мужчина. В женскую обязанность входило поддержание чистоты поля от сорняков, поэтому чувашки пололи даже зерновые культуры [5, с. 372–373].

После посева через некоторое время начиналась новая пора работ – сенокос, в котором женщины принимали самое активное участие. По данным статистических сборников по Казанской и Симбирской губерниям, сенокос начинался примерно в одно и то же время. Но были отдельные случаи, когда на непоемных лугах он начинался в конце июня – начале июля (в источниках отмечается даже число – 8 июля), а в поемных – с середины июля и даже в начале августа. Длился обычно около 8–10 дней [2, с. 27; 3, с. 45–46; 6, с. 151; 13, с. 6–7; 14, с. 6–7].

Следующий этап земледельческих работ – сбор урожая, начало которого зависел от многих факторов, но прежде всего от погоды. В нем принимали участие все, кроме маленьких детей и немощных стариков. Сугубо женской работой был сбор конопли и льна. Начинали их убирать после окончания жатвы яровых культур, время – август и сентябрь. Работа с коноплей и льном продолжалась с осени до поздней весны: женщины занимались ей периодически: по мере освобождения от других работ и между ними [1, с. 61–65; 13, с. 7; 16, с. 41; 17, с. 158].

Женщины также заботились о заготовке овощей на зиму. С наступлением весны начинали готовить гряды, удобрять землю навозом. Затем подготовка семян к посеву и их посадка. Уже в июле начинали готовить посуду и приступали к солению огурцов. В сентябре начинали выкапывать клубневые овощи и складывать их на хранение в погреба [9, с. 29–30].

Таким образом, будни чувашской женщины всегда были насыщены делами: полевые работы начинались с апреля и оканчивались свозом зерна на гумно примерно в начале октября. С начала ноября, по обычаю, начинались зимние работы: женщины в это время занимались рукоделием. Круглый год чувашка занята была домашними делами, в ее обязанности входил также уход за скотом (корова, телята, куры).

Список литературы

1. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка Чебоксары, 1934. 318 с.
2. Казанская губерния в сельскохозяйственном отношении по сведениям, полученным от корреспондентов за 1885 г. Вып. 2. Казань, 1886. 151 с.
3. Казанская губерния в сельскохозяйственном отношении по сведениям, полученным от корреспондентов за 1887 г. Вып. 3. Казань, 1888. 256 с.
4. *Лебедев В.И.* Симбирские чуваша // Хрестоматия по культуре Чувашского края: дореволюционный период. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. С. 182–189.
5. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Ген. штаба. Симбирская губерния. Ч. 1. СПб., 1868. 566 с.
6. Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып. 9: Уезд Ядринский. Казань, 1890. 289 с.
7. *Михайлов В.И.* Обряды и обычаи чуваш. СПб., 1891. 42 с.
8. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 238. (Никольский Н.В. Этнография. 616 с.)
9. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 268. (Никольский Н.В. Этнография. Фольклор. 1914. 470 с.)
10. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 277. (Никольский Н.В. Этнография. История. 258 с.)
11. *Николаев Г.А.* Волжское крестьянство во второй половине XIX – начале XX в.: этюды по истории и этнологии. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. 312 с.
12. *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань, 1911. 116 с.
13. Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1910 г. Табл. Ч. 1. Симбирск, 1912.
14. Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1911 г. Табл. Ч. 1. Симбирск, 1913.
15. *Тимофеев Г.Т.* Тăхăрьял. Этнографи тёрленчĕкĕсем. Халăх сăмахлăхĕ. Ырса пынисем. Ырусемпе асаилÿсем. Шупашкар: Чăв. кĕн. изд-ви, 2002. 431 с.
16. *Фокин П.П.* Земледелие и сельскохозяйственные орудия крестьян южных и юго-восточных районов Чувашии во второй половине XIX – начале XX в. (Материалы к историко-этнографическому атласу) // Традиционное хозяйство и культура чувашей. Чебоксары: ЧНИИ, 1988. С. 33–52.
17. Чуваша / отв. ред. В.П. Иванов и др. М.: Наука, 2017. 654 с.

7.2. Повседневноведческие аспекты женской истории Востока и Запада, диаспор и миграций

Д.Г. Кикнадзе

Санкт-Петербург, Восточный факультет

Санкт-Петербургского государственного университета

Социальный институт кормилиц в Японии X–XII вв.: от успешной придворной карьеры до образа бодхисатвы

В историографической литературе Японии эпоху Хэйан (794–1185) полуофициально называют «эпохой кормилиц» ввиду их высокого статуса при императорском дворе. Кроме того, в классической литературе X–XII вв. сложился образ кормилицы для детей аристократов и принцев крови как значимой персоны, пользующейся всеобщим уважением. Одновременно с этим личные дневники и повествовательная проза, созданная аристократами, наполнена трепетным отношением к кормилицам, которые принимали самое активное участие в жизни своих повзрослевших воспитанников [3, с. 20]. При этом обращает на себя внимание отсутствие традиции описания родной матери, взаимоотношений матери и ребенка любого возраста.

Одной из основных задач данного исследования является определение особенностей материнства в социальной среде знатных аристократов в Японии X–XII вв., исходя из чего и возросла роль кормилиц в высшем обществе.

Необходимо отметить специфику политики японского государства с X в.: система регентства при малолетних императорах, учрежденная влиятельным кланом Фудзивара, обусловила традицию, когда представители данного рода выдавали своих дочерей за императоров, становясь дедушками наследных принцев. При этом власть императора становилась номинальной, а фактическую власть в стране представлял регент, дедушка новорожденного принца, управляя государством по своему усмотрению. Для сохранения влияния на политической арене дочерям Фудзивара необходимо было как можно чаще рожать наследников, едва оправившись от предыдущих родов. В случае бесплодия дочери или рождения у них одних лишь девочек, право на престол переходило сыну от второй супруги императора. Борьба за власть и придворные должности делала из дочерей родовитых Фудзивара средство карьерного роста, в подобных жестких условиях соперничества следовало исключительно рожать, но не вскармливать и растить дитя самостоятельно [2, с. 301–302].

Кормилицы должны были заменить мать новорожденному на всех этапах его развития: вскармливания и ухода. При подросшем воспитаннике кормилица получала должность главной камеристки, присматривая за процессом воспитания и обучения своего подопечного при специально нанятом для этих целей учителе. Для принцев и детей аристократов на роль кормилицы подыскивали молодую замужнюю женщину знатного происхождения, которая поначалу становилась придворной дамой, но позже, зарекомендовав себя с лучшей стороны, могла пройти отбор на роль кормилицы и до конца своих дней пользоваться высоким авторитетом в конкретной семье, как и помочь карьерному росту своего супруга и родных детей. Следует уточнить критерии отбора и доверия к будущей кормилице: в условиях полигамного брака было важно убедиться в том, что кормилица не займёт место жены. По этой причине претендентки избирались из числа замужних женщин с опытом деторождения. Связь между семьями считалась нерушимой – «молочными» узами были связаны не только кормилица и воспитанник, но и обе семьи с тех самых пор вступали в особые социальные отношения. Муж кормилицы и их общие дети не мыслились в отрыве от неё самой, а поскольку кормилица одновременно могла вскармливать и своего родного ребенка, воспитанник часто рос вместе с ее ребенком, считая его своим побратимом. В свою очередь родные дети кормилицы попадали под опеку семьи придворных аристократов, которой она оказывала свои услуги [1, с. 87–89].

Таким образом, мы видим смещение образа матери как главного человека в жизни ребенка и возвышение статуса кормилицы, по сути, посторонней женщины, выполнявшей абсолютно все функции родной матери для своего подопечного. Здесь любопытно отметить разницу отношений между кормилицей и воспитанником в зависимости от пола последнего: с подросшими мальчиками связь ослабевала почти сразу после достижения ими совершеннолетия и поступления на придворную службу, но с девочками дело обстояло иначе. Кормилица по-прежнему оставалась не только главным человеком в жизни повзрослевшей воспитанницы, но и проводником во внешнюю жизнь, устроителем ее судьбы, помощницей на случай неприятностей или беды. Именно поэтому в японской повествовательной литературе сложился устойчивый образ кормилицы, схожий с образом всемиростивой бодхисатвы Каннон, одной из главных богинь в буддизме, которая мгновенно приходит на выручку всем страждущим и взывающим к ее имени.

Подытоживая вышеизложенный материал, можно прийти к следующим выводам:

1. Кормилицы в раннесредневековой Японии впервые появились в среде высших аристократов; они не рассматривались лишь в качестве наёмного персонала для оказания услуги вскармливания и ухода за ребенком, а вступали в тесные, почти родственные связи между обеими семьями.

2. В условиях жесткого соперничества за престолонаследие, кормилицы оказывали бесценную помощь матерям новорожденных, высвобождая их от самостоятельного грудного вскармливания ребенка для возможности подготовиться к зачатию и очередной беременности. Таким образом, кормилицы давали возможность молодым матерям реализовать их собственные планы.

3. Кормилицы и их семьи могли рассчитывать на быстрое продвижение по карьерной лестнице, налаживая пожизненные, прочные отношения с семьёй императора, высшими сановниками, придворными аристократами. После смены политического курса в стране вследствие прихода к власти военного сословия, их авторитет, статус и схема моделирования отношений внутри той или иной социальной группы долгое время оставались неизменными.

4. Исходя из вышеперечисленного, мы видим, как в условиях особой политической обстановки был сформирован социальный институт кормилиц со строгой придворной иерархией, особой корпоративной культурой, налаживанием системы пожизненных взаимовыгодных отношений на уровне родственных связей.

Японские ученые помимо вопросов, затронутых в данном исследовании, часто обращаются и к иным темам в контексте института кормилиц: истории грудного вскармливания и женского здоровья, спасению кормилицами брошенных младенцев и прочих проблем на стыке политики, истории, антропологии или литературоведения. В российском японоведении до сих пор не было проведено специального исследования, посвященного данному вопросу, настоящая статья является первой попыткой осветить специфику социального института кормилиц в истории раннесредневековой Японии.

Список литературы

1. *Канэко С.* Исследование о воспитании кормилицами в Японии // Бюллетень кафедры педагогики Университета Эхимэ. Ч. 1: Педагогические науки. Вып. 46, № 1. С. 87–99. (На яп. яз.)

2. *Моррис А.* Мир блистательного принца: придворная жизнь в древней Японии / пер. с англ. Д. Харитонова. М., 2019. 464 с.

3. Нисимура Х. Рассуждения о кормилицах и супругах кормилиц // Бюллетень колледжа Сираумэ Гакуэн. 1995. № 31. С. 19–28. (На яп. яз.)

4. Фукуто С. Мать и дитя эпохи Хэйан. История семейной жизни аристократов и простолюдинов. Токио, 1991. 215 с. (На яп. яз.)

Е.С. Рябкова

*Москва, Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н.Н. Миклухо-Маклая*

Повседневность жен немецких предпринимателей в России на рубеже XIX–XX вв. (по материалам судебных заседаний)

Российское предпринимательство, как и все население Российской империи, носило многонациональный и многоконфессиональный характер. В торговле, в финансово-биржевых делах участвовали представители русской православной, немецкой протестантской, иудейской, католической, мусульманской, а также армянской и многих других этнических и религиозных общностей. Все эти группы внесли немалый вклад в развитие отечественного предпринимательства [1]. С XVII в. деятельность немцев в производственной сфере нашей страны становилась наиболее ощутимой. Первоначально немецкие мастера активно участвовали в развитии железоделательного, порохового, стекольного, кожевенного, шляпного, литейного и монетного производств России в качестве мануфактурных мастеров и подмастерьев, а также владельцев и арендаторов казенных заводов и мануфактур [2, с. 11].

Наибольшее количество купцов и ремесленников немецкого происхождения было в первую очередь в Москве и в Петербурге, а также в Архангельске и Великом Новгороде. Их численность с каждым годом росла, что было обусловлено активизацией контактов России с государствами Западной Европы и заинтересованностью властей в иностранных специалистах разных профессий. Немецкие мастера назывались в народе «гамбургские», по главному городу-порту Германии, через который тогда в основном велась немецко-русская торговля.

Во второй четверти XVIII в. немцы активно интегрировались в рынок Москвы и других российских городов, стали неотъемлемой частью ремесленного и купеческого сословий. Уступая в численности русским коллегам, они имели свой круг заказчиков и покупателей в лице иностранцев и других жителей Москвы, главным образом из числа дворян. В конце XVIII – первой половине XIX в. немецкие купцы разного достатка в Москве и Петербурге составляли 20-25% от всего купеческого сословия [2, с. 119].

На рубеже веков появились крупнейшие монополистические объединения. И. Бовыкин указывает, что торговые дома «Брандт и К», «Вогау и К», «И.Е. Гинцбург», «А. Кларк и К», «Л. Кноп» и многие др. изначально были семейными, то есть зарегистрированы они были на одну фамилию, а участвовать в коммерческих операциях, торговле и получении прибыли официально могли все члены семьи, достигшие совершеннолетнего возраста [3, с. 41].

Российское подданство имели далеко не все немецкие предприниматели; в документах имена и фамилии видоизменялись так, что истинную фамилию распознать было невозможно, или же были русифицированы. К такому способу предприниматели прибегали, в том числе и для своих жен. В делах о торговых домах были зарегистрированы женщины с отличными от хозяев-предпринимателей фамилиями. К каждому судебному делу о незаконных предпринимательских действиях прилагались личные дела, в том числе свидетельства о браке, по которым можно было установить истинную фамилию той или иной предпринимательницы – помощницы или, точнее сказать, совладелицы торгового дома.

В личных делах, подшитых в актах и отчетах столичных судов, куда поступали жалобы от русских предпринимателей (например, дело о взыскании долгов с Гунтера Н. [4], Бундшуха В. [5], Вермеля М. [6], торгового дома «Раузер, Вибер и Ко» [7]), встречаются женские имена: Наталия Гунтер, Эрика Бундшух, Мария Вермель и др.

Наталия Гунтер, урожденная Мориц, согласно архивным документам, в 1901 г. с супругом переехала в Москву. В 1909 г. Наталия писала: «Очень не трудно работать с русскими людьми. Они открыты и не хитры...Помнится мне, продали немецкие товары по цене, гораздо выше рыночной, что не вызвало сомнения ни у кого...» [4].

В конце XIX в. на юго-западе Москвы было основано поселение для немецких предпринимателей и их семей. Как писала г-жа Гунтер, «...мы писали исключительно немецкими чернилами, однако, немецкой «мармелады» (так немцы называли повидло или варенье. – *Е.Р.*) в русских магазинах не было видно...Кроме всего прочего, никакой подходящей литературы для меня в магазинах я не находила. Иным занимательным занятием для меня была работа с документами мужа». В дневниковых записях она вспоминала, что «чужда мне вся эта обстановка», «долго привыкаю». Наталия не участвовала в предпринимательских делах мужа. В судебных актах о решении вопросов о взыскании долгов русским предпринимателям ее имя и фамилия не упоминались. Ее внешний облик был скромен, «...надевала то, что было

принято у меня в родном доме – все предельно просто и практично», «платья были ни к чему» [4].

Согласно судебным актам от 27 сентября 1908 г., немецкий предприниматель В. Бундшух обвинялся в неуплате долгов в крупном размере. Владельцами торгового дома были В. Бундшух и его супруга. В свое оправдание на обвинения со стороны суда Э. Бундшух говорила: «26 ноября сего года (1902 г.) мы прибыли в Москву. Понимаете, что мы, не зная языка, не могли никак вести черные денежные дела... Я помогала супругу, Бундшуху В., в процессе увеличения размера продаж наших товаров в Торговом доме и получении прибыли от торговли. А с долгами можно всегда расплатиться, если приложить немалые усилия... К тому же, вы понимаете, что мы не получаем никакой прибыли, ибо мы пользуемся теми товарами, которые привезли из Германии на продажу... у нас нет средств оплатить все долги сразу. Мы не прочь ведь русских товаров, но, извольте, я давно ношу старую одежду, мы не жалуемся. Просим уважаемого господина Судью быть справедливым и снисходительным, мы не склонны к обману... жить в столице трудно и дорого...». В судебном деле супругов указывалось, что Эрика Бундшух не имела рабочего места, начиная с 1902 г. В период с 1902 по 1907 г. Э. Бундшух, «работала дома – это была моя главная работа. Чисто, аккуратно, сытно, но немного, однако поначалу нужды ни в чем не испытывали» [5].

Однако, начиная с 1908 г., по истечении срока выплаты все растущих долгов, Э. Бундшух работала продавцом кондитерских изделий на Мясницкой улице. На судебном заседании такой опрометчивый шаг она объяснила тем, что «должна помочь мужу, ведь приехали ради общего дела, семейного» [5].

Московский купец первой гильдии М. Вермель, хозяин одного из самых крупных торговых домов, в 1904 г. женился на немке, жившей в России с рождения, Марии Лангвунд, получившей фамилию мужа – Вермель. Согласно ее воспоминаниям, включенным в личное дело, жили они «комфортно, питались неплохо, даже ни в чем себе не отказывали. В отсутствие моего занятого мужа ходила по гостям или в магазины... Очень сытно питались, как и все русские купцы... Носили удобную одежду, практичную... но для выходов имелись платья русского пошива. Читали много немецких газет, которые ходили тогда по Москве большим тиражом». Фрау Вермель подчеркивала, что «к торговым делам мужа отношения не имею никогда, Меер отлично справляется с работой...» [6].

Госпожа К. Кушельбехер, супруга предпринимателя Г. Кушельбехера, также редко бывавшего дома, рассказывала: «...и тогда я нахожу

себе занятия дома... Одежду и обувь покупала в магазинах или выписывала из заграницы» [8]. Госпожа Кушельбехер не обременяла себя ни работой по дому, ни вмешивалась в рабочие дела мужа, «уют и порядок дома поддерживался, благодаря нанятым горничным» [8].

Основной причиной отсутствия вовлеченности жен немецких предпринимателей в дела было наличие достатка и комфортных бытовых условий, то есть необходимости зарабатывать дополнительно не возникало. При возникновении долгов и возбуждении дел против их супругов-предпринимателей их повседневность менялась: к домашним беспхлопотным заботам добавлялись трудовые будни, или активизировалось участие в семейных предпринимательских делах: об этом свидетельствуют дневниковые записи из личных дел и показания во время судебных заседаний.

Список литературы

1. Керов В.В. Конфессиональные основы деловой культуры и делового поведения предпринимательских сообществ в России XVIII–XIX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. 2008. №3.
2. Предпринимательство и предприниматели России. М., 1997.
3. Бовыкин И. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. М., 1997.
4. ЦИАМ. Ф. 78. Оп. 23. Д. 63.
5. ЦИАМ. Ф. 78. Оп. 21. Д. 15.
6. ЦИАМ. Ф. 78. Оп. 23. Д. 158.
7. ЦИАМ. Ф. 78. Оп. 24. Д. 71.
8. Straeter G. Deutsche in Russland. Berlin, 1978. S. 24.

Е.А. Баум

*Москва, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова*

Мария Бакунина: жизнь вне России

Русская эмиграция – понятие широкое. Изучению этого феномена посвящено множество публикаций, тематически охватывающих разные направления политического, идейного и культурного наследия русского зарубежья. Но в этой лавине материалов креативному наследию женщин, внесших определенный научный вклад в развитие разных областей знания, и в частности, в химию, практически не уделяется внимание. Анализ имеющейся литературы по данной тематике показывает, что имена многих из них были подвергнуты несправедливому забвению. Вообще женская составляющая научного зарубежья как

отдельный и особый элемент историко-научных исследований до сих пор, увы, не получила адекватного отражения и полноценного анализа со стороны историков науки. При этом имя Марии Бакуниной является знаковым в итальянской науке. В то же время на ее родине о ней знают лишь единицы.

Мария (Джувьетта) Бакунина (1873, Красноярск – 1960, Неаполь), дочь известного революционера-анархиста М.С. Бакунина (1814–1876), принадлежит к символическим личностям XX в. [1]. Во многих ее биографиях иногда путают даты, относящиеся к жизни этой известной личности: ее свидетельство о крещении часто принималось за свидетельство о рождении, а тогда ей было уже 8 лет. Из-за постоянных перемещений семьи и отсутствия зарегистрированного семейного положения ее родителей Мария никогда не могла предъявить свидетельства о рождении [6].

Родители Марии были своеобразной парой (обвенчаны в 1858 г.): помимо различного социального происхождения, между ними была разница в возрасте в двадцать пять лет. Последние годы жизни Бакунин провел в Локарно на вилле, переданной ему другом Карло Кафьери. В романе Риккардо Бакелли описано проживание двух друзей в фаланстере Ла Бароната [2], а брак Бакунина именуется «нигилистическим», когда супруги живут как брат и сестра и часто врозь, что, впрочем, не удивительно при той бродячей жизни, которую вел этот агитатор-анархист, стремившийся разжечь мировую революцию.

Мария была третьим ребенком в семье М.С. Бакунина и А. Квятковской (1835–1887), дочери польского политического ссыльного. После смерти отца семейства вдова с детьми поселилась в Каподимонте на вилле известного социалиста Карло Гамбуцци (1837–1902), единомышленника Бакунина, ставшего вскоре приемным отцом детей. «Между Каподимонте и Неаполем, в среде идеалов свободы и интеллектуальных стимулов, Мария вела богатую жизнь и могла получить образование высокого класса» [5, р. 22–23].

М. Бакунина представляет собой привычный типаж женщины высокого социального происхождения, соответствующего образования, выросшей и сформированной в культуре эмансипации. Она получила высшее химическое образование в университете Неаполя к 1895 г. Предполагают, что она являлась первой женщиной-студенткой по химии Неаполитанского университета [5, р. 37]. И уже к 1900 г. за свои труды в области разработки ряда методов органического синтеза молодая ученая получила премию Национальной академии наук. В середине 1890-х годов она вышла замуж за своего учителя – профессора Агостино Ольялоро-Тодаро (1847–1923), директора Института общей

химии университета Неаполя. В 1905 г. была избрана членом Академии Понтаниана (Accademia Pontaniana) [3].

Область ее научных интересов простиралась от исследования природных соединений (морфин, стрихнин и др.) до изучения горючих сланцев. Еще одним направлением ее работ была фотохимия органических соединений, важный вклад в которую в течение многих лет игнорировался [4].

В 1906 г., с 7 по 8 апреля, Мария со своим мужем оказалась свидетелем извержения Везувия. Как химик она сразу занялась анализом выброшенных вулканом породы и пепла. Эта серия работ была продолжена в 1909–1910 гг. на битумных сланцах Гиффони Валле Пиана (Giffoni Valle Piana) в Кампании. В этом месте находятся метаморфические породы, содержащие органический материал (тысячелетние залежи окаменелостей рыб и моллюсков), из которого можно выделять ихтиол, вещество, широко востребованное медициной (в дерматологии и офтальмологии). Под ее руководством большая экспедиция ученых начала изучать геологические пласты в Гиффони, чтобы определить возможную эксплуатацию ихтиоловых месторождений [7].

По выше отмеченной проблематике М.Бакунина консультировала муниципалитет Неаполя до 1930 г. Указанные работы принесли ей большую известность в научном мире: уже в 1906 г. ученая была избрана профессором прикладной химии Высшей Политехнической школы, а позже – университета Неаполя. В 1912–1913 гг. здесь была организована кафедра технологической органической химии, М. Бакунина вошла в совет кафедры в должности свободного профессора; в 1936 г. перешла на кафедру промышленной химии.

Повседневная жизнь ученой была постоянно наполнена множеством дополнительных организационных, а со временем и благотворительных дел. В 1921 г. Мария Бакунина возглавила неаполитанское отделение Итальянского химического общества. В 1944–1947 гг. она была избрана президентом Академии Понтаниана, занимаясь ее послевоенным восстановлением, а с 1952 г. стала ее почетным президентом [6]. В 1947 г. Бакунина стала первой женщиной, избранной в Национальную Академию деи Линчеи (Accademia Nazionale dei Lincei). В годы Второй мировой войны ее дом стал местом убежища для преследуемых интеллектуалов и беженцев. Когда в 1943 г. немцы, уходя из Неаполя, решили уничтожить некоторые стратегически важные здания, включая университет и его библиотеку, она организовала кампанию по спасению этих важных культурных объектов.

Свою педагогическую деятельность в Неаполитанском университете М. Бакунина завершила в 1948 г., но до конца своих дней проживала

в квартире, находившейся в университетском здании (виа Медзоканноне, 10). Похоронена в личной часовне Бакуниных/Гамбуцци на кладбище Cimitero Monumentale di Poggioreale.

Настоящая работа позволяет соотечественникам М. Бакуниной в более полном объеме ознакомиться с жизнью и деятельностью известной ученой в год ее 150-летнего юбилея.

Список литературы

1. *Джулиано Дж.* Бакунина Мария Михайловна // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века. Энциклопедия. М.: Росспэн, 2019. С. 75–76.

2. *Bacchelli R.* Il diavolo al Pontelungo: romanzo storico. Milano: Ceschina, 1927.

3. *Ciardi M., Focaccia M.* Maria Bakunin (1873–1960) // European Women in Chemistry. Weinheim: John Wiley & Sons, 2011. P. 51–54.

4. *D'Auria M.* Maria Bakunin e i primi studi in fotochimica // Italia Rendiconti dell'Accademia Nazionale delle Scienze detta dei XL. Memorie di Scienze Fisiche e Naturali Serie V. 2009, 33, Parte 2, Tomo 2, p. 161–169.

5. *Mongillo P.* Marussia Bakunin, una donna nella storia della chimica. Rubbettino, 2008. 265 p.

6. *Nicolaus R.A.* Ricordo di Maria Bakunin// Atti dell'Accademia Pontaniana. V. LII. Napoli, 2003. P. 27–32.

7. *Taricone F.* Una scienziata a Napoli: Marussia Bakunin. URL: <https://provincia.fr.it/contenuti/262320/donne-uomini-costruttori-modernita-novecento>

Я.В. Горбатенко

*Санкт-Петербург, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Исторический опыт участия женщин в научной деятельности медицинских вузов Ленинграда и в эмиграции в Париже в 1920–1930-е годы

Изучение женщин в медицине является важной точкой в понимании женского вопроса в высшем образовании, поскольку медицина была первой научной областью, в которую российские женщины получили официальный доступ еще в XVIII в. через повивальные курсы [7]. В XIX в. были открыты курсы медицинских сестер, выпускницы которых оказали большую помощь русской армии в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. [8]. Несмотря на это, в 1882 г. прием на курсы был

прекращен из-за начавшейся активной деятельности феминистического движения [3, с. 431]. Во время Первой мировой войны возникла проблема нехватки медицинских кадров, что способствовало привлечению женщин к медицинской военной службе [4].

Революция 1917 г. на законодательном уровне закрепила гендерное равноправие в России. Советская политика в 1920-е годы стала способствовать включению женщин во все сферы жизни общества. Реорганизация системы образования и появление большого количества высших учебных учреждений дали женщинам больше рабочих мест. Рабочие места также появились в связи с сокращением мужского населения из-за Первой мировой и Гражданской войн [5].

Тем не менее были женщины, которые решили эмигрировать как до, так и после революции. Для тех, кто эмигрировал до 1917 г., основным мотивом была возможность получить диплом и степень, а для тех, кто уехал после, – эмиграция стала бегством от политических и религиозных преследований [1].

Основными источниками исследования стали биобиблиографические справочники и словари, а также биографические статьи.

Методология включает в себя комбинацию статистического и сопоставительных методов и дискурс-анализ. Целью данного исследования является анализ женской эмансипации женщин и дискриминации, с которой им пришлось столкнуться в построении карьеры после Революции 1917 г. в России и в эмиграции. Также сравниваются их академические карьеры с карьерами коллег-мужчин. «Гендерная дискриминация» – разное обращение с людьми на основании их половой принадлежности. Представителю каждого пола приписываются социально сконструированные роли, действия, признаки и качества, личные характеристики и обязанности, которые ожидаются или возлагаются на мужчин и женщин в данной культуре, месте или эпохе [9, с. 63].

В исследовании анализируются судьбы отдельных женщин и мужчин – докторов медицины: их происхождение, вхождение в науку, развитие их академических карьер. Производится сравнительный анализ тех ученых, которые работали в Ленинграде и тех, кто эмигрировал в Париж. В этой связи интересны материалы студенческой газеты Первого Ленинградского медицинского института [2, 6], по которым можно проследить изменения в отношении к женщинам-медикам – от негативного (1911–1928 гг.) до положительного, политически продиктованного (1929–1939 гг.) в рамках конкретного академического сообщества. По результатам исследования, можно отметить, что в Советском Союзе и во Франции эмансипация женщин находилась на начальных этапах. В СССР женщины получили равные права раньше,

чем во Франции, но во Франции женщинам разрешалось получать диплом и ученую степень в области медицины с XIX в. Несмотря на это, в России женщины-профессора появились раньше, к тому же первые женщины, построившие карьеру в медицине в Париже, были русскими. Стоит отметить, что женщины в ленинградских вузах и эмигрировавшие в Париж подвергались дискриминации по половому признаку. Так, они высмеивались за отсутствие женственности, карьеризм, недостаток физической силы, чрезмерную эмоциональность и невыполнение обязанности жены и матери. Женщины в эмиграции также подвергались дискриминации из-за того, что являлись эмигрантками. В результате, как в Ленинграде, так и в Париже, женщинам было сложно строить свою карьеру в высшем медицинском образовании.

Список литературы

1. Баркова О.Н. Женщины русского зарубежья (1917–1939 гг.): сохранение национально-культурной идентичности // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2012. № 5. С. 108–127.
2. Бальная газета. Медицинское обозрение. 1911. №2. URL: <https://www.lspbgnu.ru/images/home/universitet/izdatelstvo/Pulse/1911/...pdf>.
3. Валькова О. Штурм цитадель науки. Женщины-ученые Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
4. Гладких П.Ф. Призыв женщин-врачей на действительную военную службу в России в годы Первой мировой войны // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья им. Н.А. Семашко. 2014. №. S1. С. 50–52.
5. Долгова Е.А., Стрельцова Е.А. «Добро пожаловать в клуб»: положение женщин в советской науке 1920-х годов // Социологические исследования. 2019. №. 2. С. 97–107.
6. Известия Ленинградского медицинского института, 1924. Пульс_1924_Известия_Ленинградского_медицинского_института.pdf
7. Мицюк Н.А., Белова А.В. Акушерский труд как первая официальная профессия женщин в России в XVIII – начале XX в // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 270–285.
8. Невоструев Н.А., Лядова В.В. Исторический опыт деятельности женщин в российской медицине // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 8 (62). С. 127–134.
9. Sivakumar M. Gender discrimination and women's development in India // MPRA Paper. 2008. No. 10901. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/10901/>

М.М. Рудковская

*Москва, Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова*

**Женский труд в эмиграции: профессиональная интеграция
русских эмигранток во Франции в контексте семейной истории
(1920–1930-е годы)**

Исследование посвящено изучению судеб русских эмигранток, членов семей моряков Черноморского флота России, которые покинули Севастополь в 1920 г. на кораблях русской эскадры.

С января 1921 по 29 октября 1924 г. русская эскадра (с моряками и их семьями) находилась на стоянке в Бизерте. В 1924 г., после дипломатического признания французским правительством СССР, эскадра была расформирована. Часть моряков вернулась в Советскую Россию, другие уехали на Балканы, третьи остались в Северной Африке. Некоторые из этих моряков добрались до Франции, обосновавшись в регионах, где уже сформировались русские колонии (Париж и юго-восток страны).

История белой эмиграции во Франции известна по множеству работ [2, 3, 7–9, 11–32], но русские военные моряки-эмигранты стали предметом внимания лишь нескольких специалистов [4, 6, 33, 34]. Опубликовано несколько статей о деятельности общественных организаций русских эмигранток, а также о русских домах моды в Париже [1, 5, 10]. Что касается пребывания в эмиграции жен, матерей, сестер и дочерей русских военных моряков, то их история все еще не написана.

Наше исследование ставит целью с позиций социальной и культурной истории проанализировать коллективные и индивидуальные биографические траектории этих женщин и возможности их профессиональной интеграции в регионах расселения русских эмигрантских общин в Тунисе и южной Франции в межвоенный период.

Нарушение привычного уклада жизни, материальные трудности, влияющие на организацию повседневной жизни в эмиграции, разрыв социальных и культурных связей усугублялись потерями близких и невозможностью вернуться на Родину. Помимо прочего, эти женщины разделили со своими мужьями, отцами и братьями – офицерами военно-морского флота – потерю элитарного социального статуса. В дореволюционном обществе жена, сестра или дочь флотского офицера не могла работать по найму.

В первой половине 1920-х годов профессиональная интеграция женщин оставалась слабой. Часть из них работали в секторе обслуживания – горничная, гувернантка, или на сельскохозяйственных работах. Однако в источниках встречается информация об одной учительнице и

двух медсестрах. Некоторые подключались к ведению небольшого семейного бизнеса или пробовали организовать свой собственный.

Однако несмотря на вышесказанное, русские женщины-эмигранты показали достойные примеры профессиональной интеграции в принимающее общество. Изучая биографии Любви Монастыревой, Серафимы Запольской, Нины Алениковой и многих других женщин, можно сказать, что, преодолевая многочисленные трудности финансового, социального и психологического характера, они сумели состояться как специалисты и сделать карьеру в межвоенной Франции, не слишком лояльной по отношению к женщинам-иностранкам.

Список литературы

1. *Белова Е.И.* Женщины в среде русской военной эмиграции (1920–1930-е годы) // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: Материалы XII международ. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН: в 2 ч. Калининград, 10–13 октября 2019 г. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, И.О. Дементьев, М.Г. Шендерюк. Калининград, 2019. С. 171–175.

2. *Ершов В.Ф.* Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. М., 2000. 294 с.

3. *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс М., 2004. 376 с.

4. *Климутин В.А.* Российская военно-морская эмиграция в 1920–1930-е годы: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 194 с.

5. *Крылова Н.Л.* «Есть женщины в русской Бизерте...». Эмигранты об эмигрантках // Восточный архив. 2017. № 2 (36). С. 77–88.

6. *Кузнецов Н.И.* Русский флот на чужбине. М.: Вече, 2009. 464 с.

7. *Панова М.А.* Русские в Тунисе. Судьба эмиграции первой волны. М.: РГГУ, 2008. 296 с.

8. *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008. 545 с.

9. *Рудковская М.М.* Русская военная эмиграция в Тулоне в 1920–1930-е гг.: проблемы адаптации и интеграции: дис. ... канд. ист. наук. М.; Брянск, 2019. 243 с.

10. *Рябова В.И.* Русская эмиграция в Африке в 1920–1930-е годы. М.: Макс Пресс, 2005. 190 с.

11. *Семенова О.С.* Русские дома моды в европейской культуре начала XX в. // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 20 (201). С. 66–69. (Философия. Социология. Культурология. Вып. 18).

12. *Сотников С.А.* Русская военная эмиграция во Франции в 1920–1930-е гг.: проблемы адаптации // Туризм и миграции. Вестник Московского государственного университета сервиса. 2007. № 2. С. 120–126.
13. *Сотников С.А.* Российская военно-политическая эмиграция во Франции. 1920–1945 гг. М.: ИИУ МГОУ, 2017. 164 с.
14. *Albera F.* Albatros. Les russes à Paris, 1919-1929, Milan-Paris, Cinémathèque française, 1995.
15. *Bagni B.* Mai 1921: Les émigrants du “Rion” à Ajaccio, Etudes corses, №49, 1999.
16. *Gama O.* Les étrangers aux Arcs-sur-Argens dans le Var 1872-1931, Mémoire de maîtrise d'histoire contemporaine, Univ. de Nice, 2000. 107 p.
17. *Bachelier P.* Les Russes Blancs dans le Var 1917-1939, mémoire de maîtrise, IEP Aix, 1979. 57 p.
18. *Gessain R., Doré M.* “Facteurs comparés d'assimilation chez des Russes et des Arméniens”, Population, 1e année, n°1, 1946. P. 99–116.
19. *Gousseff V.* L'exil russe. La fabrique du réfugié apatride (1920-1939). Paris: CNRS Éditions, 2008. 335 p.
20. *Guerra R.* Le dialogue qui n'existe pas: l'émigration russe et les intellectuels français // Nouvelle revue, 2009, n°257.
21. *Grey M., Bourdier J.* Les armées blanches, Paris, Stock, 1968.
22. *Fricero E.* Les Russes à Nice au siècle passé, Nice historique, 1952. P. 55–61.
23. *Ellis Leroy,* La colonie russe dans les Alpes-Maritimes des Origines à 1939, Nice, Serre, 1988. 205 p.
24. *Kaurinkoski K.* L'émigration blanche: Les Russes à Nice, Mémoire de DEA, Aix-en-Provence, 1992.
25. *Kovalevsky P.* La dispersion russe à travers le monde et son rôle culturel, Chauny-Aisne, 1951.
26. *Le Guillou O.* L'émigration russe en France, Boulogne-Billancourt et les usines Renault: lieux d'habitation et employées des émigrés russes dans l'entre-deux guerres // E. Guichard et G. Noiriel (ed.) Construction des nationalités et immigration dans la France contemporaine. Paris, Presse de l'École Normale Supérieure, 1997. P. 215–257.
27. *Ledré Ch.* Les émigrés russes en France, ce qu'ils sont, ce qu'ils font, ce qu'ils pensent. Paris: SPES, 1930.
28. *Martino E.* Les émigrés russes en France 1919–1939. Organisations russes. Mémoire de maîtrise sld de J-L. Van Regenmorter, Université de Paris IV, 1993.
29. *Ménégaldo H.* The Russians in Paris. 1919–1939, Paris, 1998.
30. *Pereira M.-F.* Les étrangers à Toulon, mémoire de D.E.S, Université d'Aix-Marseille, 1974. 148 p.

31. *Pietri M.* La communauté russe des Alpes-Maritimes durant l'entre-deux-guerres. Mémoire de maîtrise d'histoire contemporaine. Nice, 2004.

32. *Ross N.* Aux sources de l'émigration blanche, Paris, 2011.

33. *Thimon-Rudkovskaya M.* Emigration militaire russe en France: problèmes de l'intégration sociale et de l'insertion professionnelle (exemple de la communauté toulonnaise des années 1920–1930) // L'Europe et la Russie: problèmes actuels du dialogue. Brignoles, 2015. P. 14–18.

34. *Saibene M.* La flotte des Russes blancs. Rennes, 2008.

А.П. Фернандес

Москва, Российский государственный архив фотодокументов

Испанские учительницы в школах для испанских детей: проблемы межкультурного общения в рамках советской образовательной системы (1938–1940 гг.)

Проблема социальной адаптации испанских учителей, в том числе женщин, прибывших в СССР в результате гражданской войны в Испании, является одной из наиболее малоизученных. Одна из таких тем – роль испанских учительниц и воспитательниц в работе школ для испанских детей, их интеграция в советскую образовательную систему и общественную жизнь Советского Союза, проблемы морального и материального характера, с которыми сталкивались испанские учительницы попав в СССР в период перманентных государственных реформ школьного образования.

Для испанских школ с начала их организации кадры были особой проблемой, так как нужны были не просто квалифицированные педагоги, а люди, способные преподавать на испанском языке. Людей, свободно владеющих испанским, в СССР было крайне мало.

Испанские учительницы попали в СССР несколькими путями. Часть учительниц и воспитательниц сопровождала морские экспедиции испанских детей. Многие из этих молоденьких учительниц собирались в ближайшее время покинуть Россию и, по всей видимости, некоторым это удалось. Еще одна группа учителей, состоявших в основном из женщин, членов Всеобщего союза трудящихся, прибыла отдельно от детей по линии министерства образования республиканской Испании. Эта группа, согласно сведениям самих учительниц, указанным в анкетах, выехала из Барселоны 29 января и прибыла в СССР 12 февраля 1938 г. Добирались окружными морскими путями: из Барселоны через Париж и Лондон до Хельсинки, далее из Финляндии поездом до Ленинграда. Всего из прибывших в 1937–1938 гг. испанских преподавателей и воспитательниц в СССР остались 150 человек, которые до начала

Великой Отечественной войны работали в школах-интернатах для испанских детей на территории РСФСР и УССР [2, с. 453].

В детском доме № 7, открытом в Москве осенью 1937 г. при участии Народного комиссариата обороны СССР, с 1937 по 1939 г. работали четверо испанских педагогов, прибывших вместе с детьми весной 1937 г. В детдоме проживали 84 ребенка – 23 девочки и 61 мальчик. Большинству детей было от 7 до 15 лет.

Испанка Кармен Лопес Хименес преподавала математику. Она хорошо умела делать то, что как раз требовалось от учителя в советской школе: давать прочные знания. Кармен пользовалась заслуженным авторитетом в школе, так как была тактична, хорошо знала и объясняла свой предмет. Кроме того, она пользовалась доверием, так как была коммунисткой.

Коллективный портрет испанок-учительниц, несмотря на уникальность их судеб, показывает одну черту, характерную для большинства, – активная гражданская позиция, стремление сделать мир лучше. Далеко не все из них были членами компартии, что значительно осложнило их работу в Советском Союзе, где доминировало недоверие ко всему, что выходило за рамки официальной идеологии. Однако до поры до времени советские власти закрывали глаза на партийную принадлежность испанского персонала.

В предвоенные годы образование испанских детей было под пристальным вниманием Наркомпроса. Каждые полгода испанские школы направляли отчеты в НКП, которые содержали сведения об успеваемости учеников, характеристики, иногда лестные, а иногда и критичные, в адрес тех или иных педагогов.

Среди других детских домов для испанских детей наиболее полную картину содержат имеющиеся в нашем распоряжении довоенные отчеты детского дома № 1. Благодаря им можно хотя бы частично реконструировать учебный процесс, хотя эта реконструкция и носит фрагментарный характер.

В 1940/1941 учебном г. школа детдома № 1 имела 15 классов. Занятия проходили в две смены. В 1-м классе этой школы учились 28 детей. Преподавательница – Консепсьон Бельо Арроваль, профессиональная учительница начальных классов. Она родилась в Валенсии, это была совсем молоденькая учительница, ей было 22 года. К моменту приезда в СССР она отучилась в педагогическом институте и успела поработать в школе.

В отчете отмечалось, что дети читают «довольно хорошо, бегло, выразительно». Выразительность чтения объяснялась тем, что сама учительница «выразительно читает, часто читала детям вслух и при-

учала их слух к должному восприятию» [1, л. 4]. В этом классе дети читали вслух и приготовленные дома уроки.

Большое внимание в советских школах уделяли чистописанию. Именно уроки чистописания вызывали наибольшие затруднения у испанских учителей, так как «испанские учителя неоднократно заявляли, что в Испании их этому не учили», как отмечалось в отчет. Поэтому с учительницей пришлось провести «большую работу», чтобы объяснить ей принципы методики чистописания, так как она «даже понятия не имела о правописании букв, составе букв, элементах и так далее». В результате удалось добиться положительных результатов, так как дети научились прилично писать, правда, карандашом лучше, чем чернилами, так как в тетрадях по-прежнему попадались кляксы.

Во 2-м «А» преподавала испанская учительница Мери Суарес. Ей удалось достигнуть хороших результатов – дети читали «бегло, хорошо, пишут чисто» [1, л. 5]. Проверка показала, что с арифметикой у ребят этого класса тоже оказалось все в порядке: «Техника устного и письменного счета развита у учащихся хорошо, несколько слабее обстоит с решением задач». Впрочем, несмотря на успехи, испанская учительница все равно критиковалась за слабую методическую подготовку и слабое руководство внеклассным чтением. Последнее она объясняла дефицитом испанских детских книг [1, л. 5].

Учительницей 2-го «Б» класса была Анхелина (Лина) Фернандес Сапико, сопровождавшая морскую экспедицию по эвакуации испанских детей. Эта экспедиция покинула в сентябре 1937 г. порт Хихон и прибыла в Ленинград 4 октября. К моменту приезда Анхелина Фернандес была членом Союза объединенной социалистической молодежи, а один из братьев сражался в Испании на стороне республиканцев.

По оценке администрации школы, Лина Фернандес имела ряд преимуществ, по сравнению с учительницей параллельного класса Мери Суарес. Отмечалось, что Лина Фернандес много работает над собой, овладела русским языком, продолжает свое педагогическое образование в Советском Союзе: заочно учится в педагогическом институте на географическом факультет. В течение года под руководством учительницы дети изготовили ряд пособий по арифметике и испанскому языку, для своих воспитанников Лина организовала экскурсию на природу. В результате, по оценкам администрации школы-интерната, ребята из 2-го «Б» оказались более развитыми, чем их сверстники из 2-го «А».

Среди недостатков в работе учительницы указывались такие, как слабое внимание к состоянию тетрадей, и то, что она иногда проводила уроки «скучно, вяло», что отразилось на отсутствии дисциплины учащихся во время уроков.

На уроках учительницы Кончи Фернандес использовалась методика, характерная для испанской республиканской школы, – она была ярой сторонницей свободного воспитания. Все попытки воздействовать на нее со стороны руководства, чтобы интегрировать ее в систему советской школы успеха не дали. Конча Фернандес упорно стояла на своем. За свой либерализм она подверглась жесткой критике: «Работа, проводимая с ней на протяжении трех лет в детском доме руководством дома, партийными организациями, представителями Наркомпроса на практике дала очень незначительные результаты. Правда, часто в разговоре с вами она соглашается, вернее, делает вид, что соглашается, но на деле продолжает творить старое...» [1, л. 6].

Такой контроль за деятельностью испанской учительницы свидетельствует о боязни того, что в советскую школу могут проникнуть чуждые либеральные элементы. Всяческие новаторские идеи, да еще завезенные из-за рубежа, вызывали подозрение. Иностранцы учителя, имеющие свой взгляд на методику преподавания, считались в СССР профессионально непригодными, даже несмотря на наличие опыта работы и образования. Вот и Конча Фернандес за свое нежелание адаптироваться к принципам советского воспитания получила обвинение в непрофессионализме: «Наше глубокое убеждение в том, что она работать в советской школе не сможет, несмотря на наличие у нее образовательных данных к тому... Если учащиеся получают знания за 1-2 класс, то лишь благодаря воспитателю т. Филаткину, который вынужден был ежедневно подготовку домашних заданий превращать во вторую школу, то есть заново учить, переучивать, учить не только арифметике и письму, но также учить порядку и другим вещам» [1, л. 6]. Впрочем, в Наркомпросе отстранить от работы чересчур вольнолюбивую учительницу не спешили просто потому, что существовал дефицит учительский кадров, способных преподавать на испанском языке.

Перемены в личной жизни подчас не лучшим образом отражались на работе молодых учительниц. Трудности советского быта, забота о семье оставляли мало времени для полноценной подготовки к урокам и проверки тетрадей. Такое погружение в мир домашних забот в ущерб работе не поощрялось в советских педколлективах.

Так, от руководства испанской школы-интерната не ускользнул тот факт, что учительница 3-го «А» класса Элиса Сайс, работавшая ранее с большой инициативной, после замужества «ребят запустила». Отмечалось, что если раньше она живо, интересно проводила уроки, аккуратно проверяла тетради, тщательно готовилась к урокам, часто приходила за советом к русским опытным коллегам, то теперь ничего подобного не стало. «Сама она стала какая-то нервная, раздражительная, невы-

держанная. В классе часто кричит на ребят, дергает их. Уроки стали не теми, часто путала, а порой даже неверно объясняла арифметику, географию, естествознание... Дошло до того, что ей посылались на дом непроверенные за две недели тетради с предложением проверить их» [1, л. 7]. В результате четыре ученика этого класса были оставлены на второй год за неуспеваемость. По мнению руководства школы, в этом была вина Элисы, которая совершенно не помогала отстающим и не оставалась после уроков, ссылаясь на отсутствие времени и к тому же просила в будущем сократить количество рабочих часов.

Кармен Солеро, учительница параллельного 3-го «Б» класса, достигла, по мнению директора Н. Паншина, гораздо больших успехов, так как «лучше, интересней, методически правильной» других учительниц начальной школы проводила уроки арифметики...» [1, л. 7(б)].

Кармен Солеро Астуриано родилась в Валенсии 7 февраля 1915 г. Ее отец был каменщиком, потом поступил на муниципальную службу. В 1929 г. после окончания школы в 15 лет Кармен поступила в институт, где отучилась до 1933 г. Во время учебы Кармен удалось получить стипендию, к тому же ей приходилось работать машинисткой, чтобы помочь матери, так как отец к этому времени умер. Когда в 1930 г. была организована Университетская студенческая федерация, Кармен стала ее членом, заняв лидерское положение в студенческом комитете. В 1934 г. начала работать учительницей начальных классов в школе при профсоюзе железнодорожников. В тот же год во время забастовки была арестована и вместе с товарищами-коммунистами провела месяц в тюрьме. В 1937 г. была направлена в СССР партией и министерством просвещения для работы в детских домах для испанских детей.

Кармен Солеро в процессе проб и ошибок научилась тому, что требовалось от учителей советских школ – научить учеников анализировать и понимать задачи. Чтобы закрепить материал, учительница каждую неделю проводила контрольные. Результат не заставил ждать: большинство испанских детей ее класса научились свободно решать задачи из «Учебника арифметики для начальной школы» Н.С. Поповой.

Уроки арифметики являлись камнем преткновения для многих учителей испанских школ. Именно по этому предмету в испанском детдоме № 1 на станции «Правда» было больше всего неуспевающих – 49 человек. Хуже всего с арифметикой обстояло дело в 4-м «В» классе: семь человек не смогли выполнить задания единых контрольных работ и должны были повторно пройти испытания осенью. В отчете в Наркомпрос указывается главная, по мнению директора школы, причина столь плачевных результатов: «либерализм» испанской учительницы Кончи Бельо (которая, как мы помним, была одновременно учи-

тельницей начальных классов). Отметим, что испанские учителя начальной школы имели двойную нагрузку, так как им приходилось преподавать отдельные предметы в средней школе, и поэтому подчас не так тщательно готовились к занятиям, как от них требовало советское школьное начальство.

Учительницу обвинили в том, что она переводила учащихся из класса в класс с неполноценными знаниями, натягивая им оценки. Когда же ее ученики в четвертом классе не смогли решить задачи единых контрольных Наркомпроса: «...она была данным обстоятельством просто убита, затем после некоторой растерянности начала перестраиваться, и надо сказать, кое-чего добились... 9 человек ей вытянуть удалось» [1, л. 7(б)].

Кропотливый самоотверженный труд испанских учительниц, так мало оцененный их советскими коллегами, не пропал даром. И спустя многие годы после окончания школы, выпускники с благодарностью вспоминали своих педагогов.

Список литературы

1. Государственный архив РФ. Ф. А-307. Оп. 1 Д. 12.
2. *Inqueredo R. F. Los ninos de Russia, Critica, Barcelona, 2017. 505 с.*

М.Г. Шендерюк

Калининград, независимый исследователь

Образ советской женщины в журнале «Иллюстрированная Россия»

Обращение к материалам сайта-архива эмигрантской прессы (L'brarium.fr), где оцифровано 230 номеров выходившего в Париже в 1924–1939 гг. еженедельника «Иллюстрированная Россия» [1], находящегося в Русской общественной библиотеке имени И.С. Тургенева, позволяет получить представление о содержании издания, являющегося сегодня библиографической редкостью. Журнал знакомил читателя с повседневной жизнью соотечественников в России и за рубежом, публикуя не только литературные произведения известных отечественных авторов, но и многочисленные фотографии, карикатуры и шаржи.

Для определения того, как была представлена в издании советская женщина, удалось проанализировать 143 номера журнала за 1924, 1926–1928, 1930–1931, 1935 и 1939 годы. Выявленные номера представляют достаточно репрезентативную выборку как в количественном (всего вышло 748 номеров), так и в содержательном отношении.

Можно выделить несколько основных тем, к которым обращается «Иллюстрированная Россия», характеризуя повседневную жизнь советской женщины, – государственная, партийная и общественная деятельность, работа в городе и деревне, освоение новых профессий, учеба и ликвидация безграмотности, домашний быт. При этом, каких бы сюжетов не касался журнал, все они неизменно несут негативную коннотацию.

Отмечая, что женская эмансипация, в сущности, является здоровым движением, авторы издания настаивают на том, что в Советской России оно приобретает «уродливые формы»: «...есть женщина-городовой, есть женщина-солдат, – есть и «женщина у руля». На министерских и губернаторских местах, – разумеется, «без лести преданные» советской власти коммунистки. Приводим несколько портретов этих советских сановников в юбках» [1928, № 52, с. 13]. В заметке публикуются портреты члена коллегии наркомата труда Серинной, Председателя Смоленского губисполкома Калегинной, члена коллегии НКВД Искряннистовой, ответственного инструктора ЦК ВКП(б) Прищепчик и члена коллегии наркомата труда РСФСР Ивановой. Остается неясным, чем собственно нехороши именно эти дамы, оказавшиеся на государственных постах.

Журнал пристально следил за сколько-нибудь значительными событиями политической и культурной жизни, происходившими в СССР, нещадно критикуя советскую действительность. Так, в комментариях по поводу открытия в Москве в октябре 1927 г. второго Всесоюзного съезда работниц и крестьянок, писалось буквально следующее: «Делегатки съезда, являющиеся в большинстве случаев партийными агитаторшами, ничего общего не имеющие с женским населением деревни, возглавлялись престарелой Крупской и неукротимой Коллонтай» [1927, № 48, с. 5].

Убеждая читателей, что жизнь в СССР разительно отличается от жизни русских в изгнании, «Иллюстрированная Россия» представляет яркую портретную галерею советских женщин-работниц, занятых не свойственным им ранее трудом. Здесь мы находим женщин-судей («Соломоны в юбках») [1930, № 22, с. 4], женщин-полицейских на конном объезде [1930, № 50, с. 2], женщин-милиционерок в Тифлисе [1928, № 6, с. 2], «бабу-часового», представленную к полковому знамени [1931, № 15, с. 2], женщину-чекиста, начальницу железнодорожной станции, почтальона, трамвайного работника [1928, № 13, с. 1, 8, 9].

При этом убедительности в противопоставлении мужеподобной работницы-комсомолки и очаровательной русской эмигрантки добавляют карикатуры. «Была когда-то русская девушка, русская женщи-

на... Но советская власть сделала из нее пионерку, комсомолку, вузовку, милицейку, матроску, красноармейку – но так как товарищи наркомы остались, как были, мужчинами, то вот почему они теперь так любят ездить за границу» [1928, № 13, с. 3].

Следует отметить, что советские женщины-работницы противопоставляются не только эмигранткам, но и женам высокопоставленных советских чиновников [1928, № 13, с. 4–5]. Больше всего «достается» жене Луначарского, «самой элегантной сов-даме», актрисе Наталье Розенель [1928, № 52, с. 18].

Что касается повседневной жизни женщины в советском быту, то она по-прежнему тяжела, беспросветна и безрадостна. «Раскрепостим женщину!.. Создадим новую жизнь... Таковы лозунги... Безжалостный и бесстрастный фотографический аппарат советского репортера вскрывает, увы, совсем иную, далекую от этих красивых слов действительность», – читаем мы подпись под серией фотографий, рисующих картинки советского быта [1928, № 13, с. 7].

Журнал не хотел, и не мог, согласиться с тем, что, несмотря на все трудности, жизнь в Союзе как-то налаживается, что женщины являются не только активистками и пропагандистками, но и по-прежнему сохраняют статус жен и матерей.

«Иллюстрированная Россия» на протяжении всех пятнадцати лет своего существования оставалась непримиримой противницей советского строя и всего «советского» и всеми доступными средствами (острым полемическим пером, сатирой и карикатурой) обличала советскую действительность.

Список источников

1. Иллюстрированная Россия. 1924–1939.

Е.Б. Лопатина

Москва, Институт славяноведения РАН

Жены польских летчиков в Пакистане: профессиональная деятельность и повседневность

Польские диаспоры существуют в разных уголках земли, и одна из малоизвестных страниц истории польской эмиграции связана с деятельностью польских летчиков и их семей в Пакистане.

После Второй мировой войны польские военные летчики, которые не захотели вернуться в коммунистическую Польшу, получили возможность служить в Королевских ВВС Великобритании. А в 1948 г., когда пакистанский Верховный комиссариат в Лондоне объявил о

наборе обученных техников и пилотов на замену британцам, уехавшим после обретения Индией и Пакистаном независимости, около тридцати польских военных летчиков подписали трехлетние контракты с руководством Военно-воздушных сил Пакистана и переехали в эту экзотическую страну со своими семьями. В числе поселившихся в Пакистане летчиков был Владислав Турович со своей женой Зофьей и Ян Збигнев Микульский с женой Марией.

Информация о командоре Туровиче, сделавшем блестящую карьеру в ВВС Пакистана, его семье и о других польских специалистах, эмигрировавших после войны в Пакистан, была закрытой для Польши и в целом для стран советского лагеря до начала 1990-х годов. Впервые сведения о Туровиче появились в «Энциклопедии польской эмиграции», которая была издана в 1992 г. И лишь спустя 25 лет в журнале «Пшеглонд Полонийны» вышла в свет заметка профессора Торуньского университета Яцека Кнопика о Туровиче под заголовком «Забывтый организатор пакистанских ВВС» [3], информацию о котором он получил через польское Генеральное консульство в Карачи. Затем фигура Туровича была популяризирована за счет документального фильма, снятого Анной Петрашек по мотивам биографии польских летчиков в Пакистане, – «Польские орлята в небе Пакистана». В 2018 г. Анна Петрашек опубликовала книгу «Свобода под небом Пакистана» при поддержке посольства Пакистана в Варшаве [4]. А профессор Ягеллонского университета А. Глодовский в свое исследование включил и главы, посвященные женам польских летчиков Зофье Турович и Марии Янга-Микульской, которые также были профессиональными планиристками и инструкторами по летному делу [1, 2].

И Зофья, и Мария, как и их мужья, работали в ВВС Пакистана. Мария Янга-Микульская в апреле 1950 г. приехала к мужу в Пакистан, где стала первой женщиной-инструктором по планеризму в пакистанской авиации (RPAF). Мария была одним из организаторов Центральной школы планеризма (Central Gliding School) в Карачи. Она работала гражданским инструктором до 1956 г.: сначала в Карачи в качестве второго инструктора, а затем руководила планерным подразделением на авиабазе недалеко от г. Равалпинди, добившись очень хороших результатов в обучении молодых пакистанских летчиков.

Зофья Турович также, как и Мария, стала инструктором по планеризму и работала в Карачи и Равалпинди, позже, вплоть до выхода на пенсию в 1970 г., она преподавала математику и химию в американской школе в Карачи.

Если семья Микульских после окончания службы в ВВС Пакистана вернулась в Великобританию, то Туровичи решили остаться в Паки-

стане. Владислав Турович в 1967 г. был назначен исполнительным директором СУПАРКО (Агентство по исследованию космоса), кроме того, он входил в комиссию по исследованию урана. За свою деятельность Турович был награжден высшими государственными наградами Пакистана: *Тамга-я-Пакистан* и *Нишан-я-Пакистан*, а в 2005 г. на площади перед музеем ВВС Пакистана в Карачи был открыт памятник Владиславу Туровичу. Зофья Турович пережила своего мужа на 32 года, до своей смерти в 2012 г. она была активной участницей Полонии, ее заслуги перед Польшей были отмечены Министерством национальной обороны Польши: в 2006 г. ей вручили медаль Войска Польского за вклад в прославление доброго имени польской армии в мире.

Потомки Туровичей и сейчас живут в Пакистане, сын и внук Владислава и Зофьи Туровичей пошли по стопам своих родителей и также работают в ВВС Пакистана.

Следует отметить, что этот сюжет, связанный с судьбой польских летчиков и их семей в Пакистане, служит укреплению межгосударственных связей между Польшей и Пакистаном. И в современном Пакистане помнят о поляках, которые служили во благо молодого государства в первые десятилетия его существования. Однако в первую очередь вспоминают о заслугах Владислава Туровича и Яна Збигнева Микульского, в то время как фигуры их жен находятся в тени.

Список литературы

1. *Głogowski A.* Polskie orły and Himalajami. Kraków, 2011.
2. *Głogowski A.* They polished the Royal Pakistan Air Force. Kraków. 2016.
3. *Knopek J.* Władysław Turowicz (1908–1980): zapomniany organizator lotnictwa pakistańskiego // *Przegląd Polonijny*. 2006. R. 32, z. 1. S. 119–129.
4. *Pietraszek A.* Freedom under the Pakistani Sky. Warsaw, 2018.

Н.Ю. Масоликова

Москва, Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына

О женском, семейном, материнском в условиях эмиграции и новых жизненных перспектив (на примере российских эмигранток-интеллектуалок первой волны)

Специфическая женская составляющая российского научного зарубежья первой волны, как отдельный и особый элемент, до сих пор не получила должного внимания и полноценного анализа историков (в фокусе внимания большинства исследователей в основном находятся

биографии и научные труды отдельных широко известных ученых [1]). Образ российского научного зарубежья как малочисленной элитарной корпорации русскоязычных ученых, преимущественно мужчин, замкнутых в своей среде в ожидании возвращения на родину, по-прежнему доминирует в отечественных исследованиях.

Знакомство с восстанавливаемыми биобиблиографиями в рамках долгосрочного проекта биобиблиографического словаря «Женщины российского научного зарубежья» (около 400 имен) и проводимый Домом русского зарубежья с 2021 г. лекторий «Женские портреты русского научного зарубежья в XX веке» [2] демонстрируют нам мотивационно сложную, многослойную и весьма персонифицированную картину рассеивания, организации жизнедеятельности и научных достижений представительниц интеллектуального труда в российском зарубежье. Это несколько меняет доминирующие на сегодняшний день представления об исключительно политических причинах женской научной эмиграции, отсутствии независимых женских решений о смене места жительства (исключительно в составе семьи), о терпящих крах женских эмигрантских судьбах, особенно в вопросах профессиональной самореализации и карьерных возможностей.

Женская повседневность, способы самореализации, категории любви и дружбы, создание семьи или семейные устои, рождение или воспитание детей – смена реальности в контексте эмиграции, безусловно, повлекла за собой изменения в этих ключевых составляющих жизни женщины. Перед семьями встали множественные, порой весьма неординарные проблемы, особенно в ситуации неготовности/нежелания/принуждения смены страны – паспортно-визовые вопросы, материальный, национальный, языковой аспекты, физическое разделение семей, нередко «дистантное» родительство, проблемы вписывания имеющегося профессионального опыта в новый трудовой ландшафт или путь кардинальной смены поля деятельности, чаще всего с понижением социального статуса.

Учитывая масштабность «возвращенческих» настроений и надежд именно в первую волну эмиграции, происходили изменения в ценностных ориентирах супружества, деторождения, института семьи, дето-родительских моделях и приоритетных задачах воспитания. Нередко женщины «сковывали» себя бездетностью в качестве внутреннего ответа на неопределенность будущего, травмирующий опыт пережитого, сложные условия нового бытования или полную отдачу себя, вплоть до подорванного здоровья, на достижение достойного уровня жизни. Распад супружеских браков, потеря отношений учащались в ситуации либо постоянного стресса, либо резкого снижения уровня

жизни, либо вынужденной разделенности супругов расстоянием, иногда на уровне континентов. Разрывались межпоколенческие семейные круги, терялся «институт бабушек» в судьбах растущих в эмиграции детей, так как не всегда удавалось всем членам семьи эмигрировать в одну и ту же страну, либо революционная/военная/политическая ситуация разбрасывала родных в географии и времени. Женщинам приходилось проходить через потерю своими детьми русского языка, а соответственно и щемящую потерю прежней семейной общности в угоду вписывания детей в новый пласт окружающей реальности.

В то же время не менее значимы и интересны примеры женских вызовов окружению и обстоятельствам, смелые попытки конструирования нового будущего, построения новой себя. У мотивированных женщин появилась возможность получения недоступного на родине высшего образования, а также «непредвиденной» профессиональной самореализации, когда экстраординарные жизненные обстоятельства выталкивают тебя из зоны комфорта или привычного социально-культурного круга, заставляя осваивать абсолютно «новые территории». Именно так, еще будучи молодыми и не имея четкого занятия в жизни, вынуждено покинув состоятельных, именитых или уважаемых родителей, получив образование и поменяв несколько стран, русские женщины стали основательницами первых, впоследствии крупнейших в своих регионах центров русского языка и культуры на таких, порой неожиданных географических дистанциях, как Гавайи, Южная Африка или Австралия. Кроме того, именно в условиях эмиграции выкристаллизовались успешные женские карьерные траектории, начинавшиеся с весьма традиционных для того времени шагов – женщина следовала за мужчиной, за мужем, за его карьерой, оказываясь в итоге зачинателем нового, своего, авторского. Интересно, что, с одной стороны, проблема преодоления гендерных стереотипов, «стеклянного потолка» на профессиональном пути русских эмигранток была актуальна для некоторых наших героинь. При этом, важно отметить, что каждая из этих историй завершилась-таки женским успехом. С другой стороны, на пути своего роста и самореализации в эмиграции женщины встречали и совершенно обратное отношение – искреннюю дружбу мужчин-коллег, финансовое доверие организаций ими, мужчинами, возглавляемых, покровительство «мужей от науки» – научных руководителей.

«Непреднамеренное» миссионерство, служение идее и гуманизм как жизненная философия – то, что объединяет столь разные в деталях их повседневности портреты соотечественниц-интеллектуалок века минувшего, не изменивших себе, своей русскости.

Список источников

1. Ковалевская (урожд. Корвин-Круковская; Kovalevskaya) Софья Васильевна (1850–1891), математик; Гумаркина (Tumarkin) Анна (Анна-Эстер) Павловна (1875–1951), философ, историк философии; Шпильрейн (Spielrein) Сабина Николаевна (Нафтульевна) (1885–1942), психоаналитик, писательница и др.

2. «Женские портреты русского научного зарубежья в XX веке». Лекции в Доме русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2021–2022:

1) «Слабая женщина, сильная славянка». Елена Владимировна Анטיפова (1892, Россия – 1974, Бразилия).

2) «Сирота № 7». Ольга Николаевна Уварова (1910, Россия – 2001, Великобритания).

3) «Эжен и Элизабет Вольман – «пастеризованные» русские». Елизавета Вольман (1888, Россия – 1943, Аушвиц?).

4) «Африканские страсти баронессы Кандыбы-Фокскрофт». Елизавета Григорьевна Кандыба-Фокскрофт (1912, Россия – 1989, ЮАР).

5) «Между океаном и океаном: гавайская история Эллы Люри Визвелл». Элла Люри Визвелл (1909, Россия – 2005, США).

6) «Особый случай» Веры Миллер-Лебедевой в истории румынской науки». Вера Миллер-Лебедева (1880, Россия – 1970, Румыния).

7) «104 БУРОВские жизни». Нина Федоровна Бурова (1894, Россия – 1998, США).

8) «Осмелившаяся выжить. Розовые мечты и черный уголь Елены Антоновой». Елена Анатольевна Антонова (1904, Россия – 1995, США).

Е.А. Сорокина

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Некоторые повседневные стратегии жизни женщин-иммигранток в современной Швеции

Современное население Швеции достигло почти 10,5 млн человек, из которых около 2,5 млн (почти четверть населения) – это те, кто родился вне Швеции или имеет хотя бы одного родителя-иностранца [8]. Считается признанным фактом, что прежде гомогенная в этническом плане Швеция уже стала мультиэтничной страной [7].

На протяжении последних десятилетий, и в особенности во время «миграционного цунами» 2015 г., Швеция приняла, обустроила, обес-

печила жильем и пособиями, предоставила широкие возможности значительному количеству беженцев и иммигрантов. Только в 2015–2016 гг. такими беженцами было подано более 150 тыс. прошений на оформление разрешений пребывания в стране; сейчас этот показатель – около 20 тыс. заявлений ежегодно.

Растущее число мигрантов и беженцев, остающихся жить в Швеции вместе с семьями, требует все больше финансовых затрат из различных общественных государственных фондов и решения задач успешной интеграции вновь прибывших в шведском обществе. Гражданское общество со вниманием относится к функционированию медицинской и социальной систем страны в контексте постоянно растущих расходов на содержание вновь прибывших и зачастую неработающих мигрантов.

В шведские административные органы иммигрантами подается значительное количество прошений на получение разрешений по линии воссоединения семей – приглашение жен, матерей, сестер. И эта ситуация уже имеет непосредственное отношение к женщинам из иммигрантских семей. Как правило, первыми в страну разными путями прибывают молодые мужчины, которые легально оформляют свое пребывание, получают социальную помощь и пособия и остаются жить в Швеции. Они, как правило, поселяются в районах своих этнических диаспор, где шведский язык им практически не требуется, и они его не изучают. Существуют многонаселенные мигрантские анклавы, в первую очередь, в самых крупных городах страны – Стокгольме, Мальмё, Гётеборге. В таких этнических анклавах крупных городов идет своя жизнь и зачастую по нормам, традициям и устоям страны исхода мигрантов. Здесь востребован язык страны исхода [3]. Аналогично действуют и традиционные для мусульманских стран нормы отношения к женщинам, их роли в семье и обществе. Пользуясь различными источниками, можно получить представление о составе проживающих в Швеции иммигрантов из разных регионов Африки, Ближнего Востока. Арабы составляют около 450 тыс. человек, курды, иранцы, сомалийцы – приблизительно по 100 тыс. человек, афганцев около 60 тыс. человек [5].

Женщины-иммигрантки, прибывшие в Швецию из арабских, азиатских, африканских стран, уже имеющие детей и семью, здесь также продолжают заниматься только семьей и детьми, домашними и семейными делами, хозяйством. Они много и с удовольствием общаются на языке своей родины со своими соотечественницами-соседками и продолжают жить в традиционном и привычном для них мире, но обустроенном и воссозданном уже в новой стране их пребывания. По ста-

тистическим данным, уровень рождаемости среди таких женщин-иммигранток значительно выше, чем среди шведок, и они совсем не стремятся изучать шведский язык или каким-либо образом принимать участие в общественной жизни страны [4].

Этим женщинам очень непросто устроиться на работу по ряду причин, в том числе связанных с их бытовыми и жизненными принципами и нормами жизни. Они, соблюдая традиции своей культуры, не соглашаются на работу, которая считается традиционно мужской. Обычно у этих женщин из-за низкого уровня их образования минимальная квалификация, отсутствие знания шведского. По некоторым данным, почти каждая пятая женщина-иммигрантка – безработная [9]. Исследования демонстрируют всплеск рождаемости у женщин-иммигранток, прибывших с Ближнего Востока, Африки – стран с традиционно высокой рождаемостью [2].

Несмотря на сложности процесса полноценной интеграции женщин-иммигранток – «новых граждан», в принимающее шведское общество, существуют очень вдохновляющие примеры успешной и активной самореализации женщин из иммигрантских семей. Такие примеры наглядно свидетельствуют, что женщинам-иммигранткам, имеющим самое разное этническое происхождение и религиозные убеждения, для самореализации и достижения каких-либо целей необходимо иметь собственное желание учиться, принимать участие в общественных процессах и становиться активным и независимым членом шведского общества. Поддержка со стороны государства проявляется в возможности бесплатного обучения, создания благоприятных условий и возможностей для саморазвития и продвижения в обществе.

Можно увидеть немалое число «шведов с нешведскими, иностранными, корнями» (самих иммигрантов или их потомков) среди депутатов риксдага, в составе правительства, в сфере бизнеса, науки, искусства. Одним из последних интересных примеров такой карьерной самореализации потомков недавних иммигрантов является 26-летняя Ромина Пурмохтари (иранского происхождения), министр климата и окружающей среды [6]. Лидером Левой партии (коммунисты) в 2022 г. стала Мернуш «Нуши» Дадгостар (Mehrnoosh «Nooshi» Dadgostar), родившаяся в Швеции в семье иранских иммигрантов [5].

Отметим, что движение иммиграционных потоков и их последствия представляют целый комплекс довольно серьезных проблем, в том числе и социальных. Тем более, что характер сегодняшней миграции в Швецию претерпел значительные изменения по сравнению, к примеру, с серединой XX в. В то время в Швецию приезжали из соседних северных регионов грамотные и образованные, близкие по

языку и культуре, трудовые мигранты в поисках работы. Это касалось и мужчин, и женщин. В 1970-е годы качественный характер миграции стал меняться, и в Швецию стали прибывать беженцы из дальних регионов мира, зачастую плохо или малообразованные, не имеющие достаточных профессиональных навыков. И в этом контексте отмечается недостаточная, очень слабая включенность женщин-иммигранток в шведский рынок труда [1, с. 113].

Подробное изучение того, как живут женщины-иммигрантки в Швеции, что делают, работают ли, как ведут домашнее хозяйство и прочие подобные вопросы довольно сложно исследовать. В Швеции отсутствует практика сбора и использования информации у респондентов по этническим и религиозным вопросам. В различных социологических опросах, анкетах таких вопросов просто нет. Этнические диаспоры и происходящие в них явления и процессы закрыты от посторонних глаз, что очевидно. Значительная часть женщин-иммигранток, прибывших из мусульманских стран, проживает в «своих» анклавах по привычным и принятым в их странах исхода нормам и правилам, занимаясь только домом, мужем, детьми, ведением домашнего хозяйства и имея довольно ограниченные контакты с внешним шведским миром.

Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ ИЭА РАН «Культурно-сложные общества: анализ мирового опыта».

Список литературы

1. Волков А.М. Миграционные потоки в странах Северной Европы // Вестник Дипломатической академии МИД РФ. 2020. № 1(23). С. 113.
2. Новости Швеции. URL: <https://dzen.ru/a/ZFEriKk4bW9SaWgI>
3. Сорокина Е.А. Опыт социокультурной адаптации «новых граждан» Швеции // Материалы международной научной конференции, 2–4 апреля 2020 г. / отв.ред. В.А. Верременко. СПб., 2020.
4. Får utrikes födda fler barn? Scb.se // Statistika Centralbyrån october 2018.
5. EurAsia Daily. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/02/14/kak-plamennaya-kurdsкая-kommunistka-vybrala-shvecii-premer-ministra>
6. Khovar. URL: <https://khovar.tj/rus/2022/10/26-letnyaya-devushka-iranskogo-proishozhdeniya-stala-samym-molodym-ministrom-v-istorii-shvetsii/>
7. Sverige i siffror. URL: <https://www.scb.se/hitta-statistik/sverige-i-siffror/manniskorna-i-sverige/sveriges-befolkning> .

8. Valfärdedens förutsättningar. Arbetsmarknad, demografi och segregation. Stockholm, 2000. SOU 2000: 37.

9. Ruletka.se. 29.05.2022. URL: <https://ruletka.se/2022/05/29/shveciya-zapustila-mezhdunarodnuyu-infokampaniyu-po-zapugivaniyu-immigrantov>

Т.П. Тетеревлева

*Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова*

«Русские жены» в Норвегии рубежа XX–XXI в.: специфика репрезентации в норвежских масс-медиа и исследованиях

Феномен «брачной эмиграции» из постсоветского пространства достаточно давно изучается как российскими, так и зарубежными исследователями, в том числе в странах Северной Европы [3]. Интерес к данной теме в Норвегии объясняется тем, что страна, в первую очередь ее приграничные северные области, в кризисные для России 1990-е годы стали регионом активных кроссграничных миграций, среди которых брачная эмиграция из России занимала одно из первых мест. К 2008 г. 82% иммигрантов из России в Финнмарке (северной губернии Норвегии) составляли женщины, и большинство женщин получили вид на жительство в результате брака с норвежскими мужчинами [2].

В исследованиях повседневной жизни женщин, которые состоят в межнациональных браках, важное место занимает изучение представлений о них, существующих в обществе, в том числе тех, что воспроизводятся и формируются средствами массовой информации. Эти представления во многом основаны на стереотипах, которые выступают способом придания смысла социальной реальности и своего рода инструментами категоризации, навигации в повседневной социальной жизни. Для русско-норвежских браков такие стереотипы, как правило, имели особое значение: законодательные, экономические, языковые ограничения, существенно сокращавшие возможность по-настоящему узнать личность партнера до брака, приводили к тому, что в браке обе стороны начинали «играть роли на основе своих соответствующих наборов стереотипов» [4, с. 64].

Норвежские исследователи отмечают, что в отношении «русских жен» в Норвегии в 1990-е – начале 2000-х годов сложилось три основных набора стереотипных представлений. Лишь один из них представляет женщину в качестве активного актора – это репрезентация, связанная с образом хладнокровной расчетливой материалистки, манипулирующей добрым, но наивным норвежцем. Следует отметить, что

данные стереотипы – одни из самых ранних, их активное появление в норвежских масс-медиа относится к началу 1990-х годов [1, с. 136].

Противостоят этому образу представления о «русской жене» как об идеальной домохозяйке, ориентированной на традиционное распределение гендерных ролей и патриархальную модель семьи. Данные представления нашли отражение (и формировались) прежде всего на ресурсах, связанных с брачными агентствами, и сайтах знакомств. Автор одного из комментариев на таком сайте следующим образом воспроизвел эти стереотипы: «Шкала приоритетов у русской женщины такова: сначала она жена, потом мать, а уже после этого она думает о карьере. Те же традиционные ценности, которые вы найдете у своих матерей и бабушек, русские женщины до сих пор несут с честью и гордостью. Они любят заботиться о своих мужьях и позволяют своим мужьям заботиться о них, и это не считается слабостью. В России считается признаком благополучия, когда жена может сидеть дома, и социальный статус домохозяйки высок» [6, с. 109–110].

Ещё одна группа стереотипов связана с репрезентацией «русской жены» как пассивной жертвы патриархального насилия. Она нашла отражение не только в масс-медиа, но и во многих исследованиях второй половины 1990-х годов, часть из которых подвергалась обоснованной критике за отказ женщинам в самостоятельности, признании их лишь теми, кто нуждается в опеке и защите [5].

Наборы стереотипных представлений оказали существенное влияние не только на восприятие норвежским обществом «русских жен» в первые два постсоветских десятилетия, но стали важной частью исследований и медиа-репрезентаций постсоветской российской диаспоры. В этом контексте они, несомненно, заслуживают дальнейшего изучения.

Подготовлено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-00768 «Фундаментальные проблемы трансформации образа русского «Другого» в контексте межгосударственного соперничества в Арктике в XX – начале XXI вв.»).

Список литературы

1. *Brekhus H.* Transnational marriages in the north: Legal issues of Russian women married to Norwegian men // *Nordic Journal on Law and Society*. 2017. Vol. 01. No.01-02. P. 135–154.
2. *Kvidal T., Lie I., Nygaard V.* Russiskarbeidskraft i Finnmark // *Norut Notat*. 2008. No. 1001. P. 19–20.

3. *Moen N.* Hjemme blant fremmede og fremmede hjemme: russiske kvinners identitetskonstruksjoner i en flerkulturell kontekst // Nordisk Østforum. 2011. Vol. 25. Issue 4. P. 369–386.

4. *Sahib P.R., Koning R.H., van Witteloostuijn A.* Putting your best cyber identity forward: An analysis of ‘Success Stories’ from a Russian Internet marriage agency // International Sociology. 2006. No. 21. P. 61–82.

5. *Skilbrei M.-L., Tveit M.* Blurred Boundaries and their Consequences: Exploring Trafficking through Empirical Work // Gender, Development and Technology. 2008. No. 12.

6. *Tyldum G., Tveit M.* Someone who cares: A study of vulnerability and risk in marriage migration from Russia and Thailand to Norway // Fafo Report. 2008. No. 26.

Научное издание

**Семейное, женское, повседневное
в историко-антропологическом измерении**

Материалы XVI Международной научной конференции
Российской ассоциации исследователей женской истории
и Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Часть 1

Ответственный редактор

Н.Л. Пушкарева

Составители

А.И. Громова и А.В. Жидченко

Утверждено к печати Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Редактор *О.И. Мальцева*

Художник *Е.В. Орлова*

Компьютерная верстка *О.И. Мальцева*

Подписано к печати 29.08.2023.
Формат 60x84 1/16
Усл. печ. л. 25,6. Тираж 300 экз. Заказ № 232

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии РАН
119334 Москва, Ленинский проспект, 32а